

**Кемеровская государственная
медицинская академия**

Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ**

Москва 2006

**ГОУ ВПО Кемеровская государственная медицинская академия
Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию**

**Серия
ЛЮДИ КУЗБАССА
Основана в 1998 году**

Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ**

Москва– 2006

ББК 63.3 (2) 615 + 63.3 (2) 615. 4
УДК 372. 893

Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. Москва, 2006. – 523 с.

Научный редактор Заслуженный деятель науки Данилов А.А.
Литературные редакторы Куделин А.А., Николаева Л.К.

В книге представлены почти 150 документальных рассказов очевидцев коллективизации, которые раскрывают трагедию российского крестьянства в XX в. Устные документы повествуют о падении материального уровня крестьян, формировании системы советского внеэкономического принуждения, деградации нравственных устоев народа, утрате духа гражданственности. С помощью этих необычных для советской историографии исторических документов читатель получает возможность психологически вжиться во внутренний мир коренного перелома в деревне, более достоверно реконструировать данное историческое явление, глубже понять историческую, экономическую, социальную, культурную и политическую сущность процесса социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР.

Книга рассчитана не только на историков. Её материалы могут быть источником для исследователей в области социальной психологии, философии, культурологии, политологии. Писатели художественных произведений найдут в книге сотни сюжетов, которые специально придумать невозможно. Документальные рассказы заинтересуют особенно молодого читателя, который стремится самостоятельно познать историческую правду о социализме.

Долг составителей данного сборника предупредить, что чтение представленных устных исторических документов сопряжено с большим эмоциональным напряжением читателя.

© Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л., 2006

Эта книга - шестая в серии «Люди Кузбасса», которая предпринята кафедрой отечественной истории Кемеровской государственной медицинской академии и Кемеровским общественным научным фондом «Исторические исследования»:

1. Л.Н. Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев (1989-1998 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 1998. - 617 с.
2. Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания её очевидцев и архивные документы. М.: Пушкинская библиотека, 2000. - 239 с. (электронное издание).
3. Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М. - 2003. - 103 с.
4. Л.Н. Лопатин. Типичная история типичного российского рода (середина XIX – начало XXI вв.). Кемерово, 2003. - 104 с.
5. Н.Л. Лопатина. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005. - 137 с.
6. Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. Москва, 2006. – 523 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Тексты воспоминаний очевидцев коллективизации	18
Именной указатель очевидцев коллективизации (по порядку документов)	499
Именной указатель очевидцев коллективизации (по алфавиту)	503
Список архивных и опубликованных документов, прилагаемых в примечаниях	516
Именной указатель собирателей бесед	518
Послесловие	521

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга написана в научном жанре - «устная история» (“oral history”). Это второе, дополненное издание книги «Коллективизация как национальная катастрофа».¹ В отличие от первого издания книга содержит рассказы уже не 93-х чел., а 149 лиц преклонного и старшего возраста. Эти люди были очевидцами коллективизации и раскулачивания в основном в Кемеровской, отчасти Новосибирской областях и Алтайском крае, а также (в отдельных случаях) на Украине, Урале и др.

Факты, сообщаемые очевидцами грандиозного события, их суждения и размышления являются исключительно ценным историческим источником для изучения всей глубины разрушительных последствий социалистических преобразований в российской деревне. Перед читателем разворачивается трагедия крестьянства, деградация его нравственных устоев, утрата гражданственности, падение материального уровня, формирование системы внеэкономического принуждения. Свидетельства очевидцев раскрывают отрицательное влияние социалистической революции на культуру и экономику российского села.

Советскому исследователю гуманитарных наук, сформированному в условиях вынужденного двоемыслия, не дано было сочетать традиционный материал с материалом устного источника (“oral history”). Так как в годы тоталитаризма высказываться откровенно было опасно. Поэтому научная репрезентативность устного материала тогда была крайне мала.

Иное дело в 90-е годы, когда идеологические запреты были сняты, люди могли отвечать на вопросы исследователя без идеологического саморедактирования. Необходимость обращения к устному источнику обостряется особенно тем, что коллективизация и колхозное хозяйствование относится ко времени, который писатель А.И.Солженицын определил как «бесписьменные» годы, за которые всего «труднее собрать рассеянные свидетельства уцелевших».²

Герменевтический анализ углубленных интервью стал практиковаться не так давно и в России. В частности, Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН (руководитель проф. Г.Г.Дилигенский), опираясь на 20 таких интервью, изучал генезис сознания жителей

---

¹ Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания её очевидцев и архивные документы (Серия - «Люди Кузбасса»). М., Пушкинская библиотека, 2001. - 239 С. (электронное издание, грант ИОО №1BE011, www.auditorium.ru/books/477/doc_15.htm).

² А.И.Солженицын. Архипелаг Гулаг. Т.1. С. 89.

русских городов в 90-е годы.³ Углубленные интервью помогают исследователю психологически проникнуть во внутренний мир эпохи и на этой основе более достоверно реконструировать исторические события. Основоположник герменевтики Ф.Шлеймахер рассматривал психологическое «вживание» как метод, доказывая, что с его помощью можно понять прошедшие события даже более глубоко, чем осознавали сами их участники.⁴

Даже с учетом современных научных знаний об отрицательных последствиях коллективизации, по традиционным источникам (документам центральных и местных органов власти) нелегко оспорить перед многими историками «старой гвардии» господствовавший в советской историографии вывод об особой заботе партии и правительства о крестьянстве в рассматриваемый период. Например, известное постановление ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»⁵ свидетельствует о том, что власть покончила с насилием при создании колхозов. Но почему же 8 мая 1933 г. ЦИКу и СНК СССР пришлось принимать решение «О прекращении массовых репрессий в деревне»? Принятие Конституции 1936 г. ознаменовало, в том числе, победные успехи колхозов в решении экономических проблем страны. Но почему в сентябре 1953 г. пленум ЦК КПСС сделал вывод о неблагоприятном положении в сельском хозяйстве, «списав» на последствия войны лишь незначительную часть причин?⁶ Через пять лет (в декабре 1958 г.) пленум ЦК КПСС подвел почти блестящие итоги развития сельского хозяйства, указав на громадные достижения в области зернового хозяйства (результат освоения целины) и животноводства (результат создания кормовой базы – кукурузы).⁷ Как следствие этих успехов в развитии общественного производства продовольствия в 1959 г. началось ограничение личных подсобных хозяйств колхозников и рабочих. Но почему уже через два года пришлось повышать цены на продукты в целом на 30%?

Что же в действительности происходило в деревне в связи с отказом от единоличного ведения хозяйства и введения коллективного хозяйствования? На этот вопрос сложно найти ответ и в архивах,

---

³ См. Г.Г.Дилигенский. Русский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания. М.: ИМЭМО РАН, 1998. 134 С.; Человек в переходном обществе. М.: ИМЭМО РАН, 1998. 112 С. и др.

⁴ Х.- Г.Гадамер. Истина и метод. М., 1988. – 699 с.

⁵ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1972. С. 394-397.

⁶ См. КПСС в резолюциях... Т. 6. 385-391.

⁷ См. КПСС в резолюциях...См. Т. 7. С. 346-369.

документы которых за годы цензуры прошли такую селекцию, что даже в бывших «спецхранах» остались в основном материалы, подтверждающие версию власти о достижениях. Да и составлялись они в своё время исключительно осмотрительно. К примеру, в архивных материалах 30-40-х годов не удалось найти ни одного документа, в котором бы говорилось о голоде 1931-33 гг., 1946 г. Голода вообще как будто не существовало в природе. Это слово было табуировано до второй половины 80-х годов.

Видимо, поэтому и в XXI в. продолжают выходить в России книги об успешном развитии села благодаря коллективному хозяйствованию, имеющему лишь «отдельные недостатки».⁸ Но в таких книгах нет главного. В них нет ответа на вопрос крестьянки Екатерины Федотовны Трофимовой (1919 г.р.) из д. Новопестери Беловского района Кемеровской области: «До революции Россия была в состоянии прокормить себя. Она кормила и Европу. Куда это потом делось? У нас в деревне до коллективизации было изобилие всего. Мясо мы ели и отварное, и жареное и вяленое. В нормальном хозяйстве на зиму забивалось 8-10 туш скота. Рыба – любая. Блины – с икрой. Масло хранилось в бочках. Где всё это теперь?».

С конца 80-х годов в связи с критикой командно-административной системы стали выходить публицистические работы, авторы которых (Ю.Афанасьев, П.Бунич, Ф.Бурлацкий, Т.Заславская, Г.Лисичкин, А.Нуйкин, Г.Попов, В.Селюнин, Н.Шмелев, А.Ципко⁹) впервые не рассматривали колхозное строительство в столь оптимистических тонах. Радикальный пересмотр исторических, философских и экономических концепций коллективизации связан с работами В.П.Данилова и Н.А.Ивницкого, которые сначала опубликовали новый взгляд на коллективизацию¹⁰, а затем издали в 1990-1991 гг. новые документы о кооперативно-колхозном строительстве.¹¹ Под их редакцией в 1999 – 2003

---

⁸ См. Летопись сельского хозяйства Кузбасса. Кемерово, 2001

⁹ Их работы, опубликованные в журналах и газетах (1987-1989 гг.), были изданы отдельной книгой - Обратного хода нет. Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки. М., 1989, - 543 с.

¹⁰ Данилов, В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 315 – 347.

¹¹ Кооперативно-колхозное строительство в СССР 1917-1922. Документы и материалы. Отв. ред. В.П. Данилов. М., 1990. - 400 с. ; Кооперативно-колхозное строительство в СССР 1923-1927. Документы и материалы. Отв. ред. В.П. Данилов. М., 1991. - 428 с.; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989. - 526 с.

гг. вышел фундаментальный сборник архивных и иных документов¹², над которым работала группа историков (40 чел.) России, США, Канады, Великобритании, Австралии, Южной Кореи.

Под влиянием новых данных менялись научные взгляды даже у таких специалистов по коллективизации сельского хозяйства Сибири, как П.Я.Гущин, который десятилетиями был известен как ведущий ученый в этой области.¹³ Освещению проблем коллективизации стало отводиться видное место в тематических сборниках, где широко использованы новые документальные материалы, ранее недоступные ученым.¹⁴

Ещё в 1992 г. Г.Г. Дилигенский, А.А. Кара-Мурза, Э.С. Кульпин, С.А. Королёв, Л.И. Новикова, А.С. Панарин, И.К. Пантин, В.Л. Перламутров¹⁵ пришли к выводу, что значительные социокультурные изменения, происшедшие в обществе за годы советской власти, станут большим препятствием на пути либеральных реформ. Нет оптимизма в безусловной и скорой успешности реформ и у Р.В.Рывкиной, исследовавшей российскую экономическую культуру, а также у В.С.Барулина, изучившего динамику личностных отношений.¹⁶ Эти и другие неупомянутые здесь исследования содержат более глубокую характеристику не только исходных социокультурных позиций, но и их динамику.

В этом отношении особо следует выделить работы А.С.Ахиезера и Е.Н.Старикова, в которых исследуются социокультурные проблемы российской истории.¹⁷ Философско-социокультурный взгляд на коллективизацию в СССР, влияние социалистических преобразований в деревне на менталитет и культуру крестьянского общества представлен в

---

¹² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. Т.1 М., 1999.- 878 с., Т.2 М., 2000.- 926 с., Т.3 М., 2001.-1008 с.

¹³ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-1980-е гг. Новосибирск, 1991, - 490 с.

¹⁴ Берлинтейгер Б.И. Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания. Кемерово, 1997, - 100 с.; Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII – XX веков Материалы «круглого стола». Кемерово, 2001, - 96 с.

¹⁵ Риск исторического выбора России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии – 1992. - №2. С. 3-27.

¹⁶ Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М., 1994. С. 239; Барулин В.С. Социально-философская антропология. М.: Онега. 1994. С. 253.

¹⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России) Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997, - 804 с.; Стариков Е.Н. Общество – казарма. От фараона до наших дней. Новосибирск, 1996, - 420 с.

монографии Н.Л.Лопатиной.¹⁸ В ней исследуется социальная среда российской деревни, как условие проведения коллективизации. Изучено падение трудовой культуры крестьян в колхозах. Показана традиционная деревенская культура и её деградация в результате культурной революции.

В советской историографии коллективизация трактовалась как столбовая дорога крестьянина к материальному изобилию и духовному совершенству. В конце 80-х годов отдельные авторы стали писать о коллективизации как о трагедии народа и первопричине хронического загнивания сельского хозяйства в Советском Союзе. Но ни в советское, ни в постсоветское время историков не заинтересовали рассказы очевидцев коллективизации как источника для изучения её истории.

Российскому историку особенно важно сочетать документальный письменный материал с материалом устного источника. Ведь он сформировался в условиях специфической практики документального языка (написано – одно, понимай — другое), привычки авторов к идеологической самоцензуре.

Устная история, как отрасль науки, не имела шанса получить развитие в годы советского тоталитаризма. Для жителя СССР писать мемуары, вести личный дневник, высказывать и тем более записывать откровенные впечатления о происходивших событиях было крайне неосмотрительно. Никто не мог поручиться, что эти материалы в «компетентных органах» не станут вещественными доказательствами антисоветизма их автора. В архивах порой можно встретить документ типа – «по данным сексота Иванова рабочий ... говорил...». И это «говорил» становилось причиной превращения автора высказывания во «врага народа» (20-50-е годы), пациента психбольницы (60-80-е годы) или просто в заурядного неудачника, у которого «почему-то» не складывалась служебная или научная карьера.

Советское время не было временем откровенности даже с самим собой, не говоря уж о собеседнике, который мог запросто оказаться секретным сотрудником органов госбезопасности. Следствием тотального контроля над мыслью стала фактическая утрата мемуарной культуры. И хотя в 60-70-е годы стали выходить воспоминания советских полководцев, деятелей культуры и науки, изредка хозяйственников, однако строго мемуарами эти произведения назвать трудно. Они писались либо специалистами из соответствующих научно-исследовательских институтов, либо подвергались такой жесткой цензуре и изъятиям, что

---

¹⁸ Н.Л.Лопатина. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005. – 137 С.

мыслей самого автора в них оставалось совсем не много. А часто «мемуары» писались по спецзаказу и должны были нести идеологическую апологетическую функцию.

Игнорирование устной истории происходило потому, что советские историки, занимаясь в основном историей КПСС, историей отраслей народного хозяйства, оправдыванием деятельности партии и правительства, по сути, не интересовались историей общества, влиянием происходивших событий на человека. Поэтому-то мимо них и прошла трагедия коллективизации, драма индустриализации, катастрофа культуры, деградация нравственных ценностей, утрата гражданственности, формирование антигуманного мировоззрения. Историки не заметили разрушительного влияния социалистических преобразований на культурный слой нации, который в годы реформ 90-х годов был бы способен передвинуть центр интересов государства с вопросов техники, экономики к вопросам культуры, интересам человека. Но не передвинул...

Правда, формально книги об истории социализма содержали немало устных «свидетельств» его строителей. Но всегда это были высказывания «передовиков производства», которые под наблюдением внимательных цензоров описывали счастье трудового энтузиазма. В них нет откровенных свидетельств тех рядовых тружеников, кто честно жил и работал, не помышляя ни о карьере, ни о возможности высказывания в печати.

К необходимости собирания рассказов очевидцев коллективизации составители данного сборника свидетельств пришли так. В 1996 г. опубликовали воспоминания людей преклонного возраста о своём жизненном уровне в годы социализма.¹⁹ Перед читателями предстали фрагменты рассказов бабушек и дедушек наших студентов, которые по просьбе кафедры записали воспоминания.

Проанализировав десятки таких устных документов, мы обратили внимание на нестандартную бытовую периодизацию, которой пользовались родившиеся до 20-х годов люди. В частности, ни разу не встретилось привычное нам словосочетание - «при царизме». Вместо него – «до германской войны». (Причем, «германская» и гражданская войны для них слились в одну.) Не слишком часто они прибегали к употреблению – «до войны 1941 г.». Вместо этого они говорили – «до колхозов». Предположив, что для советских людей глубина психологического шока от колхозов была более глубокой, чем от Великой Отечественной войны, мы сориентировали следующую группу студентов на опрос (по схеме) своих

---

¹⁹ Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина. Социализм глазами современника». Кемерово, 1996. – 36 С.

старших родственников по проблемам коллективизации и раскулачивания.²⁰

Нельзя сказать, что тональность рассказов очевидцев коллективизации была для нас неожиданной. Но мы, признаться, не ожидали почти единодушного осуждения её респондентами, вышедшими не только из «кулаков» (Кузбасс – край ссылки раскулаченных), но и из «бедняков». Конечно, встречались рассказы и защитников колхозов, но они оказались единичными. У нас не было уверенности, что такие

---

²⁰ Примерные вопросы очевидцам коллективизации: Ф.И.О. (девичью тоже указывать); год рождения; место рождения, место проживания на момент опроса; состав семьи родителей (возраст, пол), состав собственной семьи; с чем ассоциируется коллективизация; как выглядела деревня до коллективизации, во время и после; детские воспоминания о коллективизации, отношение родителей к ней, что говорили; кто такие кулаки, середняки, бедняки, отношение к ним; как проходило раскулачивание, кого раскулачивали (состав семей, имущество); что подлежало конфискации (имущество, провиант, постройки и т.д.); какие меры применялись к кулакам со стороны властей (высылка, штрафы и др.); куда выселяли, что разрешали взять с собой из имущества; был ли протест со стороны крестьян (формы, реакция властей.); кто из сельских жителей становился активистом, отношение к ним; поступали ли сведения от выселенных (письма, слухи); кто становился председателями колхозов, бригадирами, отношение к ним колхозников; были ли до колхозов какие-либо формы кооперации в деревне до колхозов; стол, быт, одежда крестьянина до коллективизации, во время и после; рабочий день колхозника (условия труда, продолжительность и др.), оплата по трудодням; воровали ли колхозное добро, считалось ли в народе, что это воровство; что такое «закон о колосках» и «горсти горохе»; были ли в доколхозной деревне пьяницы; правда ли, что колхозники мечтали о роспуске колхозов; были ли в деревне люди, которых «забрали» как врагов народа, что за люди это были; был ли в деревне голод, как питались в 1931-33, 1941-46 гг.; были ли в колхозе пенсионеры; почему колхозники не имели паспортов; как забирали мужиков на фронт, много ли вернулось с войны; стали ли лучше жить после войны; личное хозяйство колхозника (были ли ограничения, какие налоги, сколько времени уходило на его содержание); образование в деревне (много ли было грамотных, что значило быть грамотным, охотно ли обучались в школах дети и взрослые); клубы, «избы-читальни» в деревнях для чего они создавались, отношение к ним крестьян; была ли церковь в деревне, как часто её посещали люди, почему они туда ходили, как относились к священнику, учителю, почему закрыли церковь; говорили ли родители о политике, отношение к Сталину, другим руководителям страны; кто такие большевики, коммунисты; с чем родители сравнивали нищету в колхозе; кто в колхозе жил «справно»; судьба сестер, братьев опрашиваемого, остались ли в деревне дети; кто виноват, что деревня не может выбраться из нищеты до сих пор; сколько раз отдыхала на курорте, за границей; как сватались, женились, выходили замуж; через какое время после свадьбы купили мебель, холодильник, телевизор, машину и др.; в какую сторону изменилась жизнь в годы реформ 90-х; самое яркое воспоминание в жизни; пожелания внукам.

результаты могли быть следствием урбанизированного сознания подавляющего большинства опрашиваемых, ставших за прошедшие десятилетия горожанами.

Вот почему в августе 1999 г. в рамках деятельности общественного научного фонда «Исторические исследования» была предпринята специальная экспедиция по селам Кемеровского района: Подъяково, Черёмушки, Балахонка, Барановка и п. Щегловский. Была поставлена задача: опросить всех без исключения жителей, которые могли бы помнить коллективизацию (хотя бы по детским впечатлениям). Такая своеобразная выборка была бы для нас ориентиром. Ведь по закону случайных чисел среди опрошенных должны были бы оказаться выходцы из всех социальных слоев доколхозной деревни. То обстоятельство, что они не покидали своей родной деревни как постоянного места жительства, делало их суждения особенно ценными в понимании глубины и значимости общественных преобразований, проведенных за годы советской власти в крестьянстве.

Задача опроса всех жителей села, помнивших коллективизацию, оказалась выполнимой. К сожалению, родившихся до 30-х годов в живых осталось мало. В каждом селе (это были крупные сёла, кроме Черёмушек) остались неопрошенными только один – два – три человека (болезнь, отсутствие в данный момент дома). Рассказы пяти человек опубликовать стало невозможно в связи с тем, что не удалось преодолеть их недоверия и расположить к иному разговору, чем междометия и восклицания.

О трудностях склонить опрашиваемых к откровенному рассказу говорили нам и студенты, хотя они чаще всего беседовали со своими родственниками или знакомыми. Причину их излишней (а может быть и нелишней) настороженности легко понять из полушутливой фразы многих рассказчиков - «а что мне за это от властей будет?». Страх перед государством у людей ещё сохранился. Поэтому некоторые респонденты просили не указывать их фамилии, а некоторые даже и деревни, в которых они проживают. В книге они идут под «фамилией» N.²¹

В 134 документальных рассказах данной книги представлены 149 чел. в основном из Кемеровской, отчасти Новосибирской области и Алтайского края (по современному территориальному делению). Для сравнения даны несколько типичных рассказов бывших жителей Украины, Белоруссии, и др. Среди этих почтенных людей: 15 чел. родились в 1904-

---

²¹ Насколько мудры и дальновидны были респонденты, не желающие откровенно рассказывать о прошлом, стало особенно понятно уже в 2000-04 гг., когда в значительной степени восстанавливались советские порядки в отношении свободы слова.

1910 гг.; 54 чел. – в 1911 – 1920 гг.; 72 чел. – 1921 – 1930 гг., 8 чел. – после 1931 г. В числе респондентов 29 мужчин на 120 женщин. Их рассказы расположены по возрастному старшинству авторов. Сбор рассказов осуществлялся в 1996-2004 гг.

Для придания рассказам дополнительной исторической достоверности мы сопроводили некоторые из них документами из Государственного архива Кемеровской области (ГАКО), из сборников опубликованных документов. В них содержатся типичные данные или сведения, раскрывающие суть процессов, упоминаемых очевидцем. Публикуя архивные документы, мы не посмели исправить их лексику и орфографию. Хотя, признаться, очень хотелось. Скажем, в соответствии с правилами русского языка надо было бы убрать заглавные буквы в наименовании должностей и «контор» («Председатель Райисполкома», «Зам. Ответственного Секретаря Запсибкрайкома», «Уполномоченный РИКа» и пр.), расставить запятые и точки, согласовать предложения и т.п. Но не сделали этого, руководствуясь научными принципами. Документ есть документ! Его редактирование недопустимо.

По особенностям письма чиновников того времени читатель может многое понять не только об его авторе, но и о характере того времени. В частности, читатель должен убедиться, что жизнь и судьба многотысячного сибирского крестьянства находилась в руках вполне необразованных (но напыщенных!) «вождей». Можно представить, на каком интеллектуальном уровне находились непосредственные исполнители коллективизации в деревнях, если даже краевые, районные партийные и советские руководители, писавшие свои должности вопреки правилам русского языка с большой буквы, не могли вполне связно изложить свои указания и «информации». Нередко они писали на уровне известной притчи - «казнить нельзя помиловать». А ведь по директивам именно этих руководителей и действовали «низовые звенья».

Готовя к публикации рассказы очевидцев коллективизации, мы постарались сохранить «музыку» старинного слога (в значительном числе случаев мы располагали аудио- и видеозаписями). Литературная обработка чаще всего сводилась к устранению повторяющихся сюжетов. Пришлось также заменить некоторые характерные слова разговорной речи на литературные («церква» - на «церковь», «богатее» – на «богаче» и т.п.). Иногда по-другому выстраивали порядок следования основных и второстепенных членов предложения и пр. Исключили и вопросы, которые задавал интервьюер. Воздержались от публикаций эмоционально резких выражений. Выстраивали рассказ в хронологической последовательности.

Опыт выступления на научных конференциях показывает, что научная среда не всегда готова понять и принять доказательность выводов

и суждений, основанных не столько на традиционных источниках, сколько на устных свидетельствах очевидцев событий. Субъективны ли свидетельства очевидцев в качестве исторического источника? Думается, что не многим более чем, скажем, «отчет о социалистическом соревновании в колхозе...», или «постановление бюро обкома КПСС о ..., отложившиеся в архиве и почитающиеся учеными в качестве безупречного и объективного свидетельства. Где больше искажений и необъективности – в воспоминаниях очевидца, записанных на диктофон, или в документах, конъюнктурно составленных для «вышестоящих»?

Можно понять недоверие к воспоминаниям. В советское время ни передовая доярка, ни выдающийся хозяйственник или конструктор, ни маршал не могли достоверно передать событие. Мемуаристы выполняли социальный заказ власти. Престарелому же, скажем, колхознику или рабочему, рассказывающему о своей жизни в условиях наступившей в 90-е годы свободы слова, нет необходимости ловчить перед исследователем. Комплекс примерных вопросов должен быть исключительно простым для ответов, не требующим большого напряжения памяти. Не думается, чтобы человек уж сильно ошибался из-за свойств памяти (о чем знают социальные психологи), воспроизводя детали своего труда в колхозах («от зари до зари») и издевательской оплаты по трудодням.

При использовании бесед не ставилась задача поразить читателя «жареным» фактом (в алтайской деревне, например, утопили в проруби 200 репрессированных мужиков). Сибирскому источниковедению известны и более поразительные примеры.²² Через судьбы людей важно представить судьбу общества, пережившего национальную катастрофу в связи с коммунистическим экспериментом 1917-1991 гг.

В катастрофах не бывает светлых сторон. Это всегда хаос и трагедия. Можно, конечно, в железнодорожной катастрофе, описывая гибель людей, искореженный металл, одновременно восхититься мощью механизмов, солнечной погодой, пением птиц, голубыми глазами машиниста, по вине которого и произошла авария. Но нравственно ли это? Разумеется, нет! Как и не нравственно современное требование к исследователям советского периода непременно находить и отражать положительные страницы в мрачной истории коммунистического тоталитаризма.

---

²² См. Принудительный труд. (составитель Л.И.Гвоздкова). Т. 1. Кемерово, 1994, - 287 с.; Принудительный труд. Т.2. Кемерово, 1994, - 247 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири (составители: С.А.Красильников, В.Л.Кузнецов, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пашенко, Р.К.Суханова и др.). Т. 1, Новосибирск 1993, - 341 с., Т. 2. Новосибирск, 312 с., Т.3. Новосибирск 1996. 303 с.; С.А. Папков. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 гг.. Новосибирск, 1997, - 272 с.

Что важнее для исследователя – собирать примеры достижений в индустриальном строительстве или изучать влияние этих достижений на судьбы человеческие, судьбу общества. Если озаботиться историей общества, то непременно придется отвечать на нежелательные для советских историков вопросы. Стало ли у человека больше товаров и продуктов в связи с рекордом забойщика Х и достижением доярки N? - или он отчаянно как бился, так и продолжал биться за физическое выживание, «доставая» всегда дефицитные продукты и товары? Стал ли человек нравственнее (чище, лучше) или морально деградировал (воровство, пьянство) несмотря на создание индустриального Кузбасса, строительство колхозов и успех «культурной революции»? Стало ли у человека больше свободного времени (по Марксу – главный показатель прогресса), или он вынужден был отправить жену на производство (одной зарплаты не хватало), сажать картошку, выращивать свиней, брать сверхурочные, чтобы семья могла как-то выжить? Стал ли человек более гордым, независимым гражданином в связи с превращением СССР в мировую сверхдержаву, или говорил «только шёпотом», «на кухне», заискивал перед всяким «вышестоящим», не смел выразить общественного протеста, покорно голосовал «единогласно», бездумно высказывал «одобряем» любой затее власти? Стал ли человек культурнее, или, несмотря на ликбез, десятилетку, техникум и вуз, растерял национальные традиции, утратил почтительность и уважение к деду и отцу как «пережиткам прошлого», «носителям мелкобуржуазной психологии»?

У историка нет права очернять или обелять историю. Он должен показывать «как это было», «что это было», «почему это было». Есть довольно простой способ не уклоняться как в сторону украшения, так и в сторону преувеличения негативных сторон исторических событий. Надо рассматривать события и явления советской истории через призму мирового цивилизационного опыта. Хотя Россия и находилась в условиях социального эксперимента, но она оставалась частью мирового сообщества. И поэтому в ней имели место быть процессы, аналогичные мировым. Вот и надо проследить эти аналогии.

Такой сравнительный анализ покажет наивность и неуместность стараний «биполярных» историков представить, скажем, стахановские рекорды за преимущества социалистической системы; колхозы и совхозы как лучшую альтернативу фермерским хозяйствам; борьбу с мелкобуржуазной психологией, религией и «пережитками прошлого» за

свидетельство качественного повышения культурного уровня советских людей и пр.²³

Корреляционные поправки материала устного изложения нетрудно провести с учетом традиционных источников и знаний, которые накопила наука. Подлинное понимание исторических событий, считал основоположник герменевтики Х.Гадамер, является не только репродуктивным, но и продуктивным отношением. Оно требует постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и историческим деятелем, учета всех исторических обстоятельств, связывающих их, взаимодействия прошлой и современной духовной атмосферы.

Чтобы понять явление истории, истолковать исторический текст, исследователь должен обладать «историческим пониманием, «предпониманием». Он должен понять историческую ситуацию, в которой живет сам, уяснить имеющиеся в нем самом «предрассудки», стремиться понять исторические обстоятельства, в которых разворачиваются события прошлого. То есть, ему надо «вжиться в текст», «чувствовать» его. И лишь на этой основе можно истолковывать, интерпретировать, оценивать исторические факты, события, процессы. Иными словами, к истине исследователь должен идти, ведя постоянный «диалог» «с текстом», с окружающим сегодняшним миром и миром истории. Предпонимание, интуиция, понимание, интерпретация, объяснение и т.п. – важные онтологические, теоретико-познавательные категории культуры, истории и в целом гуманитарных знаний.

Гносеологическая ценность философской интуиции фактически отрицалась советскими гуманитарными науками как субъективный метод.²⁴ Как фактически отрицалась и онтологическая ценность герменевтических методов советскими учеными, одними – более категорично,²⁵ другими менее однозначно.²⁶

Есть надежда, что со временем будет преодолена предубежденность ученых против устного источника, как полноценного исторического документа. Жаль, что время упускается, уходят из жизни те, на чьих глазах строился социализм. Устный источник должен стать для историка и

---

²³ Этот взгляд на изучение советской истории авторы представили в предисловии к своей книге Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе». М. 2003. Однако среди историков поддержки не нашли.

²⁴ См. Критика современных буржуазных теорий познания» Л., 1981. С. 151

²⁵ Б.Н.Бессонов. Герменевтика. История и современность // Х.-Г.Гадамер. Истина и метод. М., 1988. С. 22-23, 29-30, 35-36.

²⁶ См.П.П.Гайденоко. Проблема рационального на исходе 20 века // Вопросы философии. 1991. С. 3-14.

социального философа важнейшим при реконструкции исторических событий. На западе «устная история» (oral history) давно принимается как серьезная отрасль исторической науки. Советский человек воспитан на лживых установках о СССР как государстве с самым лучшим в мире социальным устройством. Поверив в вымысел, считал психолог Э.Фромм, люди перестают видеть действительность в ее истинном свете.²⁷

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто согласился рассказать о своей жизни. Все рассказчики, а также 112 наших студентов, опрашивавших их, включили свои имена в научный оборот, внесли свой замечательный вклад в понимание подлинной сущности социального эксперимента. Того эксперимента, из-за которого Россия, по выражению А.И.Солженицына, и потеряла XX век. Особая наша благодарность доктору исторических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки России Александру Анатольевичу Данилову, без научной поддержки которого трудно было бы реализовать этот нестандартный для российской науки проект.

Благодарим коллег по своей родной кафедре за критику и несогласие с нашей концепцией, что, надеемся, помогло нам усилить доказательность подаваемого материала. Особо благодарны Людмиле Казимировне Николаевой и Александру Александровичу Куделину, чье тонкое знание русского языка помогло нам с литературным оформлением книги.

Рассказы респондентов содержат в себе народную мудрость, знание которой, уверены, будет полезно для современников и потомков в освобождении их сознания от идеологизированных штампов.

*Леонид Лопатин,
Наталия Лопатина*

---

²⁷ См. Э.Фромм. Человек для себя. Иметь или быть? Минск, 1997. С. 247.

ДОКУМЕНТ №1

Рейник Елена Малофеевна родилась в 1904 г. в д. Мояны Яшкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал правнук Тризна Евгений в 1999 г. (п. Яшкино)

В нашей семье было шесть детей: три брата и три сестры. Работать начинали с малых лет. Помогали родителям. Мы знали, что работаем на себя, и поэтому на трудности никто не жаловался. Хозяйство у нас было среднее: четыре коровы, пять лошадей, свиньи, овцы, куры. Сколько их было точно, я не помню. Но помню, что отец со старшим братом успевали всё сделать не только в своем хозяйстве, но ещё нанимались на какую-нибудь работу к тому, кто был побогаче нас. Дом у нас был большой, добротный. В общем, жили небогато, но и не бедно. Никогда не голодали. Почитали стариков. Старшим в доме всегда был только мужчина. Даже если он был ещё мальчишкой (если не было из мужиков никого старше). С ним советовались, у него просили разрешения что-то сделать.

Я тоже работала с утра до вечера: то водила лошадей по борозде или сеяла зерно, то хлопотала по дому. Хлеб жали вручную. Вечером кормила скотину, доила коров. Летом драла лён и коноплю. Из конопляных зерен толкли масло. Лен вымачивали в реке, потом его обрабатывали и делали одежду.

Отца и старшего брата забрали на германскую войну. Они там и погибли. Нам было очень трудно! Но ничего, выжили! Работать приходилось пуще прежнего. Но, как говорится, глаза боятся, руки делают.

О революции узнали через два года, когда уже шла гражданская война. Брат ушел воевать за красных. Больше я его не видела. Когда к нам в деревню пришел Колчак, мать нас укрыла в лесу. Часть скотины нам удалось увести с собой в лес. Остальное забрали эти бандюги. Тогда почти вся деревня разбежалась. Наши дома пограбили. Слава Богу, хоть не сожгли. Когда они ушли, мы зажили почти как прежде. Затем я вышла замуж и переехала в другую деревню, Еловку.

У нас была коммуна. Её названия я не помню. Но жили мы там хорошо. Нам с мужем в коммуне удалось даже новый дом справить. Коммуна состояла из 25 дворов. Туда вошли хозяева со средним достатком. Те, кто был зажиточным, в коммуны не вошли. Бедняков в нашей деревне не было вообще. Земли мы объединили свои, да ещё брали в наём у зажиточных, потом зерном отдавали. Работали сообща. Лодырей в нашей коммуне не было. Мы на коммуну даже две грузовых машины купили. Машины работали на березовых дровах (тогда бензиновых не

было). Бревна пилили на небольшие чурочки, снимали бересту, кололи на мелкие поленца, сушили на специальной печке. Как проедет наша машина, так вся деревня в дыму стоит. Мы на этих машинах много грузов возили. Всё помочь лошадям.

Наша коммуна просуществовала лет пять или шесть. А потом большевики коммуны распустили. Стали нас в колхоз сгонять. Они говорили, что колхоз – это дело добровольное. А сами с ружьями приходили и всё забирали. В колхоз беднота отовсюду съезжалась. Им-то терять нечего было. А у кого хозяйство было, не торопился его отдавать.

Наш колхоз сначала назывался имени Бляхера или Блюхера. Говорили, что это генерал какой-то. А затем переименовали в колхоз имени Мичурина. В колхозе сразу стало трудно работать. Мы ведь и раньше не ленились! Но здесь всё было организовано так, что лошадей и быков заморили голодом. Машины, что у нас были в коммуне, быстро разломались, так как за ними смотреть стало некому. Телеги и те стали ломаться, так как были на деревянном ходу, не ремонтировались, а новые не покупались.

Председателем у нас был какой-то рабочий из города. Он земли раньше, видать, и в глаза не видел. Но ни с кем не советовался. Всё и пошло прахом. Несмотря на то, что мы работали много: летом - с утра до ночи в поле, а зимой нас отправляли лес валить. Работа на лесоповале - хуже смерти. А весной трудились на лесосплаве.

До колхозов у нас кулаки, конечно, были. Это была всего одна семья, которая жила в нескольких дворах. Но они не задавались, всегда с нами здоровались. У них были такие же машины, что и у нас в коммуне. Но телеги у них были на железном ходу. Лошади – добротные, породистые. Земли у них было много. Пастбища – отдельные. Они даже молотильную машину себе купили. Для нас это чудо какое-то было. Всей деревней ходили смотреть, как она работает. Мы-то вручную молотили. Потом они за плату для всей деревни молотили.

А как колхоз образовали, богатство у них и отобрали. А самих мужиков тут же за деревней расстреляли. Потом их тела в одну яму сбросили и землёй засыпали. А нам сказали, что их богатство на темноте и крови нашей сколочено. Но мы-то знали, что они работали много, вот и разбогатели. А потом один их тех, кто расстреливал, как-то в лес пошёл и сгинул. Искать его никто не пошёл. А другому ночью брюхо вилами пропороли. Виновного так и не нашли.²⁸

---

²⁸ О сопротивлении крестьян даёт некоторое представление документ в конце рассказа.

Помнишь, Женя, как три года назад ты возил меня в родную деревню. Там осталось только два фундамента. Остальное - травой поросло. Даже кладбища деревенского не смогли сыскать. Как тут не заплакать?! От речки Мояны остался небольшой ручей в полтора метра шириной. Но вода в ней такая же чистая и прозрачная. Не удалось нам найти и деревню Еловку, где наша коммуна стояла.

А ведь это родина моя!²⁹

Приложение (архивные документы):

Справка

Информационного отдела ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации в Московской области по материалам на 19 марта 1930 г и приложения к ней.

Не ранее 19 мая 1930.

Совершенно секретно.

[...] За 15 дней марта зарегистрировано 134 массовых выступления на почве коллективизации (в феврале - 92, январе - 4) с общим количеством участников 22180 человек. [...]

См. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. (ред. В.Данилов). М., 2000. С. 234.

---

²⁹ Один из составителей сборника опубликовал статью, в которой размышлял о непатриотичности политики коммунистической партии в Советском Союзе («Край», 20 февраля 2004 г. – « А любить надо маму и папу... Можно любить Родину, но не любить государство»). В одном из следующих номеров («Край», 12 марта 2004 г.) ему категорически возразил член ассоциации «Российские ученые социалистической ориентации», заявив, что политика КПСС была направлена на воспитание любви к родине. В качестве контраргумента «социалистическому ученому» редакция газеты полностью опубликовала данный рассказ Рейник Е.М.

ДОКУМЕНТ №2

Скопенко Варвара Петровна родилась в 1905 г. на украинском хуторе в Черниговской области. Рассказ записала правнучка Шайдирова Надежда в 1999 г.

Наша семья состояла из семи человек: отец, мать, две дочери и три сына. Родители были, как сейчас называют, середняками. То есть, жили не богато, но и не бедствовали. Работать не ленились, вот и жили справно.

В 18 лет меня отдали замуж. Мужа я увидела в первый раз, когда сваты пришли. Я любила другого. Гуляли мы с ним. Я и замуж за него уже было собралась. Но отец об этом и думать запретил. После свадьбы переехала жить к мужу. Да что там, собственно, переезжать было! Не то, что вы сейчас. Родителей стала видеть редко.

С мужем жили дружно. За всю жизнь мы с ним поругались только один раз. Поэтому я совсем не жалею, что отец выдал меня за него (его Иваном звали), а не за того, с кем я гуляла.

Муж со своими двумя братьевьями разрабатывали землю: выкорчевывали деревья, пахали. Мы там сеяли рожь. Хлеб был свой, скотина тоже своя.

Но не долго мы так жили. Когда советская власть стала к нам ближе подступать, муж с братом уехали в Сибирь. Мы побаивались этой власти. Не нравилась она нам и пугала. Ведь нас называли кулаками. А как с кулаками советская власть обходилась?! Один Бог знает, да те, кто пережил всё это! Кто такой кулак был в их понятии? – Наживший богатство на чужом труде. А на самом деле это был тот, кто своим горбом все заработал. А кто не работал, тот и беден был. Кто же ему мешал землю разрабатывать, пахать, сеять? Работал бы как следует, и он был бы богатым

Я одна дома была, когда раскулачивать пришли. А было-то у нас две лошади, четыре коровы, три свиньи, овец голов 10, куры да гуси. Пришёл председатель тамошнего новообразованного колхоза да два его помощника. Они, кстати, раньше в бедняках числились, в батраках всю жизнь ходили, своего хозяйства не держали. Забрали у нас лошадей, зерно. А коров с баранами должны были на следующий день забрать. Я, недолго думая, продала коров, перерезала баранов. Часть отдала родителям, часть продала, а что-то взяла с собой в дорогу. Поехала к мужу в Сибирь. Помню, брат мой младший, Вася, сильно со мной просился. Но я его отговорила. Ведь сама не знала куда еду... Потом очень желела, что не взяла его с собой. В войну потом его убили.

В поезде меня обокрали, украли чемодан с продуктами. Но люди добрые помогли.

Приехала я на Барзас. Там меня муж встретил. К тому времени он уже успел дом срубить, пасеку завести. Советская власть сюда пока не дошла. Но потом и в Сибирь пришла коллективизация...¹

Ивана моего забрали в 1941 г. на войну. А в 1942 г. я получила на него похоронку. Так и осталась я в свои 37 лет одна с четырьмя детьми. Ох, и трудно без мужа! Деваться было некуда, пошла и я в колхоз. Дети хоть и ходили в школу, закончили по четыре класса, но работали в колхозе наравне с взрослыми. В войну был голод, дети ходили в лес за грибами, ягодами.

Во время войны мужиков мало осталось в деревне. Не очень-то прибавилось их и после войны: большая часть мужиков погибла.

Женщина в то время забыла про себя. Она была и трактористом и пахарем, и дояркой.³⁰ Работали мы от зари до захода солнца. Некоторые не выдерживали, в город бежали. Да куда от власти убежишь?! Паспорта ведь нам не выдавали. Беглецов возвращали назад.

После войны вроде полегче стало. Старший сын и средняя дочь уехали в город. Дочь сначала было нанялась сиделкой у сестры нашего председателя колхоза. А потом в шахту пошла работать. А сын женился и уехал в другую деревню.

Как кто виноват, что деревня не может выбраться из нищеты до сих пор?!

Да тот, кто делал советскую власть и виноват!

---

¹ Курс на сплошную коллективизацию в Сибири действительно был определён позже, чем в западных областях страны. См. об этом директивный документ в конце рассказа.

³⁰ Курс на вовлечение женщин в производство начался в связи с индустриализацией страны в конце 20-х годов. «Женщина – на трактор!» наиболее показателен в этом плане официальный лозунг. Женщина вынуждена была отставить свои дела хозяйки дома и включиться в выполнение несвойственных ей функций, так как: зарплаты мужа не хватало на семью, но, главное, норма обеспечения по рабочей карточке была в среднем в два раза выше, чем по карточке иждивенца. В годы войны к этому добавился фактор отсутствия мужской рабочей силы. В годы первой мировой войны, в которой враг и союзники были одни и те же, женщина оставалась дома, в семье. Тогда мужчины справлялись со своей обязанностью и на фронте, и в тылу. Не было введено в 1914-1917 г. даже карточной системы. «Мы женщину унизили до равенства с мужчиной», - сказал про советскую эмансипацию поэт Е.Евтушенко.

Приложение (архивные документы):

Постановление

**президиума Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета
от 5 мая 1931 г. «О ликвидации кулачества как класса».**

Совершенно секретно

В целях дальнейшего вовлечения широких слоёв батрачества, бедноты и середняков в колхозы, организации новых колхозов, чистки от кулаков и укреплении существующих колхозов, а также усиления работ по обеспечению проведения второго большевистского сева и пресечения вредительской антиколхозной работы кулачества Записбрайисполком постановляет:

1. Провести в период с 10 мая по 10 июня с.г. экспроприацию и выселение кулацких хозяйств, исходя из ориентировочного расчета 40.000 хозяйств.

2. Экспроприации и выселению подвергнуть все твердо установленные кулацкие хозяйства и кулаков-одиночек из сельских и городских местностей края, а также кулаков, проникших в колхозы, совхозы, промпредприятия и советско-кооперативные учреждения.

Экспроприации и выселению не подлежат:

а) хозяйства красных партизан, действительных участников гражданской войны (участвовавших в боях, имеющих ранения или другие заслуги), хозяйства, имеющие членов семьи, находящихся сейчас в Красной армии;

б) все иностранно-поданные*;

в) кулаки - татаро-бухарцы;

г) кулаки – хакасцы и ойроты выселению подлежат на общих основаниях. Для проведения работы по выселению кулаков в указанных областях создать комиссию в составе т.т. Горбунова, Заковского и Зайцева И., которой поручить наметить особые сроки выселения кулаков-хакасцев и ойротов и разработать ряд практических и специальных мероприятий по массовой политической работе с учетом особенностей этих национальных областей.

О кулаках западных нацменьшинств вопрос разрешить дополнительно (кулаки-немцы подлежат выселению в соответствии с п. 2-м. настоящего постановления).

3. Выселить всех кулаков, оставленных на работах в промпредприятиях и строительствах, в места расселения их семей. Не подлежат снятию с работ кулаки, занятые на работах в Кузнецкстрое и

Энергострое, вопрос о которых разрешить дополнительно не позднее 1 июля с.г.

4. У выселяемых кулацких хозяйств подлежит конфискации:

- а) всё недвижимое имущество;
- б) продуктивный рабочий скот;
- в) сложный и простой сель. хоз. инвентарь;
- г) предприятия, сырьё и полуфабрикаты;
- д) хлеб и семена;
- е) ценности и вклады.

Категорически воспретить: раздевание, отбирание белья, необходимой одежды, присвоение кулацких вещей и т.п. (т.е. случаи мародерства и издевательства).

При выселении кулацких хозяйств не подлежит конфискации следующее имущество: одна лошадь, телега с упряжью, необходимый минимум земледельческих орудий производства (плуги, бороны, топоры и лопаты), предметы домашнего обихода, мануфактура, одежда, обувь (если количество их не выходит за пределы личного потребления), деньги до 500 руб. на семью.

Поручить Заковскому и Зайцеву И. составить перечень минимума земледельческих и других орудий производства, подлежащих оставлению у кулацких хозяйств.

Рабочий скот и земледельческий инвентарь, которые в момент отправки кулаков к месту выселения не могут быть отправлены из-за недостаточности железнодорожного и водного транспорта — обезличивается и передается через органы ОГПУ в колхозы на время сева. По окончании сева колхозы возвращают ОГПУ переданный им скот и инвентарь для отправки его выселенным кулакам в места их расселения.

5. За счет общего количества экспроприированного имущества и ценностей снабдить выселяемых двухмесячным запасом продовольствия (мука, крупа, соль). Остальную часть конфискованного имущества оценить и передать колхозам в неделимые фонды в качестве взноса бедняков и батраков, с предварительным полным погашением из конфискованного имущества причитающейся с ликвидированного кулацкого хозяйства задолженности государственными и кооперативным органам. Паи и вклады в кооперативных объединениях передать в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Все отобранное оружие передать органам ОГПУ. Сбережники и облигации госзаймов у кулаков отбираются и заносятся в опись, с выдачей расписки о направлении их в Райфинотдел.

6. Кандидатуры, намечаемые к выселению должны тщательно проверяться сельсоветах при участии ответственных представителей

Райисполкомов; прорабатываться на широких колхозных собраниях с привлечением батрачества, бедноты и середняков; затем проверяться и утверждаться специальными районными пятерками в составе – Секретаря РК, Пред. РИКа, Уполномоченного ОГПУ, Предрайколхозсоюза и краевых уполномоченных.

7. Предупредить РИКи и Горсоветы о привлечении к суровой ответственности всех лиц, допустивших искривления и перегибы при проведении экспроприации и выселении кулаков.

Обратить особое внимание на недопустимость экспроприации и выселения хотя бы одного середняка.

В случае, если будут допущены перегибы и искривления классовой линии, немедленно со всей решительностью исправлять.

8. Организацию и практическое проведение операции по выселению кулачества возложить на органы ОГПУ. Обязать ППОГПУ провести все необходимые мероприятия по предупреждению и пресечению контрреволюционных проявлений, могущих иметь место в связи с проведением экспроприации и выселения кулачества.

9. Выселение кулацких хозяйств произвести в малообжитые и необжитые северные районы края: Каргасогский, Чайинский, Колпашевский, Зырянский, Сусловский, Ново-Кусковский. Намеченные в указанных районах участки расселения утвердить (см. приложение). Обязать тов. Заковского и Райисполкомы перечисленных выше районов при расселении кулацких хозяйств не допускать ущемления интересов туземного населения.

10. Для элементарного освоения участков расселения отпустить из централизованного снабжения по нарядам Крайснаба продовольствие из расчета, представленного комиссией.

Обязать Сибкрайснаб, Сибкрайсоюз, Союзхлеб и Хлебживсоюз произвести своевременную заброску указанных продфуражных и семенных фондов в районы и сроки по указанию ППОГПУ.

11. Обязать Правления Омской, Томской жел. дорог и Госречпароходство* обеспечить своевременную подготовку и подачу необходимого транспорта для перевозки спецпереселенцев по заявкам ППОГПУ.

12. Обязать КрайЗУ немедленно выделить в распоряжение ОГПУ десять специалистов земельных работников.

13. Обязать Крайздрав обеспечить санитарно-медицинское обслуживание спецпереселенцев в пути следования и в места расселения.

14.Предложить Крайплану выделить в распоряжение ОГПУ потребное количество стройматериалов (кроме леса) для постройки больниц, бараков в местах расселения кулачества.

15.Разрешить Райисполкомам привлечение в районах, через которые будут двигаться гужем спецпереселенцы, для перевозки последних в порядке платной трудгужповинности - местного населения, в первую очередь те хозяйства, которые саботируют выполнение посевных планов.

П.п. Зам. Пред. Запсибкрайисполкома И.Зайцев
Зам. Ответств. Секретаря ЗСКИКа Сиротин
Верно: Врид. Зав. с/ч ЗСКИКа Юрасов. Подпись.
ГАКО. Ф. Р-71. Оп.1. Д.1992. Л.13-15.

Подлинник. Машинопись.

* Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №3

Михайлова Анастасия Захаровна родилась в 1906 г. в Алтайском крае.. Беседу вела Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования» (д. Балахонка Кемеровской области)³¹

Как здоровье, Анастасия Захаровна?

Спасибо! Не жалуюсь. Иной 57 лет, а у неё – здесь болит, тут колет. А у меня нигде не болит. Недавно вот упала (93 – всё-таки!), зашиблась, встала и пошла. Чего ныть-то!³²

Когда и где Вы родились, какое хозяйство было у родителей?

Я родилась в 1906 г. в Алтайском крае. Жила с матерью. Отец ушёл служить на действительную. Служил семь лет, вернулся, а в 1914-м г. снова ушел. Воевал на германской. Мама держала 2 лошади, 3 коровы, 12 овец, 12 гусей, 50 курей, 4 свиньи. Сама пахала. У нас было 16 десятин земли. Те, у кого 2-3 коровы, 2-3 лошади – это самые бедняки и считались. Богатые же те, у кого было лошадей 10-15. А кулаками считались уже те, кто держал по 50-70 лошадей, коров, имел заимку (это - как нынешняя дача), работников. Сибиряки – люди крепкие, зажиточные. В соседнем от нас селе Белоглазово, например, не зайдешь в какую-нибудь избеночку. У всех - настоящие дома.

На отца мы получили похоронку. А вскоре мама умерла. Осталась я от неё девяти лет и брат, который родился в 1913 г. Жили у тетки. А отец оказался живой. Он был в плену.

Вы помните, что было в гражданскую войну?

После германской войны мужики шибко боролись. С вилами ходили.

На кого - с вилами?

То на беляков, то на красных. Черт их не разберет! Красные придут то поросенка украдут, то овечку, а то и теленка сведут. Придут белые, - то же самое. Ну, как жить христианину?! Сколько же работать надо! Кто такие красные, кто такие белые - мы не разбирали.

Когда Вы вышли замуж, зажили богато?

Какое там! Держали две лошади, корову, быка, 6-7 овец. В 1926 г. мы с мужем вошли в коммуну «Завет Ильича». Из таких, как мы, бедняков, она и собралась. А отец мой вошел в неё ещё в 1920 г. В коммуне мы жили

---

³¹ Эта беседа опубликована: «Колхозы и советская власть перебили хорошую жизнь, нищету привели», - считает 93-летняя коммунарка. - «Наша газета» - 1999 - 10 сент.

³² В июле 2004 г. составители данной книги посетили Анастасию Захаровну в д. Подъяково, где она стала жить после того, как хулиганы сожгли её дом в Балахонке. Навстречу бойко вышла пожилая женщина (её трудно было назвать старухой) и приветливо сообщила, что её «с грядки сорвали», которую она полола.

хорошо. У нас и школа своя была - 11 классов. Работали с 8 утра до 8 вечера. Придешь домой, а там тебя ждёт баня, ужин, белье, приготовленное техничкой. Скинешь грязное, помоешься, наденешь чистое. У каждой семьи была своя комната в бараке.

Как в хорошей гостинице?

Про гостиницу твою - не знаю, но в коммуне жили справно. Но в 1931 г. нашу коммуну разбили и перевели на колхоз. Богатая была коммуна.

Кто разбил?

Да власть и разбила. Знаете, такая борьба была! Людей убивали! Убили в 1928 г. и моего первого мужа. Прямо в грудь застрели, через окно в конторе. Он у меня писарем был. Сказали, что это сделали кулаки.

А чем колхоз отличался от коммуны?

В коммуну мы пришли сами, а в колхоз – силой: кого задавили налогами, а кого раскулачили.

Как деревня стала жить с образованием колхозов?

Какая деревня! Всех же в колхоз загнали! Мы сразу же стали хуже жить. Да и как иначе? Можно ли жить над пропастью?!

Скотина подохла. Говорили, что это кулаки напустили на неё порчу. Начальство сразу стало воровать. Надо скотину колхозную кормить, а сена нет. Давай мы за начальством следить. Да, что там следить-то было! Воровал председатель наше сено и продавал. Он был из приезжих. Сено продаст, а скотина сдохнет. И спроса с него нет. Не любили мы его. Неграмотный он был и нехозяйственный. Выйдет перед нами, приставит палец ко лбу и долго думает, кого куда послать на работу.

А ведь у нас свои деревенские мужики настоящими хозяевами были.

Коммуна стала колхозом. Что изменилось в жизни коммунаров?

А всё и изменилось. В коммуне мы жили, как в раю. Всю работу по дому выполняли технички, столовские работники. А ты только в поле работаешь. В барак пришел, помылся, поел готовое и отдыхаешь. Как коммуноу сделали колхозом, выделили нам корову и выселили из барака. Хорошо, что у меня дом свой в деревне оставался, было где жить нам с сыном. Сильно коммуна от колхоза отличалась. В коммуне мы работали на себя. А в колхозе – непонятно на кого. В коммуне председатель был из наших, деревенских. А в колхозе начальство всегда было из чужих.

Вот и переизбрали бы председателя.

Какое там! Тогда не переизбирали. Кого пришлют, тот и начальство! К нам прислали из Белоглазово. Он всё сгубил. И скотину, и людей заморил. Тогда много людей с голоду поумирало. Зайдешь, бывало, в наш бывший коммунаровский барак, а там целыми семьями люди лежат, помирают. Мы со вторым мужем не вытерпели. Уехали в 1935 г. На

искитимский кирпичный завод подались. Живы, слава Богу, остались! Весь наш колхоз так и разбежался.

Но ведь из колхоза уехать было нельзя. Паспортов-то не давали.

Можно! Если завербуешься. Завербованным по справке давали паспорт на год. Тогда по деревням ездили вербовщики. Помню, что ни зарплату, ни жилье на новом месте они не обещали. Только работу. Но мы и этому были рады. Лишь бы вырваться. Три года в кабале мы по вербовке отработали. Тяжелая жизнь была!³³ Легкой жизни за свои годы я и не видывала.

Смотрю я сейчас телевизор. О чем там говорят, не очень понимаю. Но чувствую, что нынешняя власть хочет перебить нашу тяжелую жизнь на доколхозную. На старину! Боюсь, однако, что трудно это сделать. Ведь молодежь работать не хочет. Да и то! Чего хотеть-то? Ведь уж сколько мы работали! А что, богато стали жить?! Вот, поди, они и думают – что работай, что не работай. Одинаково босый.

Испортились люди. Тяжелая нынче молодежь. Сдохнет, а не переработает. Что значит, нет работы? Что значит, не платят зарплату? А нам платили в колхозах? А на фабрике и заводе - это что, деньги были? Один только разговор, что зарплата.

Так ты держи скотину, заколи, продай мясо, вот и будут у тебя деньги. И деды так жили. Деньги у людей всегда были. Даже у самого плохого хозяина в сундуке всегда, бывало, деньги найдутся. Мать моя керенки в стенку замазывала. А сейчас! Нет, он лучше на койке лежать будет, газетку читать, смотреть телевизор и ругать власть за плохую жизнь. Работать надо! Сколько поту, бывало, прольёшь на работе, домой придёшь, и тут работа – убирать скотину.

А когда испортились люди?

---

³³ Поскольку раньше контрактного срока завербованные уехать не могли, постольку с ними обращались как с невольниками, посылая на самые тяжелые работы, обеспечивая их жильем, зарплатой, продуктами и проч. по самому минимуму. Например, когда весной 1929 г. на Кузнецкстрой прибыли 2 тыс. рабочих, то только пятую их часть смогли обеспечить жильем (место в бараке). Осенью, с наступлением холодов, завербованным раздали лопаты, доски с тем, чтобы они вырыли землянки. Отлоги холмов Кузнецкстроя покрылись «землескребами», в которых жили рабочие все годы строительства КМК (см. История Кузнецкого металлургического комбината имени Ленина. М., 1973. С.46-47). В том, что завербованные фактически временно теряли свободу, убеждает история сестер Пересторониных, завербованных в Вятской области на метрострой в Москву. По прибытию в Москву одну из них (Екатерину) отправили в п. Мама на севере, другую (Валентину) – в г. Черемхово, третью (Татьяну) – оставили в Москве. Как ни плакали они и не просили отправить их «хоть куда, но вместе», начальство осталось неумолимым.

Как это, когда! Я же тебе уже битых два часа толкую. При советской власти и испортились!

Но люди хвалят советскую власть. Говорят, что она сильно помогала им жить.

Так говорят лодыри. Какая помощь! Моя тетка родила 18 ребятишек: у неё всё двойняшки и тройняшки шли. И все живые. А их раскулачили. Когда она умерла, советская власть принесла ей медали, а не тогда, когда она работала.

Не любите Вы советскую власть.

Не люблю! Вы меня хоть ругайте, хоть в тюрьму сажайте. Она не от Бога! А без Бога – ни до порога! Вот я сейчас думаю, что и коммуна наша была не от Бога. Ведь в коммуне нас в церковь не пускали. Мы отреклись от церкви. Может, поэтому Бог нас с мужем и покарал: дочку отравили в школе (тогда 40 детей умерло), сын заболел и помер, а третьего сына (от первого мужа) убило на войне. О, Господи! Да, что же это такое?! Как мы с мужем молились, просили Господа!

Да, и то подумать, сколько греха совершалось кругом. Даже я ходила к кулакам хлеб выгребать! Даже я!...

Это же надо так людей испортить, чтобы работать не хотеть, чтобы лежать и ждать богатство. Смотришь на которую женщину, а она прореху на себе зашить не умеет. Иная уже старуха, а всё живет только на матерках да на водке. Вот как довели людей! Мне 93 года, я не пью и людям не велю. Вы сами содержите свою жизнь! Не надейтесь на власть!

Я только недавно перестала скотину держать. Но курочки, собаки и кошки всё же остались. Не могу жить без скотины. Мне трудно воду таскать, я и говорю соседу: «Выпить хочешь? Натаскай мне воды, я тебе заплачу». Я и плачу! Хотя велика ли моя пенсия? Но за всё надо платить. Себя уважать!

А советская власть отучила людей от этого. Вот и бродят ночью по огородам здоровенные дяденьки, воруют чужое. Советская власть в них и сидит!

Колхозы и советская власть перебили хорошую жизнь, нищету привели. Раньше, бывало, не найдешь человека, чтобы милостыньку подать за помин души усопших родителей. У всех всё было.

Погляжу, сейчас в Кемерове старухи побираются. Лодыри, вы лодыри! Вот что я вам скажу! А вы говорите – советская власть, советская власть...!

Ох, и трудно повернуть людей. Дай, Бог, силы тем, кто это сейчас делает!

ДОКУМЕНТ №4

Ярокалова Евдокия Никифоровна родилась в 1906 г. в д. Холуи нынешней Кировской области. Рассказ записал Ковалев Максим в 1999 г. (г. Мыски)

Мы с мужем жили со свекром, свекровью и шестью детьми. Два брата мужа были женаты, имели по четверо детей, две дочери были замужем. Одна из них с мужем и ребенком жила тоже с нами. Жили одной семьей. Держали 12 коров с приплодом, много овец, свиней, гусей и кур. Имели весь свой инвентарь. В 1931 г. купили две вейлки. Все много работали, но на лето брали двух работников. И поэтому, когда началась коллективизация, мы попали в список кулаков, подлежащих раскулачиванию.

Брат мой, Игнат, работал в сельсовете и предупредил нас о дате раскулачивания. Мы срочно стали резать скот. Но мясо девать было некуда. Да и наши вейлки никуда не сунешь. Пришли за нами в марте... Разрешили взять с собой только по узлу. Поэтому мы понаседали на себя как можно больше одежды, завернули детей. Запрягли наших же лошадей в сани и свезли нас на станцию.

Там погрузили в вагоны для скота и повезли. Везли до Новосибирска целый месяц. Кормили редко, бросали нам только хлеб и воду. Свекровь и дети умерли в дороге. Их вынесли из вагона на какой-то остановке. Где и как они похоронены, мы не знали. Да и похоронены ли?

В Новосибирске нас посадили в телеги, вывезли в тайгу и там сбросили вместе с нашими пожитками. Ночью было холодно. Мужики стали валить пихты, осины и рубить избы. Из нашей деревни согнали сюда же Рыловых, Жуковых. Мы с ними были родственниками. Из соседней деревни сюда же сослали еще три семьи.

И стали мы вместе валить лес, корчевать пни. Взборонили землю, посадили хлеб, да картошку. Птиц убивали, разоряли их гнезда, варили похлебку, ели папертник. Летом бабы пошли наниматься в соседний колхоз. Работали за трудодни. Осенью у нас уже было 2 коровы, 7 кур, овцы. В ноябре приехало еще три семьи из нашей губернии. И мы от них узнали, по чьей указке нас раскулачили. К зиме стояло уже пять изб, колодец и родились дети: у меня дочь Мария, у племянницы моей - сын Максим.

Небольшая полоска земли дала хороший урожай. В зиму мужики ушли работу искать. Все мы остались под присмотром свекра Трофима. До раскулачивания в скоромные дни у нас еда была: щи мясные, каша,

картошка, редька, квас, солонина. А здесь мы всю зиму ели калину, картошку, квас с редькой. Хлеб был редко. Когда мужики приходили, то рубили срубы. А весной построили еще 3 избы и назвали деревню Диваевск. Находилась она на границе Алтайского края и Кемеровской области. Из местных жителей там был один дом Чугаевых (пчеловодов). Начальство и милиция навевались редко. Годов через пять, к 40-ым годам, организовали промартель. Делали кадки, столы, табуретки. Летом стали гнать пихтовый спирт.

Такого голода как в центральной России в Сибири не было: помогали, кормили друг друга. Собирали грибы, ягоды, охотились. Начали катать пимы. Муж Семен был мастером на все руки, хорошо делал сани, шил сапоги, шапки, шубы. Детей воспитывали в школе и дома. Старики украдкой молились. Бесплатно учились только первые 4 класса, а потом за учебу в школе платили. После войны до 7 классов от уплаты освобождались только дети погибших фронтовиков. В колхозе люди работали за килограмм зерна и тянули всю страну.

Соседи между собой говорили только на бытовые темы. Боже сохрани - о политике. Ленин и Сталин воспринимались как идолы, им поклонялись. Были в ужасе, когда Хрущев разоблачил Сталина.

А сейчас тоже ненормально, когда нет веры и даже уважения к руководителям государства.

ДОКУМЕНТ №5

Панкратов Алексей Федорович родился в 1907 г. в Тамбовской губернии, переехал в д. Покровку нынешней Кемеровской области. Рассказ записывался Берестовой Натальей со слов его сына Юрия Алексеевича в 1999 г.

Отец родился в семье, где кроме него было ещё три сестры и два брата. Когда он женился, то имел только двух сыновей: Юрия и Виктора. Отец вырос в зажиточной семье, где все работали, не покладая рук, с утра до вечера.

Годы коллективизации всегда связывались у отца с чем-то горьким и тяжелым. Рассказывал нам о ней он не очень охотно. Во время таких рассказов часто тяжело вздыхал и надолго замолкал. Он считал, что коллективизация была направлена на искоренение истинных тружеников и хозяев своей земли.

По его словам, когда в деревне только-только заговорили о коллективизации, многие в это не поверили. Не могли даже представить, что такое может быть. Не понимали, для чего это делается. Всем было страшно потерять своё имущество. И люди спрашивали друг у друга, что же с нами теперь будет!?

Деревня была разношерстной: бедняки, середняки, зажиточные. К беднякам относили крестьян, не имевших скота. У них, как правило, семьи были очень большими, с кучей ребятишек. Бедняки жили тем, что зарабатывали, идя в наем к зажиточным крестьянам. Отношение к ним в деревне было двояким: одни их жалели, помогали, чем могли (дадут кусок хлеба, что-нибудь из одежды), другие считали их лодырями и лентяями.

Эти-то бедняки потом и раскулачивали хозяев. Забирали имущество, скот, зерно, землю. Никто не смотрел, что у хозяина пять-шесть ребятишек. Раскулаченных в деревне жалели, так как все знали, что свое имущество они заработали сами, своим трудом, своими руками.

Семью отца тоже раскулачили по доносу одного предателя. У них отобрали имущество, но сослали недалеко, в том же районе. Им повезло. Потом их обратно в деревню вернули и в колхоз приняли. Сказали, что ошиблись. Других же ссылали куда-то дальше в Сибирь. Везли в вагонах для перевозки скота. С собой разрешали брать только хлеба кусок, да на себя что-то одеть. Всё их имущество шло прахом. О раскулаченных мало что знали. Они иногда писали родственникам в селе о том, как они устроились на новом месте. Но это очень редко случалось.

До коллективизации деревня жила спокойно: поля убраны, скотина ухожена, хлеб в закромах. Все друг другу доверяли, ни от кого не запирались, никто чужого не брал. Все, как одна семья были. И пьяницы у нас были. Да где их только нету?! А как пришла коллективизация, так всё и смешалось: и скотина, и хлеб общими стали. Многие дома стояли заколоченными. Дворы – пусты. Всё сразу осиротело. Сначала на всё это было дико смотреть. Но ничего! Потом попривыкли и к этому.

В колхоз звали обещаниями. Говорили, что все будут жить одинаково хорошо. Те, кто победней, сразу поверили этим обещаниям, стали вступать в колхоз. Но зажиточные не доверяли этим словам, боялись потерять своё кровное. Были случаи и силой загоняли в колхоз. Тогда крику, слез и ругани было полно. Были и такие, кто колхозам сопротивлялся: скотину травили, зерно жгли и вообще всякую порчу делали. Их потом «врагами народа» называли, ссылали, а, бывало, и расстреливали. Это чтобы другим неповадно было колхозам сопротивляться.

Активистами колхозов были, конечно, бедняки. Но встречались и середняки и даже зажиточные крестьяне. К этим активистам люди по-разному относились. Кто-то их уважать стал, кто завидовать, а кто презирать и называть «прихвостнями советской власти».

До коллективизации все одевались примерно одинаково: рубахи да порты самотканые, лапти да онучи. Кто побогаче, тот имел рубаху понаряднее, да стол помаслянее. Ну а после коллективизации, глядишь, босяком был, а сейчас активистом колхоза стал, в «кулацких» штанах да кушаке щеголяет. Разве такого можно уважать?

Работали в колхозе весь световой день. Трудодни зависели от урожая. На них получалось от полкилограмма до килограмма хлеба. Но этого, конечно, на семью не хватало. Поэтому и брали колхозное добро. Воровством это не считали. Считали, что сам заработал, сам и бери. А нам говорили: «Не смей брать, это не твоё!» Как же это не твоё, когда ты его сам сделал. Потом закон «о колосках» вышел. Его ещё называли законом о горсте гороха. Если ты идешь с поля и насыпал зерна в карман, ты сразу же – враг народа. Штраф тебе и арест!³⁴

---

³⁴ 7 августа 1932 года был опубликован Декрет ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества гос. предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Указ известен, как Указ от 7 августа, «Закон о колосках». Декрет сопровождала секретная инструкция ЦК в качестве пояснения. Она устанавливала два основных вида наказания для расхитителей: 10 лет лишения свободы для «трудящихся единоличников и колхозников» и расстрел для всех остальных. Закону придавалась также обратная сила. Его действие допускалось «в отношении

В колхозах как-то делалось всё так, что всем поровну должно доставаться. Но ведь работали по-разному! Лодыри привыкли за чужой счет жить, не работать, а получать. Вот и портили всем кровь. Хозяйствовали так, что в 1933-34 гг., а также в годы войны и после неё был голод.¹ Вымирали целыми семьями, а то и деревнями.

Мы, конечно, могли бы и уехать. Но куда? Где было лучше? Да и паспортов у нас не было. Была только трудовая книжка, которая удостоверяла личность колхозника. Не уезжали мы из деревни и потому, что с детства к земле были приучены. Другого-то ничего больше делать не умели. Только за землей ухаживать.

На войну люди пошли охотно. Правда, больше, - кто победней. А кто побогаче – скрывались от набора и дезертировали из армии. За ними по лесам гонялись. Мало народу вернулось. Из нашей деревни взяли человек сто, а здоровыми вернулись всего три-четыре человека. Да ещё 5-6 человек - калеками.

Тяжело было и в послевоенные годы. Голод и разруха! Да выкарабкались как-то. В колхозе стали лучше работать, привыкли, видать. У колхозников уже и свои хозяйства завелись. Но численность поголовья в наших личных хозяйствах государство держало под контролем. Налоги большие заставляло платить.

Потом в колхозах неплохо стало. Кто работал, тот и жил справно, а кто бездельничал, тот и лапу сосал. Но как бы там не было, наш отец своих детей послал в город учиться. Говорил, что хоть в деревне и лучше жить стало, но нищета как она была, так и есть и будет.

В деревне грамотных уважали. За советом к ним ходили. Но их было слишком мало. Самое большое в деревне оканчивали 7 классов. А так, в основном, – один, два класса. Лишь бы читать да расписаться уметь. Когда открыли ликбезы, все охотно в них ходили. Днем работаешь, а вечером – ликбез. Это было, наверное, как развлечение.

Раньше в деревне была церковь. В неё люди постоянно ходили. Бывало, придешь в церковь, а на душе легче становится. Но церковь разрушили. Очень жалко! У нас в деревне многие забрали церковные иконы к себе домой, и там тайно молились. Для чего церковь разрушили? Непонятно. А теперь вот опять строят.

преступлений, совершенных до издания закон, в случаях, когда преступления имеют общественно-политическое значение». В дальнейшем закон был смягчен.

¹ О том, как типично велось хозяйство в колхозах даёт представление документ в конце рассказа.

О политике мы говорили мало. В основном из-за того, что ничего в ней не понимали. Но к нам приезжали лектора и всё разъясняли. Но на выборы мы ходили все. Не придти было невозможно. Заставляли.

Потом у нас в деревне клуб построили. Туда собирались все от мала до велика. То кино покажут, то лекцию прочитают.... Весело было.

А в нынешнее время все колхозы разорились. Власти позабыли про порядок. Каждый мимо своего кармана не пронесет. В целом в годы реформ жизнь лучше наладилась. К старым порядкам всё возвращается.

Выходит, мы зря пострадали!

Приложение (архивные документы):

Информация

секретарю Мариинского РК ВКП(б) о проработке речи тов. Сталина в колхозе «Завет Ленина» Константиновского сельсовета.

3 декабря 1935 г.

г. Мариинск.

Собрание проводили 1-го декабря. Собрание собирали с утра и до 8 часов вечера. На собрании колхозников присутствовало человек 120. Во время проработки речи тов. Сталина вопросы задавались следующие:

1. Кто такие стахановцы, откуда они взялись и что они добиваются?
2. Кто Стаханов по социальному положению?
3. Что будут делать с лодырями при коммунизме?
4. Какая, и есть ли какая разница между рабочим и крестьянином?
5. Почему с рабочих государство не берет молоко, мясо, налог?
6. Почему мало продают мануфактуры и керосина?

В прениях выступал один тов. Моро.

Одновременно сообщаю о работе колхоза. Трудовая дисциплина в колхозе плохая. Колхоз занялся растащиной: воруют колхозное сено, лён. Мер, кроме разговоров, ни каких не принято. Все бригадиры и само правление говорит, что сено у нас воруют, лён у нас воруют, а воруют колхозники, берут в бригаде лошадь, накладывают сено и везут на рынок. Бригадиры про это знают, но это, говорят, возили своё, сами косили, а в результате, целых зародов сена нет. И сейчас на работу колхозники не выходят, а каждый колхозник делает так: или сено наложит, или дров и запрягает лошадь и едет на базар. Ни какой платы от него не берется за лошадь. Или такой факт: колхозники запрягают лошадей и едут в сельпо за товарами, получают деньги за возку, деньги берут себе, а по отношению лошадей никакой платы в колхоз не дают. Воровство в колхозе вошло в привычку потому, что ни одного как следует не осудили. Тут очень много

фактов воровства и во время уборочной кампании. Выявлены эти воры, следствие проведено, но не осуждены. Лучшая часть колхозников прямо возмущается, что почему им не воровать, их суд не судит, а если и осудит на два или три месяца принудиловки при колхозе, он их отбывает и снова тут же ворует.

По обработке льна колхоз до 1 декабря не приступал вплотную, вернее, на 1 декабря волокна было намято 39 кг. Руководство колхоза и бригады совершенно этим делом не занимались. Сами женщины некоторые стали мять и стали правление и бригадиров просить, чтобы им предоставили дров. Тов. Плакушко ответил: «Вы и так много на льне зарабатываете, можете сами дров нарубить». Мнут лён в банях. Около бань абсолютно никаких крышек нет, погода – снег несёт, мять невозможно, треплют на морозе. В день натрёпывают по 3 кг. Женщины сами садят тресту в баню, рубят сырые дрова и по двое суток сушат одну баню.

Оплата труда на обработке льна проходит не правильно. За то что сушат, сами дрова рубят, за это совершенно не оплачивают, на трёпке льна платят не с киломера, а с килограмма. Деньги, что полагаются по уставу выдавать колхозникам, не выдаются.

2 декабря специально по вопросу выполнения плана льна и конопли собирали колхозное собрание женщин, где мною были рассказаны все правила обработки и оплаты труда. Довели до каждой бригады 5-дневный план сдачи волокна, а в бригадах - до каждой мельницы. Сейчас начинают шевелиться, насаживают в бани, около бань, делают затишья. Для трёпки отвели один пустующий дом большой, приступаем к работе.

Уполномоченный РК ВКП(б). Козлов. Подпись.

Помета: Верно: Управделами Райкома ВКП(б). Подпись (неразборчива).

ГАКО. Ф.П-107.Оп.1.Д.32.Л.80.

Заверенная копия. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №6

Баландина Любовь Васильевна родилась в 1908 г. в с. Николаевка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала её правнучка Машукова Ольга в 1997 г. (с. Николаевка)

Наши предки, сколько я помню, всегда жили в Сибири. Они были, можно сказать, основателями этого края. Жили они тихо, мирно, были работающими людьми, ни к какой власти не стремились. Поэтому они никогда не голодали, но и особенно богатыми не были.

Семья наша была из 10 человек: родители и восемь детей. Отец у нас был очень хозяйственным человеком. Ему удалось расширить хозяйство, доставшееся от родителей. Он развел полный двор крупного рогатого скота, свиней и другую живность, открыл маслобойню и мельницу.¹ К нему съезжались из многих деревень, чтобы намолотить муку или переработать молоко в масло.

Конечно, наша семья жила обеспеченно. У нас всё было своё: и мясо, и масло, и овощи, и яйца. Конфет у нас не было, но мы от этого как-то не страдали. Наше питание не сильно отличалось от питания в других семьях. Может быть, у кого-то, чего было поменьше, но все семьи жили сытно. В одежде мы тоже не сильно отличались. Наша мама была большая рукодельница. Про таких, как она, говорили – «на все руки мастер». Она шила и вышивала. Было красиво! Дом наш тоже не отличался особым богатством. Всё было просто – обыкновенный крепкий деревенский дом.

Но вот началась революция. Отец мой в политику не вмешивался. Он просто делал своё дело, вёл хозяйство. Друзей в деревне у него было много. Но нашлись и враги, которые завидовали нашей семье. Вот они-то и подключились к революции. Они стали большевиками, чтобы грабить. Да и то сказать, им-то терять нечего было, своим трудом они ничего не нажили.

Моего отца сочли кулаком и решили раскулачить. Никогда не забуду этого кошмара. Они тогда никого не пожалели. И это несмотря на то, что мы, восемь детей, были один меньше другого. Когда у нас всё забирали, сильно избили отца. За что? За то, что он накопил для них столько добра? Какие же наши родители были сильными людьми! Когда избивали отца, уводили скот и грабили дом, эти грабители не увидели ни слезинки на маминых глазах, не было никаких причитаний.

---

¹ О том, что собой представляла типичная сибирская «кулацкая» семья накануне сплошного раскулачивания даёт представление документ в конце рассказа

Наш дом сожгли. Эта страшная картина всю жизнь стоит у меня перед глазами.

Отца забрали в тюрьму, где он и умер. Нас с мамой выселили в соседнюю деревню. Жить нам было негде, без гроша за душой, никому не нужные. Одно слово – семья кулака. Мама уговорила старую женщину пустить нас на квартиру. Так мы и стали жить, перебиваясь с картошки на хлеб с отрубями. Мне, как самой старшей из детей, пришлось помогать маме. Уж, конечно, об учебе и не думала. Только потом, когда кончились те страшные времена, я взялась за самообразование, чтобы не остаться безграмотной. Помогла одна добрая женщина, которая научила меня читать, писать и считать.

В деревне, конечно, был колхоз. Мы с мамой там работали. Обзавелись огородом, завели скотину. Жизнь, вроде, выправлялась. Питаться стали лучше. Мы работали с утра до вечера. Не знаю, то ли время было такое, то ли люди были другими. Но никто не жаловался.³⁵ На работу в поле шли все вместе, пели песни. С работы шли хотя и уставшие, но тоже не грустили. Бывало, придешь с поля, руки и ноги гудят от усталости. Но услышишь – гармошка заиграла. Скорее умоешься и бегом бежишь на улицу плясать. Было весело! Люди были одухотворены надеждой на светлое будущее.

Ни я, ни мама не проклинали власть, хоть она для нас столько плохого сделала. Наоборот, мы верили в революцию, партию, Ленина. Да и как без такой веры можно было работать от зари до зари, не покладая рук?! Ведь и зарплату нам не давали, а взамен нашего труда давали только продукты. Но мы не переживали и не хныкали, строили свою жизнь. Пока не началась война!

Война началась неожиданно. В это время мне было 33 года. У меня была своя семья: муж и четверо ребятишек. Мужа сразу же забрали на фронт. Я осталась с детьми одна. Это было трудное время. Я работала в телятнике. Но в мои обязанности входило заготавливать для телятника дрова и ездить на сенокос. Все делали женщины: и на дойке, и на тракторе – везде. Не знаю, как я пережила то время. Но спасибо людям! Помогли!

---

³⁵ Принудительность труда колхозника уже за первые пять лет существования колхозов стала привычной и для крестьянина, и для власти. Принимая 17 февраля 1935 г. «Примерный устав сельскохозяйственной артели», ЦК ВКП(б) и СНК СССР не сочли нужным ввести хотя бы формально раздел «права колхозника» или колхоза. На каждой странице этого Устава в той или иной форме декларировались лишь обязанности колхозника перед колхозом и обязанности колхоза перед государством (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т.2. М., 1967. С. 519-530).

Мне бы одной не справиться. Тем более, когда пришла похоронка на мужа. Но я всё выдержала ради детей. Чтобы не оставлять их без отца, после войны вышла замуж.

Послевоенные годы были годами великих строек и обновления страны. Мы с мужем работали, чтобы дать детям всё то, что не было дадено нам.

Я пережила три власти. Но из всех мне нравится новая, российская. Хотя в советские годы было много хорошего, но это хорошее продолжалось, пока были живы Ленин и Сталин. А при Хрущеве и Брежневe энтузиазм людей стал падать. Появился дефицит товаров и продуктов. Люди стали жаднее и коварнее. Нарастало взяточничество. Поэтому, если бы не поворот в сторону капитализма, то советская власть сама бы себя изжила. Плановое хозяйство не давало полноценного результата. Производство товаров всё снижалось и снижалось. За границу стали переправляться природные ресурсы.

Я полностью поддерживаю нынешних реформаторов. Правда, надо признать, ими недовольны многие. Но что ни говори, они сделали большое дело! А за временные неурядицы их не надо винить. Лишь бы потом всё установилось. На советскую власть я не обижаюсь: у меня четверо детей, и у всех у них сложилась судьба. Все они выбрали профессию по душе. Трое из них получили высшее образование. У меня пять внуков и одна правнучка. Многие из них тоже успели добиться успеха в жизни.

Хочу пожелать молодому поколению держать голову прямо и не воротить с намеченного пути.

Ведь за вами будущее России!

Приложение (архивные документы):

Сообщение

Тисульского райисполкома председателю Колбинского сельсовета о продаже с торгов имущества раскулаченных граждан.

8 апреля 1929 г.

с. Тисуль

Срочно

Сообщается, что постановлением райисполкома от 8 апреля с.г. утверждено к продаже с торгов имущество следующих граждан:

а) Нестеров Иван Артемович.

72 пуда пшеницы - 72 руб., ржи 29 пудов - 16 руб., 46 пудов овса - 23 руб., 14 пуд. ячменя - 7, 75 пудов пшеничной муки - 90 р., 7 п. ржаной муки - 4, 1 молотилка - 200 руб., 1 сенокосилка - 80 руб., 2 саней - 10 (десять)

рублей, 1 телега – 15 рублей, 2 комплекта сбруи – 20 рублей, 1 корова – 30 рублей, 2 подростка- 20 рублей, 12 старых овец – 60 рублей, 12 ягнят – 24 рубля, 1 свинья 15 рублей, 1 лошадь сивая – 150 рублей, тоже сивая с жеребенком – 180 рублей.

Итого: на сумму 1041 рубль (одна тысяча сорок один рубль)

б) Можаев Ермил Васильевич.

75 п. пшеницы – 75 рублей, 30 п. овса – 15 рублей, 15 пудов ржи – 9 руб., 20 п. пшеничной муки – 22 рубля, корова – 20 рублей, 2 коровы – нетели – 30 руб., 1 свинья – 15 рублей, 2 поросят – 10 рублей, 8 овец старых – 40 рублей, 6 ягнят – 18 рублей, 2 телеги – 40 руб., 1 сани – 7 рублей, 1 кошевка – 15 руб., 1 хомут – 5 рублей, 1 веялка – 40 рублей, 1 молотилка – 250 рублей, 1 жнейка – 50 рублей, 1 зеркало – 3 руб., 4 телят – 20 рублей, 1 баня – 120 рублей.

Итого: на сумму 804 рубль (восемьсот четыре рубля)

Председатель райисполкома Подпись Лобецкий.

Секретарь РИКа Подпись Нижников.

ГАКО. Ф. П-40. Оп. 3. Д.10. Л.7

Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ №7

Изотова Дарья Максимовна родилась в 1909 г. в Минске. Рассказ записала Павлова Наталья в 1997 г. (с. Елыкаево Кемеровской области)

Минск тогда был маленьким городишкой, почти деревней. Не то что нынешний огромный город. Но люди там и сейчас добрые, ласковые, веселые.

Мои родители ещё помнили крепостное право. Когда я родилась, они работали на помещика. Земли в то время для крестьян было очень мало. И нас постоянно настигал голод. Да к тому же случился большой пожар на нашей окраине. Сгорело несколько десятков домов, в том числе и наш. Поэтому нас там больше ничего не держало. Мы направились в Сибирь.

Сначала в Сибирь поехали ходоки смотреть места с хорошей плодородной землей. Присмотрели, вернулись за нами. Батюшка дал нам благословение ехать и основаться на землях Сибири. Это было в 1916 г.

Я тогда была ещё совсем маленькой девчушкой. Но помню весь переезд. Мы ехали всей деревней, 12 семей. Приехали в Сибирь летом. Поселились в деревне Ивановке под Новосибирском. Помню, как мы шли пешком 25 км. Лето! Жара! Много было малых деток. Было очень тяжело. Но в то время на дорогах было ещё, слава Богу, спокойно. О революции никто не говорил. А в Сибири и вовсе было глухо. Года через два-три и к нам стали приезжать каторжники. Но мы с ними не общались.

Место нам очень понравилось. Здесь было очень много дичи: куропатки, глухари, дикие гуси, утки. Очень много было зайцев. Мы потом их даже и есть не хотели. Пойдешь в лес, насобираешь всяких яиц – ведра три... А комаров было тоже - до чёрта! Да кусучие такие! Ходили в лес целой толпой, одним - страшно: очень много было волков и змей.

Как только приехали, мужики наши стали пятистенки рубить. Завели, конечно, своё хозяйство. Сначала купили корову. Через три года у каждого хозяина не меньше шести коров стало. Скотины держали много. Деревня была середнячком. Жили мы не совсем богато, но в достатке. Жили дружно.

В домах стояли русские печи. В них мы пекли, жарили, парили. Сладости для детей были самые разные: плюшки с сахаром, крендельки, ватрушки с лесной ягодой, костяникой, брусникой, грибами. Завтрака, как такового, не существовало. А есть садились мы часов в 11, только после того, как накормим всю скотину. Садилась всей семьей сразу. А если кого-то, не было, отец сердился. Обед был самым святым делом. Его готовили вкусно и сытно. После него все шли отдыхать. На ужин была традиция

попить чай из боярышника, смородинника с душичкой. Когда садились есть, все обязаны были перекреститься. Первым есть начинал отец, потом дети, а мама – в самую последнюю очередь.

Одевались мы в то, что сами ткали и шили: узорные юбки, рубашки холщовые, бельё для мужчин и женщин. Девчата вышивали такую красоту...! Готовили сами себе приданое. На ногах во время работы носили лапти, а в воскресенье надевали ботиночки до колен, на каблучке. В них хорошо было выплясывать. Обувь покупали на базаре. Жили весело и дружно. Мужики тогда пили только по праздникам. Только по праздникам, даже не по выходным! В школе я не училась. Да какая там школа: некогда было!

Очень рано, в 17 лет, я вышла замуж и жила в семье мужа. Они были тоже, как и мы, середняками. Иван меня очень сильно любил. И я его. Бывало, едем с сенокоса, заберемся на воз, обопремся на локоть и смотрим друг на друга. Люди нас называли близнецами. Мы были с ним, как неразлей-вода. До свадьбы мы с ним дружили три года. Дружили по совести. Домой к друг другу не ходили, не то, что сейчас. Нигде не ночевали, не шарились. Зимой собирались большой компанией у кого-нибудь дома. Девки песни пели и пряли, а парни в карты играли, но не пили и не курили.

Голод тридцатых годов настиг меня уже замужем. Это было страшное время! Работали мы с мужем тогда уже в колхозе. Туда нас загнали силком. Отобрали даже последнюю корову. Ой, сколько я тогда натерпелась и насмотрелась! Страшно вспомнить! Не забирали только кур. Совсем престарелым – оставляли одну корову. Беднякам-то что?! У них ничего не было! Что же им не идти в колхоз добровольно! А крепких хозяев раскулачивали. Самое обидное, что мы наживали своим трудом, а у нас всё отобрали. И никто не сопротивлялся.³⁶

Люди стали пухнуть от голода. От колхоза ничего не получали и не видели. Приедет уполномоченный со своей сворой, всё выгребет, оставит немного зерна на семена, а на еду – ни граммочки! Выручал свой огород. Но работать на нем было некогда. Весь день – в колхозе. С утра – до ночи. На неделю нам выдавали по полбуханки хлеба. В этом проклятом колхозе ничего не видели, кроме как сеять, жать, убирать! Ходили в фуфайках. Нормальное пальто не могли купить. Но зато в магазинах было всё, что душа пожелает. Да вот только у колхозника денег не было. Это – как сейчас!

---

³⁶ О сопротивлении см. документ в конце рассказа.

Когда сделали колхозы, начались различные эпидемии: корь, туберкулез. Поумирало очень много людей. А самое страшное было то, что чаще умирали детки, особенно грудные. А что тут мудренного. Ведь родившая женщина обязана была выходить на работу в колхоз через две недели. У меня у самой умерло несколько грудных детей...

Этот колхоз погубил очень много людей! Одна моя дочка прожила уже два года, а в Покров день умерла от кори. Муж мой Иван умер через десять лет нашей совместной жизни, так и не дождавшись ребятенка. Царство ему небесное! Он у меня болел. Но в деревне об этом никто не знал. Мы скрывали. У него по природе было тихое помешательство. В то время, не дай Бог, кто узнает о такой болезни. Лечился в томском дурдоме, там и умер в страшных мучениях.

Осталась я одна. Семью нашу: братьев и сестер, раскидали по разным колхозам. Меня в нашем колхозе уже ничего не держало. В 1936 г. кое-как вытребовала в колхозе свои документы и приехала в Кузбасс к сестре. Она вскоре умерла от чахотки. Я пошла работать в дом для беспризорников и там же жила. Так получилось, что детки меня полюбили. Я с ними не задиралась. Начальству ничего не доказывала. Платили мне гроши, прожить на них трудно было. Детей там кормили хорошо, и они меня иногда подкармливали, приносили что-нибудь поесть. Однажды это увидел комендант и выгнал меня на улицу.

После этого я поехала в колхоз на Металлплощадку около Кемерово и работала там дояркой. Жила на квартире у женщины, у которой забрали и мужа, и сына на фронт. Всё, что она зарабатывала, посылала им на фронт. Это время было ещё труднее, чем раньше! Хотя, куда уж труднее! У людей забирали всё и отправляли на фронт. Но до фронта, говорили люди, ничего не доходило. Голод во время войны был тяжелее, чем раньше. Карточная система не всегда работала. Вот и приходилось нам есть всё подряд, даже не съедобное.

А после войны сначала была радость! Возвращались родные! А потом и они почувствовали, что и на гражданке людям жилось нелегко.

Всю войну я проработала дояркой, сначала на Металлплощадке, а потом - в Елыкаево, где вышла замуж и родила в 1945 г. сына. Через десять лет у нас свой домик появился. Обстановки никакой не было. Телевизор, стиральная машина, холодильник - вот и всё из крупных вещей. Всё это бралось в кредит, денег, считай, никогда не было. С мужем мы плохо жили. Он много пил и бил меня.

О репрессированных мы, конечно, знали. Но из моих родных таких не было. А вот из знакомых – были. Мы знали, что забирали самых лучших мужиков, работающих! Забирали тех, кто хорошо работал и до войны, и

после. Мы знали также, что давление шло на молодых. Те боялись и наговаривали на других. Поэтому нам старики всё время наказывали, чтобы мы не распускали языки и не говорили лишнего. К «врагам народа» люди относились хорошо. Они знали, что те никаким врагами не были. Врагами народа люди считали тех, кто приезжал арестовывать. Но об этом вслух не говорили, боялись, что власть их самих заберет и расстреляет. У нас хотели одну семью арестовать, так люди её укрывали, переправили в тайгу. Она потом через два года вернулась.

Про большую власть мы не рассуждали. А вот про местную власть знали, что это группа людишек, которая набивает себе карманы и ничего не делает для простых деревенских людей. Это знали, но вслух не обсуждали. Это я сейчас так говорю и думаю. Для нас КПСС была Богом. Все старались войти в партию. Кого туда не принимали, считалось позором. Получалось, что он не уважает Ленина и Сталина. А за неуважение к вождям сажали в тюрьму. Все мы старались работать хорошо, но не нагребать свои карманы. Загребущий человек считался плохим. Мы верили в светлое будущее и старались его построить.

Я давно уже на пенсии. Даже мой сын – на пенсии. А в колхозе мы про пенсию ничего не знали. Работали, пока ноги носят. Мы работали и никогда не отдыхали, не знали отпусков. Море и курорты, не говоря уж о загранице, я видела только в кино.

Колхозы стали совхозами. Мы сначала думали, что что-то изменится к лучшему. Но изменилось только название. Ничего хорошего этот перевод колхозов в совхозы не дал. А что хорошего было ждать?! Нигде, никогда хорошего для нас не было.

После того, как умер муж, я начала выступать в хоре деревенских бабушек. Стала знаменитой. Моё 80-летие показывали в передаче «Пульс». А мой домик фотографировали для музея русских традиций. Один раз я проводила русскую свадьбу для кино. Показывали в Москве. Два раза говорила в микрофон. Студенты приезжали, частушки писать. Так, они еле-еле успевали. Я им 87 частушек спела. Да всё свежие, ни разу не повторилась. А теперь я старенькая.

Живу хорошо! Но, конечно, не материально. Пенсию получаю 329 тыс. руб. Мне хватает. Правда, продукты сын привозит из города.

Конечно, руководителей страны я раньше воспринимала по-другому. Не так, как сейчас. Видела Ленина только в кино. Но знаю, что когда он заступил к власти, вся наша жизнь изменилась к худшему. Сталина мы почитали, любили. Но когда он умер, я не плакала. У нас многие в деревне плакали, а я – нет! Остальных руководителей страны помню смутно. Да, и где нам было разбираться в политике.

Нам работать надо было! Ведь работали без выходных, отпусков и праздников. Работали, как проклятые! Все знают, что мы, старики, сейчас плохо живем, Так мы и раньше плохо жили.

Но всё-таки люди материально живут сейчас лучше: красиво одеваются, вещи покупают. Но я не завидую им. Молодежь стала наглой и бесстыдной. Где это видано, чтобы девка курила?! Раньше к ней ни один бы парень не подошел. Конечно, молодежи надо верить в светлое будущее. Но не в такое, в какое верили мы.

Мне, однако, кажется, что лучшее никогда не настанет.

Приложение (архивные документы):

Докладная записка

Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике Классовой борьбы в деревне 1930.

15 мая 1931

Совершенно секретно

[...] Лозунги [...]

- Долой коммуны, даешь единоличное хозяйство (Урал)
- Долой коллективизацию, да здравствует столыпинщина. (УССР)
- Долой гиганты, Да здравствует свободное единоличие, Долой коммунизм. (СКК)
- Долой Советскую власть и колхозы. Долой колхозный сев, не давайте сеять колхозникам. (УССР, СКК)
- Долой насилие, Да здравствует свободный труд, да здравствует истинное свободное выборное право. (Сибирь, Московская обл., БССР)
- Мы призываем всех, как одного, идти против социалистической стройки... нам социализм не нужен, нам нужен дешевый хлеб, дешевые товары, нам нужен действительно свободный труд и отдых. (Зап. Сибирь)
- Долой ленинский коммунизм. Долой пятилетку. Даввай царя, индивидуальное хозяйство и старые права. (УССР)
- Пятилетка – моровая язва для крестьянства. (НБК)
- Советская власть – враг, религия – друг. (ЦЧО)
- Бороться за свободу – дело самого крестьянина (СВК)
- Граждане, встаньте как один человек на защиту Учредительного собрания, единственного выразителя истинной воли народа. (моск. Обл.)
- Долой тиранов-коммунистов. Да здравствует свободный крестьянский труд. (СВК)

- Дашь президента. (НВК)
- Да здравствует капитализм, царь и Бог, долой самодержавие коммунизма. (ЦЧО)
- Долой сталинскую диктатуру, да здравствует действительно рабоче-крестьянская диктатура. Да здравствует вожди крестьянства Бухарин, Рыков и Томский.³⁷ (Урал)
- Долой Сталина, даешь вождя Красной Армии Троцкого и т. Рыкова. (Зап. Обл.)
- Встань войной и задуши Советскую власть (УССР)
- Смерть активу, смерть тому, кто издевается над селянами. (УССР)
- Крестьяне, берите оружие, палки, ножи, вилы, у кого что есть, жгите, громите коммунистов, берите правление в свои руки, пока не поздно. (Зап. Сиб.)

[...] Наиболее антисоветские проявления характерны для УССР, СКК, ЦЧО, НВК, СВК, Сибирь (вся), Татария, Белоруссия, Урал, Западная область. [...]

См. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. Т.2. С. 790-791.

---

³⁷ Бухарину (редактору «Правды»), Рыкову (председателю СНК СССР), Томскому (председателю советских профсоюзов) был приписан «правый уклон» в партии за их неполное согласие с коллективизацией и раскулачиванием.

ДОКУМЕНТ №8

Абросимова Матрена Спиридоновна родилась в 1909 в д. Усть-Кум нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Павлова Светлана в 1999 г. (г. Кемерово)

В семье было 11 человек. Жили небогато: шесть коров, три лошади, овцы, гуси, куры. В деревне были дворы и побогаче. Но были и совсем бедные. Бедняками считались те, кто работать не хотел. Была, например, у нас одна такая бедняцкая семья из семи человек. Отец у них не работал, а только собак вешал. Снимал с них шкуры и шил шапки. Жили у нас и совсем зажиточные семьи. Их называли кулаками. Помню одну из них с какой-то волчьей фамилией, что-то вроде Волкодавы. У них было всего больше нашего раза в три. Была даже своя молотилка. Работали они сами, специальных работников не нанимали. Но на них часто работали те крестьяне, которые пользовались их молотилкой.

У нас было заведено помогать друг другу в уборке урожая. Между собой жили хорошо, спокойно, уважительно. Поэтому и двери никто и никогда не закрывал на засовы и замки. Воровство в деревне случалось очень редко, да и то после образования колхозов. Эти случаи помню все.

Однажды у одних украли рыбу из снастей. Воров поймали, обвешали рыбой и прогнали в таком виде через всю деревню. В другой раз сено украли. Воров обвязали пучками сена и провели по деревне (сено было колхозное). Для людей это был большой позор. Как-то раз из стада пропал бык. Его искали три дня. Но нашли во дворе одного дома только бычью шкуру. Там же нашлось и мясо. Это Петр Кошелев с дружкой зарезал быка, а мясо приготовил продать. Петра обернули в шкуру, нацепили рога на лоб и гнали, как собаку, по всей деревне. После этого он из деревни уехал. Вот такие у нас были суды – настоящие, народные!

Как организовывали колхоз, я не помню. Помню только, что три дня скотина редела. Её согнали в один двор и продержали без корма и дойки три дня. Со стороны крестьян было какое-то недовольство (высказывали начальству) и скотину выпустили по домам

Ещё я помню раскулачивание. Из нашей деревни сослали много семей. Семью Волкодавов сослали в Нарым. А их имущество отошло колхозу. Часть вещей была выставлена на продажу и была раскуплена бедняками. Мы покупать те вещи не стали. Отец и мать сказали: «Как же можно чужое добро брать?!». Судьба высланных нам была неизвестна. Кроме одного случая. Двенадцатилетний мальчик Алексей сбежал (так он

сказал в деревне) от сосланных родителей и устроился в колхозе пастухом. Председателя еле упростили принять его. Нельзя было. Он же – сын кулака.

Замуж вышла в 20 лет. Мужа своего до свадьбы практически не знала. Он жил в соседней деревне, там был совхоз. Стала в том совхозе работать дояркой. Там хоть и небольшие деньги платили, но это были всё-таки не колхозные трудодни – палочки. Жили, конечно, в основном на то, что сами выращивали. Потом мы с сыном уехали на заработки в Кемерово. Я устроилась на завод. Вскоре и мать с отцом уехали из колхоза. Для того, чтобы тогда уехать из деревни, надо было у председателя колхоза выпросить справку, а потом ехать в райцентр, где уже «снимали метрику» и давали паспорт.

В Кемерово жили на правом берегу с семьей брата, матерью и отцом. Домишко был небольшой, но добротный. У нас была корова и пять соток земли. Вскоре случилось несчастье: тифом заболели сын и мама. Мама пролежала 40 дней в больнице и вылечилась. А сын после дезобработки умер. Мама рассказала как их дезинфицировали. Завели в кабину, стали поливать водой. А в это время теплая вода отключилась и пошла только холодная. Под этой водой их держали 40 мин. От переохлаждения мой трехлетний сын и умер.

Жили в городе трудно. На работу ходили на другой берег по железнодорожному мосту, по которому два раза в день (утром и вечером) ходил поезд.

Молились на левом берегу в молельном доме. Церкви здесь не было. Хозяйку того дома потом судили за то, что она его предоставила для молящихся.

Перед войной я вышла второй раз замуж. Муж был мордвин, поэтому его не взяли на фронт, а забрали в стройбат. Всю войну он служил на правом берегу.

В войну было трудно. Хлеб выдавали по карточкам: на иждивенцев приходилось по 200 гр. в день, а на детей – 300 гр. Хлеб был тогда специфический, его качество сильно отличалось от современного. Он почему-то сильно крошился.

Вырастили двух сыновей, старшему сейчас – 60 лет, младшему – 57. Есть пять внуков и три правнука.

ДОКУМЕНТ №9

Романова О.И.¹ родилась в 1909 г. Рассказ записала Чуднова Анна в 1999 г.

Детство мое прошло в бедной крестьянской семье. У моих родителей нас было десятеро. Я – старшая из детей. На меня легли все заботы по досмотру за младшими братьями и сестрами. Приходилось ухаживать за скотиной, работать в поле. А когда мне исполнилось 15 лет, стала работать с отцом в кузнице. Я была сильной, здоровой девушкой и из меня получился хороший молотобоец. Отец научил меня и слесарному делу. Всё это впоследствии мне ох как пригодилось.

Я окончила приходскую школу, много читала. В молодости слыла заводной, много сил отдавала общественной деятельности: была членом крестьянского комитета взаимопомощи, работала книгоношей. Когда в нашей деревне организовали красный уголок, а в нем пункт ликбеза, я и там работала. Мы установили там детекторный приемник, открыли драмкружок, где было много молодежи. Мы ставили пьесы на политические и антирелигиозные темы.

В трех километрах от нашей деревни, в бывшем помещичьем имении, группа активистов создала сельскохозяйственную коммуну. Я там часто бывала, разговаривала с коммунарами, помогала им ремонтировать их инвентарь. Но вступать в коммуну пока не решалась. Меня держали путы своего нехитрого хозяйства. Коммунары были полновластными хозяевами всего большого помещичьего дома, всей усадьбы. Но положение коммуны не было сильным. Ежедневно в неё вступали новые люди, а кто-нибудь выбывал. Случалось и так, что некоторые бедняки и середняки, подав заявление, начинали было переезжать в усадьбу на постоянное жительство, но потом вдруг исчезали и больше не показывались. К весне 1923 г. в коммуне образовалось твердое ядро из тридцати семей. Организационные передрыги прекратились.

Экономика коммуны желала много лучшего. В своё время она образовалась на основе ТОЗа. От него остались семь коров, бык. Своих же коммунары привели девять тощих лошадей да восемь коров. В касе было пусто. Хлеба не было. Питались кукурузной и овсяной мукой, получаемой из кооперации. Семян не было. Фуража – тоже. Но коммунары не унывали. Я вступила в коммуну. Мы твердо знали, что время работает

---

¹ На рассказ Романовой читателю следовало бы обратить особое внимание, так как автор оказалась в числе очень немногих респондентов, кто приветствовал и активно проводил политику большевиков в деревне.

на нас. Ежедневно приходилось проводить с крестьянами собрания. Решали разные вопросы: о вовлечении в коммуну, о подготовке к весеннему севу, о выселении кулаков и др.

Кулаки нам здорово мешали. Они прятали хлеб, перегоняли его на самогон, но не отдавали государству. В борьбе с кулаками бедняки были нашими союзниками. С их помощью мы находили кулацкие тайники с хлебом и изымали его. Мы приняли решение о выселении наиболее злостных кулаков из деревни. Обсудили этот вопрос на общем крестьянском собрании. Шло колхозное строительство. Наступил 1929 г.

Кулаки не только распространяли всякие небылицы о рабочих-руководителях колхозного строительства. Всякими способами они стремились подорвать их авторитет среди крестьян. Кулаки дважды пытались поджечь нашу мельницу, один раз устроили пожар на скотном дворе. Положение в нашей коммуне осложнялось ещё и тем, что село было растянуто по реке на несколько километров. Приходилось ночью верхом объезжать бригады и проверять сохранность скотных дворов. Враги коллективизации всеми мерами старались сорвать весенний сев. Пытались разгромить скотный двор и увести лошадей. Но на их пути всегда вставали вооруженные сторожа — коммунары. Кулаки отсчитывали дни существования нашей коммуны. Но она держалась. К этому мы прилагали огромные усилия. Мы понимали, что от авторитета нашей коммуны зависел успех коллективизации в ближайших соседних деревнях.

Приближалась первая колхозная посевная. Мы понимали, что это серьезный экзамен для колхозов. Мы протравливали и сортировали семена, ремонтировали инвентарь. Трактористы имели невысокую квалификацию, трактора ломались. Но пригодилось моё знание машин и слесарного дела. Я научила трактористов ухаживать за техникой. Наш механизированный отряд из коммунаров работал всё лето без перерыва. Сначала пахали, потом сеяли, потом пахали пары, потом убирали, молотили, пахали зябь. Всё лето жили на полевом стане в степи, далеко от деревни. В отряде была крепкая дисциплина. Все трудились добросовестно, и мы с честью выполнили задание. Мы получили неплохой урожай. Результаты работы по-новому были налицо. Мы продали урожай и купили 28 коров. Успехи коммуны оказали благотворное влияние на всю округу. В августе 1929 г. на базе нашей коммуны образовалась сельскохозяйственная артель.

Кулаки со всей яростью ополчились на колхозы и колхозников. Усилилась антиколхозная агитация. Лавиной поползли клеветнические слухи. Колхозников, особенно коммунаров, оскорбительно называли «обиралы», «лжеколхозцы». Конечно, это не могло не вызывать справедливого возмущения честных крестьян и они законно требовали от

советской власти пресечения провокационной деятельности старорежимников. В конце января 1930 г. на собрании актива колхоза и бедноты было принято решение о ликвидации кулацких хозяйств и выселения их хозяев за пределы района сплошной коллективизации.

Не скрою, что в азарте агитационной работы во многих районах допускались отклонения от линии партии. В ряде мест нарушался главный принцип вступления в колхозы – добровольность. Статья И.В.Сталина «Головокружение от успехов» исправила этот крен. Но после её опубликования начался заметный отлив из колхозов.

Нам по-прежнему приходилось решать сложные проблемы. Одной из них, например, было размещение обобщенного скота. Свести его в одно место не представлялось возможным. Не было больших животноводческих дворов. Пришлось решать эту проблему поэтапно. Сначала скот ввели в одну деревню, где были большие кулацкие дворы. А потом его свели в общее строение. Во второй деревне наоборот. До выгона на пастбище скот распределили по личным хозяйствам колхозников. В этом деле присутствовал ещё один нюанс – ещё сильными были стремления работать на «своей» собственной лошадке, «своим» инвентарем.

Для преодоления подобных привычек практиковался перевод рабочего скота из одного отделения в другое. Так у колхозников воспитывалось сознательное социалистическое отношение к общественной собственности и к труду.¹ С собственническими пережитками велась неотступная борьба. На нарушителей дисциплины накладывались взыскания, штрафы, а расхитителей колхозного имущества исключали из колхоза, судили.

Деревня переживала крутой перелом. Ломались вековые устои, навыки, привычки, вся психология, весь строй мысли крестьянина – единоличника.

Шла трудная борьба нового со старым. И мы были на её передовом крае.

---

¹ Архивные документы не подтверждают вывода о «сознательном» отношении к общественной собственности. Типичной была другая картина, представленная документом в конце рассказа Романовой.

Приложение (архивные документы):

Постановление

президиума Мариинского райисполкома и бюро райкома ВКП(б) «О состоянии колхозов Укольского сельсовета».

15 апреля 1936 г.

г. Мариинск.

Заслушав сообщение комиссии, Президиума и Бюро РК ВКП(б) отмечают: Наличие засоренности в колхозах Им. К.Маркса, Им. Сталина. До последнего времени в этих колхозах находились лица лишенные избирательных прав, кулаки семья Бесунова Андрея, Ивана и Лариона, бежавших из комендатуры кулачка Елькина Наталья и др. Критика и самокритика во всех колхозах Укольского с/совета была зажата, что дало возможность враждебным элементам проникнуть к руководству в колхозах и создать голодные настроения среди колхозников и вести организованную работу по расхищению колхозной собственности. При попустительстве сельского совета и руководителей колхозов, враги колхозного строя пытались вывести из строя тягловую силу, как-то: в колхозе «1-е Августа» Им. «К.-Маркса», Им. «Сталина».

Преступное хранение семян, особенно в колхозе Им. «К.-Маркса» где семена оказались со льдом. Ремонт сельскохозяйственного инвентаря проведен чрезвычайно плохо.

Уход за скотом и кормление его не организовано, корма расхищаются, особенно в колхозе «Светлое Утро» и «Карла-Маркса».

Стахановское движение в колхозах не развернуто. Вся работа по подготовке к проведению сева по все колхозам проведена совершенно неудовлетворительно.

Президиум Райисполкома и Бюро райкома ВКП(б) постановляют [...]

Председатель Райисполкома Шевченко. Подпись.

Секретарь Райкома ВПК(б) Эйчин. Подпись.

ГАКО. Ф.П-107. Оп.1. Д.33. Л.63-64.

Подлинник. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №10

Бондаренко Георгий Иванович родился в 1909 г. в д. Камысла нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Соломыкина Александра в 2001 г. (г. Кемерово)

Отец мой был великим тружеником, хотя ходил на костыле (повредил ногу еще на царской войне). Всё всегда делал со смыслом и по уму. Всегда в работе. Поэтому и нажили 2 мельницы (водяная и ветряная), маслобойку, сноповязку, сложную молотилку, 50 десятин земли. А земля наша хорошая, колоски были с ладонь (показывает). А ведь руками убирали. Обмолотишь сноп, граблями соберешь, вытрясешь солому, зерно сгребешь в кучу и опять кладешь. Красота!

Отец был добрая душа, всем в округе молотил, крупу дробил. Беднякам отдавал муку бесплатно. Народ и избрал его старостой церкви. Все у нас было. Скотины много: корова, телята, свиньи, гуси, куры, утки. Много работали для себя. Семья у нас была большая: четыре брата и сестра. Я был старший, потом - Тихон, Иван, Федор, Федоська, Павел.

А отца моего, Ивана Тихоновича Бондаренко, и меня в 1930 г. лишили избирательных прав «за эксплуатацию батраков и сельскохозяйственных машин». В 1932 г. нас раскулачили, все отобрали. Три амбара было. Все вывезли, весь хлеб. А нас сослали в Нарым. У меня жена беременная была. Тяжело вспоминать. Она там в Нарыме возле костра и родила сына. Он только раз крикнул и покинул этот свет. Гробик я ему ножом сделал...³⁸

Ничего не было, снег один. Бараки строили, когда пришли. Ночь у костра спим, а день барак строим. Много семей там было. Никто нас и не кормил, живите, как хотите. А охрана – чистые звери были.

Тяжело было на лесоповале. Но выживали, если не надрывались и не околевали. Вот и я выжил. Бежал ведь я оттуда с отцом. Скитались долго. Поймали нас, обратно привезли. А брата моего, Федора, в январе 1938 г. расстреляли «за вредительство и проведение антисоветской агитации среди рабочих» по приговору тройки НКВД.³⁹ Он работал слесарем в

---

³⁸ Смертность детей ссыльных крестьян была огромной даже среди тех, кто попадал не в тайгу, а в города. Об этом свидетельствует документ в конце рассказа.

³⁹ 9 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило состав «троек», приговаривавших «врагов народа» к наказанию (часто – расстрелу). В «тройку» входили: начальник управления НКВД, областной (краевой) прокурор, секретарь обкома (крайкома) ВКП(б). Были и другие комбинации. Первый состав «троек» в Сибири выглядел так: в Омской области – Салынь, Нелиппа, Фомин; в Красноярском крае – Леонюк, Горчаев, Рабинович; в Западно-Сибирском крае – Миронов, Барков, Эйхе. (См. С.А.Папков. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 гг. Новосибирск, 1997. С. 209.)

паровозном депо. После смерти брата и смерти жены (она не могла после Нарыма оправиться) сбежал я в Ригу, чтоб никто не трогал, никто не знал меня. Спрятаться хотел (долго задумчиво молчит). Год прожил тихо. А однажды латыш сосед говорит: «Ты уезжай, тебя хотят расстрелять». Он дал мне хлеба, масла, немного денег, и я уехал. Почему он мне помог, так и не знаю.

А мне все спрятаться хотелось от «черного воронка». После смерти брата мне постоянно мерещился этот «черный воронок»⁴⁰. Всегда боялся - придут, заберут. Уехал я на афганистанскую границу, под чужой фамилией. Работал и наладчиком, и электростаночником, и трактористом. Работал - кем придется, нельзя было отказываться. А когда война началась, я уже в Казахстане на свинцовом руднике работал. Бронь от фронта была. Снаряды мы готовили. Женился я в Казахстане. А жена-то – землячка. Из Тогучина оказалась. У нее двое детей было: Коля и Володя. Николай на Севере сейчас живет, а Володя умер. Бог и ее прибрал. Долго я с ней возился: ноги у нее болели.

Было и у нас доносительство. Как-то работали, потом пообедали - чем пришлось. А начальник выходит и говорит: «Вот это надо сделать к таким-то часам». А один из нас говорит, что у Бога дней много, чего спешить. На утро он не пришел на работу, не видели мы его больше.

Бывало, женщины в поле свеклу соберут, а их – в тюрьму на десять лет за это. А ведь у них дома дети. Ни на что не смотрели. Много людей умерло в голоде. Бабка хлеб испечет, завяжет в тряпочку, за пазуху спрячет и несет на базар. А там ее схватят. Как же! Спекулянтка. Хлеб отберут, а она уйдет ни с чем.

Тяжелая жизнь была. За что отцовскую, мою и братову жизнь изломали?! Ведь не собаки же мы были. Никого не убивали, не грабили. А нас изводили, как последних злодеев. Не должно такого повториться.

Сколько ни выпало бед на семью нашу, Бондаренко, а я все равно не озлобился. На коммунистов не серчаю.⁴¹ А руководители их – Ленин и Сталин, как и я, скрывались от властей.

Нынче жизнь крошечная. Пенсия мизерная, на лекарство денег нет. Когда я сюда вернулся, то просил, чтобы вернули наш дом, но там четыре семьи живет. Вот поэтому мне купили эту квартиру. Старику - на улице

---

⁴⁰ Черным воронком в народе прозвали автомобили, в которых сотрудники ОГПУ (НКВД) приезжали арестовывать (обычно ночью) «врагов народа».

⁴¹ Русский крестьянин был покорен перед любой властью – царской, помещичьей, белогвардейской, большевистской. «Россия – земля покорная, женственная, - писал Н.А.Бердяев. - Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории... Смирение русского народа стало его самосохранением». (См. Н.А. Бердяев Судьба России. С. 11, 60).

Молодежной (смеется). А я спорить не стал. Сдавать уже стал, но не ленюсь. Развожу в усадьбе у родственников пасеку, делать-то я все умею. Они меня и похоронят. А это в память останется (показывает на квартиру).

И тревоги мои не за себя. Хочется добра всем людям российским. Назад возврата нет. Пусть люди крестьянствуют.

Дай нам Бог всем воспрянуть духом!

Приложение (опубликованные документы):

Обращение ПП ОГПУ

по Западно-Ситбирскому краю в крайздрав с просьбой принять меры по уменьшению детской смертности в южных комендатурах.

23 мая 1934 г.

Секретно

Заведующему Запсибкрайздравотделом

Отчетные данные за 1-й квартал с.г. от южных (промышленных) комендатур – Кузбассуголь и Кузнецкстрой показывают, что детская смертность продолжает оставаться необычайно высокой. Особенно пораженным является возраст от 1 года до 3 лет (ясельный). Так, из общего количества умерших спецпереселенцев по Анжерской комендатуре (140) дети в возрасте от 0 до 16 лет составили 84 чел. или 60%, по Кузнецкой (403) - 219 чел. или 54,3%, и по Прокопьевской (44,2) – 228 чел. или 51%. Из общего количества умерших детей дети в возрасте от 1 года до 3 лет составили по Анжерской комендатуре 67%, по Кузнецкой – 41%, по Прокопьевской – 51%. При расчете указанной смертности на общий контингент детей от 1 года до 3 лет в этих комендатурах получаем смертность за квартал по Анжерской – 7,7% по Кузнецкой – 6,3% и по Прокопьевской – 5,8%. Если детская смертность также будет продолжаться и в последующие кварталы, то к концу года детское население в перечисленных выше комендатурах в возрасте от 1 года до 3 лет уменьшится от 25 до 30%, т.е. почти на одну треть[...]

Зам. начальник ОСП ПП ОГПУ по Запсибкраю Анастасенко

Зам. начальника Санотделения Бард-Ахчан

ГАНО, Ф. 1353. Оп. 1. Д.97. ЛЛ.33-33об.

Подлинник

(См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. (Сост. С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пащенко, Р.К.Суханова). Новосибирск, 1994. С. 191-192)

ДОКУМЕНТ №11

Осипов Георгий Фомич родился в 1909 г. в с. Воскресенском нынешней Кемеровской области. Рассказ записала в 2002 г. внучка Осипова Татьяна со слов своего отца Осипова Андрея Геннадьевича (г. Кемерово)

Мой отец, Георгий Фомич, был призван в ряды Красной Армии в 1929 г. и проходил службу в кавалерийском полку, дислоцированном в городе Томске (в дальнейшем в казармах этого полка был расположен томский шарикоподшипниковый завод). После окончания полковой школы, он был назначен помощником командира взвода химической защиты полка.

Разговоры о коллективизации в стране были предметом постоянных дискуссий среди командирского состава полка (офицерские звания были отменены). Дед в этих дискуссиях участия не принимал, но для себя твердо уяснил: «Как только в его родном селе начнется коллективизация, нужно срочно “записать” всю родню в колхоз. Иначе их сошлют туда, “где Макар телят не пас”. Он знал, что никакие заслуги перед советской властью значения иметь не будут.

Осенью из родного села к нему в часть пришло письмо. Его отец, Осипов Фома Афанасьевич, писал о том, что у них будет организовываться колхоз. Получив это известие, Георгий Фомич обратился к командиру части с просьбой о внеочередном отпуске в родное село, чтобы уговорить своих родственников “записаться” в колхоз. Просьба была удовлетворена.

Когда он приехал в село, колхоз еще не был организован, но несколько заявлений о вступлении уже было. Все эти заявления были поданы так называемыми “деревенскими пролетариями”, у которых, как говорил отец, «за душой ничего не было». После бурных споров с родственниками (он даже подрался со своим тестем), отец все же убедил их в необходимости “записаться” в колхоз. Вступление нашей семьи в колхоз стало для всех большой неожиданностью. Ведь мы были одними из самых богатых в селе (село Воскресенское насчитывало тогда до 500 дворов).

В колхоз были сданы все сельскохозяйственные орудия: двухлемешный плуг (тогда он считался очень дорогим и был не у всякого крестьянина), сеялку, веялку, молотилку, конные грабли, конную косилку, конные бороны, маслобойку. В колхоз была сдана также вся живность: семь коров, все овцы (точное число отец не знал), выездная лошадь по кличке Карька, владимирский тяжеловоз по кличке Чалый и две рабочие лошади. Себе оставили только домашнюю птицу. В колхоз было сдано

также всё семенное зерно, которое они специально покупали в Щегловске у знакомого крестьянина. Дело в том, что зерно, выращенное в их районе, нельзя было брать на семена из-за того, что оно не вызревало полностью и не давало хороших всходов.

Записав в колхоз всех родственников, отец вернулся в свою военную часть. Основная коллективизация началась в селе весной 1930 г. Пришло распоряжение записать в колхоз не менее 60% крестьян. В том распоряжении указали, что кулаками надо считать “богатеев”- крестьян, которые имели более 3 лошадей или 5 коров, а также занимающихся торговлей и промыслом, например, кожевенным делом, производством дегтя и т.д. В колхоз их не пускать. Имущество, дома, скот у этих людей были отобраны, а их сослали на север Томской губернии. А на их место привезли сосланных из соседних губерний. Не приходится сомневаться, что сослали бы и нас, если бы отец тогда не настоял на своём.

В эту же весну умер отец Георгия Фомича - Фома Афанасьевич. Приехав на похороны, отец был поражен тем, как изменилось село. Оказалось, что семенное зерно было пущено на самогон. Коров и овец (в том числе породистых длинношерстных) пустили на мясо. Сельскохозяйственный инвентарь, который у отца Георгия Фомича хранился зимой в крытом машинном дворе, тщательно почищенный и смазанный, провел эту зиму под снегом. Маслобойку “комитетчики” поменяли на самогон в соседней деревне.

Но больше всего Георгия Фомича покорила и оставила на всю жизнь горький след судьба выездной лошади Карьки и тяжеловоза Чалого. Пьяные “комитетчики” на спор заставили бегать Чалого, который был знаменит на всю округу своей силой и в то же время медлительностью (племенные качества этой породы), а Карьку – “трелить” бревна. В результате этих глупых экспериментов обе лошади были загнаны и умерли. Вспоминая о Карьке и Чалом, Георгий Фомич всегда плакал.

В 1933 г., демобилизовавшись из армии, Георгий Фомич приехал в свое родное село. Ему предложили, как бывшему командиру Красной армии, стать председателем колхоза. Но он не смог простить того, что с его хозяйством сотворили “комитетчики”, и ушел работать на железнодорожную станцию Тайга, забрав с собой из деревни свою жену, а потом постепенно остальных родственников.

А колхоз остался. В дальнейшем в него были записаны все крестьяне села. Кто отказался, был сослан на север Томской губернии. Такая участь чуть было не постигла и тестя Георгия Фомича – Новоженникова Тихона Савватеевича, который был одним из беднейших крестьян села (имел

только одну корову). Стоило больших трудов избежать выселения из села. А в дальнейшем он стал колхозником.

Перед самой войной Георгий Фомич навестил тестя, который так и остался в селе. Село к тому времени пришло в упадок. Церквушку - предмет гордости односельчан, которую строили “всем миром”, сожгли. А отца-настоятеля со всей семьей увезли в Томск. Их судьба неизвестна.

До коллективизации село насчитывало 500 дворов, а к этому времени оно обезлюдело. Основная масса мужиков ушла на шахты под Анжерку. Обустроившись, они выписывали свои семьи. Часть мужиков ушла на строительство Мариинского спиртзавода. Тесть Георгия Фомича остался в колхозе. Он опустил. Все время плакал, вспоминая прежние времена. Единственное, на что он согласился в колхозе – пасти скот, так как с землей работать уже не хотел.

Раньше рядом с селом текла речка Воскресенка, стояла мельница. Из этой речки люди брали питьевую воду, ловили рыбу. Скот поить из речки запрещалось. За это старики пороли кнутом. Скот поили в специальных поилках, в которые воду проносили ведрами из реки. Когда мельника раскулачили и сослали, мельница развалилась. Вслед за ней - и плотина. Пруд не чистили. Он заболотился. В реку стали загонять скот на водопой. Берега ее поэтому осыпались. Речка стала мелеть, превратилась в ручеек. А потом, говорят, и совсем пропала.

Отец очень интересно относился к России. Он считал Сибирь и Россию как бы двумя разными государствами: до Урала – Россия, за Уралом – Сибирь. К российским мужикам отец относился с долей пренебрежительности. Считал, что нет в них такой хозяйственности, как в сибиряках.

Большинство “комитетчиков” были “новоселами”, приехавшими еще по Столыпинской реформе и так и не прижившимися в Сибири. Они-то и взяли верх в коллективизации, остались в селе после неё.

А основатели села почти все поразъехались.

ДОКУМЕНТ №12

Рубцов Дмитрий Ермолаевич родился в 1910 г. в д. Лебеди нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Костюкова Марина в 2000 г. (г. Кемерово)

Мои мать и отец родились в 1870 г. Имели пять детей: двух сыновей и трех дочерей. В моей семье - семь детей: три сына и четыре дочери.

Коллективизация в нашей семье связывается с каторгой, бесправием, подневольным трудом. Я уже тогда был, считай, взрослым человеком. И вспоминаю её как разорение комиссарами хозяйств, грабеж ими крестьянского имущества. Это горе и слезы крестьян. От родителей я часто слышал проклятия властям за коллективизацию!

В нашей деревне босяков не было. Не было таких людей, которые не хотели бы на себя работать, то есть тех, кто пил, гулял и был бедняком. Кулак – это политическая кличка людей, которые кормили себя, поставляли продукты в город, платили налоги, а, значит, кормили и других людей. Кулаки, конечно, не хотели идти в колхоз. Не хотели отдавать дармоедам своё горбом нажитое имущество.

Тогда нами правили большевики. Вот они и решили срочно создать военную промышленность за счет ограбления крестьян. Издали законы и постановления о насильственном сгоне крестьян в колхозы. Кто не хотел идти на бесплатный каторжный труд, того объявили кулаками - мироедами и подвергли полному разорению, грабежу и насилию. Людей отправляли в северные лагеря России, на каторжные работы: лесоповал, строительство Беломорканала, добычу золота, руды, строительство военных заводов.

Деревня стала нищая. У крестьян отбирали последнее. Райком ВКП(б) агитировал за счастливую жизнь в коллективном хозяйстве. По деревням разъезжали специальные вооруженные работники. Они были часто пьяными. Под угрозой расправы заставляли крестьян записываться в колхоз.⁴²

Правда, они всем давали срок подумать. Всем несогласным угрожали. За отказ вступить в колхоз крестьян выселяли и увозили на каторгу или в глухие поселения. Молодых сразу забирали на работу, а пожилых сначала сажали в тюрьму, а затем отправляли на север. Конфискации подлежало всё имущество хозяина: скот, птица, сельхозинвентарь, одежда, обувь и др. Часть крестьян уходила в леса. Там

---

⁴² Произвол и насилие царили в деревнях. И это несмотря на специальные циркуляры властей, их запрещающие. См. документ в конце рассказа.

они создавали отряды по борьбе с произволом властей. Но любой протест крестьян жестоко подавлялся.

Председателей колхозов назначали свыше. Иногда выбирали из деревенских. Колхозники уважали только умелых, справедливых и хозяйственных председателей и бригадиров.

До коллективизации у нас каждый крестьянин имел в достатке и мясо, и молоко, и овощи. В деревне была своя «молоканка» – как бы маленький заводик по переработке молока. Там крестьянское молоко перерабатывалось в творог, масло. Лишнее - обменивалось в городе на ткань, обувь, одежду. Переработанные продукты отправлялись в город или хранилище со льдом, который мы зимой туда завозили. После коллективизации молоко уже сдавалось в город как налог, то есть, задаром.

В колхозе работали от зари до зари. Нам ставили трудодни. На них мы получали пшеницу, овес, мед и другие продукты. Колхозное добро, конечно, воровали. Но наказание за это было очень суровым. Поэтому мы очень боялись воровать. В доколхозное время мы не воровали друг у друга и без всякой боязни. Почему? Да потому, что у всех всё было, каждый обеспечивал себя сам. Но, признаться, и воровать-то в домах особо нечего было. Да и совесть у людей была. Дармоедами ещё не привыкли жить.

Крестьяне мечтали о роспуске колхозов. Это я точно знаю. Мечтали хотя бы потому, что тогда бы они стали свободными и могли куда-то поехать. Крестьянин мог выехать из деревни только по направлению колхоза и обязательно вернуться назад на работу. Паспортов у колхозников не было. Не было и пенсионеров. Так распорядилась советская власть. Мои дети уехали из колхоза при первой же возможности.

Были в наших Лебедях и «враги народа». Это были простые люди, которые имели неосторожность что-либо сказать против советской власти или против колхозов. Нередко это были те, кто просто пошутил или украл в колхозе какую-то малость. В сталинские времена разговоров о политике велось мало. Что-то из политического чаще всего говорилось в сердцах или в пьяной компании.

Был, конечно, у нас и голод. Люди собирали по полям мерзлую картошку, пекли тошнотики.⁴³ Варили суп из крапивы, лебеды.

Когда началась война, пошли воевать только те, кто имел призывной возраст. Не больше трети их вернулось с войны. Да и то, это были раненые

---

⁴³ При оттаивании мерзлая картошка превращалась в дурнопахнущую кашицу. В неё добавляли соль (если была) и пекли на сковородке или на плите. За специфический вкус эти оладьи называли тошнотиками. Была частушка: “Вы тошнотики, тошнотики - советские блины! Я продам вам все тошнотики, куплю себе штаны”.

и перераненные люди. Те, кто побывал в немецком плену, отправлялись в ГУЛАГ, откуда они уже не возвратились.⁴⁴

После войны жить стало лучше. Но не намного. Было всё то же: голод и налоги. Налоги были на всё: яйца, мясо, молоко, масло, шкуры, шерсть. Всё это сдавалось государству в установленном количестве. Норму на каждый двор устанавливал сельский совет.

Грамотных было мало. Школы были не во многих деревнях. Да и те – только до 4 классов. Были у нас и избы-читальни. Отношение к ним, конечно, было положительное. Для нас это было «окно в мир». Своих книг в них не было.

Церковь у нас была. Но потом её разрушили. В 1931 г. священника отправили в ГУЛАГ.

За всю жизнь я нигде ни разу не отдыхал. Телевизор и холодильник мне купили уже дети.

Правительство уделяет мало внимания деревенской жизни. А в годы реформ жизнь в деревне ещё больше ухудшилась. Люди уже не могут прокормить себя только своим хозяйством. Там остались старики, а они не в состоянии держать какую-либо живность.

Нищета в деревне будет ещё долго.

Приложение (архивные документы):

Инструкция

Кузнецкого окружкома ВКП(б) «Всем секретарям райпарткомов» О порядке определения кулацких хозяйств, подлежащих выселению»

18 февраля 1930 г.

г. Щегловск.

При определении кулацких хозяйств, подлежащих выселению за пределы округа, ориентируйтесь в среднем на один процент по отношению ко всему количеству хозяйств данного района. Тщательно проверяйте, дабы в эту категорию попадали наиболее мощные и наиболее активные кулаки. За каждого середняка, который будет предназначен для высылки за пределы округа, Вы будете отвечать персонально, помимо непосредственных виновников. Отбор должен производиться при непосредственном участии членов РИКа и окружных уполномоченных.

---

⁴⁴ По советским законам пленные считались предателями родины. Наказанию подлежали не только они, но и их ближайшие родственники, которые не имели права занимать руководящие должности. Так, после пленения своего сына Якова Сталин задавал вопрос своим соратникам – имеет ли он право теперь занимать пост главнокомандующего...

Ещё раз категорически предлагается не распродавать раскулаченное имущество, а передавать его колхозам в неделимый фонд по нормальной оценке, используя это имущество как паевой фонд для вступающих в колхозы бедняков и батраков.

Не допускайте явно фиктивной оценки раскулаченного имущества. Факт выселения должен сопровождаться максимальным усилением работы среди бедноты не только путем общих собраний и формальных резолюций, а также углубленной разъяснительной работой среди середняков, имеющей целью доказать середняку лживость кулацкой агитации, якобы раскулачивание направлено и против середняков.

Добейтесь, чтобы колхозы приняли на себя засев оставленной кулаками земли и сдачи при новом урожае товарных излишков, которые приходились на кулацкое хозяйство.

Подпись М.Икс.

ГАКО. Ф.П-26. Оп.1. Д.157. Л.2.

Заверенная копия. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №13

Федоськина (Петрова) Мария Филипповна родилась в 1910 г. в с. Чебула нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Бессонова Виктория в 1999 г. (п. Чебула)

Поначалу мы не худо жили: два быка, корова, два теленочка, куры. Потом измором вся скотина полегла. Осталась одна корова. В семье у нас было пятеро детей: я, Надька, Колька, Витька и Танька.⁴⁵ Своих у меня четверо. Старший Михоня (59 лет) работает сварщиком, у него трое детей. Санька (50 лет) уехал с семьей за границу, деньги зарабатывает. Люська – врач (фельдшер) в нашей деревне, а Нюрка дома сидит, детей воспитывает.

Я, слава Богу, грамотная. Окончила три класса. Это благодаря родителям. Мамка у нас больно строгая была. Отец, тот всё ремнем решал. А вот мать могла так словом забить, что звать себя забудешь. Бывало, хочешь по улице побегать, а как мамку увидишь, что та на крыльцо вышла, так сразу домой бежишь. Я из школы приду и сразу корову пасти. А мать ещё мешок с собой даст, чтобы я на обратном пути травы нарвала. Не дай Бог, этот мешок не полный... Но ничего, жили!

А потом другая власть пришла. Стали нас в колхозы собирать. У нас последнюю корову свели в общее стадо. Вот тогда действительно нужда пришла. Голод стал. Тех, кто не хотел в колхоз вступать, силой заставляли. А если кто всё-таки упрямился, его кулаком прозывали. Каких из них совсем из деревни выгоняли, а каких раскулачивали. У них всё забирали, вплоть до последних валенок.

Отец комбайнером в колхозе был, а мать дояркой. В то время день числился трудоднем, деньги за него не платили. На них продукты начисляли. Но их было мало. В колхозе мы уже досыта никогда не ели. Бывало, проснешься ночью от голода, сил нет, как есть хочется! У маманьки всё было подсчитано: до последнего зернушка, до последнего кусочка буханки. Полезешь в стол, чтоб крошечку съесть, а мамка встанет и по рукам даст. Вот так и жили.

Потом ко мне свататься приехали. Раньше ведь как было? Не спрашивали, нравится тебе жених или нет. Как отец с матерью скажут, так тому и быть! Вот и пошла я замуж. На свадьбу всей деревней собирали: и одежду, и покушать на стол. О приданом и говорить нечего было! Это тебе не ранешное время. Колхоз нам с Миколой выделил домишко. Из досок

---

⁴⁵ В Сибири обычно в именах приставляли частицу «ка». По-сибирски звучало - не «мама» и «папа», а - «мамка» и «папка», не - Витя и Лена, а - Витька и Ленка.

кровать сделали. Стол и табуретку он сам смастерил. Лет через пять стали понемногу обустраиваться.

Но тут война пришла. Я уже второго ребенка ждала. Миколу моего забрали воевать. Сестру мою Надьку – тоже. Она фельдшером была. Тогда люди не такие, как сейчас были. С радостью на войну шли. Не боялись погибнуть. А мне одной ещё тяжелее стало. Но люди помогали. Когда, например, Миханю надо было в школу отправлять, так ему совсем не в чем идти было. Кто рубашонку из соседей дал, кто штанишки. Я хотела, чтобы дети образованными были.

Когда Микола с войны пришел, полегче стало. Но всё равно ещё долго от войны оправиться не могли. Правитель тогда у нас строгий был - Сталин. Его все боялись!

Но всё равно – голод-то не тетка. Приходилось воровать.

Бывало, идет машина с зерном, а мужики к ней подбегут и украдут кепку пшеницы. Кого поймают, в тюрьму посадят или даже расстреляют. А кого пронесет, всё же семью накормит. Да! Ох и тяжело было!

Вот она жизнь-то какая была! Как речка быстротечная. Плывёшь себе по течению. А если плавать не умеешь, так быстро потонешь. И слово против власти не скажешь. Хотя, конечно, были и такие, кто говорил. Но их врагами народа считали и в тюрьму сажали. Боялись люди лишнего сказать. Не то, что сейчас. Хоть во весь голос кричи, никто тебе ничего не скажет.

Муж мой помер лет десять назад. Хорошо хоть детей подняли, сумели воспитать. А что ещё человеку нужно?!

Сейчас жизнь и вовсе наладилась. Только надо, чтобы пенсию вовремя носили. А так, жить можно! Корову держу, козочек, кур. В общем, не жалуюсь. Да ещё дети, нет-нет, да помогут. Жить стало лучше. Хоть и давят народ ценами.

Мне 89 лет, но я всё сама по дому делаю: и пол помою, и за водицей схожу. Закалка-то она много значит. Я вот и думаю: а если бы жизнь по-другому сложилась, дожила я до стольких лет или нет? Наверное, нет! Потому что, хоть и суровая была жизнь, но люди хотели жить и жили. Жизнь – штука тяжелая. Но если хочешь жить – значит будешь.

Никуда ты не денешься - ни от времени, ни от судьбы!

ДОКУМЕНТ №14

Ретунская (Зубкова) Мария Дмитриевна родилась в 1910 г. в с. Усть-Волчиха Алтайского края. Рассказ записала Полузятко Яна в 1999 г. (д. Тутуяс Кемеровской области)

Отец (1884 г. р.) и мать (1885 г. р.) имели шестерых детей: четыре сына и две дочери. Мы с мужем имеем двух дочерей.

Про революцию только и помню, что то красные придут, то белые. А мы всё по погребам прятались. До революции и до коллективизации тот хорошо жил, кто хорошо работал. Лодыри жили в бедности и нищете. На всю нашу деревню из 50 дворов был только один пьяница и дебошир. Он был сапожником.

С апреля по ноябрь у нас в деревне все работали от зари до зари: то посевная, то покос, то уборочная. На себя работали. Тяжести не замечали.

Одежду носили в основном самотканную. Сами вязали, сами шили, сами кожу выделывали, сами валенки катали. Из праздников отмечали только Пасху, Троицу и Петров день. Никаких свадеб, никаких дней рождения на период работы не было. Соблюдали все посты. Причем, очень строго. Это уже после революции все церкви разорили. Но люди в домах держали образа и тайком молились.

Раскулачивали всех, кто имел мало-мальски пригодное хозяйство. У нас с мужем был хороший пятистенный крестовый дом. Нас из него выселили и в доме сделали колхозную контору. А нам с мужем дали маленький домик. Да и то потому, что муж был хорошим пчеловодом, и колхоз был заинтересован в нем. А так бы сослали... Муж был старше меня на 11 лет, знал грамоту. Вырос в богатой семье. Наследник. Постоянных батраков мы с ним не имели, но во время страды нанимали людей.

В 1937 г. к нам в деревню со всего округа собрали арестованных мужиков. Их было человек 200. Никто не знал, за что их забрали. Только всех их утопили в проруби. До самой весны никому из родственников не разрешали даже подходить к реке.⁴⁶

Голод был. В колхозе работали за палочки, то есть, за трудодни. Большинство из нас были неграмотными. Нас обманывали. После уборочной всё сдадут государству, а колхозникам ничего не доставалось.

Уехать из колхоза было нельзя. Не было паспортов. Надо было иметь от колхоза справку, чтобы паспорт получить. Но её никто не давал. Так

---

⁴⁶ Поразительна обыденность повествования о таком страшном событии. На Нюрнбергской процессе эпизоды зверств фашистов над мирным населением порой много меньшие по своему масштабу вызывали справедливое негодование общественности и международных судей.

делалось, чтобы удержать рабочую силу.⁴⁷ Молодых, правда, отпускали учиться в город. Но это только тех, кто 7 классов закончил.

После войны, уже при Хрущеве, разрешили держать одну корову, свинью и штук пять овец. Лошадь иметь можно было только инвалиду войны.⁴⁸ Земли выделяли 15-20 соток. Да в поле разрешали использовать 50 соток. Но такие налоги были! Молока, например, в доме оставалось только на то, чтобы «забелить» чай.

Про политику люди говорили мало. Информацию получить было нигде. Но выборы были для всех праздником.⁴⁹ Приходили голосовать все. Помню, для тех, кто приходил в 6 часов утра, накрывали стол и подносили по стопке водки. А в клубе весь день шли концерты.⁵⁰

Вы поглядите, что сейчас в стране делается! Сильно быстро решили сделать реформы. Широко шагнули, и штаны порвали. Производство забросили. А хотят импортные «сникерсы» есть.⁵¹ Но в долг долго не проживешь!

Надо возродить производство и дать руководить страной таким людям, как Кириенко, Немцов, Шойгу⁵² и др. А всех старых убрать. Пусть пишут мемуары.

Новую экономику дать делать молодым, энергичным.

---

⁴⁷ В 1932 г. в СССР ввели паспорта. Паспорта могли иметь только жители городов, крестьяне были лишены этого права, тем самым прикреплялись к колхозу. За два года до этого советская энциклопедия (1930 г. издания) констатировала: «Паспортная система была важным орудием политического воздействия и налоговой политики в так называемом полицейском государстве. Паспортная система действовала в дореволюционной России. Советское право не знает паспортной системы».

⁴⁸ Лошадь – инвалиду войны следует интерпретировать как принципиальная уступка большевиков, считавших невозможным существование частной собственности на средства производства при социализме.

⁴⁹ Составители данной книги некоторое время не могли понять, почему день выборов в советы все колхозники считали праздником, а их современники – горожане на этом не акцентировались. Колхозник, в отличие от рабочего, имел лишь несколько выходных дней в году: 21 января (день смерти Ленина), 7,8 ноября (годовщина Октябрьской социалистической революции), 1,2 мая (день международной солидарности трудящихся). С принятием Конституции СССР в 1936 г. у колхозников появился ещё один выходной – день выборов.

⁵⁰ Не случайно выдающийся писатель В.П.Астафьев называет советскую власть «лукавой» и «воровской» (см. В. П.Астафьев. Прокляты и убиты. Роман газета. 1994. №3. С. 132.)

⁵¹ Импортные шоколадные батончики «сникерс» в конце 80-х годов стали неким символом благополучия их покупателя. Его цена была почти равна стоимости бутылки водки – советского «золотого» эквивалента в оплате услуг сантехника, шофера, тракториста и пр.

⁵² Когда записывался рассказ, в России шла предвыборная борьба в Государственную Думу. С.В.Кириенко и Б.Е.Немцов возглавляли «Союз правых сил» – движение либеральных реформаторов. С.К.Шойгу – «Единство» – центристское объединение, которое и победило на тех выборах.

ДОКУМЕНТ №15

Благовещенская (Позднякова) Мария Гавриловна родилась в 1910 г. в с. Грязное Курской области. Рассказ записала правнучка Благовещенская Ольга в 2000 г. (г. Кемерово)

Семья наша состояла из отца, матери и 14 детей. Жили мы дружно, уважали отца, берегли мать. В 19 лет я вышла замуж за такого же деревенского парня, какими были все у нас в деревне, в 1931 году родила сына.

Коллективизация у меня связывается с насилием и бесправием, никто не спрашивал мнение народа, всех «сгоняли» в колхозы. В деревне люди издавна привыкли работать сообща, часто на 2-3 семьи имели общую мельницу, где каждый занимался тем, что у него получалось лучше всего, а коллективизацию с радостью восприняли немногие.

Родители были против коллективизации, хотя старались молчать – боялись за семью. Её проводили бедняки, то есть, это, прежде всего, – лодыри. А таких людей, которые не хотели работать, всегда было много. Но в деревне, несомненно, были и середняки, которые активно трудились на своем хозяйстве, продавали излишки урожая. Такие-то семьи, прежде всего, и подвергались раскулачиванию. Наша семья относилась как раз к таким: мы имели корову, лошадь, держали поросят, исправно обрабатывали землю, зимой ткали и пряли. Хотя нельзя сказать, что жили богато, но в достатке. Нас все-таки раскулачили: отобрали скот и всё имущество. Насильно, без разбора.

Отец так переживал, что вскоре умер от сердечного приступа. Отношение односельчан к кулакам было неоднозначным. Работающие люди кулаками их не считали, а бездельники желали, чтобы раскулачивание проходило более жестоко. Со стороны властей к раскулачиваемым применялись всевозможные жесткие репрессивные меры. Всех, кто сопротивлялся раскулачиванию, выселяли в «Соловки», на Колыму и в другие отдаленные места. Так, мою сестру с семьей выселили на север. В чем были одеты, в том и, с голой душой, отправили этапом. Двое ее детей умерли по дороге от голода и мороза.

Долгое время после коллективизации деревня оставалась крайне бедной. Но в период пика коллективизации это выразилось наиболее остро.

Для вовлечения в колхозы применялись добровольно-принудительные методы. Бездельники шли добровольно, так как понимали, что за счет колхоза будут всегда иметь пропитание, а работяги

не желали, чтобы за счет их труда жили другие люди. Они ясно представляли, что колхоз грозит общей уравниловкой. Поэтому противников коллективизации сгоняли в колхоз силой.

Конфискации подлежало все: скот, имущество. Их дома брали под сельсоветы. При такой ситуации не обходилось без возмущений.⁵³ Но это моментально подавлялось властями. А такие факты скрывались от народа. Противников коллективизации бесшумно арестовывали и ссылали. А люди узнавали об этом лишь по слухам. Сведения о выселенных, конечно, поступали, но они были далеко не радостными. Власти внушали людям, что коллективизация проходит замечательно. А жизнь людей вот-вот наладится.

Активистами колхозов становились те, кто безгранично поверил в пропаганду. Бывало, доходило до фанатизма.⁵⁴ Чаще это были легкомысленные люди, которым все равно терять было нечего. Мы их презрительно голодранцами звали.⁵⁵

Председателя колхоза выбирали из активистов, которых знала вся деревня и которые пользовались авторитетом у вышестоящих властей. Чаще председателями становились люди, хорошо знавшие крестьянское дело и умевшие влиять на селян. Но к председателям отношение людей сначала было настороженным.

Одежда, быт и пища крестьян до и после коллективизации мало в чём изменились и оставались скудными. К столу подавался чугунок картошки с капустой и изредка мясом. Правда, только до коллективизации

---

⁵³ О типичных настроениях в обществе см. документ в конце рассказа.

⁵⁴ На вопрос – почему крестьяне пошли на изъятие собственности у соседа, что, как будто, противоречило всему культурному укладу российской деревни? – видимо, ответил Ф.Хайек, заявивший: «...В коллективистском обществе ни совесть, ни какие-либо другие сдерживающие факторы не ограничивают поступки людей, если эти поступки совершаются для блага общества» (см. Ф.Хайек Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 112). А крестьян тогда сумели убедить, что они совершают благое дело во имя своего будущего. Ещё определеннее высказался Л.Мизес, заявивший: «... Предложения о частичной экспроприации частной собственности всегда находят восторженное одобрение среди масс, ожидающих получить от этого непосредственную и немедленную выгоду» (Л. Мизес Либерализм в классической традиции. М., 2001. С. 149). Объяснение этой линии поведения можно найти в социокультурной особенности россиянина-общинника, выраженной в народной поговорке - «пусть у меня корова сдохнет, чем у соседа будет две». В общине крестьянин следил за тем, чтобы доля каждого была в точности равна доле другого

⁵⁵ Такое название активистов колхозов вошло в художественную литературу. В 70-е годы вышла пафосная книга Наседкина «Великие голодранцы», в которой воспевались успехи деревни в связи с коллективизацией.

каждый член семьи имел кусочек сахара к чаю. В колхозах уже этого не было.

Рабочий день колхозника был от зари до зари, без механизированного труда. Что заработал по трудодням, то и получал. Но эти деньги измерялись копейками, а часто и этих копеек не было вообще.

Воровство колхозного добра процветало. Люди считали, что в колхозе "все не мое", поэтому и воровали. До сих пор помнится закон о «колосках» и «горсти гороха», когда людей сажали в тюрьму за подобранный в поле колосок или стручок гороха, в то время как нация погибала от голода. Дома же в деревне на замки не закрывали, потому что закрывать было нечего – бедность. Другой причиной было то, что у людей было сознание совести и вера в Бога. Это ни то, что потом, когда перестали верить в Бога вообще и потеряли совесть.

В деревне всегда были пьяницы. Несмотря на пропаганду трезвости, после коллективизации от этой вредной привычки мужчин отучить так и не удалось, женщины же не пили ничего и считали пьянство позорным.

Мечта о роспуске колхоза у некоторых оставалась. Это были люди, умеющие организовывать свой труд самостоятельно и желавшие иметь собственное дело. Другие же наоборот восхищались созданием колхозов, так как их больше устраивало жить в колхозе, как за каменной стеной, ни о чем не думать, ни за что не отвечать.

Многих односельчан, наших друзей, знакомых вскоре назвали врагами народа и репрессировали. Людей забирали неожиданно, и большинство из них уже не возвращались. Обстоятельства и факты тщательно скрывались. У одной нашей соседки забрали мужа, и только через несколько лет она узнала, что его вместе с другими врагами народа согнали в заброшенную шахту и погребли заживо под землей. Все понимали, что людей чаще всего забирали без вины, но никто не протестовал, все молчали. Из-за страха за жизнь.

Был голод. В 1931-33 годах голод коснулся и нас. Взрослые приберегали скудную пищу детям, а сами «пухли» от голода. Это обстоятельство заставило нас покинуть центральную Россию и переехать в Кузбасс, где мы спаслись благодаря картофелю и другим местным овощам. В военные же годы в Сибири голод не коснулся моей семьи, так как работали на заводе и стабильно получали хлеб по карточкам, а все остальное выращивали на подсобном хозяйстве.

В колхозе долгое время пенсионеров не было – работали все. Никто не учитывал стаж работы. Не было никаких социальных пособий. Люди не имели даже паспортов, чтобы не смогли уехать из села в город.

Когда началась война, не все охотно пошли добровольцами на фронт. Украинцы, жители центра России часто пытались отсидеться дома. Сибиряки же понимали всю важность участия в войне и с большим желанием шли на фронт, так как были менее избалованы и более ответственны. Даже по статистике из погибших на полях сражения Великой Отечественной войны большая часть – сибиряки.

После войны жить стало лучше только тогда, когда восстановилось государство в целом. Хотя по-прежнему были высокие налоги, ограничения на ведение личного хозяйства. Например, на семью нельзя было иметь больше одного поросенка, не взирая на количество человек в семье. Ограничения доходили до абсурда, но приходилось мириться и с этим.

Жизнь была тяжела, но люди оставались жить в селе, потому что были две причины. Во-первых, они были прикованы к земле теми условиями, которые создали власти. Во-вторых, молодежи рассказывали о замечательной сельской жизни, о необходимости поднимать сельское хозяйство. Они добровольно не покидали деревни.

С установлением советской власти образование было объявлено обязательным для всех. Учиться пошли многие. За счет вечерних школ и училищ учиться смогли не только дети, но и взрослые. Поэтому уровень образования населения резко возрос. Единственным недостатком было то, что в деревне обычно не было десятилетней школы, а учиться в райцентр детей не отпускали родители, да и на учебу времени у людей оставалось немного, так как нужно было работать в колхозе.

Преимуществом нового времени стало то, что начали учитываться духовные потребности населения: появилось множество сельских клубов с кружками художественной самодеятельности, «избы-читальни». Данные изменения с радостью были восприняты крестьянами.

Только борьба с церквями никого не устраивала. У глубоко верующего населения вдруг насильно отобрали веру. Но сама вера в Бога у большинства семей осталась такой же нерушимой. Церкви же закрывались, потому что власть видела в них непосредственную себе угрозу. Ведь при социализме не должно быть другой веры, кроме как в партию и светлое социалистическое будущее. Да и сами священники восставали против советской власти.

О политике и Сталине в семье разговоров не было. Так как любой разговор мог быть подслушан, и по 58 статье за лишние слова ненароком можно было угодить в тюрьму. Сталина в душе уважали за его желание построить цветущее государство. Но боялись ещё больше.

Нищету в колхозе называли одним словом – голытьба. Хорошо в колхозе жили руководители и механизаторы.

Наша жизнь началась в деревне, но постепенно все мои братья и сестры все-таки переехали в город, где легче жить. В городе живут их дети и внуки.

В том, что деревня не может выбраться из нищеты до сих пор, я считаю, виновата бездарность руководителей. Мы умеем работать, но не хотим. Нужен умный талантливый человек, который смог бы этот труд организовать.

Вся жизнь моя прошла только в работе. За границей я не была ни разу, да о ней мы многие десятилетия и не знали. На курорты тоже не ездила – не было возможности. Мебель, телевизор, машинка у нас постепенно появились. Но даже эти необходимые вещи мы наживали долгие годы.

Я отрицательно отношусь к закрытию заводов в последние годы. Жаль людей, которые не могут найти работу. Появилась возможность открыть свое дело. Но и на этом пути множество препятствий.

Сейчас человек обрел свободу. Но он далеко не всегда может себя проявить, найти свое место в обществе.

Приложение (опубликованные документы):

Информсводка

политуправления Московского военного округа об участии воинских частей в операциях по ликвидации кулачества.

26февраля 1930 г.

Совершенно секретно.

[...] Люди говорят: «Не записывайтесь в колхозы, а то от вас все заберут. Теперь власть, наверное, переменится»; «Надо теперь раскулачивать командный состав, их жены много понабрали добра». Отмечено три случая, когда начсоставу на улице кричали: «Вон пошли, грабители, воры». [...]

См. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. Т. 2 С. 263

ДОКУМЕНТ №16

Варнакова Василиса Ивановна родилась в 1911 г. в д. Барково нынешней Новосибирской области. Рассказ записан в 2001 г. (г Кемерово)

Я родилась в большой семье. Детей было много: Марфа, Мария, Василиса, Афонасий, Ефим, Ларион, Геннадий и Кирилл. Отец Иван и мать Анна. Из-за твоих вопросов я снова ощутила детство.

Во время коллективизации, о которой ты спрашиваешь, в селе у нас царили шум и суета. В колхоз пошли самые бедные, у которых ничего не было: ни земли, ни скота. Эти бедняки и стали хозяевами положения в деревне. А раньше их за серьезных хозяев соседи и не принимали.

Раскулачивание - это страшно. Знаю по себе. Сначала выселили из нашей деревней самых богатых, а потом и средних. В их числе оказалась и наша семья. Горько на сердце, как вспомню наш разор. Забрали все, что кормило нашу большую семью: три коровы, хлеб, гусей, кур. Помню, как я побежала к председателю и со слезами просила вернуть шкаф, ведь там была вся наша одежда!. Но все оказалось напрасно. Увозили нас рано утром. Из односельчан никто с нами не вышел попрощаться. Все молча смотрели из окошек. А мой жених даже не подошел ко мне. Так и расстались с ним навсегда. Все боялись за себя!

Вывезли нас на двух телегах. Ничего не разрешили взять, кроме постели. Доехали до станции Черепаново, а оттуда везли на поезде до Томска. Потом на баржах поплыли по Томи в район нынешней Тайги. Высадили в глухой тайге. Дороги не было. Мы сами рубили деревья, чтобы дорогу проложить. Довели нас до большого поля, раздали палатки, сказали: «Здесь будете жить и работать!». Начался большой голод. Есть было совсем нечего. Многие из нас поумирали.⁵⁶ Некоторые стали убегать с поселения. С одной такой группой убежала и я.

Как я не умерла, как дошла до своей деревни, не знаю. Вернулась в деревню, думала, спаслась. А председатель опять отправил меня назад в тайгу на поселение. Убежала я во второй раз. На этот раз пришла к своему деду. Испугался дед, взял за руку свою внучку и пошёл прямо к председателю. Пожалел нас председатель и оставил жить в селе.

Кто-то передал в деревню, что мать моя болеет, а братья и сестры ослепли от холода и голода. Попросила я у председателя коня отвезти им

---

⁵⁶ Положение, в которое попадали ссыльные, высаженные в необжитых местах, иллюстрирует документ о назинской трагедии, впервые опубликованный В.И.Шишкиным (см. в конце рассказа).

хлеба. Доехала до Тайги, увидела родных худыми и больными. Ночью собрала всех, и мы вместе сбежали. Днем прятались, а ночью шагали. Сколько мы страдали, сколько голодали, я уже и забыла. Одно хорошо помню, как нас всей семьей опять сослали. Теперь уже в Нарым. Работали все в лесу: мужчины рубили лес, женщины таскали бревна. Как выжила, как только не погибла от этих мук, не понимаю.

Из прошлого я хорошо помню про церковь. Ее закрыли и использовали под склад. Ещё помню, как сильно я хотела учиться. Как умоляла отца, чтобы он разрешил мне посещать школу! Но отец сказал, что девочкам надо вязать и доить, а не книжки читать.

А с супругом я познакомилась в Новосибирске, там и поженились, потом переехали жить в Кемерово. Но это было уже после войны. Дом построили, корову купили. Родила трех сыновей. Муж давно умер, похоронила я и младшего сына. Из большущей нашей семьи в живых остались только я да двое моих сыновей. Все братья и сестры умерли, в деревни из родных никого не осталось.

А на курорте я никогда не отдыхала и за границей не была. Холодильник купила, когда дети были еще совсем маленькими. Новый телевизор мне подарил старший сын Витя. Машина есть у внука.

Я теперь не выхожу из дома. Я не знаю, что творится сейчас. Только молю Бога, чтобы мои сыновья и внуки не пережили все то, что я пережила.

Главное, чтобы у них на столе всегда был хлеб.

Приложение (опубликованные документы):

Письмо

инструктора Нарымского окружкома ВКП(б) Величко в партийные органы о положении на острове Назино

3-22 августа 1933 г.

Совершенно секретное

Иосифу Виссарионовичу Сталину, Роберту Индриковичу Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И.Левиц

I

29 и 30 апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах в Нарымский округ. 18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на р. Оби у устья р. Назина на острове Назино против остяцко-русского поселка и пристани

этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа).

Первый эшелон составлял 5070 человек, второй — 1044 [чел.]. Всего 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате, помимо всего прочего, высокая смертность, например, в первом эшелоне она достигла 35-40 чел. в день.

Показателен в данном случае такой факт. Первый эшелон пристал к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до 40 трупов, и потому, что было очень тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступить к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи и некоторые из них поползли по песку к людям. Так, из этих трупов ожили и стали на ноги 8 чел.

Жизнь в баржах оказалась роскошью, а пережитые там трудности сущими пустяками, по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назино (здесь должна была произойти разбивка людей по группам для расселения поселками в верховьях р. Назиной). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких [бы] то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые.

При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске.

Такое положение смутило многих товарищей, сопровождавших первый эшелон [в] 5070 чел. (Дело в том, что ещё в баржах многие из-за недостатка хлеба голодали). Однако эти сомнения комендантом Александровско-Ваховской участковой комендатуры Цыпковым⁵⁷ были разрешены так: "Выпускай... Пусть пасутся".

II

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия первого эшелона 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные,

---

⁵⁷ Фамилия коменданта — Цепков.

истощенные люди без кровли, не имея никаких инструментов и в главной своей массе трудовых навыков и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня. Трудно сказать, была ли возможность делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. По острову пошли пожары, дым.

Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения, холодов, ожогов и сырости, которая окружала людей. Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах людей, которые не могли помочь ему, не было ни лестниц, ни топоров.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, необранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность и т.д.

Сразу же после снега и мороза начались дожди и холодные ветра, но люди все еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм.

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках, штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке), падала и задыхалась, умирая от удушья.

Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки. Кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем угрожающих размерах, людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем где подвертывался случаи. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами. Однако наряду с этим, извест[ная] часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихалев), стрелки ВОХР и медработники и, конечно, каптенармусы.⁵⁸ Наряду с людоедством, комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, т[ак] к[ак] она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали так

---

⁵⁸ Так до 50-х годов в Советской армии называлось лицо, ведавшее имуществом, продовольствием.

называемые бригадиры, т.е. отъявленные преступники. Они получали мешки муки на «бригаду» и уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Неспособность или нежелание организовать обслуживание людей дошло до того, что когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятитысячной массе в порядке индивидуальном, живой очередью. Произошло неизбежное: люди сгрудились у муки, и по ним была произведена беспорядочная стрельба. При этом было меньше жертв от ружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь.

Надо полагать, комендатура острова и ее военные работники, во-первых, мало понимали свои задачи по отношению [к] люд[ям], которые были под их началом, и, во-вторых, растерялись от разразившейся катастрофы. Иначе и нельзя расценить систему избиений палками, особенно прикладами винтовок, и индивидуальные расстрелы трудпоселенцев. Приведу один пример расстрела, потому что он ярко характеризует попытки организовать людей.

Один трудпоселенец попытался два раза получить муку (мука выдавалась кружками, чайными чашками), был уличен, «Становись вон там», — скомандовал стрелок Ходов. Тот стал на указанное место, в сторонке. Ходов выстрелил и убил наповал (он убил многих, но сейчас рассчитан по личной просьбе).

Такие методы руководства и воспитания явились очень серьезной поддержкой начавшемуся с первых же дней жизни на острове распаду какой бы то ни было человеческой организации.

Если людоедство явилось наиболее острым показателем этого распада, то массовые его формы выразились в другом: образовались мародерские банды и шайки, по существу, царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же на острове открылась настоящая охота и в первую очередь за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами. Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скупавших золото, платье и др. По острову установились цены: новое пальто - 0,5 булки или пачка махорки. 1 пачка махорки — 300 рублей, два золотых зуба или четыре коронки или два золотых.

Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающим смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производительного труда. За все время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали, тот, кто не двигался или мало делал движений, умирал.

В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро принявший порядки острова. В конце мая (25-27) началась отправка людей на т[ак] н[азываемые] участки, т.е. места, отведенные под поселки.

III

Участки были расположены по р. Назино за 200 километро от устья, поднимались на лодках. Участки оказались в глухой необитаемой тайге, также без каких бы то ни было подготовительных мероприятий. Здесь впервые начали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне на все пять участков. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на острове. Тот же костер, все то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим порядком. Достаточно привести такой факт. На пятый участок с острова пришла лодка в количестве 78 чел. Из них оказались живыми только 12. Смертность продолжалась.

Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью.

Бегство, начавшееся еще на острове (но там было трудно: ширина Оби, шел еще лед) здесь приняло массовые размеры. В ход пошли различные провокации. Важнейшие из них две: - решено истребить 200 000 (или 20 000) деклассированного элемента (добавляли: так как нет войны) (так в документе), - в 70 километрах (или в 40 километрах) — железная дорога. Последняя провокация "подтверждалась" тем, что на одном из участков в ясные зори слышалась отдаленная гармонь, крик петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, или на плотях, погибали там или возвращались обратно.

IV

После расселения на новых участках приступили к строительству полуземляных бараков, вошебоек и бань только во второй половине июля. Здесь еще были остатки людоедства и на одном из участков (№1) закапывались в землю испорченные мука и печ[еный] хлеб, портилось пшено на другом (участке №3).

Жизнь начала входить в свое русло: появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750-800-900-1000 граммов (паек) хлеба продолжали заболевать, умирать, есть мох, листья, траву и пр.

Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявшихся за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиения,

узурпаторство, убийства людей — бездушные в отношениях к ним, мат и произвол — нередкие явления. Такие факты:

Коменданты Власенко и Понасенко (правильно Панасенко) избивали трудпоселенцев. Стрелок Головачев за похищение одной рыбыны в пути следования лодки избил трудпоселенца и приказал ему умыться. Когда это было выполнено, приказал прыгнуть с лодки. Трудпоселенец прыгнул и утонул.

Комендант Асямов, живя с женщинами-трудпоселенцами на днях изранил дробью одного трудпоселенца, удившего рыбу, и скрыл этот факт от проезжающего по участкам командования. Комендант Сулейманов, кроме того, что избивал людей при выдаче трудпоселенцам сахара поедал его (на глазах у всех) в невероятно больших количествах и теперь, по собственному заявлению, потерял всякий вкус. Помимо того он брал гребцов-трудпоселенцев и катался на лодке...

Будь люди поворотливее, смертность можно было сократить до минимума, т[ак] к[ак] она происходила главным образом от поноса, однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты, ощущалась острая потребность [в] вяжущих (против поноса) средствах. При этом огромный запас галет лежал в палатках и базах, т[ак] к[ак] не было указания, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая история случилась и с сушеной картошкой, и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, а больные лежали (палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то, что поселки [находились] в тайге, больные лежали на земле, а та часть, которая помещалась на нарах из палок, лежала на мху, в котором немедленно заводились черви. Или: обмундирование

висело в складах, а люди голы, босы, заедались вшивостью. Нужно отметить, что все описанное так примелькалось начсоставу и работникам большинства что трупы, которые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибывались к берегам, уже не вызывали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась кличка и обращение — ШАКАЛ. Нужно отдать справедливость, что взгляд этот последовательно осуществлялся в ряде случаев, например: 3 августа с Назинской базы на уч. №5 была отправлена со стрелком т.Шагита лодка с людьми. Их нигде не снабдили, и они оставались голодом, проезжая участки, прося хлеба. Им нигде не давали, и из лодки на каждом участке выбрасывали мертвых. На 5-й участок прибыло 36 чел., из них мертвых 6 чел. Сколько человек выехало, так и не удалось установить.

V

В результате всего из 6100 чел., выбывших из Томска, к ним 500-600-700 чел. (точно установить не удалось) переброшенных на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 чел. Все это, особенно остров, осталось неизгладимой метой трудпоселенцев, даже у отъявленного рецидива, видевшего виды на своем веку. Остров прозван Островом Смерти или "Смерть-Остров" (реже — остров людоедов). И местное население усвоило это название, а слух о том, на острове, пошел далеко вниз и вверх по рекам. Трудпоселенцы сложили об острове свои песни. Приведу несколько отрывочных мест:

1.

Трудно нам, братцы, в Нарыме,
Трудно нам здесь умирать,
Как пришлось на Острове Смерти
Людоедов нам всем увидеть.
(Из песни "На Острове Смерти")

2.

Боженька, боженька миленький,
Дай мне ножки до весны.
(Дело в том, что у людей страшно опухали и еще опухают ноги).

3.

Не придет мать с горячен молитвой
Над могилою сына рыдать,
Только лес свою песню нарымскую
Будет вечно над ней напевать.
(Из песни "Между топких болот")

и т.д., и т.п.

На острове сейчас травы в рост человека. Но местные жители ходили туда за ягодами и вернулись, обнаружив в траве трупы и шалаши, в которых лежат скелеты.

VI

Не только все это заставило меня писать Вам. Беда (в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищей прежде всего пала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и острове и в первое время на участках.

Сколько их — трудно сказать, также трудно сказать КТО — потому, что документы по их заявлению отбирались в местах их ареста органами, производившими изоляцию, главным образом в эшелонах рецидивом на курение. Однако, некоторые из них привезли с собою документы:

партийные билеты и кандидатские карточки, [комсомольские] билеты, паспорта, справки с заводов, пропуска в заводы и др. 17 и 30 июля пришли эшелоны с деклассированным элементом на р. Паню и ее притоки. Особенно много таких людей именно в комендатурах этой реки и ее притоков. Со слов самих людей, из бесед с ними можно привести такие факты неправильной ссылки людей.

Река Назина (приток р. Пани)

1. Новожилов Вл.⁵⁹ из Москвы. Завод «Компрессор». Шофер, три раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончил работу, собрался с женой в кино, пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.
2. Гусева, пожилая женщина. Живет в г. Муроме, муж старый коммунист, главный кондуктор на ст. Муром, производ[ственный] стаж 23 года, сын помощник машиниста там же. Гусева приехала в Москву купить мужу костюм и белого хлеба. Никакие документы не помогли.
3. Зеленин Григ. Работал учеником слесаря Боровской ткацкой фабрики «Красный Октябрь», ехал с путевкой на лечение в Москву. Путевка не помогла — был взят.
4. Горнштейн Гр. — член КСМ с 1925 г. Отец член ВКП(б) с 1920 г., рабочий газового завода в Москве. Сам Горнштейн тракторист совхоза "Паняшково" в Верх-Нячинске. Ехал к отцу. Взят на вокзале, только что сошел с поезда. Документы были на руках.
5. Фролов Арсентий — член КСМ с 1925 г. Отец член ВКП(б), подпольщик, работает врачом на ст. Суземка, Зад[падной] области. Сам Фролов взят в Сочи на курортном строительстве «Светлана» (работал плотником). Шел с работы (брат в Вязьме работник ОГПУ).
6. Карпухин МЛ. Ученик ФЗУ №6 на Сенной (г. Москва). Отец москвич и сам Карпухин родился в Москве. Шел из ФЗУ после работы домой и был взят на улице.
7. Голенко Никифор Павл., старик. Из Хоперского округа. Ехал через Москву к сыну на ст. Багашево Курской ж.д. Совхоз «Острый». Взят на вокзале.
8. Шишков — рабочий фабрики «Красный Октябрь» в Москве, на этой фабрике работал непрерывно 3 года. Взят на улице, возвращаясь с работы.
9. Виноградова — колхозница из ЦЧО. Ехала к брату в Москву. Брат - начальник милиции 8 отделения. Взята по выходу из поезда в Москве.
10. Адарков Константин. Член бюро КСМ ячейки строительства главного военного порта в Керчи, поехал к матери в Гривно (Подмосковье). Из Гривно поехал в Москву и взят по прибытии поезда.

---

⁵⁹ В документе отсутствует полное написание имен

11. Глухова Фаина — строитель, десятник Ташкентского заготскота. Получив очередной отпуск, ездила к дяде в Ленинград. По окончании отпуска, возвращаясь на работу в Ташкент, была взята в Москве с документами и ж.д. билетом.
12. Назин (сейчас при участковой комендатуре в с. Александрово — пом[ощник] нач. пожарной охраны Большого Титра, один из работников пожарной охраны Кремля. Взят на улице. Пропуск в Кремль ничего не помог.

Пос. «Новый Путь» на притоке р. Пани.

1. Войкин Ник. Вас. Член КСМ с 1929 г., рабочий фабрики «Красный текстильщик» в Серпухове. Член бюро цехячейки, кандидат в члены пленума фабричного комитета КСМ. много раз ездил на хозполиткампании по командировкам МК КСМ. Три раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома.
2. Сивов Пав. Ив. — ученик ФЗУ «Промвентиляция» в Москве на Ульяновской. Прописан у брата как малолеток. Паспорта не имел. Шел из ФЗУ с работы домой.
3. Шмелев — член КСМ с 1933 г., рабочий завода №24 имени Фрунзе в Москве. Плотник. Паспорт должен получить через два дня. Было соответствующее удостоверение. Шел с работы.
4. Ткачев Пав. Алекс. Член КСМ с марта 1933 г. ВКП(б) №1387815. Взносы уплачены по август 1933 г., отмечено, и отметка закреплена печатью детдома им. ВЦИК (билет на руках, выдан Сокольнич[еским] РК ВЛКСМ). Воспитанник детдома им. ВЦИК в Москве. Детдом в лагере на ст. Пушкино. С соответствующими документами администрацией детдома Ткачев был послан вместе с другими воспитанником Васильевым за инструментами духового оркестра, которые были оставлены в Москве. Взят по прибытию поезда в Москву. Отец в Москве, сторож, адрес ул. Драгомилова, 2-и Брянский переулок, д.14, кв.5.
5. Васильев Зосим Вл. — член КСМ с 1930 г., секретарь ячейки КСМ детдома им. ВЦИК в Сокольниках. Попал в Нарым так же, как и Ткачев, вместе с Ткачевым.
6. Таратынов Никан. Андр. — член КСМ с 1930. Секретарь ячейки КСМ колхоза «Оборона страны» Белховского района ЦЧО. Приехал в Москву 4 июня за хлебом.
7. Остротюк Ив. Сол.— член КСМ с 1931 г., был у брата в г. Горьком (строительство моста через Волгу), ехал через Москву домой в свой колхоз, с. Сингаевка Бердичевского района Винницкой области. Взят в Москве.

8. Поняев Вас. Евдок. Род. в 1885 г., рабочий, выдвиженец. Десятник горных работ — Донбасс, Чистяковский район, Снежнянское рудоуправление, шахта №4. После операции в связи с травматическим случаем получил отпуск. Ехал домой через Москву (в Донбассе с 1919 г.).
9. Матвеев И. Мих. Рабочий постройки хлебозавода №9 МОСПО. Имел паспорт до декабря 1933 г. как сезонник. Взят с паспортом. По его словам, даже паспорт никто не захотел смотреть.
10. Клещевников Георг. Петр. приехал в Москву с путевкой в школу циркового искусства (рабочий завода тракторных деталей в Саратове).
11. Черкасов Вл. Фед. — рабочий завода №24 им. Фрунзе в Москве, токарь, работал на заводе 4,5 года. Взяли на вокзале, возвращался из деревни, куда ездил выяснять, почему не принимают в колхоз его мать.
12. Трофименко Никита Никитович — рабочий «Метростроя» в Москве, имел паспорт как сезонник, шел с работы в общежитие.
13. Серов Давид Петрович, мальчик. Взят в Арзамасе. Отец работает на станции Арзамас ремонтным рабочим на ж.д.
14. Тарабрин Петр Мих. Моторист «Казкрайрыбаксоюза» в г. Астрахани. Получил отпуск, приехал в Москву к тетке в гости.
15. Валиев Вал. Самсуд. Кандидат ВКП(б) с 1931 г. Ехал крестом Москву в Троицк, переходил с вокзала на вокзал с вещами. Взят на этом пути.
16. Гусев Ст. Петр. Член ВКП(б) с 1932 г. Вступил в Туапсе, билет выдан Туапсинским горкомом. Ехал через Москву на родину. Были все документы.
17. Мосаликин Ник. Як. Кандидат ВКП(б) с 1932 г., Бригадир колхоза в с. «Неведомый колодезь» Томаровского района Белградского округа. Приехал в Москву за хлебом и колхоза.
18. Карасев — член ВКП(б), рабочий завода им. Сталина | Москве (бывш. АМО), шофер-механик. Взят по выходе из своего ЗРК, где он брал хлеб. На АМО работал с 1924 г., член партии с 1923 г.

Часть партийных и комсомольских документов в данное время хранится в Александровском райкоме ВКП(б) и в Александровско-Ваховской участковой комендатуре Сиблага ОПТУ.

Есть люди, завербовавшиеся для работы на окраинах СССР, получили подъемные (по их словам, конечно) несмотря на наличие на руках исчерпывающих документов во время проезда Москвы взяты. Все эти люди не могут обжаловать: нет бумаги (даже денежные документы работники комендатуры пишут на бересте).

Несколько замечаний по поводу приведенных фамилий:

- 1) есть еще два поселка на самой р. Пана, где я не был и не могу привести фамилии; 2) приведенные фамилии не являются ни наиболее яркими, ни

типичными, ни наименее показательными, потому что у меня была возможность записывать их, поскольку они выявлялись только сами: 3) список я привел не для того, чтобы сообщить, кто именно, персонально и сколько их заключены неправильно, а для того, чтобы показать, какие есть элементы; 4) много колхозников завербованных на строительство по договорам строительных организаций с колхозами. Эти колхозники следовали через Москву на места работ вместе с вербовщиками; 5) приведенные данные обо всех этих людях и обстоятельствах их изоляции безусловно нельзя брать чистую правду. Однако, они являются внушительным аргументами за необходимость проверки.

VII

Тяжелые условия на реке Назиной в данное время, цитированы, также и на поселке «Новый путь» они ликвидированы в значительной мере. На днях весь трудоспособный контингент всех лагерей Александровско-Ваховской участковой комендатуры отправляется обратно Томск для распределения по лагерям Сиблага. Сколько стоит вся эта операция, почему сорвано трудовое поселение и освоение Севера на этом участке и сорвано с таким скандалом — скажет кто-нибудь другой, наверняка.

VIII

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо значит взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложены неточно, могут не подтвердиться или подтвердятся, но не полностью. Допускаю, что многого просто не знаю, потому что пользовался не официальными источниками, но я рассуждаю так: «Еще хуже молчать».

Инструктор-пропагандист Нарымского ОК ВКП(б) ВЕЛИЧКО
П[арт]б[илет] №0950224
ГАНО. Ф..3-П. Оп.1. Д.540а. Л.116-126.

Подлинник.

(Впервые документ опубликован В.Шишкиным: «Земля Сибирь». -1992. - №5-6. С.68-70.) См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 89-100.

ДОКУМЕНТ №17

Марьина Настасья Федосеевна родилась в 1912 г. в д. Балахонка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования») (д. Балахоновка)

Я родилась 1912 г. в Сибири. Родители были середняками: две коровы, два коня, чушки. Как строили колхоз, не помню. Помню сами колхозы. Из всей памяти о колхозах осталось, что мы работали, работали... День работаешь в поле, ночью идешь в амбар урожай сортировать или на сушилку зерно сушить. Раньше поля вручную пололи. И дети работали в колхозе. А как же!

Знаете, сколько за такую работу мы получали (смеется). Ничего мы не получали! Частушка такая была: «Колхознички-канареечки, проработал год без копейки».⁶⁰ Было даже так, что работали мы, работали, но и 300 граммов хлеба на трудодень не получали. Живи, как хочешь! Сдавали всё государству, а себе ничего нам не оставляли. Получали за работу всего один раз в год.

Год прошел, а получать нечего! Бывало, правда, когда земля уродит, получали по два, а однажды по восемь килограммов зерна на трудодень. Голодали! А в карман даже гороху нельзя было взять. Судили! Были у нас такие случаи. Помню, одна тетенька в кармане фартука натаскала с зерносушилки ведерка два зерна. Так ее судили! Сколько ей дали, уж и не припомню.

Судили и за то, что кто-то на работу не выходил. О! Нельзя было не ходить на работу! Я как-то ногу прорубила, когда пни корчевала. Но и с такой раной нельзя было дома сидеть. Это не считалось уважительной причиной. Я ходить не могла, а меня всё равно поставили на работу. Правда, поставили в пожарку. Я должна была не только следить, где что загорелось, но и со всем пожарным хозяйством управляться. Я ходить не могу, а коней в пожарке надо напоить, накормить... День и ночь мы в колхозе работали.

Больничных нам не давали. Не давали их даже на детей. У меня их пятеро было. Дети же постоянно болеют. Вот двое и умерли. Сначала дочка заболела воспалением легких. Её нужно было вести в Верхотомку в больницу. Это километров 20-25 от нас будет. Председатель меня не

---

⁶⁰ Эти слова частушки стали названием опубликованной статьи Н.Лопатиной, которая вызвала дискуссию в печати. См. примечание к рассказу Ленцевой М.Н. и Жук О.Г.

отпустил, сказал, что работать нужно. Девочка моя и умерла. Потом, когда мальчик так же заболел, я председателю доложила, что вести в больницу нужно. Он меня снова не отпустил. Так двоих детей я потеряла. Тогда с работой очень строго было. Попробуй, не выйди!

За всю нашу работу мы получали крохи. Сейчас ругаются, что пенсию не выплачивают, да и мала она для проживания. Это так, конечно. Но у колхозников не было пенсии вообще. Старики жили за счет своего хозяйства, чушек держали. Пенсию у нас стали платить, когда совхоз образовался.

Всю жизнь работали, работали...

ДОКУМЕНТ №18

Н Варвара Ивановна (фамилию просила не называть) родилась в Алтайском крае ещё до первой мировой войны. Точную дату не помнит, а в паспорте проставлена, по её словам, неправильная дата – 1914 г. Рассказ записала Филонова Светлана в 2000 г. (г. Кемерово)

Семья у нас была большая – 12 человек. Жили мы нормально: было две лошади и три коровы, свой хлеб, лён. Все дети умели ткать, вышивать, ухаживать за домашней скотиной. Наш дом стоял на краю деревни. В нём была всего одна комната, вдоль стен – лавки.

Отец мой в первую мировую войну попал в плен и четыре года работал батраком на одного немецкого фермера. За это время неплохо выучил немецкий язык. Стал у фермера помощником. Тот предлагал отцу остаться в Германии, не возвращаться в Россию, но он вернулся к нам.

Помню, что к новой власти отец относился почтительно, но с опаской и недоверием. Он старался отгородиться от внешней жизни, связанной с этой властью. Но это получалось с трудом. У нас все так к властям относились.

На деревенских вечерках можно было услышать такую частушку: «Коммунисты – люди чисты, жеребятину едят. Если этого не будет, они Бога матерят». Или вот ещё одна: «Колхозник идет, весь оборванный. Кобыленку ведет, хвост оторванный». Бывали частушки и с солеными словами, которые я тебе, девушке, сказать не решусь.

Пели их, конечно, скрытно. Но порой осмеливались и на открытое пение. Только потом эти певцы куда-то исчезали. Мы, дети, узнавали об этом не сразу. Постепенно такие частушки слышались все реже и реже. Родители обо всём этом перешёптывались. Но разве от нас что скроешь?

Поскольку отец познал неволю германских эксплуататоров, был грамотным и даже знал чужой язык, его во время коллективизации поставили раскулачивать односельчан. Отец очень не хотел этим заниматься. Ведь в деревне все друг друга знали: с этим крестился, с тем поженился, с третьим был родней. Поэтому в ночь перед раскулачиванием отец предупредил всех, к кому они утром должны были придти. Все всё и попрятали. А отец с приезжими из города потом не особо и искали.

Дядя мой в ту ночь надорвался. Он прятал зернодробилку, а она оказалась тяжелой. Соседка тетка Наталья неумело спрятала свои вещи, и их сразу увидели. Эта тетка была, наверное, одной из самых бедных в деревне. Составили акт, и всю семью куда-то отправили. Никакого суда, конечно, не было.

Примерно через месяц после этого отец собрал нас и увез в город Щегловск. Раньше уехать нельзя было, так как это бы вызвало к отцу подозрение. Слава Богу, в деревне отца никто не выдал. Но судьба его была поломана. В городе мы тоже не очень-то свободными были.⁶¹

Я считаю, что раскулачивание было преступлением против людей. Но так думать я стала не сразу. Тогда все так жили. Как-то по-другому жить было невозможно. Да и не знали мы, как это – по-другому. Тем более, что тогда всюду говорилось, внушалось, что всё идёт хорошо, всё так и надо, всё отлично, и дальше будет только лучше. Но жизнь не обманешь!

Нынешнее время – плохое время! Главное в том, что люди сейчас плохие, злые, жестокие.

В наше время люди были другими.

---

⁶¹ Превращение рабочих в придаток производства началось ещё в годы военного коммунизма и соответствовало одному из теоретических положений марксизма (о трудовой повинности при социализме). В годы нэп от этого временно отступили. С 1928 г. шло целенаправленное закрепощение рабочих и специалистов. В 1928 г. для молодых специалистов введена обязанность отработать в течение трех лет в местах планового распределения. В 1930 г. наркомат труда получил право «перевода квалифицированных рабочих и специалистов в другие отрасли народного хозяйства или в другие местности». Тогда же была введена уголовная ответственность за так называемое «злостное нарушение трудовой дисциплины». Администрации было дано неограниченное право перевода работников на другую работу. В 1932 г. был издан указ, в соответствии с которым за день неявки на работу без уважительных причин трудящийся увольнялся, лишался права на продовольственную карточку и ведомственную жилую площадь, что в год голода имело особо важное значение. Вершиной закрепощения был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., который удлинял рабочий день на час, вводил семидневную рабочую неделю, отменял увольнение по собственному желанию. Руководители, не подавшие на прогульщиков в суд, сами подлежали уголовной ответственности. В том же году был издан указ «О порядке перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие». За отказ ехать, скажем, из Москвы на Камчатку инженера или учителя ожидало уголовное наказание. Только в 1956 г. отменили Указ о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины. Судебная ответственность заменяется мерами «дисциплинарного и общественного воздействия».

ДОКУМЕНТ №19

Н Дарья Михайловна (фамилию просила не называть) родилась в 1912 г. в д. Верхотомка нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Васильев Максим в 1999 г. (д. Верхотомка)

В нашей семье было восемь ребятишек. Жили богато. У нас было своё большое поле и двор полон скотины. Воспитывались мы сами. Слушались старших. За ослушание было наказание. С раннего детства дети помогали родителям по хозяйству.

Мамка наша долго не прожила. Она померла от тифа. Мне было 10 лет, когда появилась мачеха. Она строгая была. Заставляла много и подолгу работать, не любила нас. Но к работе я была привычная, и мне нечего было её бояться. Мы жили свободно: земля была своя, работать не ленились и никому ничего не были должны.

Помню я и гражданскую войну. Для нас она не войной была, а какой-то беготней. Запомнила, как белые солдаты переправлялись через Томь. У всех – ружья, шашки. А кони у них падали от усталости. Они их бросили, а новых у верхотомских хозяев забрали. Ехали они будто в Китай с грузом муки и сахара. Стреляли у нас тогда много. Я не понимала, в кого стреляли. Много людей гибло. Наш двор белые обходили, так как на воротах стояла большая буква «Т», что означало – «здесь тиф».

А когда красные пришли, они во все дома заходили и отбирали всё, что приглянулось: скотину, продукты. Но я их не осуждаю. Они разные были. Некоторые вообще ничего не трогали, просто про белых спрашивали. Из-за этой кутерьмы пожаров в селе было много. Сгорело несколько дворов. Это красные сжигали те дворы, на которых находили белых беглецов. А беглецов этих и хозяев дворов уводили куда-то. Люди говорили, что их расстреливали.

А потом всё как-то стихло. Пришли новые люди. Да и не люди это были, а батраки. Всякая гольтьба в этой кутерьме в люди выбилась. Раньше они на богатых работали, а теперь своих хозяев гонять и ссылать стали. У нас самых лучших хозяев сослали куда-то в даль.

Коммунист у нас был один на всю деревню. Он был грамотным человеком. Церковь сломали, а в поповском доме школу сделали. В эту школу детей родители не отпускали. Коммунист ходил по дворам и уговаривал родителей отпустить детей учиться. Но нас не отпускали: некогда было, хозяйство затягивало. Я записалась в школу крадучись от родителей. Но всё равно редко удавалось в неё ходить. «Пусть мальчишки лучше ходят. Это им в армии пригодится», – говорил отец. А мачеха

язвила: «Твоя грамота нужна государчикам письма писать!» Почему они так к школе относились? – не знаю.

В двадцать шестом году нам свободу дали. Мы могли жить, как раньше жили. Нам сказали, что мы можем заводить скотину, сколько хотим, лес рубить и строиться.⁶²

Мы вроде бы сразу хорошо зажили. Продуктов стало много. Мы на ярмарку их вывозили. Они дешевыми стали. А зимой мы их в Томск наладились возить на лошадях. Томск был городом учебным, и цены там были высокими. Из Томска батька нам подарки привозил. Помню, он мне платок в большой цветок купил. Но так продолжалось недолго. Власть опять менять что-то принялась. Плохо стало.⁶³

Про эту власть я плохо, что помню. Знала, что Ленин правителем был и что его будто убили. После него неразбериха какая-то была. Потом Сталин пришёл. Но нам не до власти было. Мы ею не интересовались. Нас земля к себе просила. Мы на ней с утра до ночи трудились. Она нам хороший урожай давала. В двадцать девятом году нас опять власть стала прижимать. Коммуны выдумала. Потом в колхозы всех стали сгонять. Я уже тогда замужем была. Вот тут мы потеряли всё!

Которые из хозяев хорошо работали и богато жили, их в ссылку отправляли. Кто-то из них в лес убегал. Тем, кого в ссылку отправляли, считай, повезло. А многих из богатых зимой сажали на сани, отвозили в лес и там оставляли. Ни ружей, ни инструментов им брать не разрешали. Сколько их там поумирало! Это всё были рабочие-труженики! Говорили, что многие бежали. Может, дай Бог, спаслись?!⁶⁴

Которые из деревенских только языком чесать умели, жили в бедности и нищете, те нас и пограбили. Да ещё понаехали к нам из голодной России. Всех тружеников и поугробили. Они-то и развезли

---

⁶² Видимо, речь идёт о реализации знаменитого лозунга Н.И.Бухарина: «Обогащайтесь!», который призвал крестьян к развитию предпринимательства.

⁶³ Видимо, описывается 1928 г., когда по личному приказу Сталина, побывавшего с визитом в Новосибирске, у крестьян стали изымать «излишки» хлеба.

⁶⁴ О судьбе спецпереселенцев см. двухтомный сборник документов, подготовленный новосибирскими учеными: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 года. (Составители: С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Р.К.Суханова) Новосибирск, 1993. – 341 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. (Составители: С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пашенко, Р.К.Суханова) Новосибирск, 1994. – 310 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945. Составители: С.А.Красильников, Д.Н.Нохотович, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С. Пашенко, Л.И.Пыстина, С.В.Сомсонова, Р.К.Суханова) Новосибирск, 1996. – 311 (ред. В.П.Данилов, С.А.Красильников).Новосибирск, 1996. – 310 с.

землю по пустырям. Такая боль у людей стояла от этого! Не прошла она у меня и до сих пор.

Мы с мужем поняли, что нас до смерти прижимают. Как-то исхитрились получить справку и сбежали в город. Поселились в бараке. Там и стайка небольшая была, и огородик всего из нескольких соток. Мой муж был лучшим плотником и кузнецом. Отменный ремесленник был. У меня потом второй сын по его стопам пошел, стал кузнецом. Муж работал в заводской мастерской. Целыми днями там пропадал. Устанет, не выпится, да ещё по дому какие-то дела делает.

А я за хозяйством присматривала да детей воспитывала. Их у меня было девять. Сейчас вот только шестеро осталось. Очень трудно жили, но ребят на ноги поставили. Одежды у них было очень мало. Они день ходят, а вечером я их одежду постираю, а утром они чистую одевают. Сменной одежды не было. Только после войны мы купили всем сыновьям костюмчики, а дочери платье. У нас всё на муже держалось. Он ездил в колхоз продукты зарабатывать. Привезет картошки, я её продам и детям хлеба куплю. Вот так и прожили – наполовину впроголодь.

Праздники мы отмечали весело. Собирались всей улицей, кто что принесет. Пообедаем, а тут и гармошка заиграла. Плясали. Песни и частушки пели. А молодежь ещё потом допоздна гуляла. Мы отмечали и 7 ноября, и Рождество. Я крещенная была и в Бога верила. Я и сейчас верю. Не верить в Бога нельзя!

Потом опять тяжелые времена настали. Всех подряд называли врагами народа и ссылали. В тридцать седьмом забрали и моего отца, и моего мужа. Почему-то больше всего репрессий было на врачей и инженеров, на всех тех, кто много знал и был умным. Не пойму я этого! Что? Стране умных не надо?!⁶⁵

Потом была страшная война. Хотя из нашей семьи на ней никого не было, но всё равно страшно! Муж мой во время войны учил детей разным ремеслам и специальностям. После войны мы стали лучше жить. В 1949 г.

---

⁶⁵ Крестьянка чутко уловила тенденцию борьбы советской власти с интеллигенцией. Любому тоталитарному режиму (коммунистическому, фашистскому и др.) интеллигенция опасна своей интеллектуальной оппозиционностью. Поэтому по отношению к интеллигенции советская власть проводила специальную политику. Изолировала её (первый в мире концлагерь на Соловецких островах был создан для неё). Высылала за границу («философский пароход» увез в 1922 г. цвет интеллектуальной элиты России). Ограничивала доступ к знаниям, особенно гуманитарного характера (изучение гуманитарных наук в учебных заведениях было заменено марксистскими). Воспитывала у народа предубеждение к интеллигенции, которая де вредит советскому народу («Шахтинское дело» 1928 г., «Дело Промаптии» 1931 г., «космополиты» и «отщепенцы» 40-50-х годов, диссиденты 70-х и пр.).

старший сын пошёл в техникум. Я пошла работать. А потом и власть сменилась. Сталин умер, а на его место встал Каганович.⁶⁶ Вот при нём мы и зажили хорошо. Я тогда опять в деревню переехала. Мы опять узнали свободу. Но он не долго продержался. Сбросили его, и руководителем стал Хрущев. При Хрущеве опять землю стали отбирать и налог большой за скотину брать. Объявил, что мы обогнали Америку.⁶⁷ Деревни при нем разогнали, и земля опять стала пустовать.⁶⁸

Сейчас лучше стало жить! Смотрю я на молодых, они - веселые. Значит, у них хорошая жизнь. Хотя мы тоже веселыми были, а жизнь...

Конечно, жаловаться на жизнь можно. Ну а мне жаловаться не надобно. Я уже на десятый десяток иду. Старые не должны попрекать молодых в их житье. Хотя молодые обязаны слушать старших. Молодым жить, а старым за них радоваться.

За властью я не слежу. Знаю Президента. Мне и достаточно. А что там власть делает...

Это она себе проблемы наживает.

---

⁶⁶ Правильно – Г.М.Маленков. После смерти И.В.Сталина в правящую элиту вошли: Г.М.Маленков, Н.С. Хрущев, Л.П.Берия, Л.М.Каганович, Н.С.Булганин, В.М.Молотов и др.

⁶⁷ Речь, видимо, шла о лозунге 1959 г. «Догоним и перегоним Америку!». Советские «ученые» подсчитали, что при условии сохранения темпов роста народного хозяйства в СССР и США, Советский Союз догонит и перегонит своего главного конкурента через 15 лет, то есть за две семилетки. Потому в 1959 г. пятилетнее перспективное планирование заменили на семилетнее (1959-1965 гг.). Но на XXIII съезде КПСС (1966 г.) вновь вернулись к пятилетнему планированию, когда стало ясно, что лозунг «Догоним и перегоним...» был исключительно прожектерским.

⁶⁸ По инициативе Хрущева небольшие деревни признали неперспективными. Их население переселялось в крупные села. Это привело к запустению земель, находившихся вдалеке от сел. «Каждый день за десятки километров на прополку не наездишься», - говорили крестьяне.

ДОКУМЕНТ №20

Гракович Прасковья Васильевна родилась в 1912 г. в с. Белогородка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Макарова Наталья в 2001 г. (с. Белогородка).

Коллективизацию я помню хорошо. В то время было столько невинных душ погублено, что до сих пор вспоминаешь с дрожью. Ведь пострадали мы, деревенские жители. А сколько беды и горя принесла коллективизация тем невинным людям, которых ни за что, ни про что сослали.

И это награда от государства⁶⁹ за их добросовестный труд ради своей семьи?!

У нас в семье было семь детей, я - самая младшая. Мы в то время держали две лошади, две коровы, 15 овец, 12 свиней и птицу. Нас за это чуть было тоже в кулаки не записали.

Помню, в один из вечеров отец пришел домой расстроенный, к тому же пьяный. Как только зашел в хату, так ноги-то у него и подкосились. В тот вечер я впервые увидела, как отец плакал. Плакал горько, громко, навзрыд. Когда он успокоился, то сказал маме: «Ну, мать, нас, чуть было, в кулаки не записали. Да, слава Богу, эта участь нас миновала». Оказывается, он напоил самогоном самого главного начальника. И тот в пьяном угаре, мол, по дружбе, обещал, что оставит нас в покое. Слава Богу, он сдержал свое слово.

Наутро к нашему соседу, Филиппу Лаврентьевичу, подъехали три подводы с красным флагом. На первой подводе, помню, было написано на красной тряпке: «Ликвидируем кулаков, как класс». За три часа из хаты всё было перенесено на подводы: постельные принадлежности, обувь, зерно в мешках. Выгнали поросят, коров, лошадей. А хозяина, его жену и сына Федю посадили на телегу и увезли неизвестно куда. Отец со старшими моими братьями в это время в поле был. Мама как увидела, что приехали к соседу, вся побледнела, задрожала. Мы затихли. До сих пор помню, как мама упала на колени перед иконой и молилась, молилась, молилась...

---

⁶⁹ Разговор о «награде», возможно, зашёл потому, что с 1925 г. по 1927 г. в стране проводилась политика материального и морального поощрения, как тогда называли, «культурных» крестьян. В их число попадали наиболее предприимчивые крестьяне, которые вели своё хозяйство, используя самую современную агротехнику. О таких хозяйствах писали газеты. Их владельцы ставились в пример другим, награждались подарками на слетах, выставках, конференциях и пр. В годы коллективизации именно такие хозяйства и разорялись в первую очередь как кулацкие.

Когда телеги проезжали мимо нашего дома, мы украдкой на них поглядывали из окна. Сердце замирало от страха. Но телеги возле нашего дома, слава Богу, не останавливались.

В напряжении мы жили около недели. Не знали – раскулачат, не раскулачат. За это время успели раскулачить еще восемь хозяйств в нашей деревне. Так страшно было! Такая была безысходность! Как это было несправедливо!

Ведь это были самые трудолюбивые люди. Те, которые работали день и ночь. Наемного труда они не применяли. Свои семьи были большие - от 9 до 14 человек. У них хозяйство было хорошо налажено, исправно жилище, в порядке скот, удобрена земля. За свое усердие они получали хороший урожай, молоко, мясо.

Те, кто их раскулачивал, были голодранцы из голодранцев. Это те, кто пьянствовал, да по вечерам в карты играл. Они для своей коровы и лошади сено не могли заготовить. Вот и докатились до полной нищеты. Таких было немного. Но на сходках они кричали больше всех. Вот из таких проходимцев создали комитет бедноты. И им было дано право решать судьбу тружеников.

Ещё в 1928 г. нас сгоняли во всеобщую коллективизацию без подачи заявлений. Забрали лошадей, инвентарь. А потом, не помню в каком месяце, объявили о роспуске колхоза. Люди с радостью потащили по домам каждый свой скот, инвентарь. А тут опять стали гнать в колхозы. Теперь каждому надо было писать заявления. Многие стали сопротивляться. Уже знали, с чем едят этот колхоз. Писать заявления отказывались. За это их зачислили в кулаки, а кого - в подкулачники. Поразорили их дома. Землю с посевами забрали в колхоз.

Отец с матерью тоже записались в колхоз. Куда нам было деваться? Началось светопреставление! В колхоз надо было сдать всю живность: лошадей, коров и даже кур. Все были перепуганы властью. И стали спешно резать скот, прятать зерно. Начались повальные обыски и реквизиции. У кого находили, раскулачивали. Насильственно собирали людей и ночью увозили неизвестно куда.

Люди начали работать в колхозе. Да разве это работа была? В первую же зиму без кормов пал скот. Особенно тяжелое положение создалось с лошадьми. Пришла весна, надо пахать и сеять. А чем? И вот поехали, стыд и срам сказать, на годовалых телятах. На плуг запрягали по 8-10 телят. Никто такого сраму никогда не видывал!

Работа в колхозе была тяжелой - с утра до позднего вечера. Женщины работали наравне с мужчинами. Своего первенца Василия я в поле родила. Понятия о декретном отпуске мы и вовсе не имели. День я

дома отлеживалась, а через сутки пришел ко мне председатель колхоза и говорит: «Ты что это, Паша, дома разлеживаешься. Ведь пора-то урожайная, работать надо». И пришлось мне Васеньку моего с собой в поле брать, ведь муж-то тоже работал. И оставить дитя дома не с кем было.

Когда мы вступали в колхоз, агитаторы - уполномоченные обещали нам, что жизнь в колхозе будет легкой, что снабдят деревню сельхозтехникой, что тяжести крестьянского труда не будет. Однако только через год у нас в деревне появился колесный трактор, конная молотилка и конная жатка.

Да и председатели себя не оправдывали. Они ведь были бедняками из бедняков, которые до коллективизации не работали, а только смолили махорку на завалинках. А уж в колхозе работать им было и вовсе не к чему. Меняли их ежегодно. Да что толку!

При организации колхоза нам вручили грамоту от высшей власти, в которой было сказано, что земля колхозникам вручается навечно и бесплатно.

Не думали мы тогда, что этой грамотой прикрепляем себя к земле, как крепостные, прикрепляющиеся на бесплатный труд.⁷⁰

---

⁷⁰ Речь, видимо, идет о Примерном Уставе сельскохозяйственной артели, принятом Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденном СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. «Земля [...] закрепляется за артелью в бессрочное пользование, т. е. навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду», - говорилось в нем (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Т.2. С. 519).

ДОКУМЕНТ №21

Шубин Александр Павлович родился в 1913 г. в с. Глубокое нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Ухтина Наталья в 2001 г. (п. Тисуль Кемеровской области)

Семья наша состояла из семи человек: мать, свёкр, три старших брата и младшая сестра. Отца не было. Надворное хозяйство было большим: две коровы, телята, два коня, овцы, куры, гуси, пасека из 28 ульев. В семье приручали к работе с детства. С пяти лет я уже возил сено.

Коллективизация навсегда разрушила благополучие нашей семьи, нарушила порядок в деревне. У нас говорили: «В колхозе всё растащат и всему – конец!». На лучшее не надеялись. В будущее колхозов не верили.

Без собственной коровы, коней, своего подворья благополучие нам не виделось. Хотя те, кто вошли в колхоз добровольно, считали, что будут жить богато. В первую очередь в колхоз добровольно вошли бедняки. Они считали, что колхоз их прокормит.

Бедняк имел одну коровенку, одну лошаденку, худенькую избушку, а то и вовсе у него не было ни лошади, ни коровы. Бедняками в деревне до колхозов могли быть только пьяницы, те, кто не хотел работать.

Зажиточных крестьян раскулачили. То, что было нажито тяжелым трудом, отобрали. Люди, все силы отдававшие работе на земле, были оторваны от своей земли, их выселили. Кулаками считали тех, кто имел несколько коров, коней. Отбиралось все: и хозяйство, и дом. С собой можно было взять пару белья и хлеба ребятишкам, а то и вовсе - ничего.

Выселяли в Нарым (это за Томском) в тайгу, в болота. О выселенных поступали слухи: о том, где живут, как им тяжело, что едят они «гнилушки», мало муки. Многие умерли. Позже, когда некоторых оправдали, они возвращались обратно.⁷¹ Но вместо своих домов они получали «землянушку».

Наша семья подверглась неполному раскулачиванию: все хозяйство было отобрано, но семья осталась в селе и в своем доме. В селе считали нашу семью кулацкой. Меня, как сына кулака, не пускали даже в клуб.

---

⁷¹ Возвращение с мест ссылки, восстановление их в избирательных правах производилось в каждом конкретном случае исключительно по решению краевого исполнительного комитета. На основании постановления ЦИК СССР от 27 марта 1933 г. дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, так и вне её, и достигшие совершеннолетия, восстанавливались в избирательных правах по месту жительства (при условии, если они добросовестно трудились). (См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938 гг. С. 196). О массовости практики незаконного выселения см. документа в конце рассказа.

Я со светлой радостью вспоминаю жизнь в деревне до коллективизации. Вспоминается гармошка, пляски, народные гулянья в праздники. Каждый имел свое хозяйство, работал на себя. Работали с малолетства, на совесть. Вечером дети собирались и играли на лотках, зимой шли на речку кататься на катушках.

Во время коллективизации деревня уныла. Ни игр, ни гуляний, ни плясок. Не знаю, поймешь ли ты меня, но деревня была убита сердцем. Поэтому она до сих пор и не оправилась.

Ах, как завлекали в колхоз. Говорили, что техника будет доставляться бесплатно, все будет хорошо, крестьяне заживут богато. Зажили, как же! Кто не шел в колхоз – иди на раскулачивание. Давали «твердое задание»⁷², облагали большим налогом. Не сдал – получи раскулачивание.

Председателями колхозов становились назначенные из районных Топков люди. Бригадирами - те, кто показал себя хорошо в работе. Колхозники подчинялись начальству беспрекословно.

До колхозов у нас в деревне была коммуна. В селе Глубоком она называлась «Путь к социализму». Опыт с коммуной был неудачный. Люди не хотели работать, каждый надеялся на другого. Да к тому же она стояла на горе. А воду надо было таскать издалека. В выходной день животных вообще не кормили и не поили. Очень скоро заморили всю скотину.

До коллективизации стол нашей семьи был как и у всякого крестьянина (если он не был из пьяниц): хлеб пшеничный и мясо. Это всё - сколько угодно. Я уж не говорю об овощах, молоке и твороге. Одевали то, что могли купить на деньги, вырученные с продажи продуктов собственного хозяйства.

Как только коллективизация отобрала у нас свое хозяйство, жить стало голодно. Питались травой, купырями, копали корни саранки, кандыков. Из крапивы щи варили. Считай, ели то, что раньше ела наша скотина.

В колхозе рабочий день начинался в 7-8 часов. Работали до вечера. Оплачивалась работа по трудодням. Оплату - когда получали, когда нет. Все зависело от урожая. Рассчитывались осенью после уборки урожая. Получали зерном, которое реализовывали сами. Но на это прожить было нельзя. Так что мы работали, считай, бесплатно. Была даже частушка: «Колхознички-канареечки проработали год без копеечки».⁷³

---

⁷² «Твердое задание» часто носило заведомо невыполнимый характер. Известны случаи, когда крестьянину давали задание срочно сдать пуд семян моркови, зная, что обычно таких семян в хозяйстве заготавливается не более 500 граммов в год.

⁷³ Наиболее часто респонденты вспоминали именно эту частушку.

В 1937 г. много людей забрали как «врагов народа». Доносили на своих соседей, сводя личные счеты. За неосторожное слово несли наказание. Забирали почему-то только хороших работников. Мой брат Гриша как-то сказал: «Самых хороших работников забрали, а с кем работать будем?».⁷⁴ За этот вопрос его забрали, и больше о нем семья ничего не знала.

В колхозе не было пенсионеров, они появились при Н.С.Хрущеве. У колхозников не было паспортов, чтобы они не могли покинуть деревню, где жилось очень трудно, не смогли пойти в город на заработки. На личное хозяйство колхозника налагались большие налоги. Сено косили вручную. Под частные покосы давали околки. Хорошая земля была только у колхоза. За воровство колхозного имущества строго судили.

В деревне было мало грамотных. Грамотным считался человек, окончивший ликбез. Окончивший 4 класса – вообще грамотей. Учиться шли с удовольствием.

В селе Глубоком был большой клуб. Но раскулаченных туда не пускали. Сбоку клуба была изба-читальня. В клубе было радио, привозили кино. У нас не было церкви. В церковь ходили в село Подонино, что в 8-ми км.

Из нашей семьи в Глубоком осталась сестра Катя. Ее дочь в 1963 г. вышла замуж и уехала в г. Топки. Сын Кати до армии жил в деревне, после армии остался в городе. Братья Михаил и Роман тоже уехали в город. Мало кто, вкусив городскую жизнь, возвращался в деревню. Молодежь не хотела оставаться в деревне.

Я три раза был в доме отдыха, ни разу не был за границей. Сразу после свадьбы в доме были кровать, табуретки, стол, зеркало, самодельный гардероб. Через 16 лет после свадьбы построили дом, через 25 лет - купили холодильник, телевизор.

В годы реформ жизнь в деревне изменилась в худшую сторону: пьянство, наркомания, безработица, племенные животные пошли на убой, молодежь за гроши работать не хочет.

Страна без поставленного на ноги сельского хозяйства обречена на гибель. В том, что деревня до сих пор не может вырваться из нищеты, виноваты наши правители. Выделяется мало средств на поднятие сельского хозяйства. Честный колхозник - всегда бедный.

Я помню то время из детства, когда деревня цвела.

---

⁷⁴ А.И. Солженицын объясняет это тем, что стройкам социализма нужна была бесплатная, но добротная рабочая сила. Поэтому и отбирали в деревнях самых работоспособных, превращая их во врагов народа. (См. «Архипелаг ГЛАГ»).

Приложение (опубликованные документы):

Докладная записка

**комиссии ЦК ВКП(б) по проверке заявлений крестьян, неправильно
высланных в Северный край, в Политбюро с приложением протокола
комиссии №2 от 23 апреля 1930.**

8 мая 1930 г.

[...] Из 46 тыс. ссыльных семей подано 35 тыс. заявлений. Комиссиями
просмотрено 23 тыс. и по решениям окружных подкомиссии признано:
Правильно высланных – 77,7%,
Неправильно высланных – 10 %,
Сомнительно высланных – 12,3 %. [...]

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.
Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. Т. 2. М., 2000. С 432.

ДОКУМЕНТ №22

Соломатова Мария Кирилловна родилась в 1914 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. **Жиганова Наталья Федоровна** родилась в 1917 г. в д. Подъяково. Живут там же. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования») (д. Подъяково)

Соломатова - До колхозов мы жили небогато. Родители держали лошадь, корову, чушек, овечек. В семье было восемь ребятишек. Но мы тогда не голодали. Хлеб на столе был всегда. Мать вошла в колхоз в 1931 г., когда умер отец. Завела в колхоз скот, телегу. Жалко! А деваться некуда было. Тогда всех в колхоз гнали.

Жиганова - Да-да! Что, что, а хлебушек-то всегда могли поесть до колхозов. Кисели варили, суsla... Детям всегда лакомства были. Голодными никто не ходил. Когда колхозы стали создавать, то крестьянам сказали, что если не зайдете, у вас все отберут, и землю, и имущество.

Соломатова - Тогда кулаки были. Так называли крестьян, у которых были в хозяйстве несколько лошадей, коров, чушек. Это не обязательно богатые крестьяне. Главное – они не хотели вступать в колхоз. В нашем хозяйстве также корова, лошадь, чушки водились. Но мы вступили в колхоз, поэтому не были причислены к кулакам.

Жиганова - За работу в колхозе нам давали зерно. Денег мы не получали, а полученного на трудодни зерна, на пропитание не хватало. Люди держали подсобное хозяйство. Налог, правда, нужно было выплачивать очень большой. Брели налог с любой живности. Мы курей держали, а яйца не ели, все сдавали. Молока не доставалось. Черт знает, куда все шло!

Соломатова - На целый день наваришь себе крынку травы и рано утром в поле идешь. Семь километров шли пешком, да ещё тащили на себе вилы, грабли, литовки. А вечером в двенадцать часов домой придешь, муж еще на работе, скотины дома нет – где гуляет. Дети еще малые, справиться с ней не в состоянии. Не знаешь, за что браться, кого и где искать.

Если на работу не выйдешь - накажут. Из колхоза выгонят без справки. И куда ты тогда пойдешь? В городе тебя без паспорта и справки никто на работу не возьмёт. Ложись и помирай! О-о-о! Тогда так строго было! Работали мы сутками. День жнёшь, ночь молотишь. А осенью получишь дулю.

Как и на что жили старые люди, не знаю. Но знаю, что никаких пенсий колхознику не полагалось. Дети, наверное, кормили. После войны уже стали получать 28 руб. Но это были смех, а не деньги.

В 1936 г. я решила из колхоза уйти и работать в городе на производстве. Но меня из колхоза не отпустили. Чтобы уехать из колхоза, нужно было получить справку. Провели собрание, на котором выяснилось, что я будто бы должна была колхозу пуд зерна. Вот так! Я пять лет работала от зари до зари, не доедала, на трудодни, считай, ничего не получала, и ещё оказалась должна. Мне справку не дали, и по решению собрания отправили «на кубатуру» за Барзас лес валить.

Для кого и для чего мы там работали, не знаю. Знаю, что наш колхоз перед государством должен был выполнить план по лесозаготовкам. Вот зимой на лесоповале я отработывала тот пуд хлеба. Но когда вернулась, справку мне давать не хотели. Я насилу её выбила от начальства. Не отпускали из колхоза, и все тут! Как крепостные были. Нашей судьбой полностью распоряжалось начальство. Решало - где нам работать и где жить.

Жиганова – Да! За нас всё решали - кому быть председателем, кому бригадиром. За мою бытность много председателей колхозов сменилось. Высокое начальство присылало к нам из города председателей. Но иногда на председательский пост и из деревенских кого-то ставили. А нас заставляли за них за всех голосовать. Будто бы мы их сами выбирали.

Соломатова – Попробовали бы мы не проголосовать! Это означало идти против власти. А власть мы боялись! Власть-то ИХ была, начальства. От власти нам помощи ждать не приходилось. Я маленькая без родителей осталась. Придешь к власти в правление за помощью, нечего не получишь. Лучше не ходить, не просить, не унижаться. Всё равно тебе откажут в правлении нашего колхоза.

Жиганова - Помнишь, подружка, сколько мужиков из нашей деревни ещё до войны угнали непонятно куда и непонятно зачем? Власть и угнала. Безвинных угоняли!

Соломатова – Да, конечно, помню. Выслали как-то за один раз не менее 15 человек. Моего дядю вместе с ними забрали. У него было восемь девок. Жили они в старенькой избёночке, имели коня, да корову. Он хотел для семьи построить хороший дом. Уже и сруб поставил. За дядей приехали, арестовали, сруб забрали, скот увели. И все! От него никаких вестей мы уже не получали. Что с ним случилось - не знаем. Пропал, как говорится, и ни слуху, ни духу. А жена с девками так ни с чем и осталась. Да, у нас по деревне много таких семей было.

Жиганова - Раньше мы так много работали на колхоз, что на личную жизнь времени не оставалось. Даже на свидания некогда было бегать. Однажды моя мачеха решила, что мне пора замуж, взяла и выдала меня силой. Я с мужем всю жизнь прожила, девять детей ему нарожала. А куда деваться? Раньше стыд-позор, если от мужа уйдешь.

В деревне были свои традиции, которые от дедов пришли. Родители учили нас уважать старшего человека. Да и вообще уважению к человеку учили. Раньше в деревне люди друг с другом завсегда здоровались. Здоровались даже с незнакомыми приезжими людьми. Пьянства сильного не было. Праздники гуляли весело, всей деревней. Переодевания устраивали, ходили ряжеными. Но это до колхозов гуляли. А когда колхоз пошел, так некогда стало веселиться. Колхозы пришли - праздники ушли.

Соломатова – Да тогда и воровства сильного не было. Не знали хулиганства. А ведь и милиционера-то не было! Хулиганство всё – от неуважения к человеку! А мы друг к другу с почтением относились. Хотя, конечно, и ссоры меж собой случались. Как без этого!

Недалеко от нашей деревни есть кедровый бор. Мужики сами время знали, когда за шишками ходить. Никого не наказывали, но никто в бор не ходил до 15 августа. Обычай был такой! От дедов достался. Обычай и уважали.

А когда колхозы появились, запрет вышел - не бить шишки до 15 августа. Если поймают, накажут. Кедровые шишки стали колхозными. Тогда и появились люди, которые били шишку до заведенного срока. До колхозов сбор кедровых шишек был как забава, а во времена колхозов эти орехи были хорошим подспорьем в пропитании. Хлеба на трудодни не хватало. А в войну нам хлеб давали по 2-3 кг. на семью в месяц.

После войны стало маленько лучше жить. Ходили слухи, что колхозы распустят. Жаль, что не распустили. Может быть, жизнь в деревне бы и наладилась.

Соломатова – Я всю жизнь работала-работала! И всё бесплатно. Хорошо, что Вы спрашиваете о том, как мы жили. Пусть люди знают свою историю. Может быть, мы что и неправильно делали, так люди должны знать про это. И не жить так, как мы! Мы ведь закончили только по 4 класса. И то хорошо! А соседка моя вообще один день училась. А какое это образование 4 класса?! От нас требовались только рабочие руки и повиновение.

Нам говорили, что Ленин наш вождь, и Сталин наш вождь. Мы им верили и делали, что они нам велели. Сталин был нашим хозяином. Мы жили в постоянном страхе. То, что я сегодня Вам говорила, лет десять назад я ни за что бы не рассказала. Сразу бы забрали. Не я первая была бы. У нас много таких было.

Жиганова - Куда нас теперь повезут? (смеется). Подружка, мы с тобой тут наболтали. Хоть мы и старые, а жизнь дорога. Умереть дома хочется!

ДОКУМЕНТ №23

Князева (Тюпина) Вера Михайловна родилась в 1914 г. В 20-е годы семья переехала в д. Итыкус нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Тюпина Ольга в 1999 г. (п. Абашево)

Отец - Михаил, мать - Ольга Степановна имели шесть детей: Анастасия, Ольга, я, Александр, Михаил, Евдокия. У нас с мужем (Сергеем Ивановичем, 1914 г. р.) – только один Гриша. Была девочка, умерла в войну.

В годы коллективизация я была небольшая. Лет 14 мне было. Но помню, что мы отдали в колхоз все: и лошадь, и сбрую, и телеги, и плуги. Сначала у нас был какой-то ТОЗ⁷⁵. Не знаю, что это такое, но работали все вместе (пахали, убирали хлеб), а лошадей своих домой приводили. Это потом, когда начались колхозы, лошадей сдали. А в ТОЗах работали на своих лошадях. Эти ТОЗы, наверное, сделали для того, чтобы люди помаленьку к колхозу привыкали.

Потом в нашей деревне Итыкусе коммуна стала.⁷⁶ В неё согнали всех хозяев, забрали и лошадей, и коров. Звали и нас, но мы в коммуны не заходили. Да и куда заходить? В коммуне каждая семья получала в день всего по литру молока. Подумать только! Бабы в коммуне ругались, еды не хватало. Коровы стали дохнуть. Коровы мычат, бабы кричат и плачут. Разобрали потом каждая свою корову. Увели домой. Коммуну бросили.

Организовали колхоз. В колхозе сначала было трудно. А потом жизнь наладилась. Хорошая стала жизнь. Веселая, спокойная. Сильно спокойная. Никто ни у кого не воровал. Хлеба давали много. Боже упаси, взять чужое. Мы даже ночью не закрывались на крючки. Потом к нам в колхоз из других мест приезжали. Вступали в него, работали. Правда, сердцу трудно было, что на твоей лошади кто-то чужой работал. Он её не жалел, бил.

До колхоза наша семья бедная была. Сильно бедная! Мама нас привезла сюда из Казани. Там голод был. Кобылка⁷⁷ черной тучей пронеслась. Всё ссекала, всё снесла с земли: и хлеб, и траву. Народ умирал

---

⁷⁵ ТОЗ – (товарищество по совместной обработке земли) – производственная кооперация, объединявшая крестьян только для проведения полевых работ. Вне этих работ хозяйство было совершенно индивидуально.

⁷⁶ Коммуна объединяла крестьян в производстве, распределении и потреблении (поровну или по потребности). Из всех доколхозных коопераций она была единственно неудачной.

⁷⁷ Саранча

с голоду. Привезла и заболела тифом. Нас сначала сдали в детский дом. Потом мама выздоровела. Жили на квартире у вдовушки. Нанимались пряхть на богатых людей.

Богатые к нам плохо относились. Работали мы на них, работали... А они нас наоборот кормили. Это обезжиренное молоко такое. Его пропускают через сепаратор, и в нем только водичка и оставалась. Прядешь, прядешь... Мы маленькими девочками были. Спать охота. Даже тошнило от этого. Голова кружилась. Мама нам сказки рассказывала, только чтобы мы не спали. Только приляжем, а мама нас будит. Мол, кто же нас кормить станет, надо пряхть, иначе с голоду умрем. Мы даже по миру ходили. Идешь, побираешься, а богатые возьмут и собак спустят... Плохо богатые относились к бедным людям.

Помню, что родители сильно не хотели заходить в колхоз. За это нас взяли и выслали. Хорошо, что хоть в этом же районе. Дали нам землю и разрешили строиться. Мужики быстро отстроили деревню. Она у нас широкая, зеленая получилась. А потом и в Землянскую пришла коллективизация, людей стали загонять в колхозы. Куда дальше бежать? Соединили нас с д. Абашевой. И решили мы, что хватит бегать от коллективизации.

Сначала всё нам там дико было. Мы долго не могли сообразить, как это так? У нас не будет ни лошади, ни коровы, ни телеги, ни плуга. Страшно было! Боялись, что войдем в колхоз и будем голодными. Но ничего! Жизнь направилась. Хорошая стала, спокойная. Народ дружный был. У кого какое бывало, горе случится, сойдемся вместе, погорюем и опять работаем.

Когда раскулачивали, страшно было. Приедут, начинают выселять. У нас спрашивали, работали ли мы на них. Кто говорил, что работал, а кто скрывал это, говорил, что не работал. Всё равно жалко их делалось. Куда люди поедут? Куда их повезут? Что с их детьми будет? Стоим, плачем... А кто-то и не жалел их. Говорил, что так им и надо! В деревне сказывали, что их отправляли в какой-то Нарым, в тайгу. Их там, говорят, много погибло. Ты не знаешь, что за Нарым такой?

Коллективизация прошла, и деревня сильно хорошая стала. Много строиться стали. Электричество провели, радио. Это хорошо! Никто из крестьян не жалел о доколхозной жизни.⁷⁸ Сейчас вот жалеет, что колхоз развалили. Хотя, знаешь! И до колхоза мы плохо жили, и когда колхозы начались, тоже не сладко. Это потом наладилось. А так, нищими мы были.

---

⁷⁸ На такое суждение следует обратить особое внимание, так как по содержанию оно было исключительно редким в воспоминаниях крестьян о коллективизации.

Весь народ был расстроенный. Но единолично..., хуже той жизни не было. Надо было всем всё свое иметь. А здесь всё общее. Купили всем колхозом, оно и легче. Мы потом даже и не замечали, как новые машины и трактора приобретали.

Колхоз нам создавать приезжали люди из города. Мы к ним относились со страхом. Ведь не знали, что они задумали, что они делают, как жизнь нашу повернут? Человек привык жить по-старому и боится перемен в жизни. Боялись мы тех людей. А оно оказалось неплохо! К хорошей жизни мы подошли. А сейчас всё развалили. Наш труд куда-то ушёл. В деревне, вот, полно машин. Запужена деревня машинами. А мы, старые люди, как заболеем, так нас некому в больницу подвезти. И никто на нас не смотрит, никому мы не нужны.

Мы много работали. Нас, как тогда говорили, на работу гоняли. Никаких детских ясель не было. Никого не интересовало, с кем остались твои дети. Всех гнали на работу. Хорошо, если старики в семье были, доглядывали за детьми. Жила у нас в Абашево одна женщина. Она почему-то не всегда ходила на работу. То ли детей не с кем оставить, то ли ещё что. Но часто не ходила, не могла выполнять колхозную работу. Вот её и сослали в тайгу. Там она и погибла. Об этом у нас все говорили.

Председателя с бригадиром мы всегда слушались. Выполняли всё, что они скажут. Скотина всегда сытая была. Никогда такого не было, чтобы мы скотину бросили голодной. Дисциплина у нас была. Начальство свое мы очень слушались. Наш зоотехник до сих пор всем рассказывает про нас, говорит, что очень легко было с нами работать.

А сейчас - до трех суток скотина стоит не кормленая и не доеная. Пьянки у нас не было. Только на праздники: Новый год, 8 марта, 7 ноября, 1 мая. На эти праздники нам давали отдыхать. Пьяных в деревне не было.

Никто колхозное добро не воровал. Ничего не брали. Возьмешь, отвечать будешь. Будет время, тебе дадут. А сам не смей брать. Боже спаси! Правда, во время войны мы на сушилку детишек брали. Нажаришь им зерна, они наедятся. Домой не носили. Домой идешь, проверят карманы. Не бери! На работу едем с песнями, с работы – с песнями. Весело нам было! Жизнь направилась. Кто только её сейчас развалил? Как жалко! Сейчас рабочий материт начальника, на работу не идёт, скотину бросает, не жалеет её.

Бывало, соберут колхозное собрание. Все люди придут на него. Выступит председатель, отчитается перед нами. Потом из ревизионной комиссии расскажут, сколько получили прибыли, куда её потратили. Отчитывались перед народом. А как же! До коллективизации было плохо.

Всё своими руками надо было делать, ткали, пряли, шили. А теперь товары стали привозить, мы их покупали.

Легче стало. Как какой год был. Если урожайный, то на трудодни хорошо получали. А который год, так не очень. Деньгами, правда, мы очень мало получали. Мы понимали, что колхоз надо поднимать. Откуда же он возьмет деньги, чтобы купить для колхоза коров, свиней, машины, трактора? Откладывать надо было деньги для колхоза. Мы это понимали. Жили своим трудом. Направили всё. Но оно сейчас разорилось. Куда-то всё подевалось?

В колхозе жили не все одинаково. Хорошо жили председатель и бригадиры. Они, конечно, богато жили. Были грамотными, поэтому больше всех и получали. А мы должны были своим трудовым потом зарабатывать на жизнь.

Пенсионеры у нас были. Правда, не сразу, а в 60-м году. Когда я пошла на пенсию, то получала 28 руб. Но на эту пенсию я могла купить фуфайку, галоши, сахару, мыла, да ещё на хлеб оставалось. Про то, что колхозники не имели паспортов, я ничего не знаю. У меня его не было, а почему, не знаю. У нас главным документом была трудовая книжка. Когда у меня украли корову, и я должна была ехать в город в милицию. Я боялась. Но мне сказали, что с трудовой книжкой я могу ехать куда хочу. Паспорта не было. Корову тогда мою нашли. Да чего её было не найти, когда я знала вора из местного начальства. Он тут всех подмазал, и правду я найти не могла. Помог военный прокурор из Кемерово (шла война), который их всех поснимал, и корову мне вернули.

Когда началась война, мужики пошли на фронт. Плакали, а шли. Да и как не пойдешь? Могли сильно наказать. Муж мой тоже пошел. Погиб. Как было мужикам не плакать? Ведь оставлял жену с маленькими детьми. Без хлеба. Тогда же урожай плохой был. На рабочего давали в МТС всего 500 гр. хлеба. А семья как жить будет? В деревне ещё можно было жить. Огород был, картошка. А город совсем голодный был. Остались одни женщины да дети. У нас на Землянском всех мужиков забрали. Был один старик, он нами, бабами, и командовал.

Я пахала на быках. Намучилась я с ними. Бык такой упрямый. Ляжет в борозду, мол, устал. Ты с ним что хочешь делай. Лежит и всё. Пока не отдохнет. Сядешь с ним рядом, плачешь. На своих коровах по заданию колхоза мы боронили. Дадут три гектара, и борони! Всё сдавали государству. Мы понимали, что армию надо кормить. Потянули мы горя с этой войной. Мы много работали. Но я никогда никуда не ездила отдыхать. Не знаю, что такое курорт. Всю жизнь в деревне.

После войны только и хорошо стали жить. Правда, по норме жили. Держать можно было только одну корову. Молоко сдавали государству - по 300 л. с хозяйства. Мясо сдавали, шерсть. Мы все время проводили на колхозных работах. А себе сено косили ночами. Ночь светлая, дети спят в траве, а ты косишь. После войны разрешили и днем косить. Правда, косить можно было только по кочкам. На хорошей ровной земле косили только колхозу. А сейчас вот наступило хорошее время. Каждому из нас дали свой покос на хороших лугах. Теперь мы знаем, где косить. Ещё и траву посеют. Только коси! О, это очень хорошо!

В Абашево клуб был. Молодежь в нем танцы под гармошку устраивала. Частушки. Изба-читальня была. Была часовенка. А вот много ли народу туда ходило, как относились к священнику, я не знаю. Сама не ходила. Была школа. Дети учились охотно. Учитель в деревне – большой человек. А как же! Он детей наших учит. С ним здоровались и старый и малый. Не то, что сейчас, учителя ни во что не ставят.

Я не помню, чтобы люди о политике говорили. Про Ленина говорили, что он заставлял учиться. Всё трепали его слова - «учитесь, учитесь и учитесь». Про Сталина боялись что-то сказать. Какой-то нехороший человек услышит про Сталина плохие слова, сразу же тебя и утопит. Не в реке, конечно... . Ну, ты понимаешь! Это сейчас говорят про руководителей всё что угодно. И им почему-то за это ничего не бывает. А тогда боялись. О! Как люди боялись! Вот поэтому и была дисциплина. Я что-то и выборов не помню. Не было их тогда. Это сейчас всё выборы да выборы.

Тогда боялись, и поэтому никто не воровал. А сейчас получишь пенсию и боишься. Внук ещё ничего не сделает, а чужих боишься. Мало сейчас нормальных людей. Шибко мало нормального народу. Весь народ сгубленный. Как-то порвало у меня воду. Вызвала слесаря. Пришёл парнишка и говорит, что тебе, мол, бабка, вода не нужна, помирать пора. Это как же так! Выкабениваются перед старым человеком. Сделал, как попало! А я ему ещё и деньги заплатила. Сейчас никто не следит, кто сколько тащит. Всё и разорили. Дисциплина зависит от начальства. А оно не работает. Я отработала своё. Передала детям. А наши дети вон что сделали. Это наши дети разорили жизнь. А теперь и внуки «доделывают», то есть все разрушают. Была бы дисциплина, всё бы было по-другому!

Ничего хорошего эта реформа не дает. Всё хуже и хуже!

ДОКУМЕНТ №24

Мальцева Федосия Сергеевна родилась в 1914 г. в д. Ярхи нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Московский Евгений в 2000 г. (г. Кемерово)

Я родилась в большой семье, где было семь детей: 4 мальчика и 3 девочки. Семья была работящая. В страду брали сезонных работников. До замужества мать работала у богатых людей на кухне. Когда собралась замуж, ей хозяева подарили хорошее приданое и корову.

К моменту коллективизации в родительском доме осталось двое детей, в том числе и я – самая младшая. Старшие дети жили своими семьями. Самое крепкое хозяйство было у старшей сестры Екатерины. В начале коллективизации объявили, что её семья, в которой было два работника, - семья кулаков. Всем селом пришли их раскулачивать. Из детских воспоминаний у меня осталось, что происходил форменный грабёж их хозяйства. Её свекровь и свекра куда-то отвезли, а ей с мужем разрешили остаться в деревне. Все думали, что раскулачивание на этом и кончилось. Но не тут-то было! Стали раскулачивать дальше. Дошла очередь и до нашей семьи.

К этому времени отец раздал все свое хозяйство по семьям старших детей. У себя оставил только корову и лошадь. Но нас всё равно раскулачили. Забрали всё подчистую и из дома выселили. Из деревни, правда, не выслали, потому что второй сын женился на сироте, и это повлияло на судьбу родителей. Наступили времена тихого выживания. Боялись всего. Даже о судьбе родственников узнать страшились. Боялись их подвести или сами пострадать «за связь с раскулаченными».⁷⁹

Боялись готовить есть: а вдруг сосед зайдет и увидит, что у них есть хлеб и донесет властям. Такой случай у нас был. Соседка пришла и попросила хлеба для детей в долг. Мама такой хлеб пекла, что на всю деревню славилась. Дала от чистого сердца. На другой день в доме был обыск, проверяли, чем мы питаемся. Ничего особого не нашли. Тогда забрали мамины ботинки... .

Учиться мне не разрешили. Надо было работать. Вот - прялка, вот - твое место.

И все-таки молодость брала своё. Молодежь жила и веселилась. В 18 лет вышла замуж. Мой муж был сирота. Матери у него не было. Отец его был каким-то неудачником с женами. Не везло ему с ними. Их у него было

---

⁷⁹ За связь с раскулаченными наказывали даже родных детей, о чём свидетельствует типичный для того времени документ в конце рассказа.

три. Но все они после родов умирали. Вот и пришлось отцу одному троих детей поднимать. Трудно ему было: нищета, разруха. В деревне о нем слава была как о человеке, обделенном судьбой. Ну, а его сын Тихон к этому времени уже отслужил в армии и вернулся в деревню красивым богатырем. Стал председателем колхоза, уважаемым человеком.

Работали очень много, а результата - никакого. Кругом воровали, друг за другом следили, народ голодал. Боялись из-за воров из дома выходить. А если кто, по старой привычке, забывал закрыть на замок дом, его обязательно обчистят. Даже “справные” мужики от такой жизни запили горькую.

А в колхозе работали за палочки, то есть за отметку учетчика о твоём выходе на работу. За работу, считай, ничего нам не платили. Все мысли были об одном - где что-то взять, чтобы семью накормить. И это время, оказалось, ещё не самым страшным.

На фронт ушли все здоровые мужчины. Вот тогда-то мы узнали, что такое настоящий голод. У людей забирали всё. Нам приходилось есть лебеду, крапиву. Болезни пришли такие, которых раньше никто не знал - цинга, тиф.

Через полгода пришло известие, что мой муж пропал без вести. К этому времени у меня было трое детей: 6 лет, 5 лет и 1 год. Чтобы спасти детей, воровала все, что можно было украсть. Кажется, что это стало моей жизнью. Было страшно подумать, что же будет дальше!

Как-то мы с сестрой пошли ночью собирать с уже убранного поля картошку. Нас поймали. Был суд, который приговорил меня к ссылке на принудительные работы, а детей сдать в приют. Но судьба оказалась ко мне добра. В это время в сельсовет пришел запрос: сообщить о судьбе семьи старшего лейтенанта Тихона Никифоровича – героя войны, награжденного орденами, который давно не получал от неё писем. Муж оказался жив! После этого председатель сделал вид, что никакого приговора суда не было. Наша семья стала получать довольствие за солдата на фронте.

До конца войны оставалось почти два года. За это время люди еще больше озлобились...

Ни клуба, ни церкви в деревне не было. Жили надеждой на скорый конец войны. После войны в деревню мало мужчин вернулось. Но мой муж пришёл целым и здоровым. На фронте он подружился с умным и грамотным человеком. Тот ему многое объяснил, многому научил. И посоветовал ради детей уехать из деревни. Этот совет с очень большим страхом был принят. И в 1947 г. семья переехала в Кемерово.

В городе страха и нужды было не меньше, чем в деревне. О политике, о Сталине, о партии не только говорить, а даже задумываться

боялись. Наших кемеровских соседей объявили врагами народа за то, что их пятилетняя дочь что-то нарисовала на портрете Сталина.

Семья продолжала жить трудно. Но родители очень хотели дать детям образование. Сыновья уже были большими, и им было учиться в школе поздно. Зато дочь оправдала эту надежду. А за ней потянулась и вторая дочь (она родилась в 1949 г.), которая тоже получила высшее образование.

В семье нашей не было и до сих пор нет машины. Ну, а холодильник купили в 1968 г., телевизор в 1970 г., То есть, почти через 40 лет совместной жизни. Мебель в доме вся случайная, что-то отдавали родственники, что-то покупали.

Оглядываясь назад, думаю: вся наша жизнь была пропитана каким – то страхом. Жизнь прошла в страхе!

Сейчас я вижу, что наши с мужем усилия в налаживании жизни были верными. Спасибо фронтовому другу моего мужа, который подсказал нам путь. Мои сестры и братья, оставшиеся в деревне, жили, может быть, посытнее нас. Но пьянка сгубила не только их самих, но и их детей, а теперь и внуков. Я горжусь, что мои внуки получили образование. Нет богатства, но и горького похмелья нет!

В какую сторону изменилась жизнь в годы реформ? Не знаю. Вижу, что некоторые богатством видимым-невидимым обзавелись. Ведь не трудом это богатство нажито.

Мы воровали, чтобы прокормить себя и детей, а сейчас воруют и убивают, чтобы жиреть и богатеть!

Приложение (архивные документы):

Выписка

из протокола выездного заседания партколлегии Щегловской городской контрольной комиссии ВКП(б) по персональному делу Фроловой А.И., не порвавшей связей с родителями, высланными в Нарым.

26 декабря 1931 г.
г. Щегловск

[...] П.3. Слушали: Дело №451 поверхностной ячейки ВКП(б) Кемеровского рудника. Фролова Анфиса Ивановна, рождения 1896 г., бывшая рабочая. В момент привлечения к партийной ответственности является домохозяйкой; неимущая, замужняя. На иждивении 5 чел. детей, малограмотная. Член ВКП(б) с 19 августа 1926 г., п.б. №0559240. При советской власти занимала следующие ответственные должности: с 1923 г.

по январь 1930 г. – райженорганизатор, член правления Райколхозсоюза, пом. зав. столовой. Партийным и судебным взысканиям не подвергалась.

Суть дела: Тов. Фролова имела и имеет тесную связь со своими родителями – лишенцами (весной 1931 г. высланных в Нарымский край). Будучи ещё не высланными, родители Фроловой (в частности её мать) писали Фроловой письма, в которых изливали свою несчастную судьбу в том, что на них очень много нажимает Советская власть: совершенно не стало им житья, не знают, что им делать. Фролова, в свою очередь, также на письма родителей сообщает: «Милая моя старушка, не заботьтесь сильно, только живите тихо, смирно, ни с кем не говорите: лучше своя избушка – тайная подружка». И дальше: «Ничего, ты моя милая, не плачь и не заботься: всё, что делается, всё, видно, так нужно Богу. Будь здорова, милая моя мамочка, не заботься, я с тобой всегда, моя голубушка, старость твою всегда готова покоить, в любую минуту приедешь и найдешь кровлю». Во втором письме тов. Фролова пишет: «Трудно без коровы, жрать нечего, но, милая мама, если сравнять, как живут люди в деревне, голодают, то мы здесь живём хорошо: помаленьку всего дают».

Во время разбора дела на заседании партколлегии тов. Фролова поступок свой не отрицает и считает, что она со своей матерью связи никогда не порвет. Родители из Нарыма высланы обратно, как за нетрудоспособностью. Родители на протяжении всего времени занимались эксплуатацией чужого, наемного труда, имели машину-шерстобитку. Цена бралась за битьё шерсти, а машину вертели чужие руки, и в счет это не засчитывалось. Занимались хлебпашеством и исключительно полевые работы производились наемными силами.

От партийной ячейки оторвалась, партийных обязанностей не выполняет. Постановлением бюро парткома Кемрудника от 3 октября 1931 г., протокол №26, тов. Фролову исключили из партии. (Докл. Тов. Суслов. Тов. Фролова присутствовала).

Высказались: Тихонова, Шведов, Мануйлов.

Постановили: Постановление бюро парткома Кемрудника от 3 октября 1931 г., протокол №26 – подтвердить. За связь с родителями-лишенцами, несогласиями с мероприятиями Советской власти и партии по отношению к высылке её родителей, за оторванность от партии и как чуждого элемента Фролову А.И. из рядов ВКП(б) ИСКЛЮЧИТЬ [...]

Зам. ответ. секретаря парт. коллегии Гор. КК ВКП(б)

Подпись Суслов.

ГАКО. Ф.П-16. Оп.4. Д.12. Л.241.

Подлинник. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №25

Климовы (мать и дочь) родились и выросли в д. Барановке нынешней Кемеровской области. **Таисья Антоновна** родилась в 1914 г., **Валентина Дорофеевна** – в 1936 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования») (д. Барановка)

Таисья Антоновна - Ой, Валь, а с какого я ж года? Да, да! Я родилась в 1914 г. Родилась и всю жизнь прожила в Барановке. Нашей деревни уже более двухсот лет.

Я Вам сейчас всё расскажу. Расскажу, как мы жили в колхозе. Раньше нас молчать заставляли. А сейчас – всё можно!

В 1930 г. я вышла замуж. До 1937 родила троих девочек. А в 1937 г. моего мужика забрали в тюрьму. Он у меня ученый был, на ветеринара выучился. Сначала работал по специальности, а потом бригадиром пошел. В тюрьму его забрали как вредителя народа. Сказали, что будто бы у него где-то было не боронено. Мне с ним даже проститься не дали. Он только рукой мне махнул... и всё! Больше я уже его никогда не видела (плачет). А было мне тогда всего 22 годика. Мне одной пришлось растить детей. Я день и ночь работала, день и ночь (плачет).

Валентина Дорофеевна - Ну, мама, не плачь. Мы же выросли, не пропали.

Таисья Антоновна - Куда отправили мужа моего, я не знаю. Тогда много мужиков угнали из деревни, человек пятьдесят, не меньше. Гнали их пешком в тайгу. Никто потом не вернулся, и писем не было. Перед тем, как их угнать, к нам в деревню приезжал уполномоченный. Он и выискивал, кого по этапу отправить. Выискал! Забрали самых работающих мужиков.⁸⁰

Валентина Дорофеевна - Когда отца забрали, мне только годик был. Я отца не помню. Когда подросла, спрашивала об отце. Люди говорили, что он у нас был мужик справедливый, энергичный, грамотный. И еще говорили, что таких, как он, власть не любила, что вот таких как раз и забирала. Говорят, ту партию арестованных, в которой отец был, в Магадан отправили.

Таисья Антоновна - Их называли кулаками. А какие они кулаки? У них семьи были большими, они работали хорошо.⁸¹ Поэтому у них всегда

---

⁸⁰ Репрессировали самых работоспособных потому, что планировали их использование как рабочей силы для индустриализации страны - либо в ГУЛАГе, либо в спецпоселениях. Об этом см. документ в конце рассказа.

⁸¹ Характерно, что в ссылке или в ГУЛАГе они продолжали работать добросовестно. Так, в 1933 г. на шахте «3-3 бис» в Прокопьевске вольнонаемные проходчики выполняли норму на 114%, др. трудящиеся на 153%, то трудпоселенцы (бывшие

было что поесть и что надеть. А лодыри в бедняках ходили. Кто лодырь, тот, значит, не кулак? Хороший? И до 1937 г. раскулачивали. Я замуж вышла в 1930 г., и мы с мужем жили с его родителями, то есть, со свекрами. А в 1931 г. их раскулачили. У них забрали всё-всё! Даже кадку самодельную вынесли. Ничего не оставили. С дедами ничего не сделали, видимо, сильно старые были. Но добро все забрали. А попробуй в преклонные года начни хозяйство с нуля! У кулаков все забирали. Скот в колхоз угоняли, а куда вещи увозили, не знаю. У кого были круглые дома (по кругу крытые) считался состоятельным хозяином, его забирали.

Валентина Дорофеевна - Я уже большенькая была, когда в 1940 г. у нас забрали амбар. Сделали его колхозным. Но ведь он же был наш. Мамка с отцом его заработали!

Таисья Антоновна - Сколько я работала! Я же одна детей растила (плачет). Работала в колхозе дояркой. Но это только считалось, что дояркой. Днём коров дою, а ночью иду молотить или ещё куда пошлют. Вот так я страдала всю свою жизнь...

Валентина Дорофеевна - Когда отца забрали, старшей сестре Ленке было 6 лет, а мне, младшей, всего годик. Мы нашей мамки почти никогда не видели. Она все время на работе была. Одно время мы со стариками жили, но они умерли. Ленка у нас вместо мамки осталась. Мы ее слушались. Строгая такая. Сейчас понимаю, что у нее и детства-то и не было, все за нами ходила. А в 1941 г. она уже ходила полоть колхозное поле. А было ей тогда всего 10 лет.

Таисья Антоновна - Ленка у меня молодчина, во всем мне помогала. Я пойду на работу, дам ей норму, что сделать по хозяйству нужно, все сделает. Молодец!

Валентина Дорофеевна - Она у нас молодец!

Таисья Антоновна - Денег в колхозе нам не давали. Жили в бедноте. Ели картошку да траву всякую. Такая трава у нас росла - вся в мягоньких шишечках. Мы её пестиком называли. Сейчас она уже почему-то не растет. Мы из пестика и хлеб пекли, и сушили, и сырым ели.

Прежде чем коровам дать сено, мы его перебирали, отбирали сухую траву и варили для себя заварюху. Иногда туда добавляли молоко и муку. Какая-никакая, а всё-таки еда.

Одеть и обуть нечего было. Сами пряли и ткали. Холщевую одежду носили. Зимой резиновые чуни наопушняешь (то есть, затолкаешь туда овчину) и носишь. А колени тряпками обматывали, чтобы они не мерзли. На водопой зимой коров водили, сами делали прорубь. Помню, пригонишь их на ферму, а раздеться не можешь. Потому что вся одежда вымокала и застывала на тебе коробом.

кулаки) соответственно: 128% и - 160,8% (См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938. С. 165).

Ой-ой-ой, как жили! Конечно, я сильно уставала, очень тяжело было. Да только тогда молодая была. Всё нипочем казалось.

А знаете, хоть голодно было жить в колхозе, но весело. На работу и с работы с песнями шли. А почему так, не знаю. Наверное, песни были красивыми.

Валентина Дорофеевна - Я тогда маленькая была, так мне казалось, что так и надо. Хорошей жизни мы и не видели. Господи, подумать страшно. А что мы носили? Носили холщовые платья. Это почти что – из мешковины. После войны рабочие воровали на заводах ситцевые упаковочные мешочки и продавали на базаре. Люди покупали и шили из них одежду. Помню, мамка купит их и нашьет таких красивых платьишек. Оденет меня, как куколку.

Корову мы всегда держали. Но нас налоги просто душили. Это даже я помню. До 1953 г. налоги были страшные. А своё хозяйство держали потому, что какие-то крохи все равно перепали. Мебели, считай, у нас не было. В доме стояли лавки, стол и кровать. Их еще отец сделал. И всё! На кровать клали матрацы, набитые соломой. Укрывались самотканными одеялами, а зимой - шкурами. Блохи нас заедали, которые в этих шкурах заводились. Хотя в доме мы всегда чистоту соблюдали. Как мы с блохами только не боролись. Не было от них спасения. Только в 1957 г. появился дуст. Тут блохам и конец пришёл.

Мы жили так же, как и все в округе. Хотя наша мамка всегда в передовиках ходила.

Таисья Антоновна - Да, у меня и медали есть. Когда первую давали, думала, денег дадут. Нет, не дали! А зачем мне эта медаль? Медаль разве поможет? Правда, уже после войны дали мне швейную машинку «Подольскую». Тогда на них дефицит был большой. Вот это была награда так награда!

У нас считалось, что в колхозе хорошо живётся конторским. Кто в колхозной конторе или сельсовете работал, тот и жил хорошо. Не то, что мы, трудяги! Конторские всегда людей подьедали. Уж, шибко хорошо они людей ели, им все доступно было.

А мы вот не выучились, чтобы конторскими сделаться. Тогда нас родители не пускали учиться. Нам, девкам, прясть и ткать нужно было. А потом работала всю жизнь, некогда было учиться. Я совсем неграмотная.

Хорошего в своей жизни ничего не помню. Всю жизнь работа, работа, работа! И всю жизнь, с 22 лет, одна живу, без мужа... (плачет).

А дети у меня хорошие, всегда мне помогают! До сих пор обо мне заботятся.⁸²

---

⁸² Когда в 2003 г. экспедиция фонда «Исторические исследования» вновь посетила Барановку, выяснилось, что Таисья Антоновна умерла в 2000 г.

Приложение (опубликованные документы):

Выводы

Западно-Сибирской краевой КК-РКИ по проверке трудового использования и хозяйственно-бытового устройства трудпоселенцев, занятых в системе Кузбассугля.

Не ранее 15 сентября 1933 г.

Секретно

Общее количество трудоспособных поселенцев, переданных Кузбассуглю, выражается в 41512 чел., что составляет 40% всей рабсилы, занятой в угольной промышленности края.

На некоторых участках работ удельный вес трудпоселенцев ко всей рабсиле доходит до 65-77% (шахты «Поварниха», и «Манеиха» в Прокопьевске); лесоразработки целиком обсуживаются трудпоселенцами.

Таким образом, роль трудпоселенцев в угледобыче значительна, а в ряде случаев решающая. [...]

См. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933-1938 гг. С. 150-151.

ДОКУМЕНТ №26

Дмитриева Нина Дмитриевна родилась в 1914 г. в д. Синяево нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Минор Дмитрий в 2000 г. (г. Прокопьевск)

Семья моих родителей была по тем временам небольшая: всего 6 человек. В моей собственной семье ещё меньше – 4 человека.

Коллективизация в моих детских воспоминаниях связана с опасностью голода. Я помню боязнь родителей потерять хозяйство, скот, землю. Для них эта потеря воспринималась как неизбежный голод.

До коллективизации деревня была другой. Вернее, другими были люди. Они друг другу помогали, как могли, доверяли. Делились с соседями последним. Жили общиной. Украсть у ближнего..., такое и в голову никому не приходило.

Когда пришли колхозы, всё собственное у хозяев отобрали. Оставить себе можно было только столько, сколько хватало, чтобы кое-как выжить. Крепкие хозяйства уничтожались. Родители и их соседи попрытали от колхозов всё, что могли. Но скот не упрячешь, землю – тоже.

Руководили всем этим бедняки. Во время раскулачивания отбирали скот, инвентарь, утварь, запасы зерна, муку, землю. Всё это становилось коллективным. От раскулачивания страдали не только крепкие хозяева, но и бедняки. Ведь они остались без своего кормильца, без работы. Некоторые из них добровольно уходили за своими хозяевами в ссылку.⁸³ Кулаков ссылали, в Томскую область в Васюганье или Нарым. Разрешали им брать только то, что могло уместиться на одну телегу. Некоторых из них отправляли в тюрьму. Переписка с ними была запрещена. Это знали все.

Коллективизацию проводили бедняки. Они возглавили колхозы. Но какие из них хозяева!? Они хозяйствовать не умели. Своё-то хозяйство содержать не могли. Поэтому колхозный скот пал, инвентарь разворовали.

Бедняками люди были по двум причинам. Чаще всего это были многодетные семьи, где кормильцем был только один отец, и у них почему-то было мало земли. Сколько бы он ни работал, семья разбогатеть не могла. Но такие семьи хоть и были бедными, никогда не голодали. У них была какая-то своя скотина, и они, как правило, работали на кулаков и получали продукты за работу. К ним в деревне относились с сочувствием,

---

⁸³ Единственное в этом роде свидетельство. Возможно ли такое? Документально установить не удалось.

не обижали. Но были в деревне и другие бедняки – пьяницы и бездельники. Таких деревня не любила

Для создания колхоза применялись только насильственные методы. Добровольно никто туда не шёл. Тех, кто протестовал, сажали в «холодную». Посидев там, люди больше не осмеливались протестовать. Тяжело было видеть крестьянину, как руководили колхозом. Руководили безграмотно, не по-хозяйски. Собранный в общее стадо скот в большей части был испорчен. Дойка производилась всегда не вовремя, коровы ревели. Поэтому и был падеж скота. Иногда женщины, крадучись, находили в общем стаде своих бывших коров и, жалея их, выдаивали молоко на землю, чтобы оно не распырало вымя.

Активистам колхозов, которые были из бедняков-бездельников, не было никакого доверия. Особенно из-за того, что те не могли руководить колхозом по-хозяйски. Некоторых из них у нас убили, сожгли их дома. Многие в деревне были уверены, что всё это безобразие с колхозами не надолго, что это очередная временная затея властей. Так что, особого доверия к колхозам у крестьянина не было.

До коллективизации жили весело. Гуляли свадьбы, строили дома, жили в достатке. Но пили с умом. Много пьяниц не было. Во время коллективизации люди пролили очень много слез. Ведь убивали кормильцев – мужиков.

На работу колхозники выходили с зарей. За их работой следили бригады. С поля нельзя было взять ни колоска, ни семечка. На трудодни мы почти ничего не получали. Поэтому и воровали колхозное добро. Но воровством это не считали, так как мы сами его и производили. Добро колхозное мы считали «ничьим», а, значит, - его можно брать. У нас в колхозе такую хитрость придумали: пшеницу, просо, ячмень сеяли полосками, между ними – горох. Он быстро поспевал, и вор, придя на полосу, рвал только его, сохраняя зерновые.

Большинство людей очень хотели вернуться к доколхозной жизни, к прежнему укладу жизни. Колхозы им были не по нутру. За коллективное хозяйство душа ни у кого не болела. Общее оно и есть общее. Люди чувствовали, что в колхозе их обворовывают, поэтому они и живут нищими. Уехать из колхоза было нельзя: не давали паспортов. Да и не было специальности, чтобы в городе зарабатывать себе на жизнь. Но в нашей семье все братья и сестры постепенно уехали.

Колхознику разрешали держать свое хозяйство. Однако оно было очень маленьким: держали всего одну корову, несколько кур, уток, пару овечек. Инвентаря в таком хозяйстве не должно быть. Разве это хозяйство?

А налоги! Попробуй, не уплати. И не имело значение – колхозник ты или единоличник.⁸⁴

Лучше всех в колхозе жили председатель, бригадир, конторские работники. Наш отец был председателем колхоза, поэтому все его дети получили образование. В остальных семьях такого не было.

Когда началась война, люди пошли защищать родину. Но вернулось не больше 15-20% . В каждой семье погибло 2-3 человека.

Незадолго до войны в стране было объявлено о всеобщем образовании. Заставили учиться в ликбезах даже взрослых. Дети учились охотно, но родители не всегда отпускали их в школу, так как некому было работать. Были у нас и клубы. Молодежь туда ходила охотно. Клубы были созданы для того, чтобы люди не бежали из колхозов и не посещали церковь. Дров для клубов не давали, поэтому там всегда было холодно, и люди перестали их посещать. Да и то сказать! Клуб – не церковь. В церковь люди ходили охотно. Там у них наступало успокоение, забывалось всё плохое.

О политике родители не говорили из-за безграмотности и из боязни сказать лишнее о Сталине, партии, правительстве. Ничего о них не знали. Сталина, например, они считали Богом.

В годы реформ жизнь изменилась в худшую сторону. Деньги, накопленные на старость и смерть, были отобраны государством. Пенсия мизерная, и прожить на неё невозможно.

Деревня не может выбраться из нищеты потому, что нет законов, которые бы защищали крестьянина. На крестьянское хозяйство всегда были непомерные налоги, поэтому подняться было невозможно.

Но самое главное состоит в том, что люди разучились работать на земле и запились. О, как запились!

---

⁸⁴ За неуплату налога сурово карали не только единоличников, но и колхозников (см. документ в конце рассказа).

Приложение (архивные документы):

Выписка из протокола

Заседание президиума Беловского районного исполнительского Комитета Западно-Сибирского края.

7 июня 1937 года.

пос. Белово.

Председательствует тов. Климэк

Члены президиума РИКа: 1. Дулесов, 2. Шантарин

Жалоба гр. Стельмах Якова Романовича Поморувского сельсовета о возврате ему проданной избы (присутствует жалобщик гр. Стельмах)

Проверкой на месте установлено следующее. В 1935 году в сентябре месяце за неуплату государственного с. х. Налога в сумме 129 рублей 82 копеек и пени 62 рублей 40 копеек, а всего 142 рубля продано в погашении задолженности пятистенная деревянная изба колхозу «Пятилетка» на снос за сумму 200 рублей и амбар колхозу «Красный Яр» на сумму 62 рубля.

В настоящее время гражданин Стельмах живет единолично, имеет собственную деревянную избу, рабочую лошадь, корову, одну свинью, доведен план сева в количестве 1,13 га, которые выполнил.

Президиум Райисполкома постановляет:

Считать установленным, что государственные налоги г-ну Стельмах были доведены законно, а действие сельсовета в отношении продажи избы неправильными, но принимая во внимание, что гражданин Стельмах имеет избу, в ходатайстве отказать.⁸⁵

Председатель РИКа (И. Климэк)

Секретарь РИКа (Крыжановский)

ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 171. Л. 58.

Подлинник. Машинопись.

---

⁸⁵ Отличный пример странностей советского судопроизводства, осуществлявшегося в соответствии с принципом революционной целесообразности. Человек в своих претензиях прав, но удовлетворить его не находят нужным.

ДОКУМЕНТ №27

N Мария Михайловна (фамилию просила не называть) родилась в 1914 г. в селе Курск-Смоленка Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Тарасун Максим в 1999 г.

Отец мой - Михаил Андреевич и мать - Лукерья Митрофановна имели пять сыновей и пять дочерей. Я была вторым ребенком. Поэтому мне приходилось быть и за мамку, и за няньку. Отец вернулся с германской войны весь израненный. Он был хорошим портным, шил шубы, полушубки, точал сапоги. Односельчане платили ему хлебом, крупой, салом. Кто чем мог. У нас было два коня, две коровы, овцы, свиньи, гуси, утки, куры. Сеяли рожь, пшеницу, гречиху. Была своя маслобойка.

Одевались мы, как и все односельчане, просто: шубы или полушубки из дубленой овчины, тужурки, зипуны. Летом носили юбки, кофты, нагрудные фартуки. На голове у женщин - разноцветные платки, а девушки ходили без головных уборов. Зимой обряжались в полушалки. Питание у нас было, конечно, хорошее. Ели щи, гречневую или пшенную кашу, мясо, сами пекли хлеб, пили молоко, делали варенье. Масло не переводилось.

Магазина в селе не было. Всё необходимое мы производили в своем хозяйстве. А за сахаром или чем-то другим ездили в Мариинск. Обстановка в доме была самая простая. Вся мебель делали деревенские столяры: деревянные кровати, лавки, большой стол. На полу лежали самотканые дорожки.

В школу я пошла в 12 лет. Дети разных возрастов сидели в одном классе. Мама сшила мне холщовое платье, заплела атласную ленту в косу и отправила в школу. Обед брали из дома: кусочек сала, хлеб. Но учиться долго не пришлось. Прочилась всего два года. Надо было помогать родителям справляться с хозяйством и детьми.

Так мы жили до 1929 г. А потом началось! То всех поголовно в коммуны гонят, то всех подряд раскулачивают! Выгоняли с насиженных мест и увозили неизвестно куда. Беда не обошла и нашу семью. В 1937 г. арестовали отца. Его признали врагом народа за то, что по воскресеньям он пел в церковном хоре. Расстреляли. Нас раскулачили, то есть забрали всё наше добро. У нас абсолютно ничего не осталось.

Мать арестовали и посадили в тюрьму за то, что мы не сумели заплатить налог.⁸⁶ А с чего было платить?! Ведь у нас всё отобрали! Нас, детей, из деревни выгнали. Мы же были дети врагов народа! И разошлись мы - кто, куда...

А тут ещё война началась. А с войной пришел и холод, и голод. В годы войны я была «и баба, и мужик». Частушка такая была: «Я и лошадь, я и бык, Я и баба, и мужик. Я и сею и пашу. И голодная хожу».

Я и сеяла, и жала, и полола, и косила. Денег нам не платили, а ставили трудодни. Хлеба у нас не было. Собирали мерзлую картошку и ели драники. Мы не знали ни отдыха, ни покоя.

Но я всё равно добром вспоминаю те далекие годы моей юности. Помню и первое свидание. Я нарядилась в новое платье, на плечи набросила цветную кашемировую шаль. На ногах были ботинки, которые отец привез мне из города. Пели песни, плясали под гармонь.

Я очень рано овдовела. В 1950 г. переехала в Мариинск, устроилась на работу, обзавелась своим огородом. В 1952 г. сын закончил 8 классов и пошел учиться в ФЗУ. По этому случаю я купила ему на рынке курточку из вельвета и шаровары из сатина.

Оглядываясь назад, я вижу, что прожила тяжелую жизнь достойно.

Ни на какие курорты я никогда не ездила. Все отпуска проводила дома, на своем огороде. Как только вышла на пенсию, больше не работала на производстве: уже не было сил, часто стала болеть.

Хочется верить, что мы переживем все житейские невзгоды, вызванные перестройкой и смутным временем. Мы ещё увидим лучшую жизнь. Мне хоть и 82 года, но хочется дожить до хороших дней. А сейчас жизнь изменилась в худшую сторону.

Моё поколение влачило и продолжает влачить жалкое существование.

---

⁸⁶ О практике конфискации имущества за неуплату налога см. документ в конце рассказа.

Приложение (архивные документы):

Выписка

**из протокола заседания бюро Титовского РК ВКП(б) по
персональному делу Сунцева П.А.**

14 сентября 1940 года.

с. Титово.

[...] 6. Дело члена ВКП(б) тов. Сунцева Павла Александровича (докл. Т. Сапего).

Основные данные: Тов. Сунцев П.А., рождения 1909 года, русский, грамотный, по соцположению рабочий, член ВКП(б) с 1904 г., п/б №3390949, в данное время работает токарем ж. д. депо ст. Промышленная.

Суть дела: Сунцев П.А., будучи в очередном отпуске в августе месяце 1940 года приехал к своему отцу, который проживает на ст. Промышленная, на водокачке. 26 августа 1940 года агент райуполнаркомзаг тов. Дюков вместе с депутатом с/совета и с понятыми пришли к отцу, Сунцеву А.Н. для изъятия телки в бесспорном порядке, так как тов. Сунцев не платил мясopоставки государству в течении 1934-40 годов, не смотря на то, что было несколько предупреждений со стороны райуполнаркомзага об уплате мясopоставок государству. В этот момент тов. Сунцев П.А. оказал вооруженное сопротивление агенту райуполнаркомзага и депутату с/совета, не дал изъять телку у своего отца.

Тов. Сунцев П.А. присутствует и дал объяснение.

Постановили: За оказанное вооруженное сопротивление депутату с/совета и агенту райуполнаркомзаг тов. Сунцева из рядов ВКП(б) исключить. Обязать райпрокурора тов. Чухонцева за вооруженное сопротивление тов. Сунцева привлечь к уголовной ответственности.

Просить Обком ВКП(б) утвердить данное решение [...]

Секретарь Титовского РК ВКП(б) подпись Данилкин.

ГАКО. Ф. П-142. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.

Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ №28

Киселева (в девичестве) **Мария Ивановна** родилась в 1914 г. в с. Морозово, Кальчугинского уезда Нынешней Кемеровской области). Рассказ записал Тюменев А. в 2001 г.

У моих родителей было 11 детей. Мы переселились сюда из Вятки в годы Столыпинской реформы.⁸⁷

Бедняков в селе Морозово не было. А откуда им быть? Были общинные земли. Их распределяло общество по количеству едоков. Переселенцам лес на корню царь давал бесплатно. Налогов при царе мы не платили. Нам даже семена давали бесплатно.⁸⁸ До колхозов у нас была кооперация. Ей мы были довольны, так как сами её и сделали.⁸⁹ Мы объединились и купили общественную механическую молотилку для обмолота зерна.

Никаких бедняков или кулаков у нас не было. Были в деревне только ремесленники и крестьяне. Все мы делали сами. Семьи были большие, все работали, вот и богатели.

Для повседневного ношения одежду шили из домотканой материи (лен). Но у всех была добротная праздничная одежда. У многих были швейные машинки.

До колхозов крестьяне питались очень хорошо: хлеб, молоко, сало, яйца, мясо. Всего этого было вдоволь. А излишки продавали на базарах, ярмарках. В царских деревнях пьяниц не было. Пить – грех! Мы это знали все.

Коллективизация для нас - это грабежи, произвол. Забирали все имущество (скот, хлеб, орудия труда, иногда дома). Конфисковывали даже одежду и обувь. Кто сопротивлялся, того расстреливали или ссылали в Нарым. С собой могли взять только то, что можно унести на руках.

---

⁸⁷ Столыпинская аграрная реформа (1906-1911 гг.) предусматривала: свободный выход крестьян из общины; передачу земель из общинного пользования в частную собственность крестьян; переселение крестьян за счет государства в малообжитые районы страны.

⁸⁸ Бесплатный лес, семена, налоговые льготы переселенцам предусматривались Столыпинской реформой.

⁸⁹ Ещё в дореволюционное время крестьяне стали создавать кооперации, объединявшие их усилия в выполнении отдельных хозяйственных функций: снабжение, сбыт, производство масла, обработка земли. Попытка советской власти объединить крестьян для совместных действий по выполнению всех хозяйственных операций и равным распределением (коммуна) была неудачной.

Сведения из Нарыма поступали: они там жили в землянках, ели кору деревьев, умирали семьями. Из малолетних детей там не выжил никто.

Мой отец, Киселев Иван, остался жив, так как отдал все: большой пятистенный дом, надворные постройки, 10 коров, 6 коней, 1 выездного орловского рысака, землю, молотилку. У нас забрали даже мясорубку, а это было большой ценностью. Но швейную машинку «Зингер» спрятали. Она работает до сих пор.

После коллективизации всего стало очень мало. Колхозную землю обрабатывали очень плохо, так как она была чужая. Однажды старый дед вышел посмотреть, как колхозники обрабатывают землю, и ему сделалось плохо с сердцем. Он стоял и ругался, говорил, что так варварски относиться к земле нельзя.

С 1929 г. в деревне был голод. Один год голод сильнее, другой - меньше. И так было и до войны и после войны. Сгубили деревню коммунисты.

Метод в колхозе был один – принуждение. Не пойдешь на работу - вышлют, арестуют. Протесты были (убегали в город).

Активисты колхозов присылались из города или из чужих деревень, в которых не умели работать. Председателей колхозов и бригадиров назначали. Выборы – это обман колхозников.

После коллективизации все продукты уходили в счет погашения продовольственных налогов. Сдавали молоко, яйца, шкуры и т.д., даже если не было кур и скота. Работали от зари до зари за палочки. Так называли трудодни. Денег нам не платили. Пенсий никаких не было.

Мы, конечно, мечтали о роспуске колхозов. Но об этом помалкивали. Сразу сделают врагом народа. Были у нас враги народа. И очень много. Как правило, это были люди из лучших семей.

Когда началась война, воевать шли охотно. Но не все. Все чувствовали, что война будет тяжелой и кровопролитной. Несмотря на пропаганду коммунистов, в легкую победу никто не верил. Основная масса народа с войны не вернулась.

Во время войны и после нее мы жили еще хуже. Личное хозяйство колхозника состояло из небольшого огорода. Скота и птицы держали мало, так как работать на дому не было времени и сил. Да и запрещалось большое хозяйство. Люди боялись, что их объявят кулаками.

Колхозное добро не воровали. Люди были честные, а за воровство давали 25 лет тюрьмы. Даже за тайком взятые колоски с поля сажали в тюрьму на 10-15 лет. Паспортов на руках у нас не было, чтобы мы не могли уехать.

До революции почти все дети в нашем селе учились в школе и получали начальное образование. В деревне было 4 церкви, из них одна большая каменная, Все жители деревни очень гордились этой церковью. Она была как достопримечательность. Церковь посещали все и - обязательно. В гражданскую войну на деревню периодически набегали банды красных, сжигали церкви и расстреливали священников. Каменную церковь восстанавливали много раз. Но ее все равно разрушили. Это было уже в годы коллективизации.

Революцию крестьяне прозвали переворотом, тайком ненавидели Ленина и Сталина, а также партийных. Свято в Сталина верили мало. Но об этом никто вслух не говорил.

Колхоз для меня - это сравнение с полным бардаком. В колхозе никто не жил справно. Даже председатель боялся власти. Все жили под страхом.

Мои сестры вышли замуж и уехали в город. Сестры всю жизнь работали и дожили до глубокой старости. А их мужья, мои братья и их дети частью погибли на войне, а частью были репрессированы и погибли в сталинских лагерях.

В том, что деревня не может выбраться из нищеты, виновата советская власть и социализм! Сельское хозяйство может развиваться только в свободных условиях работы и продажи выращенного. В годы реформ жизнь меняется в лучшую сторону. Только - медленно. А вот в плохую сторону нашу жизнь коммунисты тогда быстро изменили.

ДОКУМЕНТ №29

Правада (Пестерева) Анна Константиновна родилась в 1914 г. в с. Новосёлово Томской губернии. Рассказ записала Коцкова Марина в 2000 г.

До коллективизации у нас деревня была большая. Была даже своя пристань. Каждая семья имела большое хозяйство. После коллективизации многие дворы опустели, были разграблены теми, кто крестьян раскулачивал. Во время коллективизации народ начал интенсивно резать свой скот, так как власти требовали отдать всё в колхоз. Люди бросали своё имущество и бежали из деревни, боясь ссылки и гибели.

Я помню, как однажды ночью нас разбудил сосед и предупредил, что утром придут к нам раскулачивать. Мы собрали что-то из имущества и всей семьей бежали из деревни. Весь скот, всё хозяйство осталось на произвол судьбы. Главное для отца было сохранить детей и выжить.

Кулаками считались те люди, которые брали себе людей в наём. Как таковых, кулаков в деревне не было. В основном деревня состояла из середняков. От малого до великого все работали. За счёт этого вели большое хозяйство. В нашей семье тоже было огромное хозяйство: коровы, две лошади, свиньи, овцы, куры, гуси. Бедняков в деревне было несколько семей, они представляли из себя тунеядцев, пьяниц.

Раскулачивание в деревне проходило с огромной жестокостью. Народ находился в панике, страхе. Имущество отбирали, семьи отсылали. Брата отца с семьей сослали на Камчатку. В первую же зиму вся семья погибла, не имея при себе жилья и средств на существование.⁹⁰

Раскулачивали тех, у кого имелось хоть какое-то имущество. Сопrotивляющихся крестьян арестовывали, ссылали в отдаленные места. Выселяли в основном на Дальний Восток, Камчатку. Разрешалось брать только личные вещи, какую-то одежду, посуду. Золото и всё ценное отбиралось в колхоз. Сведения о выселенных поступали. Но мало. Происходило это через два, полтора года. В основном в виде слухов. Одна из семей вернулась в деревню и рассказала, что семья брата отца погибла.

Протест против колхозов состоял в том, что крестьяне ценные вещи прятали, закапывали в землю. А скот резали и зерно жгли, если не было возможности спрятать.

---

⁹⁰ Даже в обжитых районах смертность ссыльных была высокой. Так, за восемь месяцев 1933 г. общая смертность среди спецпереселенцев г. Прокопьевска составила 4% от всего контингента (3400 смертей). А смертность детей здесь была ещё выше – 10%. Что в два раза превысило рождаемость (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 158).

Активистом из сельских жителей стала Марья «Рябая», которая не имела своего хозяйства, летом с мужем удила рыбу, а зимой муж играл на гармонии, она танцевала. Тем они и жили до колхозов. Приехали Зыряновские власти и, пройдя по дворам, выбрали её председателем колхоза, как беднейшую. Всё село к ней относилось плохо, как к бесхозяйственному человеку, тунеядке, пьянице.

Как такая могла руководить людьми. Курам на смех!

Голод в деревне стал существовать сразу после коллективизации. Он так от нас потом и не уходил. Отец, вернувшись в деревню через 4 года, увидев разграбленное хозяйство всей деревни, навсегда уехал в Кемерово.

До колхозов у нас была кооперация – рыбацкая артель. Весной ловили рыбу на реке Чулым, солили в бочки и продавали. Жили – не тужили! Естественно, до коллективизации столы в семьях были богатыми. Проблем в мясе, молоке, масле не было. Одежда была хорошая, были возможности покупать её за пределами деревни. Во время коллективизации лучшее отбиралось. Потом, живя в колхозах, люди ещё долго пользовались тем, что удалось спасти от грабежа активистов.

Рабочий день длился с восьми утра до позднего вечера или ночи, зимой – до восьми часов. Давался участок работы, который за это время нужно было отработать. Если работа не выполнялась, то трудовень не проставлялся. За один проработанный день председателем колхоза проставлялась палочка в его учётный журнал.

Естественно, колхозники мечтали о роспуске колхозов. Каждый мечтал иметь свою землю, своё хозяйство. Долгое время отец мечтал о собственной десятине земли. Но это считалось невозможным. Люди были вынуждены работать в колхозе для своего существования и проживания. Другого выхода не существовало. Тот, кто не хотел отдавать своё добро в колхоз, те считались врагами народа.

После войны жизнь наладилась в лучшую сторону не сразу. Личное хозяйство у колхозников существовало. Но были ограничения. Иметь можно было только одну корову, две свиньи. На кур ограничения не было, но счёт им вёлся. С кур-несушек третья часть яиц отдавалась государству, с коровы отдавалась третья часть молока. Свинью забивали только на свиномкомплексе, часть мяса забиралась так же государством, вместе со шкурой.

Образование в деревне было ограниченным. Грамотным человеком считался тот, который умел считать, писать, читать. Грамотных было очень мало. Взрослые и дети учились охотно. В школу ходили в соседнюю деревню. Шли в любую погоду за четыре километра. В школах не хватало учителей, сложности были с бумагой, учебниками. Один учебник был на четверых учеников. Клуба в деревне не было.

Изба-читальня» была в соседней деревне. Из-за большого объёма работы на посещение «избы-читальни» было ограниченное время.

Церкви в деревне не было. Была так называемая «молельня». До революции были все в основном верующие. Дом посещали регулярно. После революции священник был изгнан из деревни Марьей «Рябой». «Молельню» закрыли. Молились дома. Во время войны «молельню» открыли. Священника и учителя считали самыми образованными людьми, относились с уважением.

При детях разговоров о политике, об отношении к Сталину не велось. За рассказанный анекдот о колхозе я отсидела в НКВД трое суток. Вину не доказали, отпустили. Анекдот такой: «Сталин, Рузвельт и Черчилль едут на машине. Посреди дороги стоит корова. Рузвельт ей предложил денег, но она не ушла с дороги. Черчилль предложил ей хорошую еду, она опять не ушла. Сталин подошёл, что-то шепнул корове, она тут убежала с дороги». Оказывается, Сталин ей сказал: «Не уйдёшь с дороги, отдам в колхоз».

Сама политикой не интересовалась, была беспартийной. Знала, что большевики и коммунисты это те, кто вступали в партию.

До революции, до колхозов жизнь всегда была устойчивой. Кто работал, тот жил хорошо. Как таковой нищеты не было.

«Справно» в колхозе жили председатель и приближённые к нему люди.

За всю жизнь один раз отдыхали в Крыму, один раз в Болгарии. Но это уже было тогда, когда я уже покинула деревню.

Сватались по старым русским традициям. Родители договаривались между собой. Свадьбы игрались либо поздней осенью, либо зимой после сбора урожая. Свадьбы проходили по благословению родителей. Без их ведома свадьбы не игрались.

Замуж вышла до войны. Бытовой техники никакой не было. Была старая мебель. Телевизор и холодильник были куплены через пятнадцать лет после свадьбы. Машины никогда не было. За всю жизнь не получилось скопить себе на смерть.

Самое яркое воспоминание из жизни – это победа 1945 г. Появилась надежда, что жизнь станет лучше, кончатся все тяготы. Как же, кончились!

Никогда не думала, что внуки снова увидят карточки и узнают что это такое.⁹¹

---

⁹¹ Речь, видимо, идет о том, что к августу 1991 г. (краху социализма) фактически все продовольственные товары в СССР продавались по талонам. Причем нормы были весьма скромными. Например, в Кемерово, на одного человека в месяц приходилось по: 250 гр. растительного масла, 1 кг. сахара, 200 гр. сливочного масла, 1 кг. мяса, 2 кг. крупы или макарон, 2 пачки сигарет или папирос, 1 бутылка водки. Соль, лавровый лист, уксус – без талонов.

ДОКУМЕНТ №30

Кирсанова Прасковья Савельевна родилась в 1915 г. в д. Покровка Чулымского района нынешней Новосибирской области. Рассказ записал внук Цицкунов Александр в 2002 г.

Семья наша состояла из 17 душ. Сыновья у деда женились, но не делились, вели общее хозяйство. Жили все очень дружно, никогда никто не ссорился и не бранился. У всех была своя работа и обязанность. Все работали и друг другу помогали.

Хозяйство было большое, было всё: коров всегда не меньше пяти, которые каждый год давали по молодому потомству; овец не считано; куры; гуси; свиньи; два коня - один рабочий, другой выездной; пасека, от которой было меду столько, что если не продавали, то мед прокисал.

«Кулаком» мой отец не был, его можно было назвать крупным середняком. Почему не «кулак»? Так были семьи и покрепче нашей.

Жили мы так, не тужили, пока однажды не позвонил мне отец и сказал: « Не будешь ты больше с нами жить, отдаю тебя в няньки, в чужую семью, в чужой город».

Залилась я горячими слезами, не знала я, чем отцу не угодила. Почему так жестоко он со мной поступает? Было мне тогда 10 лет. Все мои слезы остались не услышанными. Отвез меня отец в город Новосибирск в семью инженера работать нянькой. А сейчас я понимаю, почему он так поступил. Потому, что пожалел меня, не захотел, чтобы видела я весь ужас, который происходил с нашей семьей. Как за пару лет вся семья развалилась, обнищала, растерялась. Кто куда делся во время ужаса коллективизации и раскулачивания. Да потом еще и война задавила остатки семьи.

Еще при жизни моей в семье помню, как однажды на конях приехали трое мужиков в военной форме. Стали они отбирать нашего коня. Долго спорили с отцом и братьями. Старший брат - Афанасий, вцепился в коня и не отдавал его. Тогда один из военных так хватил брата бичом, что скрутило его. Упал он на землю и встать не мог, только ползал по земле и плакал. Все плакали, и я плакала, хоть и не понимала, почему коня отбирают и о чем спорит отец с теми на конях.

А коня так и увели. Да он через два дня вернулся с оборванной уздечкой. За ним прискакали уже двое, а не трое. Конь их почуял и стал беситься. Тогда к нему пошел дед мой Данила и стал что-то ему говорить. Конь его только и слушался, очень уж был ретивый. Но на этот раз конь и его не стал слушаться, всё бесился и ржал. Все опять плакали.

Тогда дед размахнулся и сильно ударил коня промеж глаз. Конь тут же и помер. Разозлились военные, долго бранили деда. Да делать нечего. Так и ускакали восвояси.

Когда началась коллективизация, оказалось, что у нас слишком много добра на одну семью. Тогда собрал отец всех братьев и сказал: «Чтобы всё не потерять, разделим мы всем семьям поровну». Не хотели братья расходиться в разные стороны, так ведь другого выхода не было.

Разделилась наша семья на шесть семей: отец с матерью, пятеро братьев с женами и детьми. Хозяйство поделили между всеми поровну. Каждому досталось по чуть- чуть, а меня - в няньки.

В семье инженера жилось мне хорошо, хозяин меня любил, так как была я исполнительная и трудолюбивая. Работа моя заключалась в том, что я нянчила двух девочек-двойняшек. Так жила я целых два года, думала, что забыл уже отец про меня. Но вот наступил долгожданный день, приехал за мной отец. А хозяин стал уговаривать отца, чтобы оставил он меня у них еще пожить и говорил: «Оставь нам эту умницу, мы ее в школу учиться отправим». Кстати, за эти два года научилась я читать, писать и считать. Не оставил отец меня, да сама я рада - не рада, что домой поеду, всю семью увижу.

Когда мы ехали домой, вижу я, что со всем не в нашу деревню, а гораздо дальше. Спрашиваю отца: «Куда мы едем?», а он отвечает: «Дома все узнаешь». Приехали мы на станцию Раскатиха. Зашли в маленький домик. Там встретила меня мать и дед Данила. В первый же день я поняла, что все не так, как прежде: хозяйство маленькое, а на столе вообще ничего нет, как будто и хозяйства нет. Работать приходилось с утра до ночи, чтобы хотя бы не умереть с голоду.

А случилось вот что. После того, как разделилась вся наша семья, у всех всего оказалось не очень много. Думали, оставят нас в покое. Но не оставили. Приходилось отдавать государству почти последнее. Если была корова, ее не отбирали, зато молока мы все равно не пили, а пили «обрат», то есть то, что оставалось после перегонки в масло (сепарированное). Потому как каждый день нужно было отдавать сметану (не помню сколько). Не забирали только то, что нужно было, чтобы с голоду не умереть.

В таком положении оказались все наши семь семей, которые раньше жили вместе и горя не знали. Ели, сколько хотели. Да разве только наши семьи. Все семья, которые мы знали, жили также бедно, как мы. И не имело значение, были ли они раньше богаты или бедны. А раньше-то бедны были только пьяницы, да бездельники. А все остальные имели все, что хотели. Только работай справно.

А тут все вкалывали с утра до ночи и были нищими. Вот что натворила коллективизация. Нет ни богатых, ни бедных!

Все равны, все голодранцы!

Хоть и не видела я, как за два года обнищали все, кого раньше видела холеными и радостными, все равно вижу перед глазами весь этот ужас сейчас.

В итоге вся наша крепкая, дружная семья исчезла, пропала. Как и не было ее вовсе.

ДОКУМЕНТ №31

Марковская Вера Григорьевна родилась в 1915 г. в д. Карбелкино Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал правнук Марковский Александр в 1999 г. (г. Белово)

Семья родителей состояла из 9 чел. Моя собственная семья – только из – 4 чел.

В колхоз родители вступили сами. Тогда крестьян хорошо агитировали. Говорили, что в колхозе будут машины, а, значит, и хорошие урожаи. Всем, мол, легче станет. Желание объединиться образовалось у многих. Провели собрание и решили создать колхоз. Наобещали нам горы золотые. А получили – шиш! Только скотину отобрали. Да сгубили её.

Наша семья была середняцкая. Мы имели хороший дом, коров, лошадей, свиней. Но, конечно, поменьше, чем у кулаков. Бедняки же ничего этого не имели. Они и не хотели его иметь, не умели вести своё собственное хозяйство. Чаще всего ходили работать в наем. До коллективизации каждый крестьянин мог иметь хорошее хозяйство. Ведь земля и покосы выдавались на каждого члена семьи. А потом всю землю забрали в колхоз.

Колхозникам же оставили только землю под огороды. Разве ж это земля? С неё не прокормишься. Когда вступали в колхоз, то обещали, что мы будем в нем получать всё для жизни. А получать-то стало нечего. В колхозе всё было неорганизовано. Потому и урожая не было, зерна не было, и скотина дохла.

При проведении коллективизации раскулачивали кулаков и середняков. Ничего лишнего брать с собой не разрешали. Только одежду, которая была на людях одета. Поэтому люди старались как можно больше надеть одежды на себя. Можно сказать, в чем люди были, в том их и отправляли. В сани разрешали сажать только детей. Никаких вещей брать нельзя. Нельзя было взять даже еду. Люди оставляли всё нажитое: и дом, и хозяйство, и технику.

Как-то сразу изменилась жизнь. Раньше в деревне все жили дружно и вредности друг другу не устраивали. Бывало иногда, что один другого шутейно подкалывал. Но отношения между людьми оставались хорошими. А во время коллективизации начались доносы. Какая уж тут дружба!

Раскулаченных из нашей деревни отправляли в Томскую область, в глухую тайгу, на голое место. Заставили работать на лесоповале. Выселенные обустраивались сами. Кто как мог. Рыли землянки или строили домишки. Почему-то никуда не сбегали. Да и куда ты

побежишь?⁹² Некуда было бежать. А вместе и выжить легче. В деревне об их жизни знали. Была переписка, да и родственники иногда к ним ездили. Правда, всё это стало потом, когда власти разрешили.

Сколько же они, бедные, пережили! Кругом дичь по тайге бегала, а им охотиться нельзя. Да и чем охотиться? Ружей-то держать не разрешали. Им даже рыбу ловить запрещали. Только тайно ставили капканы на зайцев.

Никто против коллективизации не протестовал. Что же, к примеру, я буду протестовать? Земли ведь нет. А жить надо. Значит, и я вынуждена идти в колхоз. Если будешь выступать, то тебя отправят куда надо.

Народ был запуган. Куда начальство пошлет, туда и ехали, туда и шли. С активистами, которые внедряли идеи коммунизма, крестьяне были тише воды, ниже травы. Боялись их! Угождали им! Снимали шапочку перед ними.

Одно сказать, каких людей тогда сгубили! Весь передовой класс был тогда посажен и убит!

Жизнь колхозника – не приведи Господи! С весны до осени работали от рассвета до заката. Никаких выходных не полагалось. Обещанных машин не было. Работали вручную: сеяли, пололи, жали. Не хватало лошадей, пахали на коровах. Часто сеять было нечем. Мне кажется, многие мечтали выйти из колхоза. Но попробуй, скажи об этом! Ведь от колхоза получить было нечего.

И уехать из него было нельзя. Паспортов нам просто так не выдавали. Да они нам и не нужны были. Многие и не хотели уезжать в город хотя бы потому, что были безграмотными. Они просто вращались в свой дом, в свое хозяйство. В деревне было спокойнее и свободнее. Легче было прожить. Притягивала земля. Но всё равно, из нашей большой семьи только брат остался в деревне. Все сестры разъехались. И дети их тоже разъехались. Но это уже после войны было.

В своем личном хозяйстве работали только по ночам, после работы в колхозе. Обработывали свои небольшие огороды, ухаживали за скотиной. Много здесь делали дети и старики. Зимой, конечно, на своё хозяйство уходило больше времени. Но налоги были большими. Брали яйцами шерстью, молоком, мясом, картошкой.

Денег за работу не давали. Считали по трудодням. Мы получали по ним 150-200 гр. зерна, которое сами и мололи. Разве можно было прожить

---

⁹² И тем не менее ссыльные сбегали как из таежных мест, так и из городов. Например, в феврале 1935 г. в групповом побеге сбежали 92 трудпоселенца Верх-Васюганской комендатуры Нарымского округа. В течение марта-апреля 1934 г. из Прокопьевской комендатуры сбежало 308 спецпереселенцев, из которых задержано было только 50 чел. (15%). (См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг.. С. 198, 200).

на эти граммы? До коллективизации на наших столах было всё. Никто не голодал. А теперь еда стала бедная. Кроме овощей, грибов и ягод ничего больше и не видели. Жили только с огорода. Про мясо вообще забыли. Мололи боярку, черемуху, пекли из них лепешки. Муки не было. Собирали травы, корешки.

Конечно, это был голод. Перед самой войной стол стал немного побогаче. Но всё равно, это не то, что до колхозов. Мы даже во время войны не голодали так сильно, как в 30-е годы. С одеждой тоже было плохо. Из льна и шерсти пряли пряжу, вязали, ткали. Покупных вещей мы, считай, и не носили. Один ребёнок подрос, передавали другому. И так до тех пор, пока не дойдёт до последнего.

Конечно, некоторые потихоньку приворовывали в колхозе. Но не друг у друга. Боже, избавь взять чужое, соседское! Это стыдно!

Был закон «о колосках». По нему было так: подберешь колхозный колосок, за него ответишь. За 1 кг. зерна давали пять лет. У нас одну женщину судили за то, что она насыпала в карман горстку зерна. О! С этим было очень строго.

Когда началась война, мужики пошли на фронт. Как же не пойдёшь? Раз война, значит, Родину свою надо защищать. Те, у кого была семья, ждали повестку на фронт. А холостяки охотно шли сами. Добровольцев было очень много. В военкоматах стояли очереди. Шли и парни, и девушки. Вернувшихся с фронта, можно было пересчитать по пальцам. В нашей деревне и десятка таких не наберешь. Деревни стали совсем пустыми без мужиков. Досталось нам от войны! После войны жизнь постепенно стала восстанавливаться.

В нашей деревне дети учились до 4-х или 7-ми классов. Закончивший 4 класса, считался грамотным человеком. Он умел читать и писать. А закончивший 7 классов, уже мог становиться учителем. Учителя и врачи у нас считались самыми почётными людьми. Люди учились охотно. Старались получить хоть самое малое образование.

В деревне был клуб. В нем находился закуток, который избой-читальней назывался. Там выдавали книжки, или учителя читали их вслух для тех, кто приходил послушать. В клуб, на танцы, приходили и молодые и старые. Кроме них в деревне никаких развлечений, никакой радости.

Церкви в нашей деревне не было. Она была в 4 км. в Лебедях. Взрослые туда ходили, а молодежь – почти нет. Священником был видный и важный человек. Его очень почитали. Но по распоряжению правительства ту церковь закрыли. Так диктовала партия.

Про политику люди боялись говорить. Скажешь что-то не то, сразу посадят.⁹³ За частушку могли посадить. Не только критиковать, но даже обсуждать политику Сталина было опасно. В нашем Карбелкино было семей десять «врагов народа». Забирали и высылали их по доносам нечистоплотных людей.

Ни в каких заграницах или на курорте сроду не была. Была только в местном доме отдыха. В годы реформ жизнь изменилась в худшую сторону. Тяжело стало жить. Пенсия маленькая, а годы уже большие.

Так вот и прожили жизнь.

Приложение (архивные документы):

Из политинформации

Рудничного РК ВКП(б) г. Кемерова об агитационно-массовой работе среди населения района.

4-7 июля 1941 г.

г. Кемерово

[...] Имел место и такой случай, когда крепильщик шахты «Северной» Скударов с 22/VI резко понизил производительность труда и когда горный мастер т. Паюсов стал говорить со Скударовым, почему он понизил производительность труда, он ответил: «Раньше я жил хорошо, отец имел хорошее хозяйство – 30-40 запряжек лошадей, поля убирали батраками, а теперь приходится самому трудиться, а за что трудиться?». (материал направлен следственным органам) [...]

ГАКО.Ф.П-15.Оп.1. Д.342.Л.5.

Подлинник. Машинопись.

---

⁹³ О том, как подобное проходило вполне буднично дает некоторое представление документ в конце рассказа.

ДОКУМЕНТ №32

Ленцева Мария Наумовна родилась в 1915 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. **Жук Ольга Григорьевна** родилась в 1916 г. в Белоруссии. Беседу записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский)⁹⁴

Жук - Я родилась в Белоруссии. В Сибирь мы сбежали от коллективизации. Родители никак не хотели вступать в колхоз. Как-то вечером отца пришли арестовывать, но не нашли. Он сидел в подполье. Накануне добрые люди предупредили его, и он спрятался. А ночью мы уехали из деревни. Подались в Сибирь. Здесь жила мамина сестра. С тех пор здесь и живем.

Ленцева - А я родилась в Подъяково. В единоличниках наша семья жила небогато: было всего 2-3 лошади, корова, овечки, косилка, плуг. Я помню, что мы только-только начали разживаться, как колхозы разграбили нас. Мы голые и босые остались. Ох и жалко было отдавать нажитое. Но отец сказал твердо: «Дети, нам надо заходить в колхоз. Иначе нас до корня разорят». В колхоз мы зашли. Лошадей, овечек, машины, плуги, - всё-всё отдали.

Сколько же мы работали в том колхозе! Я и пахала, и боронила, и мешки таскала, и на лесозаготовки зимой ездила, и на лесосплаве весной была. Куда пошлют, что заставят - всё делала. За работу нам палочки писали – трудодни. А получали мы на эти трудодни фигу. Первые два года хоть мало, но всё-таки давали хлеб, а потом перестали. Всё сдавали государству. А вы, колхозники, живите, как знаете. Так и жили.

Питались очень плохо: где тошнотики из мерзлой картошки съездим, где саранки выручали. Ягода, грибы. На колхозном поле была общая кухня. Но что там варили! Сварят противного киселя из овсянки, и питайся этим варевом. Животы болели. Ни в какой декрет по рождению детей мы сроду не ходили. Кто его нам даст? Если бы были декреты, какая нормальная баба стала рожать в поле? Ей о дитё надо думать, а не о работе.

---

⁹⁴ Эта беседа была опубликована: «Колхознички-канареечки, поработай год без копеечки» - «С тобой» (областная газета) - 1999 - 19 дек.; «Заря» (газета Кемеровского района) – 1999 – 18 дек. Публикация вызвала полемику: Степан Анищенко – «Правда ваша, но не вся» - «Заря» - 2000 – 15 апр.; Наталия Лопатина – «Чтобы пышно жить!» - «Заря» - 2000 – 29 апр.); Матрена Савинцева – «Не надо хаять колхозы» - «Заря» - 2000 – 27 мая.

А когда из Подъяково всех мужиков на войну забрали, мы, женщины, всю работу делали: сами сено косили, сами метали, сами пахали и сеяли. Там, где кони на севе пройти не могли, мы мешки на плечи взваливали и давай... Мало кто вернулся с войны. Реву-то сколько было!

После войны мне повезло. Как с мужиком своим сошлась, в колхозе больше не работала. Муж работал в Щегловском подсобном хозяйстве и в колхоз меня больше не пустил. Он сказал мне: «Ты вот год работаешь, а тебе ни грамма хлеба не дают, ни деньгами не платят. Зачем работать? Сиди дома и расти детей». Ведь это правда! Нам ничего не платили.

Жук - А ведь, скажи, как ни трудно было работать, мы песни пели. Пели по дороге и на работу, и с работы.

Ленцева - Да, подруга, пели. В войну так трудно было, и то мы песни пели и играли. И вот что интересно! Мы самогонку гнали, а пили не сильно. Всей деревней праздновали Рождество, Масленку, Пасху, Троицу. Если праздновали, то гуляли неделю. Ходили толпой из дома в дом. Но это было до колхозов. Гуляли, пока Советская власть не запретила. Кончились наши праздники. В Бога мы все верили! Молились. С верой в Бога жили и наши родители, и их родители жили. Но Бог чем-то помешал советской власти.⁹⁵ Заставили от него отказаться.

Мы как чокнутые стали. Работали и работали. Знали одну только работу. Жили..., как не знаю кто! Как лето, - все дети, как мураши, на поле работают, траву дергают. Никто их сильно не насиловал, как нас, но работать заставляли. Ребяшня вся работала.

У нас даже ни паспортов, ни справок, ни метрик не было. Нам эти паспорта не давали, чтобы мы не разбежались. Сюда вот в Щегловку к мужу переехала, так насилу паспорт выправила. Но и без документов люди как-то умудрялись убежать из колхоза.

Жук – Советскую власть трудно обмануть.

Ленцева - А нам какая разница была? Что советская власть, что еще какая. Я работала и работала. Всё говорили, что большевики о нас заботятся. А я, черт знает, кто они такие и как заботятся! Или коммунисты!

---

⁹⁵ После революции 1905-1907 гг. среди большевиков появились группы богоискателей и богостроителей (А.В.Луначарский, А.А.Богданов). Они считали, что коммунизм, как научная идея, непонятен народу. Поэтому коммунизму надо придать форму веры, форму религии. И в этом виде внести в народ. В.И.Ленин категорически возражал. Но в 20-е годы именно в форме религии и распространялись идеи коммунизма в народе. Человек не может иметь две веры. Потому и отбирали у советского человека христианскую веру, закрывая церкви, репрессировав священников, жестко преследуя за веру в Бога коммунистов, комсомольцев и др. Родители, воспитывающие детей в вере в Бога, могли быть осуждены по ст. 58.10 (контрреволюционная пропаганда).

А по мне, ну, коммунисты, да коммунисты! Не знаю. Мы люди небольшие. Кто нам докладываться будет, зачем нужны были те же колхозы?

Жук – Мы власть уважали!

Ленцева – А то как же! Попробуй, не уважь! Если останешься дома, не пойдешь на работу, за тобой тут же прибегут и выгонят в поле. Собирайся, кричат, сейчас же! А работали мы день и ночь. Днем косили, жали, а ночью скирдовали или молотили. У нас тогда с этим строго было. Я как-то сильно заболела. Не смогла идти на лесозаготовку. Мы, колхозники, обязаны были не только хлеб растить, но и «кубатуру гнать», дорогу строить. Мы многое, что обязаны были делать. И ничего за это не платили - ни нам, ни даже колхозу. Обязаны - и всё!

Не вышла я как-то на работу из-за болезни. Фельдшер выписал мне справку об освобождении. Эту справку я отдала своему председателю. А он заматерился и сказал, что эта бумажка ему только в уборной может пригодиться. Наш бригадир Висильчук тут же написал на меня бумагу в органы. Там было написано, что я - такая-сякая, перебегаю из бригады в бригаду, ему, мол, не подчиняюсь. Такая бумага тогда была всё одно, что приговор. Вызвали меня куда надо... . Ой, как же я боялась идти. Внутри у меня всё дрожало! Шла и думала, что же со мной теперь сделают?! Что сейчас будет?! Меня там спросили: «Сколько ты выработала трудодней?». А я, сдуру: «Чёрт их знает, сколько. Я их не считала. Зачем они мне, палочки да палочки!». Меня арестовали, посадили в Барзаскую тюрьму. Оказывается, я что-то лишнее сболтнула. Четверо суток и просидела.

После тюрьмы да болезни оклемалась немного, и меня отправили на всю зиму на лесозаготовки «кубатуру гнать». Когда была на лесозаготовках, узнала, что председатель, из-за которого я в тюрьму попала (Захаркин его фамилия), выстрелил в одного мужика. Тогда подписывали на заем. Каждый колхозник должен был купить облигацию за 1000 рублей! Это вроде как государство у нас занимает, а потом отдаст. Деньги огромные! Где их взять? На трудодни ведь нам копейки приходились. Мужичок этот и говорит председателю: «Дайте мне коней, я солому отвезу, продам и заём выплачу». А председатель стал орать, выхватил наган, стрельнул. Арестовали того Захаркина. Говорят, в тюрьме его шибко лупасили. Жена его кровавые рубахи из тюрьмы приносила. Потом, когда председателя выпустили, кто-то убил его уже на свободе.⁹⁶

---

⁹⁶ В вышеупомянутой дискуссии Степан Анищенко тоже вспоминает того председателя и почти восхищается его решительностью и властью. Сведений о его насильственной смерти не подтверждает.

Вот так Бог покарал за издевательство над людьми. Вообще-то председатели у нас были разные. Я всех уже не упомяну.

Жук – Я-то в колхозе не работала. Коллективизация в Белоруссии раньше, чем в Сибири, началась. Мы сюда приехали, уже зная, что это такое. У отца брат был коммунистом. Он сказал отцу: «Никифор, поедешь в Сибирь, не вздумай единолично устраиваться. Колхозы и до Сибири дойдут». Мы приехали в Сибирь. Здесь, в Сутункином Логу, жила мамина сестра. Она нас и приняла. Мы поселились в тайге, где уже жило семь семей. Стали корчевать. Посадили картошку, просо, дом поставили. Таежная земля не пригодна для посадок, и всё замерзало. Решили бросить. Отец подался в Кемерово на шахту «Бутовку», устроился на работу. Нам коллективизация стала уже не страшна. Сама же я перебралась в Щегловский совхоз, работала на свиноферме. Утром приду, свиней накормлю, уберу и - домой. После обеда опять хрюшек иду кормить. Свинарник рядом с домом был. У нас не то, что в колхозе - никого на работу не гоняли, платили деньгами, а не палочками, доставалось - по рублю в день. На лесозаготовки не посылали.

Послушаю, как в колхозе жили, так не приведи, Господи! Как же людей мучили-то! Ты думаешь только в вашем колхозе так? Моя тетка в Балахоновском колхозе работала, это 4 км от Подъяково, над ними там так же издевались! Ой-ей- ёй! Мужа у неё забрали, она с двумя детьми малыми осталась. Свекра за что-то расстреляли. Отца сослали на 10 лет.

Ленцева – Я вот тебе и говорю, что ты жизни не знаешь, поскольку в колхозе не работала. Жила, как у Христа за пазухой! Ой, не приведи, Господь, никому такой жизни, как у колхозника! Из-за работы я света белого не видела. Голодные ходили, холодные. И так, без конца! Знаешь, какая норма у нас была на покосе? Тридцать соток на женщину! Мы косили группой из 3-4 женщин. Подсчитала, какой величины для нас было дневное поле? Поработаем, сядем под березку, посидим-посидим, наплачемся... И опять идем косить. Плакали от такой жизни! А налоги! Отцу пришлось корову за налоги сдать. Сдавали молоко, масло, яйца, шерсть. Вырастишь скотину, а сам ею не пользуешься.

Жук – И кто только нам такую жизнь устроил?!

Ленцева - Кто его знает! По-русски сказать... Начальство! И откуда только на нашу голову такие начальники брались?! В войну я конюхом работала. Как-то из Барзаса приехало начальство ночью проверять - работают ли колхозники ночью или спят. Зашли ко мне, увидели, что не сплю, за конями хожу. Поехали на свинарник, а там все спят. Долго потом разбирались. Строжились. И что было строжиться? Плохо ли работаешь, хорошо ли, - всё равно все одинаково получали. Правда, кого-то из

колхозников начальство выбирало и ставило на почет. Говорили, что они какие-то ударники. Меня тоже как-то на почет поставили. Целых 30 рублей премии дали! Все работали одинаково. Никакого-такого стахановского движения у нас не было.

Жук – Зато каждый день на курорт ездили (смеется).

Ленцева – Как же...! Разбежались! У нас тут такой курорт в колхозах был!... Дядька мой ещё до колхозов дом хороший построил. А мой отец ему и говорит: «Заходи в колхоз, заходи. Разорят тебя с таким домом!» Не послушал дядька. Забрали у него дом, всю скотину. И самого забрали. Без вести сгинул. За что спрашивается? За то, что хотел, чтоб его семья жила в добротном доме и в достатке? Он ведь этот дом своим потом заработал.

Когда начались колхозы, мы с подругой на сушилке работали. Знаешь, сколько вот этими руками я таких домов сожгла? Ох, и напилились мы тогда с подругой! Привезут хороший дом, в нем бы жить да жить. Или стайку, какую. Ты в ней хоть сейчас скотину держи! А мы её на дрова пускаем, зерно сушим. Рука не поднималась такое добро изводить. Мы знали, что всё это конфискованные кулацкие дома и догадывались, где теперь их хозяева. И кому всё это с нами надо было сделать?!

Жук – И сейчас хорошего мало. Но жить можно.

Ленцева - Главное колхозов нет! Нам деньги по пенсии дают. Мы едим, лежим, гуляем. На работу нас не гоняют. А нам больше ничего и не надо.

Жук – Сейчас говорят, что Сталин был хорошим руководителем.

Ленцева - А мы его знаем?! Нами руководили, мы работали.

Ах, как хорошо нами руководили!.. (смеется).

ДОКУМЕНТ №33

Кузьмина Анна Васильевна родилась в 1916 г. д. Свидировка Тяжинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Кулемина Наталья в 1999 г. (с. Сандайское Тяжинского района Кемеровской области)

У бати с матушкой нас было шестеро горемычных. Жили в середняках, пока батя не умер. Самому старшему из нас было 14 лет. Постепенно распродали коней, коров. Стали жить бедно. Сварит мать чугунок картошки, высыплет на стол... Вот и радуйся, благодари Боженьку за обед. Репу ели пареную, капусту квашеную, молоко кислое и свежее. Это вы сейчас нос воротите от такой пищи. Не знаю, чего и хотите-то. А тогда всё это ели за милую душу, не брезговали.

Одевались очень и очень просто: чуни – одни на двоих, холщовые домотканые рубахи. А о выходной одежде и не слыхивали. Когда коллективизация началась, я ещё в девках была. Много ли понимала?

Сидели мы с подружками как-то вечером на лавочке. Подъехала машина с работниками НКВД.⁹⁷

Прогнали нас и стали одну семью «кулачить». Они богато жили! Забрали всех: и стариков, и молодых, и даже ребёнка. Увезли их куда-то. Потом приехали за добром. А вот Авдоньиных раскулачили (они за речкой жили) по-другому: забрали только добро, а самих оставили. Мы радовались, что нас не тронули. Да, мы, слава Богу, и не кулаки были. Думали, что так и надо. А зачем надо? Мы вообще ничего не знали. Главное, чтоб меня не тронули.

В колхозе работали с утра до ноченьки. Все делали вручную: жали серпами, косили косами, собирали в снопы. Работа – очень тяжелая, непосильная. Получали – крошки: 300 грамм ржи за трудодень. Мы трудодни палочками называли. Особенно трудно было нам, женщинам. Никого не интересовало, что ты тяжела ходишь, родишь скоро. Не интересовало – заболела ли ты, дитя ли у тебя малое занедужило. Все идут на работу, и ты идешь, хоть и беременная.

Приучили нас старики любить землю. Не можем мы без неё. Вот и сейчас стара стала, а всё в земельке повозиться охота. Так вот в поле и тянет.

Давно, правда, я поля со спелой пшеницей не видела.

---

⁹⁷ НКВД – наркомат внутренних дел. В 1934 г. в его состав было включено и ОГПУ - Объединенное государственное политическое управление (бывшая ВЧК) – орган по охране государственной безопасности (с 1953 г. – КГБ, с 1991 г. – ФСБ).

ДОКУМЕНТ №34

Н Мария Александровна (фамилию просила не называть) родилась в 1916 г. в с. Красный бор Ижморского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Циммерман Оксана в 2000 г.⁹⁸

О коллективизации что-то помню сама (не маленькая уж была), что-то знаю по рассказам родителей.

К коллективизации в нашей семье всегда было отношение радостное. Колхозы мы воспринимали с энтузиазмом. А как иначе? Ведь создавались крупные хозяйства.

В деревне у нас были и бедняки, и люди побогаче. Нашу семью можно было отнести к середнякам, то есть, жили не то чтобы богато, но и не бедно. Наемным трудом не пользовались, всю тяжелую крестьянскую работу выполняли своими собственными руками.

Отношение к беднякам было разное. С одной стороны, их было жалко. Ведь многие из них стали такими из-за засухи, неурожаев и других стихийных бедствий. Но, с другой стороны, многие из них были людьми, любившими выпить, ленивыми.

Кулаками считали людей, имевших большое хозяйство, лошадей, нанимавших батраков. Односельчане кулаков не любили, завидовали их жизни. С ними власти разбирались очень быстро: приходило несколько человек, отнимали всё имущество, скотину, технику. А семью выселяли из деревни, как говорили, на Колыму или на Север. С собой они почти ничего не могли взять. Разве что кое-какую одежду. И что-нибудь из еды. О них в деревне больше никто ничего не слышал. Никаких вестей или писем от них в деревню не поступало.

Родители рассказывали, что из города приезжали коммунисты, собирали их на собрания и обещали хорошую жизнь в колхозах. К тем, кто особо противился колхозам, применялось запугивание, угрожали ссылкой, тюрьмой, лагерями. Охотно в колхоз шли в основном бедняцкие семьи. Ведь у них же ничего своего не было. Им терять было нечего. Средняки уже шли более неохотно. Им приходилось сдавать в колхоз лошадей, коров, свиней, нередко даже домашнюю птицу, часть собранного урожая,

---

⁹⁸ Этот рассказ – образец двоемыслия (по Оруэллу). Респондент описывает стандартную (беспросветную) колхозную жизнь, но выводы делает - «какие надо». Складывается впечатление, что автор рассказа до сих пор боится власти. Вероятно, поэтому и фамилию свою просила не указывать.

сено. Конечно, не всем нравились новые порядки. Эти продавали всё и уезжали из деревни. А у кого-то приходилось забирать силой.

Однако, создание колхозов крестьяне встретили с радостью.

Председатель колхоза избирался на собрании всей деревней. Обычно, это был уважаемый в деревне человек: коммунист, участник гражданской войны. Но нередко на эту должность присылали человека из города, как нам тогда говорили, более образованного.

Рабочий день у колхозника на ферме или в поле начинался рано. Работать нам стало полегче, чем в собственном хозяйстве, так как работали сообща, общими усилиями. Кроме того, стала появляться хоть какая-то техника. Оплата велась по трудодням или, как у нас говорили, по «палочкам». У кого сколько их наберется. В связи с этим у многих колхозников возникало недовольство. Люди были недовольны тем, что кому-то заплатили больше, чем ему, хотя тот, мол, работал меньше. Оплаты деньгами не было. Давали зерно, муку, корм для скотины и т.д. Но очень мало. Прожить на это нельзя.

Но всё-таки считалось, что жизнь стала лучше, чем до колхозов.

Как такового, голода в нашей деревне не было. Хотя, конечно, из-за засухи были и неурожайные годы. В эти времена трудно приходилось крестьянам, так как они почти все сдавали государству по налогам. Но поесть всегда можно было.

Трудно пришлось в военные годы. Многие мужчины по собственному желанию ушли на фронт. Всё хозяйство в деревне осталось на плечах женщин, детей, стариков. Без боли не могу вспоминать время, когда вовсе есть нечего было. Приходилось питаться тем, что найдешь в лесу: грибы, ягоды, орехи. В хлеб добавляли гнилую картошку и отруби. Но селяне понимали, что настали тяжелые времена для всей страны, и все старались делать для фронта, для победы.

С той страшной войны многие не вернулись назад домой. А те, что вернулись, стали заново поднимать колхоз. После войны жить стало намного лучше. У колхозников появились свои приусадебные хозяйства, с которых, правда, приходилось платить налоги, отдавать часть урожая.

Многие оставались жить в деревне, так как привыкли к земле. Боялись трудностей при переезде в город. Да что там говорить?! И власти неохотно отпускали нас из деревни жить в городах.

Все колхозники с уважением относились к партии, правительству, Сталину.

ДОКУМЕНТ №35

Дубская Елизавета Михайловна родилась в 1916 г. в д. Журавли (нынешнего Кемеровского района). Рассказ записала Устинова Александра в 2001 г. (г. Кемерово)

Семья наша состояла из 12 человек: мать с отцом, дед с бабушкой, дядя, два брата и четыре сестры.

Коллективизацию я воспринимаю как вредительство против народа. Ничего мы поделать не могли против власти.

Раскулачивали более зажиточных, самых работающих. Забирали тех, кто жил хорошо, имел хозяйство. Власть относилась к кулакам плохо. Их нигде не принимали. Даже их дети считались врагами народа, и им не разрешалось учиться в учебных заведениях.

Кулаков с семьями стали ссылать в Нарым. Все отбирали. В деревнях всех мужчин забирали, а оставшихся расстреливали. Нашу семью тоже хотели сослать в Нарым. Но отвезли в Ягуновку. Здесь расстреливали. Люди сами себе выкопали яму. Их расстреляли и закопали в этой яме. В числе этих людей был и мой отец.⁹⁹

В Нарыме почти все угнанные из нашей деревни умерли. В живых остались только немногие. Сосланный в Нарым дядя присылал брату письма. Он выжил, построил там дом. У кого были деньги, те смогли потом уехать из Нарыма.

До коллективизации деревня выглядела хорошо. Все были труженики. У всех была земля, по несколько гектар. Во время коллективизации все хозяйство крестьян было разрушено, землю отобрали. Никто не протестовал. А что бы изменилось? Ничего.

Активисты были из бедных. Свои же раскулачивали своих. Через несколько лет после раскулачивания стали искать врагов народа. Напишут на соседа заявление, и человека сажали. Брата так посадили. За связь с Америкой. А он даже не знал, что такое Америка. 10 лет и просидел. Его допрашивали, пытали, ставили коленями на соль. Стоял, пока не падал без сознания. Однажды так очнулся, а ему зачитали приговор. Брат остался живой, вышел.

До коллективизации мы питались хорошо. Одевались тоже неплохо: холщевые были, тулупы, дохи, шубы. Хозяйство было хорошее: 5 коров, 10 лошадей, овцы, куры, гуси, утки. Хлеб сами выращивали, продукты все

---

⁹⁹ В Ягуновке действительно был лагерь, в котором расстреливали. На этом месте в 90-е годы поставили обелиск.

были свои. Во время коллективизации жили плохо. Лучше и не вспоминать!

Были сильные голоды.¹⁰⁰ После колхозов власть все зерно попрятала. Все сгноили, людям ничего не дали. И питались люди лебедой, гнилую картошку собирали.

Когда началась война, все мужики пошли воевать. В деревню привезли радио, повесили. Весь народ собрался. Все послушали, а утром отправили мужиков, собрав им на подводы поесть. До города шли пешком. Немного их вернулось с войны. Почти в каждой семье были похоронки. Больше погибли первые. Остались живыми только те, которые ушли на фронт позже. Брала на фронт до 50 лет.

У колхозников было своё хозяйство, за счет которого и выживали. Скотина была (корова, поросенок, овцы), но лошадей не было. Разreshалось держать только одну корову в одном дворе. Налоги были высокие, особенно в годы войны. В войну даже лишней рукавицы не свяжешь. Времени уходило много на содержание хозяйства: корову подоить, покормить скотину. Все успевали делать.

Ты спрашиваешь, кто в колхозе жил “справно”. Палачи и жили. Сами не работали, а жили хорошо. Люди на них батрачили.

---

¹⁰⁰ Так в записи.

ДОКУМЕНТ №36

Чечевский Николай Остапович и Чечевская (Боброва) Ефросинья Федоровна родились в 1917 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский Кемеровской области)

Николай Остапович - Я родился в деревне Иверка Ижморского района Кемеровской области. Наша семья была бедной. Мы бедняками были. Мать ходила к кулакам жать. Уйдет - темно, придет - темно. Старшая сестра в няньках ходила, а я с младшей сестрой (она с 1923 г.) оставался. А когда я был совсем маленький, мать нажует мне хлеба, сунет в рот, и соси эту соску целый день в зыбке. Мать с собой от кулаков горох приносила, мы его и ели.

В семь лет я остался сиротой и жил у кулаков (плачет). Хозяев я называл «тётка», «дядька». У них все делал: полы мыл, с детьми водился. За это они меня кормили, одевали. Сами поедят, а что осталось - мне отдают (плачет). Конечно, ко мне не такое отношение было, как к своим детям, но меня не били. А вот своих детей кулаки били, если те чего не так делали, ленились работать. И не наказывали меня шибко. Не было и такого, чтобы меня не кормили.

В разных семьях мне приходилось жить. Где проживу один – два месяца, а где и три года. Новых хозяев так искал. Приду в сельсовет, сажусь на лавочку и жду, когда мужики придут по какой-нибудь надобности – то налог заплатить (тогда еще единолично жили), то за справкой. А председатель и уговорит кого-нибудь: «Возьми мальчишку, работать у тебя будет, а ты его кормить будешь и одевать».

Мужики меня брали. А чего им было не брать! Ведь после родителей у меня осталось 2 гектара земли, а наш дом сельсовет забрал на дрова (хороший был дом). Меня и брали вместе с землей. Если бы дом остался, то я с двумя сестрами сам бы смог прожить и не нанимался бы в люди. У одного жил, так он сам в лаптях ходил, а меня взял. Я от них часоткой заразился, поэтому ушел.

Меня взял другой мужик - Чувим Иван Полисандрович. У него своих двое ребятишек было. Так он меня лучше, чем своих держал. На него не обижусь. Я у него три года прожил. Он в тайге жил, шишкарил, рыбу мешками домой возил, хозяйство держал. Когда колхозы пошли, он мне говорит: «Иди, Коля, в колхоз, и я пойду». Я ведь у него как в батраках ходил, и его из-за меня могли раскулачить и сослать.

Сначала у нас были коммуны, а потом колхозы. Я в коммунах не жил. Пытались сделать колхозы, но люди в них не шли, тогда придумали коммуны, где люди собирались, жили и работали вместе. Но их быстро разогнали и сделали колхоз «Красная луна». Я в колхозе работал с двенадцати лет. Поскольку жить было негде, квартировался у старичка. Он меня на коня посадит, хлеба, сала даст и отправит бороться колхозные поля.

У нас были бригадиры, молодые ребята, здоровенные. Хорошие, не из кулаков. Они - начальство! Что нам прикажут, то мы и делаем. Вот, мы парнишек десять работаем, а они за нами наблюдают. На ночь они уезжают домой, а нам не разрешали, мы жили на пашне в избушке.

Помню, как раскулачивали. Собраний бедноты не было. Покажут на кого-нибудь, что он кулак, что держит работника, вот и все. И необязательно собираться. Слово бедняка вес имело, а кулака никто не слушал. Их выселяли вместе с ребяташками малыми и брать ничего не разрешали. Подгонят к дому кулака телегу или сани, имущество кулаков туда погрузят и увозят, скот в колхоз передавали. А их без всего увозили в тайгу, где чуть небо видать, в Нарым. Люди плакали, причитали.

У нас в деревне мельник жил. Он коня, коров, свиней держал. Дом большой круглый. Когда его раскулачивали, народу, как всегда, собралось. Скот уже угнали, их вот-вот повезут. А их сын (мы с ним вместе бегали) залез на забор и причитает: «Ой, маменька, зачем ты меня родила? Лучше бы в зыбке удавила». Их увезли, мельницу передали в колхоз.

Я одно время жил у председателя колхоза. Вот тогда я хорошо питался, не голодал, хотя в деревне голодно было. Председатель отправлял меня на колхозный склад за продуктами. Своих детей не посылал, чтобы «не светиться». Мне кладовщик положит в сани муки, мяса еще чего-нибудь. Я это привезу домой к председателю. Они всей семьей едят и меня кормят.

Потом в колхозе мука закончилась. Тогда председатель стал посылать на мельницу своих ребят. На мельнице был кассовый сбор - за центнер намолоченной муки надо было отдать 5-6 кг. Вот мельник и отдавал им какую-то часть того кассового сбора. И тут-то меня перестали кормить. Говорили: «С колхоза бери». А в колхозе был только жмых. Женщины жмых намнут, смешают с рожью, которую брали из другого колхоза, и пекли лепешки. Мне давали в колхозе полкило подсолнухами и литр молока. Я тогда в колхозе пас свиней с одним богачом (по моим понятиям), он на обед сало ест, а я - молоко.

В Щегловку я попал в 1932 г. Здесь в 1931 г. стали строить совхоз. Вот наши ребята и подались сюда. Убежали от голода. Чтобы прикрепить

колхозников к колхозу, паспортов нам не выдавали. Уехать можно было только по вербовке на какую-нибудь стройку. К нам приехал вербовщик, и я завербовался в Щегловку. Пас коров, лошадей, силос закладывал. Потом, правда, запретили подросткам землю копать. Когда взрослым уже стал, работал на комбайне штурвальным.

Работал я хорошо, но неграмотный был. Когда в армию призывали, выяснилось, что я ни читать, ни писать не умею. Как такого в армию брать? Меня послали в Барзас на месяц, ликбез проходить. Таких, как я, там оказалось немало.

Уже после войны отправили меня в Топки на 6-месячные курсы комбайнера. Все сидят пишут, а я, как баран, нет. Завуч, Василий Иванович Синенко, меня спрашивает, почему я не пишу. Я отвечаю, что голова от учебы болит, виски ломит, и я ничего не понимаю. А он мне: «Не ты первый такой, не ты последний. Учись!» И я выучился.

Женился я после войны. Жена учила ребятишек, и мы жили в школе. Детки ходили через нашу кухню в свой учебный класс. Это не совсем школа была. Это было строение, крытое соломой, без света. В нем во время дождя невозможно было находиться. Как дождь, мы под столом прятались, так как он воду не пропускал. Мы в этой школе жили до 50-х годов. Своих детей у нас нет.

Не верьте, когда говорят, что тогда люди помогали друг другу, всем делились. Неправда это. Не было такого. Каждый за себя. Выживал, кто как мог.

Ефросинья Федоровна - Вы спрашиваете, какая у нас была свадьба. Что Вы, какая свадьба? Жрать нечего было! Я с мамой жила. Николай с друзьями приехал, мы сошлись - и все! Друзья уехали, а он остался.

Я работала учительницей младших классов. Закончила в городе 10-месячные курсы. Нас с подружкой распределили по окончании курсов в Щегловский совхоз. Мы сюда приехали, увидели здешнюю жизнь, ужаснулись. Давай плакать! Пришли в контору, стали упрашивать, чтобы нам выдали документы. Но нам их не отдали. Так я здесь и осталась.

Человек ко всему привыкает.

Николай Остапович - Я не жил, а существовал! Вся жизнь - борьба за элементарное существование.

ДОКУМЕНТ №37

Петрова Татьяна Петровна родилась в 1916 г. в Калининской области. Рассказ записала внучка Долгих Татьяна в 1998 г. (г. Прокопьевск)

В число раскулаченных мы как бы не попали. Но в то же время и попали. Мы просто не стали дожидаться этого бедствия. Мы сбежали от коллективизации.

Когда от соседей мы прослышали о раскулачивании, то поняли, что нашей семье не избежать этой участи. Добежали аж до Сибири. Нам нужно было поосновательнее спрятаться. Попали мы в небольшой поселок Усяты. Потом на этом месте город Прокопьевск образовался. А тогда это было глухое место. Шахты только строились. Отец наш и устроился на шахту им. Сталина. Мама туда же пошла работать мотористкой. А я осталась присматривать за хозяйством.

Справедливо ли было забирать у кулаков скот и инвентарь? Ты, доченька, лучше и не спрашивай. Что ты! Мы трудились. Всего добивались сами. А эти идолы захотели всё у нас забрать. Разве это по-человечески, по-христиански?

Сколько добра пришлось нам оставить в своей деревне! Конечно, что могли, то унесли с собой. Но много ли унесешь вшестером? Тем более, что сестренка была маленькая, брату - чуть больше. Ехали на лошадях, товарняках, потом опять на лошадях. Ехали бесконечно долго: Псков, Великие Луки, ещё какие-то станции. Я уже и не замечала дороги. Мы очень вымотались. Ели то, что взяли с собой: картошку, свеклу, морковку, сало.

Никакие мы были не эксплуататоры! Работников мы никогда не держали. Работали только сами. Я не знаю, что забирали при раскулачивании. Мы же сбежали от этого. Но люди тогда говаривали, что забирали всё: и скотину, и зерно, и одежду, и даже посуду.

Помню, с каким страхом родители и соседи говорили об этом. Мы знали, что раскулачивали наши же, деревенские. Одежду тут же раздавали беднякам.

Так страшно было! Мы знали, что нас ждало такое же горе. Хорошо помню, что я испытывала злость, негодование. Почему мы должны были кому-то отдать всё заработанное нами?! Было страшно обидно! Ох, доченька! И вспоминать про то страшно! Я потом про это в книжке читала. «Поднятая целина» называется. Там всё по правде написано. Я даже плакала. Только плакала не над тем, над чем полагалось. Жалела я книжных раскулаченных.

У нас никто раскулачиванию не сопротивлялся. Это же страшно опасно было! Тогда строго было с сопротивлением властям.

Мне тогда всё думалось, что кончилась моя молодость, моё счастье!

Я очень твоего деда любила. Думала, мы убежим, а он останется. Но он поехал с нами. В Усятах мы и повенчались. А через год и дети пошли. У меня всё время страх за детей был. Что с ними будет? Какое у них будущее? Всё время одолевали думы - как жить дальше? Всё время была неопределенность.

Местные усятские жители встретили нас с пониманием. Спасибо им! Нас приютили в одном бараке, накормили тем, что было у них. А было, надо сказать, у них у самих мало. Но люди тогда совестливые были.

Сначала мы жили в бараке на «Голубевке». Это был рабочий поселок рядом с шахтой. Затем переселились в дом, за который потом выплачивали шахте ссуду. У меня тогда уже шестеро детей было. Все мои сестры постепенно разъехались из Прокопьевска. Всем хотелось получше свою жизнь устроить. Но мы не могли сорваться с места из-за недостатка средств.

А в 1953 г. деда твоего в шахте убило. Горе-то какое! Тут уж и речи не могло быть о переезде.

Когда мы жили в своей деревне, то не знали, что такое голод. Вообще как-то не ощущалась еда. Она была - и всё. А вот как приехали в Прокопьевск, тут и началось. Я уж не говорю про войну. Тут уж мы поголодали. Но ничего, перебились. Сажали картошку. Но её часто воровали.

Голод - это страшно! Это не просто есть хочется, кушать охота. Это ощущение своего бессилия. Ни я, ни твой дед ничего сделать не могли. Голодали сильно!

Потом жизнь как-то налаживаться стала. Иногда было лучше, иногда хуже. Конкретно по годам не припомню. Но лучше всего, по-моему, было при Брежневe. Сейчас вот вы мне помогаете. Тоже неплохо!

В хорошие годы мы питались так: на завтрак – каша, на обед – суп, на ужин – картошка с салом. Знаешь, я вспомнила, после войны сильно голодно было. В 1949 г. как раз твоя мама родилась. И ещё раньше.

Во время войны я работала мотористкой. Все тогда думали, как бы своим трудом помочь победе над фашистами. После работы мы работали на полях в подсобном хозяйстве шахты. За это нам деньги не платили, а ставили трудодни. По ним потом давали сколько-то зерна, сколько-то овощей.

Для меня коммунистическая партия была, как мать родная.¹⁰¹ Все наши беды мы с ней не связывали. Для нас эти беды воспринимались как временные. Мы работали на государство, а государство нас не обижало насчет всяких благ: школы, больницы...

Сталин внушал нам страх. Чувствовалась его сила. Когда он умер, было всеобщее горе. Я ревела навзрыд.

Власть? Не знаю, что это такое. Но думаю, что это то, без чего нельзя чувствовать себя уверенной, как бы нельзя полностью быть свободной. Вот у Сталина была власть! Да ещё какая! Он действовал на людей как гипнотизер. А видишь, каким он оказался в действительности! Кто бы мог подумать! Боже ты мой...!

У нас на шахте, говорят, были те, кто побывал в лагерях. Но они никогда, ничего не рассказывали. Оно и понятно! Если бы они пошли против партии и говорили про неё плохое, им бы не сдобровать. А так..., никто, ничего не знал. Все любили партию и Сталина. Ленин внушает как бы уважение и любовь. Что ни говори, но именно так я его воспринимаю. Ведь он столько сил положил, чтобы нам хорошо жилось.¹⁰² Он такой умный был. Столько книг написал!

Сталин внушал страх и любовь. При нем были и радости и горести. Было ощущение, что Сталин не знал о всех наших бедах. А если бы узнал, то сразу бы нам помог. К Хрущеву было недоверие. Больно резво он за всё брался. На Сталина стал наговаривать! Ельцин – плохой руководитель. Весь больной. Ему бы на отдых надо. Такое ощущение, что он вроде бы и не правит. Это кто-то делает за него. Черномырдин, кажется, деловой человек. А Кислюк – вун и обманщик! Я так скажу. А больше ничего говорить не буду.

Ты внученька, моё мнение не записывай. Я в политике ничего не понимаю. Я высказала то, что на душе.

---

¹⁰¹ Члены этой партии и были теми самыми «идолами», которые «захотели всё забрать», о чем респондент говорила ранее.

¹⁰² Реализация программы Ленина-Сталина («чтобы хорошо жилось») и привела к жизненным бедам респондента.

ДОКУМЕНТ №38

Сердюк Федор Иванович родился на Волге в 1917 г. Рассказ записала правнучка Бауэр Татьяна в 1999 г.

Мою маму звали Василиса. Она была очень красива и добра. Ей не было и шестнадцати, когда она вышла замуж за красивого парня Ивана. Иван тоже был очень молод: ему было всего 17 лет. Молодая семья Сердюк осталась жить в своём селе в большом доме, который достался им от бабушки Василисы – Матрёны.

Иван Савельевич не мог насмотреться на свою ненаглядную Василисушку. Семья была очень дружной. Ну а какая семья без детей?! Детей было очень много, родители их очень любили. В свои 39 лет Иван и Василиса в 37 имели: дочь Евдокию 20 лет, дочь Марию 16 лет, сына Павла 13 лет, Алексея 11 лет, Фёдора 9 лет, Григория 7 лет, Варвару 5 лет. Ещё должны были быть дочь Настенька и сын Вася, да не судьба была им выжить: Настя умерла, не дожив 3-х дней до года, Вася умер сразу. Потом Василиса потеряла дочь в 34 года, сына в 36 лет. Больше детей у Сердюков не было.

Все дети помогали отцу с матерью. Когда отец уходил в церковь молиться Богу, матери помогали все дети. Хозяйство было большое: 2 лошади, 1 корова, 4 овцы, 30 десятин земли. Помимо этого был амбар, ветряная мельница, жатка, сенокосилка, шерсточесалка. Всё было нажито потом и кровью. Из церкви отец шёл в поле работать, где про себя молился за урожай. Иван и детей приучил молиться. Ни дня не проходило, чтобы за большим столом в хате не молились на хлеб насущный.

Отец считался кулаком, а кулаков надобно было власти раскулачивать. Всё добро, таким трудом нажитое, отец не хотел отдавать. За это и за то, что людям раздавал молитвы, отец был репрессирован тройкой УНКВД 11.03.38 г. по ст.58-2-8-9-1 УК РСФСФ¹, приговорен к расстрелу. Расстрелян был 25.03.38 г.

О расстреле мама знала, только не хотела верить, ждала отца. В день расстрела пролежала на печи весь день (ноги не шли и сердце тревожно билось). Тогда она поняла, что её Иван больше не будет лежать с ней на печи.

Нас отправили на большом корабле по Волге (было выселение). Когда в очередной раз корабль остановился «отдохнуть», кто-то нехороший украл Вареньку, самую младшую доченьку-куколку. Мама всю

---

¹ Из архивной справки.

дорогу не отпускала от себя её, а тут отвлеклась, не усмотрела. Плакать не было сил. Одно горюшко за другим! Седина посеребрила чёрные волосы сорокалетней женщины.

Высадили нас в незнакомой стороне. Оказалось, что это село Дубровино Завьяловского района Алтайского края. Всё приходилось начинать сначала. Вся семья трудилась день и ночь. Не хватало крепкого мужского плеча. На соседней улице жил статный мужчина – вдовец, которому давно приглянулась Василиса.

Долго он ухаживал за ней, помогал в работе. Так и стали жить вместе. Он был моложе её на 7 лет. Любил он её очень, она же не отвечала ему тем же. Уважала его и всё. Через год, зайдя в амбар, Василиса упала в обморок. Очнулась в постели. Поняла, что беременна, но умолчала. Не хотела она больше детей. Тайно, скрывая даже от своей старшей дочери, с которой делилась всем, сходила к повивальной бабке. На следующий день почувствовала боль внизу живота, повысилась температура, страшно болела голова. Обо всём рассказала дочери Марии. Силы стали покидать Василису, боль в животе с каждым днём увеличивалась. Через неделю умерла. Ей было всего сорок три года.

Через полгода началась война. Жить стало тяжело, в поле собирали гнилую мелкую картошку, рвали крапиву и варили похлёбку.

Мария и Евдокия работали медицинскими сёстрами на фронте. Мужики воевали. С войны вернулся только я. В братской могиле лежат тела Павла, Григория, Алексея, а также Пётра – отчима.

На войне мне полюбилась молоденькая медсестра Лиза. Она ухаживала за мной, когда меня ранили. До сих пор мы живём вместе.

Мария (старшая сестра) на войне ходила пузатой, под пулями появился мальчонка. Отец так и не увидел: был тяжело ранен в живот. Мария вторично вышла замуж за командира. Евдокия связала свою судьбу с «раненым» молодчиком.

Кладбище, на котором была похоронена Василиса, было затоплено. Мы, дети, сами сделали могилу родителей, братьев и «доброго дяди» Пети.

По сей день вся наша семья собирается за большим столом в доме у Марии.

(Вспоминая жизнь, дед всё время плакал и крепко сжимал мою руку.)

ДОКУМЕНТ №39

Валова Елизавета Васильевна родилась в 1917 г. в д. Андреевка Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Пикункина Наталья в 1999 г. (г. Березовский)

Семья наша состояла из девяти человек: тятя, мама, четыре сестры и три брата. Отец умер рано. Мы росли сиротами. Потом братья поженились, а сестры повыходили замуж.

Остались мы с младшим братом и мамой. Но не голодали. И деньги у нас с мамой водились: выращивали поросят, возили их на Кемеровский рудник. Продашь, и себе что-то купишь. Не сказать, что всего вдоволь было. Но мы были и обуты, и одеты. Хозяйство наше было не хуже, чем у других.

А потом наступил 1931 г. Начались колхозы. Тогда у людей всё отбирали, их хозяйства разоряли, а самих отсылали в Нарым. Ни один из них не вернулся. Даже писем от них не было. Разорили и наше хозяйство. Оставили нам лошадь, корову, штуки две овечки, несколько куриц.

Нас не спрашивали, хотим мы или не хотим в колхоз. Иди, и всё! Никто не протестовал. Деваться было некуда. Если не хочешь заходить в колхоз, значит, ты идешь против власти и тебя ссылают.

В нашей Андреевке ещё до колхозов коммуна образовалась. Тогда нашли 7 кулаков и сослали в Нарым. Но наши деревенские их кулаками не считали. Почитали их как самыми честными тружениками. Они работали, не покладая рук. Их выслали, а из их хозяйств коммуны образовали. При коллективизации эту коммуны к колхозу присоединили.

Первого председателя нашего колхоза прислали из города. Я даже фамилию его запомнила – Панарин. Его сразу незалюбили. В деревенском хозяйстве он ничего не понимал. Как он начал ездить на коне по паханому полю! Сердце кровью обливалось. Коня было жалко! Одного коня запалил. Второго запалил. Много пил. Осень подошла, собрали урожай, продали. Он все наши деньжонки забрал и уехал. Никто его больше не видел. Всё, что на трудодни нам приходилось, увез с собой. И оставил нас на целый год ни с чем. А ведь партийный был!

Потом нам из города в председатели стали предлагать других. Но мы стояли на своём. Говорили, что никто нам не нужен, лучше поставим своего рядового колхозника. Так и сделали. Вот тогда нам легче стало жить.

В колхозе мы работали с братом вдвоем. Оба несовершеннолетние. Мама уже старая была. Но пенсию, конечно, не получала. В колхозе не было пенсионеров.

Рабочий день у нас был ненормированный. Работали с утра до позднего вечера, пока солнце не сядет или пока работу не закончим. Например, на сенокосе не отпускали до тех пор, пока не только сено сгребем, но и в стог его не смечем, и не укроем, как следует. Только тогда запрягали лошадей и везли нас в деревню.

За работу нам ставили трудодни. Но с нас часто высчитывали столько, что к концу отчетного года и получать нечего. Осенью на трудодни хлеб выдавали. Его нам едва хватало до Нового года. Да и какой это хлеб! Первокласный государству сдавали, а нам хлеб второго и третьего сорта доставался. Мясо у нас своё было, а вот хлебушка всегда не хватало. Наш председатель давал нам, женщинам, лошадь, и мы ездили за ним в магазин на рудник. Он от нас был недалеко – километров шесть. В магазине хлеба давали только по две булки в руки. Стояли в очереди весь день.

Какие копейки с продажи мяса заработаем, у нас их все по налогу забирали. Рудник был рядом.¹⁰³ Мы могли бы уехать. Но не было паспортов. Справки, которые мы просили у председателя, нам не давали. Могли бы воровать колхозное добро. Но с этим строго было. Обнаружат в кармане зерно, дадут пять, а то и десять лет.

Но друг у друга не воровали. Это было позорно! Даже замков не было. Двери на палочку закрывали, чтобы люди видели, что дома никого нет. Не то, что сейчас...

Был у нас в селе только один – разьединственный пьяница – Шипицын Андрей. Но он тоже работал в колхозе, как все.

Школа у нас была только до 4 классов. Я её и окончила. Открыли вечернюю школу. В неё очень много ходило взрослых. Но это ещё до колхозов. А потом, когда в колхоз загнали, учиться ни ребятишкам, ни взрослым уже некогда было.

Церковь была в Промышлёнке. Ходили в неё как на праздник. Бывало, мама настряпает на Пасху, мы с братом пойдем в церковь, стоим всю ночь. Но её разрушили. Куда иконы делись, не знаю. А из церкви сделали амбар, куда хлеб ссыпали. Сейчас я в церковь не хожу.

В колхозе никто не жил справно. Все жили плохо. Даже на ноги обуть нечего было. Нищета была. Мне нечего больше сказать.

Да и вспоминать не хочется о такой тяжелой жизни!

---

¹⁰³ Кемеровский угольный рудник - в 8 км. от Андреевки.

ДОКУМЕНТ №40

Мазурина Матрена Тимофеевна родилась в 1917 г. в д. Демидово-Карповка Мариинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Луконина Светлана в 1999 г. (д. Сокольники)

Семья моих родителей состояла из семи человек. Я - самая младшая. Когда мне было два года, умерла мама. Отец со старшими детьми уехал в Мариинск, а я воспитывалась у чужих людей. У самой меня шестеро детей, десять внуков и шесть правнуков. Богатства никакого не нажила, есть телевизор, старенький холодильник и огород.

Бедняками в нашей деревне (400 дворов) считались те люди, которые имели одну корову. Они оказывались бедняками часто потому, что в семье было по шесть - десять детей. Все мал-мала меньше. А работал только один кормилец. Отец!

Где же одному на такую ораву напасешься? Главным продуктом на столе была картошка. Лучше жили те, у кого дети подросли, помогали отцу в поле и по дому. Скотины у них было побольше: пара лошадей, пара коров, своя борона, плуг. На своих десятинах они работали сами, никого не нанимали. Земля у всех была своя: на каждого жителя по 42 сотки. Выращивали пшеницу, рожь, овёс, картошку, овощи, подсолнухи. Такие - считались середняками. Были люди, у которых много было скотины и целые поля земли. На них работали наемные работники. Излишки урожая они увозили на базары в райцентры. Эти считались зажиточными крестьянами и назывались кулаками.

В конце 20-х годов советская власть стала призывать крестьян объединяться в коллективные хозяйства. Уполномоченный властью приезжал в деревню, собирал крестьян на собрания и разъяснял людям, что такое колхоз. Обещал, что для всех в нём будет хорошая жизнь. Но для этого надо было сдать в общее хозяйство зерно, скотину. Народ вначале не соглашался, отказывался вступать в колхоз. Ведь у крестьян было разное хозяйство: у одних было много всего, у других - только едоки.

Находились и такие, которые охотно вступали в колхоз. Не у всех же крестьян была возможность пахать и сеять своими силами. У кого не было лошадей, кто не имел плугов, борон и семян, а кто-то вообще не имел в семье мужиков-работников. Тех, кто не хотел заходить в колхоз, сдавать скотину и зерно, раскулачивали.

Раскулачивание проходило просто. Забирали весь скот и инвентарь. У некоторых попадались и золотые монеты. Дома конфисковывали, и в них размещали сельсовет, школу, клуб.

Раскулаченных высылали в глухие места Томской области и Красноярского края. Им разрешалось брать только самое необходимое: кое-что из одежды и продукты питания на несколько дней. Те, кого высылали, не имели права возвращаться назад. Но некоторые всё-таки вернулись через год, так как их посчитали незаконно раскулаченными. Им возвращали дома.

Односельчане к ним относились по-разному. Те, кто сочувствовал и жалел кулаков, считались подкулачниками. Подкулачникам давали твердое задание по сдаче повышенных налогов, называли твёрдозаданавцами. Если они не выполняли эти задания, то их тоже раскулачивали и высылали. Были и такие, кто со зла мог наклепать на своего соседа. Говорил властям, что тот, мол, сдал зерна меньше, чем у него было на самом деле.

Во время коллективизации церкви закрывались. У нас в деревне была своя маленькая церквушка. Её не стало. Сняли колокола и кресты, но саму не разрушили. Церкви использовали под склады, куда ссыпали зерно. Священников ссылали.

Для руководства колхозами советская власть из райкома назначала человека, который назывался председателем. В деревне был сельский совет, правление которого состояло из крестьян. Члены правления занимались агитационной работой в колхозе, разрабатывали план полевых работ, отмечали трудовые, следили за дисциплиной.

До коллективизации и после коллективизации деревня выглядела одинаково. По тем временам - неплохо. Например, как были мельницы, так и остались. Только раньше они принадлежали хозяину, а сейчас - колхозу. Если семьи были бедноватыми, то председатель колхоза выдавал им зерно. Это называлось подъёмной помощью. Худо ли бедно жили колхозники, но голода в Сибири не было ни в 1932-33 годах, ни в 1941-46 годах.¹⁰⁴ Это – не Украина и Белоруссия, где в 1933 г. свирепствовал голод, и даже было, сказывали, людоедство.

Рабочий день колхозника был ненормированным. Во время страды работали от темна до темна. Старались всё сделать, пока стояла погода. Если шёл дождь, полевые работы приостанавливались. У работников животноводческих ферм рабочий день был 12 часов. За каждые 12 часов ставился один трудовой день. У нас в колхозе на него приходился один рубль. Но деньги выдавали не во всех колхозах. Это зависело, в основном, от

---

¹⁰⁴ Другие респонденты такого оптимистического утверждения не разделяли. Хотя можно согласиться, что такого голода, как в европейской части СССР в Сибири не было. Не было, в частности, людоедства, если не брать во внимание места ссылок, как на острове Назино. (см. приложение к рассказу Варнаковой В.И.).

председателя колхоза. Кто работал на полевых работах, у него выходило по полтора трудодня.

Дисциплина было твердой. Кто опаздывал или не выходил на работу по неуважительной причине, с того снималось сразу пять трудодней. За воровство колхозного добра, за «горсть гороха», судили и давали пять лет тюремного заключения. Да люди и не воровали. После того, как колхоз выполнил план по заготовкам пшеницы, мяса, молока, колхозникам выдавались продукты по трудодням. Колхозники могли обменивать одни продукты на другие, например, мед и муку.

Кто такие пенсионеры, колхозники и «слухом не слыхивали». Они даже не знали про такое. Работали, пока хватало сил и здоровья. Про паспорта мы тоже не имели никакого понятия. Но знали, что паспорт нам не выдавали, чтобы мы не могли уехать в другие места.

У нас на всю деревню было всего два пьяницы: сапожник и валяльщик валенок. В магазине продавали водку «Винтрест», но её не особо-то и покупали. Женщины вообще не пили.

Односельчане относились друг к другу с пониманием, жили между собой очень дружно, доверяли соседям. Дома никогда не закрывали на замок. Такого не было никогда, чтобы кто-то из сельчан залез к соседу в огород или избу и украл что-нибудь.

Колхозники были в основном неграмотными. Грамотными считались те, у кого было 4 класса образования. А те, кто закончил 7 классов, работали учителями в сельских школах. Все, без исключения, дети учились в школе. С превеликим удовольствием взрослые посещали избы-читальни, клубы. Если в какую-нибудь соседнюю деревню привозили фильм, то все сбегались и съезжались его посмотреть. После фильма затевались танцы, пляски, песни. Было очень весело.

Перед войной, в 1939-40 годах, стали создаваться машино-тракторные станции (МТС). На полях теперь работали трактора. Урожай заметно повысился. Люди стали жить лучше. Строили новые дома, возводили новые фермы, амбары для зерна. Колхозники не хотели уезжать из колхоза.

Когда началась война, то добровольцами мало кто пошёл воевать. В основном, шли по мобилизации. Были и такие, кто не хотел идти на фронт и прятался по лесам. Эти дезертиры мирное население не трогали, не грабили и не убивали. С войны вернулись немногие. Из деревни взяли 60 человек, а вернулось лишь человек 15 – кто без руки, кто без ноги.

После войны семьи старались остаться жить в деревне, потому что нам давали большие ссуды на строительство. Люди старались приобретать скотину. Поднималось хозяйство. Снимали большие урожаи с полей,

особенно картофельных. Началось строительство каналов, ГЭС, заводов. Из руин восстанавливались города.

В 1947-48 годах продукты были дешевыми. Хорошее мясо стоило 90 копеек за килограмм. Чтобы продать свои продукты, колхозникам часто не хватало на базаре свободных мест. Лес был дешевым. Поэтому в 1950-55 годах все жители деревни построили добротные дома. Деньги потрачены были небольшие. Люди жили на энтузиазме, получали приличные деньги, стремились к лучшей жизни.¹⁰⁵

Жизнь в годы реформ изменилась в худшую сторону. В 1995-99 годах деревни превратились в развалины. Никого, кроме стариков, в них не осталось. Ферм нет, работы нет, всё развалилось. Предприятия закрылись. Рабочих мест нет. Безработица. Кризис. Цены растут каждый день. Выход в том, чтобы выпускать свою продукцию, выращивать свой хлеб. Людям надо предоставить рабочие места, жилища. И тогда не будет столько пьяниц и бомжей, голодных и беспризорных.¹⁰⁶

Чтобы улучшить жизнь, нужно поднимать сельское хозяйство.

---

¹⁰⁵ Трудно согласиться с таким суждением. Положение в сельском хозяйстве СССР было настолько критическим, что даже пленум ЦК КПСС был вынужден констатировать в сентябре 1953 г. неудовлетворительное его состояние. Не случайно Хрущев фактически каждый год проводил пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству (освоение целины, создание кормовой базы для животноводства, ликвидация неперспективных деревень, ликвидация МТС, ограничения в личном подсобном хозяйстве, создание сельских обкомов КПСС и др.).

¹⁰⁶ Иные причины развала сельского хозяйства видят другие респонденты, например Михайлова А.З. Развал деревни 90-х годов они прямо связывали с долговременной политикой КПСС, с коллективизацией и ликвидацией частной собственности на селе.

ДОКУМЕНТ №41

Захарова Любовь Григорьевна родилась в 1917 г. в с. Луговом Алтайского края. Рассказ записала Силина Наталья в 1999 г. (г. Прокопьевск)

У меня было пять братьев и еще три сестры. Я была самая младшая в семье. Отец умер, когда мне было 14 лет. Мама растила нас одна. Я вышла замуж в 20 лет. Имею троих детей – две девочки и один сын.

Коллективизация у меня связывается с упадком собственного хозяйства. После коллективизации достаток в семье стал совсем маленьким.

Обещали светлое будущее. Мы верили, но ничего хорошего из этого не получилось. Говорили, что когда все люди в деревне станут одной общей и дружной семьей, объединят свои хозяйства, и мы будем жить совсем хорошо.

Но оказалось, что мы все жили справно только до коллективизации. Жили в достатке, всего хватало. Во время же коллективизации постепенно жить стало хуже. Личный достаток приходил в упадок, так как хозяйство стало общим. После коллективизации – богатый колхоз, бедная деревня.

До коллективизации все было прекрасно. Семья жила в достатке. На столе всегда был хлеб и молоко. Одежду шили сами, носили аккуратно, берегли ее. Со временем еды стало не хватать, ведь весь доход семьи уходил в общую «казну» – в колхоз.

У нас в деревне кулаков было немного. Всего три семьи. Их раскулачили. Забрали все имущество. И выслали из деревни. Односельчане относились к кулакам презрительно, не любили их. Выселяли в самые разнообразные места. Разрешали взять с собой только одежду и немного еды в дорогу. Все остальное (дом, скотину) отбирали. Конфискации подлежало все.

Протест в деревне, конечно, был. Особенно со стороны тех крестьян, которые жили очень хорошо. Протестовали те, кто не хотел делить свое имущество с кем-либо еще.

Активистов в нашей деревне не было.

Председателя колхоза и бригадиров выбирали мы – крестьяне. Ими становились люди, которым все доверяли.

Мы вставали с петухами. Рабочий день начинался с 5 часов утра и заканчивался в 6 часов вечера. Я работала дояркой на ферме. Мужики работали от зари до зари в поле. Отец был трактористом.

Колхозное добро, безусловно, воровали. Сено, скотину. В народе это не считалось воровством. Если, например, своровали зерно или другое что-нибудь, то за это могли расстрелять.

До коллективизации все в деревне жили в достатке, все работали. С коллективизацией хозяйство приходило в упадок, жить стало хуже. Стали много воровать, поэтому дома стали закрывать на замок.

Не знаю, как в других деревнях, а в нашей деревне пьяниц не было. Все работали, жили дружно, бывало, выпивали наши мужики, но только по праздникам.

Да, крестьяне хотели роспуска колхозов. Хотели иметь собственное хозяйство. Работать на себя, свою семью.

Никаких пенсионеров в деревне не было. Работали, кормили себя и свою семью, и не жаловались на свою жизнь.

Паспорта нам были не нужны. Вступив в колхоз, мы не могли уехать из этой деревни. Да и ехать было больше некуда.

Мужики и сыновья охотно шли на войну. Все хотели победы, защитить свою Родину. С войны вернулись немногие, многие погибли во время боев, многие вернулись калеками.

После войны стало жить немного лучше. Но я не имею в виду то время, когда мы жили до вступления в колхоз. С этим не сравнишь.

Образование в деревне было неполное. От 4-х до 7-ми классов. Многие вообще были безграмотные. Взрослые и дети обучались охотно. Все хотели научиться читать и писать хоть немного.

Клубы и «избы читальни» в деревне создавались для общего развития крестьян. Чтобы отдохнуть. Крестьяне относились к этому положительно.

Церковь в деревне была небольшая. Каждое воскресенье мы всей семьей туда ходили молиться, потому что верили в Бога и в то, что будем хорошо жить. Потом церковь закрыли.

Справно в колхозе жил тот, кто много работал.

У меня три брата погибли на войне. Одна сестра умерла от тифа. Остальные разъехались - кто куда. Моих детей в деревне не осталось, там трудно стало жить, поэтому почти все поразъехались.

В сегодняшней нищете виновата власть и сами крестьяне. Все хотят хорошо жить, но никто не хочет работать. Да и в наше время скотину прокормить очень сложно.

Все приобреталось со временем. Сначала жили в общежитии, купили стол, шкаф, стулья. Через три года нам, т.е. моей семье – мужу и трем детям выдали квартиру. В скором времени купили телевизор и холодильник. Машину, к несчастью, так и не приобрели.

Сейчас, во всяком случае, хуже не стало. Было, конечно, и то, что взамен старых порядков приходили чуть измененные новые. Жили помаленьку. Живем и в годы реформ. Будем жить и после них.

Все пережили, все стерпели! Нам не привыкать!

ДОКУМЕНТ №42

Иванова Евдокия Гавриловна родилась в д. Игратовка на Украине в 1917. Рассказ записала Соломыкина Александра в 2001 г. (г. Кемерово)

У родителей семья была большая: шесть детей (три пацана и три девки). Я шестая была. А самая старшая сестра - на 15 лет старше. Мама умерла рано, я не помню ее. Папе было 72 года, когда он умер. У меня самой четверо детей. Старшая дочь с 1937 г., сын с 1939 г. Потом была война. Мужа забрали, и всю войну я одна с детьми была. Дочь родилась уже в 1949 г., сынок - в 1951 г.

Когда началась коллективизация, мне двенадцатый год шел. Помню, крик, плач. Всех из дома выгоняли. Ничего взять с собою не давали, кроме того, что на себе было. Сажали на подводы и куда-то увозили. Говорили, что в Сибирь везут. Семья у соседей большая была. Страшно было, когда их увозили.

После раскулачивания в деревне сразу тихо стало. Одни собаки были. Мы все по домам сидели. И никаких вестей от них не было. Никогда, никто их не вспоминал, боялись. И до сих пор никто не знает, что с ними стало. Мы-то бедные были, нас не тронули. Отец добровольно в колхоз пошел. Собирали, говорили, что будет очень хорошо. Ни в чем, мол, не будем нуждаться, ни бедных, ни богатых не будет.

Работали мы от зари до зари. Тяжело было, голодно. А тут ещё мачеха. У нее свои дочери были, мешала я им. Картошку - им, шкурки - мне. Тыквы в печке сушили, толкли, пекли лепешки из отрубей. У нас не было даже обыкновенной сковороды. Ничего у нас не было. Буряков натушим, наварим, вот и вся еда.

Потом в 33-м году голод стал везде. Пошла я раз в райцентр, в столовой детей беспризорных кормили. Дядька говорит: «Ты что здесь, пойдем еды возьмем». Дали мне манной каши, хлеба кусочек. А он отобрал у меня, и съел, сукин сын. А я стою, смотрю, молчу, плачу. А что скажешь-то?

А в 19 лет я замуж вышла. Какая там мебель! Переодеться-то и то не во что было. Радио включили, мы и рады были. Каганец (железная крышечка и жир) коптит - весь наш свет. А молодежь-то все равно собиралась веселиться. Вечерки были. Ах, какие были игры, танцы какие были! (смеется).

Нет, раньше много не пили, время знали. Вот праздник какой-нибудь отгуляют, неделю гуляют. А как рабочая пора настала, все прекращают. И все лето не пьют, не гуляют. Разве когда зимой выпьют, да осенью, когда

свадьбы играют. Церковь у нас не разбили сразу. И то! Ведь помолишься, чище станет. Разобрали ее уже позже, амбар из нее сделали.

В школу я ходила недельки две, потом дочка родилась. Читать так я и не научилась, писать – только простые слова. А те, кто 3 класса имел, это уже шибко хорошо было. Такие чинами работали уже.

Ох, и врагов народа помню. Уже дети у меня были. Пришел как-то сосед с работы. Подошел «воронок» и забрал его. Взяли - и с концами. И с тех пор его не видали. Приписали ему злодейство. Дескать, клади сжег. Во всех деревнях сажали людей.

А уехать никуда нельзя было, документов не было. Человеку справку давали. А когда война началась, ох, ох! У нас уже в августе был немец и три года толокся. А ведь мы работали на него. И вот теперь справку взять не могу о работе во время войны. Не знаю, где взять. Пишу, все молчат.

А после войны жить не лучше стало. А налоги какие большие были! На корову налог – сдать теленка, 4 кг. масла, 400 л молока. Потом пошли эти облигации. Деньги с нас выжимали. А сколько детей в войну погибло! В 14 лет всех увозили. Куда? А Бог их знает. Кого – в Германию. Кого – на Урал или Сибирь¹⁰⁷. Уж и не знаю, куда лучше.

Тяжелая судьба была у всех. У нас два брата на фронте убило, один умер. Сестра (ей 80 лет) на Украине осталась. Что с ней? Как она? Поехать - не поедешь, и писем нет.

Вот так и живем.

---

¹⁰⁷ Видимо, речь идет о мобилизации подростков в ФЗО.

ДОКУМЕНТ №43

Дряхлова Клавдия Дмитриевна родилась в 1917 г. в с. Бондари Тамбовской области. Рассказ записал Юрлов Василий в 2001 г. (г. Кемерово)

Замужем я не была. Жених пропал без вести в самом начале войны. Последнее письмо от него было 15 августа 1941 г. Жила одна.

Слово коллективизация у меня никаких негативных ассоциаций не вызывает. «Коллективный труд» - первое, что приходит на ум при этом слове.

Семья была бедная. Домик, который, скорее всего, можно назвать хатой, состоял из одной комнаты. Родители были безграмотны. Отец (без ноги) работал до вступления в колхоз в райцентре на суконной фабрике. Там же иногда подрабатывала мать. Фабрика в гражданскую войну была ликвидирована. Основное занятие матери – вязание чулок. Из хозяйства у нас имелись только куры и огород, с которого и питались. Мать нанималась ещё работницей в зажиточную семью.

Наша семья вступила в колхоз сразу же при его образовании, где-то в 1929 или 1930 г.. Когда стали записываться в колхоз, записывались без всякого раздумывания, всей улицей. У нас таких, как мы, была вся улица. Не имели коровы и вынуждены, чтобы прокормиться, наниматься в зажиточные семьи. Для вовлечения в колхоз применялись методы агитации. Но насильно не заставляли. Кто-то быстро вступил, кто-то раздумывал, вступил позже. Но, видимо, сразу вступило много. Поэтому не вступивших не трогали. Протеста не было. Большинство в деревне было бедняками.

Помню лишь одну зажиточную семью, которую раскулачили. Глава той семьи был очень грамотным человеком. Семья у него была большая, человек 15. Очень трудолюбивая. Имели кузницу, где лудили самовары, налаживали сохи. Работали на ней сами и привлекали на работу других. Был у них большой участок земли. Имели большой, по прежним меркам дом, который состоял из кухни, зала, двух спален. Когда выдали замуж дочь, купили ещё один дом у вдовы фабриканта. Было 2 коровы, 2-3 лошади, много овец.

Раскулачивали семью в полном составе. Выслали из деревни всех, кроме одной дочери. Но дом, купленный ей у вдовы фабриканта, забрали. Забрали кузницу, хозяйство. Говорили, что их увезли в Соловки. Потом одного из членов семьи я встретила в Тамбове. Плохих воспоминаний эта семья не вызывала. Только в памяти остался один эпизод, когда мать проработала всё лето, а с ней они рассчитались горьким зерном. Помню,

что увозили их на телеге, на которой лежали узлы. Относились к ним неплохо, но чтобы их жалели – не помню.

У нас и до колхозов была коллективность работы. Ещё до колхоза шесть семей объединились в артель: у кого соха, у кого борона. Что у кого было, объединили вместе. Правда, просуществовали немного, только до коллективизации. Потом эта артель в полном составе вступила в колхоз.

Ждали все время лучшего. Но, по правде, мало что изменилось в нашей семье и в других семьях после коллективизации. Хотя колхоз был мощный. Хорошо помнится день, когда пришёл первый трактор. Высыпала вся деревня. Удивлялись, как можно пахать без лошади?! Удивления и радости не было конца.

Активисты колхозов были из бедняков. Из бедняков был и председатель Михаил. Его любовно называли Мишатка. Отношение к нему было самое доброе. Он был очень справедливый и проявил себя умелым руководителем. Колхоз был крупным.

Быт, одежда крестьянина, что до коллективизации (зимой - шуба, валенки, летом - ситец, брючки) практически не изменилось. Также как и стол - щи, каша, квас. На зиму в подполе всегда стояла кадка огурцов, капусты. Выручал огород. После коллективизации на трудодни давали гречку, зерно.

Рабочий день летом - от зари до зари, в зависимости от рода работы. Были посменные работы: на ферме, в поле. Старшие братья работали в колхозе на лошадях, на сенокосилке. Отец работал пастухом, сторожем. Мы, дети, работали с матерью, ухаживали за полями махорки.

Воровство в памяти сильно не заострилось. Чтобы кого-то осудили – нет на памяти. Только помнится, что лишали трудодней.

Вообще, замков в избах не было, запирались только амбары. Если хозяев нет, то и в дом никто не входил. Закрывались на щеколду. Пьяницы были всегда, но повального пьянства не было.

О роспуске колхозов, может, кто-то и мечтал, но большинство в нашем хозяйстве было за колхоз, потому что был хороший хозяин. А если хороший хозяин, то и колхоз хороший. Наша семья о роспуске не мечтала.

Люди, которых забирали, как врагов народа, у нас были. Это Александр Клементьевич Катцер – преподаватель русского языка и литературы. Очень хороший человек, его очень любили. У него было два сына, которые продолжили учёбу, потом героически сражались на фронте. Его жене (учительнице) запретили преподавать. В одну ночь забрали сразу 30 человек, словно по разнарядке. Забрали и председатели сельсовета Селиванова, очень хорошего, культурного человека. Его жену отправили в другое село.

Очень мы голодали в 1933 г., питались только супчиком из гречневой крупы. Но семья осталась жива. В 1941-46 гг. тоже очень голодно было, хлеба давали 200-300 гр. по карточкам на человека в день.

Образованных людей в деревни было не много. Учителя были с начальным образованием. Были и со средним. Грамотным считался человек, если умел писать и читать. Учились очень охотно. Был райклуб, где ставили кино, постановки, танцы. Проводились собрания. Клуб был очень добротный. Люди тянулись к клубу.

Церковь была хорошая. Приходили семьями. В Бога я верила, могла перецеловать все иконы. Мать к церкви была безразлична. В Бога верила, но в церковь не любила ходить, потому что попы тоже были разные. Один пьяный с крестом ходил по деревне и плясал. Церковь закрыла «партийная элита». Сняли колокол (это уже где-то перед войной). Из здания церкви сделали зернохранилище. Сейчас церковь восстановили.

Учителя очень уважали, это был самый удивительный человек. Авторитет учителя был самый высокий на селе.

Выборы касались всех, но о политике родители не говорили, они были безграмотными. Радио не было. Позднее радио было на шесте.

Жили справно в колхозе, кто больше работал. Но в основном никто не выделялся. Кто старался больше выработать трудодней, тот жил лучше.

Братья уехали из колхоза после войны. Один брат погиб на фронте, два других переехали в г. Кемерово, один за другим. Саша уехал потому, что стал учиться дальше.

В судьбе деревни многое зависит от власти: местной, областной.

За границей не отдыхала ни разу, а на курортах - раз 20, из них по профсоюзной - 11.

Все купленные вещи накапливались годами. Первый холодильник «Саратов» купила в 1975 г., второй - в 1989 г. Машины ни когда не было.

Считаю, что у меня сейчас есть, и - слава Богу. На жизнь хватает.

Могу выделить следующие эпохи в жизни страны. Сталинская, после войны — быстро восстанавливали всё разрушенное, снижали цены. Во время денежной реформы при Хрущёве, произошло повышение цен. Если до реформы на 3 руб. могла пообедать из трех блюд, то после неё на 30 коп. могла купить только суп.¹⁰⁸ При Брежневе стало лучше, наступила стабильность. Ухудшилась жизнь с приходом Ельцина. О Горбачёве не помню ни хорошо, ни плохо. Только слишком длинные разговоры. Он мне не запомнился.

Возлагаю надежды на Путина. Чувствуется его ответственность за происходящее.

---

¹⁰⁸ Денежная реформа 1961 г. была проведена в связи с фактическим обесцениванием в 50-е годы рубля. Обмен осуществлялся 10 : 1.

ДОКУМЕНТ №44

Бырбина (Салютина) Акси́нья Фоминична родилась в Курской области в 1917 г. Рассказ записала Станкус Наталья в 2001 г. (Кемерово)

У моих родителей было 14 детей. В живых осталось только четверо: Илларион, Арина, Наталья и Акси́нья.

Коллективизация у меня ассоциируется с нищетой и грабежами. Семья наша имела 14 коров, много лошадей, овец, кур. Всё было нажито собственным трудом членов семьи. Во время коллективизации отобрали скот, забрали из дома все съедобное. Кулаки - это трудовики, а бедняки, в основном, лентяи.

После раскулачивания семью отправили в Алтайский край в село Просладуха. С собой разрешили взять только кое-какую одежду. В дороге умерло трое детей.

Отношение односельчан к раскулачиванию было различным. Кого раскулачили, те плакали, а некоторые даже кончали жизнь самоубийством. А бедняки радовались.

Когда приехали в Сибирь, вырыли землянку и несколько лет жили в ней.¹⁰⁹ Но и здесь людей стали сгонять в колхозы. Мы к тому времени уже имели корову, лошадь, теленка, амбар с зерном, землю. Всё отдали в колхоз. Мы уже знали, что может быть, если не сдашь добровольно.

Активистами колхозов были бедняки. Люди к ним относились по-разному. Некоторые их поддерживали. Другие - с недоверием и презрением.

Председателями колхозов становились те, кого колхозники выбирали на собрании. Но председателей рекомендовали вышестоящие власти. Его и выбирали. После того как выбрали председателя, выбиралось правление колхоза. Уже на правлении колхоза назначались бригады.

В селе Просладуха бригадиром был назначен мой муж, который славился своим трудолюбием. Поэтому односельчане уважали своего бригадира. Ну а если бы бригадиром был пьяница, хапуга, то и отношение к нему было бы соответствующее.

Люди во все времена живут по-разному. Но лично мы одевались и жили лучше до коллективизации. Тут и говорить нечего. В наше время трудно было тем, кто считал себя по-настоящему хозяином земли.

---

¹⁰⁹ Даже в 1933 г., то есть через 4 года после начала великой стройки, 57% строителей Кузнецкого металлургического комбината жили в землянках. (См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 г. – начало 1933 г. С.279.)

Человек привыкает ко всему. Прошли годы. Люди постепенно привыкали к новому образу жизни. Но крестьянам и колхозникам трудно было всегда. Рабочий день колхозника – весь световой день. Оплата их труда исчислялась трудоднями. По трудодням колхозники получали зерно, которого не хватало для того, чтобы прокормить семью. Поэтому были случаи, когда воровали колхозное добро (сено, зерно, поросят).

Я была дояркой. Бригадир следил, чтобы доярки не пили молоко. А мы пили, так как были всегда голодны. Колхозники это не считали воровством. В доколхозной деревне крестьяне жили намного лучше. И, кроме того, они все время верили в Бога и помнили заповедь «не укради». Поэтому и замков на домах в доколхозной деревне не было.

Те люди, которым до колхозов жилось лучше, конечно же мечтали о роспуске колхозов. Но стать самостоятельными, как раньше, они уже не могли. У них не было ни плугов, ни скотины, чтобы поднять свое хозяйство. Но главное, власть не разрешала..

В деревне врагами народа считались люди, которые были не согласны с колхозным строем. Это люди были смелые, не боявшиеся того сурового времени 30-х годов. В то время достаточно было только ложного доноса, чтобы человека забрали как «врага народа». Я помню, как забрали нашего соседа Анисимова Егора.

В стране в 30-х годах был голод и очень сильный. У колхозников забирали буквально всё, что можно было есть. Люди пухли от голода, ели лебеду. Мой отец, Фома Романович, в 1933 г. умер от голода. Этот страх голода я пронесла через всю жизнь. Если сейчас в доме вдруг кончается хлеб, я тут же посылаю кого-то из домочадцев за хлебом. И на стол я первым всегда ставлю хлеб.

В сороковых годах тоже было голодно. Мужчины ушли на войну. Многие погибли. Полстраны было в руинах. Украина, Белоруссия заняты фашистами, да еще и неурожай. Всё это сказалось на нехватке продуктов питания. Но голод 31-33 годов был намного страшнее.

Чтобы держать людей у земли, чтобы они не уехали в город, колхозникам не выдавали паспортов. Трудовых книжек у нас не было, стаж не считался. Поэтому в колхозе и не было пенсионеров.

Когда началась война, мужчины охотно шли воевать, так как считали, что защищать Родину – это долг каждого мужчины. С войны вернулись не все.

Весь труд в колхозе лег на плечи женщин, детей и вернувшихся с войны раненых солдат. Потому сказать, что люди после войны стали в колхозе жить лучше, будет неправильно. Колхозникам разрешалось иметь свое подобное хозяйство, но оно облагалось большими налогами. Если

колхозник держал кур, нужно было сдать определенное количество яиц.¹¹⁰
Держал корову - сдавал молоко, держали овец – сдавали шерсть.

Существовали так называемые законы о колосках и горсти гороха. Тех, кто осмелился после уборки урожая на колхозном поле собирать колоски или насыпать себе в карман горсть зерна или гороха, ждало очень суровое наказание – до 10 лет лишения свободы.

В деревнях с начала века были построены церкви. Но коммунисты превратили их в зернохранилища и школы. Однако люди не утратили веру в Бога. В 30-40-х годах люди были до того напуганы политикой партии, что о Сталине говорили только хорошее. А если что-то не нравилось, говорить об этом было опасно. Иначе можно было прослыть «врагом народа», а это значит, - сталинские лагеря на многие годы.

В том, что деревня до сих пор не может выбраться из нищеты виновато правительство, советская власть.

За свою почти 50 – летнюю трудовую жизнь я ни разу не была на курорте. Холодильник купила через 40 лет после свадьбы.

Для человека труда жизнь в годы реформ изменилась в худшую сторону.

Приложение (архивные документы):

Выписка из постановления

**Объединенного заседания Киселёвского РК ВКП(б) и Райсполкома
«Об обязательной поставке яиц государству колхозами, колхозниками
и единоличниками»**

29 марта 1941 г.

г. Киселевск.

[...] В соответствии с постановлением Обкома КПСС и Облисполкома от 25 марта 1941 года «Об обязательной поставке яиц государству» Райком ВКП(б) и Райисполком постановляют:

1. Установить для всех колхозов района одинаковую норму обязательной поставке яиц государству по 7 штук с одного гектара пашни.
2. Установить средне-годовые нормы обязательной поставке яиц государству колхозами в 1941 году в размере 70% от нормы, установленных настоящим постановлением с тем, чтобы начиная с 1942 года применялись нормы установленные в пункте 1 настоящего постановления одинаковые для всех колхозов.

---

¹¹⁰ Некоторое представление об этом дает документ в конце рассказа.

3. Установить начиная с 1941 года для всех колхозников и единоличников района годовые нормы обязательной поставке яиц государству колхозными дворами 100 штук и единоличными хозяйствами 130 штук.
4. Обязать зав. райно тов. Горбач и всех представителей колхозов полностью укомплектовать птицефермы в соответствии с утвержденным планом с таким расчетом, чтобы план яиц-поставок каждым колхозом был выполнен в установленные правительством сроки.
5. Рекомендовать правлением колхозов сдавать в счет яйцепоставок уже имеющиеся яйца в порядке аванса.

Секретарь Киселёвского Райкома ВКП(б) подпись П. Смирнов.

ГАКО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 4. Л. 116.

Подлинник. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №45

Ляшенко Полина Степановна родилась в 1918 г. в с. Васильки на Украине. Рассказ записала внучка Курбатова Евгения в 1999 г.

Семья наша была большая: отец, мать, родственники отца и дети. В 1916 г. родилась старшая дочь Маша, в 1918 г. - Полина, в 1920 г. - Александра, в 1922 г. – Екатерина, в 1924 г. – Нина, в 1928 г. – Вера.

Нравы в семье были строгие, с самого детства девочки много работали, помогая по дому и в поле. Жили не бедно, но и не в роскоши. Имели несколько лошадей, коров, овец, свиней, домашнюю птицу. Дом у нас был большой и справный. Работы в таком хозяйстве хватало всем. Мне было лет семь, когда отец стал меня будить рано утром, чтобы я подоила коров.

Село наше было большое. В нем жили разные люди - и богатые, и бедные. Я хорошо помню, что деревенская беднота чаще не богатели именно потому, что предпочитала работе пьянку да болтовню. А работающие - кулаки да середняки - им были не по нутру. Позже, когда в селе организовали колхоз, мой отец, Степан Ляшенко не пожелал в него войти. Он был середняком и не хотел гнуть спину на кого-либо, кроме себя и своей семьи. Потому и пострадал.

Сначала раскулачивали самых богатых людей села – кулаков. Оставляли им только чуть-чуть еды да кое-что из одежды. Сажали в вагоны и куда-то отвозили. Потом беда пришла и за середняками. Семья Ляшенко оказалась в их числе. Летом 1930 г. к нам во двор пришли какие-то военные во главе с председателем колхоза. Имущество описали до самого последнего гвоздя. Сказали, что нам предстоит дальняя дорога и разрешили взять немного одежды и да хлеба.

Мне тогда было 12 лет. А самой младшей из сестер, Верочке, - 2 года. Отца моего отправили в лагерь на Север. А нас с мамой куда-то долго везли в товарном вагоне. Это была страшная дорога. Нам практически не давали ни еды, ни воды. Маленькая Вера заболела дизентерией и умерла. Остальные доехали до маленького шахтерского поселка, который в 1936г. стал городом Киселевском. Сначала об отце мы долгое время ничего не слышали. Лишь в конце тридцатых годов он приехал к нам в Киселевск весь больной. К тому времени мама умерла, заболев скоротечной формой туберкулеза.

Мы остались одни в чужом городе, без родни, без друзей. Старшие пошли работать, добывать младшим кусок хлеба. Я сначала нянчила детей, убирала в домах за гроши или какую-нибудь еду. Когда к нам вернулся

отец, жизнь наша слаще не стала. Отец сразу же женился, а мачеха глядела на нас волком. Она даже в гости не желала нас пускать, не то что как-нибудь помочь нам. Когда мне исполнилось 16 лет, пошла работать на шахту. Работала много. Стала получать кое-какие деньги. Смогла купить более или менее приличную одежду.

Я всегда тянулась к знаниям и образованию. Несмотря на занятость и нищету, старалась посещать школу, неплохо училась. Мечтала поступить в техникум. Такими же были и мои сестры. Мы с детства не приучены лениться. Работая на шахте, училась на вечерних курсах бухгалтеров, закончила их с прекрасными результатами. Стала работать в бухгалтерии своей же шахты - сначала младшим бухгалтером, потом “доросла” до начальника отдела.

За это время, конечно, произошло и множество других событий, одно из самых страшных - это война. Мой друг, Яша, с которыми мы стали встречаться незадолго до войны, одним из первых добровольцем ушел на фронт. До сих пор сохранились несколько фронтовых треугольничков от того молодого парнишки, который потом стал отцом твоей мамы и твоим дедом.

В войну пришлось несладко. Помимо работы в бухгалтерии, работала на заводе, делала снаряды для фронта. А после работы еще ходила дежурить в госпиталь. Спать практически не приходилось. Домой не приходила неделями, прибегала только, чтоб вынуть из почтового ящика весточки от Яши. Муж моей старшей сестры Марии тоже воевал. Ему посчастливилось вернуться домой. Также как и моему Яше.

Скромную свадьбу сыграли сразу же после войны. В 1946 г. родилась дочь Александра, в 1948 г. дочь Татьяна, твоя мама. Жить было трудно, но всегда была вера в лучшее: война кончилась, все должно быть хорошо, будет людям счастье на века! Хотя после войны еще долго получали хлеб по карточкам. А одежда стоила огромные деньги.

И после войны приходилось очень много работать. На работе была уважаемым человеком. К моему мнению прислушивались, называли опытным работником. Вступила в партию. Тогда, знаешь, всех, достигших определенных должностей, агитировали стать коммунистами.

Наряду с этим я всегда верила в Бога. И очень боялась, что об этом узнают в парткоме. Детей своих тайком окрестила.

Постепенно жизнь налаживалась. Хотя все время жили небогато: продукты – только самые основные, одежда - только самая простая. В 60-х годах смогли купить телевизор, холодильник. Сначала жили в коммуналке, потом заняли эту же двухкомнатную квартиру целиком. Причем, обе наши дочери с семьями жили с нами, так как не могли получить собственные

квартиры. Однако детям мы постарались дать образование, закончить институты.

На курортах отдыхала, но очень редко.

Теперь вот за раскулачивание, постигнувшее нашу семью, я получила прибавку к пенсии. Там ещё какие-то льготы. Это государство таким образом пытается загладить вину перед нами.

Но разве этого достаточно за разбитое детство, погибших близких, нечеловеческий труд и слезы?!

ДОКУМЕНТ №46

Дубровская Анна Александровна родилась в 1918 г. в д. Барановке Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка)

Моя мать приехала в Сибирь из России. Семья ее родителей была бедной. У них в семье было двенадцать детей. С семи лет ей пришлось жить в людях. Сначала в няньках ходила, потом - в батраках. С папкой они уже в Барановке поженились. До колхозов мы жили единолично. Хозяйство наше было середняцким: лошадь, корова, овечки, куры. Тогда мы не голодали. Мясо, хлеб, картошка, капуста всегда были на столе.

Когда колхозы стали создавать, моя мать причитала: «Как же теперь жить-то будем?» Мы вступили в колхоз. Через некоторое время нас стали выгонять из колхоза, посчитав за кулаков. Дело в том, что ещё до колхозов на две семьи мы с соседями купили сенокосилку и веялку. Если бы нас раскулачили, то сослали бы туда, откуда люди не возвращались. Мать моя тогда сумела доказать, что мы не кулаки. Она говорила: «Какая же я кулачка, если с семи лет в батраках? Ни обувь, ни одеть всегда, мол, нечего было». Вроде прислушались к её словам и нас оставили в покое. Колхоз наш сначала назывался «Гроза капитала», потом его разъединили и образовали ещё «Культурный путь». Мы жили в «Пути».

В колхозе я работала с 10 лет. Работала за взрослого от зари до темна. Чистила вручную колхозные поля от сорняков. В 13 лет я уже косила литовкой. Мы с подругами выкашивали лога, где конные сенокосилки не могли пройти. С 14 лет пошла работать дояркой.¹¹¹

И 21 год своей жизни я вручную доила колхозных коров. Теперь от того у меня руки ноют и не поднимаются. На дойку ходили за 14 км. от деревни. Дойка была трехразовая. На каждую доярку приходилось по 16-20 коров. Вот и работали мы с коровами и днем, и ночью. Мы не только доярили, но и сами сено косили, силосовали. Ой, и досталось нам!

Председателей у нас было много. Черт их знает, сколько! Но только один из них был наш, деревенский. А так все приезжие. Бригадирь были как приезжие, так и наши. Они часто менялись. За 21 год моей работы на ферме их сменилось 15 человек.

---

¹¹¹ Типичным для респондентов было заявление, что на общественных работах в колхозах широко применялся детский труд.

В колхозе за работу нам записывали трудодни. Я дояркой вырабатывала 500-600 трудодней, этого мне хватало. А вот на колхозном поле люди, работая от зари до темна, получали всего по 150-200. Этих трудодней им едва хватало отчитаться по норме. Если меньше нормы выполнишь, могли и засудить. За трудодни давали хлеб. Но только всего один год на трудодни нам дали достаточно хлеба. А потом вообще ничего не давали. Задаром работали. Всё выращенное сдавали государству. Как-то наш председатель пожалел колхозников и выдал нам хлеб без разрешения властей. Его судили. Бабы его сильно жалели.¹¹²

Работали тогда много. Работали с песнями. Помимо сельхозработ колхозники должны были лес заготовливать и сплавлять его. Для кого эти заготовки мы делали, не знаю. Сказали делать, мы и делали. Тогда лишнего люди не спрашивали. Опасно было вопросы задавать. На лесозаготовках я попала под лесину, чуть не покалечилась. Но зато потом от лесозаготовок я уже освобождалась. У меня общий стаж работы в колхозе 40 лет.

На курорте я никогда не была. Детей рожала и то ни разу в декрет не ходила. После родов две недели отдохну и на работу выхожу. За пределы Кемеровской области не выезжала никогда. Всю жизнь только работала да работала, ничего интересного в жизни не видела. Добра не нажила. Как-то в телепередаче «Поле чудес» объявили, чтобы люди написали им о своих самых заветных желаниях и что некоторые из них будут исполнены. Я написала, что мое заветное желание - починить крышу. А много ли мне надо? Крышу покрыть - целая проблема!

У нас в Барановке была церковь. Но ее сожгли еще до войны. Кто сжег, не знаю. Наверное, сама власть и сожгла. Нам запрещали в Бога верить. Но я верю в него всё равно. Правда, верю маленько.

Воровства между собой у нас не было. А вот зерно колхозное брали. Нельзя было, а есть-то хочется, детей кормить надо. Тогда было так: взял 2 кг., два года тюрьмы получи, взял 5 кг. - пять лет твоих.

Из нашей деревни до войны угнали много мужиков. Сказали, что они были кулаками, а потом уже из колхозников взяли враги народа. Забирали самых работающих крестьян, которые трудились много и жили хорошо. А лодырей не тронули. У нас два брата Голева жили. Один - трутень, другой - работяга. Трутень в деревне остался, а работягу забрали и, говорят, убили. Как тут понять?! Трутень спит до обеда, на своих полях

---

¹¹² Об этом случае в архиве удалось найти документ. См. приложение в конце рассказа.

не работает, а работяга на поле с 5 утра вкалывает. Один - бедняк,¹¹³ другой – кулак. Один хороший, другой плохой. Как это понять?! Я не знаю. И ведь люди ничего на то не говорили. Боялись!

У моего папы всех братьев забрали. Сначала они шесть братьев со своими семьями вместе жили, а потом разделились. Хозяйства у всех были добротные. Их посчитали врагами народа. Хорошо хоть жен с детьми оставили в деревне. А ведь в колхозе они работали не хуже других. И таких семей у нас было много.

Из шестерых братьев отца только один и вернулся. Остальные погибли. Он рассказывал, как они построили домик в тайге на лесоповале. Но пришли люди, уполномоченные властью, и выбросили их на улицу – живите, где хотите. Рассказывал, как на лесоповале работали, как люди умирали от тяжелого труда и голода. Рассказывал, как издевались над ними. Однажды им привезли много еды. Сказали, что они есть могут, сколько душе угодно. После долгого голода люди набросились на еду. А наутро в живых осталось только три человека. Это сейчас каждый школьник знает, что после голода нельзя много есть. А тогда люди этого не знали. Мой дядя конюхом работал, питался вместе с конями, наверное, поэтому и выжил.

Вот так мы работали и жили. Мужиков от нас отнимали и угоняли непонятно куда и непонятно зачем. А мы, бабы, работали и за себя, и за мужиков.

Слава Богу! Моего мужика не забрали.

Приложение (архивные документы):

Приговор

по уголовному делу председателя колхоза «Гроза Капиталу» Семенова Прокопия Евсеевича.

Дело №3139

23 августа 1935 г.

г. Кемерово

23 августа 1935 г. нарсуд 4-го уч. Кемеровского р-на Запсибкрая в составе: Нарсудьи Зеленова, нарпредседателей Симонова и Олина при участии гособвинителя п. прокурора Ускевина, ЧКЗ-Шульгина, при секретаре Кудрявцеве, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению Семенова по ст. 109 УК установил:

---

¹¹³ Его сын Андрей - ветеран войны, Почетный гражданин, в 1999 г. жил в Барановке. Однако во время спецэкспедиции фонда «Исторические исследования» встретиться с ним не удалось: был на рыбалке. Ко времени повторной экспедиции в 2003 г. – умер.

Семенов Прокопий Евсеевич, 32-х лет, грамотный, член ВКП(б) с 1930 г., уроженец Минуссинской губ., из рабочих, в данное время работает пред. колхоза, женат, на иждивении 4 чел., со слов: ранее не судим, неимущий, прож. д. Барановка того же сельсовета.

Семенов обвиняется в том, что работая пред. колхоза «Гроза Капиталу» в период двух первых пятидневок злоупотребляя своим служебным положением, а именно, 28-29 июля 35 г. окончили косовицу ржи – 80 га. и 3-4 августа 35 г. намолотили в количестве 5 тонн. Вместо того, чтобы в первую очередь сдать государству, Семенов решил в рабочем порядке, совместно с членами правления колхоза и бригадирами раздать в первую очередь хлеб колхозникам. Впоследствии 4 августа 35 г. хлеб намолоченный в количестве 5 тонн раздали, а государству ни одного кг. не сдавали, а лишь стали сдавать с 10 августа 35 г. и по 15 августа 35 г. Сдали вместо 65 тонн – 210,94 кг. положенный план выполнен на 32,4%. Кроме того, Семенов на пленуме Барановского сельсовета 18 августа 35 г. сказал, что хлеба роздано 20 ц., а как стали проводить проверку, то оказалось: роздано хлеба 5 тонн.

Данные действия вполне установлены, руководствуясь ст. 319-320 УК.

Приговорил:

Семенова Прокопия Евсеевича, 32-х лет на основании ст. 109 УК подвергнуть исправительно-трудовым работам на один год, но если Семенов по колхозу «Гроза Капиталу» зерновые культуры выполнит полностью к 25 сентября 35 г. и справку представит в нарсуд 4-го участка к 28 сентября 35 г. о выполнении плана, то меру соц.защиты от отбывания освободить со снятием судимости, а если план не выполнит на 100% к 25 сентября 1935 г., то приговор привести в исполнении по месту работы - один год ИТР с оплатой за труд 80%. Взыскать с Семенова на основании циркуляра НКЮ №200 в пользу ЧКЗ Шульгина 25 руб.

Приговор может быть обжалован в Забсибкрайсуд в 5-дневный срок.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: секретарь Суда

Подпись (неразборчива).

ГАКО ф. П-16. Оп. 4. Д. 85. Л. 159.

Заверенная копия. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №47

Федорина Александра Константиновна родилась в 1918 г. в д. Абашево нынешней Кемеровской области. Рассказ записан Тюпиной Ольгой в 1999 г. (п. Абашево)

Моя мать, Вахромеева Прасковья Дмитриевна, и отец, Трушкин Константин Акимович, оба из деревни Бутовой-Степной. И тот и другой жили в рабочих. Мы, дети, никогда не слышали, чтобы они промеж собой скандалили.

Изба у нас была одностеночка, деревянная. А у некоторых были и мазанки. На столе салатов, как сейчас, конечно, не было. Но поесть всегда можно. Особенно на праздники. После коллективизации всё, конечно, изменилось. Голод стал. Хлеба не было. Кисели всякие варили. Лебеду ели. В войну потом это повторилось. Хорошо хоть картошка была. Из неё все пекли. И хлеб тоже.

Мама умерла рано, ещё до колхозов. Осталось нас шестеро детей, самому младшему, из которых – четыре года. Я тоже маленькая была. Пришлось по миру ходить, то есть, в побирушках. Я долго ходила, пока меня не отдали в няньки, в Денисовку. В мои обязанности входило только за ребёнком смотреть. Делать ничего не заставляли, не обижали. Но чужое, оно чужое и есть. Все вместе жили, а я одна. Очень тянуло домой. Однажды собралась и ушла: сама ребенок ещё.

Мне было лет двенадцать, когда наши уехали в Новостройку на заработки. Оставили нас вдвоем с младшим братом, чтобы мы огород поливали, да за домом присматривали. Есть нечего было. Пойду в д. Гагаркино, где отцовы братьев жили. Пока иду по деревне, подбираюсь – где хлеба буханку дадут, где накормят. Да братья ещё чего дадут. Им же неудобно, что племянница подбирается. Вот и живем с братом неделю. Потом опять иду к дядькам «в гости».

К беднякам люди относились по-всякому. К нам плохо не относились. Помогали, кто чем мог. К богачам – так же, к одним хорошо, к другим плохо. Это от человека зависит.

Когда открыли школу, то в неё принимали только по одному человеку из семьи. Брата вот старшего взяли, а меня нет: рассаживать детей некуда было. Но потом и меня взяли. Училась охотно. Но вскоре родители перестали пускать меня в школу. Как и большинство других. Семьи большие, их кормить надо. Это потом по городам учиться стали, а в деревнях не до того было. Я потом в вечернюю школу ходила. Вот теперь только расписываться и умею.

Я что-то не помню, чтобы мои родители или кто-то из взрослых о политике говорили. Да и когда было говорить? В работе всю жизнь были. Ну, говорили разве, что Ленин, мол, был хорошим человеком. Хорошо стало жить при нем.

С 1932 г. я стала работать в колхозе. Детворы тогда много в колхозе работало. Пололи хлеба. Баловались, конечно, много вытаптывали. Тут уже я какой-никакой хлеб стала получать, да по пять копеек за трудодень. После уборки на полях что-то оставалось. Мы собирали. За это судили. Всё равно ведь пропадало. Но нельзя было, и всё тут. Боялись, но собирали. А что делать было? Голодно.

Работали много. Но - ни обуться, ни одеться. И на работе и дома ходила босиком. Замуж вышла. Платье у меня всего одно было. От матери досталось. Вещь дорогая. Одевала только по большим праздникам. Родила дочь, завернуть не во что было. Она у меня целый месяц нагишом лежала. Никакой свадьбы у нас с мужем не было. Сошлись - и всё. Свекровь ушла, оставила нам одно ведро, две ложки да чашку. Вот и всё хозяйство. А то, что имеем сейчас: дом, корову - это мы уж после войны заимели.

Как проходила коллективизация и раскулачивание, я как-то не запомнила. Вроде загоняли в колхозы. Скотину и машины, - все забирали. Но мне, кажется, как только советская власть началась, так и стала поджимать богатеньких. Кто-то успел сбежать. Продал добро, и больше его не видели. Другие пострадали за свое же добро.

Ссылали тех, на кого кто-то заявление написал. Некоторые потом вернулись. Зло, например, я на тебя стану держать, напишу заявление, тебя и заберут. И всё! Потом так делалось в 1937 г. Одного из моих дядек так забрали. Он в колхозе за жеребцами ходил. На него кто-то за что-то донес и забрали его, как тогда говорили, «по линии НКВД», как «врага народа». А какой он враг? Он труженик был. Как все.

Активистами в колхозе становились те из деревенских, кто пошустрее был. Они получше нас жили. Хотя я не скажу, что у нас только верхушка неплохо жила. Многие так жили, если хорошо работали. А заслуженными колхозниками у нас стали всего несколько человек: я да ещё пятеро. В 1955 г. меня в Москву посылали, на ВДНХ, как хорошую доярку. Помню, что у меня тогда паспорта не было. Ездила со справкой. И вообще, тогда мы выезжали из деревни только по справке председателя.

Когда началась война, мужики пошли на фронт. Охотно – неохотно... Молчком. Повестка пришла - иди. Куда денешься? Попрощаются с семьей: «Жди, врага разобьем и дома будем». Весь наказ нашему брату был: «Растите детей. Вернусь...». Мало вернулось.

После войны тяжело жили. Налогами нас давили очень даже хорошо. Держишь свинью – отдай 500 руб. налогу, поросенка – 500 руб., корову – 500 руб. Но и тех нельзя было держать, сколько хочешь. Корову, например, можно было держать только одну. Лошадь держать совсем не разрешалось. А тут ещё кроме денег надо было налоги продуктами сдавать: молоко – сдай, шерсть – сдай, яйца – сдай, мясо – сдай, овчину – сдай. Себе ничего не оставалось. Вот уж когда Маленков всё отменил, тогда, конечно, мы стали лучше жить. Нам дали паспорта, ввели выдачу аванса деньгами (один раз в квартал), отменили налоги на тех крестьян, которые хозяйства не имели, повысили закупочные цены на сельскохозяйственные товары.

В деревне у нас церкви не было. Только - часовенка. Но священник был. Очень его уважали. Почему тогда церкви закрывали - не знаю. Помешали они, наверное, кому-то. А сейчас вот опять их устанавливают. Кому-то они опять понадобились. Зачем же их тогда было рушить?

Винят в этом коммунистов. А при них, мне кажется, люди лучше жили, чем сейчас. При коммунистах было так: кто-то где-то утащил, а кто-то и нет. А сейчас – мы не тронь, а они карманы набивают. Им и живется. Много сейчас изменилось. Многие «клали» на книжку, может, на смерть. А денежки пропали. А нам пользы от этого никакой. Колхоз совсем распался. Люди заболтались в городе. Едут в деревню на дачу. А все местные разъехались - кто куда. Мои братья тоже уехали из деревни. Кто шахтером, кто трактористом работал. Одного в шахте завалило.

Тогда мы все работали, привыкли работать, нельзя было не работать. Никто дома не сидел. А сейчас хоть работай, хоть не работай. Закон разрешает. Муж дома сидит, а жена работает. Вот потеха! Со смеху помереть!

Выдумали – нет работы. Да в деревне всегда работа есть! Я вообще не понимаю, как это нет работы!

ДОКУМЕНТ №48

Бабушка Аня N (фамилию и деревню просила не называть) родилась в 1918 г. в Тисульском районе нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Касьянова Екатерина в 1998 г. (г. Кемерово)

Раскулачивание я видела собственными глазами. Наша семья попала в число раскулаченных. Мы имели две лошади и вейлку. Никакими эксплуататорами мы не были, как про таких, как мы, писали. Мы работали днями и ночами. И забирать у нас хлеб, скотину и инвентарь было несправедливо. Мы, также как и другие, были простыми людьми и всего добились своим трудом. Тем более обидно, что наш скот, согнанный в колхоз, вскоре покрылся чесоткой и стал вымирать. За ним плохо ухаживали.

Раскулачивали свои же, деревенские. Но были случаи, что приезжали и из города. Забирали в основном скот и хлеб. Все плакали. Я считаю, что в книгах и кино про коллективизацию то время показали не совсем правильно. Они не показали того страха, что мы испытывали. Было всем страшно! Завтра и тебя могли раскулачить. Сильно, очень сильно переживали. Мы были все слезно обижены.

Пока в 1929 г. не сделали коммуны, а потом колхоз, мы питались хорошо. Хлеб и мясо ели всегда вволю. И не только в нашей семье. После раскулачивания мы питались как попало, как могли.

Нас раскулачили, но из деревни не выселили. Мы сами уехали в город Щегловск. Выехали в апреле во время таяния снега. Наша речка сильно разлилась и затопила мост. Люди сами сколачивали плоты и переправлялись. Многие из нас тогда утонули. До Щегловска добирались сначала на поезде, а потом на лошади. Ели что придется.

В Щегловске оказалось много таких, как мы. Милиция гнала нас обратно. Поселились в коммунальной квартире, где до нас уже жили семь человек. Родители устроились на работу. Я пошла в школу. В школе я была отличницей. В 1937 г. поступила в медицинское училище, через два года закончила с отличием и стала работать в местной больнице. На весь Щегловск была одна скорая помощь. Да и та на лошади. Проработала до начала войны. Потом меня взяли на войну.

Замужем я не была, детей у меня нет. Надорвалась на войне. Конечно, парни у меня были, но замуж выйти не пришлось.

В 1965 г. получила однокомнатную квартиру и обзавелась обстановкой. На курортах была много раз. Ездила по турпутевкам. Но за границей побывать не получилось. С 1958 г. держу собственный огород. У меня всегда свои ягоды, картошка, овощи. Мне это просто нравится. До пенсии проработала 34 года. Выйдя на пенсию, отработала ещё 13 лет.

В последнее время жизнь, мне кажется, изменилась в худшую сторону. Как лично для меня, так и для всех.

ДОКУМЕНТ №49

Лапина (Маслова) Федосия Кузьминична родилась в 1918 г. в с. Яя-Борик Яйского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Бойко Наталья в 1999 г. (п. Яя)

По рассказам родителей наше село образовалось в 80-90-е годы прошлого века. Сюда приехали в основном выходцы из Курской губернии. За освоение новых земель они были освобождены царем от всех податей на 20 лет. Потом этот срок продлили ещё на 10 лет. А потом была революция.

Семья состояла из девяти человек: родители, пять сыновей и две дочери. На семью выделяли 10 десятин (1 десятина – это 1 га. и 20 соток). Если рождался мальчик, то добавляли ещё одну десятину. Главный доход приносила пшеница. Двор был полон всякой скотины. Весь инвентарь был свой. Семья считалась зажиточной, как потом стали называть - кулацкой.

Время коллективизации помню хорошо. В 1929 г. в нашем селе образовалась коммуна. У крестьян отобрали всё, даже кур. Коров, лошадей, овец, конечно, тоже. Люди плакали. Никому не хотелось отдавать своё добро. Но сделать ничего было нельзя. Коммунарам выдавали в месяц по пуду хлеба на взрослого и полпуда на ребенка. Молоко давали на семью – кому по три литра, кому по пять. Если семья состояла из трех человек: мать, отец, ребенок, то молока они вообще не получали. С коммуной ничего не получилось. Она просуществовала всего один год и развалилась. Скотина сталадохнуть, её раздали хозяевам. Но не всю. Коров вернули только по одной на двор, лошадей вообще не возвращали.

А в 1930 г. опять начали сгонять. Теперь уже в колхоз «Луч». Крестьяне, конечно, сопротивлялись. Охотно туда шли только лодыри. Тех, кто был против колхозов, раскулачивали и отправляли в Нарым. Кажется, куда ещё дальше Сибири ссылат? Но нашли – Нарым. В октябре 1930 г. из нашей деревни несколько семей отправили туда. До нас дошли вести, что многие из них до Нарыма не доехали. Они погибли при переправе через Томь. Тогда было очень холодно, дети заболели и умерли.

Наша семья чудом избежала раскулачивания. Очень трудно было расстаться со своим добром. Ведь его своим трудом наживали. Наш сосед был пимокатом. У него была шерстобивка. Он не захотел сдавать её в колхоз, затащил в баню и поджёг.

В том же году разорили церковь. В деревне жил очень верующий человек, самый верующий из всех нас. Звали его Петрушка. Вот этого

самого Петрушку заставили снять колокола и увезти в Ижморку, которая тогда была нашим районным центром. Иконы в доме нам запрещали держать. Мы их прятали. Тайком молились.

Первым нашим председателем колхоза был Тименцев. Его прислали к нам из района. Там он работал землеустроителем. Председателем он проработал несколько лет. В 1937 г. наш колхоз разделили на три: «8-е Марта», «Гигант», «им. Тельмана».

Председатели у нас менялись очень часто. Например, в нашем колхозе «8-е Марта» с 1937 по 1950 гг. сменилось 10 председателей. Некоторых из них помню, как мы звали: Кузько, Макар, Жуков, Прокоха, «Кошлатый», Емельян Иванович, Яков Иванович, Строганов.

В колхозе был всего один коммунист по фамилии Макаренко. Его боялись, как огня. Он всегда ходил с пистолетом. За глаза люди называли его надсмотрщиком. Говорили, что ему «только плётки и не хватает». Когда и как он стал коммунистом, никто не знал. Говорили, что в соседнем селе Почитанка его приняла партячейка.

Председателей выбирали на собрании из своих. Смотрели, если был хоть немного грамотным и если у него в своё время было зажиточное хозяйство. Надеялись, что раз он со своим хозяйством смог управиться, значит, и колхоз вывести сможет. Но всё равно наш колхоз оставался самым бедным из всех трех колхозов, образовавшихся в нашем селе. Главной причиной считалось, что наши поля были удалены от деревни на 10-15 км. Работать ходили пешком. Очень часто оставались ночевать в поле. Люди стали роптать, и тогда их стали возить на лошадях.

Работать в колхозе было очень трудно. Дневная, например, норма на жатве – 50 соток на один серп. Да ещё давили налогами. Налог накладывался на каждого, как только ему исполнялось 16 лет.

Когда началась война, стало ещё труднее. В войну и после войны колхозники облагались большими налогами. Они назывались госпоставками. Колхозник должен был сдать в год: 300 л. обезжиренного молока, 200 л. молока стандартной жирности; 40 кг мяса, 1 свиную непаленую шкуру (независимо – держишь ты свинью или нет); 10 кг. сухого табака; 100 яиц; 400 кг картошки; 4 кг брынзы; 1 кг шерсти на одну овцу.

Эту норму госпоставок мы обязаны были сдавать независимо от урожая. Кроме того, мы обязаны были брать государственный заем. Каждый работающий в колхозе должен был купить облигацию за 300 или 500 руб. Но у нас денег не было, так как за трудодни полагались только продукты.

Каждый колхозник за год должен был отработать не меньше 120 трудодней. Что такое трудодень? В нашем колхозе он равнялся 100 соткам. Нарубить и привезти воз дров – 25 соток. Привезти конский навоз – 25 соток. Трудодень получить было не так уж и легко. Но некоторые умудрялись выработать их больше 700.

Если колхозник вырабатывал меньше годовой нормы, его судили и давали 10 лет. Мотивировка была – «ведение паразитического образа жизни». А сейчас никто не работает, и никого за это не сажают в тюрьму.

Из нашего колхоза две девушки попытались сбежать. Из колхоза-то они убежали. Но когда пришли устраиваться на производство, с них потребовали справку от председателя колхоза. Её не оказалось. Их вернули в колхоз, судили и посадили в тюрьму. Вырваться из колхоза было почти невозможно.

Колхозник обязан был не только хлеб выращивать. Зимой нас посылали на лесозаготовки. Нас посылали на строительство шахт в Анжеро-Судженске. Мы и дороги строили. Приходила разнарядка: прислать столько-то колхозников. Нас и посылали. Мы работали даром.

В войну и после войны сильно голодали. Но даже колосок боялись унести домой: вдруг кто-то донесет. «Подлизал» у нас хватало. С фронта несколько человек вернулись коммунистами. Эти уже отличались от плёточника. Им приходилось уже самим работать, пример показывать.

Вздохнули колхозники во времена Хрущева. В 1956 г. отменили трудодни и ввели оплату деньгами. А в 60-е годы мы уже и паспорта получали. Колхозникам даже пенсию стали выплачивать, о чем мы раньше и представления не имели. Правда, она была небольшая, и оплата её равнялась 10 трудодням.

Прожила большую и трудную жизнь.

Но самая лучшая жизнь была тогда, когда мы вели единоличное хозяйство!

ДОКУМЕНТ №50

Быкова Матрена Степановна родилась в 1918 г. в д. Топки нынешней Кемеровской области. Рассказ записали Огородникова Анна и Рыбалко Алена в 2001 г. (г. Топки)

Я захватила только начало коллективизации, так как семья уехала из деревни в 1931 г. Жили мы в своей деревне неплохо. Отец два года работал уполномоченным по коллективизации. Образования не имел. Во время коллективизации жилось плохо. Отец, как уполномоченный, получал бумагу, в которой были указаны имена людей, подлежащих раскулачиванию. Он тайно ходил к этим людям и предупреждал, чтобы они прятали свое имущество, хлеб, продукты, за которыми он утром придет с местными активистами. Люди рыли большую яму около леса и прятали там вещи. Высылали из деревни тех, у кого было большое хозяйство. Те люди имели не так уж много. И заработали всё это они сами.

Жил у нас кузнец, Светлан Ефимович, который мог сделать любую вещь по заказу. Он иногда почему-то просто дарил эти вещи односельчанам. Его выслали в Нарым. И других – туда же. Детей иногда отправляли обратно в деревню, если в Нарыме умирали родители.

Активистами колхозов были в основном приезжие комсомольцы. Активисты приходили в любой дом и требовали картофель, масло, молоко, творог и т.д. Крестьянам оставляли крохи, которыми нельзя было прокормить семью. А. семьи были большими - по 8-12 детей. Активисты приходили и в наш дом. И нам пришлось отдать им свою картошку. Активисты в основном потом уезжали из деревни. А некоторых из них крестьяне убивали.

Рядом с нашей деревней была деревня Шишино. До колхоза там была церковь, ярмарка, школа-семилетка. Самое яркое мое воспоминание детства - это то, как мы бегали на ярмарку смотреть на очень красивые шали. Они были ярких расцветок и очень добротные. После коллективизации я таких платков больше не видела. После коллективизации базара не стало. А церковь разрушили и сделали из неё курятник.

Многие наши соседи уехали в город еще в начале коллективизации, так как хозяйство крестьянина стало небольшим. Иметь корову стало в радость. Она считалась кормилицей семьи. А раньше у каждого их было несколько, и за богатство это не считалось. А теперь заиметь больше двух коров, значит, считаться кулаком. Потому колхозники жили несытно, одежду носили заношенную и боялись, что к ним придут и заберут

последнее. Двери на замок не закрывали, так как в деревне жили в основном свои (родственники, друзья), все знали друг друга, доверяли. Воровство, конечно, было, но по мелочам. Но воровали, в основном, приезжие.

Работали колхозники много, а оплата по трудодням была очень низкой. Считай, её не было. При коллективизации все хозяйство забрали, заработанного на трудодни было слишком мало, чтобы прожить, не говоря уж о достатке, к которому мы привыкли до колхозов. Приходилось идти на воровство, чтобы семью прокормить. В нашей семье были осужденные за воровство колхозного имущества. Моя тетка получила 5 лет тюрьмы за то, что взяла несколько колосков после уборки на поле. Был также осужден 15-летний мальчик за сбор колосков. Многие доносили на своих же соседей, родственников. Хотя часто это делали, чтобы прикрыть себя. В народе относились к такому воровству по-разному, но большинство не считали это воровством.

Здания школы в нашей деревне не было. Школой служил дом, поставленный жителями деревни для двух учительниц из города. Я не проучилась и трех лет. У моей сестры - 5 классов образования, у брата – 3 класса. Грамотных людей было мало. Обучались охотно, но не всегда хватало времени на уроки в связи с работами на пашне. А иногда не было учителей и не было самого здания школы. Тогда приходилось идти за несколько километров в другую деревню. Грамотные люди если и были, то это были учителя или приезжие активисты, имеющие хотя бы 5 классов школы.

Было у меня два мужа. Первый, Нечаев, ушел на фронт, служил в разведке, дважды был ранен, погиб под Ярославлем. Я вышла за него не по своей воле, а по воле мачехи. Сосватали за соседа по улице. От него родился сын Анатолий. Затем я вышла замуж только в 1947 г. за Макарова Ф. М. и родила от него сына Валентина и дочь Нину.

На войну уходили охотно. Обратного вернулось мало мужчин. После войны жизнь не улучшилась, так как вся работа лежала на женщинах и детях. Голод во время войны был, но не в каждой деревне.

Отец мой тоже воевал и вернулся домой живым. Умер в возрасте 73 лет. За 8 дней до того упал, подскользнувшись. Брат умер за день до похорон отца по неизвестной причине. Сестра Анна жива до сих пор, но четыре года лежит парализованная. У отца всего было девять детей: трое от моей матери Матрены и пятеро - от мачехи. А один был у мачехи от первого мужа. Мачеха была злой женщиной и отстраняла от себя не только нас, но и даже своих детей. Умерла она чуть позже после смерти отца. В моей собственной семье выжило всего три ребенка.

Остальные умирали, не достигнув и года, так как заболели, а врачей тогда не было.

Пенсионеров в колхозах не было. Люди даже не знали такого термина. Многим колхозникам не выдавали паспорта. Я думаю, это было потому, что церкви были разграблены и сожжены, а книги с записями о рождении, месте рождения, о родителях, дате крещения были поэтому утеряны.¹¹⁴

---

¹¹⁴ Единственное в этом роде объяснение отсутствия паспортов у колхозников.

ДОКУМЕНТ №51

Федотова (Шишкова) Наталья Антоновна родилась в 1918 г. в д. Новосёлки на границе между Украиной и Белоруссией. Рассказ записала Ларченко Наталья в 2001 г. (г. Новокузнецк).

Семья у нас была из четырёх человек: мать, отец, брат и я. Отец умер, когда мне было 3 года, мать – лет пятнадцать назад, а брат жив до сих пор.

В семнадцать лет я выскочила замуж и родила восьмерых детей: семь сыновей и дочку. Пока я жила с родителями – это было до коллективизации, всё было хорошо, всего хватало, да и вообще жизнь была нетрудной. А как вышла замуж, прожила несколько лет, вот тут и началось «в колхозе утро»!

Теперь повелось такое, что кто-то работает, а кто-то делает вид, но живет лучше того, кто работает. А в доколхозной деревне – «кто не работает, тот и не ест». В доколхозной деревне все работали, потому и бедняков было мало. Почти все жили хорошо. А плохо жили только те, кто не хотел работать, и отношение к ним было соответствующее. А когда началась коллективизация, всех зачесали под одну гребёнку. Самые лодыри и стали активистами колхозов. Ведь это был самый легкий способ улизнуть от работы.

В нашей деревне очень много людей раскулачили. А сдавали их свои же (активисты) из зависти и жадности. Ведь им самим много добра от справных крестьян доставалось. Конфискацию проводили по-разному. Могли отнять дом, но не забирать всё, что в нём находится. А могли наоборот - забрать всё и оставить пустой дом. Но это было в начале. Потом раскулаченных начали ссылат в Сибирь. Целые семьи сажали в вагоны, заколачивали и гнали в Сибирь. Очень много людей погибло в пути.

Я так думаю! Коллективизация и коммунизм поселили раздор среди нас. Каждый старался тащить одеяло на себя.

Председателями и бригадирами становились те люди, которые больше других людей раскулачили.

Все эти активисты вместе с руководством партии на какие только уловки не шли, чтобы поиздеваться над людьми в колхозах. Не давали сажать огород, косить сено и т. д. Люди были, конечно же, недовольны всем этим и мечтали о роспуске колхозов. Но и сильно не протестовали, боялись, что последнее всё отберут и упекут в Сибирь.

До колхозов, конечно же, были формы кооперации, но это было по-другому. Мы работали на себя, а не на кого-то. У нас на двоих с соседом

был плуг. Сначала мы ему поможем вспахать, а потом он нам. Колхоз – это что-то ужасное. Мы работали за палочки (трудодни). И что толку? Когда я уехала в город, все записи о том, что я работала в колхозе, не проставили. Никакой пенсии не было. Выработал свое и живи дальше, как хочешь. Вот старики и работали до последнего. Нам запрещалось уезжать из деревни, поэтому нам не выдавали паспортов.

До колхозов мы никогда не закрывали дома на замок. А почему, не знаю. Может быть, просто люди были честнее. Были у нас и пьяницы, но их было мало. При коммунизме же их развелось видимо-невидимо.

Когда началась война, наши мужики, не колеблясь, пошли на фронт. А вернулось с войны очень мало. И после войны очень много было репрессированных, так как во время войны у нас в деревне были немцы.

Но немцы вели себя довольно хорошо. Они позволяли нам работать и, к тому же, большую часть урожая оставляли нам и лишь меньшую забирали себе, в отличие от колхозных порядков. Знаешь, что мне за такие слова совсем недавно было бы?

Из всех моих родных никого не осталось в деревне, все уехали. Жить сейчас в деревне невозможно.

ДОКУМЕНТ №52

Шишков Иван Алексеевич родился в 1918 г. в деревне, которая, по его словам, стала называться колхозом «Красное знамя» (название кузбасской деревни не стал уточнять). Рассказ записал внук Шишков Дмитрий в 1999 г.

У родителей нас было семерово: три сестры и четыре брата. Я – самый младший. У меня с женой - четверо детей.

Коллективизация – это такой кавардак, что ничего сравнить с ней нельзя! Я ребенком был. Вроде, ничего о ней не должен знать. Но я хорошо помню, как родители сопротивлялись коллективизации. Они до колхозов хорошо жили. Да разве только они так жили? Все так жили! Крестьянин всегда был сыт, обут и одет. А как иначе? Он же жил своим трудом.

Бедняками у нас были те, кто слабо вел свое хозяйство. В основном это была всякая пьянь, которая не хотела работать. Лентяи, одним словом! Их в деревне было мало, и никто их не любил. У меня отец тоже, бывало, выпивал. Но дело своё знал и всегда его делал. Тогда существовал как бы закон - надо делать работу, а гулянка потом.

Сначала в колхоз заманивали обещаниями хорошей жизни. Но никто этим обещаниям особо не верил. Крестьяне очень сопротивлялись колхозам. Но что они могли сделать с властью? Власть приказала, заставила! Крестьян поставили перед выбором: либо колхоз, либо ссылка. Ох, как люди горевали! Ведь столько трудов стоило нажить хозяйство! А приходили какие-то бесчестные пьяницы, и всё забирали. Некоторые из раскулачиваемых односельчан бросались на этих тунеядцев, но ничего поделать не могли.

Да...! Нажились на чужом хлебе нечестные люди во время коллективизации. Это те, кто в комиссиях ходил раскулачивать. Ведь разоряли зажиточных крестьян, у которых было что взять. Хозяев выселяли, а из имущества разрешали брать только одежду. Пойди потом, разберись, что сдали эти нечестные люди из награбленного в колхоз, а что из кулацкого имущества натащали себе. Никто у нас не любил тех, кто ходил по чужим дворам за чужим богатством.

К кулакам же относились нормально, даже с жалостью. А как тут иначе?! Мы же все вместе жили, в одной деревне. Многие в сродственниках состояли. А потом вдруг должны были почему-то восстать друг против друга. Кому это понадобилось? Деревня сильно изменилась. Все сразу стали чужими. Да и то сказать, каждый спасал свою шкуру.

Активистами колхозов становились голь, пьянь, лентяи. Это были все те, кто не хотел работать, но хотел и любил погулять. Вот они-то и прогуляли деревню. Поэтому продуктов по всей стране нигде не стало хватать.

Председателями колхозов становились присланные начальством люди. Наши мужики чувствовали землю. Но их до руководства колхозами не допускали. Они оказались не у дел. Им оставалось лишь выполнять приказы, работать и всё отдавать. Лишь бы план был выполнен.

Работали с раннего утра и до позднего вечера. Особенно в летнюю пору. Ничего за это не получали. Поэтому и воровали. Воровали все. Исключения, наверное, не было. Это считалось у нас само собой разумеющимся. Мы как бы зарплату себе таким образом брали. Но за поимку могли посадить. Причем, посадить надолго.

До колхозов дома на замок не закрывали. Мы же друг друга знали! Доверяли соседям. А потом, когда в колхозах мы стали чужими, стало обычным делом закрывать на замки.

Мужики в колхозах часто стали пить. Но когда подходила работа, мы вставали и шли делать дело. Но постепенно мы на работу стали обращать как-то меньше внимания. Не на себя же работали, на дядю.

Те, кто сломал деревню в 30-е годы, виноват в нынешней нищете страны. В людях выработали лень. Люди уже не хотят работать. Они даже не хотят понять, что сейчас можно работать на себя. Мы же в колхозах на себя работать не могли.

Церквей в деревнях не стало. Богомольство считалось вредным для колхозной жизни. Люди молились дома. Особенно старики.

Раньше очень уважали стариков. Шли к ним за советом. А потом и это куда-то ушло. Каждый стал сам по себе.

Старики в колхозах были, а вот пенсионеров не было. Не было у нас и паспортов. Почему не было? Не знаю, что и ответить. Наверное, потому что власть не хотела давать крестьянам свободы.

Я что-то не помню, чтобы родители или кто-то из взрослых говорил про политику. Все тогда знали, что за малейшее лишнее слово можно угодить «под статью». Хотя разговоры про работу – это ведь тоже политика. А родители говорили, что нищету колхозников надо сравнивать с нищетой рабов. Мол, рабы работают просто так, и колхозники работают «за так».

Сейчас жизнь становится легче. Правда, люди почему-то никак не хотят этого понять. Если они поймут, что надо работать, а не ждать, жизнь станет ещё лучше.

Мы все стали жертвами!

ДОКУМЕНТ №53

Урошникова Александра Карповна родилась в 1918 г. в д. Старая Тамбовка (под Москвой). Рассказ записала внучка Сумина Елена. в 2000 г.

С детских лет я не видела ничего, кроме невыносимой, трудной работы. Уже с 7-9 лет дети шли работать в колхозное поле. Какая, спрашиваешь, школа, когда есть нечего! Нам бы хоть чем-нибудь желудки набить. Не до школы. Я всего неделю ходила уже взрослой на какие-то занятия. Поэтому я совсем неграмотная.

В поле нам приходилось заниматься разной работой. Делали даже то, что по силам было только мужчинам. Мы косили, копнили, вязали снопы, ставили большие скирды, пололи.

Уже почти ночью шли домой, валясь с ног. Спали на большой русской печи. Но не успеешь вздремнуть, как в окно раздается сильный стук и крик. Это бригадир кричит нам, чтобы шли работать. На улице едва светает, а мы уже бежим работать. Действительно, по дороге на работу и с работы мы часто пели. Так было ещё стариками заведено. Были и частушки. Вот послушай: «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал: Рабочим хлеба не давай, а денег не показывай». Или – «Говорят в деревне плохо, а в колхозе хорошо, до обеда ищут оси, а с обеда колесо».

Бывало, отработаешь неделю, идешь получать, а получать-то нечего. Насыпят тебе маленькую тарелочку муки и даже не знаешь, что с ней делать. Все говорили нам, что надо армию кормить. А что нам эта армия дала?¹¹⁵

Посмотрю я, внучка, и удивляюсь: сколько у вас одежды всякой разной сейчас. А на мне до сих пор какой-нибудь платочек в цветочек, да просто сшитое твоей мамой платье. А нам-то раньше даже выйти не в чем было. Отец пойдет на базар в праздник, купит простого белого материала, а мать его нам на тряпки разрежет, и мы носим его вместо платков.

Ты знаешь, как я радуюсь, что у нас сейчас на столе все есть. Посмотрю, что корочки хлеба вы собакам да коровам дали, и думаю - вот нам бы тогда хоть корочку хлеба кто дал. Мы бы сыты были. А нам приходилось по полю ходить и собирать гнилую картошку. Она ведь как

---

¹¹⁵ Видимо, в этих словах аккумулирован протест народа против того, что Советская армия в основном выполняла функцию не защиты нации, а реализации коммунистической идеи мировой революции. Народу были чужды советские интересы в Китае, Корее, Вьетнаме, Египте, Анголе и др. странах, куда СССР посылал своих военных и оружие, добиваясь там строительства социализма.

каша. Испечешь из неё лепешки, а они такие противные. А ты их на поле берешь и ешь. Другого-то ничего не было. Хорошо еще, что хозяйство свое было. За счет коровы мы и выживали. Хотя и не досыта, но всё же было молоко. А были и такие семьи, где коровы не было. Всю траву, какая была, с корнем выдирали и ели. Ни одной травинки не оставляли.

Я очень хорошо работала и была передовиком. Как-то меня и нескольких лучших колхозников возили на какую-то конференцию, где награждали за хорошую работу. Потом посадили всех гостей за стол и стали угощать пельменями. На столе было много еды и разной приправы. И почти каждый добавлял эту приправу в свои тарелки. Я тоже решила добавить эту приправу в пельмени. Но переборщила. В тарелке было совсем не вкусно. Но я все съела, потому что оставлять было неудобно, да и дико для нас. Как это - не съесть всё! Это был укус.

Потом нам за наши большие труды подарили ситец на платье. Все мы были очень рады наградам. И каждый старался выразить свою благодарность организаторам этой конференции. Люди обещали работать еще лучше, еще больше стараться. И я сказала: "Стараться буду, но по мере сил".

Потом мне пришлось переехать из своей деревни на север в село Ярцево Красноярского края. Из-за того, что есть нечего было. Но и на севере мне сильно досталось от жизни. С двумя детьми я осталась там совсем одна. Жила в бараке в маленькой комнатке еще с одной женщиной. В этом селе жили в то время разные народы: немцы, литовцы, украинцы. Меня эти люди очень обижали. Вот, например, постираю бельё, повешаю его сушить, а соседи его помоями обольют. Выпишу себе кубометр дров, его за ночь соседи растаскают.

Но все же есть в жизни справедливость. Встретился мне человек, который смог защитить меня от всех бед. Именно с ним я обрела свое счастье. Этот человек оказался литовцем. Он просидел в тюрьме ни за что. Был он простым крестьянином, середняком. Имел свой дом, лошадь, корову. Была у него и семья. Все было хорошо, пока у соседа не украли лошадь, а тот указал на него. Он просидел несколько лет в тюрьме. Его постоянно наказывали, сильно избивали. Но он вышел оттуда неозлобленным, таким же добрым. К тому времени его жена нашла ему замену. И пришлось ему все оставить, начинать жизнь с самого начала. Вот тут мы и встретились.

Ты должна помнить слова твоего неродного деда. Помнишь, он всегда говорил, что нищие жили намного лучше трудяг. Нищих всегда люди жалели, помогали, чем могли (одеждой, продуктами и т.д.).

А трудяга все пахал да работал на власть.

ДОКУМЕНТ №54

Щербинин Иван Андреевич родился в 1919 г. в д. Сутуновка Щегловского района нынешней Кемеровской области. **Щербинина Екатерина Павловна** родилась в 1928 г. Рассказ записала в 1999 г. Лопатина Наталия (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»). (д. Подъяково)

Екатерина Павловна - Я родилась в Новосибирской области. Сюда наша семья переехала из-за голода. Я тогда была маленькой. Сначала отец работал директором маслозавода в Барановке, потом - председателем сельсовета в Подъяково. А затем его перевели в Шалево (этой деревни уже нет сейчас) председателем колхоза.

Хотя отец занимал руководящие посты, но мы жили всегда бедно. Он был слишком партийным человеком и всего боялся. Сам себя и нас ограничивал.

Мы все работали в колхозе. Я с третьего класса бегала на поле осот выпалывать. Что такое голод, наша семья хорошо знала. Вечное недоедание. Мы корову держали, а молоко вдоволь не пили. Крапиву да траву всякую ели.

Иван Андреевич – Я - с Сутуновки. Сейчас этой деревни тоже, как и Шалево, нет.

Екатерина Павловна - В нашей округе в 60-е годы очень много деревень снесли. Мы с подружкой как-то подсчитали. Их оказалось 32: Ирановка, там вятские жили; Карбышевка; Бобровка - чувашаи; Шалево – кержаки; Березово, Сергеевка, Подиково – чалдоны; Глушинка, Красный пахарь, Максим Горький, Караваевка, Сутуновка, Барановка (эта деревня и сейчас существует) – пермяки.

Там теперь всё заросло бурьяном. Поля не сеяны, не кошены. Снесли деревни. А ведь в каждой деревне люди жили, держали скот, государству налог платили. Все эти деревни, кроме деревень Красный пахарь и Максим Горький, старинные. И такими красивыми были эти деревни! Сейчас в те места мы ездим за грибами. Смотришь на все эти пустыри, и сердце замирает.

Иван Андреевич – У родителей нас было шестеро: три брата и три сестры. Отец умер рано, и мать воспитывала нас одна. Мы жили более чем скромно. Сеяли лен, одевались в самотканную одежду. Раньше нельзя было в магазине купить одежду. Колхозникам денег не давали. Да и хлеба давали мало. Что такое голод, я хорошо помню. Это не дай Бог никому!

Ничего не было, по миру ходили. Правда, были богатые люди, это те, у кого 2-3 лошади, земли много, запас продовольствия.

Начало коллективизации помню хорошо. Я уже тогда всю работу выполнял. Защищать начал лет с семи. Как только научился на коне сидеть, так и работал.

Сначала ходили слухи, что будут создавать колхозы. А в 1929 г. коллективизация началась. Помню, как раскулачивали мельника. У него всё забрали, ничего не оставили. На его имущество устроили торги, где всё продали за бесценок. Продали даже точило. Самого мельника забрали и в тюрьму посадили.

Тогда было так: какой бы срок не дали, человек все равно мог не вернуться. Могут дать один год, а арестант просидит 10-15 и более лет. Мельник так и не вернулся из заключения.

Таких людей у нас в деревне больше десятка было. Раскулаченным не позавидуешь! Хотя мы и бедно жили, но зла им не желали. Мы за счет их и жили. Кулаки помогали бедным работой, хлебом. Поработаешь у них на поле, они тебя напоят, накормят и еще с собой дадут. Мы довольны были. Пойдешь к ним, с радостью встречают. А как иначе? Ведь работник пришёл. Жалко их было, когда раскулачивали. А крику-то сколько было!

У нас сильно богатых крестьян не было. Не было таких, которые круглый год работников держали. А когда сезон сельхозработ начинался, тогда мы шли к ним в наём. Мы к кулакам относились как к нашим помощникам в жизни.

Кулаки - это самые добрые и трудолюбивые люди. За то, что они трудились не покладая рук, их и раскулачили. Среди бедных было много бездельников и подхалимов. Таких власть ценила.

Раскулаченных выселяли в Чулым, Нарым. Людей угоняли пешком или отвозили на барже чёрт знает куда. Брать с собой ничего не разрешали. Если кто смог прихватить пилу и топор – выживал. А нет - погибали люди. Обживались, росли на новом месте. Да умелый хозяин сможет всегда устроиться. В новых местах людям приходилось охотиться, как в первобытную эпоху. Особенно «урожайными» на кулаков были 1929 г., 1930 г., 1931 г. Но и потом находили кулаков. В 1937 г. «черный ворон» часто ночью забирал людей.

Люди недовольные колхозами были. Колхозы насильно создавали. Соберут деревенскую сходку и заставляют крестьян подписываться под добровольным вступлением в колхоз. А если не подписывали, тогда....

Екатерина Павловна - Да не трепи ты сильно, а то посадят!

Иван Андреевич – Теперь уж не посадят... Крестьяне сами в колхоз не шли. Они тогда много скота уничтожили, чтобы только в колхоз его не сдавать.

На сходках в глаза друг другу плевали, готовы были друг друга съесть. На сходках крестьяне ругались с властью, но скоро это прекратилось.

Того, кто выступал против коллективизации, забирали и отправляли в неизвестном направлении. Таких у нас много было. Пришлось смириться. А куда денешься? Боялись и за себя, и за семью свою. Люди ни кого конкретно не винили. Они не знали, кто колхозы удумал. Думали, что местная власть инициативу проявляет.

Крестьяне действительно сначала пытались протестовать против раскулачивания. Ведь такая политика невыгодна ни для бедняков, ни для кулаков.

Активистов колхозного движения в деревне не приветствовали, но и открыто против них не выступали. Опасно было! Но, бывало, их убивали. Крестьяне думали, что это они по своей инициативе в деревне террор учинили. Помню, в Ирановке председателя колхоза убили, когда он ночью со сходки шел. У калитки его же дома утром и нашли. Потом в деревне расследование было, но виновных не сыскали. Крестьяне рады были, что расквитались с председателем, но и удивились, что наказания не последовало.

Грамотных у нас мало было. Создавались ликбезы для повышения грамотности. Там взрослые учились, кто с охотой, а кто и ненавидел обучение. Я закончил школу с хорошим аттестатом. Мне нравилось учиться. Участвовал в самодеятельности, люди говорили, что из меня толковый артист получится.

Тогда все люди веровали в Бога. Запрещалось, а веровали. Хотя помолиться негде было. В нашей церкви зерно хранили. Полными безбожниками были только партийные или колхозные активисты. А я вот с малых лет и по сей день верую. Есть какое-то существо в мире, которое помогает человеку жить. Добрым людям добро возвращается. Мне Бог и люди помогают жить.

Екатерина Павловна – По приказу властей в Верхотомке церковь разобрали. Горе было! Тогда и праздники религиозные запрещали. Но люди все равно в домах молились и тайно праздники справляли. С властью не спорили.

Иван Андреевич – Но и власть с колхозниками заигрывала. Это когда в 1937 г. проходили первые выборы. Колхоз зарезал быка, сварили суп. Установили такой порядок: проголосовал – садись за стол. Наливали

тарелку супа и ставили стопку водки. Кто из полуголодных колхозников откажется при таких условиях проголосовать?

Екатерина Павловна – Мясо, масло, молоко колхозники не видели. Налоги были огромные. Если овец держали, то надо было шерсть сдать и 40 кг. мяса,. По налогом сдавали 100 яиц, примерно 1000 литров молока. Если что оставалось, продавали, муку покупали. Вечно голые, босые. Домотканную одежду носили. Лен сеяли вокруг огорода. Собирали его, мяти, трепали и прями. А в войну ещё хуже стало.

Иван Андреевич – Когда война началась, я в армии служил, в Сибирской дивизии. На фронт люди шли по-разному - кто добровольно, а кто и нет...

Екатерина Павловна – Я помню, целую бричку мужиков нагрузят и в район везут.

Иван Андреевич – Да кому же охота под пули! Но защищать Родину кому-то надо было.

Я на фронте в партию вступил. Уже 50 лет в партии. Был комсомольцем. Мне начальство говорило: «Вступай в партию. Мы тебя на руководящую работу поставим». Я отвечал: « Какой из меня руководитель, когда всего 4 класса образования». «Нет, ты уже 3 года воюешь, больше других военное дело знаешь, давай вступай.» Я и вступил, руководил на фронте комсомолом. Я на разных фронтах был: на Румынском, Австрийском, Чехословацком, Венгерском. Прагу, Будапешт, Вену брал. Служил танкистом. Я тогда одного боялся, чтобы глаза не выжгло и в плен не попасть. Лучше смерть! Тогда кто в плен попадал, врагом считался. И семья с клеймом позора оставалась. У нас такой сколоченный, дружный экипаж был. После войны мы потерялись. Но меня через 30 лет нашли мои однополчане. Такая встреча была!...

Екатерина Павловна – Он весь раненый вернулся, инвалидом второй группы. Прослужил в армии семь лет, из них четыре года войны. Имеет 4 ордена и 18 медалей. Награжден медалью Жукова. Это очень редкая награда была. Её давали только хорошим руководителям. Недавно в районной газете «Заря» статья о нем была, как о заслуженном ветеране. И знаете, он никогда своими заслугами не кичится и на здоровье не жалуется.

Иван Андреевич – За свою жизнь я всему научился, кроме воровать и водку пить. В нашу бытность тоже и пьяницы, и воры были, но не в таком, как сейчас, масштабе. Пьяницы в деревне были всеобщей потехой. По праздникам мужики выпивали, но дело свое знали. Народ поработает и погуляет.

До колхозов в деревнях самосуды были. Поймают вора и гонят вдоль по улице, а люди его палками бьют. Раньше вор долго не жил! Потому и

замков у нас не было. Да и совесть у людей была. Всё же кругом своё или соседское. Не будешь же ты соседу пакостить!

Во времена колхозов, когда имущество было всех и ничье, люди начали приворовывать. Мораль пошатнулась. Ну, а во время голода было уже не до морали. За воровство власть сурово наказывала. У нас жила старая одноглазая женщина. Она была вся согнутая от болезней. Работала на ферме свиной. Может, она и не очень старой была, но выглядела старухой. Муж у неё на фронте погиб. Как –то на горбушке она унесла с фермы охапку сена. Ей дали три года. Из заключения она не вернулась. Остались мальчишка (его в ФЗУ отправили) и девочка (она по Щегловке потом болталась).

Екатерина Павловна – А какое это воровство? Детей-то кормить надо. Да и собирали то, что с полей не убрали. Не зря закон этот назвали в народе «Закон о колосках». За колосок крестьянина свободы лишали. Да он же этот колосок и вырастил. За тот колосок страдали и дети. Их же лишали родителей. Но женщины все равно ходили в поля и собирали колоски после уборки. Если бы людям дали возможность себя прокормить, разве же стали бы люди ходить на такие сборы. А сколько страха натерпишься! По полям объезчик ездил. Если настигал кого за сборами, бил бичом и все отбирал.

Иван Андреевич – В колхозах работали от темна до темна. Больше, чем у кулаков. Уставали, конечно, сильно.

Екатерина Павловна – Работали, действительно, много. Не то, что сейчас. Работали, не ленились. Никто от работы не вилял. Сядем отдыхать, песни поем. Есть нечего, а песни поем. Это еще, наверное, родительская закваска. А вечером, когда совсем молодыми были, ходили на толчок танцевать. Но особо развлекаться времени не было. Поэтому, наверное, и нет ярких хороших воспоминаний. Все работа и работа.

Мы тогда не задумывались, зачем так много работаем. Мы мало что понимали.

Помню, совсем маленькими были. Мама меня с братом разбудит часа в четыре утра, и мы идем малину собирать. Насобираем, придем домой, съедим её с разбавленным водой молоком и идем на работу. Есть нечего было, плохо жили, а весело.

В школу я ходила в Барановку и в колхозе одновременно работала. В школу брали с собой лепешки. Мама натрет картошку нечищенную и в мешке под прессом оставит на ночь. За ночь сок стечет, и из этой каши мама делала лепешки. Они были даже без соли, но такими нам казались вкусными. Мы пока до школы дойдем, все их съедим. А потом целый день голодные.

Когда в Шалево жили, колхозникам на семью давали по 4 килограмма муки на месяц. И это независимо от того, сколько в семье человек. Иногда вместо муки давали по 4 килограмма чечевики. Она походила на горох с овсюком. Питайся, как сам знаешь. Вот и ели колбу да саранки.

У нас мама даже с голоду опухала. Придет к нам из Подькова председатель тамошнего колхоза, увидит, что нас целая изба голодных и говорит маме, чтобы она пришла к нему за мукой. Хороший он был человек, добрый. Выпишет нам немного муки, мы и рады необыкновенно. А отец нам в своем колхозе не выписывал, хотя и председателем был. Боялся.

Иван Андреевич – Ничего выдающегося в жизни не было. Самое запоминающееся в моей жизни это была, конечно, Победа! Столько провоевали и жить остались. И не только ты один, а целая армия! Ощущение Победы не передать. Это не просто дух захватывает. Это больше!

Мы воевали, чтобы жизнь наладилась не только у тебя, но и у всех людей. Думали, все изменится к лучшему. Но надежды не оправдались.

Сейчас говорим спасибо правительству за то, что не отказываются от нас. Пенсию платят. А раньше ведь и пенсий не было, и даже день Победы стали праздновать только через много лет после войны.¹¹⁶

---

¹¹⁶ Иван Андреевич умер в 2001 г.

ДОКУМЕНТ №55

Носков Николай Пантелеймонович родился в 1919 г в д. Носково Вятской губеории. **Носкова Татьяна Алексеевна** родилась в 1924 г. в Подонино Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахонка)¹¹⁷

Николай Пантелеймонович - Из-под Вятки мы уехали в 1936 г. из-за голода. У нас там который год был неурожайным. А здесь, в Сибири, хоть хлеб уродился, да и картошка была.

Татьяна Алексеевна – Здесь, действительно, колхозникам на трудодни хлеб давали. Правда, его было не вдоволь. Но это смотря какой год был, какой урожай выдавался. А то тоже не густо было.

Николай Пантелеймонович – До войны хлеб давали хорошо! Однажды как-то выдали на трудодень аж по 6 кг. А потом нам сказали, что вышло какое-то постановление правительства, что колхозник не должен получать на трудодень больше 2 кг.

У нас говорили, что этот указ распределял колхозный урожай так: лопатой – государству, а черенком лопаты – колхознику. Шутка такая!

Я тогда кладовщиком работал. Так было жалко видеть, как из города приходили машины и увозили наш урожай! В колхозе оставляли только семена, фуражное зерно для скота и по 2 кг - на трудодень.

Татьяна Алексеевна – В колхозах хлеб был не нашим, не колхозников.

Николай Пантелеймонович – Это так получилось из-за коллективизации, когда выращенный урожай стал не крестьянским. Когда в нашей деревне проходила коллективизация, люди понимали, что так оно и будет.

Но в колхозы вступали. Не хотели идти, а шли. Из города приезжали уполномоченные, они проводили собрания, агитировали. Но этим агитациям люди не верили. Но их заставили наганом. Наган был в ходу! Не раз перед крестьянами махали пистолетом.

Татьяна Алексеевна – Я мало помню то время. Но у нас люди об этом часто говорили. Рассказывали про имущество кулаков, которое распродавали недорого, за бесценок. Купить его мог всякий, кто пожелает.

---

¹¹⁷ Супруги Носковы достаточно долго не соглашались вести рассказ под магнитофонную запись.

Николай Пантелеймонович - Ещё бы не за бесценок! Тот, кто его покупал, тот его и оценивал. Получилось, что имущество кулаков забирали бесплатно. У них отобрали всё: и лошадей, и коровенку, и машины, и шмотки, и барахло всякое. А самим кулакам давали на сборы 24 часа и куда-то увозили. Увозили туда, откуда никто не возвращался.

Богатый человек оказался у власти не в чести. Власть считала богатого человека очень плохим. Приучала и нас так на него смотреть. А кто такой богатый человек? Трудится день и ночь, заведёт пару лошадей, корову...

Татьяна Алексеевна – Да сапоги носит по праздникам.

Николай Пантелеймонович - Дети сыты, обуты! Что же тут плохого для власти?

В семье моего отца было двенадцать человек. И никто, никогда не голодал. У нас было две лошади, корова, а также американская веялка-самотряска, молотилка с конным приводом и косилка. Бывало, запряжет отец коня, скосит и наше поле, и соседские. А соседи нам за это снопы вязать помогали. По-соседски и жили. Друг другу всегда помогали. Один другого уважал. Уважительно жили. Потом мы всю эту технику, коней и корову сдали в колхоз. Потому нас и не раскулачили.

Когда кулацкое имущество распродавали, в нашей деревне его никто не покупал. Как можно брать чужое!? Понимали, что это не продажа, а грабёж. Как это? У тебя отобрали, а я купил? Это себя не уважать. А у нас люди уважали и себя, и соседа.

Татьяна Алексеевна – А у нас покупали, за милую душу.

Николай Пантелеймонович - Деревня наша была старинной. Обычаи нам от дедов пришли, очень уважали обычаи, не смели их нарушать. Купишь такое - как сам и ограбил.

В колхоз у нас никто не хотел заходить. А что в него было заходить? От добра добра не ищут. У нас семья была огромная, даже по тем временам, но мы всегда ели досыта. Отец никогда без дела не сидел. Летом работал в поле, а зимой веревки крутил. Доход с веревок был хороший. Ведь в крестьянском хозяйстве без веревки не обойдешься.

Про власть, которая разорила нашу деревню, у нас молчали. Никогда про неё не говорили. Скажешь слово, тебя – за штаны... «Чистили» у нас в деревне от врагов народа очень здорово. Не скажу, что всех подряд, но через два дома на третий кого-то забрали. Тогда позабирали многих. Очень многих!

Позабирали тех, которые были побоевее, поразвитее остальных. Умных людей забирали потому, чтобы от них не было никакой агитации против власти.

Когда мы приехали в Сибирь, мне сначала здесь не понравилось. Как мне показалось, здесь природа уж больно дикой была. А вот народ понравился. Уважительный народ. Всегда с тобой поздороваются. Они здесь всегда жили сыто. У них даже хлеб пшеничный был! Для нас это диво было. В Вятке пшеница не росла. Только рожь.

Когда мы сюда приехали, я ещё подростком был. Но уже всю работу. Я ещё в России работал. В школу ходил, а уже работал. У нас все дети работали в колхозе.

Татьяна Алексеевна – Я что-то не помню ни одной семьи, где дети бы не работали. Были, наверное, и такие, но я не помню. Пойдёшь на работу, а тебя хоть там, на поле, накормят в колхозной кухне. У нас в семье было семь детей. Мать померла, а отца на фронт забрали.

Николай Пантелеймонович – Разве это правильно? Детей никуда не определили, а отца забрали. Война есть война! Но и о детях беспокоиться надо. Там его и убили. Меня вот только покалечили. Не убили. Отцу моему обе ноги оторвало. Недолго потом пожил. И брата убили. У нас из Балахонки забрали человек сто. А в живых сейчас только двое. После войны я работал и в колхозе, и в совхозе. А на пенсию вышел уже из леспромхоза, где работал лесником.

Татьяна Алексеевна – К колхозу люди постепенно привыкли. А что было не привыкнуть? Время прошло, люди про своё единоличное хозяйство забывать стали. А здесь – работали все вместе, жили у всех на глазах.

Николай Пантелеймонович – Одно время я работал пастухом. Бичом скот гонял. Коровы меня послушаться не смели, про мой бич, видно, всегда помнили.

Так и колхозники! Их тоже гоняли на поля, как я коров. И послушаться колхозники не смели.

В полях у нас домики стояли. Молодежь в них во время страды и ночевала. Только домохозяек домой отпускали...

Татьяна Алексеевна – У стада есть пастух. А а у нас, колхозников, пастухом был бригадир. Ослушался бригадира – получи штраф: трудодней пять как снимет, не порадуешься.

Николай Пантелеймонович – А пять трудней это много. И не потому даже, что меньше зерна потом получишь, а потому, что из-за этого можно было в тюрьму угодить. Ведь тогда каждый колхозник должен был по закону выполнить норму трудодней. Если нет этой нормы – суд. Моя жена под такой суд и угодила. У нас пятеро детей было – один одного меньше. Куда от них уйдешь! Никаких ясель не было. Поэтому в колхозе я

работал один. Вот председатель колхоза и подал в суд на мою жену. Устроили выездной суд.¹¹⁸

Татьяна Алексеевна – Лучше не вспоминать...! Ох, как я боялась идти на суд. Ведь с него могла и не вернуться домой. Вся тряслась от страха!

Николай Пантелеймонович – На суд мы взяли всех ребятшек. Это произвело на судью впечатление. Он их пожалел и не осудил жену. Оправдал её. А так бы... Неизвестно как бы всё с детьми, с ней и мною в жизни повернулось.

Татьяна Алексеевна – Ох, и злился потом председатель.

Николай Пантелеймонович – Да и то сказать, что с него взять? Ведь он тоже человек подневольный. С него райком партии требовал отчета за всё. Требовал, чтобы он отчитался, почему колхозники не работают, почему - это, почему – то... Там-то, в райкоме, ему и посоветовали подать в суд на тех колхозников, у которых не было выработано минимума трудодней.

Татьяна Алексеевна – Суд к нам приезжал судить тех, кто что-то украл в колхозе.

Николай Пантелеймонович – Тогда воровать боялись. Хабаров украл на току мешок ржи, его судили и дали три года. Вернулся.

Татьяна Алексеевна – Ладно, украл! А до войны у нас многих мужиков забрали ни за что. Много тогда мужиков сгинуло.

Николай Пантелеймонович – Вот эти-то уже никогда не возвращались. Их забирали по доносу. Свои же и доносили. Один - на другого и писал ложные доносы. Боялись люди! Очень боялись!

Татьяна Алексеевна – Хватит и тебе, дед, рассказывать. Видишь, он же всё на свою машинку записывает! Сам же разрешил.

Николай Пантелеймонович – Ну и пусть себе записывает. Ведь я же правду говорю. Да, и потом, чего ты боишься? Мне же 80 лет. Не заберут меня, не переживай. Сейчас не те времена.

---

¹¹⁸ Была введена обязательная норма выработки трудодней (120 - в год). Для сравнения, в индивидуальном крестьянском хозяйстве в 1925 г. трудовая годовая нагрузка составляла всего 92 человеко-дня (см. О.Платонов. Русский труд. М., 1991. С. 261). За невыполнение норм трудодней следовало уголовное наказание (до 10 лет). Количество трудодней, приходившихся на одного трудоспособного, постоянно возрастало. Если в 1933 г. на одного трудоспособного колхозника по стране приходилось 148 трудодней, в 1935 г. – 181, в 1937 г. – 194, то в 1940 г. – 254. (История социалистической экономики СССР. Т.4. М., 1976, С. 331.) Таким образом, за 1933 – 1940 годы число отработанных трудодней возросло на 72%. Эту цифру можно также интерпретировать как увеличение за 7 лет на 2/3 трудовой нагрузки на колхозника. По сравнению же с крестьянином единоличником 1925 г. увеличение, таким образом, составило 276%.

Татьяна Алексеевна – Ну, смотри, как знаешь!

Николай Пантелеймонович – Я и сам был коммунистом. В партии был маленько. А с партией получилось так. Секретарь парткома нашего совхоза «Щегловский», куда нас присоединили после колхоза, уговорил меня вступить в партию. Мол, нам такие, как ты, нужны: фронтовик, рабочий, из народа. Я, сдуру, и вступил.

Потом я узнал, что такие, как я, действительно нужны были в партии. Нужны были для каких-то отчетов райкома. Стал я членом партии. Ну и что? Как был пастухом, так и остался. Только, если раньше я после работы сразу домой шёл, то теперь надо было, не ближний свет, ходить в Щегловку на партийные собрания, то на партийную учебу, то это, то другое. Да ещё надо было деньги из зарплаты отдавать на взносы. Взносы хоть и небольшие, но мы привыкли всегда копейку считать, видеть от копейки пользу. А здесь какая польза?

Подумал я, подумал и написал заявление о выходе из партии. Что тут было? Секретарь парткома перепугался, в райкоме тоже всполошились. Секретарь райкома стал на меня строжиться, грозить. А я ему говорю: «Это вам, начальству, партия нужна. А нам она ни к чему. С должности пастуха ты меня не снимешь. Или кого из райкома на моё место пошлешь?!». Потом я узнал, что мое исключение они провели как-то по-другому, но не по моему заявлению. Видно, я своим уходом из партии им какую-то отчетность неправильную сделал.

Ну и что, коммунисты? При них порядок был в стране.

Татьяна Алексеевна – Мы хорошо относились к коммунистам.

ДОКУМЕНТ №56

Колокольцова Анна Вячеславовна родилась в 1919 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково)

Что такое колхозы, мы не знали. Агитаторы говорили, что нужно соединить все хозяйства и вместе работать, и все будут хорошо жить. Говорили, что это будет добровольно. Но, на самом деле, тех, кто не хотел вступать в колхоз, выселяли семьями, все отбирали. В дорогу им ничего не разрешалось брать. Родители говорили, что это были хорошие люди, трудолюбивые. Что с ними случилось, мы не знали, не было от них вестей. У нас богатых не было. Были хозяйства, которые крепче остальных стояли. Они помогали бедным. Работу давали.

Люди без охоты шли в колхоз. Привыкли - всяк себе работать, а тут - непонятно на кого. Крестьяне сначала бунтовали, а потом смирились. Родители мои вошли в колхоз. Так то жили не богато, а в колхозе совсем плохо стало. И родители как-то сумели переехать в леспромхоз под Анжеркой.

Дом у родителей был однокомнатный. Отец сам делал всю мебель. Посередине стояли стол со скамейками. Вдоль стен стояли полаты. На них лежала солома вместо матрацев, укрывались самотканной дерюжкой. Не было тогда постельного белья ни у кого. Спали, как придется, иногда одетые, иногда раздетые. Как поросята спали.

Носили мы домотканную одежду. Мать лен выращивала и сама ткала. На ногах носили лапти. Я уже замужем была, все лапти носила. В них ходить хорошо - легко, удобно. По морозу пимокаты на ноги надевали. Мы в магазинах ничего не покупали. Может, у кого-нибудь и были деньги, а у нас нет. В колхозе денег не давали за работу. Мы сами все могли себе смастерить, сшить. Все сами, как в средние века.

Я выросла в лесу. В 1937 г. моего отца забрали прямо с работы. Он был обыкновенным рабочим. За что забрали? Куда увезли? - Мы так и не узнали, хотя искали его. Когда отца забрали, у матери было восемь детей. Она родила двенадцать, но в живых нас осталось восемь.

Обидно, что отца забрали, мы ведь бедные были. Соседи, у которых никого из семьи не забрали, смотрели на нас косо. Многие нас поносили, что мы враги народа. Мы боялись лишний раз на улицу выйти. Нас презирали. Я и замуж не могла там выйти. Кто посватается за дочь врага народа? Приехал в наш колхоз парень и взял меня в жены. Увез из села. У

меня выбора-то не было. Мне тогда было 19 лет. Построили мы с мужем избушку, на крышу тальнику набросали, считай, что без крыши жили. А мебель мужик мой сам сделал: стол и скамья. Двое ребятишек у нас было.

После ареста отца мы переехали в Подъяковский колхоз. Мать на работу идет, и ты с ней топаешь травку на поле рвать. Мать с нами, как курица с цыплятами. И работала она с утра до вечера, от темна до темна. И мы вместе с матерью. Во время работы пели песни, а почему так было, не знаю. Такие голосистые у нас были женщины. Взрослые поют, и мы, дети подтягиваем.

Наши женщины закаленные были, рожали в поле. Декретов ведь у нас не было. Родит, завернет ребеночка во что-нибудь и идет пешком домой несколько километров. Иногда лошадка по пути попадется, подвезет роженицу. У нас ни больницы не было, ни врачей. Лечились травкою и заговорами.

Был такой «Закон о колосках». Нельзя было колхозное зерно, корма брать. Судили за это, ссылали. Но люди все равно брали. Бывали случаи, что ловили людей, тогда давали года три ссылки, но мало кто из нее вернулся. В основном это были женщины. Им же детей своих кормить. А чем? Колхоз труд наш почти не оплачивал. На трудодни давал зерна столько, что его не хватало на пропитание одного человека, не то, что семьи.

Мы и подумать не могли о чем-нибудь вкусненьком. Какое там! Наестся бы. Уже в более благополучные времена мы с соседкой, бывало, сядем чай пить. На столе стоит капуста и сахар. Мы чай пьем и капусту едим, а сахар не трогаем, неудобно. Это роскошь необыкновенная. Так мы несколько кусочков сахара постоянно и ставили на стол. И не ели.

Нас лес спасал от голода. Колбу, крапиву, саранки, шишки кедровые, грибы собирали. Рыбку ловили. У нас вечно голод был. Травкой питались до войны и во время, да и потом впроголодь жили.

Когда свою корову держали, молоко, мясо, вроде, было. Но нас так налогами обложили... С овечки нужно было сдать 40 кг. мяса. Одна овечка столько не потянет. Заводить вторую, совсем в налогах погрязнешь. Поэтому мы с соседкой на двоих тайно держали три овечки. Это было в строжайшем секрете от всех. Мы друг дружке помогали. Дружно жили.

В школу я не ходила. Она далеко была. И одеть нечего. Нас таких много было. Ликбезов тоже у нас не было. Я до сих пор грамоты не знаю. Пенсию могу посчитать. Подпись поставить тоже смогу. Бумаг, анкет никогда не заполняла. На руки нам документов не давали, чтобы мы куда-нибудь не сбежали из деревни. Сначала документы были в колхозе, потом их передали в совхоз. В правлении все заполняли, а я только работала.

Выборы проходили весело. Шли как на праздник. В бюллетене стояла одна фамилия. Всем было ясно, за кого голосовать. Да и начальство нам, бывало, зачитает за кого нужно голосовать, мы проголосуем и веселимся.

Церкви в Подъяково не было. Раньше не разрешали молиться. Но люди были в основном верующие. У меня до сих пор образа в доме висят. Праздники религиозные праздновали. От родителей передалось. Гуляли всей деревней, ходили из дома в дом. Советские праздники праздновали тоже, но я их почему-то плохо помню, кроме, разве, Первого мая. Девятое мая в стране стали отмечать только после смерти Сталина.

После войны стало жить полегче. Появились паспорта, многие люди уехали из деревни. Радио купили, сами «электростанцию запрудили». Радио похожее на черную тарелочку было. Оно нам каждое утро говорило: «Доброе утро!». Лампочки электрические появились, мы до их появления керосинкой пользовались.

На базар ходили в Кемерово. Это больше 30 км. хода в одном направлении. Рано утром пойдешь, ведра с молоком на коромысло повесишь и идешь - где спуск, где подъем. На базаре день прстоишь. А поздно вечером придешь домой вымотанная.

Может, я что лишнего сказала, Вы уж меня извините. Не привыкла я к разговорам. Я все работала. А как я жила, меня никто никогда не спрашивал.

В наше время лучше было молчать, целее будешь.

ДОКУМЕНТ №57

Трофимова Екатерина Федотовна родилась в 1919 г. в д. Новопестери Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Корнева Ксения в 2000 г. (г. Белово)

Отец - Федот Петрович 1890 г. рождения и мать – Анна Ефимовна 1893 г. рождения имели четыре сына и три дочери. У меня у самой только трое: Людмила 1939 г., Александр 1943 г., и Галина 1945 г. рождения.

Коллективизация в нашей семье связывается с людским горем. Единственные детские воспоминания о ней – это голод и смерть. Я видела, что родители не знали, как нас прокормить, как выжить.

В нашей деревне были бедняки. К ним относились с презрением и сожалением за то, что они мало трудились на земле. Зажиточные крестьяне всегда давали возможность заработать этой голытьбе. Но зато когда началась коллективизация, бедняки радовались, что можно пожить.

Под председательством секретаря партячейки или присланных комиссаров в наших деревнях создавались комитеты бедноты. Раскулачивали подворно. Насильно отбирали нажитое: скот, землю, инвентарь, зерно. Забирали всё до последней рубашки. Высылали в необжитые места, разрешали брать только верхнюю одежду и провиант на одни-двое суток. Всё это складывали на подводу, которую выделяли на 10 семей. Лошадь была, как правило, самая старая кляча. Сведений о выселенных почти не поступало. Ходили только слухи о том, что их бросили на произвол судьбы.

В деревне стоял стон. Это было сплошное горе! А что ещё такая власть могла выдумать?! Вот только зачем всё это надо было делать? Не пойму до сих пор.

Ведь до коллективизации большинство деревень были крепкими. В них жили зажиточные хозяева, которые кормили и себя, и горожан. Да и на голытьбу продуктов хватало. После коллективизации в деревне царил нужда, голод и смерть. Иначе и быть не могло! Ведь всё стало ничьим, то есть общим. Скот на коллективных подворьях подыхал. А ведь когда завлекали в ихний колхоз, обещали счастливую жизнь. Где она?

Со стороны крестьян были самые жесткие формы протеста: уничтожали имущество (лучше сжечь, чем достанется боснякам), прятали его, резали скот, сжигали постройки, уничтожали зерно, уходили в лес, создавали отряды по борьбе с раскулачиванием, коллективно уходили на новые поселения. Тогда об этом в деревне много говорилось. Со своей стороны власти присылали карательные отряды, расстреливали кулаков и подкулачников, громили кулацкие банды, присылали новых председателей и комиссаров.

Председателями колхозов назначали, как правило, из самых бедных. Он со своим-то хозяйством не мог справиться, а ему доверяли целую деревню. Могли прислать из города, «25-тысясников». А что эти-то в земле понимали? У нас говорили, что руководителями ставили тех, кто никогда как следует не работал и не знал, как это делается. Они всё ждали светлого будущего, звали и нас туда. Но оно почему-то не приходило. Люди их люто ненавидели, так как те в колхоз загоняли силой. И силой заставляли в нем работать, как волов, неизвестно за что, неизвестно на кого.

До колхозов мы тоже не в одиночку жили. У нас была община. Мы регулярно собирались на сходы. Были и деревенские съезды. На них решались наши хозяйственные вопросы, обсуждались и вопросы сдачи государству наших излишков. До революции Россия была в состоянии прокормить себя. Она кормила и Европу. Куда это потом делось?

У нас в деревне до коллективизации было изобилие всего. Мясо мы ели и отварное, и жареное, и вяляное. В нормальном хозяйстве на зиму забивалось 8-10 туш скота. Рыба – любая. Блины – с икрой. Масло хранилось в бочках. К продуктам относились бережно. Каждое крепкое хозяйство кормило 10-20 человек бедноты (батраков).

Люди много работали и соответственно работе и ели. Одежды хватало всем. Работали с утра до вечера. Но умели и веселиться. Праздники праздновали только православные: Рождество Христово, Великий Пост, Масляница, Пасха, Покров День, Красная Борозда и др. В эти дни люди веселились, мужики много пили. Но они пили только по праздникам. Считалось великим грехом выпить во время страды. Далеко неправильное суждение Ленина о том, что «радость на селе в питии»¹¹⁹. Это после разгрома деревни стали пить. Но пили не с радости, как у нас было раньше, а с горя.

После коллективизации работа стала не в радость. Какая же может быть радость от работы, когда её заставляли делать насильно?! Всё стало ничьим, а, значит, и никому не нужным. Наступил голод, уныние и разруха. На трудодни можно было прожить только до зимы. А там наступал голод. Мне кажется, что за период с 1922 по 1939 гг. от страшного голода в деревне умерло людей больше, чем на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн. Нищета в колхозе была хуже татарского ига. Худшего – уже и быть не могло.

Из века в век люди жили по принципу: «Заработал – получи!». А здесь стало: «Заработал, а получать – нету!». Всё сдавалось государству до последнего зёрнышка. Говорили, что, мол, надо кормить города. А мы что, разве их раньше не кормили?

---

¹¹⁹ Видимо, имелось ввиду выражение древнерусского летописца «веселе на Руси есть пити»

Чтобы выжить люди, конечно, стали растаскивать колхозное добро. И воровством это среди простых тружеников не считалось. А ведь до колхозов мы в деревне не знали, что такое воровство. Дома на замки не закрывались. Все люди были набожными, сердобольными. Голодного всегда, бывало, накормят. Считалось большим грехом не дать подавание нищему. Скупых и жадных презирали. Никаких воров у нас сроду не было.

Да, это правда, что колхозники мечтали о роспуске колхозов. Но свою мечту они не высказывали. Были люди, которых власть забрала как врагов народа. Ими становились люди, которые что-то сказали лишнее, или «расхитители колхозного имущества». То есть те, кто принес с поля колоски или охапку сена. Зато в героях ходили те, кто на таких людей доносил. Я сама отсидела в лагерях 10 лет...

Мы спасались личным хозяйством. Но на него были сильные ограничения. До 1945 г., например, колхознику нельзя было держать лошадь. Почти всё, что получали в своем хозяйстве, сдавали государству безвозмездно в виде налогов. В деревне мы оставались потому, что выехать было нельзя. У нас не было паспортов. Государству, наверное, нужна была дешевая рабочая сила, не имеющая возможности свободного передвижения.

Лучше всех в колхозе жили активисты, то есть те люди, которые поддерживали колхозный строй.

Деревня была неграмотной. Хорошо, если на всю деревню один грамотей находился, который умел читать и писать. В 1939 г. у нас образовался кружок ликбеза (ликвидации безграмотности), открылась изба-читальня. Учителей тогда присылали только в самые крупные деревни. Колхозники отдавали детей в школы неохотно. В хозяйстве нужны были лишние руки.

Но к учителю, как и священнику, в деревне относились с большим уважением и почетом. К священнику шли советоваться, с его помощью заключали мировую при ссорах. Раньше у нас была церковь. Но её закрыли. На верующих начались гонения. Появилась новая религия – атеизм, то есть безверие, безбожие.

Это был один из самых страшных периодов в нашей истории! Люди потеряли не только веру, но они потеряли и себя.

Кого винить в гибели деревни? Лично я виню в этом существующий строй, существующую власть! Пока земля не будет в личной собственности, порядка не будет.

В годы реформ жизнь изменилась к худшему.

Сейчас нам живется так же плохо, как после коллективизации.

ДОКУМЕНТ №58

Ларюшкина Евдокия Фоминична родилась в 1919 г. в д. Какуй Топкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Свалова Анна в 1999 г. (г Кемерово)

Моего тятю звали Фома Мартемьянович Ларюшкин, маму – Степанида Емельяновна Поздеева. В семье было четыре дочери и два сына: Евдокия (1919 г. р.), Фетиота (1925 г. р.), Фаина (1928 г.р.), Асон (1932 г. р.), Екатерина (1936 г.р.), Кирилл (1938 г.р.). У меня с мужем лишь трое детей: два сына и дочь.

Коллективизацию вспоминаю как страшный сон. В нашей деревне она проходила в 1929-1930 гг. Родители очень переживали, что у них заберут всё хозяйство. Так оно и получилось. Помню, мой дедушка, Емельян Никонович, говорил родителям про активистов коллективизации: «Сукины сыны, забрали всё, поехали и запели: «Кто был ничем, тот станет всем.» Плюнуть бы им в морду». Очень ругался дед. Да и было отчего. Забрали всё: молотилку, сенокосилку, жнейку, дом. А дом у нас был большой, двухэтажный. В нем мы жили с бабушкой и бабушкой, дядьками и тетками.

У тяти было пять братьев. И у всех были жены и дети. Несколько семей жили одним хозяйством. Все работали, старались. Вот и хозяйство было справным. У нас в семье были коровы, значит, всегда своё молоко. Были свиньи, куры, овцы, а это – мясо. Из шерсти овец пряли и вязали теплую одежду, одеяла. Сеяли лён, коноплю. Делали конопляное масло. Из льна ткали холщевую одежду. Это для повседневной носки. А праздничная одежда была сутенетовая, то есть из покупной ткани. Кроме того, мы собирали в лесу много грибов и ягод. Заготавливали их на зиму в деревянных кадках, сушили. В погребах, где хранились заготовки, даже летом был лёд. Ну, а после коллективизации ничего этого уже не стало: ни молока, ни мяса мы уже не видели.

Бедняками были те, кто жил в мазанушках. Не было у них ни коров, ни кур. Они не пахали и не сеяли. Ходили в наёмниках: кому по хозяйству что-то помочь, кому построить или убрать с поля урожай. Взрослые говорили про бедняков, что те не любят работать, поэтому и живут бедно. Я сама помню одного бездельника в своей деревне, хотя и маленькая ещё была. Он всегда ходил с гармошкой. Его приглашали все, у кого был какой-нибудь праздник, гуляние. Хозяйства у него не было, да и, наверное, ему некогда было заниматься им. Потому что гармонь была в деревне у

него одного. И он каждый день, такое мое детское впечатление, ходил по гулянкам.

Деревня до коллективизации была очень большая. В ней было очень много больших домов, стояла торговая лавка. Товары в эту лавку завозили из самого Томска. Хотя я и была небольшая, но помню, что в деревне было много молодёжи, которая по выходным дням собиралась вместе. Плясали, пели песни, было весело. А после коллективизации уже не было никакого веселья. Сейчас от нашей деревни ничего не осталось. Там живут лишь одни старики.

Крестьяне, конечно, не хотели вступать в колхоз, боялись. Они не хотели отдавать в общее пользование добро, нажитое годами. Но их принуждали. Тем, кто отказывался, давали самую плохую землю. А то и вовсе, всё хозяйство разоряли, а самих высылали, забирали всё имущество, хозяйство, дом.

Рассказывали, что в соседней деревне Фёдоровке все до одного крестьяне согласились вступить в колхоз. Сказывали, что у них не было раскулачивания. Они, мол, жили и работали дружно, и хлеба у них было много. Не знаю, правда ли это?

Не помню, чтобы крестьяне нашей деревни протестовали против коллективизации. Но раскулачивание было. А это значит, что всё-таки они протестовали, не хотели идти в колхоз. Раскулаченных высылали в тайгу, где не было никакого жилья. Были слухи, что некоторые построили себе в тайге землянки, чтобы не замерзнуть зимой. Но много ли построил голыми руками. Ведь люди не знали, что их увезут на пустое место и поэтому они не брали с собой ни топоров, ни пил, ни гвоздей. А может, им их и не разрешали брать?¹²⁰ У нас говорили, что некоторые сосланные в тайгу пытались бежать к родственникам. Но их ловили.

Активистами колхозов становились бедняки. Взрослые тогда говорили, что у бедняков ничего нет, и жалеть им нечего. Председателей колхоза присылали из района. Бригадиры выбирались из мужиков. В колхозе все работали с утра до позднего вечера.

Пенсионеров не было. Все работали, пока были силы. Себя не жалели. Паспортов колхозникам не давали. Боялись, что мы сбежим в

---

¹²⁰ Действительно, раскулаченным в пределах района нельзя было брать с собой даже простейшие орудия труда выше предписываемой нормы: 1 плуг - на 3 хозяйства, 1 борона - на 4 хозяйства; 3 косы - на 1 хозяйство, 2 серпа - на 1 хозяйство, 1 молоток для правки кос - на 3 хозяйства, 1 железные вилы - на 1 хозяйство, 2 лопаты, 1 сани, 1 сбруя, 1 пила - на 10 хозяйств, 2 топора - на 1 хозяйство, 1 комплект кузнеца - на 2 хозяйства, 1 комплект столярного инструмента - на 20 хозяйств, 1 лом - на 5 хозяйств. Ружей не разрешали вообще (ГАКО. Ф. Р-22. Оп.2. Д.213. Л.50).

город. Хотя многие оставались в колхозе, потому что здесь у них был огород. А без огорода в городе боялись, что умрут с голоду. Да, наверное, оставались и по привычке. И всё-таки постепенно все мои родственники уехали из деревни. Никого там не осталось. Потому что там всегда было очень тяжело.

Постоянная физическая усталость, постоянное недоедание. Всё время был страх и за себя, и за близких. Никакой уверенности в завтрашнем дне не было. В городе жить было легче, там за работу деньги платили. Не то, что колхозникам в колхозах: весь год работали, считай, за бесплатно. Колхозники жили плохо. Хорошо жили лишь семьи председателя и бригадиров. Колхозники мечтали о роспуске колхозов. Хотели вернуть назад своё хозяйство. Особенно жалели бабы коров, а мужики – коней. Я это хорошо помню.

В 1937 г. моего отца забрали как врага народа. А сделали так: позвали всех мужиков на собрание и там забрали кого надо. С того собрания отец так и не вернулся. Это произошло 25 сентября. А 4 октября отца расстреляли в Ягуновке. Отец был работающим и непьющим мужиком. Другие, которых вместе с ним увели с того собрания и погнали этапом в Ягуновку, тоже были работающими. Самые трудяги и были. Не знаю, в чем они повинны! Но отца реабилитировали в 1968 г.

О политике люди старались не говорить. Но мама очень плохо говорила о Сталине. Винула его в смерти отца. Говорила, что вся эта советская власть стоит против людей.

Деревня до сих пор в нищете. Может, поэтому и нищая, что ждет помощи со стороны? А надо больше надеяться на себя. Никто тебе не поможет, если сам не будешь работать с утра до вечера.

За всю свою жизнь я один раз отдыхала в доме отдых, за границей не была. С мебелью, холодильником, телевизором и другой обстановкой всегда было плохо. Лишь после 1968 г. стали покупать всё необходимое нашей семье.

В годы реформ в первое время было лучше. А сейчас всё труднее и труднее жить на пенсию.

Но хочется надеяться, что будет лучше!

ДОКУМЕНТ №59

М. Александра Касперовна родилась в 1919 г. в д. Старо-Белово Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала в 2001 г. жена её внука Екатерина.

Я родилась в 1919, хотя в паспорте записано в 1921 г. Церковь, в которой хранились записи рождения, сгорела. А когда отец пошел записывать детей заново, то перепутал даты рождения детей. В семье было пятеро детишек. Я была золотой серединой.

Мне было 4 года, когда умерла мама, от шизофрении. Я хорошо помню последние дни жизни мамы. Когда её выписали из больницы, она вела себя очень уравновешенно. Начинала хозяйничать на кухне. По всему дому разносился запах маминого творения. Но когда всё было готово, она выходила с чугунком во двор и выливала обед свиньям.

После смерти матери, в дом пришла мачеха. Младшенькая сестра училась в школе. Старший брат был в армии. А самый старший брат был уже женат. Окончив 7 классов, я поступила в медицинское училище. В 1936 г. отца, как поляка, арестовали. Мои братья пытались освободить отца. Но в январе 1938 г. пришло сообщение, что отца расстреляли.

Когда отца арестовали, то мать (мы так называли мачеху) выгнали из квартиры. Её с младшей моей сестрой приютила женщина в сенках своего дома в Старо-Белово. Об этом мне рассказал соседка, когда я приехала, ничего не зная об отце. Навестив мать и сестру, я вернулась на учебу. Теперь мне помощи ждать было неоткуда. Моей маленькой стипендии едва хватало на хлеб и на комнату. Так и жила на воде и хлебе, а молоко да сахар - по очень крупным праздникам.

После ареста отца я боялась, что кто-то узнает, что я полячка.¹²¹ А если в училище узнают, что мой отец арестован, то со мной даже

---

¹²¹ 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «лимиты» подлежащих репрессиям. Они превосходили задания предыдущего года. Например, для Омской области новая квота расстрелов увеличилась в 3 раза, Дальневосточного края – в 4, Красноярского края – в 2 раза. Но в последующие месяцы и эти нормы были повышены. К социальным группам репрессированных («правых», «кулаков», «социально-чуждых») добавилась группа «националов», то есть стал использоваться исключительно национальный признак. Арестовывали всех с «подозрительными» фамилиями: Якобсон, Мартинсон, Костецкий, Вайшис, Кефалиди, Вагнер и т.д. Начальник Новосибирского УНКВД Горбач и его заместитель Мальцев «дали установку арестовывать все национальности, кроме русских» (См. В.А.Папков. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 гг. Новосибирск. 1997. С.221.)

здороваться не будут: дочь врага народа. Поэтому мой старший брат изменил фамилию, имя, отчество, уехал в деревню и женился на школьной учительнице с двумя детьми. Его одного из нашей семьи миновала судьба арестанта.

В 1940 г. был арестован самый старший брат. У него подрастал сын, жена была беременная вторым. Через 7 месяцев пришло сообщение, что брат умер от болезни. И даже не указывалось от какой. Его жена в сердце хранила надежду, что он жив, что его просто сослали куда-нибудь. Но он так и не вернулся.

После известия о смерти брата я поехала к матери. Но её там уже не было. Она уехала жить к своему сыну, а младшую мою сестру бросила. После ухода матери, сестрёнку выгнали на улицу, и она поехала к жене брата. А у той самой было двое малышей.

Я с отличием закончила медицинское училище и получила путёвку в санаторий на лечение. Путевку отдала сестре. Думала: «Она и так ничего хорошего не видела, а в санатории хоть поест». Я вошла в десятку счастливчиков, зачисленных в медицинский институт. Но тогда нужно было платить за обучение, и об учебе мне пришлось забыть.¹²² Познакомилась с М. Иваном Николаевичем. Через месяц подали заявление в загс, а ещё через месяц расписались. У меня ничего не было, кроме того, в чём я в 15 лет покинула родительский дом. У Ивана была только одежда и дощатая кровать.

По распределению я должна была ехать в Тюмень. Я сказала, что не могу ехать по распределению по семейным обстоятельствам. Мне велели явиться в суд. «Судья – женщина, а женщина женщину всегда поймёт», - думала я, идя в суд. Но когда пришла в суд, то оказалось, что судья болен, а её замещает мужчина. Я напугалась и не пошла. Через некоторое время мне пришла повестка в суд. Там рассматривали не только моё дело, но и дела воров, убийц. В феврале 1941 г. меня приговорили к 6-ти месяцам лишения свободы.¹²³

Под конвоем меня вывели из зала суда. И даже не позволили собрать вещи. А я была на 3-ем месяце беременности. Меня отправили на строительство дороги. Мы целыми днями работали по колено в воде. Мне предложили перевестись на швейную фабрику, когда узнали, что я на 5-ом месяце беременности. Но я отказалась от перевода, узнав, что меня туда будут водить по городу под конвоем.

---

¹²² Советские историки обычно умалчивали, что только в 1956 г. была отменена плата за обучение в старших классах (8-10), техникумах и вузах.

¹²³ О законодательной базе такой практики см. сноску к рассказу N Варвары Ивановны

Через две недели после освобождения у меня родилась дочь Надежда (твоя свекровь). Шла война, хлеб давали по талонам.¹²⁴ Это был не хлеб, а запечённая каша из тёртого картофеля, муки и отрубей. Когда шла с этим «хлебом» домой, отщипывала крошечки, ела их и плакала. В войну даже кору деревьев ели.

Когда Наде исполнился годик, я пошла на курсы на железной дороге. Про медицину пришлось забыть. Когда уходила на работу, обкладывала Наденьку подушками, так как Иван приходил через 30 минут после моего ухода. Иван, перед уходом, тоже обкладывал Надю подушками, а через 30 минут прибегала я. Если шла и слышала Надюшкин плач – всё в порядке. А когда заходила в подъезд, и была тишина, у меня дух захватывало. Я бежала по лестнице, но когда видела Наденьку, ползающую между подушками, моей радости предела не было.

Ты теперь знаешь, Катя, почему я не могу воспринимать ваши сегодняшние проблемы, как проблемы.

Я даже не могу никому из вас посочувствовать!

---

¹²⁴ Правильно – по карточкам.

ДОКУМЕНТ №60

Герсинева (Степанова) Мария Петровна родилась в 1919 г. в д. Владимировке Тисульского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записан в 2001 г. (г. Кемерово)

У меня есть братья: Павел, Василий, Алексей и сестры: Клавдия, Лукерия, Марья. Собственных детей у меня нет, живем вдвоем с дедом.

Что я вспоминаю при слове коллективизация, спрашиваешь? Да выгнали нас из дома, а через какое-то время отправили на Центральный рудник.¹²⁵ Всё-всё отобрали: и корову, и коней, и кур. Такую справную семью разорили! Родители ночей не спали – зарабатывали добро. Всё пошло прахом. Одна только кошка и осталась.

Я уже не такая маленькая была. Помню, как все наше добро соседям продавали, как нас выгоняли, как посуду ломали, как мы, дети, бегали по избе и плакали. Самовар весь помяли. Нам не осталось ничего. Это всё комсомольцы командовали. Объявили нас какими-то кулаками, хотя работников мы не держали. И мы сразу сделались врагами для соседей. А до этого хорошо с ними жили.

В нашем доме клуб сделали. А нас, как врагов, туда не пускали. Мы, маленькие, что понимали. Только плакали от обиды. А старшим нашим братьям и сестрам каково? Ведь это же наш дом. А нас в него не пускают. Потом сослали и нас. И мы уже не могли так хорошо жить, как раньше.

Наша родная деревня очень скоро стала некрасивой. Дома-то хорошие пораскурочили. Наш дом шибко большой был. В одной половине клуб был, а в другой – ясли. Потом в нем сделали школу. А потом совсем сломали.

Какие методы коллективизации, спрашиваешь? Собрание – хлоп! Кулак – иди! Повыступаешь - завтра сам кулак, или подкулачник. Все боялись. А которые в лаптях ходили, им еще и лучше от нашего разора. Чего они будут протестовать? У нас до колхозов всё свое было: пшено, пшеница, конопля, овес. Нам не надо было чужого. А кто лаптями суп хлебал, тот нас и заклал.¹²⁶

Потом люди другие стали. Даже воровали, когда надо было. Гнездо картошки в колхозе выкопaeшь – получи пять лет, пойдешь колоски собирать - дадут десять. А есть - то нечего. Что этот колосок? Ведь убрано же с полей! Все равно пропадет. Но не смей! Хоть пропадай.

---

¹²⁵ На Центральном руднике Тисульского района добывали золото.

¹²⁶ Так в фонограмме.

В колхозе хорошо жили только председатель, вся свита его. Сейчас уже не помню, как они назывались.

А куда поедешь! В какой город? Кто выдавал тебе документы? Какие там паспорта? Мы в Кемерово приехали в 1936 г. Пошла в совхоз работать. Есть нечего. Голодно. В совхозе давали есть. Бланду сварят из крупы. А потом нам не стали и её давать. Надо оформляться. А у нас паспортов - то нет на руках. Но не будешь оформленной, тебе и бланды не дадут. Как я оформилась, уже не помню. Я же ещё и в девки-то не вышла, сколько мне тогда годов-то было. Поедешь на поля работать, там турнепс, свекла, морковь, картошка. Тогда тебя только накормят.

Работали, как ишаки.

А сейчас, все хуже и хуже живем, хуже некуда уже. Развалили всё эти Горбачев и депутаты. А теперь по ихней дорожке все и идут. Мафия кругом.

И Путин туда же идет. Ничего он нам хорошего не сделал. Он что, какой -нибудь закон выпустил, чтобы на нашу сторону?

ДОКУМЕНТ №61

Кожевникова Татьяна Константиновна родилась в 1919 г. в д. Лужково нынешней Новосибирской области. Рассказ записала внучка Шмелева Наталья в 2002 г.

Семья у нас по тем временам была небольшая, всего десять человек. Под раскулачивание мы не попали, но видели, как оно происходило. Скот сгоняли в одно место. У нас забрали в колхоз четырех коров. Имущество оставили, так как посчитали, что семья не очень обеспеченная.

Скот, согнанный в одно место, стал мерзнуть идохнуть. Когда скотина начала гибнуть, ее разрешили забрать обратно, каждому - свою.¹²⁷

Раскулачивали тех, кто хорошо работал, и мог себя содержать. А занимались этим всякая пьянь и поганое воровье (плачет). И ссылали в Восюганские болота Томской области. В тех местах одно болото и никаких поселений. Много людей гибло от голода. Но люди начинали строить все заново: отводили из болота воду, рыли землянки.

Кстати землянки были и в деревне Лужково. В них пьянь и жила. Они выглядели так. Рылась яма глубиной метра полтора. Внутри яма устилалась пластами дерна. Пласты поверху замазывались глиной. Вместо крыши клались прутья, на них - дерн. Кровать в землянке тоже была из пластов дерна, также обмазана глиной, а сверху был матрац из тряпки, набитый соломой.

Потом пришли раскулачивать во второй раз. В отличие от первого раза, теперь раскулачивали не всех подряд. Мы сидели на завалинке. К нам подошел друг председателя и позвал отца в дом. Он заставил отца подписать бумагу, хотя отец не умел расписываться и тем более читать. Бумага была о том, что в колхоз забирают коров, баранов, короба саней и оставляют нам свиноматку, овец, кур и хлеб.

У нас в деревне жили три брата. Одного из них заставили идти раскулачивать людей. Деревня наша небольшая была, все свои - соседи, родственники. Он не мог пойти против них и застрелился.

Когда увозили раскулаченных, вся оставшаяся деревня плакала.

---

¹²⁷ В связи с голодом, наступившим из-за коллективизации, ЦК ВКП(б) принял постановление 26 марта 1932 г., в котором заявил, что «практика принудительного отбора у колхозников коров и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии. Задача состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица. [...] Организовать помощь и содействие колхозникам, не имеющим коровы и мелкого рогатого скота, в покупке и выращивании молодняка для личных потребностей». СНК СССР и ЦК ВКП(б) 14 августа 1933 г. приняли специальное постановление «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами». (См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т.2. С. 383, 433.).

ДОКУМЕНТ №62

Ушакова Татьяна Игнатьевна родилась в 1919 г. в деревне Курск - Смоленка Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Акулова Наталья в 2002 г. (п. Ясногорский)

Семья наша была большая – 5 сестер и 2 брата, мама и тятя. Я была среди средних. После меня было еще 2 сестры и брат.

Жили мы хорошо. Держали и коров, и свиней, и овец. Все у нас было. Было мне 17 лет, когда нас пришли раскулачивать. Раскулачивание происходило зазря. Об этом все сейчас говорят.¹²⁸ Сейчас даже какие-то не то медали, не то ордена стали нам давать. Нам, то есть детям раскулаченных. Да я-то не ездила, не добивалась. Валерка тот ездил (мой младший двоюродный брат). А мне не надо, я уже старая.

Раскулачивали в нашей деревне почти всех тех, кто хорошо жил. Кулаками считали тех, кто здорово работал. А отбирали наше имущество те, кто не работал, на голой койке спал. Это были свои, деревенские. Из города никто не приезжал. Приходили, переписывали, забирали весь скот и сгоняли в одно место. А потом и все дворовые постройки отобрали. Оставили одну избу голую. Забирали абсолютно все, злодеи негодные. Они же, эти активисты, не работали, ничего не имели. Да мы-то и сейчас живем. А они все давно передохли.

Как сейчас помню: наши родители всю неделю в поле работали. В субботу приедут, в бане помойтся, да опять в поле. А я с меньшими сидела. Пришли как-то к нам трое. А тятя как раз с поля приехал. А они его забирать. Я ему говорю, ты хоть сядь, пообедай. Он сказал, мол, потом приду и поем. Это ненадолго. Больше мы его не видели.

Мама тогда сильно плакала. Нас ведь много. И одеть и накормить надо.

К нам-то эти отнесли еще ничего. Не тронули нас. А многих ведь наших деревенских сослали да в тюрьмы посадили. Только один из них и вернулся. А остальные пропали. Как будто и не было их никогда.

---

¹²⁸ Об отрицательном значении коллективизации «все» не говорили. В 2002 г. вышел внушительный по размерам том «Летопись села Кузбасса» под научным руководством доктора исторических наук, профессора Шуранова Н.П. и председателя Кемеровского облсовета Дюдяева Г.Т. В нем сохранены сталинские оценки коллективизации и раскулачивания.

Кто, спрашиваешь, приходил? Да я особого внимания на них не обращала. Это низшие были.¹²⁹ Ну, пришли да и пришли. Ну и забирайте. Не с топором же на них бросаться. Не противились, боялись. Тогда все строго было.

Когда выселяли, оставляли одни лохмотья, что на теле. Подругу мою в Нарым сослали. Она мне всего два письма написала. Писала, что у них даже воды не было. Места необжитые. Сперва колодцы рыли, потом уж избы строили.

Пока нас не согнали в колхозы, мы неплохо жили. А потом у нас отобрали все. Голодали, хлеба было мало. В колхозе жили хорошо только начальники. А мы голодали. Оплата по трудодням, на которые все равно ничего не давали. Уже потом, когда хлеб стали печь, тогда стали по одной булке в день давать.

В 30 – е. годы тоже голодовка была. А чего ей не быть-то? Скот в колхозе сморили. В один год град весь урожай побил, в другой - засуха. Нам даже картошки не хватало.

У нас в колхозе не воровали, все строго было. Пьяниц тоже не было. Работы хватало, не до пьянки было. Это сейчас распутство пошло. А тогда могли выпить только по праздникам. А так - нет.

Был у нас в деревне и клуб, и школа. В клуб нас не пускали, говорили малы еще, а в школу меня тятя не пустил. Я ходила всего один год, т. е. только первый класс закончила. Я шибко в школу просилась, плакала много. Но тятя говорил, что мне учеба не нужна, нужна только тем, кому в армию идти, а тебе не идти. Сестры-то мои по 7 классов закончили (младшие), но это когда тятю забрали. А меня он не пустил.

Церкви в нашей деревне не было. Она была за 7 км. в Курской деревне. Мы туда ездили пасхи светить.

Говоришь, были ли «враги народа»? Да какие там враги! Собрали всех мужиков, посадили в тюрьму. Вот тебе и враги! А сказать тогда боялись, молчали.

Паспортов у нас не было. А кто же нам деревенским даст? Я получила паспорт в 55 лет, когда стали пенсию начислять.

В колхоз мы добровольно пошли. А чего не идти, все равно все забрали. Работали, правда, впустую. Хоть что-нибудь бы людям дали.

Из деревни не хотели уезжать, привыкли.

---

¹²⁹ Любопытное определение социального качества активистов колхозов. Словом «низшие» обычно аристократы называли «плебс». Для трудящегося человека этим «низшим» был бездельник.

В войну оба брата на фронт ушли. Один вернулся раненый, а другой пропал без вести. Воевать шли неохотно, кому умирать – то хочется. Но добровольцев было много. Оба брата моих добровольцы и муж. Его в 43 убили, и мама тогда же умерла. С войны почти никто не вернулся в нашу деревню. Несколько вернулось в деревню Курскую. Всего 8 человек.

Да жизнь и после войны не стала лучше. Мы всегда работали. В колхозе денег не платили. Да и вообще ничего не давали. Личной собственности не было, все колхозное. Ну, кто мог, тот держал скотину, а так ничего не было.

Бесплатное образование, медицина! Да не было такого. Нам никто ничего бесплатно никогда не давал.¹³⁰

Жизнь всегда трудная была - и тогда, и сейчас.

А про политику меня спроси, я и не знаю. Никогда этим не интересовалась. Я человек темный, неграмотный. И родители ничего не говорили, а зачем? Работали, да и ладно. Прожили день и хорошо.

А о завтрашнем дне завтра и будем думать.¹³¹

---

¹³⁰ Такое экономически зрелое суждение весьма неожиданно для почти неграмотной крестьянки.

¹³¹ В восточной философии есть постулат «завтрашнего дня нет, есть только день сегодняшний».

ДОКУМЕНТ №63

Свинцов Максим Петрович родился в 1920 г. в д. под Киевом. **Синцова Нина Александровна** родилась в 1923 г. в д. Ачичат Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Нартов Андрей в 1999 г. (д. Подъяково)

Максим Петрович - Жили мы под Киевом. У нас был хороший яблоневоый сад. Держали шесть лошадеенок и ещё кое-какую скотину. А как началась коллективизация, сад пришлось вырубить. На него очень большой налог положили. Скотину в колхоз угнали, а потом и самих, как скотину, в колхоз погнали.

Тех, кто не шёл, обложили налогом, который был в десятки раз больше обычного. Разве его выплатишь? В колхозе отец и помер: полон грядки с луком, прилег, голод его и уморил. Голод тогда был страшный. Тогда всех собак с улицы переели. И птицы уже в наших краях не летали. Ели тогда, помню, кору деревьев. Съели отцовы ремни и его чоботы: они из кожи были. А соседи наши всей семьей в доме угорели. Это они специально сделали, чтобы не голодать.

Работали в колхозе за палочки: один день отработаешь, одну палочку ставили. Потом за каждую палочку хлеб выдавали. Да разве это хлеб! Моя тетка рассказывала, что вся её семья работала очень хорошо. Их считали ударниками. И за целый год ударной работы они все получили целых три мешка зерна. И это считалось ещё хорошо. У других намного хуже было.

У колхозников был маленький участок для огорода. Вот с него и жили. Работали на нем поздно вечером или ночью. Днем надо было работать в колхозе. Была у тетки корова. Налог на неё такой большой был, что приходилось что-то продавать, чтобы купить молока и сдать его в качестве налога государству.

Мать моя после смерти отца с четырьмя детьми двинулась в Сибирь. Я уж точно не помню, то ли мы сбежали, то ли выпустили нас. Сюда приехали, нас в барак поселили. Кроме нас там было 40 чел. Но ничего! Здесь хоть что-то поесть можно было.

Мама на работу устроилась. Совсем лучше стало. Мы втроем в школу пошли, а старшего Игната в армию забрали. Потом и меня после техникума в армию забрали. Мама сильно плакала. Так же сильно, как по Игнату.

А я вот сейчас думаю, что лучше было попасть в армию, чем на Колыму. Многие из наших тогда на Колыме оказались. Оттуда уже не возвращались. Почитай рассказы бывшего зэка Шаламова. Он

рассказывает, как к концу летнего сезона в живых оставались бригадир да дневальный. А остальные - либо «под сопку ушли», то есть померли, либо искалечились. Страшно!¹³²

Ездили мы как-то с женой в мою родную деревню на Украину. Мало кто в живых после того голода остался. Люди рассказывали, что хлеб, отобранный у кулаков, сгорел в кучах. Ведь его новые хозяева высыпали прямо под дождь. Скотина мёрла. Ожеребится кобыла, а до жеребенка никому дела нет. Его тут же свиньи сжирали.

Тяжело жили! Не до учебы было. Лишь бы ноги не протянуть.

Брата моего Игната на войне убили. А после победы и жить, вроде, получше стало. Женился я, дом построил. Жена моя была из сосланных. Дочь кулака. Вот кому досталось! Не приведи, Господи! Нина, ты бы рассказала о своей семье.

Нина Александровна - Я родилась в 1923 г. в д. Ачичат Чебулинского района. В семье было 9 чел. Отец был священником. Мне было 6 лет, когда в 1929 г. пришли какие-то люди (говорили, что власть) и забрали отца. Нас всех выгнали в огород, а вещи из дома выкинули и на наших глазах многие из них тут же переломали. А которые целые остались, их страшно забирать было. Потом, в 1937 г., отца расстреляли как врага народа. Мы оказались в Кемерове.

Когда я подросла, то не могла устроиться на работу. Никто не хотел брать дочь врага народа. Но мне очень повезло: я поступила в сельскохозяйственный техникум. Директором там был из репрессированных... Тяжело мне вспоминать...

Не могу!! (плачет)

---

¹³² Речь идет о писателе Варламе Шаламове, который написал «Колымские рассказы» о жизни заключенных ГУЛАГа.

ДОКУМЕНТ №64

Бычкова Евдокия Яковлевна родилась в 1920 г. в д. Лебеди Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Садова Анна в 1999 г. (с. Березово)

У моего отца, Уфимцева Якова Матвеевича, было пятеро детей: Петр (1914 г.р.), Арсентий (1916 г. р.), Егор (1917 г. р.), я и младший Илюшенька (1922 г. р.). Отец был мастером на все руки: печи клал, плотничал, катал пимы. Богато не жили. Но и нужды никогда не знали.

Тогда народ работающий был. Так что в каждом доме харчи были. Потому и воровства никакого не было. Зачем воровать, например, картошку, если у тебя самого её девать некуда? А вот прошлым летом у меня сосед много-о-о картошки перетаскал по ночам. Пьяница!!

И раньше пьяницы были. Но мало. Но тогда даже пьяницы работали, не воровали. А сейчас они ничего не делают. Только воруют и пьют.

Держали мы тогда трех лошадей, трех коров, восемь-десять овец и много-много гусей. Егор угонял их весной на озеро, изредка ходил проведать, а уже по снегу пригонял домой. И ни разу ни один гусь не пропал! Вот какие времена тогда были! Но это до колхозов было.

Однажды, когда мне было 7-8 лет, я слышала, как отец советовался с мамой, сбывать или оставлять зерно. Цена на него тогда что-то маленькая стала. И решили родители придержать зерно. Жалко было отдавать задарма.

А через какое-то время к нам пришел чужой человек с ружьем и стал спрашивать – какой урожай собрали и куда дели? На следующий день незнакомые вооруженные люди ездили по дворам и забирали с каждого двора по 15-20 мешков пшеницы. И у нас забрали.¹³³ Не помню сколько. Помню только, что мама сильно плакала. Говорила, что сеять теперь нечего будет.

А весной следующего года опять ходили в нашей деревне по дворам и забирали зерно. Но приходили уже только к тем, кто с осени его спрятал.

---

¹³³ Видимо, речь идёт об осени-зиме 1927-1928 гг. Из-за низких закупочных государственных цен на зерно крестьяне не стали продавать его государству и придержали в закромах. В стране начались перебои с хлебопродуктами. Этот кризис можно было преодолеть экономическими мерами: поднять закупочные цены. И крестьяне сами бы привезли хлеб. Но руководство ВКП(б) встало на путь насильственного изъятия хлеба, фактически, вернулось к методам периода гражданской войны. Сигнал к политике изъятия «излишков» дал Сталин, посетивший в январе 1928 г. Сибирь. См. документы в конце рассказа.

Все знали, откуда про него чужие прознали. Свои же, лебединские, и выдали. Они получили за это четверть отобранного зерна.¹³⁴

В тех хозяйствах, где находили спрятанное зерно, забирали не только, как в прошлый раз, «излишек», а всё зерно. До зернышка. Не оставляли даже семенного. Мало того, забрали и плуги, и бороны, и скотину. Называли это раскулачиванием. А людей, спрятавших зерно, называли кулаками.

А я глядела во все свои глазенки и не понимала, почему дядя Назар, отец моей подружки Люськи, плохой человек. Жили они побогаче нас. У них и скотины, и земли было больше. Хотя у них работники батрачили, но никто из деревенских на дядю Назара не обижался. Наоборот, его уважали. Он по совести со всеми рассчитывался.

Когда их сослали, многие их жалели. С собой им разрешили взять только то, что можно унести в руках. А много ли унесешь? Не знаю, куда они подались. Но, видно, далеко. Никакой весточки, ни слуха о них уже не было. Как в воду канули.

А вскоре стали появляться колхозы. В них первыми записались партийцы. Наш председатель записался в колхоз раньше всех. Он грамотный был. Семь классов закончил. Такого образования ни у кого в деревне не было.

Бедняки, у кого по одной коровенке было, в колхоз шли охотно. Они же привыкли, что ничего у них нет. А те, кто побогаче, не торопился своё добро общим делать.

Мой отец говорил: «Как же это так может быть, чтобы моя корова стала и не моя, и не Васькина, а ничья, то есть, колхозная? Не нравится мне это!» Сначала он категорически отказался от колхоза. Но потом пошел к председателю и записался. Я только потом узнала, что ему пригрозили поступить как с дядей Назаром. Отец хоть и упрямым был мужиком, но, видно, пожалел нас.

Тяжело было в колхозе работать. Мы родителей и не видели: они всё на работе да на работе. Это сейчас не успеют уйти на работу, как, смотришь, назад идут, на обед. Да на праздники по четыре дня отдыхают. А тогда ни обедов, ни выходных, ни праздников не знали. Работали всю жизнь, как волы, за палочки. Если хороший урожай, то почти по килограмму пшеницы на трудовень давали. А если засуха – граммов по триста каких-нибудь отходов. И всё это только в конце года. А как целый год жить?

---

¹³⁴ Такая плата за предательство (25%) своего односельчанина практиковалась в годы продразверстки (1918-1920 гг.).

Вот и воровали в колхозе кто что мог. Отец, я помню, специально делал в карманах прорехи, чтобы зерно ссыпать в подклад. А мама нарочно надевала большие сапоги, чтобы в них что-то можно было принести. Знали люди, что это худо, что это воровство. Но знали также, что без этого никак не прожить.

Не очень помогало и личное хозяйство. На него сделали такие большие налоги, что сколько не держи, всё равно семье ничего не останется. Всё уйдет государству. Потому и не стремились много скотины держать. Ходишь за скотиной, ходишь, а ни молока, ни мяса, ни шерсти не видишь.

Много недовольных было. Придут на колхозное собрание – кричат, шумят, спорят. А перемен, всё одно, никаких не наступало. И уйти из колхоза никак нельзя. Ведь паспортов у колхозников не было. Я так думаю: потому им и не давали их, чтобы деревенские из колхоза не сбежали. Взять хотя бы моих родителей. Будь их воля, ни дня бы в колхозе не задержались.

Тяжело в колхозе жилось. Году, наверное, в 1933 указ вышел – кто украдет хоть самую малость колхозного добра, посадят на десять лет или вовсе расстреляют. Сколько безвинных людей извели!

Жил у нас в Лебедях тракторист Гриша Михеев. Как-то ночью к нему пришёл наш деревенский активист. А с ним ещё двое незнакомых. Сказали, что он враг народа, и забрали. Куда забрали, за что – ни словом не обмолвились. И с того дня о нем никто, ничего не знал. А парень он был – загляденье. И добрый (мухи не обидит), и не пьяница, и работающий. Чем такой человек народу навредить мог? Не знаю. Одно знаю – ничем! Оговорил его кто-то!

В «поежовщину» тоже много народу пропадало.¹³⁵ Заберут кого, и не слуху, и не духу о нем. Только один раз слух прошел, что видели нашего лебединского мужика на Лене. Золото, вроде, он там мыл на государство.

Была у нас в Лебедях церковь. Много верующих в неё ходило из соседних деревень. Молиться, креститься, венчаться, дом освятить – всё в церковь шли. Когда партийцев много стало, говорить начали, что, мол, верить надо в партию, а не в Христа. Если коммуниста в церкви увидят, то непременно исключат его из партии. А потом партийцы сказали, что церковь не нужна и сломать её надо.

---

¹³⁵ Годы массовых репрессий (1937-1938 гг.) в просторечье стали называть годами ежовщины по имени наркома НКВД Н.И.Ежова, которого позднее тоже репрессировали.

В деревне нашёлся доброволец, полез колокол снимать. А колокольня у нас высокая была. Залез он туда и сорвался. Не убился. Но язык у него отнялся. Всю жизнь глухонемым и был. Видно, Бог его наказал!

Германская война нас, конечно, стороной не обошла. Почти всех лебединских мужиков забрали. Никого не спрашивали, хочет он воевать или нет. А братья мои, все четверо, самовольно пошли на фронт. Да только Арсентий и вернулся. Илюшеньку в ту же осень убили, Петра - в 1943 г., ближе к весне, а Егора – уже на ихней земле. Где-то там его и похоронили. Мало кто возвратился. А кто и возвратился – либо хромой, либо без руки, либо глухой.

В войну голода не было - деревня всё же. Но питались, конечно, хуже, чем до войны. В один год, помню, картошка не уродилась. А морковки было много. Так мы её ели вместо картошки. Летом костянику в лесу собирали, малину, грибы. Саранки копали. Саранка - сладкая. Натолчем её в ступе и едим. Из картошки драники пекли. Суп с крапивой варили. После войны легче стало. Не сильно, но легче. Паспорта нам выдали. Тогда же и налоги на скотину поменьше стали.

В 1945 г. я замуж вышла за Павла Ивановича Бычкова. Он тоже фронтовик. В 1946 г. у нас родился Павел, а в 1948 г. – Дмитрий. И года Димочке не исполнилось, когда муж мой умер. Умер во сне. Врачи сказали, что сердце у него большое было. А он на него никогда не жаловался. Павел шофером стал, А Дмитрий - учителем.

А из Лебедей я уехала, как на пенсию пошла. Сыновья меня сюда перевезли в 1975 г. Тяжело одной-то. А здесь они меня часто навещают. Ни за границей, ни на курортах я ни разу не была. Не до того было. Одной двух сыновей вырастить – шуточное ли дело.

А живем мы в стране плохо потому, что работать никто не хочет, но денег много всем надо. Можно ли их осуждать? Мы вот и вовсе без денег работали. Хорошо ли это? Вот и привыкли люди, что хоть работай, хоть не работай - заплатят всем одинаково. Никто ни о чем не заботится. Один на другого надеется. А другой - на третьего. Ни у скотины, ни у машины нет хозяина. А кто о чужом печься станет?

Во время реформ ещё хуже стало. Всего много, но всё очень дорого. Порядка нигде нет. Кругом хозяйничают воры. Вот они – в чести!

Реформы нам не помогут. Людям надо меняться! Тогда и жизнь наладится.

Приложение (архивные и опубликованные документы):

Письмо

Ачинского окружного комитета ВКП(б) секретарю Тисульского райкома ВКП(б) тов. Семагину, предрайисполкома тов. Дюмину, уполномоченному округа тов. Курятникову о необходимости достижения перелома в темпах хлебозаготовках.

Совершенно секретно.

28 января 1928 г., г. Ачинск.

Передаем полученный по прямому проводу из Новосибирска запрос тов. Сталина: «Могу ли сообщить Москве, что Ваш округ не сдрефит и готов честно выполнить план хлебозаготовок 5.656.000 пудов? Дайте ответ. Сталин».

На этот запрос мы от имени ОК ВКП(б) и Окрисполкома дали следующий ответ тов. Сталину: «Будет выполнено. Все силы мобилизованы, подчинены этой цели. Заверяем нашей готовности иметь 100% плана. Подтянем весь низовой аппарат».

Давая настоящий ответ, мы целиком обязали Вас со всей серьезностью учесть ту громадную ответственность, которая ложится на все организации округа за полное выполнение плана хлебозаготовок.

Сейчас мы по округу не имеем достаточного перелома в усилении темпов хлебозаготовок, последняя пятидневка дала сокращение в заготовках на 3,178 процентов против прошлой пятидневки. Это характеризует слабую раскачку низовых звеньев нашей организации, медленность в проведении ими директив вышестоящих организаций.

Надо сейчас сосредоточить еще больше внимание хлебозаготовкам. Обеспечить быстрое проведение в жизнь всех намеченных мероприятий, обуславливающих выброску крестьянством хлеба на рынок. Обязательно добиться перелома в усилении темпа. Для чего нужна особая четкость в работе Вас самих как руководителей. Умело и своевременно проверять быстроту выполнения директив низовым советским кооперативным аппаратом и партийными организациями в деревне.

Основной механизм и его приводные рычаги в районе должны быть приведены в полный порядок и готовность к честному выполнению плана хлебозаготовок на все 100%.

Зам. Отв. Секретарь Ач. ОК ВКП(б) Чугунов.

Пред. Ач. ОКРисполкома Гордиенко.

ГАКО. Ф.П-40.Оп.3.Д.3.Л.132.

Копия. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

Протокол №3

заседания Чрезвычайной Тройки при Прокопьевском Райкоме ВКП(б)

Сов. Секретно.

3 февраля 1928 г.

Пркопьевский рудник.

Присутствуют: тт. Тарасов, Тронин, Митузин, прокурор округа т. Черпаков и Нарсудья 8-го уч. т. Вершинин и в качестве технического секретаря т. Смоленцев.

Повестка дня:

1. Рассмотрение материалов на злостных держателей хлебных излишков.[...]

1. Слушали: рассмотрение материалов на злостных держателей хлебных излишков (Тов. Черпаков)

а) Дер. Черкасовой. Назаров И.М. хозяйство кулацкое, имеет 2-х батраков, хлебных запасов имеет: пшеницы 540 пуд., овса 300 пуд., ржи 276 пуд. Всего 1116 пуд.

Постановили: У гр-на дер. Черкасовой Назарова конфисковать по суду пшеницы 400 пуд., овса 200 пуд., овса 200 пуд. и лишить свободы сроком на 3 месяца.

б) Дер. Зенковой. Зенков В.Ф., хозяйство кулацкое, хлебных запасов имеет: пшеницы 250 пуд., овса 150 пуд., муки: рженой 20 пуд., пшеничной 20 пуд., ржи 50 пуд. Всего 490 пуд. Семейство из 3-х чел. Посева 8 дес.

Постановили: У гр. дер. Зенково Зенкова В.Ф. конфисковать по суду : пшеницы 200 пуд., овса 100 пуд., ржи 50 пуд. и лишить свободы сроком на 6 месяцев.

в) Дер. Лучшевой. Сороковых Г.П., хозяйство кулацкое, хлебных запасов имеет: пшеницы 250 пуд., ржи 50 пуд., овса 80 пуд., пшеничной муки 40 пуд. Всего 420 пуд. Семейство из 8 чел., посева 9,5 дес.

Постановили: У гр-на дер. Лучшевой Сороковых Г.П. конфисковать по суду: пшеницы 200 пуд., ржи 50 пуд., овса 50 пуд. И лишить свободы сроком на 3 месяца [...]

Председатель Тарасов.

Технический секретарь Смоленцев.

ГАКО. Ф.П-26. Оп.1. Д.108. Л.1.

Подлинник. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

Сводка №5 ЭКУ ОГПУ

о хлебозаготовительной кампании 1927/28 года и настроение крестьянства.

11 января 1928 г.

Самарская губерния

[...] Середняк Османкин Бугурусламский [...] говорил [...] - крестьянский труд чрезвычайно дешев, а производственные товары рабочих очень дороги, власть за бесценок скупает весь хлеб и отправляет его за границу, а крестьянам за это ничего не дает. Если будет война я и остальные крестьяне будем обязательно воевать, но тогда восстановим власть чисто крестьянскую, чтобы крестьяне не жили так под угнетением рабочих [...] Крестьяне поступают правильно, что не везут на рынок хлеб. В этом виновата Советская власть, которая за 10 лет своего существования не смогла поставить промышленность на твердые рельсы. [...]

См. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах. 1927-1939. Т. 1 1999. С. 142, 143

ДОКУМЕНТ №65

Дед N родился в 1920 г. в д. Щегловка нынешнего Кемеровского района. Рассказ записала на видеокамеру Бобкова Анастасия в 2001 г.

Была у нас большая семья, семь детей: три мальчика и четыре девочки. В 1929 г. началась коллективизация. Народ стали сгонять в колхозы. Кто шел, кто не шел, упирался. Отец в колхоз не пошел. Но из нашего хозяйства почти все забрали налогами.¹³⁶

Мать умерла в 1932 г., а нас осталось семеро. Начал отец искать женщину. Да кто же пойдет на семерых? Был у отца дружок. Он тоже не пошел в колхоз, спрятался в лесу. Там отстроился. У него было девять дочерей. Старшую из них отец и сосватал. А ей было 23 года.

Если бы не дергали в колхозы, то можно было бы жить. Был у нас дом, огороженный оградой. И стайки были. Около речки баня стояла. Земли, правда, немного было. Но можно было корчевать в тайге, землю освобождать.

Из обстановки у нас был стол длинный и лавки кругом стола. Ели деревянными ложками. На стол ставили два чугуна, и все вместе из них ели. Пока жива была мать, жили хорошо. Был мед свой, хлеб, сало сколько хотели, мясо. Мать стряпала всегда. При мачехе стало похуже, но не голодали.

Тяжело стало, когда колхозы образовались. Скотину угнали сразу. Потом последнюю корову забрали, а всего их у нас было четыре. Был конь и овцы. По мелочи вся живность была. Потом, правда, одну корову вернули. Мы по тем временам богачи были, хотя делали все своими руками и жали и косили. Голода большого не испытывали, но ждали рожь когда поспеет. А потом сушили и варили ржаную кашу на молоке.

Закончил четыре класса. Нужно было идти в другое село – там семилетка. Отец не пускал меня. Сначала говорил, что сотки считать умеешь, знаешь, сколько вспахать надо, вот и хватит грамоты. Но все же с горем пополам я закончил 7 классов. А тогда у кого было 7 классов – это было много. У нас учитель был, так у него всего 7 классов и было. Строгий был учитель, но хороший.

В колхоз я не пошел, ловил кротов, зайцев, попадался колонок и горностаев, носил на базар продавать. Потом ушел в армию. Как меня еще в армию взяли? Удивляюсь. А ведь мог бы по тем временам попасть вместо

---

¹³⁶ Об отношении к единоличникам свидетельствует типичный документ того времени (см. в конце рассказа).

армии на Соловки. Я же не пошел в колхоз. Раньше из деревни нельзя было уйти, документов не было. Кто не шел в колхоз, того забирали, высылали. Документы не давали, чтобы не разбежались из деревень. Это была дармовая рабочая сила.

Работали от зари до зари, без выходных. Почти бесплатно. Давали план и сдавай его, как хочешь. Хоть умри, но план сделай. Сдавали колхозу и сено. Обязаны были. А когда его косить, если целый день на колхозной работе? Но на всех было наложено твердое задание: нужно было сдавать и зерно, и мясо, и шкуры. С овечки надо было сдать 42 кг мяса, а она была 16 кг, где взять недостающее? Шли на базар и докупали, чтобы налог выполнить.

Армия меня и спасла от колхоза. Я уже не вернулся в деревню. В 1940 г. пошел работать в органы НКВД. В милиции всю жизнь и проработал. Ушел оттуда на пенсию. На войне я не был. Служил в военной пожарной охране, там давали бронь от фронта. Я работал на секретном заводе. Там были и диверсии. Взрывали завод «Коммунар» где-то примерно в мае 1943 г.

Ты интересуешься моим мнением о кулаках? Вот мое мнение. Кулаки – это люди, которые умели работать, они умели посеять и пожать. Не ленились. А лодыри спали до обеда, но хотели жить хорошо. Тех, кто был побогаче, ссылали. Вывозили в лес и как хочешь, так и живи. Многие загнули, замерзли. Что с ними стало потом, мы не знаем, так как переписываться было запрещено. Это каралось, вплоть до расстрела. Единственный человек, которого я встретил после войны в Кемерово, был сыном сосланных Подониных. У них был большой двухэтажный дом в Подонино. Но я с ним не разговаривал: я был в форме.

Забирали не только кулаков, но и тех, кто сказал неосторожное слово. Донесут на него - и нет человека. Забирали также за колоски или солому, что с поля унес. Сразу статью давали. Могли и расстрелять.

Пенсий раньше не было. Стали давать уже много позже, после окончания войны, - 8-12 рублей. А в 80-х годах удвоили. Стала пенсия 20-24 рубля. Жили за счет своего хозяйства. Но коня нельзя было держать. Чтобы вспахать огород, нужно было отработать в колхозе. Тогда дадут коня вспахать огород. А огороды были до 50 соток. Коней нельзя было держать, так как надо было, чтобы колхозники зависимые были.¹³⁷

---

¹³⁷ Оригинальное объяснение причины отсутствия частной собственности на средства производства при социализме. По теории марксизма считалось, что её отсутствие – гарантия социального равенства в обществе при социализме. А народ рассудил по своему (но верно) – её отсутствие обеспечивало зависимость трудящегося от государства как реального владельца собственности.

Хотя я считаю, что при Советской власти жили лучше, чем сейчас. Я много раз бывал на курортах, имею правительственные награды и даже орден.

Приложение (архивные документы):

Выписка

из протокола заседания Титовского райкома ВКП(б) об «явном саботаже» в хлебосдаче среди единоличников по Вагановскому сельсовету.

8 сентября 1935 года.

Село Титово.

Слушали: О ходе хлебосдачи по единоличному сектору Вагановском сельсовете (док. тов. Воронков).

Постановили: Отмечая явный саботаж в хлебосдаче единоличников по Вагановскому сельсовету (на 5 сентября 1935 г. выполнено всего 4% годового плана).

Считать необходимым поручить тов. Божик (нач. РО НКВД) поехать в этот сельсовет и путем организации массовой работы среди единоличников, а также принятием соответствующих мер репрессий к заметным саботажникам – сломить саботаж в области хлебосдачи и обеспечить выполнение плана в установленный срок.

Секретарь Титовского РК ВКП(б) подпись Васильев
ГАКО. Ф. П-142. Оп. 1. Д.4. Л. 49.

Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ №66

Лютов Виктор Васильевич родился в 1920 г. в с. Яя нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Ивайкина А. в 2001 г. (п. Яя)

Наша семья состояла из шести человек. В 1930 г. мы были раскулачены и сосланы в Нарым. У нас отобрали все имущество. С собой взять ничего не разрешили. В чем были одеты, в том туда и отправили.

Все имущество - коровы, кони, техника - были переданы в колхоз. Баржа пришла, выгрузила всех на берег Нарыма, и как хотите, так и живите.¹³⁸ Кто не хотел ехать в Нарым, сопротивлялся, того расстреляли.

Мои родители по-разному относились к переменам в их жизни. Мать была против коллективизации, против советской власти. А отец согласился на неё, был за коммунистический режим.

Питание в Нарым не поставлялось. Мы питались только дарами природы: травой, колбой, рыбой. Хлеба в Нарыме мы не видели целых три года!!!. Выселили людей на берегу Нарыма. И им ничего другого не оставалось, как приспособливаться к существующим условиям.

Протеста со стороны крестьян не было. Кто пытался протестовать, того по 58 статье расстреливали. Власть и слова не разрешала сказать о происходящих событиях. Иначе смерть! Никто и не сопротивлялся.¹³⁹

В Нарыме мы жили, как на далеком острове. Никто не знал, что происходит в родной Яе, что делается в стране. Никаких даже слухов не доносилось до Нарыма. Никуда уезжать и никому приезжать в Нарым не разрешалось.

В 1936 г. от голода умер отец. Это было огромное потрясение для нашей семьи.

До коллективизации уровень жизни в деревне был средний. Люди в деревне жили частным образом жизни. Имели коров, лошадей, землю. И вдруг у них все отобрали. И стали организовывать колхозы.

---

¹³⁸ Об обыденности такой практики см. документ о Назинской трагедии к рассказу Варнаковой В.И.

¹³⁹ Сопротивление всё-таки было. В конце июля – начале августа 1931 г. было восстание спецпереселенцев. Оно проходило на территории Парбигской комендатуры в Западной Сибири. В нем приняло участие от 1,5 до 2 тыс. чел., выселенных из Кузбасса и Алтая. Причиной восстания был голод и массовые заболевания, которыми были охвачены поселки. Подразделениями ОГПУ, милиции и отрядами местного актива восстание было жестко подавлено. (См. Спецпереселенцы Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 297-298.)

В 1937 г. мать почему-то восстановили в правах¹⁴⁰, и семья уехала из Нарыма в Яю. Горько вспоминать о Нарыме, о людях, которые умерли там от голода.

Сейчас ничего не осталось от того Нарыма. Там стоит завод, который выпускает нефтяную продукцию: горючее, смазочные материалы. Кому нужны были наши лишения?

После коллективизации жизнь в деревне потекла по-другому. Крестьяне заселились в дома кулаков. Радовались! Долго ли? Жизнь в стране оказалась на самом низком уровне. Стали питаться очень плохо. Имущества у людей никакого не было. Нищета настала для всех, а не только для бедняков, как до колхозов. А это кому на пользу было?

В первые годы после коллективизации председателем колхоза стал брат моего отца - Лютов Иван Григорьевич. Очень активный и энергичный человек. Обычно же председателя привозили из города. Очень редко выбирали из своих. На собраниях колхозников иногда возникали несогласия, но в основном соглашались избрать председателя из города.

Крестьян, которые воровали колхозное имущество, было очень мало. О них как-то быстро узнавали и расстреливали. Из деревни далеко никуда не выезжали, редко на конях ездили в Анжеро-Судженск за продуктами (28 км от Яи).¹⁴¹

Крестьяне трудились очень много. Ограничений в трудовом дне (в количестве часов) не было. Трудились с утра до ночи. Особенно, пока не посеят или не уберут урожай. В колхозе работали и дети. Они пахали сохой, копали лопатой. В общем была ручная обработка земли. Когда поспевал урожай, его срезали серпами, молотили цепями. Первый трактор в Яйском колхозе появился в 1935 г. Для крестьян, рассказывали, это было событием, чудом. Мы в то время были в Нарыме.

Воровали в колхозах мало, редко. Это считалось грехом. Люди были набожные и поэтому не решались на воровство. Люди в Яе были честные. Замков тогда не было. Дома на них не закрывались. Просто приткнут

---

¹⁴⁰ В специальном постановлении ЦИК Союза ССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» предусматривалось восстановление в гражданских правах через 5 лет, если раскулаченные докажут, что они прекратили борьбу против колхозов и советской власти, «если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками». (См. Сборник законов Союза ССР. 1931. - №44. - Ст 298.)

¹⁴¹ Странную фразу о поездке крестьян в город за продуктами неискушенный читатель может принять за неточность изложения, если не знает, что колхозная деревня была разорена. На трудодни крестьяне почти ничего не получали, в деревенские магазины продукты не привозили. Деньги на покупку продуктов могли появляться в результате промысла колхозников (гнали деготь, плели корзины, делали табуретки, шили тапочки и проч.).

палочку, и посторонний человек никогда не зайдет в дом. Вся охрана дома была - собака. Были в деревне и пьяницы, но их было очень мало.

Крестьяне, колхозники не мечтали о роспуске колхозов. Они вообще не могли о чем-нибудь мечтать. Они боялись всего. Но больше всего боялись властей.

В годы Великой Отечественной войны в нашей деревне был голод. Но не самый страшный по сравнению с 30-ми годами или другими областями и районами. Был картофель, держали корову. Дети кормили стариков, немощных, больных. Больниц в Яе не было.

Для того, чтобы жители деревни не убегали в города, им не выдавали паспортов. Тем самым держали рабочую силу в колхозе. С 1956 г. начали выдавать паспорта. Люди боялись городов. Они привыкли к деревне, к труду. Но молодежь помаленьку стала уезжать в города учиться, а старики боялись оторваться от земли, хозяйства. Думали, что в городе голодно.

Грамотными в деревне многие хотели быть. Закончишь 10 классов и можешь преподавать в начальных классах. Но грамотных в Яе было очень мало. Образованных знали в лицо. Относились к ним хорошо, с уважением. Яйчане охотно шли в школу учиться, но некоторым просто нечего было одеть. Случалось даже так, что один ученик придет из школы, разденется, а в этой одежде другой ребенок идет в школу.

Клубов никаких в Яе не было. Изба-читальня была. Она была организована для того, чтобы днем обучали безграмотных, а вечером собиралась, веселилась молодежь. В деревне были разные мнения насчет избы-читальни. Некоторые считали, что там собираются бездельники. А другие наоборот интересовались, потакали своим детям. В избу-читальню привезут, например, газету даже месячной давности, мужики соберутся и читают от корки до корки. Газеты доставались случайно. После войны в деревне стали появляться клубы.

В комсомол в 20-30 годы вступало очень мало народу. Комсомольцев считали безбожниками. Им нельзя было в церковь ходить. Комсомольцев в деревне не уважали. Всего в деревне было 3-5 комсомольцев.

В Яе была церковь. Почти все жители туда ходили, чтобы получить совет, очиститься, детей покрестить. К священнику относились очень хорошо. Вообще, в деревне самыми интеллигентными людьми считались священники и учителя. В 1937 г., говорили, вышел закон о закрытии церквей. Яйскую церковь святого Онуфрия разграбили. Через несколько месяцев её вообще сожгли.

На выборы люди ходили дружно, с охотой. Выборы были праздником для людей, одевались празднично. По деревне на конях ездили.

Многие из семьи Лютовых разъехались. Но некоторые остались в Яе. Дети разъехались по всем городам России. Мои дети живут в Тюмени, Новосибирске, Москве. Дочь, Александра, живет в Яе.

Я ни разу не был за границей. Пять раз отдыхал на курортах: два раза в Нальчике, по одному разу в Прокопьевске, Кисловодске, Братске. В 1978 г. купил «Москвич». Хорошую мебель в квартиру - только в 1983 г. Живу со своей женой Мирой Васильевной.

ДОКУМЕНТ №67

Машковский Николай Федосеевич родился в 1921 г. в д. Балахоновке Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахонка)

Мои родители имели четыре дочери и два сына. В Сибирь они попали по Столыпинской реформе. Ехали по железной дороге бесплатно до станции Веденово. А здесь уже сами выбирали место для жительства. Им нарезали 50 десятин земли – устраивайтесь, живите.

В единоличном хозяйстве отца было две лошади и жеребенок. Коров было обычно четыре. Много свиней. Тогда полагалось иметь для каждой дочери по корове, а сыну - по коню. Такие семьи и такое хозяйство, как у моего отца, имели почти все. Отца в деревне уважали. Выбрали старостой. Это была тогда большая честь. Отец рассказывал, что к нам в деревню приезжали люди и побогаче, чем мы, и победнее. Но потом как-то все сравнялись. Жили, в общем, добротню. Но техника была не у всех. У моего дяди, например, она была: молотилка, конные грабли и еще что-то, не помню.

До колхозов здесь не было никакой кооперации. Работали в поле, держали скотину, платили налоги. Жили дружно. Если кому-то не хватало семян, тот шел к соседу на несколько дней работать в поденщину. За работу ему платили семенами. Это не считалось эксплуатацией. Воспринималось как норма. Получалось, что семена продавали не за деньги, а за работу. Это так же нормально, как теперь в магазине за товар деньги давать.

Когда началась коллективизация, людей в колхоз сгоняли. Запугивали мужиков. Если упрямисься, в колхоз не идешь, раскулачивали и ссылали. Многих у нас сослали. Сослали старичка Дубского Федора, он с дочерью жил. Выслали Делева... Ой, да много было сосланных, по именам всех не упомнишь. Конечно, людям не хотелось отдавать в колхоз своё имущество.

С нами по соседству жил мельник Токарев. Они с отцом частенько выпивали по рюмочке. Когда его «обобществляли», он две свои мельницы сжег. За это народный суд приговорил его к расстрелу.

Многие, почуяв опасность, заранее в город Щегловск подались. До него было всего километров сорок. Кто успел, продал имущество и уехал. А были и такие, что всё бросали и уезжали. Лишь бы не раскулачили и не сослали. Жизнь дороже богатства. Когда раскулачивали, все имущество

отбирали, а тем, кого ссылали, ничего нельзя было брать с собой в дорогу. Без еды, одежды, орудий труда их посылали на верную смерть.

Помню, приходит к нам в избу мой дядя, у которого хозяйство больше нашего было, и говорит отцу, что нужно в колхоз вступать, пока не загребли. Дядя вступил, потом отец мой, потом зять отца... Боялись люди, что могут раскулачить. Поэтому и получилось, что у нас сначала крепкие мужики вступили в колхоз, а уж потом голытьба.

У нас жил зажиточный крестьянин Юпатов. Его какое-то время не раскулачивали. Приходит как-то к нам его бабушка и говорит отцу, чтобы тот в колхоз не вступал. А отец как раз уже решил войти в него. Бабушка Юпатова пугала отца тем, что в колхозе, мол, всё будет общее: стол, кровать, жены... А я – пацан. Сажу на печи и всё слышу.

Через несколько дней к нам в дом пришли колхозные агитаторы: Касаткин – председатель и Селифонтов – учитель. Они стали расспрашивать меня, кто к нам в дом приходил и что говорил. А я, глупый, возьми и скажи про бабушку Юпатову и про её рассказы. Что я тогда понимал? На следующий день всё семейство Юпатовых и замели. Из ссылки никто из наших балахоновских не вернулся. Куда людей ссылали, не знаю. Но говорили, что на Соловки.

Имущество у раскулаченных крестьян отбирали, а потом устраивали торги на него. Задаром продавали. А покупателями соседи были... Скот сначала продавали, а потом в колхоз стали угонять. Дома ломали и увозили на известковый завод, а там их жгли в печах. Такие хорошие дома сожгли! Деревня поэтому пестрая стала: здесь дом стоит, здесь дыра от дома. Такая глупость была!

Когда в колхоз вступали, отдавали весь скот, потом разрешили корову оставлять в хозяйстве.

В Балахонке было два колхоза: «Искра» и «Старатель». В 1953 г. или 1954 г. колхозы объединили в один колхоз имени Микояна. А в 1957 колхоз стал совхозом.

При колхозе жили хорошо. Работали, со временем не считались. Ребятишки с 7 – 8 лет в колхозе работали. Если ребенок не работал в колхозе, отца вызывали на правление и на вид ему ставили за таких детей.

На все были нормы. Боролись за трудодни. За работу получали хлебом, а не деньгами. У нас в Балахонке сильного голода не было. Мясо у нас было: Сибирь всё-таки. На колхозном поле была общая кухня. Женщины варили суп. Потом за эту похлебку из трудодней высчитывали.

У нас немногие получили образование. Я семь классов закончил в Щегловском совхозе, что в четырех километрах от нас. Потом поступил в Щегловский городской коксохимический техникум (он и сейчас

существует). После первого курса нас повели на коксохимический завод. Как эту грязь и вонь я на заводе увидел, так и убежал из училища. Поступил в педагогическое училище. В 1940 году я уже учителем работал. Деньги получал от районо, а не от колхоза. Всю жизнь и проработал в нашей деревне учителем.

Поскольку колхозники денег не получали, то и выкручивались, как могли: скот держали, имели огороды. Налоги приходилось платить огромные. В год надо было отдать 300 л. молока с одной коровы. А с овцы нужно было полторы шкуры сдать: учитывалось, что овца ягненокча приносила. Со свиноматки налог был тоже нешуточный. Во время войны людям говорили, что все добро идет на нужды армии. Понимали и помогали государству.

И что интересно! Когда был колхоз, люди песни пели. А в совхозе - уже нет. Разучились. Не полюбился людям совхоз. Они говорят, что при колхозе лучше было. Хотя ведь работали в совхозе меньше, чем в колхозе.

В колхозе жили без воровства. Да и хулиганства не было. Хотя, что тут скрывать! Всякое было. Например, у нас Токарев Лука любил подраться, победакурить, но не воровать. Воровать стыдно перед людьми было. Друг у друга не воровали, а колхозное - могли. Ведь на трудодни колхозникам мало хлеба давали. Вот и тащили тайком. Чтобы прекратить расхищение, правительство издало закон, который люди прозвали «Законом о колосках». Если кого поймают с краденым, судили и отправляли в заключение. У нас в Балахоновке и милиционер по фамилии Поручиков был...

На сушилке одна женщина работала сторожем. У неё было двое маленьких детей, а мужа не было. Она натащила в кармане сколько-то зерна для детей. За это ей дали два года. А детей колхоз на попечение взял. Она, кажется, так и не вернулась. Помню, дети уже большенькие стали, подростки, а всё считались на попечении. Колхоз занимался попечением не только этих детей. К нам по разнарядке присылали из города сирот, ставили их к кому-то на квартиру. Колхоз и колхозники обязаны были их принять.

Колхозников постоянно посылали «кубатуру гнать», то есть на лесоповал. И до колхозов мужики ездили лес заготовливать. Но тогда они за работу получали деньги. И это был их зимний заработок. А при колхозах работали в лесу бесплатно. Каждому колхозу давался план «по кубатуре», и колхозники должны были его выполнять. Кроме того, наш колхоз был обязан строить дорогу на Барзас.

Получается, что колхоз должен был урожай давать, лес заготавливать, дороги строить, детей сиротских воспитывать. И все бесплатно.

Председатели колхозов у нас сначала были выборные из своих (Касаткин, Носков). А потом их стали нам присылать (Бочкарев, Петухов). Правление колхоза назначало бригадиров из своих деревенских. Само же правление состояло из семи - девяти человек.

Коммунистов люди сначала ненавидели, потом боялись, потом уважали. Сталина все любили. Хотя во время войны говорили, что он виноват в том, что немец до Москвы дошел. Обсуждали, как он командующего нашими западными войсками Павлова расстрелял.

Вообще-то тогда лишнего - не скажи! Неудобные разговоры власть в миг пресекала. У нас был мельник Гусаров. Я как-то зашёл на мельницу погреться и услышал от него про отступление нашей армии. Я кому-то об этом, сдуру, брякнул. Потом ко мне пришли двое и спрашивают: «Говорил Гусаров про отступление армии?» Я ответил, как было: «Говорил». Его тут же и замели.

В Балахоновке церкви не было. Старые люди были верующими. Люди Бога любили и верили ему. Знали, что он все видит, за все может наказать или благодарить. И не воровали поэтому. У верующих совесть была. Верующий тебя словом плохим не назовет, матом не заругается. А нас, молодых, власть безбожниками сделала. Власть нам запрещала кому-то верить. Верить мы должны были только ей.

В колхозе денег не было, а самогон люди варили. Хоть и притесняли это дело. Нельзя было заниматься самогонованием. Приезжали уполномоченные, проверяли. Шурудили здорово. Мужики тогда тоже пили. И много пили. Вечером «насадится», а утром на работу в колхоз идет. В праздники гуляли всей деревней, как в старину. Из дома в дом толпой ходили. Самогона выпивали море... Гуляли так, что кто где упадет, там и уснул.

Я проработал более 30 лет в школе. Вел 1,5 – 2 ставки. Работа учителем тяжелая. А вот богатства не нажил. На курорты не ездил. В Доме отдыха один раз отдыхал. Из наших балахоновских кроме меня еще двое отдыхали в Доме отдыха. Больше – никто. У нас не практиковались поездки куда-то, не то что на море, но даже недалеко. Крестьянину всегда нужно хозяйство вести. Денег вечно нет. А про колхозные времена я уж и не говорю. Там только работа. Об отдыхе даже и не думали. Работали без выходных, отпусков, декретов для рожениц.

Посмотришь, считаешь, как люди на Западе живут. И обидно делается за нашего человека. Ведь наш мужик лучше работает, чем

западный. Видимо, им государство помогает, а нам нет. Нас раньше за людей не считали, а теперь пытаются что-то через реформы сделать. А не получается. Может быть, реформы нужно было в другую сторону делать. Только в какую? Что-то нужно было менять. Это - безусловно. А что?

Отучили людей работать. Ведь как получается: работаешь, работаешь, а толк какой? Отцы наши добро наживали, а у них все отобрали, да еще сослали... Может, поэтому и ходят сейчас 20-летние лбы и не работают. Раньше их бы судили за это. Такие раньше тунеядцами считались. Закон был: не работаешь 3 месяца, иди на суд.

У меня пятеро детей, все со специальным образованием. Внуков не сосчитать.

Я думаю, в годы реформ не надо было партию менять. Люди к силе привыкли. Без нее они как бараны без пастуха. Я сам в партии с 1952 г.

Сейчас свободы много, поэтому и беспорядок.

ДОКУМЕНТ №68

Шипицин Илья Николаевич родился в 1921 г. в д. Барановке, Щегловского района нынешней Кемеровской области. **Шипицина Анна Степановна** родилась в 1921 г. в Белоруссии. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково)

Анна Степановна - Мои родители приехали в Сибирь из Белоруссии в 1933 г. Там был голод. Здесь наше хозяйство было бедное: корова, свиньи. Ели картошку, похлебку из травы. Родители пастухами были.

Илья Николаевич - А я родился здесь неподалеку, в Барановке. У нас было обычное хозяйство: 2 коня, корова, овцы. Тогда говорили: «Овечка вокруг человека». Потому что с овцы и шерсть, и мясо, и шкура. Она одевала и кормила человека. Нас в семье было восемь ребятшек. Мать за нами ходила, а отец нас кормил. Мы, считалось, жили бедно: с братьями дрались за шапку, чтобы на улицу пойти зимой. Когда жили в единоличниках, мясо, молоко у нас всегда на столе было. Не то, что потом...

Отец пошел в колхоз, потому что его заставили. А заставили так. Ему дали твердое задание. Если не выполнишь это задание, то тебя раскулачат и посадят. По тому заданию нам надо было сдать два мешка зерна. Отец сдал. Через некоторое время - новое задание. Опять сдал. Но тут - опять новое задание. В общем, твердое задание единоличнику давали раз за разом, пока человек не сдавался и не вступал в колхоз. Так и доводили мужиков. А куда деваться крестьянам? Вот и вступали в колхоз.

Вступая в колхоз, нужно было отдать свой скот в фонд колхоза. Для крестьянина самое страшное - это расстаться с конем. Об этом даже было страшно подумать. Конь - не только кормилец. Он был членом семьи. Умная тварь.

Да и со всем остальным нажитым добром страшно было расставаться. В то время признаком богатства было косилка, молотилка, конные грабли. Во время НЭПа крестьянину давали льготные кредиты. Тогда крестьянин и смог различной техникой обзавестись. И вот теперь советская власть взяла да и всё отобрала.

Я во время коллективизации жил в Барановке, это 20 км. от Подъяково. Там крестьяне были побогаче здешних. Дома строили хорошие, круглые. Если дом был обшит тесом, то хозяина дома признавали кулаком. А то, что в доме не было ничего, кроме стола с лавками, это никого не интересовало. Кулак ты! И всё тут!

Анна Степановна - У нас говорили: «Работал много, спал на кулаке, поэтому кулак» (смеется).

Илья Николаевич - В Барановке жил Голев Матвей. Работающий мужик. Выделялся из общей массы. Справно жил. Многие крестьяне бедными были, а работать не хотели. Тогда так было, кто работает, тот живет справно, а лентяи не работали и бедствовали.

Взялись власти Матвея раскулачивать. Мы из окна своего дома видели, как подъехали к его дому люди. Приехали, давай распоряжаться его имуществом. Всё у него отобрали. А Матвей сидел, опустив руки, смотрел на это безобразие и поделать ничего не мог. Матвея с семьей из дома выселили в избушку в его же дворе. В собственный дом он войти уже не мог. Каким-то образом он от раскулачивания сохранил полупальто из фабричного сукна. По тем временам это считалось большим богатством. Через некоторое время он его одел, думал, страсти по нему уже улеглись. Пошёл в этом пальто в гости. Когда вечером возвращался, его встретил избач. (Избач человек большого ранга считался, хотя заведовал всего избой-читальней). Избач с него пальто содрал и отправил старого Матвея сибирской зимой раздетым.

А Матвей ничего не мог поделать, хоть мужик крепкий был. С начальством лучше не связываться. У Матвея же еще семья была, за нее было боязно. Какое-то время спустя его сослали. Он где-то отбывал, вернулся. Сколотил новую избушку, начал обзаводиться хозяйством. Его опять раскулачили. Дом передали беднякам. Тогда Матвей подался на Барзас. Там он и умер. Вот видите, трудолюбивый человек, он сможет жизнь себе обеспечить. Он не ждет помощи, а все сам, своим горбом.

Коллективизация и раскулачивание - это был самый настоящий грабеж крестьян. Сколько мужиков загубили! Зря загубили!

Власть раньше боялись! Даже не говорили «люблю» или «не люблю» власть. Попробуй, скажи, моментально заберут. Я думаю, что среди крестьян были доносчики, шпионы, которые докладывали властям, о чем люди меж собою говорят. Ночью приходили, забирали. Много у нас забрали народу из деревни. Тех, кого увозили и их семьи, люди врагами не считали. Во-первых, в таком положении почти каждый оказался, почти у всех были репрессированные родственники. Во-вторых, сосед соседу не враг. В деревне наши предки вместе жили. У нас все друг другу или брат, или сват, или свояк. Жили мы дружно. А сейчас в деревне того единства уже нет. Да и откуда оно будет? Я учителем всю жизнь в Подъяково проработал. Был директором школы. Доносили и на меня. Хорошо, что нашлись люди, предупредили. А то бы тоже ни за что пропал!

Все уничтожили. Корень крестьянской жизни и уничтожили! Откуда теперь взять силы, чтобы страна выправилась?!

ДОКУМЕНТ №69

№ Мария Ивановна родилась в 1921 г. в г. Щегловске (нынешний г. Кемерово). Рассказ записала Розенберг Ирина в 1996 г. (г. Кемерово)

Родилась я в 1921 (голодном) г. в г. Кемерово (бывший Щегловск) в семье сапожника кустаря-одиночки. Мама не работала. В семье было семь человек (родители и детей пятеро). Я - самая старшая. До 1930 г. у нас была своя корова, куры и очень большая усадьба. Все было свое. Отец в свободное от работы время ходил на охоту, рыбачил, чтобы прокормиться. Не было лакомств, но в определенное время за общим столом все были накормлены, всегда горячим и свежим. К Пасхе нам отец шил ботиночки, мама - платьёшки. И так до следующей Пасхи. Чистота в доме стояла образцовая. Всё это благодаря моей маме-труженице. Вспомнишь слова Н.А. Некрасова: " ... хлеб выпечен, вкусен квасок, здоровы и сыты ребята, на праздник есть лишний кусок".

В 1930 г. отец бросил свое ремесло, так как его заставили платить большие налоги, и ушел на производство. Работал на разных тяжелых работах. Нужда наступила ужасная. Думать о каких-то игрушках и развлечениях мы и понятия не имели. Все развлечения - это сказки бабушки, которая приходила к нам ночевать. Мы, дети, до школы не имели ни зимней одежды, ни обуви. Бывало, зимой отец носил нас в баню в полах овчинной шубы

В доме была большая комната, около 25 кв.м кухня и чуть поменьше ещё одна кухня с русской печью. А обстановка - это по большому обеденному столу в комнате и кухне, маленький столик, две большие и одна детская кровати, сундук, два венских стула и табуретки, настенный шкафчик, сделанный отцом для посуды. Что касается гардероба моих родителей, так он был убог: у отца не было ни пиджака, ни какой-нибудь куртки, но всегда была сатиновая рубашка-косоворотка, подпоясанная широким ремнем. А маминых нарядах даже не помню, так как она всегда была в фартуке. Помню, что в праздник надевала праздничное (еще из гардероба девушки). Когда мне было 13-14 лет, я стала сама шить на всех.

Первого сентября 1929 я пошла в первый класс школы, которая была построена в революцию и в которой училась моя мама. К школе мне сшили пальто, купили валенки. Ни каких форм не было, было лишь обычное домашнее платье. А сумка была сшита из сурового полотна. Никаких "обедов" нам никогда в школу родители не давали. Отправляли накормленными. Но иногда из школьной кухни приносили картофельный суп и маленький кусочек хлеба бесплатно. Это было в 1931-33 годы. В

1936 г. в городе сразу было построено несколько школ, в том числе и ближняя школа №1, вместо нашей. Огромная красавица, а наша деревянная старушка была закрыта и отдана под квартиры учителям.

15 декабря 1937 г. арестовали отца по линии НКВД. Я в это время училась в 9-ом классе. Отец, конечно, не вернулся. А через 20 лет его реабилитировали посмертно. В связи с арестом отца встал вопрос о продолжении моей учебы. А учиться хотелось очень. Отец хотел, чтобы я училась. Всегда говорил, чтобы стать человеком, а не чуркой с глазами, надо учиться. Что же стало после ареста? Бросить учебу и идти работать? Пошла я на "Азот", а там и разговаривать не стали со мной: дочь врага народа. Тогда мои тетя и дядя сказали, что поддержат семью, а я должна учиться. Я окончила 9-ый класс!

Да, были люди и в те страшные годы, не побоялись помочь бедной девушке, оставшейся в таком критическом положении. Я благодарна им по сей день. Это директор школы Цалобанов Василий Александрович и классный руководитель Шумихин Василий Алексеевич. Они помогли мне окончить 10 классов, предложив мне работу в школьной библиотеке после уроков. Я согласилась с радостью. Стали платить по 75 рублей в месяц. Ура! Я безмерно рада! Окончила 10 класс в 1939 г. Учиться дальше не было возможности. А выбор?! Опять помог директор, договорился с ГорОНО и меня приняли учительницей в начальную школу.

Свою трудовую жизнь я начала в августе 1939 г. со ставкой 240 руб. Прошло почти 60 лет, но хорошо помню, что 1 кг серого хлеба стоил 90 коп., белого - 1 руб. 50 коп., буфетные пирожки в школе стоили по 7 коп. В 1940 г. с отпускных купила демисезонное пальто за 210 руб. А вот "ветераны" подсказывают, что полулитровая бутылка водки стоила 6 руб. 5 коп.

Народ тогда одевался очень скромно. Какие-то единицы выделялись одеждой, обувью. Серость. Я лично только в возрасте 22 года ощутила на своих плечах холодок шелковой блузки. Даже самые дешевые ткани купить было очень трудно. Вот пример: летом 1940 г. мы три недели стояли в очереди за ситцем в магазине "Текстиль". Когда подошла очередь, то брать уже нечего было. Но ситец на сарафанчик купила по 4 руб. 70 коп. за метр.

30 ноября 1939 г. началась финская кампания - все полетело в пропасть. А через полтора года - Великая Отечественная. Как жили, как работали? Не дай Бог переживания, недоедание, страх, горечь утрат! Об этом ни рассказать, ни описать. По-моему, каждый здравомыслящий человек был одержим, старался выжить, помочь фронту. А как? Только работой до измождения, только терпением. Оплата труда была низкой, ее

хватало только на отоваривание карточек. Надо быть справедливым - наценок не было, на рынке все стоило очень дорого. Тут уже срабатывал инстинкт самозащиты, самосохранения, но не так, как теперь ударились в разбой, грабежи, насилие. Люди работали. И как! Подростки 14 лет стояли у станков, работали в колхозах без выходных, без отпусков. Это работа государственная, но этого недостаточно, чтобы выжить, люди даже никогда не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом стали выращивать на полях картошку, фасоль, пшено. Держались.

О себе лично скажу: в 1943 г. я, как учительница, имела ставку в месяц 330 рублей, как бухгалтер школьный - 150 рублей и как секретарь - 100 рублей. На этот заработок можно было купить 2 ведра картошки. Кроме этого я во все годы карточной системы получала на коллектив продовольственные карточки (общественный уполномоченный). Не зря говорят: "Кто везет, на того и валят". Отказаться от этого было при нашем деспоте-директоре невозможно. Грозил отдать под суд, называя это саботажем, дезертирством.

За самовольный уход с работы судили как дезертиров трудового фронта, приговаривая к заключению от 4-5 до 8 лет. Теперь только диву даешься, как только мы перенесли все это. Это молодость, желание помочь фронту, дожидаться победы.

Наконец, дождались Победы! Не сразу все стало легко и свободно, но появились и личные человеческие желания. Появилась и личная жизнь. Замужество не удалось. Дочь пришлось растить без отца. Но у меня был ангел-хранитель, который и в эти дни помог мне во всем. Она, моя родная мама, прожила 94 года. Мое дело было работать, дом меня не отягощал.

Жить на одну ставку было невозможно. Да я и не помню, когда работала на одну ставку. Хотелось ведь что-то приобрести. Только в 35 лет купила плательный шкаф, радиолу. Телевизор появился в доме в 1964 г., холодильник - в 1967 г., книжный шкаф и сервант - в 40 лет.

Ни курортами, ни домами отдыха учителей не баловали. Это удавалось более вёртким и умелым. Летом надо было работать на огороде, подрабатывать на курсах. А вот с Москвой-матушкой я встретилась только в 1962 году, в 41 год. Ни сада, ни дачи мы не имели, а был приличный участок у нашего ветхого жилища. В 30 лет моя тарифная ставка была 690 руб., да минус 45 руб. подоходного налога и подписка на облигации.

Дочь моя окончила школу в 1964 г.. К этому времени у нас в доме нормализовалось мало-мальски. А кресла и дивана не имела до 70 лет. В 50 лет вышла из строя. Школу расформировали, и я решила пойти на пенсию по выслуге: 5 лет по 1 рублю на день! Хорошо! Имею второй телевизор, пользуюсь холодильником с 1967 г. При выходе на пенсию никаких друзей

не собирала, все получилось не как у людей. Я - сирота, школа закрыта, всех разогнали, кого куда. Мне, в мои 75 лет, некуда примкнуться. А ведь школа моя для меня была вторым домом родным.

За последние 5 лет жизнь моя круто изменилась: 1. Я - инвалид 2 группы, перенесла 2 инфаркта миокарда, к ним пристегнулась еще масса болячек; 2. Какие-то несчастные накопления на черный день по-хамски обесценены; 3. Пенсия уменьшилась в 3-4 раза. А цена на все! А квартплата и услуги!

Замечательно! Живи - не тужи! Умрешь - не убыток!

ДОКУМЕНТ №70

Киш (Петренко) Зоя Максимовна родилась в 1921 г. в д. Новопокровке Ижморского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Фролов Андрей в 1999 г. (п. Итат)

Семья у нас была большая: родители, три брата и четыре сестры. Отец был лесничим. Мне было 5 лет, когда мы переехали на кордон в тайгу. Мы, можно сказать, были кулаками. Хотя значение этого слова я узнала намного позже. Мы имели большую пасеку, пять коров, четыре лошади, много овец, свиней, кур, гусей. В общем, у нас было всё как у людей. Всё как положено. Мы жили, ни от кого не зависели. Всё наживали своим горбом. Сами зарабатывали свой хлеб. Никто никогда не побирался.

Что такое коллективизация, мы на себе не узнали. (Ух, и слова какие-то нерусские выдумали, язык сломаешь!) Жили в тайге. Кто в такую глушь поедет? Нас не тревожили. Но люди говорили, что это был полный грабеж.

Творилась чертовщина какая-то! Ведь раскулачивали как раз тех, кто всю жизнь на земле работал, добро свое трудом копил, кровавые мозоли с измательства зарабатывал. Говорят, их и высылали куда-то. Слухи тогда разные ходили. У них отнимали всё то, что они наживали своим потом и кровью. Отец наш хотя и возражал против коллективизации (это я помню, уже не маленькая была), но в открытую не выступал. Побурчит, похулит коллективизацию. Да и то, пока по тайге бродит. Не на людях. А матери не до этого было. Хозяйство у нас большое, работы у неё всегда много было. Мы ей во всем помогали. Но дети, они и есть дети. Что с нас было взять?

У нас в деревне твердо знали, что бедняки – это босяки. Они работать не хотели. Зато умели ходить и кланчить. На всю деревню один такой босяк был. Пропойца! Что с него взять? Дети его дразнили, а взрослые и ругнут, бывало. А ему всё одно. Он как пёс шелудивый. Без роду, без племени. Не любили его люди.

Были люди, которые в колхоз с охотой шли. А те, кто своим хозяйством хорошо жил, не хотели вступать. На них агитация не действовала. Их силком заставляли. Власть - она и есть власть. Сказали - надо, значит надо! И нечего рассуждать! Она сильно не свирепствовала, но и спуску никому не давала. Председателя и бригадиров выбирали. Но батяня говорил, что хоть за них и голосовали, но это делалось по указу сверху. Отец их хорошо всех знал. Он с деревенскими мужиками часто общался.

К начальству относились по-разному. К тем, кто за народ радел, относились по-людски. Но были и такие, что ходили по деревне гоголем и

только, как барский приказчик, на людей покрикивали. Вот таких - ненавидели.

До коллективизации у нас церковь была, свой приход. Но красные ту церковь спалили. Сказали, что в ней окопались пособники кулаков и прочей контры. Хотя, какие из батюшки и дьячка пособники?! Священника уважали и любили. Он был человеком умным, добрым и справедливым. К нему все за советом и помощью шли.

Мы из кордона в деревню редко выезжали. Да и то только с отцом. Это бывало или по праздникам, или просто увяжусь за ним, чтобы он мне гостинца в лавке прикупил. Во время этих наездов мы замечали, что деревня сильно менялась. До коллективизации практически все жили справно. У всех всё было. До коллективизации народ ходил хоть и в самотканном, но в справном. Иногда отец покупал товары в соседнем селе. На праздники все надевали наряды. Было красиво!

А когда эта кутерьма с коллективизацией завертелась, народ стал нищать. Крепко он пообнищал да пообносился. Потом, когда более или менее с коллективизацией утряслось, народ снова стал оживать. Хотя начинали всё заново. Ведь жить-то как-то надо было. А люди с детства к труду приучены были.

Точно не скажу, воровали ли люди колхозное добро. Поговаривали, что воровали. Но у нас, вроде, никто не попался «за колоски». Не приучен был народ воровать. Ну разве что на поле после уборки дети соберут оставшиеся колоски. Но это же дети! Что ж им с голоду помирать?

Но в других деревнях, говорили, было по-другому. В нашей деревне председателем был свой человек. Он был из народа и понимал все наши тяготы и беды. Он был строгим и справедливым. На нашем таежном кордоне никакого воровства, конечно, не было. Все знали крутой нрав отца. Он спуска никому не давал. Вот сейчас в деревне воруют сосед у соседа: картошку выкапывают, грядки портят, в дома лезят. Кто, ты думаешь, они такие? Это такие же «бедняки», которые и тогда были. У них суть и тогда и сейчас одна – алкаши и лентяи. Босяки они и есть босяки!

Были у нас и «враги народа». Но почему они так назывались - ни отец, ни я, ни другие так и не поняли. Хотя доходили слухи, что они были вредителями и диверсантами. Но всё равно никто не понимал, за что их забирали. Говорили: «Раз взяли, значит, за дело!»

Мы не голодали. Край наш был богатый. Тайга хорошо кормила.

Кто такие пенсионеры, мы не знали. Такого понятия тогда вообще не было. Не знали люди, что такое пенсия. Раньше все работали до тех пор, пока сила в руках была. Да и сейчас, посмотрю, бабки старой закалки в земле ковыряются. Может быть, за счет этого и живем. Ни «пачпартов», ни других документов у нас не было.

Бывало, кому-то куда-то ехать надо, он несет председателю подарок. И тот выдавал ему справку. Но это редко было. Из деревни уезжали в основном только на учебу в техникум. А потом, когда выдали паспорт и разрешили уезжать, мы никуда не уехали. А куда ехать? Здесь в деревне родная земля, всё здесь родное. Здесь могилки отца, матери, деда, бабки. Да что там говорить! Родина здесь! А там – чужбина. Там – ни кола, ни двора, ни знакомых, ни родных.

Когда началась война, мужики пошли воевать, чтобы победить. Были и те, кто боялся идти. Они, как сейчас говорят, старались «отмазаться». Но таких было мало. Их не только не любили. Их презирали.

После войны, вроде, всё налаживаться стало. Хотя мужиков мало пришло с войны. Да и те пришли нецелые. Все израненные и искалеченные. Много их осталось где-то там, в братских могилах.

Ты, вот, интересуешься, кто в деревне жил хорошо. А знаешь, что надо, чтобы жить простому человеку хорошо? Человеку надо послаще поесть, помягче поспать. Но не только! Надо, чтобы совесть чиста была перед людьми, чтобы им в глаза не стыдно смотреть. Такие люди и тогда, и сейчас живут хорошо. Совестьливо живут.

Мы политикой никогда не интересовались. Понятия раньше не имели, что это такое. Это сейчас бабки на завалинке сидят и от нечего делать языками чешут. И мужики – туда же!

Ты думаешь, кто виноват, что в деревне стало хуже жить? Власть и виновата! Она не о колхознике и его нуждах думала, а о плане. Этот план надо было сдать любой ценой.

И «нонешная» власть нас не больно жалует. Видать, забыли, что мы их кормим, а не они нас. Не помнят, что живут за нас счет.

Мой муж, твой дед Иван, машинистом был. Поэтому мы хорошо жили. Да и приданое моё было немаленьким. Телевизор у нас появился у первых. Это такая диковина была! Соседи, как в клуб, его ходили смотреть. Мы с мужем ездили по России. Были в Севастополе, на Украине, Минводах. У нас бесплатный билет был.

В последнее время жизнь, конечно, изменилась. Во всяком случае, хуже не стала! Кто умеет работать, тот и живет хорошо! Кое-что изменилось к лучшему. Особенно у вас в городе. Да и в нашем поселке много хороших перемен. Хотя есть и плохое.

Но так у нас на Руси было всегда. Не даром говорят: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!» Всё что ни делается, всё делается к лучшему. Будем надеяться, что появится настоящий хозяин, который, наконец-то, наладит нашу жизнь. Нет, не то я сказала.

Пока народ, пока мы сами не захотим жить по-человечески, наверное, ничего не изменится.

ДОКУМЕНТ №71

Беккер Лидия Давыдовна родилась в 1921 г. в Волгоградской области. Рассказ записала Сохорева Татьяна в 2001 г. (г. Новокузнецк)

В семье нашей было восемь человек: мама, папа, один брат и пять сестёр. Я была самой старшей среди детей. Родителей сейчас в живых нет. Собственной семьи не имею, всю жизнь прожила одна.

Когда началась коллективизация, говорили, что нужны крупные хозяйства, чтобы дать более дешёвую продукцию для распределения по карточкам в городе. Родителям это не нравилось. Им обещали, что новое хозяйство принесёт прибыль. Многие согласились вступить в колхоз.

Кто не хотел вступать в колхоз, подвергался раскулачиванию с полной конфискацией имущества и лишением свободы. Односельчане жалели раскулаченных, так как вся деревня была практически одна семья. Все друг друга знали. После того, как раскулаченного крестьянина арестовывали, его семья оставалась ни с чем. Односельчане помогали им, кто, чем мог. С колхозами в деревне почему-то сразу отменили все праздники.

До коллективизации каждая семья имела свою скотину, кур. На огородах выращивали картошку, кукурузу и даже арбузы. Пшеницу не сеяли, так как она не успевала созреть. После коллективизации ничего хорошего не произошло. Крестьяне работали практически с утра до вечера. Даже школьников заставили работать. Нас отправили в колхоз косить сено на неделю. Осенью посылали на уборку урожая. Когда растает снег, мы всей школой ходили ловить сусликов. Каждому надо было поймать двадцать штук. Это было что-то похожее на игру. Нам говорили, что так мы помогаем в борьбе с грызунами.

В деревне была церковь. Мне очень нравилось ходить туда вместе с матерью. Мы ходили туда каждое воскресенье и по праздникам. В школе я училась охотно и очень хорошо. Пьяниц у нас в деревне не было. Гнали самогон, но пили только по праздникам. В длинной бутылке делали дырочку и каждому наливали по полстаканчика.

Крестьяне паспортов не имели, так как правительство боялось, что, получив паспорта, крестьяне уйдут из колхозов. Правительству это было невыгодно.

Помню, что в 1932 г. приняли «закон о колосках». Говорили, что хищение государственной собственности закон установил смертную казнь или тюремное заключение сроком до 10 лет.

Колхозы были должны сдавать продукты государству по очень низким ценам.¹⁴² Из-за всего этого случился голод. Люди пытались выстоять против этого, но многие из-за этого попадали в тюрьму. В нашей деревне в 30-е годы встречалось людоедство. Что было с голодом в 40-е, я не знаю, так как уехала из деревни в 1941 г.

В колхозе было очень много стариков, которые честно отработали и заслуженно должны были уйти на пенсию. Но государство им пенсию не выплачивало. Им сказали, что у пенсионеров есть хозяйство, которое дает им продукты. Мы вам платим за продукты, покупая их, поэтому деньги у вас есть. Вы и так проживете.

Когда началась война, мы жили в селе Нижняя Добрынка под Волгоградом. В сентябре 1941 г. нас самым натуральным образом выгнали, вывезли на лошадях в город Камышин, причем есть не давали. Там пересадили в товарные вагоны, в которых возили скотину. Нас увозили в Сибирь. Там всю семью собрали в кучу и подселили к местным жителям, у которых были маленькие семьи. В это время уже лежал снег и было очень холодно. В январе забрали отца с братом воевать.

И мама осталась только с дочерьми. Нас отправили в трудовую армию. Маму забрали в Омск, где поселили с эстонкой. А меня увезли в Красноводск. Это был 1942 г. Нас, трудармейцев, опять везли на товарном поезде. Тогда вывезли 1700 человек. Много людей в дороге умирало. В 1944 г. меня увезли в Ашхабад. Там я училась и работала на стройке штукатуром-маляром и каменщиком. Работала я хорошо, и в качестве поощрения мне доверили делать здание ЦК республиканской партии. Штукатурила 450 комнат мраморной крошкой. Там же, в Ашхабаде, делала театр, который недавно видела по телевизору. Помимо этого работала на строительстве здания Министерства внутренних дел. Работала в очень трудных условиях. Сохранился ашхабадский пропуск «военно-строительного участка №1 МВД ТСССБ».

В 1952 г. переехала в Сталинск (Новокузнецк). Работала на шахте «Байдаевская». Здесь строила столовую, клуб «Партсъезд». Строила профилакторий шахты «Зыряновская». Всегда работала физически. Приходилось носить стройматериалы на 5-й этаж. Сначала жила в бараке, в котором до этого пожарные держали лошадей. Потом заработала деньги и подала заявление на квартиру.

На пенсию пошла в 1976 г., имею награды: труженик тыла, Ветеран труда, медаль за участие в войне, а также медаль «Столетие Ленина».

---

¹⁴² В стремлении получить от колхоза продукцию, государство могло установить фактическую блокаду непокорной деревне. См. об этом документ в конце рассказа.

Из семьи остались только вдвоем с сестрой, которая живет также в Новокузнецке и работает в школе учителем. За границей не была.

На шахте один раз давали путевку на курорт. Нас там встречали с музыкой и очень хорошо кормили. Отдыхала по этой путевке 24 дня. Мне очень понравилось.

Жизнью я довольна. Вот только кроме тебя моей жизнью никогда и никто не интересовался. Спасибо тебе, девонька.

Приложение (архивные документы):

Записка

по прямому проводу из Новосибирска о занесении на «Черную доску» районов, сел и колхозов, не выполняющих план хлебозаготовок.

22 ноября 1932 г.

Рудник Центральный.

Руководствуясь пунктом 4. Постановление бюро Крайкома ВКП(б) от ноября 1932 года предупредить Райкомы ВКП(б), что Крайком ВКП(б) вынужден будет все районы, села и колхозы, которые не выполняют плана хлебозаготовок занести на черную доску. Кроме того, в отношении их будут приняты немедленные меры : Немедленное прекращение подвоза товаров; прекращение Кооперативной и Государственной торговли на местах и вывоз товаров из этих районов, передавая районам выполнившим полностью план хлебозаготовок; полное запрещение колхозной торговли; прекращение всякого рода кредитов и досрочное взыскание кредитов.

Крайком ВКП(б) подпись Кудрявцев

Помета: Верно. Нач. Мартайчинского р/о подпись Попов

ГАКО. Ф. П-25. Оп. 1. Д. 31. Л. 244.

Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ №72

Савина (Шакюрова) Махаруза Сафариуловна родилась в 1921 г. в д. Казановка в Татарии. Рассказ записала Черева Ольга в 2001 г. (г. Кемерово.)

В семье родителей, кроме меня, было еще 4 брата и 2 сестры, все старшие. В собственной семье – муж и дочка.

Коллективизация ассоциируется у меня с разбоем. Детские воспоминания о ней грустные. Пришли, все поразбросали, растащили. Родители горевали. Нашу семью после раскулачивания сначала оставили в деревне. Отец отправил меня в соседнее село, в семью председателя, чтобы я могла хорошо питаться и учиться. А за это я нянчилась с их маленьким ребенком, помогала по хозяйству. Для всех считалось, что я бедная племянница, и председателя уважали за то, что он приютил меня из жалости. Жила у них не долго.

Потом нас выселили в Сибирь. Мы стали жить в деревне Стрелино около Анжеро-Судженска.

Деревня, где я родилась, была татарская. Бедняк у нас был всего один. Он был очень ленивый, но ему все равно помогали. До коллективизации кто хотел жить нормально, тот работал и хорошо жил. Раскулачивали у нас всех без разбору. У кого что было, то и забирали. Начинали с тех, кто побогаче. Нашу семью раскулачивали первой. Жили мы хорошо. У нас был рубленый дом-пятистенок, постройки, амбар хороший. Была большая пасека, яблоневый сад, птица всякая, бараны, козы, корова и две лошади.

Пришли несколько человек, один из них военный. Зачитали бумагу о том, какое имущество подлежит отдать в колхоз. Отобрали все. В доме сделали сельсовет, потом школу. Сад вырубili, пчел распустили, живность вся от голода вымерла.

Старшие братья сопротивлялись, не хотели отдавать свое. Их сразу же отправили неизвестно куда. Разрешили взять только то, что было на них надето. А потом и нас отправили. Братья потом нашлись здесь же, в Сибири. Люди жалели нас, помогали, как могли.

До коллективизации в деревне сразу можно было определить, чей это дом, кто в нем живет, какой это хозяин. А после – и хорошие дома обветшали.

Для вовлечения крестьян в колхозы устраивали сходки. Там рассказывали о преимуществе жизни в колхозе. А потом кто не хотел в них идти, тех выселяли. Со стороны крестьян, конечно, был протест. Они были

очень недовольны колхозами и грабежом. Но большинство молчали, потому что боялись. А боялись активистов. Их у нас называли «голодранцами». Мы боялись председателя и бригадира, боялись своих соседей, вдруг те донесут. Так и получалось.

Председателями и бригадирами выбирали из колхозников. Председатель обязательно был грамотным, а бригадир – обычный работяга, который хоть как-то выделялся среди других и действительно хорошо знал дело. Выбирались они, как водится, по знакомству с начальством или по родственным связям. Отношение к ним колхозников было разное, смотря какой был человек. Но в основном председателей боялись.

До колхозов в деревне были кооперации. Собирались те, кто позажиточнее: у одного много земли, у другого лошадь; у третьего мельница, у четвертого зерно. Вот и объединялись, чтобы легче вести хозяйство.

До коллективизации жили хорошо. Яблоками кидались. Играли ими, как мячиками. Их было очень много, всей деревне хватало. А после коллективизации яблок почему-то не стало. Бывало, отец соберет мед и на улице выставит его в больших чашках. И все ели, кто хотел. Это считалось жить по-соседски. С вечера мама рубила топором тыкву, ставила ее на ночь в печку томиться, а утром мы ее ели с парным молоком. Конечно, мясо было всегда, а также картошка, капуста, помидоры.

Для одежды выделявали кожи, сами пряли, вязали. Были в деревне пимокаты. Они всем нам валенки делали. Одевались нарядно и тепло. Ездили на ярмарки, покупали там одежду, обувь, игрушки, сладости всякие.

После коллективизации обнищали все. У кого было – отобрали, а общее – это не свое, ухаживать незначем. Вот так и пропадало все, ломалось, рвалось, выходило из строя. А животные умирали от грязи, истощения, да и просто от тоски.

Рабочий день колхозника начинался утром с похода в сельсовет. Там и распределяли, кто куда идет и что делает. Условия труда были в основном отвратительные. Продолжительность рабочего дня не нормирована. Как закончишь дело, можешь идти, но не раньше 12 часов ночи. Только после этого ставили палочку: считалось, что день отработан. А потом, когда осенью делили зерно, выдавали его в зависимости от тех палочек. Так осуществлялась оплата по трудодням. Палочек обычно было много, а зерна мало.

Колхозное добро воровали постоянно. Но люди не считали это воровством. Просто они забирали своё. Жалко было смотреть, как всё

рушится. Скотину свою бывшую пытались спасти, подкармливали, если было чем.

А в доколхозной деревне дома на замки не закрывали. Просто друг друга знали, не было воровства. И люди не знали, что это такое. Пьяниц в нашей деревне не было. В других были, но очень мало.

Да! Колхозники мечтали о роспуске колхозов. Не все, но многие. Мой отец и старшие братья по вечерам собирались с такими же раскулаченными соседями. Даже из других деревень приходили, закрывались а бане, занавешивали окна и при свечке вели разговоры, строили планы, мечтали о старой жизни.

Однажды соседи сказали «сегодня вечером или ночью за вами придут». Отец и братья собрали все, что можно, сели на коней (просто украли своих любимцев из колхозной конюшни) и сбежали. Мать и сестру отправили в Сибирь. Там вся семья и соединилась, кроме самой старшей сестры (она вышла замуж и осталась в деревне).

Как врагов народа забирали многих. Это были самые разные люди. Забирали в основном по доносу. А его мог написать любой грамотный человек, которому ты просто не понравился. Приходили ночью, без всяких проверок, предупреждений. И люди пропадали навсегда.

После коллективизации, когда все стало общим, а стало быть - ничьим, на нас обрушился голод. Конечно, виновником была погода – засуха. И как следствие – неурожай. Но крестьяне за колхозными полями ухаживали намного хуже, чем когда-то за своими. Поэтому и голод получился. Нищету в колхозе всегда списывали на неурожай. Только неурожай был не каждый год, а нищета всегда.

Летом ели лебеду, крапиву, саранки. Зимой выкапывали из-под снега корни всякие, особенно солодку, и если повезет, попадалась картошка. Был такой «закон о колосках» и «горсти гороха». Если у колхозника после работы в поле, в кармане или еще где-то обнаруживали больше трех колосков или горсть гороха, то его объявляли расхитителем, отправляли в лагерь, наказывали вплоть до расстрела.

Зерно колхозники выносили в сапогах. Можно было объяснить, что оно туда нечаянно насыпалось. Но очень боялись. То же было и в 41-46 годах. Всю мужскую работу приходилось делать женщинам, старикам и детям. А они просто физически не могли обеспечить себе нормальное существование. Хотя в Сибири в войну с питанием было не так страшно, как везде.

Пенсионеров в колхозе не было. Работали «до последнего». Хотя были, конечно, уже совсем старые люди, которые не могли работать, но пенсию им не платили. Колхозники не имели паспортов, им их не выдавали, чтобы они не разбежались.

Когда началась война многие мужчины действительно пошли воевать. Во-первых, патриотическое воспитание было, во-вторых, все считали, что война будет недолго, многие записывались добровольцами, в-третьих, деваться было некуда. Кому неохота идти воевать, было стыдно перед людьми. Призывали, дезертиров судили. После войны в деревне осталось все по-прежнему. Пить стали больше. В городе жить стало лучше.

Люди оставались жить в деревне, потому что некуда было идти без паспорта. Грамотных людей в деревне было мало, но многие понимали, что учиться надо, что те, кто грамотный, живет получше, что можно будет потом поехать в город учиться дальше. В деревне создавались клубы, «избы-читальни» для того, чтобы молодежи было где собраться, почитать газеты, книги, просто пообщаться. И люди ходили туда в основном охотно.

В нашей деревне была мечеть, а в соседней русской деревне была церковь. Люди ходили туда довольно часто, по праздникам – всей деревней. Многие были истинно верующими, другие ходили потому, что так было всегда. Постепенно церковь стали посещать всё меньше народу. Власть считала, что религия «опиум для народа». Власть записывала тех, кто туда ходил, и люди стали бояться ходить в мечеть или церковь. Потом церковь закрыли, заколотили ставни, а затем и разрушили совсем. Здесь, в Кузбассе, церкви уже не было.

Родители никогда не говорили о политике, Сталине, правительстве. Если говорили о выборах в Советы, выборах председателя колхоза, то очень тихо, между собой.

Я закончила Томский бухгалтерский техникум, устроилась на работу в Кемерово. Один брат погиб на войне, остальные все выучились в Томске, но вернулись работать в деревню, один - механизатором, другой - агрономом, зоотехником и ветеринаром - третий брат. Одна сестра так и живет в деревне Казановка на реке Сура, другая живет в Прокопьевске.

На курорте отдыхала часто: на работе путевки давали. За границей не была.

Сначала в доме появился телевизор, году в 1962, то есть через 17 лет после свадьбы, а холодильник в 1968, - через 23 года.

В годы реформ жизнь изменялась по-разному, смотря с чем сравнивать. А сейчас вот демократы возвращают всё на старое.

Конечно, лебеду сейчас не едят, но были времена, когда жили намного лучше.

В том, что деревня до сих пор не может выбраться из нищеты, виновато правительство.

Как все началось в коллективизацию, так несколько лучше и не стало, чтобы ни строили – социализм ли, коммунизм ли.

ДОКУМЕНТ №73

Щербинин Егор Андреевич родился в 1922 г. в д. Сутункин лог Щегловского района нынешней Кемеровской области. **Щербинина Анна Фатеевна** родилась в 1922 г. в Павлодаре.. Рассказ записал Лопатин Леонид в августе 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский)

Егор Андреевич – Я родился здесь неподалеку – в деревне Сутункин лог. В деревне было 59 дворов. Очень красивая была деревня. Сейчас её нет. При Хрущеве наш колхоз «Парижская коммуна» ликвидировали и нас присоединили к совхозу «Щегловский». А деревню нашу убрали как неперспективную.

Отца я не помню. Он умер, когда я был совсем маленьким. Нас у матери было шестеро: три сына и три дочери. Девки потом замуж повыходили. А мы, мужики, все воевали. Старший брат (с 1911 г. рождения) погиб. Другой брат был призван в армию в 1939 г., воевал, остался жив. Меня призвали 30 сентября 1941 г. Я прослужил девять месяцев и получил сильное увечье: раскол черепа. Был комиссован по инвалидности второй группы.¹⁴³

Из Сутункина лога много мужиков забрали на фронт. Из нашей деревни ушли воевать 98 человек. А вернулись человек семь или восемь. Сильно мало нас вернулось. Погибли мужики! Молодежь вся полегла.

В 1943 г. я женился. Мы с женой народили десять детей, и все они, слава Богу, живы и здоровы. Моя жена имеет за это Золотую Звезду Матери Героини. Все наши дети получили образование: закончили по восемь и даже десять классов. Правда, в начальники никто из них не выбился.

Сначала, сказывали, наш колхоз был богатым. Выдавали на трудодень по 2-3 кг. зерна. А к 1937 г. колхозники стали получать лишь по 200 – 300 гр. На них не проживешь даже один, не то, что семьей. Нам надо было много хлеба сдавать государству. Чем лучше был урожай, тем больше сдавали государству, тем меньше оставалось колхознику. Да

---

¹⁴³ Егор Андреевич не получал соответствующих льгот как инвалид войны и даже как её участник. Когда-то инвалидность не имела значения, так как пенсию они получали символическую, и он её не оформлял. А по прошествию лет документы затерялись и восстановить их не удалось. Хотя переписку, по словам жены, он вел интенсивную.

налоги драли. Попробуй, не выполни!¹⁴⁴ Председателем у нас был свой, деревенский, - Распопов Иван. А до него - Попов.

Мужики у нас вступали в колхоз по-разному - кто добровольно шел, а кого загоняли. Но большинство мужиков в нашем Сутункином логу вступили добровольно. А один мужик, Петров Василий Евлампьевич, всё никак не хотел идти в колхоз. Ох, сколько же его таскали, сколько таскали по собраниям да организациям. У него корову, коня, избушку, конюшню, амбар, баню - всё-всё забрали. Его оставили голым. Слава Богу, не выслали. А у него семья была: четыре сына и три дочери. Мать с ними жила. Сыновья потом погибли на фронте.

Анна Фатеевна – А одна из дочерей сейчас хлопочет, чтобы ей выплатили за раскулачивание отца. А раскулачивала своя же власть! Это было издевательство над рабочими людьми. Вот что раньше с крестьянами делали! А спроси, зачем? Чтобы начальству свой зоб набить! Это местная власть над нами издевалась. В колхоз силой загоняла.

В Верхотомке председателем сельсовета был Хмарин Иван Денисович. Он уже сдох! Дай Бог на том свете ему ворочаться.¹⁴⁵ Придет, за грудки схватит, бьёт. Глумиться над людьми ему молодежь помогала. Да разве один Хмарин был такой?! Когда Петрова преследовали, то сильно били и его самого, и его семью. Старуху-мать маленько не задавили, чуть до смерти не забили. Детей на улицу повыкидывали, а хозяйство, трудом и потом нажитое, забрали.

Егор Андреевич – Председатели разные были. Некоторые председатели жалели колхозников. У нас рассказывали про Барановского председателя, который сначала раздал хлеб колхозникам, а потом уж государству. Его судили за это.¹⁴⁶

Анна Фатеевна – Издевались над людьми, как хотели!

Егор Андреевич - В 30-е годы у нас многих мужиков угнали из деревни. Уже и колхозы были. А всё не успокаивались. Помню, забрали в нашей деревне трех мужиков: Токарева Сидора, Шадрина Ивана, Нехорошина. Сказывали, что в 1935 г. правительство приняло какое-то решение, в котором говорилось о свободе колхозника в колхозах. Вот эти мужики и решили выйти из колхоза со своим земельным паем. За ними

---

¹⁴⁴ За неуплату налогов строго судили, особенно единоличников, которые в отдельных случаях ещё существовали и во второй половине 30-х годов (см. документы в конце рассказа).

¹⁴⁵ Видимо, уж сильно плох был человек, поскольку через столько лет о нем так отзывались. При том, что на Руси всегда считалось, что о мертвых - либо хорошо, либо ничего.

¹⁴⁶ Видимо, речь идет о случае, рассказанном Дубровской А.А..

ночью приехал «черный ворон» и увез навсегда. Больше их никто не видел.¹⁴⁷

Я работал в колхозе кузнецом. Сам выучился этому делу. В день вырабатывал 1,5 – 2 трудодня. В год получалось до 600 трудодней. Это считалось очень много. У нас тогда было много трескотни о стахановцах и соревновании. Никакого соревнования промеж мужиков не было. Но начальство вело счет передовикам. Меня им считали. Моего брата-пахаря тоже в них зачислили.¹⁴⁸

В колхозе тяжело было работать, но привыкли. Люди с песнями работали. Я ещё пацаном был, но в колхозе с мальчишками работал – сено возил на волокушах. У нас своя сельская четырехлетняя школа была. Я 6 классов закончил, а потом бросил. Мы с матерью вдвоем остались, зарабатывать на жизнь надо было.

Трудно было, когда государственный заем подписывали. Государству мы должны были дать займы денег. Заставляли на заем подписываться. Если не подпишешься, до работы не допускали. А если не допустят до работы, ты не выработаешь свои трудодни, значит, могут приписать к врагам народа и судить. Правда, делали скидку для бедных хозяйств. Бедняки должны были подписываться по 500 рублей, кто покрепче - по полторы тысячи. Но для всех это были очень большие деньги. Ведь денег в колхозе мы не получали. А когда стали получать, то на трудодень приходилось всего по несколько копеек.

Колхозник за заем расплачивался своим подсобным хозяйством. Но на него, опять же, были большие налоги. Эти налоги нас душили. Государству нужно было мясо сдать, молоко, яиц 150-180 штук, шерсть. Семье колхозника почти ничего и не оставалось. Но люди как-то и не возмущались таким положением. А что толку было возмущаться?! Не то скажешь, руки - назад, и не увидишь больше родных.

Анна Фатеевна – Тогда плохо было! И сейчас – ничего хорошего. Ельцин страну загубил. А всё началось с «Горбача». Беспорядок в стране и хаос сделали.

---

¹⁴⁷ В феврале 1935 г. был принят примерный Устав сельскохозяйственной артели, в котором декларировались широкие права колхозников. Видимо, этот документ и сыграл злую шутку с доверчивыми и простодушными мужиками, захотевшими свободы от колхозов (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.2. С. 519-530).

¹⁴⁸ Фиктивность стахановского движения на селе фактически признавали и сами его организаторы (см. документ в конце рассказа).

Коммунисты, они – молодцы! Они такого бы не допустили. Ленин, Сталин - наши вожди! То, что с колхозниками тогда делалось, это вина нашего местного начальства. Кто их тогда поставил, я не знаю.

Знаю, что Сталин не знал о наших бедах.¹⁴⁹

Приложение (архивные документы):

Из докладной записки

бригады Запсибкрайкома ВКП(б) по обследованию колхозов Тисульского района и состоянии в них стахановского движения

Не позднее 29 июля 1937 г.

с. Тисуль

Стахановское движение организационно и политически в обследуемых колхозах ни кем не возглавлено. Стахановцы в колхозах есть, но никакой практической работы с ними не ведется. Не созывается производственных совещаний стахановцев как внутри колхоза, так и межколхозных. Со стахановцами никто не ведет работы по повышению их агротехнического и культурного уровня. Ни в одном из обследованных колхозов не найдено случая показа стахановской работы среди колхозных масс. Материальной заинтересованности стахановцам не создано, если не считать отдельных случаев попутного премирования наравне с другими колхозниками.

Наблюдались случаи проявления травли стахановцев. В колхозе им. Буденного распространялись заведомо лживые слухи, компрометирующие стахановку как женщину (стахановка Братчикова Ел.) Эту же стахановку Братчикову в течении 2-х дней лишали общественного питания. (Виновники осуждены).

В колхозе «Гигант» в бригаде №1 по отношению стахановок Середкиной и Цикуренко были организованы насмешки со стороны отдельных колхозников и самого бригадира Шалупы, которые опасаясь повышения норм выработки, старались этих стахановок из своей бригады удалить.

В колхозе «Красный Орден» в 3 бригаде 3 ударницы брались полностью обслужить жатку и просили закрепить за ними квалифицированного машиниста, вместо машиниста дали им на машину неопытного мальчика. В первый день при неопытном машинисте они навязали по 800 снопов. На другой день с целью сорвать ударную работу этих вязальщиц, бригадир Липатов не дал им готовых вязок.

---

¹⁴⁹ Пожалуй, самое типичное заблуждение советских людей.

В колхозе «Вперед» вокруг премирования ударников со стороны отдельных колхозников имели место насмешки и по этой причине ударники просили исключить их из списка премируемых.

В колхозе «Революция» были обнаружены случаи морального бойкота ударников, выражавшиеся в нежелании с ними разговаривать [...]

ГАКО. Ф.П-40. Оп.1. Д.9. Л.136.

Копия. Машинопись.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №74

Распопова (Аксенова) Евдокия Павловна родилась в 1922 г. в с. Ариничево нынешнего Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Рассказ записала Тюпина Наталья в 1999 г. (п. Абашево)

Семья у родителей была девять человек. Отец – Аксёнов Павел Степанович родился в 1900 г. Был сапожником, потом простым колхозником. Они с мамой не сибиряки, приехали из России. Отец был сирота, с семи лет, как чеховский Ванька Жуков, жил «в людях». Выучился на сапожника, стал мастером.

Когда ему исполнилось 18 лет, хозяин его, у которого он жил в подмастерьях, наделил его всем сапожным инструментом, дал денег на корову и на дом.¹⁵⁰ Мама, Анастасия Васильевна, была старше отца на 4 года. Для папы её сосватал хозяин отца, сказав ему, что скоро тебе в армию идти, а твое хозяйство надо сохранить. Эта девушка, мол, и сумеет его поддержать. Не смотри, что она старше тебя и что у неё на глазу бельмо. Они поженились. Отца взяли в армию. Он был в обозе, сапоги чинил, фронта не видел. А мама в это время жила в рабочих, была кухаркой. Вернулся. Они нарожали семерых детей.

В селе Харьков Лог я окончила 7 классов. Потом поехала в Кемерово учиться на учительницу. Год проучилась без документов, а потом паспорт получила. Была, конечно, в комсомоле. Когда учителей стали почему-то брать в армию, нас, студентов, вместо них, послали в школу.

Мне было 17 лет, когда я оказалась заведующей школой в Машковском районе Новосибирской области. Как раз были первые выборы в Верховный Совет (12 декабря). Тогда это был праздник. Мы пели песню: «Мы лучшее платье наденем в двенадцатый день декабря». Почему-то в то время районо вело политику частого перемещения учителей из школы в школу. На одном месте работать не давали. Я чуть ли не за год сменила три школы. Проработала 10 лет. Потом переехали сюда, в Абашево.¹⁵¹

---

¹⁵⁰ Ни в одной советской книжке такой информации не могло и быть. Советский человек воспитывался в духе классовой ненависти к собственникам. Но, видимо, такие сведения и надо принимать за типичные для порядочных российских хозяев. Об этом же см. в рассказе Атучиной А.Т.

¹⁵¹ До 1956 г. любого специалиста (учителя, инженера, врача и др.) власть могла перемещать из одной местности в другую без его согласия. За неподчинение – уголовное наказание.

Коллективизацию я хорошо помню. Отец сначала не пошёл в колхоз. Он работал на золотом прииске в Харьковском Логу. У них там своя артель была. Артель имела свои средства, жила самостоятельно и независимо. Как поработали люди, так и жили. Артель сильно отличалась от коммуны. В коммуну пришли кто? Да, те, которые работать не хотели! Лишь бы пожрать да нажиться! Там были всякие шаромыги. Это были бедняки. Все знали, что они лодыри!

Они-то и раскулачивали людей. И вовсе не богатых раскулачивали. Это были обычные крестьяне.

Моя мама их сильно жалела. Одна из раскулаченных соседок попросила мою маму сохранить что-то из своих вещей. Надеялась вернуться. Мама очень боялась, что её за это сильно накажут. Но взяла. Я хорошо помню те вещи: домотканые дорожки на пол, полотенца и бараньи шубы. Мы их на полатах спрятали. Это что, богатство? Нашли богатых! Раскулаченным разрешали брать с собой 16 кг. на человека. А чего возмёшь на эти килограммы? Ребятишек надо одеть, продукты надо взять, инструмент прихватить!

Наших соседей сослали в Нарым. Я не помню, сколько лет прошло, но хозяйка вещей, оставленных маме, приехала. Муж у неё умер в Нарыме. Она какое-то время жила у нас. Мама была очень рада, что сумела сохранить её вещи. Я считаю зря, совершенно зря ссылали этих людей! Никакие они не богачи! Ничего у них в доме не было лишнего. Всё нажили своим горбом.

А ведь в селе у нас были действительно богатые. Я, например, 4 года училась в доме, который раньше принадлежал одному из таких богачей. Дом двухэтажный, много-много амбаров и других построек. В этом доме разместились не только школа, но и колхозная контора, клуб. Хозяев, конечно, раскулачили. Куда сослали, не знаю. Только они не вернулись.

Когда их высылали, они не взяли с собой старушку. Они, видимо, боялись, что она не выдержит дорогу. Ведь сосланные не знали, куда едут. Их нигде, никто не ждал. Да старушка и сама сильно просилась оставить её на родине. Она потом жила в коморке на первом этаже. Власти, конечно, ей не помогали. Но добрые люди её кормили: кто молока принесет, кто хлеба даст, кто картошки...

До коллективизации деревня выглядела нормально. Когда провели коллективизацию, деревню разделили на три части. Одна часть – колхоз «Красный Октябрь» (в ней потом тятя работал), другая – «Страна Советов», а третья – «Парижская Коммуна».

Церкви в нашем селе не было. Она была в пяти километрах от нас, в селе Красном Ленинск-Кузнецкого района. Церковь разгромили, когда я

училась в пятом классе. Колокола сняли. Мы ходили смотреть, как её разоряли. Правда, сейчас церковь опять восстановили. Её когда-то построил купец Пьянов. Богатый был человек! Два магазина были его, школа его, церковь его. Когда его раскулачили, весь колхоз разместился в его бывшем хозяйстве.

Мама у нас была верующей, но в церковь никогда не ходила. Молилась дома. А тятя был неверующим. Но маме он молиться не запрещал. Да и не молилась она сильно-то. За стол надо садиться – она перекрестится. Молитвы знала. Ну, а мы пионерами были, неверующими. Бывало, мать приляжет отдохнуть и говорит нам: «Дети, давайте я вас молитве научу». А отец сидит, шьет сапоги и скажет: «Мать, ты чего им головы забиваешь? Пусть лучше стихи учат, арифметику повторяют». Я до сих пор ни одной молитвы не знаю.

В колхозы вступать заставляли. В деревне у нас были люди, которых называли «никтошками». То есть, они были никто, никчемные люди.¹⁵² Это те, кто, как у нас тогда говорили, «доказывал» властям, доносил на людей. Они были предателями.

Был у нас такой Тихон Васильевич. То, что он был глуповатый, знала даже я. Я тогда училась в 4 классе и обязана была заниматься ликбезом. Я научила буквам свою старшую сестру. И очень удивлялась, что этот Тихон Васильевич, взрослый человек, не мог никак понять, что понимала даже я, ребенок. Вся деревня знала его как доносчика. Он сообщал приезжим из района о том, что происходило в деревне, кто чем живет, кто о чем говорит. Мой отец сшил ему сапоги, а под стельку положил канифоль, чтобы они сильно скрипели. Когда этот Тихон Васильевич шел по селу, все слышали о его приближении и предупреждали друг друга. Я хоть и маленькая тогда была, но это хорошо помню.

Вот такие «никтошки» и становились активистами колхозов. За них как бы голосовали, но все знали, что их назначили. Тогда выборов не было. Кого начальство назначит, за того собрание и голосовало. Среди них встречались, конечно, и честные люди. Председателей присылали из района. Но бывали и самостоятельные деревенские люди. Когда тятя в 1936 г. вступал в колхоз, как раз такой человек и был председателем. Мне тогда было 14 лет, и я тоже работала в колхозе. Сенокос у нас был далеко,

---

¹⁵² Изумительно точен русский язык в определении людей, которые были опорой советской власти и её костяком. Похоже, в конце 90-х годов именно такие «никтошки» опять «взяли верх» в России.

под Ваганово. Мы там жили, считай, все лето. А кухаркой у нас была жена председателя колхоза. Так что, разные были председатели.

Ещё до колхозов, когда нэп заканчивался (это я теперь знаю, как всё называлось), в нашей деревне забирали излишки хлеба. Родители потом не раз это вспоминали и говорили, что свои же деревенские показывали приезжим, где у кого хлеб спрятан.¹⁵³

Помню, родители часто сетовали на то, что хлеб забирали совсем не из «излишков» и не только у кулаков. Мол, добро бы, забрали у кулака, который людей нанимал. Но ведь отбирали последнее у обычного крестьянина, который этот хлеб оставил на семена или на еду своей семье. Знаешь, миленькая, а чем потом семье питаться, чем сеять? Последнее выгребали. А кто выгребал?

Вот такие, как Тихон Васильевич, и выгребали. Потом, в 1933 г. голод был из-за неурожая. Нашу семью он миновал. Отец сапожником был и шил сапоги за два ведра муки. Деньги не брал, только продуктами. Люди тогда лебеду ели.

В 1937 г. ещё хуже получилось. Ночью приедут на «черном вороне» и заберут человека. Вся деревня знала, что он ни при чём. Это я хорошо помню. Большая уже была. Никакие это были не враги народа. Посмотришь - ни богатый, ни тунеядец, ни вымогатель, честный колхозник. А оказывались врагами народа. За что их так, спрашивается? А я так думаю: некоторые люди хотели выслужиться, вот и доносили. Говорю сейчас об этом и невольно боюсь. Тем более, что ты записываешь на магнитофон. Может, не надо...?

Родители мои никогда о политике не говорили. Они были неграмотными. Так что, этих слов в нашей семье не было. Ни разу я не слышала.

Воровства в нашей деревне не было. Я не могу вспомнить ни одного случая, чтобы, скажем, овечка пропала, или корову увели. Честные люди были. Дома на замок не закрывали. Выпивать, - все выпивали. Но такого, что творится сейчас, никогда не было. Бывало, человек выпьет, его не видно и не слышно.

А сейчас ему обязательно надо на люди вылезти, покуражиться. Нет! Подожди-ка! Пили безобразно и тогда. Но не наши деревенские. В колхоз «Парижская коммуна» приехало много людей со стороны. Вот они-то сразу и принялись гулять, пропивать и прожирать кулацкое добро. Быстро всё пропили и проели.

---

¹⁵³ Предательство соседей, материально поощряемое властью (получал 25% от изъятых), значительно подорвало нравственные устои деревни, соборность России.

Ты про пенсионеров интересуешься. Тогда в деревне стариков много было. Но я что-то не помню, чтобы они пенсию получали. Паспортов не было. А почему – не знаю. Каждый жил за счет своего хозяйства. Но на них всё время какие-то ограничения были. Например, коровушку держишь, а теленочка – не смей. Столько-то овечек есть, больше - нельзя. А в городе ещё хуже было. У моей сестры семья большая была. У них поросенок был. Но держали они его в погребе. Чтобы никто о нем не знал и не наказал их.¹⁵⁴

Когда война началась, мужиков на фронт забрали. Тогда, мне кажется, никого не спрашивали, хочешь – не хочешь. Наверное, желания особого у них не было. Но никто и не отказывался. Из двух моих братьев один не вернулся, а один всю войну на «катюше» провоевал. Многие-многие-многие не вернулись.

Где-то сразу после войны нам облегчение вышло. А потом опять всё зажали. Займы были. Ой-ой-ой! Какие займы были большие! Налоги в войну и после войны страшные были. Молоко сдай, овчину сдай, яйца, масло... Трудно людям жилось. Чересчур трудно жили! Есть-то нечего было. Люди пойдут в поле, соберут колоски. А их плетью гоняли, судили.

Трудно людям жилось. А в город не уезжали. Да и как уедешь с родной деревни?! Привык человек трудиться на земле. Земля притягивает человека. От неё его не оторвешь. Деревня – есть деревня. А потом в деревне легче прожить. Ведь здесь куры свои, утки свои, озеро своё. Что тебе в город ехать? Голодовать?

Вот сейчас у меня сын приедет из города, всё деревней налюбоваться не может. Говорит, что очень бы хотел жить в своем доме, на земле. Мол, кто я там в городской квартире? Никтошка?

Знаешь, тогда в колхозе справно жил тот, кто работал. Кто работал, тот и ел. А кто не работал, тот и нищий. А сейчас хорошо живет тот, кто ворует. Не обижайся, я правду говорю.

---

¹⁵⁴ Видимо, речь идет о конце 50-х годов, когда ЦК КПСС боролся против личного подсобного хозяйства рабочих, считая, что нельзя идти к коммунизму с собственным поросенком. В июне 1959 г. ЦК КПСС обратился к народу «Героическим трудом воздвигнем величественное здание коммунизма» (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 596-603). В октябре 1961 г. XXII съезд КПСС принял Программу коммунистического строительства, рассчитанную до 1980 г. Но уже с конца 60-х годов, видя утопизм таких сроков, о коммунизме стали говорить все меньше и меньше. А в 1976 г. заявили о построении развитого социализма. Мол, в 1936 г. мы социализм построили в основном, в 1959 г. – полностью и окончательно, а в 1976 г. – развитой.

В деревне много неграмотных было. Хотя кто такой неграмотный? Вот у нас председатель колхоза был почти неграмотным. Но он коммунистом был. А во время войны у нас председатели быстро менялись. Только поставят председателем, его – на войну, только поставят – на войну. Наконец, поставили пожилого человека. А он только расписаться и умел. Бывало, пришлют бумагу из района, а он приходит ко мне, мол, Павловна, прочитай! Я ему прочитаю, объясню... Дети все школу посещали. До четвертого класса они обязаны были ходить в школу.

Клуб у нас был. Мы там веселились. Наше веселье не походило на нынешнее. Ну, что нынче дискотека? Задницами трясут, да безобразничают. Соберёмся мы, бывало, сделаем постановку и поедем с ней в Березово, Подунку, в Васьково, в МТС. Там нас ждали, встречали. Спасибо говорили. Людям нравились наши представления.

К учителю относились хорошо. Меня никогда не обижали. Ни от одного из своих учеников я ни разу не слышала: «Ты такая, разэтакая!». Ни колхоз, ни государство не относились к учителям так плохо, как сейчас.

Мой муж работал в конторе учетчиком, счетоводом. Он обеспечивал семью. Лошадь у него всегда в руках была. Так что нам не часто приходилось обращаться с просьбами в правление. Хозяйство большое никогда не держали. Только для себя.

За всю жизнь я нигде не отдыхала. Хотя нет! Один раз я была в санатории в Васьково. Я тогда сильно простуженная была. Видишь, какая у меня мебель? Это разве мебель! Нет её! А ты спрашиваешь, через сколько лет после свадьбы мы с мужем купили мебель. Так всю жизнь и прожили без неё. Что бедно, то бедно жили. По чуть-чуть скапливали и что-то покупали. Но у других и того хуже было.

В годы нынешних реформ для нас жизнь никак не изменилась. Хорошо хоть пенсию стали давать вовремя! А то ведь задержки были по три-четыре месяца. Как жить?

Тебе вот интересно, почему деревня до сих не может выбраться из нищеты. Ты, Наташа, поди, думаешь - сами люди виноваты? Но я отвечу – правительство. Оно не даёт жить людям. Правительство не может устроить так, чтобы человек мог жить и работать нормально.¹⁵⁵

Знаешь что? Ты бы не писала эти слова...

---

¹⁵⁵ Респонденты этого и более старшего возраста типично ставили вопрос перед властью – не мешай, мы сами заработаем на жизнь! Респонденты младшего возраста (особенно родившиеся в 30-е годы) уже иначе относились к власти. Перед ней они ставили вопрос – дай нам на жизнь!

ДОКУМЕНТ №75

Лушина Прасковья Алексеевна родилась в 1922 г. в д. Пашково Яшкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Петренко Надежда в 2001 г.

Кроме меня в семье было пятеро ребятишек: три сестры и два брата. Я родилась четвёртой, называли меня в честь тети. Жили дружно. Играли все вместе, хотя игрушек почти никаких не было, кроме тех, что вырезал из дощечек отец.

Мебели в доме было совсем немного, всё самодельное: стол, стул, кровати и шкаф. Мама ткала холсты, шила белье, одежду, которая передавалась от старших сестёр, братьев. Обувались в лапти. Ели немного, но не голодали. Сажали картошку, сеяли овёс, рожь, разные овощи. Всегда любили есть мамин ржаной хлеб с молоком. До сих пор эта еда для меня - лакомство. По праздникам готовили мясо. Никто не жаловался. Да и не принято было. Что давали, то и ели.

В школе, куда меня отправили учиться вслед за старшей сестрой, нас иногда кормили кашей. В школе было много ребят, иногда не хватало мест. Было тесно, но это не мешало учиться устному счёту, чистописанию, чтению и др. Мои родители не знали грамоты, но понимали, что это важно и необходимо. Поэтому все мои братья и сёстры учились в школе и получили неполное среднее образование. Старший брат Виктор учился дальше и стал врачом. После занятий в школе все мы помогали родителям по хозяйству. Работы было много. Мы держали корову, козу, кур, лошадь.

В нашей семье в то время всё чаще заходили разговоры о коллективизации. Я мало что понимала. Но хорошо помню ругань и недовольство родителей в адрес колхозов. Они были против создания колхозов и совместного труда. Папа всё время говорил, что если работать в колхозе, останешься ни с чем. Так оно и вышло. С колхозами всё больше стало появляться обедневших семей.

Многие люди были просто вынуждены идти в колхозы, так как боялись раскулачивания. Отнимали всё: животных, утварь, запасы. Некоторые специально прятали, скрывали своё имущество. Сбегали из деревни. Хотя никто не хотел покидать свой родной дом.

Были и такие, которые нарочно докладывали начальству об излишках соседа. Таких людей власть чтילה, уважала, ставила в пример остальным. Иногда в деревне возникали слухи о возможном восстании, несогласии с порядками. Всегда находился такой человек, который

агитировал крестьян. Но люди были в страхе, опасались, что отнимут последнее.

Колхозы, тем временем, разрастались. Разными способами: угрозой, насилием - людей вовлекали туда. Работать было очень сложно, бесконечные запреты, суровый распорядок дня. Невыполнение нормы, непослушание, опоздание жестоко карались. В семьях не хватало еды, люди были вынуждены воровать колхозное, но это не считалось преступлением, так как люди брали то, что у них когда-то отняли или то, что они заработали сами.

В колхозе работали за трудодни, на которые получали минимум продуктов. Паспортов нам не выдавали, наверное, чтобы не сбежали из колхоза. Это время моей жизни я могу назвать нищетой, разрухой, голодом. Деревня разрушена и разграблена коллективизацией, стала в запустении. Надо много сил и времени для её восстановления. А тут ещё и война. После войны (1945 г.) стало ещё хуже. С неё не вернулись очень многие. С войны не вернулся мой брат Василий.

Мои сёстры разъехались по разным городам, вышли замуж. Я одно время жила в деревне, а потом тоже вышла замуж (1946 г.). Переехали в другую деревню (ближе к г. Сталинску). Там начали обосновываться, укрепляться, вести своё хозяйство. Мой муж, Павел Сергеевич Никимов, умелый, работающий человек. Сначала жили во времянке. Необходимую мебель Павел смастерил сам, затем поставили дом, крепкий, бревенчатый. Живём в нем до сих пор. Со временем приобрели холодильник, телевизор, электрический чайник. У нас в доме есть книги, их немного, но каждая мне дорога. У нас новый диван, он очень мягкий по сравнению с деревянными лавками, на которых сидели всю жизнь.

Я всю жизнь проработала на почте. Одно время мыла полы в местной столовой (1992-1994 гг.). Тогда у меня ещё были силы. Во всё время работы в периоды отпусков трудилась в огороде. Один раз удалось съездить к моей сестре Клавдии, погостить у нее недолго (1987 г.). Она живет сейчас в городе Белово. Иногда бываю в городе Новокузнецке у внучек, но чаще они приезжают ко мне. Что же говорить о других странах.

Я ни в каких странах никогда не была, не было возможности. Да я и не думала об этом. Я не могла оставить огород, роботу, мужа с детьми (их у меня двое). Но главное, у нас никогда не было лишних денег, чтобы потратить их на поездки.

Сегодняшнюю жизнь считаю трудной. Да и когда жилось легко в нашей стране, особенно в деревне?! Хотя и стали платить пенсию относительно постоянно, денег, порой, не хватает. Не могу купить дров. В магазины хожу редко, не хочу расстраивать себя очередными

повышениями цен. Продуктов много (в моей жизни такого никогда не бывало), а купить невозможно. Когда что изменится к лучшему, не знаю.

В наших трудностях виновато правительство. Кругом воровство, беззаконие. Сейчас все, кому не лень, рвутся в депутаты. А что-либо сделать хорошее для народа никто толком не может.

На выборы давно уже не хожу, потому что в них не верю. Сегодняшние выборы не сравнить с теми, что были у нас в деревне давно. Для нас это был настоящий праздник, все пели, гуляли, веселились.

Для меня сейчас самое важное, чтобы у моих детей и внуков всё было хорошо. А моя жизнь была такая, какая была. Её не изменить.

Я стараюсь сохранить хорошие воспоминания о ней.

ДОКУМЕНТ №76

Баянова Евдокия Владимировна родилась в 1923 г. в д. Подъяково Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково)

Родители приехали в Сибирь из России ещё до моего рождения. Детей у родителей было пятеро, я - третья. Отец был на германской войне. Пять лет пробыл у немцев в плену. Он рано остался сиротой и с шести лет работал батраком у богатых. Женился, нажил хозяйство – лошадь, две коровы, овцы, сенокосилка, клейтон.

До колхозов у нас была своя пашня, где сеяли пшено, гречку, овес. Мы тогда хорошо жили! У нас был большой амбар. Так он всегда полон был. Мы не были богачами, были и справнее хозяйства. Только коллективизация разорила и нас, и их.

До колхозов, бывало, отец летом на себя поработает, все заготовит, а зимой пьёт, гуляет. Он у нас трудолюбивый был, кадушки хорошие делал. Помню, продаст на базаре кадки, приедет домой, ставит четверть самогона на стол. Половину выпивает и засыпает. Проснется, вторую часть выпьет, опять заснет. А потом – за работу... Тогда в каждом доме самогон делали. Мужики любили выпить, но и поработать тоже. Как поработал, так и погулял.

Когда началась коллективизация, хорошая жизнь закончилась. Амбар наш стал пустовать. Отец все продал и вступил в колхоз в 1931 г. Он говорил, что всё равно отберут, да ещё сошлют на Север. Которые из деревенских не вступали в колхоз, у тех отбирали нажитое и ссылали. Хоть богатый, хоть бедный - значения не имело. Главное, что в колхоз не вступили. Так мою сестру с мужем сослали. Сосланным срок давали. Многие не возвращались. А вот сестра вернулась.

Кулаки в колхоз вступать не хотели. Они ведь богато жили, люди на них работали. Правду сказать, разные кулаки были - кто плохо платил за работу, а кто и хорошо. Они, сказывали, поля колхозные травили, поджоги устраивали.

Наша мама работала в колхозной огородной бригаде. Очень уставала. Я с десяти лет помогала ей поливать. Каждой колхознице в бригаде надо было полить примерно 30 соток огурцов. А воду носили на коромыслах из речки - тоже не ближний свет. Идешь, где подъем, где спуск... Не бабья это работа – ведра таскать в такую даль. А потом домой пешком примерно километра два топать. В 13 лет я уже в поле работала

самостоятельно, варила пахарям: к 4 часам утра чай сделаю, к 9 часам - завтрак, к 2 часам дня - обед. В нашем колхозе была своя свиноферма, поэтому пахарям на обед мясо давали.

А с 14 лет я на лесозаготовки поехала. На колхоз давалось задание по заготовке леса, и каждая колхозная семья обязана была кого-то отправить работать на лесозаготовках. Лес готовили для государства или еще для кого, не знаю. В мае начинался лесосплав и по месяцу, а когда и больше, жили на лесосплаве. Не ездить на лесозаготовки было нельзя. За это судили.

Раньше за любой невыход на работу судили. Судили и за то, что мало трудодней выработал на лесозаготовках. А их надо было иметь не меньше 120 в год. Судили за это даже после войны.

У меня тогда уже было двое ребятишек – 5 лет и 8 месяцев. Их оставить не с кем, ясли закрыли. Так меня чуть не посадили, уже и повестку прислали на суд. Так, спасибо, секретарь сельсовета дала мне справку, что у меня двое детей. Мне пришлось эти трудодни выработать уже в поле. Я уходила на работу, а ребятишек закрывала на замок. На пятилетнюю дочку оставляла восьмимесячного сына. Пока на работе - сердце не на месте.

Кроме лесосплава и работы в поле мы еще строили дорогу на Барзас. И ничего за это не получали. Кажется, не получал за нашу работу в лесу и на дороге и колхоз. Мы работали на государство бесплатно. Нам ставили палочку – трудодень. А на этот трудодень должны были давать зерно. Считалось, что кто больше заработает трудодней, тот больше и зерна получит. А на самом деле все получали по чуть-чуть. И по полученным продуктам не особенно было заметно, как ты работал. Хорошо, что еще сам ничего не должен оставался колхозу или государству! А то, бывали случаи, люди работали, работали, а с них за что-то высчитывали, и они оставались ни с чем.

У нас в колхозе хлеба всегда плохо рождались. А когда урожай хороший случался, то его куда-то увозили, и до колхозников он не доходил. В самые лучшие времена нам на трудодень выдавали 2-3 кг. А после войны, уже когда у нас совхоз был, давали 3 кг. зерна и 2-3 рубля на трудодень.

Урожайность зависела от председателя. Хороший председатель - хороший урожай, плохой председатель - плохой урожай. Куда они хлеба сплавляли, мы, дураки-колхозники, ничего не знали. Может, государству сдавали, может, продавали, а может, еще куда девали, не знаю.

У нас председатели очень часто менялись. Председатель год-два побудет, наживется и уедет. Потом другого присылают. Один

председатель у нас толковый был. Он после уборки норму хлеба сдал государству, а остальное - раздал людям по трудодням. Так его, бедненького, посадили.

У нас все председатели приезжие были, все партийные. Бригадирами становились партийные односельчане, либо их присылали. Было так: в партию вступил - можешь начальником стать. Моему мужу предлагали вступить в партию, говорили: «Андрей Иванович, вступай в партию, в начальники пробьешься».

Я закончила 4 класса в Подъяково, а чтобы дальше учиться, нужно было за 14 км. ходить в Щегловку. Поэтому учиться прекратила. К тому же по хозяйству дел много. Поэтому у нас многие только по 4 класса и окончили.

В мою молодость мы гуляли, бражку пили, плясали, песни пели. Драки, конечно, случались, но как-то поспокойней было, чем сейчас. Хотя милиционера у нас не было в деревне. В Щегловке милиционер был. Он и к нам иногда приезжал, что-то проверял. Воровства не было, друг у друга не воровали. Правда, была у нас одна семья - коров и коней воровала. Когда мы их разоблачили, они бросили это дело. Миром обошлись.

У нас даже Кедровый бор не охранялся от шишкарей. У каждого хозяина была своя доля в бору. Наступало 20 августа, и все на своих подводах ехали бить шишки. Приезжали на условленную поляну, а там председатель красным флагом давал сигнал, разрешающий сбор шишек. И каждый собирал шишки на своей доле. Колхоз шишки не забирал. Если кого-то поймают с добычей до боя шишек, то его ссылали в Томск. Оттуда люди не возвращались, погибали. Говорят, до колхозов обходились и без председательского разрешения на бой. Мужики и так шишкарели только в установленный срок. И никто не надзирал за ними.¹⁵⁶

В то время был «Закон о колосках», сажали по нему страшно. Мама моя в 70 лет на плейтоне работала, принесла отходы домой, ей за это дали год отработки. Ее напарницу отправили в Кемерово на годичный срок. Колхозникам пенсии не было никакой. Мама прожила 105 лет, ей стали выплачивать по 8 рублей уже в конце жизни.¹⁵⁷ Хотя она осталась одна без мужа в 40 лет и подняла нас.

---

¹⁵⁶ Блестящий пример эффективности саморегулирования в доколхозной крестьянской общине и неэффективности советского запретительства.

¹⁵⁷ Типичный пример «заботы» советской власти о пенсионерах.

Налоги у нас были огромными. С одной овцы две шкуры сдать нужно было, потому, что она ягненка приносила.¹⁵⁸ Яйца, мясо, молоко - все нужно было сдать. Чтобы никто не знал, что я держу овечку, я выпасала её тайком ночью, а днем прятала в стайке. Днем намотаешься, устанешь, а ночью ещё и овечку пасешь. После смерти Сталина Маленков такие налоги убрал. Мы сразу задышали легче - овечек, поросят завели. Сталин с Берией такое в стране творили, что невозможно! Насмерть людей уничтожали. У нас многие так считают.

А сейчас один переворот за другим. Как Горбачев пришел к власти, так нет в стране порядка. Разворовывают страну. Теперь вот нет ни бензину, ни керосину.

И то сказать, раньше тоже не лучше было. Советский Союз другим странам помогал, а мы сами голые да босые ходили и вечно голодные. Зачем спрашивается?¹⁵⁹

Проклятие какое-то над страной!¹⁶⁰

---

¹⁵⁸ До этого разъяснения составители сборника не могли понять изыска советской налоговой системы о взимании налога с одной овцы в виде двух шкур. Думали, что крестьяне так говорили для «красного словца».

¹⁵⁹ Для реализации главного постулата марксистской теории о проведении мировой социалистической революции.

¹⁶⁰ Так действительно можно подумать, зная, что к началу первой мировой войны (1914 г.) Россия хоть и отставала от стран Запада, но это отставание было незначительным и носило лишь количественный характер. К концу же социалистического эксперимента (1991 г.) страна качественно отстала от цивилизованных стран. А.И.Солженицын заявил поэтому: «Из-за коммунизма Россия потеряла XX век!».

ДОКУМЕНТ №77

Голубева Анна Антоновна родилась в 1922 г. в д. Карабинке на Алтае. В 1927 г. перехали в д. Чешник Таштагольского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Клокова Наталья в 1999 г. (п. Кузедеево)¹⁶¹

В семье у нас были: дед, родители, я и три брата. Уехали мы из родной деревни после гражданской войны. Во время гражданской войны власть в деревне, рассказывали, была то белая, то красная. А хорошего мы не видели ни от той, ни от другой.

Прискачут белые, выведут десяток мужиков и для острастки расстреляют. А на другой день красные приезжают и опять бить мужиков начинают. Однажды белые уехали, а тут снова красные нагрянули. А в церкви списки лежали, в которых было записано, кто белым помогал. Если бы те списки красным достались, много народу бы побили. Мой дед тогда церковным старостой был. Он те бумаги выкрал и сжег.

Приехали мы в Кузбасс. Дом был небольшой, всего одна комната. Печка стояла да палаты, где мы и спали. Ни одежды, ни хорошей еды у нас никогда не было. Корова была, огород. Но ни молока, ни мяса мы не видели. Всё сдавали в налог.

Родители не вступали в колхоз. Жили единоличниками, вот нас налогами и давили.¹⁶² Но те, кто в колхозе был, жили ещё хуже, чем мы. Когда их в колхоз заманивали, много им обещали. Они и отдали последнюю скотину. Она у них стала общая, а, значит, без хозяина. Подохла вся!

За работу в колхозе им на трудодни давали чуть-чуть хлеба, да немного картошки. Вот и жили впроголодь. Мы, единоличники, как-никак, а всё же получше их жили. И мы, и они работали с утра до ночи. Но мы все церковные праздники соблюдали. У деда красная рубаха была. Как какой праздник наступал, он ту рубаху надевал и выходил на крыльцо. Люди идут, видят, дед Семен сидит в красной рубахе. Значит, праздник какой-то пришел. У колхозников таких праздников не было.

Кулаков в нашей деревне не было. Не раскулачивали. С детьми из нашей деревни куда-то не угоняли. Но в тридцать седьмом году некоторых наших деревенских всё же забрали. У мужа моего (я за него уже после войны вышла) отца и брата Виктора забрали. Просто пришли ночью,

---

¹⁶¹ Единственный в сборнике рассказ респондента из единоличников.

¹⁶² О давлении на сохранившихся единоличников см. документы в конце рассказа.

постучались, да и увезли их. А куда? За что? До сих пор никто не знает. А ведь они много хорошего для людей сделали. Виктор, например, жил в Атаманово. Школы у них не было. А он взял и построил её. Сам построил. До сих пор эта школа там стоит. А его забрали и сгубили.

Александра, мужа моего, из-за них даже в армию не взяли. И на фронте он не был. Боялись дать оружие родственнику врагов народа. Его заставили КМК строить. Он его строил по пояс в ледяной воде. Из-за этого потом всю жизнь болел.¹⁶³ А в 1991 г. его паралич разбил, ноги отнялись. С тех пор он не ходит.

Деревня наша что до колхозов бедная была, что и после них лучше не стала. А вот бедняков куда больше появилось. Колхозники-то на власть понадеялись.¹⁶⁴ Всё свое добро ей отдали. Думали, лучше будет. А стало совсем худо. Мы своим соседям-колхозникам то картошечку, то горбушку хлеба носили. Сильно голодно они жили. Сильно! Но на власть никто не жаловался. Все работали. Думали, что пройдут трудные времена и всем станет хорошо, заживут люди. Не дождались.

Школы в нашей деревне не было. Мы с братьями ходили учиться за тридцать километров в соседнюю деревню. Соберет нам мать картошки, и пойдем мы в воскресенье на всю неделю. Снимали мы там угол в одной семье. Их самих шестеро было, да нас с братьями трое. Так нас девять человек в одной избе и жили. Спали на палатах, ели с хозяевами из одной чашки. Тарелок и даже ложек на всех не было.

В школе учителей было совсем мало. Я хорошо закончила семь классов. Позвала меня учительница и говорит: «Оставайся, Аня, у нас! Учительницей будешь». Так и стала учительницей. Хотя самой тогда и 16 лет не было. Учила детей письму, математике. А на каникулах и летом сама ездила учиться в Сталинск. И учить и учиться было трудно. Ни ручек, ни чернил, ни тетрадок не было. Линовали газеты. Чернила делали из свеклы. Вся писанина, конечно, расплывалась по газете. Как проверить, не знаешь.

---

¹⁶³ По проекту стройплощадка Кузнецкого металлургического комбината (КМК) должна быть огорожена от р. Томи дамбой. В целях экономии времени и средств дамбу возводить не стали, а сразу приступили к строительству фундаментов цехов. Весной 1930 г. наводнение затопило площадку. Строителям (большинство из которых были завербованные или спецпереселенцы) отдали приказ спасти стройматериалы и оборудование. Что они и сделали, находясь в холодной воде по пояс. В советское время об этом (и подобном) писали как о подвиге и трудовом энтузиазме строителей социализма.

¹⁶⁴ Надежда на власть как на кормилицу стала родовой чертой советских людей.

Дети всегда голодными были. Одежонки на них - никакой. Помню, учился у меня мальчонка. Лет восемь ему было. Он в одной рубашонке, босиком ходил в школу. А осенью и зимой мать его утром приносила на руках в школу. А после уроков забирала. И таких детей много было.¹⁶⁵

Трудно жили! А тут ещё война началась. Ещё труднее стало. Весь хлеб, масло на фронт забирали. Нам мало что оставалось. Нам с учениками приходилось по полям ходить и крысинные норы искать. Крысы да мыши таскали в запас самое отборное зерно. Как найдем такой запас, сильно радуемся. Наедемся... Дров в школе почти не было. Мы за ними с учениками ходили.

Мужиков-то не было. Почти всех забрали. Мало кто из них вернулся. Старший мой брат Михаил был снайпером. Погиб. Отца по возрасту на фронт не взяли. Но его забрали в трудармию.¹⁶⁶ Кормили их там одной мороженой свеклой. Заболел. Умер в 43-м году.

Мы все на фронт отправляли – хлеб, масло, мясо. Варешки вязали, носки. Картошку чуть отваривали, потом её сушили, делали брикеты и отправляли. Все ждали победы. Никто не жаловался.

После войны тоже трудно было. Мужиков не было. В деревнях одни бабы остались. На себе пахали, сеяли и убирали. Многие умирали от голода и истощения. Совсем бедно жили. А потом чуть-чуть лучше стало.

Конечно, ни о каких телевизорах мы не знали. Даже не слышали про них. Зато в нашей семье у самых первых радиоприемник появился. «Родина» назывался. К нам по вечерам соседи приходили, передачи слушали.

---

¹⁶⁵ На такое свидетельство учительницы следует обратить особое внимание в стремлении познать уровень материального обеспечения колхозников. Одному из составителей сборника довелось наблюдать нечто похожее, когда он в 1962 г. работал на уборке урожая в одном из колхозов Кемеровского района (тогда студентов «гоняли» в колхоз).

¹⁶⁶ Трудовые армии были «изобретены» советской властью ещё в годы гражданской войны в соответствии с законом о всеобщей трудовой повинности (при царизме такого не было). Тем людям, кто годился для войны, давали винтовки, остальным – лопаты или что-то подобное. В годы Великой Отечественной войны в трудовые армии призывали негодных к строевой службе (стариков, женщин, узбеков, казахов и др.). Порядки в такой трудовой армии мало чем отличались от порядков в лагерях заключения. Трудармейцы использовались на самых тяжелых работах фактически только «за кусок хлеба» (выражение того времени). Бесплатный труд трудармейцев и заключенных ГУЛАГа, почти бесплатная работа закрепленных за предприятиями рабочих и служащих, массовое привлечение подростков – вот те рычаги, при помощи которых власть организовала военную экономику, а затем восстановление разрушенного хозяйства. (В Кузбассе есть даже поселок Трудармейский)

По этому приемнику мы и про смерть Сталина узнали. Для многих из нас это было как конец света. Нам казалось, что умер единственный наш хозяин. Один – на всех нас. Тот, кто один думал о нас. Что теперь с нами будет? Думать боялись.

Пусть трудно при Сталине было, но власть была. А после него власть кончаться стала. И совсем пропала. Нет теперь хозяев.

Потом жизнь налаживалась. Лучше стала. Я в школе 40 лет отработала. Муж тоже учителем был. Два сына вырастили: один на шахте работает, другой – врач.

Так вот и живем. Сейчас, конечно, легче, чем в войну. Но люди другими стали. Только о себе и думают. А раньше все вместе жили, друг другу помогали, последним куском делились.¹⁶⁷ Трудно, голодно, но весело жили. Вера во что-то хорошее была. А сейчас живем от пенсии до пенсии. Какую копейку добавят, вот и вся радость. Хотя счастье, конечно, не в деньгах.

Власти в стране нет. А какая есть, та о себе, а не о нас думает. Другая жизнь теперь настала. Хоть и легче, а хуже!

Верить не во что!

---

¹⁶⁷ Это замечательное качество российского народа (соборность) постепенно исчезало в условиях каждодневной борьбы советского человека за физическое выживание (от голода, от доноительства, от репрессий).

Приложение (архивные документы):

Выписка

из протокола заседания Титовского райкома ВКП(б) об «явном саботаже» в хлебосдаче среди единоличников по Вагановскому сельсовету.

8 сентября 1935 г.

Село Титово.

Слушали: О ходе хлебосдачи по единоличному сектору Вагановском сельсовете (док. тов. Воронков)

Постановили: Отмечая явный саботаж в хлебосдаче единоличников по Вагановскому сельсовету (на 5 сентября 1935 г. выполнено всего 4% годового плана).

Считать необходимым поручить тов. Божик (нач. РО НКВД) поехать в этот сельсовет и путем организации массовой работы среди единоличников, а также принятием соответствующих мер репрессий к заметным саботажникам – сломить саботаж в области хлебосдачи и обеспечить выполнение плана в установленный срок.

Секретарь Титовского РК ВКП(б) подпись Васильев

ГАКО. Ф. П-142. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.

Подлинник. Машинопись.

«Тревога» -

специальный выпуск Тисульской районной газеты «Сталинская трибуна» о суде над саботажниками хлебосдачи в районе.

3 октября 1936 г.

с. Тисуль

27-28 сентября в селе Преображенке проходил процесс над контрреволюционными саботажниками хлебоуборки и хлебосдачи. Процесс вела специальная коллегия Краевого суда. На скамье подсудимых группа единоличников в количестве семи человек, организовавших злостный контрреволюционный саботаж хлебозаготовок. Единоличники: Декало Т.А., Шепель Д.П., Кузьменко С.Ф., Осипов И.С., Тишко М.Б., Дзебо С.П., Орёл С.М. под руководством Декало и Шепеля организовали саботаж хлебосдачи. Ни один из них, имея посевы, не сдал ни килограмма зерна государству. Обмолот хлеба производили тайно, обмолоченные снопы составляли в суслоны и прикрывали сверху немолоченными, создавая

видимость, что хлеб якобы не молочен, а зерно тайно, ночью увозили домой.

Их примеру последовали другие единоличники. Молотили также хищническим способом, не сдавая ничего государству. Из 908 центнеров по обязательствам, единоличники не сдали ни килограмма. Они десятками писали заявления, подговаривая женщин и стариков, чтобы те делали то же, посылали ходатаев в Край, стараясь сами стоять в стороне незамеченными. Группа вела свою подлую подрывную работу против советской власти, всячески стараясь дискредитировать её, игнорировали закон о хлебопоставках сами, не выполняли их, организовали группу антисоветски настроенных элементов, проводили нелегальные собрания, где обсуждали вопросы как лучше навредить советской власти. Своё влияние они старались распространить и на остальных единоличников и отсталую часть колхозников села Преображенки, вели систематическую контрреволюционную агитацию.

Суд приговорил:

Декало Т.А., к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Шепель Д.П. на десять лет тюремного заключения, с поражением в правах на три года и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Кузьменко С.Ф. к 8 годам тюремного заключения с поражением в правах на три года и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Осипов И.С. и Тишко М.Б. – к семи годам тюремного заключения с поражением в правах на три года и с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Дзебо С.П. и Орёл С.М. к 5 годам тюремного заключения с поражением в правах на три года и с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Приговор общественностью встречен с одобрением.

ГАКО. Ф.П-40. Оп.1. Д.4. Л.95.

Подлинник. Типографический экземпляр.

Лексика и орфография документа даны без изменения.

ДОКУМЕНТ №78

Масякин Николай Данилович родился в 1922 г. в с. Ступишино Тяжинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Масякина Юлия в 1999 г. (г. Кемерово)

Отец – Масякин Даниил Филиппович 1888 г. рождения, мать - Анна Максимовна 1887 г. рождения имели 14 детей. Из них выжили восемь.

В Ступишино полдеревни были «чалдонами», полдеревни «галушниками». Чалдонами их называли за то, что они переселились из тех мест, где текла река Дон, в неё впадала речка Чал. А галушниками называли переселенцев из Курской области: они часто готовили галушки.

Мы жили неплохо. У нас был большой огород, коровы, шесть лошадей, свиньи, козы, овцы, гуси, утки, куры. Каждый из детей имел своё задание: наколоть дров, наносить воды, прополоть грядки, напоить и накормить скотину, убрать навоз. Летом все ездили на сенокос и в поле. Только после выполнения своей работы мы могли пойти на речку или просто поиграть с другими детьми. Игнали в «чижик», «городки», «салочки», «вышибало». Игрушки мы делали сами: мальчишки - из бересты коников, свинюшек, девчонки – тряпичных кукол.

Семья наша была дружная. Никто никого не обзывал. Со старшими никогда не огрызались. Родителей чтили и побаивались. Отец никогда не ругался и не бил нас. А мать была очень строгой. Однажды мой брат Ленька сидел на открытом мешке с просом и качался на нём. Мать предупредила его, чтобы он слез с мешка. Но тот продолжал качаться до тех пор, пока не упал вместе с мешком. Просо просыпалось, а Ленька шмыгнул под кровать. Он стал вылезать из-под кровати и не знал, что мать стояла рядом со скалкой. Она думала, что Ленька лезет задом и стукнула его по заднице. Оказалось, что он лез головой вперед и получил по лбу. Он чуть сознание не потерял. С тех пор все этот случай помнили и боялись мать.

Отец у нас был плотником. В доме всё было сделано его руками: стол, стулья, лавки, шкафчики, кровати, даже деревянный диван. Тюфяки были из соломы, подушки - из перьев. Койки заправлялись дерюжкой. Электричества не было. Освещались пятилинейными керосиновыми лампами. У нас была и «молния» – это такая большая керосиновая лампа, которая была только в школе.

В школу я пошел в 1929 г. На мне были штаны из конопли, льняная рубашка и холщевая сумка. Одевались в то время в самотканное. Сеяли коноплю, из неё ткали, красили и делали одежду. Только в 1937 г. нам стал

доступен ситец. У меня тогда появилась красная ситцевая рубаха. Писали мы на грифельных дощечках грифельными карандашами. На этих дощечках выполняли и домашнее задание. Учитель подойдет, проверит, поставит оценку, и ты можешь стирать с дощечки и писать классную работу. Раньше не было современных оценок: 2, 3, 4, 5. Ставили: «плохо», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично». Никаких буфетов тогда в школе не было. Еду каждый приносил сам. Я брал пирожки с горохом, пшеном, гречкой. Учился до 1936 г., но закончил всего 4 класса, хотя школа и была семилетней. А получилось так из-за того, что мне часто одеть и обуть было нечего и приходилось ждать старшего брата. Меня отчисляли за хулиганство: разбивал окна. Ну, а если честно, то в то время образование не считалось главным. Научился читать, считать и писать – ты уже очень умный.

Художественной литературы у нас в деревне не было. Был журнал «Лапоть» (это - как нынешний «Крокодил») и районная газета «За Сталинский урожай». В 1939 г. у нас в деревне впервые появилось радио. Это была картонная тарелка. Был клуб из одной комнаты, куда привозили немое кино. А когда раскулачили кулаков, в клубе прорубили стенку, и он стал больше. В нём мы впервые посмотрели звуковое кино «Чапаев». Это был настоящий праздник. В клуб пришли от малого до великого. Всем места не хватило. Дети разлеглись на полу.

Есть садились только все вместе. У каждого было свое место. Мы сидели на лавках вдоль стены, а отец садился во главе стола. На стол подавалась одна большая чаша с едой. Ели мясо, молоко, картошку, сало. А яйца, сметану, масло полагались к великому празднику, чаще всего к Пасхе. Осенью закалывали скотину, мясо замораживали или засаливали. Весной и летом мы мясо не ели. Зато зимой – часто. На каждое вечерье (ужин) нам давали по маленькому кусочку сахара. А если был сахар песок, то бабка насыпала возле каждого из нас горку сахара. Мы сначала в сахар макали хлеб, а затем вылизывали это место языком. Стол был деревянный и блестел от наших вылизываний. С семи лет я начал работать – бороться с землёй.

В колхозе жилось очень трудно. Деньги не платили. А за один трудодень давали всего 200 гр. зерна. В нашей семье работало 5 человек. Но за год мы заработали всего 500 трудодней и получили всего 100 кг зерна. А что эти 100 кг. на нашу семью из двенадцати человек? Живые деньги мы видели только тогда, когда ездили в район продавать мясо, молоко. Но на один рубль можно было купить очень много. Один метр сатина, например, стоил 11 коп, а 1 кг леденцов – 3 коп. Это я помню хорошо, так как менял яйца на леденцы. С яйцами из нашего собственного

хозяйства я этого проделывать не мог, ибо наша бабушка точно знала, какая курица снесется. Но к нам приходила нестись соседская курица, и я один знал это. Брал яйцо, сдавал и покупал леденцов. Немного съедал сам, а вечером на танцах угощал девчонок и считался «богатым женихом».

В 16 лет меня отправили в район учиться на тракториста. Проучился зиму, а весной сдал экзамен. После этого стал работать на колесном тракторе. А в 1940 г. я сбежал из колхоза. Хотел жить в городе. Но меня поймали и вернули назад.

В 19 лет меня забрали в армию, а в 1943 г. я попал на фронт. Был рядовым, наводчиком станкового пулемета. На пулемете было 4 человека, я был первым номером, стрелял первым.

После войны вернулся домой. Но в колхозах стало ещё тяжелей, и я переехал в г. Кемерово. С 1946 по 1955 г. работал в милиции. Дали комнату в бараке. У меня там был только стол, который подарили сослуживцы, да деревянная кровать. С 1955 г. работал на заводе «Строммашина» крановщиком. Отработал 30 лет. Женился, имею сына и дочь. Дали трехкомнатную квартиру. Девять раз отдыхал на курорте. После работы очень любил играть в домино и карты.

С 1989 г. стали жить хуже. Цены стали высокими, а пенсии низкими. В 70-х годах на свою пенсию в 132 руб. я мог жить очень хорошо.

А сейчас мы, пенсионеры и фронтовики, никому не нужны.

ДОКУМЕНТ №79

Мищенко Татьяна Дмитриевна родилась в 1922 г. в д. Ивановке нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Дроздовская Елизавета в 2000 г. (г. Кемерово)

Семья родителей была небольшая. У них было всего три дочери. Я была самой старшей, поэтому стала у родителей главной помощницей. Меня рано выдали замуж. В 22 года я уже родила первого ребенка, а через десять лет – второго. Жить было трудно, но я всё-таки смогла дать своим детям высшее образование. Я очень горжусь своими дочерьми. У меня уже двое внуков.

Коллективизация в деревне стала проводиться сразу же после установления советской власти. Сначала сделали коммуну. Она у нас называлась «Колос». Но что это такое, я не знаю. Слишком была мала. Говорили, что там были в основном бедняки, что коллективная обработка земли позволяла облегчить труд и увеличить урожайность. А вот когда создавались колхозы, я уже что-то помню. Но больше знаю по разговорам родителей и односельчан. До колхозов у нас была потребительская кооперация, куда мы продавали свои излишки. Были также товарищества по совместной обработке земли.

Создание колхозов сопровождалось политикой ликвидации кулаков, то есть зажиточных крестьян. Среди них много было середняков. Их земля, скот, инвентарь передавались в колхоз. А сами они ссылались на лесозаготовки и строительство заводов. Некоторых переселяли недалеко. Ходили слухи об их расстрелах.

Коллективизация, рассказывали агитаторы, должна была увеличить рост обрабатываемых земель. Но у нас произошло всё наоборот. Иначе, почему крестьяне стали вывозить в город очень мало мяса, овощей, и цены на продукты там так сильно выросли? Родители говорили, что и до колхозов такое было, когда в город вывозили мало продуктов. И тогда в деревнях появлялись специальные отряды и силой забирали у крестьян урожай, штрафовали их, высылали, а кого-то и расстреливали.

Но голода тогда в деревне не было. А после коллективизации голод был. Тогда, в 1931-33 гг., у нас изымалось хлеба больше, чем когда-либо. В нашей Ивановке несколько десятков крестьян погибло от голода. Очень много осталось сирот. Такое потом повторилось в годы войны и какое-то время - после.

Крестьян принуждали вступать в колхоз угрозой выселения. Их лишали избирательных прав, увеличивали налог, сгоняли на неудобные и

малоплодородные земли, конфисковывали имущество. Их фамилии заносили в черный список. Среди тех, кто агитировал за колхоз, были комсомольцы, молодежь. Кулаки, конечно, выступали против них.

Председателями колхозов и бригадами становились близкие советской власти люди. В колхозе царил бесхозяйственность и хищения. Но хищениями занимались не рядовые колхозники. Колхозник боялся воровать колхозное добро. Его за это очень строго наказывали. Среди крестьян это считалось воровством. А в доколхозной деревне даже замков не было. Все люди тогда доверяли друг другу, были добрыми соседями.

Конечно же, крестьяне мечтали о роспуске колхозов, родители говорили об этом. Да и как было не мечтать! Ведь в колхозах труд был принудительным. Не было ни выходных, ни праздничных дней. За свой труд колхозники почти ничего не получали. Пенсионеров в колхозе не было. Паспортов колхозники не имели. Иначе бы они уехали из деревни. Разве это жизнь?

После войны жизненный уровень не сразу, но повысился. Был уменьшен вдвое сельхозналог, снизились цены. Но всё равно доходы колхозников были намного меньше, чем рабочих в городах.

Про политику и Сталина говорить боялись. Мы знали, что Сталин вождь народа. Но местную власть мы не любили. Считали, что она злоупотребляет своим положением.

В нашей деревне была церковь. С большим уважением люди относились и к священнику, и к учителю. Но церковь закрыли, так как советская власть посчитала её «опиумом для народа». Мы очень тянулись к знаниям. И дети, и взрослые ходили в школу с желанием. С любовью относились к избам-читальням. Там можно было пообщаться с соседями, почитать газеты и книги.

Нынешняя реформа поделила людей на бедных и богатых.

ДОКУМЕНТ №80

Мартыненко (Леонтьева) Мария Георгиевна родилась в 1923 г. в д. Кармановка нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Огурецкая Ольга в 2000 г. (г. Кемерово)

Родители имели четыре дочери и четыре сына. В моей собственной семье было семеро детей (три мальчика и четыре девочки)

Родители были против коллективизации, считая, что кроме хозяина никто другой за его полем и скотиной лучше ухаживать не будет. Детские воспоминания о коллективизации связаны со сгоном всей домашней скотины (даже кур) на общий скотный двор.

Семьи бедняков, как правило, были многодетны, имели хозяйства, но не следили за ним по разным причинам. Среди них встречались погорельцы, переселенцы из других областей, те, кто потерял своего кормильца. А часто это были «гулящие» люди - пьяницы. Отношение к ним было основано на сочувствии или презрении.

Вопрос о раскулачивании решался на общем сходе колхоза. Раскулачивали тех, кто не хотел вступать в колхоз, имел крепкое хозяйство. Односельчане жалели честных и трудолюбивых людей, живших за счет своего труда и имевших крепкое хозяйство, а кулаков, наживших свое богатство за счет эксплуатации односельчан, ненавидели. Раскулаченных лишали всего имущества: земли, дома, скота. Вместе с семьями их выслали в другие районы, разрешив брать с собой ручную кладь и еду на дорогу. Общение с высланными из деревни было практически невозможно. Многие из них погибали еще в дороге. Очень редко от них приходили письма.

Для вовлечения крестьянина в колхоз привлекались агитаторы из городов. Активистами колхозов становились люди, некоторое время прожившие в городе, прошедшие войну, революцию, гражданскую войну. Отношение к ним было разное. Они рассказывали о перспективах колхозной жизни. Председателями колхозов становились деревенские активисты или специально присланные из города люди. К председателям колхозники относились так, как те того заслуживали. Среди них были и хорошие, и плохие люди.

При вступлении в колхоз у крестьянина забирали всю живность, весь инвентарь, земельные наделы. Многие не хотели вступать в колхоз, желая жить единолично. У таких людей отнимали лучшие земли, выделяя вместо них «неусобные» земли, то есть те, на которых вероятность созревания хорошего урожая была очень мала. Конечно, люди мечтали о роспуске

колхоза. Но это было только на первой стадии коллективизации.

До колхозов никаких форм совместного труда не было; каждый работал со своей семьей. Крестьянский уклад жизни не претерпел сильных изменений ни до, ни после коллективизации. Правда, после коллективизации семья стала хуже и питаться, и одеваться.

Рабочий день в период страды не был нормирован. Зимой работы было меньше. Оплата считалась трудоднями, но в итоге вознаграждение за труд было небольшим и выдавалось натурой (например, хлебом).

В колхозе воровали сено, зерно, но в народе это не осуждалось. В деревне дома на замок не запирали: люди друг друга знали очень хорошо, и поэтому чужой человек, появившийся в поселке, сразу бросался в глаза. Да и брать-то в домах было нечего.

К пьяницам в доколхозной деревне относились с большим презрением. Такой человек имел запущенное хозяйство. А при колхозной жизни отношение к пьяницам изменилось. Теперь уже к непьющему стали относиться с осторожностью.

В период репрессий из деревни забрали многих мужиков, как врагов народа. Забрали разных людей - от председателя колхоза до скотника. А за что? Ведь основная часть из них были деревенскими жителями, никогда в жизни не выезжавшими за пределы деревни. Где, интересно, они могли стать врагами?

Неурожаи 1931-1933 годов, военные и послевоенные годы (1941-1946 гг.) сильно коснулись деревни. Основным продуктом питания были картошка, брюква, репа. Люди голодали, много детей умирало от голода.

Пенсионеров в колхозе не было, люди работали до тех пор, пока носили ноги. Пенсию по старости начали выплачивать только в конце 60-х годов, и была она мизерная (около 8 рублей). Паспортов в колхозе не выдавали, чтобы не дать людям возможность покинуть деревню в поисках лучшей жизни.

После войны в деревне жить стало тяжелее, так как основной труд лег на плечи женщин и детей. Больше половины мужиков с фронта не вернулись.

Колхозникам разрешалось иметь скот и небольшие земельные наделы. Во время войны, после, а так же в период голода, применялись жесткие меры к людям, укравшим в колхозе даже небольшое количество колосков или горсть гороха. За горсть гороха колхозник получал до десяти лет лишения свободы.

В деревне была школа — семилетка, в которой обучались все дети деревни. Народ обучался с желанием. Также был клуб, в котором проводились собрания, редко демонстрировались фильмы, проходили

праздники, танцы. К избе - читальне жители относились доброжелательно.

Была небольшая церквушка, которую после ареста попа в 1939 г. закрыли. До этого её посещали пожилые люди. К священнику относились неоднозначно. Учителей в деревне уважали. К политике, выборам, правительству в колхозе все относились равнодушно.

Свет и радио появились только в 60 – х годах. Жизнь в деревне родители не сравнивали ни с чем, так как кроме своей деревни ничего не видели. Зажиточно в колхозе жили управленцы и механизаторы.

Сейчас в деревне из родных никого не осталось, братья и сестры умерли, а дети и внуки живут в городе, жить в деревне никто не хочет: кроме слякоти и грязи ничего не увидишь.

Деревня не может выбраться из нищеты до сих пор потому, что в период коллективизации и в период репрессий были уничтожены крестьяне, любящие крестьянский труд, землю и умеющие на ней работать и обрабатывать её. Не видя улучшений жизни в деревне, крестьяне стали плохо относиться к общественному труду, расцвело воровство, безделье, пьянство.

Ни на курортах, ни за границей не была. Мебель была большей частью самодельная, имели холодильник, телевизор, приобретенные в разное время.

За годы реформ жизнь в деревне стала еще хуже. Народу осталось совсем мало, в основном, одни старики. Колхозное хозяйство пришло в сильное запущение.

Руководство страны во все времена не давало крестьянину жить в достатке и с достоинством.

ДОКУМЕНТ №81

Горцевская (Рябцева) Пелагея Михеевна родилась в 1923 г. с. Большие сети Курской области. Беседу вела внучка Горцевская Светлана в 2001 г. (г. Осинники).

Пелагея Михеевна – Хотя год моего рождения записан 1928, но эта дата не достоверна. Ведь я помню, как погиб мой дядя, а это произошло в 1928 г. Обращалась в кемеровский КГБ, откуда пришла справка, что, по «словам Вашего отца, Рябцевой П.М. было 7 лет во время выселения». Выселили же нас в 1930 г.

Светлана - Бабушка, у твоих родителей какая была семья?

Пелагея Михеевна – Сюда, в Осинники, привезли отца, мать и меня. Две старшие сестры остались под Курском. Во время раскулачивания родителям сказали: «Хотите, забирайте всех, хотите, оставляйте старших». Ну, а куда везут, зачем везут, не сказали. Собственная моя семья состоит из мужа (Горцевского Николая Андреевича), дочери и двух сыновей.

Светлана – Баба, что в твоей памяти стоит за словом коллективизация?

Пелагея Михеевна – Грабеж среди белого дня! Нас раскулачили. Была у нас мельница, сеялка, веялка и весь хозяйственный инвентарь, собственный дом. Помню большую ригу, куда свозили хлеб. Корову отобрали. Отобрали все, что трудом своим заработали. Свезли всё это в колхозы.

Светлана – Ты что-нибудь помнишь из картин раскулачивания?

Пелагея Михеевна – Мы были из бедной семьи. Но когда пришла советская власть, земли стало – бери, сколько хочешь. У отца были братья. Они - дружные ребята. Быстро поднялись. А и то! Землю бери, обрабатывай, трудись. Они мельницу выстроили, каждому – по хорошему дому. Мой дед всё говорил: «Вот денежки пропадут, а земля ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет». А у нас отобрали и землю, и всё остальное.

Деда в колхоз стали звать. А он не пошел. И его посчитали организатором противоклхозных дел. И его дети тоже не пошли в колхоз. Ну, деда и схاپали. И всё отобрали.

Это было, когда колхозы только-только стали организовывать. Кто поумней тогда был, видят, что дело неладное, всё быстренько продали и кто куда разбежались, поехали. А дураки всё у них скупали, быстро разбогатели. Потом их-то и объявили кулаками, начали щипать.

Люди из власти ходили, в землю пики пихали. А на пике крючок. Если хозяин хлеб закопал, то хоть одно зёрнышко да зацепится за пику.

Яму раскапывают и всё отберут. А потом и до подкулачников дело дошло, то есть тех, кто победнее был, но хотел самостоятельно хозяйствовать. Их тоже обобрали. Потом стали выселять.

Светлана – Баба, а кто такие бедняки, как к ним относились в деревне?

Пелагея Михеевна – А бедняки-то? Да это, как сейчас: выпить, пожрать, детей накопить. Они не хотели работать. Это люди - так себе, шалай-валяй. Знаешь, как беднота радовалась, когда в наш дом бедного заселили!

Светлана – А вы куда делись?

Пелагея Михеевна – Мы перешли к вдове папиного брата, который погиб в 1928 г. Рядом жили ещё два дяди. Они все дружные братья-то были. У них свой, считай, колхоз был. Но потом всё у них отобрали. Из хаты выгнали, иди куда хочешь. Через какое-то время нас стали собирать и свозить в район, готовить на высылку. У нас село было большое - около 800 дворов. А потом, после высылки, всего ничего осталось. Высылали в определённые места. Грузили в телячьи вагоны, как скотину. Там даже окон не было.

Светлана – С собой вам что-то можно было брать?

Пелагея Михеевна – Говорили, можно брать, что хочешь, что сможешь на себе утащить. Берите, мол, не бойтесь. Но мама моя побоялась брать. Мы не стали раскапывать ямы с барахлом. Мы туда добро зарыли, пытаюсь вещи сохранить от тех, кто нас кулачил. Уехали, в чём мать родила. Всё пропало!

Светлана – Ты свою деревню помнишь? Помнишь, как она выглядела до коллективизации и после неё?

Пелагея Михеевна – А как ты думаешь? Конечно, помню. Каждое воскресенье мы с мамой ходили в церковь. Каждое воскресенье ходили молиться. Дружно ходили, все нарядно одевались. К священнику относились уважительно. Учитель в школе был для нас святыней. Потом церкви позакрывали. Почему? Да чтобы шли все в партию, а не в церковь, чтоб коммунистами все становились. Внушали, что религия обманывает людей, Бога нет! Но коммунисты, хоть и тайно, но все же крестили своих детей.

На престольный праздник съезжалась вся округа в гости. У каждой деревни был свой престольный праздник. Бывало, мы едем на лошади, а кругом люди - красивые, добрые, здороваются, улыбаются, целуются. А после коллективизации как могла выглядеть деревня, когда всё растащили?! Потом я ездила посмотреть деревню, где родилась. Там из 800 дворов осталось дворов 250. Все поразъехались. Тогда люди вообще много

бежали. Бежали и отсюда, с Осинников. Отцу моему предлагали: давай, говорят, тебе справку сделаем, уедешь отсюда. А отец не согласился.

Светлана – А что за справка?

Пелагея Михеевна – Ну, как тебе сказать. Паспортов не было. Чтобы устроиться на работу, справка нужна была. Умелые люди писали такие справки, а печать пятаком делали. У одного мужчины вся семья уехала, сбежала, а он так один здесь и остался.

Светлана – Баб, а был ли протест со стороны крестьян против раскулачивания?

Пелагея Михеевна – Кого раскулачили, сразу же вывезли. Они не успели бунта поднять. А бедным-то зачем будет протестовать. Они награбили, им хорошо стало жить. А потом, когда кулацкое добро поносили, попользовались им, хлебушек подъели, то стали разбегаться и они. Да кто в деревне оставался жить-то? У кого бежать не с чем было? Не с чем и некуда! Кто как мог бежал оттуда. Правдами-неправдами паспорта покупали и бежали.

Светлана – Кто из ваших, деревенских, становился активистом колхозов? Как к ним люди относились?

Пелагея Михеевна – Да вот эти бедные-то и становились активистами. Ну, а как хозяин может относиться к грабителю? Если у тебя придут и заберут всё, что трудом нажито. И отдадут твое добро кому-то, в общество свезут. Они будут, есть твой хлебушек, а ты – мякину! Ой, голод страшный был. Наешься того хлеба - в туалет не сходишь.

Светлана – Кто становился председателями колхозов, и какое было отношение к ним колхозников?

Пелагея Михеевна – Бедных и ставили. Ну, а колхозники тоже бедняками были. Вот они очень быстро и нашли общий язык. В партию они вступали, коммунистами становились. Коммунисты хоть и были безграмотные, но всегда были в почете, их на первое место везде выдвигали.

Светлана – А как в колхозах работали, что получали за работу?

Пелагея Михеевна – Я-то сама не была в колхозе, точно не знаю. Но тогда все знали, что колхозники работали за колышки. Так трудодни назывались. Потому что за эти трудодни с урожая полагалось по 200 граммов зерна. Если урожай хороший, то больше. Но разве 200 граммов – еда?

Светлана – Баба, а ты голод помнишь?

Пелагея Михеевна – Ещё бы! Если всё отобрали у труженика, как же не будет голода? В Осинники приехали, по карточкам хлеб давали. Кто как мог, тот так и выживал. У моего отца было много специальностей: он и

сапожный мастер, и валенки катал, и кожу выделывал. Пойдёт в деревню что-то сделает, нам принесёт что-нибудь из еды. Тут в Сибири в деревнях богато жили. Но и их разграбили. У нас в семье я одна была из детей. А в больших семьях в 30-е годы люди умирали от голода. У наших соседей по выселке в один день двое ребятишек умерли. Им года по четыре-пять было.

Светлана – Были ли в колхозе пенсионеры?

Пелагея Михеевна – Мы и в городе о пенсии понятия не имели. Трудовых книжек не было. Справочку тебе дадут, если ты уходишь с одной работы на другую. И паспортов у колхозников не было. Это чтобы они не разбежались. Знаешь, как из колхозов бежали. Они, бедные, всё время голодовали там. Налоги на них такие большие были при Сталине! И работали они за колышки, то есть ничего не получали. И карточек у них не было. А в 42-м году нас ещё дальше погнали, в Нарым повезли, в трудовую армию. Отца-то моего на войну не взяли, тогда кулаков на фронт не брали.

Светлана – Правда ли, что когда началась война, все охотно пошли воевать?

Пелагея Михеевна – Да брешут, как всегда. Ну, надо же! Прямо все так охотно и пошли воевать. Принесли повестку и иди. А не пойдешь, тебя тут же расстреляют. Всех брали.¹⁶⁸ Погоди-ка! Спецпереселенцев поначалу не брали на фронт. А уже под конец войны молодёжь нашу реабилитировали, стали забирать на войну.¹⁶⁹ А отца моего со спецучёта сняли только после смерти Сталина.

Светлана – Много вернулось с войны?

---

¹⁶⁸ Нет, не всех брали на фронт! Мало кто из советских людей знал и знает, что в число тех, кто имел отсрочку от призыва по мобилизации на фронт, были работники ЦК ВКП(б) и аппаратов горкомов и райкомов партии (секретари, заведомыми и их заместители, завсекторами и даже инструкторы. (См. постановление №10 комиссии при Совнаркоме Союза ССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации //Неизвестный Кузбасс. Вып.1, Кемерово. 1993. С.6).

¹⁶⁹ Согласно ст. 30 Закона о всеобщей воинской обязанности трудпоселенцы не призывались в Красную армию и флот. Они и не рвались на фронт. Так, к апрелю 1942 г. по Новосибирской области было всего 82 заявления от ссыльных с просьбой об отправке на фронт (по Архангельской области – 48, Коми АССР – 35, Читинской области – 125, Молотовской – 68). Постановлением ГКО от 11 апреля, директивой НКО СССР от 14 апреля 1942 г. командующим военными округами (Забайкальским, Дальневосточным) были даны указания о призыве в Красную армию детей переселенцев. Призванные в Красную армию из числа трудпоселенцев, а также члены их семей (жена, дети) снимались с учета в комендатурах в местах ссылки. Им выдавались паспорта. (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945 гг. С. 132-134, 142).

Пелагея Михеевна – Здесь я тебе не отвечу. Сама не знаю. У нас в Нарыме мало забирали, да и то в конце войны. Мы же считались врагами.

Светлана – А лучше жить стали после войны?

Пелагея Михеевна – Сначала, когда поднимались, очень трудно было, потом наладилось. Зарплату всегда задерживали. Я на почте работала, там регулярно её давали. А отец в сапожной мастерской долго ничего не получал. Карточная система была: 200 гр. ребёнку давали, а рабочему – 600 гр. Если сегодня не взял хлеба, то на завтра этот талон¹⁷⁰ недействителен. Здесь выживали благодаря картошке. По тысячу ведер картошки мы накапывали, корова была, поросят держали. Мы же труженики были. Но хлеба в достатке не видели. Соседский мальчишка взял колоски с убранного колхозного поля, его посадили на 10 лет. Не смотрели, ребёнок или нет. Не смей! Пусть пропадает, но колхозное добро трогать не смей! Сталин говорил: «У нас человек бесценный».

Светлана – Как понимать, бесценный? Стоит целое состояние или не стоит ни гроша?

Пелагея Михеевна – А как хочешь, так и понимай. Советские законы скользкие были. Хрен что добьешься! Я семь лет добивалась восстановления года своего рождения.

Светлана – В какую сторону изменилась жизнь в годы реформ?

Пелагея Михеевна – Не сказала бы, что лучше стало. Денежки-то реформировали, и они пропали. А денежки трудовые. На книжку переводила пенсию, скопила больше 4-х тысяч. А в годы реформы они пропали.

Светлана – Говорили люди о политике?

Пелагея Михеевна – При Сталине язык за зубами держали. Говорить о политике было очень опасно. Пошёл сосед на соседа сказал, что тот, мол, осуждал Сталина. И всё! Пропал сосед. Никто и не разбирался, правда, говорил, или напраслину навели. Сразу забирали. При Сталине, при Брежневе подавались сводки о том, что в колхозах и на шахтах всё хорошо. Но хорошо было только на бумаге.

Всё это было обманом. Ничего хорошего не было!

---

¹⁷⁰ Правильно – карточка. Талонами стали стыдливо называть карточки в 1963 г., когда в очередной раз возникли «трудности» с продовольственным обеспечением. К моменту падения социализма в 1991 г. талоны были фактически на все продовольственные и многие промышленные потребительские товары.

ДОКУМЕНТ №82

Бодрова (Голева) Зоя Андреевна родилась в 1923 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Черемушки Кемеровского района)

Я родилась не в Сибири. Мои родители приехали из России. Там стал голод после коллективизации. В Сибирь мы поехали, когда люди стали особенно часто умирать от голода. Из нашей деревни много тогда уехало. Нас дядя спас, денег нам на дорогу прислал. Мы все бросили: и дом, и одежду, и хозяйство. Лишь бы живыми остаться.

Многие до нового места не доехали. Умерли в дороге. А кто добрался, тому надо было еще как-то устроиться. Мы попали в Барзас. Когда на новое место приехали, отец нас почти сразу же бросил. Мать одна нас поднимала. Так голодно было!...

Я по миру ходила¹⁷¹ (плачет), милостыню просила. Просили милостыню и три моих брата. Кто же нас кормить будет?! Я сначала стеснялась, а потом привыкла. По дворам ходила, кусочки собирала. Которые люди пожалеют, за стол посадят, покормят. Ну, это те, кто побогаче был. Другие подавали кто что мог. Тогда люди питались Бог знает чем, все впроголодь жили. А когда мне исполнилось 11 или 12 лет, в няньки пошла.

Потом я стала работать в Барзаском совхозе на ферме. Сначала пасла совхозных свиней. Большое было стадо - голов 100. Если потеряешь свинку, то с тебя за неё высчитают. А мать моя трудилась на лесоповале. Была там стахановкой. Ей за это дали отдельную комнату в бараке. На том лесоповале она надсадилась. В их бригаде мужчин не было. Их вообще было почему-то мало на лесоповале. Женщины сами деревья пилили, сучки рубили, бревна складывали.

Нам всегда тяжело жилось. Я не помню, получала ли мать за нас какое-нибудь пособие или нет. Мне кажется, что она и зарплату получала продуктами, а не деньгами. Правда, за хорошую работу получала премии. Помню, как-то дали ей шелковую бордовую кра-а-а-сивую блузку и сапоги. Только надевать их ей некуда было. Да и некогда. Мать много работала, все здоровье потеряла. Очень сильно она болела из-за своего ударного труда. Она была ударницей, как тогда называли отличившихся в работе, а ни одеть, ни поесть толком нам нечего было.

---

¹⁷¹ Ходить по миру – побираться. В русском языке слово «мир» было синонимом слова «общество». Дословно означало – обращаться к обществу за помощью.

В нашем бараке было 12 комнат, в каждой жила семья. Люди всегда найдут, что не поделить. Всякое было: и драчки были, и ругались. Все жили бедно. Носили всякое тряпье. Из обуви – лапти, которые нам мать плела. Из мебели у нас ничего не было, кроме кроватей.

Нам ещё повезло. Какое-то начальство должно было приехать знакомиться с бытом трудящихся. А так как мать была стахановкой, то и к нам должны были зайти. Комендант принес нам матрацы, одеяла и сказал, чтобы мы всё это берегли, и что он потом заберет при выезде из барака. Мы так радовались такому счастью. Ведь мы же спали на мешках с соломой и укрывались тряпками.

Я закончила только 2 класса. Не на что было учиться. И кто тебя кормить-то будет?

Только на себя и была надежда...

ДОКУМЕНТ №83

Стрельникова (Минаева) Мария Ефимовна родилась в 1923 г. в д. Елань Саратовской области. Рассказ записала Тamarлакова Юлия в 2001 г. (г. Красноярск)

Когда началась коллективизация, все были рады. Говорили, что все будет общее, значит, не будет ни богатых, ни бедных. Но потом народ разочаровался. Он не увидел ничего из того, что ему обещали. А для нашей семьи коллективизация ассоциируется с несчастьями, которые начались для нас.

До революции отец мой батрачил у помещика Рудакова. Рудаков пожаловал моему отцу лошадь. После революции Рудаков вроде бы убежал за границу. Отец не захотел вступить в колхоз, говорил, что неважная это затея. Отцу угрожали. Когда это не помогло, пытались поджечь дом. С другими происходило примерно так же. Мы жили в постоянном страхе, потому что отца посчитали кулаком и врагом народа.

Отец еще при барине скопил немного скарба. Мебель была, денег немного, земли немного у барина при побеге того откупил. В общем, мы не бедствовали. А однажды рано утром пришли люди, отца избили. Когда стали уводить скотину, мать встала у них на дороге, так и ей досталось. Всех нас выгнали во двор и стали дом обыскивать. И в то же утро нам сказали съезжать. Формировали обозы, которые отправлялись в Сибирь. На них уезжали такие же, как мы - «кулаки». Односельчане относились по-разному. В открытую пожалеть никто не решался. А когда уже на телеге сидели, кое-что из еды и одежды украдкой приносили.

Разрешали взять только то, что на нас было надето. Провели осмотр в доме и отдавали, что постарее было: коврик потертый, посуду, кое-что из зимней одежды. Мы немного еды забрали, да и соседи украдкой дали. Выселили нас в деревню Большая Уря, Канского района Красноярского края.

Деревня после коллективизации так же и выглядела. Только жить по-другому стали. Раньше все работали на барина и жили хорошо: кушали вдоволь, не голодали. А после коллективизации хорошо жить стали только те, которые не работали, то есть бедняки. Бедняками у нас считались те, у кого не было скота, земли, кто не хотел работать. Такие - с радостью пошли в колхозы. Они все должности во власти позанимали и сводили счета. Кто им зерна не дал в прошлом году, кто денег на водку пожалел. Вот как в действительности все происходило. Никто не смел и рта

раскрыть. Иначе - одна дорога: вон из деревни в неизвестность, а то и на смерть верную. Молчали все, разговоры велись только дома, в семье.

Активистами колхозов стали те, кому все это было надо: бедняки да пьянь деревенская. Они работать не хотели. Им бы все языками чесать. Не любили их, избегали. А они за это мстили доносами.

Мы писали в свою деревню, и нам писали соседи и друзья. Но только после войны смогли съездить в гости. Приняли нас по-разному: одни хорошо, другие плохо. О нас помнили как о кулаках и врагах народа.

У нас до колхозов и до революции была кооперация в деревне. Отец и другие мужики покупали сообща скотину, зерно и вместе сеяли. А потом урожай продавали и барыш делили на всех вкладчиков. Барин был не против. Даже землю в аренду давал (за долю, конечно). Но всем хватало.

До коллективизации мы ели вдоволь. И сахар водился, и крупы. Мы с сестрой и пряники по праздникам получали. Пока не раскулачили. А потом голодали, и одежды не было никакой.

Рабочий день колхозника - от зари и до заката. Тяжело им было. Жаловались отцу, что за трудовень ставят палочку в табель, а потом считают и выдают за один трудовень 150 граммов зерна. Это на семью не хватало. А еще и не выдать могли.

Люди воровали колхозное добро. Но тихо. Никому об этом не говорили. А иначе посадили бы. Нашелся бы тот, кто донес. Воровством это не считалось: детей надо было кормить.

До колхозов в деревне дома не закрывали на замки. Мы даже слова такого не знали. Палкой дверь припрешь, чтоб не открывалась, и пошел. Никто у тебя ничего не возьмет.

Пьяницами в деревне только бедняки были. С чего пили - не знаю. Может, с горя какого? Хотя кого им винить, кроме себя. Никто им работать не запрещал. Сами не хотели, а только пили, да на жизнь жаловались. Ну! Раньше пьяниц было меньше, чем сейчас. Может и сейчас тоже никто работать не хочет? Были бы делом заняты, и пить некогда бы было.

Были в деревне люди, которых забирали как врагов народа. Это были работающие, неленивые люди. Им завидовали, доносы на них писали. А все они были честные. Помню, забрали школьного учителя, библиотекаря. В 1932 г. был голод, народ умирал. А на полях после уборки оставались лежать колоски, которые подбирали женщины и дети. И если их находили у них, то сажали лет на десять или расстреливали «за растрату народного имущества».

Родители нищетой были недовольны. Говорили, что раньше все работали и получали по заслугам, а теперь все работают и ничего не

получают. Говорили, что мы стали жить, как раньше только бедняки жили. Об этом они говорили, когда детей обычно прогоняли спать. При нас ничего старались не говорить.

Когда началась война, все мужики охотно пошли воевать. И не только мужики. И я, и муж мой ушли на фронт. А кому же еще было идти? Все, кто мог, пошли. Три четверти из ушедших на полях сражения остались.

После войны не стали лучше жить. Нет, не стали. Страну восстанавливали на костях народа. Как был голод, так он и остался. Все шло на благо Родины.

Школы в нашей деревне не было. Нас с сестрой барская жена научила. А мы уже обучили домашних и соседей. Учились они охотно. По праздникам ходили в соседнее село, там была церковь. А потом ее переделали в зерновой склад, иконы поворовали, а на стенных росписях все лица святым позамазали краской. Священников арестовали.

Вот все сейчас говорят, что стало хуже жить в годы реформ, не то, что, мол, при социализме. Но ведь сытые, одетые ходят. Дети учатся в школах специальных. У человека свободы побольше стало. А то, что все без денег сидят, так крутиться надо, работать. Ведь есть же возможности.

Пенсию почти вовремя платят. Мало, конечно. Но что теперь поделаешь! Зато не боишься рот раскрыть и лишний рубль скопить.

А живут люди плохо до сих пор потому, что не хотят и не умеют думать и видеть дальше своего носа. Всегда власти в рот заглядывают.

ДОКУМЕНТ №84

Чернышева Анна Спиридоновна родилась в 1924 г. на Урале. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»). (д. Балахоновка)

В Балахоновку наша семья приехала с Урала, когда мне было 11 лет. Бежали сюда от голода. У нас там часто были неурожаи, три года подряд стояла засуха. В хозяйстве отца был конь, корова. У нас, на Урале, не было зажиточных, мы все бедно жили.

Когда мне было 17 лет, я прошла двухмесячные курсы пчеловода. Пчеловодом потом всю жизнь и работала. На нашей колхозной пасеке было 36 ульев. Днем работала на пасеке, а ночью ходила, как и все колхозники, молотить, скирдовать. Замуж вышла в 1949 г., родила трёх детей. Ни в какие декреты или отпуска в колхозе я не ходила. Да и никто у нас не ходил. Среднего сына я тяжело рожала. Очень слабая была. Тут пора пришла мёд качать, а я не могу. Тогда дали людей в помощь. Недельку после родов я отдохнула и на работу вышла.

На трудодни нам в колхозе хлеб давали. А вот сколько приходилось на трудодень, не помню. Помню, что когда в колхозе урожай был, то хлеб давали. А если урожая не было, так... сами как-нибудь. Налоги были такие, что хоть держишь скотину, хоть нет, а шкуру сдай, мясо сдай, яйца сдай, молоко сдай. Когда к власти пришёл Маленков, он отменил такие налоги. Спасибо ему!

К власти мы относились нормально. Хотя нам тяжело было, но... не роптали. Колхозникам денег не давали, мы продавали молоко, сено. Из совхоза приходили люди, покупали у нас муку, так как им зарплату выдавали деньгами, а нам - мукой, зерном. Или мы меняли продукты на одежду. Но продуктов у нас у самих было мало.

Легче стало жить, когда мы за деньги стали работать, когда наш колхоз сделали совхозом. Но это было уже в конце 50-х годов. Раньше мы все выращивали свое и почти все отдавали почему-то государству. Нам разрешалось косить траву в очень плохих местах, в березняках. Причем, из того сена нужно было половину отдать бесплатно колхозу. Сейчас не сдаем, поэтому страна и бедствует.

В колхозе ничего нельзя было украсть. Помню, нельзя было даже в карманах зерна принести, обыскивали. При коммунистах строго было! Не давали нам растаскивать, поэтому лучше жили. Страна сильная была. Старый коммунист Носков Тимофей Панфилович учил меня всему. Говорил: «Мы хозяева на земле».

У нас одно время председателем колхоза был фронтовик Бородин. Психоватый такой. Бил, пинал людей, почему зря! Особенно, когда был выпивший. Приходит как-то этот Бородин ко мне на пасеку весной и просит ведро меда накачать. А весной его не качают. Помня, что я хозяйка на земле, я ему отказала. Он разозлился, обматерил, но, правда, не побил меня. В тот день, говорят, он многих поколотил. Жаловаться мы никуда не ходили. А куда пойдешь? У нас и мужики ему морду не могли набить. Председатель всё-таки, власть. Опасно было! А хотелось...

Бригадирами были коммунисты и их родственники. Зять Носкова – Иван Степанович, например. По именам всех уж не помню. Были люди, которые не любили коммунистов. Но об этом помалкивали. При колхозах строго было. Это сейчас вольно. Все можно. А тогда – нет! Попробуй что скажи не то или сделай не так! Статья была обеспечена. Воровать нельзя было. Ревизионная комиссия всех проверяла. Ко мне на пасеку присылали ревизионную комиссию, когда мед нужно было качать. Члены комиссии следили, чтобы я все государству отдала. Следили, сколько пчел весной выставляешь, сколько осенью убираешь.

Я не скажу, что раньше нам очень хорошо жилось, но лучше, чем сейчас. У колхозников пенсий не было, как жили, не знаю. А сейчас пенсия 395 рублей. Это только на хлеб и молоко. Раньше досыта не ели и сейчас тоже. Раньше в магазинах нечего было купить, полки пустые, самого необходимого не было. А сейчас полки ломятся, глаза от обилия товаров разбегаются, а купить не на что. В том времени самое хорошее – то, что работы всем хватало. Не было поэтому воров и пьяниц, как сейчас.

Работали всегда с песнями. Пели старинные песни «Степь да степь», «Златые горы». А сейчас молодежь работу найти не может. Вот это плохо. Законы, наверное, стали слабые.

В Бога у нас не все верили. Тогда запрещали молиться, в церковь ходить. Люди скрывали от посторонних свою веру.

Когда президента выбирали, голосовала за Ельцина, не за коммунистов. Думала, жизнь к лучшему изменится.

А сейчас уже вижу, что не доживу я до лучших времен.

ДОКУМЕНТ №85

Атучина Анастасия Тимофеевна родилась в 1924 г. в д. Верхний Калтан Кузедеевского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала её внучка Колбина Светлана в 1996 г. (п. Кузедеево Кемеровской области)

Я родилась в семье Атучина Тимофея Захаровича (1878 г. р.) тринадцатым ребенком. Всего детей у него было четырнадцать, но до возраста дожили только восемь.

Хозяйство у нас было крепкое. Коров доходило до 30 штук только дойных, не считая молодняка. Лошадей – не меньше 15, кур – более 100. Держали очень крупную пасеку. Всё это обслуживали собственными силами: пахали, сеяли, заготавливали корма. Но на заготовку кормов и в уборочную нанимали работников.

Рассчитывался с ними отец так: заводил работника в хлев и говорил, что тот может выбирать любую корову, хоть дойную, хоть брюхатую, хоть первотелка или совсем теленочка. Но постоянных работников никогда не держали. Хлеб, мед, мясо, шерсть вывозили в Старо-Кузнецк. Там крестьянские продукты закупались оптом.

Семья жила в большом доме. (Потом в нём была поселковая школа.) В доме была большая прихожая, в которой все разувались и раздевались. Затем шла необычайной величины кухня, а затем – горница. Большие дети спали в горнице, а родители с малыми детьми – в кухне. Обстановка была очень простой. В горнице стояли деревянные койки, на них лежали пуховые перины и множество пуховых подушек. Всё это, конечно, сделали сами. Ведь кур и гусей у нас всегда было полно. Там же стоял стол, буфет, стулья и много-много комнатных цветов. Главным среди цветов был фикус. У нас считалось, что фикус растёт только в зажиточном доме. Были алеандры. Летом разводили садовые цветы: пионы, тюльпаны и др. В кухне главное место занимала русская печка, стоял большой обеденный стол и лавки. На этих лавках мы и сидели во время обеда.

Сколько себя помню, домотканной одежды у нас никогда не было. Мы сами ткали только материал для кулей и половиков. Всю остальную материю (ситец, сатин и пр.) покупали. На детей шили сами. К Пасхе вся семья одевалась в новую одежду: рубахи, платья. Это был праздник! Всех нас перемоют, оденут в новое и поставят на колени молиться перед образами. Но дети не столько молились, сколько оглядывали себя и друг друга, любовались одеждой. Обувь шили из кожи сами. Она называлась чирки или чиги. В дождь чиги раскисали и сваливались с ног. А в сухую

погоду они ссыхались и сдавливали ноги. У родителей была покупная обувь и одежда. Красивую обувь и одежду надевали только на праздник.

Больше всех нарядной одежды было у мамы. У неё было также много золота и серебра. Но стали подрастать девчонки, и все порастащили. Я, как почти самая младшая, уже ничего не получила. Не досталось.

С чистотой в доме было очень строго. Когда девчонки плохо вымоют полы, их заставляли перемывать до пяти раз. По субботам полы, лавки, столы, крыльцо натирали речным песком. Но суббота и воскресенье считались как бы выходными днями. До них все дела переделывались и в эти дни девчонки только вышивали. Со всеми церковными праздниками было очень строго. Их соблюдали.

Питались мы, конечно, очень хорошо, так как у нас были все продукты, какие необходимы человеку для жизни. На столе всегда был свежееиспеченный хлеб, сало, картошка. Варенье варили на меду, которого у нас было в избытке: и майский, и разливной, и в сотах, и засахаренный. Засахаренный мед нарезался ломтями и ели как конфеты. Варили и медовуху.

Каждый год, как только начинали качать мед, собирали всех детей и давали им ковшик горячего меда. Каждый должен был выпить как можно больше, сколько мог. Так мы очищали свой организм и выводили разных паразитов, которых у ребятни всегда было достаточно. Интересно, что сладкого у нас было в избытке, но всегда почему-то хотелось сахара. Отец его покупал большими комками, которые назывались «головами». Эту «голову» кололи на мелкие куски и давали детям по три кусочка. Тот, кто быстро съедал свои кусочки, ходил и кланчил у братьев и сестер. Иногда дело доходило до драк. Первым за стол садился отец, а лишь потом – дети. И начинать есть можно было только с разрешения отца.

Когда в 30-е годы началась коллективизация, отец самовольно вступил в колхоз. Весь скот и технику сдал. Когда начальство увидело, какое у него огромное семейство, сжалилось над ним и ему отдали две коровы. Началась работа в колхозе. Отец был трудолюбив, упорен, умел работать. За день он выдавал очень большую норму. Ориентируясь на него, начальство заставляло и других также работать. Многим колхозникам это не понравилось, и у отца появились недоброжелатели.

Где-то через год после образования колхоза провели колхозную чистку. Всех кулаков из колхоза исключили и стали высылать. Мы собрали узлы и сидели на них в ожидании самого страшного. Но пришел какой-то мужчина и сказал, что на отца пришла бумага из самой Москвы, что его восстановили в избирательных правах. Мы так и не узнали, кто за нас так похлопотал. Отец, наверное, знал, а нам не говорил.

Нас восстановили в колхозе, но переселили в ветхий дом. Отец его подремонтировал. Да так хорошо, что он стоит до сих пор. Но дом был маленьким, и отец постепенно стал отселять своих детей. Кто был постарше – женил и замуж поывадал, кто подрастал – отправлял на работу.

Отношение к нам в колхозе стало плохим. Однажды мы с мамой и младшей сестренкой подошли к ограде колхозного детского сада. А воспитательница как закричит на нас: «Убирайтесь отсюда, кулацкое отродье! Вам здесь делать нечего!». Родители, конечно, понимали, что происходит. Думаю, что они очень боялись за нас и поэтому со всем мирились.

Однажды я зашла на кухню и увидела отца перед печкой. Он доставал из мешка пачки «екатеринок» (на них была изображена Екатерина Вторая) и бросал их в огонь. Когда я попросила дать мне одну «екатеринку», он очень разозлился и как закричит: «Ты что, хочешь всю семью сгубить?». Схватил денежку, что я подняла с полу, и швырнул её в огонь вместе с мешком.

Когда стали арестовывать и ссылать семьи, к нам как-то ночью зашел поп и попросил отца спрятать огромный сундук. Отец сначала согласился. Но через два дня по селу прошел слух, что попа арестовали. Отец тут же со старшими сыновьями куда-то увез этот сундук и, как он сказал, выбросил в канаву. Так он и не узнал, что в том сундуке было. Уехали они глубокой ночью, а вернулись только к обеду следующего дня. Народ стал всего бояться. В селе говорили только шёпотом.

Всю жизнь отец проработал в колхозе. А умер днем раньше Сталина. А недавно, в 1994 г., в местной Калтанской газете была опубликована статья о семьях тех самых кулаков. В перечисленных трех фамилиях была и фамилия отца. В статье говорилось, что Россия в те годы жила за счет этих семей.¹⁷²

В школу я пошла в девять лет. Единой формы в то время не было. Одежда у школьников была самая разнообразная, часто очень ветхая. На ногах – чирки. Буфетов не было. Брали с собой из дома хлеб, сало. Ни в пионеры, ни в комсомол меня не приняли, так как я была дочерью кулака. В 1940 г. закончила 7 классов и сразу же пошла работать в колхоз. А в

---

¹⁷² В этой фразе не политический, а экономический смысл. Только крупное хозяйство может быть товарным, то есть работать на рынок. Мелкие крестьянские хозяйства (средние, и тем более мелкие) живут «на самопрокорме». До революции помещичьи хозяйства давали 51% товарного хлеба. Когда их, а также крупные крестьянские хозяйства разорили (национализация и политика продразверстки), страна получила голод. Когда в 1929-1932 гг. уничтожили «кулаков», страна опять получила голод.

1941 г. я вынуждена была уехать, так как на каждого трудоспособного члена семьи надо было платить большой налог. А платить было нечем.

Устроилась в Таштаголе телефонисткой. Платили мало. По карточкам выдавали 600 гр хлеба. В магазинах было пусто. Одевались – кто, во что мог. Большого внимания на одежду тогда не обращали. Но молодежь старалась выглядеть получше. Бывало, девчонки сошьют платье из солдатских подштанников, не отличишь от фабричных. Мастерицы были.

В 1945 г. вышла замуж за фронтовика. С ним вышла печальная история. Он пришел с фронта, а его мать, получив раньше на него похоронку, уехала куда-то на Урал. Так он её и не нашел.

Когда мы с ним поженились, у него была одна гимнастерка и вещмешок. Жили очень бедно. В 1950 г. родилась твоя мама. Её даже не во что было завернуть. Ничего в магазинах не было. Везде огромные очереди. Чтобы купить ей плюшевое пальто, простояла всю ночь в очереди. В другой раз стояла всю ночь за двумя простынями.¹⁷³ Товары стали появляться где-то в 1955-57 годах. В 1961 г. родился второй ребенок.

Не представляю себе жизни без труда и скотины. Мне 72 года, а я держу корову, теленочка, двух свиней и десяток кур. Спасибо вам, что мне помогаете. Никогда ни на каких курортах не была. Была один раз в Москве и у сына в Карельской АССР.

Из всего большого нашего семейства нас осталось только двое: я и старший брат. Ему сейчас 76 лет. Прадед твой похоронен на калтанском кладбище. Это кладбище разбито на участки, где покоятся целые семьи. Среди этих семей и семейство Атучиных.

Всю жизнь прожила в работе. Всю жизнь с потом.

---

¹⁷³ Стояние в очередях было образом жизни советских женщин всех поколений (до 1992 г. - гайдаровских реформ).

ДОКУМЕНТ №86

Сметанникова Мария Порфирьевна родилась в 1924 г. в д. Улус Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Кривоносов Петр в 1999 г. (г. Белово)

Семья родителей была небольшая, четыре человека: мать, отец, две дочери. У меня самой такая же семья - четыре человека.

Я была не такая уж маленькая. И до сих пор помню, как мы, дети, бегали по тем домам, куда приходили раскулачивать. Нам интересно было посмотреть у кого, что забирали. Наша семья считалась бедняцкой, к нам не заходили. Хотя я сейчас думаю, что мы в действительности не были бедняками. В нашей семье было всё: и коровы, и свиньи. Зимой скот забивали. Хорошо мы жили.

Бедняками считались те, у кого было меньше двух коров. А у нас было больше. Не помню я, чтобы в нашей деревне кто-то голодал. Тем более умирал от голода. Конечно, были и совсем бедные люди. Но это те, кто работать не хотел и всё ждал, что кто-то другой за него поработает. Но таких людей было совсем мало. Все работали.

Но, знаешь, успевали не только за хозяйством смотреть, но и праздники отмечать. Праздновали весело, задорно, дружно. Ах, какие были люди хорошие! Не то, что сейчас. Сейчас народ работать не хочет. Хочет только деньги получать да веселиться.

Ты только подумай, ходят люди и всё плачут, что денег нет. На то не хватает, и на это не хватает. Работать надо! И тогда всё будет. Да и власть сейчас такая, что лучше бы не было никакой. Раньше всё можно было купить. После войны каждую весну цены понижались на все товары. А сейчас растут.

Вот все кинулись Сталина ругать. На себя бы посмотрели. При нем порядок был! И воровства и бандитизма столько не было.¹⁷⁴ А сейчас что?!

---

¹⁷⁴ Низкий уровень преступности во все времена и у всех народов зависел не от жестокости власти, а от уровня нравственности общества. В царской России удельный вес полицейских на 10 тыс. населения был в 7 раз ниже западноевропейского, а преступность много ниже. Причина – высокая нравственность людей в российском обществе. «Мы даже замков не имели», - говорили все респонденты. Убийства на бытовой почве были редчайшими. Одно из таких (убийство мужа ради любовника) потрясло всю Россию, стало основой сюжета для повести Лескова «Леди Магбет Мценского уезда». Социалистический эксперимент не сумел за сталинское время (одно поколение) изжить нравственность. Потому преступность тогда и не носила столь массового характера. Однако диктатура пролетариата в годы сталинизма показала

Я не знаю, что говорили родители между собой о коллективизации. При нас они об этом никогда не говорили. А я об этом их никогда не спрашивала. Вообще, наш отец старался не ссориться с начальством.

О «раскулачке» мне рассказывала моя старшая сестра Ольга. Она говорила, что ходили по богатым дворам и забирали всё, что было: и пшеницу, и мясо, и скот. Наши соседи оказались кулаками. У них увели всех коров, всю мелкую живность забрали. Но с голоду они всё равно не пухли. Сначала им друзья помогали. Я и сама помню, как молоко им носила. Правда, были люди, которые избегали с ними общаться. А потом они куда-то уехали. Оно и понятно. Ведь им как единоличникам приходилось платить такие большие налоги, что, как рассказывала сестра, у них в помине не было такого богатства, чтобы их заплатить.

А колхозникам в то время из колхоза выехать было нельзя. Не было паспортов. Уехать можно было только по вербовке на завод или на какую-нибудь стройку. Там была только работа. А работа была тяжелее, чем в деревне.

Трудно деревенскому человеку уйти от земли. Я не скажу, что много людей уехало из деревни. Это были те, кого раскулачили. И те, кто голодал. Просто так из деревни тогда никто не уезжал. Но это было тогда. А сейчас в деревнях остались только старики.

Люди во власть верили. Думали, что она всё делает правильно. По рассказам сестры, даже те, кого раскулачивали, держали в своем доме портреты Ленина. Но были и те, кто с самого начала советскую власть не любил. Однако своего мнения на людях старались не высказывать.

В общем, хорошая была власть! Чем могла, тем и помогала своему народу. Хотя всякое, конечно, было. И невиновных сажали. И раскулачивали.

Но хорошая была власть!¹⁷⁵ Не то, что нынешняя.

целому поколению примеры безнравственности поступков: доносы, массовые убийства, насилие, изъятие чужого имущества, ложь, безнаказанность власти за преступления, отказ от родителей, безбожие и т.п. Порядок, основанный на насилии – безнравственный порядок. Он сразу же исчезает, когда ослабевает насилие. А в 1991 г. грубое и привычное насилие государства к гражданам исчезло.

¹⁷⁵ На это суждение следует обратить особое внимание как повод для размышления об особенностях психологического восприятия перманентного насилия государства над человеком. Родовым признаком советской власти была диктатура, реализуемая через спецслужбы (ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – КГБ). Кузбасс оказался самым «густонаселенным» лагерями регионом страны (см. Л.И.Гвоздкова. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (1930-50-е годы. Т.1, Т. 2. Кемерово, 1994). Чем длительнее по времени насилие государства, тем обыденнее оно воспринимается людьми.

ДОКУМЕНТ №87

Бабушка Поля N родилась в 1924 г. на Украине. Рассказ записал Бакиров Роман в 1998 г. (г. Междуреченск).

Я сама попала в число раскулаченных. Конечно, несправедливо было раскулачивать нас. Ведь мой отец работал, не покладая рук. И это он умел делать очень хорошо. Ох, как тяжело нам пришлось в то время. Забрали весь скот. Из амбаров выволокли всю муку, обобрали до нитки.

Забрали все, что было нажито своим трудом. Почему же они так поступали с нами? Да просто мы имели чуть больше, чем другие. Но имели все это благодаря своему труду. В то время мы имели 3 коровы, 2 лошади, 3 поросят и около 15 кур.¹⁷⁶ Иногда мы просили помочь соседей (например, сено покосить, урожай убрать вовремя), но за это мы отдавали часть своего хлеба. Нет, эксплуататорами мы не были.

Наш сосед Гриша (будь он проклят!) позавидовал нам, взял и донес на нас. Приехало из города шесть человек с оружием и в форме. Имущество конфисковали, а нас посадили на поезд, идущий в Сибирь.

Я фильмов много не смотрю. Но как вижу про коллективизацию, сердце сжимается! Несмотря даже на то, что в фильмах это показано не так, как было в жизни. В жизни было намного страшнее!

Слава Богу, хоть нас не расстреляли как некоторых. С собою нам разрешили взять только одежду. Страх был! И притом очень большой был страх! Что такое страх? Не знаю, как выразить это чувство, многие его испытывали, но не задумывались, что это такое.

В один день мы потеряли дом, хозяйство. Только жизни нам и оставили. За что?!

До раскулачивания питались хорошо, во всяком случае, голода никогда не испытывали. А потом мы уж ели, что приходилось. Но со временем стали питаться получше, потому что вновь стали обретать хозяйство.

Весь путь провели в вагоне, где было очень много таких же, как мы. Ехали целую неделю. Нам не говорили, куда нас гонят. На каждую семью выдали по две булки хлеба. Никаких медицинских служб не было.

На новом месте жители встретили нас с недоверием. Первое время жили, где придется. В свой дом въехали только на третий год. Благо, лес

---

¹⁷⁶ По сибирским меркам (см. рассказы других респондентов) это были весьма скромные рамки хозяйства.

был рядом. Дома «кулаков» выглядели намного добротнее местных, потому что мы всегда умели хорошо работать.

Удалось устроиться на работу на небольшой заводик. Я, считай, ещё ребенком была. Условия работы были далеко не из лучших. Но выбора у нас не было. Можно было уйти с работы. И найти новую работу было очень сложным делом.¹⁷⁷ Начальство к нам относилось с недоверием, все время нас попрекало.

Питаться стали более нормально, чем попервости. Опять стали питаться три раза в день, а не как раньше – раз в день, а то и в два дня раз.

На работе получали деньги маленькие, но все равно как-то выкручивались. Намного легче жить, когда под рукой хозяйство. Соседи между собой разговаривали мало. Боялись анекдотов. Все предостерегались, потому что никогда не знаешь, кто следующий бросит в тебя камень.

Да, было! И бесплатное образование было, и бесплатная медицина была. И нам было все равно, кто платил за это. Государство, видно, за них всё равно с нас же и высчитывало.

Из советских вождей самым хорошим был Ленин. Все остальные ничего из себя не представляли.

Не могли нормально жизнь народу обустроить.

---

¹⁷⁷ Несовершеннолетние дети спецпереселенцев официально назначались на работы. В По информации ГУЛАГа ОГПУ от 7 августа 1931 г. говорилось: «Отмечены безобразные явления привлечения к труду 7-летних детей» (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 г. – начало 1933 г. С. 57). В ноябре 1933 г. это же ведомство отмечало: «... Погонщиками лошадей работают подростки от 12 до 14 лет, работают наравне со взрослыми 10 и более часов. [...] Работающие дети-подростки в Усть-Чулыме с иждивенческого пайка снимаются и получают от выработки и потому нередко получают хлеба всего по 150-200 г.» (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 181).

ДОКУМЕНТ №88

№ Валентина Алексеевна (фамилию просила не указывать) родилась в 1924 г. в д. Осиновая грива Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Дубровская Юлия в 1998 г. (г. Кемерово)

Про коллективизацию знаю от своих родителей. Они мне часто об этом рассказывали.

Я знаю, что кулаки бывали разные. Были и такие, которые богатство нажили нечестным путем. Но в основном это были честные люди. Но ни тех, ни других всё равно нельзя было выгонять из своего дома и отбирать богатство. Это не по-людски! Кулаки - вовсе не эксплуататоры.

Моих родителей раскулачивали люди, которые приехали из города. Я не помню, как их у нас называли. Эти люди забирали всё.

К раскулаченным односельчане относились по-разному. Одних ругали, других жалели и помогали им. Все испытывали чувство обиды и страха. Но сопротивляться было бесполезно. У нас рассказывали, что тех, кто сопротивлялся раскулачиванию, просто расстреливали. Все боялись неизвестности. Что потом будет? Как будет на чужбине? Смогут ли они там устроиться?

До раскулачивания питались хорошо. Все продукты были свои, натуральные. Ели досыта. Излишки продавали на базаре и покупали сахар, ткани и многое другое. После раскулачивания питались просто плохо. На новом месте, куда нас переселили, была только картошка.

Когда нас раскулачили, то предупредили, что отправят в Щегловск. От деревни он был недалеко. Мы ехали три дня на телегах. Питались тем, что взяли с собой. Таких, как мы, был целый обоз. С нами даже ехал сопровождающий фельдшер. Но за короткую дорогу его помощь никому не потребовалась.

Местные жители встретили переселенцев по-разному, но, в общем, хорошо. Помогали, кто, чем мог. Отец устроился на завод литейщиком, а мама разнорабочей. Начальство к ним относилось очень хорошо, и они свободно могли перейти на другую работу. Что мама и делала.¹⁷⁸ Кем она только ни работала!

---

¹⁷⁸ Гримасы советской власти. Наказанный ею человек (раскулаченный) мог оказаться в более лучших условиях, чем примерный гражданин (колхозник). Если колхозник фактически закрепощался за колхозом (до 1956 г.), то спецпереселенец (как в данном случае) оказывался относительно свободным (если не погиб в тайге, как на о. Назино). И, что особенно важно, потомки спецпереселенцев, закрепившись в городах, получали

Нашу семью приютили добрые люди, пока мы не построили свой дом. Его мы стали строить сразу же, как только получили участок земли. Отец был превосходным плотником и вообще прекрасным мастером по дереву. Он довольно быстро выстроил замечательный дом. Дом был небольшим, но очень крепким. Всю мебель в доме он сделал собственными руками. Завели корову и другую живность. На столе появилось мясо, молоко, масло. Питаться стали хорошо

На свидания ходили в том, что сами шили. Это было не от бедности. Так было принято. Как только вышла замуж, сразу же с мужем получили квартиру и купили диван. Потом постепенно купили всё остальное. Муж был шахтёром, а я учительницей. Так что денег хватало. Правда, мы их никогда не копили. Родили четырех дочек. Все деньги уходили на них. Когда старшая дочь закончила школу, в доме была обыкновенная обстановка: 2 шифоньера, книжный шкаф, диван, сервант, комод, 2 стола, 10 красивых стульев. Правда, большинство этой мебели сделал мой отец. Отпуск чаще всего проводили на море. Выходные – на дачном участке. Отработала 35 лет. На пенсию вышла в 60 лет.

За последнее время жизнь изменилась в худшую сторону. Почему так? Не мне судить. Я в политике не разбираюсь.

Прошу простить за то, что не всё помню и не сумела передать, как проходили события. Но всем желаю доброго здоровья и долгих лет жизни!

образование, чего не имели потомки колхозников. Одному из составителей сборника довелось присутствовать в 1996 г. на важном приеме областных чиновников, предпринимателей, банкиров, подавляющее число которых оказались из числа спецпереселенцев (см. сибирскую газету «Честное слово», 2004, 10 марта).

ДОКУМЕНТ №89

Ширукова (Баторшина) Зинаида Павловна родилась в 1924 г. в г. Томске. Рассказ записала внучка Цикунова Юлия в 2001 г. (с. Троицкое)

В 1928 г. семья переехала из Томска в деревню Ял-Борик Ижморского района.

Отец был учителем, и томский гороно¹⁷⁹ направил отца в эту деревню. Отец был грамотным человеком, закончил педагогическое училище. Как говорили, он был первый учитель на деревне. Мать моя окончила 7 классов и работала заведующей детскими яслями. Мой отец никогда не пил, не курил, он очень любил детей. У него были хорошие отношения с председателем колхоза. Председатель колхоза – коммунист, слесарь, двадцатипятидесятичник, прислан с ленинградского Путиловского завода.¹⁸⁰ Именно он организовал колхоз.

Переезжали в Ял-Борик зимой на двух лошадях. Как сейчас помню, нас вез дедушка Мы с сестрой, как две куклы, сидели в перине. Дали нам квартиру при школе.

В 1932 г. переехали в Ижморку, так как отца назначили директором школы, а осенью в 1935 г. - в Троицк, где я до сих пор живу. И не собираюсь уезжать. Мы жили в квартире, данной МТС¹⁸¹, так как мама пошла работать туда. В доме было 2 комнаты, 1 стол, ящик и 3 кровати: одна моя, вторая – родителей, третья – для брата. А бабушка спала на русской печке, но мы с ней иногда менялись. Помню, придешь с улицы зимой, холодно. Залезешь на горячие кирпичи, так всю душу прогреет.

С отцом мы жили хорошо, зарплату получали хорошую. Отец приносил сахар, муку, а народ был голодный. И поэтому отцу приходилось закрывать маму на замок, чтобы люди не видели, когда она стряпала. У нас был курятник, корова, поросенок, гуси. Мы всегда пускали кого-то к себе жить на квартиру. Одна девочка Дуся жила с нами 7 лет. Она хотела учиться, а жить ей было негде. И поэтому отец взял ее к нам, потом она пошла работать.

---

¹⁷⁹ Гороно – городской отдел народного образования.

¹⁸⁰ «Двадцатипятидесятичниками» называли рабочих, посланных в 1930 г. в деревни для организации колхозов (см. роман М.Шолохова «Поднятая целина», образ Давыдова). Без рабочих, оторванных от деревенской жизни, советской власти было бы трудно сломать крестьянский уклад. Деятельность этих рабочих в деревне соответствовала марксистским положениям о гегемонии пролетариата и диктатуре пролетариата в строительстве социализма.

¹⁸¹ МТС – машинно-тракторная станция.

Мой отец оказался репрессированным. Объявили, что он враг народа. А за что, не знаю. Многих людей, таких как мой отец, забирали по доносу. Донос мог написать любой человек. Отец ничего не знал, ничего не ведал. Пришел вечером после работы, поужинал. А к нам пришел участковый милиционер с двумя понятыми. Это было в 1938 г. Хотя у нас в деревне забирали мужиков в конце 1936 г. и в начале 1937 г. А отца - аж в 1938 г. Не имея за собой никакой вины, даже не расстроился, когда его уводили. Сказал нам, что это ошибка, я через три дня буду дома. А прошло уже 63 года. А его еще нет! А теперь и не будет. Все косточки его где-то сопрели.

По запросу его матери прислали документы, что умер. Но мы понимаем, что был расстрелян. Я помню, когда его увозили на коне, мы с мамой бежали за конем и кричали во весь голос. Люди вышли из своих домов, стояли и смотрели на нас как на врагов. А потом уже стали нас в открытую называть - дети врага народа. Нас выгнали из дома. И одна старушка отдала нам свою баню. И мы жили в бане полтора года, пока не построили себе избушку.

Я училась до 6 класса хорошо. Потом, когда отца взяли, меня оставили на второй год. Бабушка ездила хлопотать по сыну, а я сидела с младшей сестрой, которой было всего три месяца. А матери некогда было. Ей надо было прокормить 5 человек. Был голод в деревне. Мы голодные не ложились, но питание было слабое. Мать покупала зерно, стряпала лепешки. Младшая сестра с братом ходили весной собирать на полях мерзлую картошку, какие-то травы. Мы платили большие налоги за корову, поросенка, руками косили сено.

У колхозников был большой огород, а у таких, как мы, служащих - всего 15 соток вместе с усадьбой. Земли не хватало даже картошку посадить, не говоря уж о другом. В годы войны я зарабатывала 400 рублей в месяц, а ведро картошки стоило 150 рублей. Только в 60-е годы мы наелись сахара вдоволь.

В 1943 г. я окончила 10 классов. У меня был самый лучший аттестат (без троек). Но меня не похвалили и не наградили. А награждали всех «хорошистов» шелковым платком. А мой платок отдали одной девочке, у которой было две «тройки». Я долго очень плакала. Меня мама успокаивала и говорила, что я должна терпеть за своего родного отца. После школы я поехала учиться в Томский педагогический институт, отучилась год и заболела. Целый год лежала в больнице. Пришлось бросить учебу, так как мама мне сказала: «Я не буду тебя учить по два года». И я пошла работать, помогать матери. Сначала работала в колхозе, потом, с 1945 г., работала в школе, затем восемь лет – в районо Троицкого района. А с 1962 г. по 1973 г. – в средней школе села Троицкого.

В годы войны люди работали хорошо - от зари до зари, если хочешь есть хлеб. Колхозное добро не воровали. С этим было строго, за это сажали в тюрьму. Если ты украл горсть гороха, то судили тебя трибуналом. Потому и не воровали. Люди жили бедно, но честно. В деревне были, как и сейчас, и бедные, и богатые. Бедные выплачивали все налоги, а кто побогаче, от налогов откупались. Преступность была всегда. Просто о ней никогда так громко не говорили. Тот, кто не работал, сидел голодный. В деревне пьяницы были, но мало. А сейчас в деревне остались одни пьяницы, да и в городе их немало. Как трудно ни жилось до войны и после войны, было бесплатное образование¹⁸² и лечение. А теперь за все плати. На выборы ходили, как на большой праздник, все голосовали.

Замуж вышла поздно, в 26 лет, так как была война. Не до замужества было, да и все женихи полегли на фронте. В 1951 г. вышла замуж. Муж - фронтовик, из колхозной семьи. В колхозе работал с 13 лет. На войну пошел в 16 лет. Одежда была: фуфайка, пальтишко, сапоги, а летом - брезентовые тапочки, белая кофта, черный шерстяной сарафан и два штапельных платья. Вот и все было мое приданое.

Мебель мы купили после 60-х годов. Телевизоры привезли в село 3 штуки. Мой муж ходил, просил. И ему дали, как фронтовику. Холодильник купили в 1967 г. Вот так и жили. Своего мужа я похоронила в 1982 г. У меня трое детей: 2 сына и одна дочь (правда, один сын умер в 1992 г. от инфаркта), 6 внуков и одна правнучка. Дети все разъехались, получили образование, живут с семьями. Дочь – в Кемерове, а сын - в Ижморке. Моя сестра Нина живет в деревне недалеко от меня, а брат Юрий в городе Томске. Сейчас почти все свое свободное время занимаюсь огородом.

В стране – бардак. Не знаем, кого слушать, кому верить. Что хорошего? Да ничего! Образование - платное, лечение - платное. В деревне - одна пьянь. А для людей нет работы. А если есть работа, то денег не платят. Как дальше жить, не знаю.

Вот живу на свою нищенскую пенсию. Спасибо, дети и внуки помогают. А главное, сейчас у людей нет цели, нет смысла жизни.

Раньше мы не жили, а существовали. Все думали, нашим детям будет хорошо, а вышло...

Ради чего всё это с нами было?

---

¹⁸² Здесь неточность. До 1956 г. за учебу в старших классах средней школы, техникумов и вузов платили.

ДОКУМЕНТ №90

Касьянова Екатерина Алексеевна родилась в 1924 г. в г. Татарске Новосибирской области. Рассказ записала внучка Карпович Анна в 2002 г.

Мои родители поженились рано. Отцу исполнилось только 16 лет. Жили они в деревне. Мама, как я сейчас понимаю, была из семьи середняков. Хозяйство у них было крепкое: коровы, лошади, свиньи, куры, гуси, утки. Работали от зари до зари. Семья большая - пятеро детей. Были у них и работники.¹⁸³ Отец, наоборот, был из семьи бедняков.

Когда к власти пришли большевики, мой отец принял Советскую власть всей душой. был фанатиком-ленинцем. Строил социализм, жил мечтой о коммунизме. Окончил начальную школу в возрасте 18 лет.

В 1921 г. у них родился первый сын. Но умер в возрасте трёх лет от дизентерии. Мама моя не работала. В 1923 г. отца перевели работать в Татарск, там я и родилась. Вскоре отец окончил партшколу и по направлению партии был назначен первым секретарём горкома партии в город Прокопьевск. В 1927 г. у них родился сын Николай.

Своё детство до 13 лет помню смутно. Жили бедно, но не голодали. Отца дома почти не бывало. Нашим воспитанием занималась мама. Игрушек не было, может, одна - две тряпичные куклы, но с ними я не играла. Читать я научилась рано, лет в шесть. Читала всё подряд, что попадалось на глаза.

Одежду мне шила мама, перешивая свои старые вещи. В школу меня отдали рано. В первом классе учились дети от 6 до 20 лет и старше. Специального педагогического образования у учительницы не было. Но писать, считать, читать она нас всё же научила.

Жили мы в коммунальной квартире, подсобного хозяйства не было. Жили скромно, комната - большая, светлая. Из мебели было самое необходимое. В школу ходила в платьях, перешитых из маминых. Помню, когда мне было 10 лет, мама мне сшила капор ядовито зелёного цвета, который я люто ненавидела и, выходя из дома, тут же прятала его в сумку. Питание в школе, если честно, не помню. Может, и был буфет, но чаще всего брала с собой кусок хлеба. До тринадцати лет росла, как все мои сверстники.

В 1937 г. в декабре оборвалось моё детство. В канун Нового года, ночью я проснулась от того, что из-под меня выдернули матрац. Я услышала плач младшего брата, тихие стоны мамы. Увидела

---

¹⁸³ По «стратификации» того времени, люди, использовавшие труд наемных работников, считались кулаками, а не середняками.

пронзительные глаза отца и чужих молчаливых людей в кожаных тужурках, которые делали обыск в нашем доме. С тех пор отца я больше не видела.

Около двух лет мы о нём ничего не слышали. Летом 1939 г. к нам пришло письмо. Конверт был подписан незнакомым детским почерком. Письмо было от отца. После ареста и вынесения приговора его отправили в Сибирский централ.

В теплушке поезда он написал письмо и бросил его на железнодорожные пути. С просьбой отправить по указанному адресу. Письмо было страшное. Описывались пытки и муки, которые ему пришлось пережить. И, тем не менее, верой в Сталина была пронизана каждая строчка. Он был уверен, что «там, наверху, разберутся», и правда восторжествует. «Разобрались» в 50-е годы, когда отца уже не было в живых.

В нашей семье наступили чёрные дни. Клеймо «дочь врага народа» было прочным. Моя мама не могла устроиться на работу. Нигде не нужна была «жена врага народа».¹⁸⁴ Из квартиры нас выбросили на улицу. Мне было 13 лет, брату - 9, и мама ждала третьего ребёнка.

По воле Божьей, мама встретила женщину, которая не побоялась и пустила нас к себе на квартиру. Жили вчетвером в конуре, размером примерно 5 кв. метров. Два года мы жили, как в кошмарном сне. Вспоминается вечное чувство голода, унижение, нищета, Закончив 7 классов, я поступила в медицинское училище. Из деревни к нам переехала бабушка. Мама наконец-то устроилась на работу. От отца стали изредка приходить письма.

В училище я проучилась до декабря 1941 г. Наш выпуск фельдшеров был первым. Перед Новым годом нам вручили дипломы, а в первых числах января принесли повестки на фронт. С вещами и повесткой я пришла в военкомат, молоденький капитан, взглянув на меня, спросил: «Лет-то тебе сколько?» «Шестнадцать», - ответила я. «Приходи через год, подрасти».

Действительно, в свои 16 лет я выглядела как 10-летний ребёнок. Все девочки моего выпуска с фронта не вернулись. Вечная им память! С января 1942 г. до конца войны я работала в эвакогоспитале. Помню страшную усталость, постоянно хотелось спать. Но мы были молоды и после изнуряющих дежурств всё равно бегали на танцы.

Во что были одеты? Да, кто во что. Особенно плохо были одеты эвакуированные. Все свои наряды они давно поменяли на продукты. После открытия второго фронта к нам стали приходить американские подарки: тушёнка, галеты, консервы. Была там и одежда. Платья и блузки были

---

¹⁸⁴ А могло быть и хуже. Её могли отправить в специальный лагерь для жен врагов народа, а детей – в детский дом. Причем, малолетним – сменить фамилию.

необыкновенной красоты. Иметь вещь из такой посылки было великое счастье. Повседневную одежду перешивали из шинелей, гимнастёрки. Ноги зимой вечно мёрзли, обувь была изношена донельзя.¹⁸⁵

В наш город были эвакуированы заводы, фабрики, а самое главное - театры. Цены на билеты были символические. На спектакли зал не мог вместить всех желающих. Именно тогда я узнала Чехова, Толстого, Тургенева. Услышала музыку Мусоргского, Чайковского, Бизе, Верди. Читала всё подряд, у эвакуированных были неплохие библиотеки.

Работать в годы войны приходилось много. Дежурства в госпитале, работа на клочке земли. Сажали картошку, гречиху, горох - в целик. Обрабатывали вручную, урожай вывозили на тележках. Жили впроголодь, уставали до обмороков. Жили верой в победу. Помню 9 мая 1945 г. Весь город собрался на стадионе. Слезы радости, слёзы страшных потерь... Над стадионом стоял жуткий плач.

После войны я стала работать в Доме ребёнка (детдоме) старшей медицинской сестрой. Брат поступил в институт, подрастала младшая сестра. Мама работала заведующей продовольственным магазином. В доме появился небольшой достаток. В 1947 г. я вышла замуж. Свадьбы не было, не было денег.

Для того, чтобы немного заработать, решили поехать на заработки, на золотые прииски. Мама - в слёзы: «Твоего отца под конвоем туда увезли, а ты по доброй воле. Не пушу!». Но не удержала, уехали. Три года жили на Колыме, Будёновском прииске. Муж работал инженером, на работе пропадал день и ночь. Я работала в здравпункте заведующей.

Нам дали комнату в бараке. Там и родились наши сыновья - Виктор и Николай. «Няньки» у них были заключённые, осуждённые по 58 статье. Сколько нежности и любви было в этих суровых людях, как трепетно относились они к нашим детям.

Работа моя в здравпункте была интересная в том плане, что санитарями работали профессор Кремлёвской больницы, лечивший А.М. Горького, главный прокурор Азербайджана, писатель Кавинько. Позднее мне приходилось читать его рассказы. На соседнем прииске работала прачкой Лидия Русланова. Однажды я ездила на её концерт, который она давала для заключённых.

Политзаключённые, пройдя все лишения и испытания судьбы, оставались и там Людями с большой буквы. Не было зависти, корысти,

---

¹⁸⁵ Такое контрастное сравнение зарубежных и отечественных потребительских товаров будет будоражить женское воображение до 1992 г., когда благодаря либеральным реформам, исчез дефицит на продовольственные и промышленные товары, когда отечественные рынки оказались заполненными зарубежными товарами (не самого лучшего качества).

зла, обид, за поломанные судьбы. При мне никогда не было разговоров о политике. А вот о литературе, музыке они могли говорить часами.

По тем временам, зарплата у нас была довольно большая. Но на Колыме купить что-либо из продуктов питания было невозможно. Паёк, положенный для вольнонаёмных, включал в себя немного муки, крупы, растительного масла, тушёнки. Необходимых молочных продуктов, овощей, а тем более фруктов, так нужных нашим детям, приобрести было невозможно.

Через три года мы вернулись в Прокопьевск. Муж уехал в Томск учиться на высшие инженерные курсы. Нам дали квартиру в новом доме. В 1953 г. мы поехали на курорт в Новый Афон. На сбережения, собранные на Колыме, мы приобрели мебель, кое-что из одежды, часть суммы отдали родителям мужа для покупки дома. В 1954 г. у нас родилась дочь. К этому времени муж стал работать главным механиком на крупной шахте, я работала заведующей детскими яслями.

После денежной реформы 1961 г. значительная часть сбережений у нас пропала.¹⁸⁶ Но всё же в 1962 г. мы купили «Волгу» ГАЗ-21, построили гараж, купили телевизор «Радий», большой холодильник «ЗИЛ».¹⁸⁷

Ежегодно отпуск проводили на курортах, путёвки были недорогие. В те годы моя зарплата составляла 60-70 рублей, мужа -150-200 рублей. Это была приличная сумма для семейного бюджета. Если вспомнить, что булка хлеба стоила 18 копеек, литр молока 24 копейки, килограмм мяса 1 рубль 80 копеек. Ассортимент в продовольственных магазинах в шестидесятые годы был богатый, хотя одно время были перебои с хлебом, но это продолжалось недолго.¹⁸⁸

К началу семидесятых годов с прилавков стали исчезать некоторые продукты питания, начался рассвет дефицита. Слово «купить» заменили словом «достать».¹⁸⁹ Для того, чтобы приобрести одежду, ездили в Москву.

---

¹⁸⁶ Здесь какая-то недоговоренность. Деньги «пропасть» не могли. По постановлению Совмина СССР от 4 мая 1960 г. о денежной реформе, обмен денег производился строго по соотношению 10 к 1 (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 662-669).

¹⁸⁷ По меркам того времени этот набор вещей олицетворял исключительно высокую материальную обеспеченность, которую могли позволить себе лишь единицы советских людей.

¹⁸⁸ Речь могла идти о 1963-1964 гг., когда на отдельные продукты (макароны, крупы и др.) ввели карточки, впервые названные талонами. Эти «перебои» с продуктами октябрьский пленум (1964 г.) ЦК КПСС поставил Хрущеву в личную вину. Хрущев был снят с руководящих постов (Первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совмина СССР).

¹⁸⁹ Говорили: «Достать по блату». Система «блата», охватившая всё общество, была, по сути, системой взяточничества в натурализованной форме. Вместо денег фигурировали

В конце шестидесятых приобрели земельный участок, тогда их называли «мичуринский», построили небольшой домик. Выращивали овощи, ягоды. Но времени на уход за огородом не было, тем более, что овощи в то время стоили очень дешево. Например, килограмм моркови стоил 6 копеек, свёклы - 3 копейки, капусты - 5 копеек, за ведро картошки платили 40 копеек. От дачи избавились с облегчением, продали за бесценок, но были ужасно рады.¹⁹⁰

В 1964 г. старший сын поступил в Томский медицинский институт, а в 1966 г. средний сын уехал учиться в Московский горный институт. Огромную четырёхкомнатную квартиру обменяли на меньшую, причём безо всякой доплаты, с целью экономии: за трёхкомнатную платили на 15 рублей меньше.

В 1971 г. поступила в мединститут младшая дочь. Мы остались вдвоём. Денег на учёбу требовалось много. Я получала 100 рублей, муж - 300 рублей, детям отправляли рублей 150-200. Материально стало немного сложнее. Но это были самые приятные расходы. В 1971 г. мужу исполнилось 50 лет. Это пенсионный возраст для шахтёра. Ему была начислена максимальная пенсия - 132 рубля. Проводы были торжественные. Много было сказано тёплых слов, поздравлений. Было поздравление даже от министра угольной промышленности.

После выхода на пенсию муж продолжал работать в течение 15 лет в ЦЭММ-1 начальником технического отдела. Получал пенсию плюс

услуги по предоставлению права купить товар. Те, кто имел доступ к распределению (номенклатурные работники, их обслуга, торговые работники, работники правоохранительных органов и пр.), имели реальную зарплату выше, чем у тех, кто не имел возможности пользоваться этой системой. Рубль «блатных» был далеко неэквивалентен рублю «простых». Потому эти люди категорически не приняли либеральные реформы 90-х годов. И без реформ они чувствовали свою потребительскую комфортность.

¹⁹⁰ Голод 30-х годов показал, что колхозы не справляются с обеспечением города продовольствием. Поэтому советская власть стала поощрять развитие личных подсобных хозяйств у рабочих. Уже в 1934 г. за счет личных хозяйств шахтеры страны удовлетворяли свои потребности в молоке на 43%, картофеле – 42%. К концу 80-х годов 70% обследованных шахтеров Кузбасса имели подсобные хозяйства. Население находилось на продовольственном самообеспечении. Если совхозы и колхозы Кузбасса в 1989 г. производили 991,6 тыс. ц. картофеля, то личные хозяйства – 5083 тыс. т. (512,6%), овощей соответственно – 693,3 тыс. ц. и 549 тыс. ц. (72,2%) (см. Л.Н.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса. 1989-1991 гг. Кемерово, 1995. С. 14). Хранение овощей в государственных хранилищах было поставлено столь плохо, что из каждых 10 картофелин до весны «доживало» лишь 2. Люди знали, что если они не сделают собственных запасов – в магазине не купить. Овощных магазинов было поразительно мало. Например, в 60-е годы на весь Центральный район г. Кемерово был единственный овощной магазин (на Советском проспекте).

зарплату, на руки выходило 300 рублей. К этому времени дети закончили вузы, у них - свои семьи. Материально стало легче. Мы решили готовиться к спокойной старости. Сменили мебель, приобрели телевизор, холодильник, стиральную машинку-автомат, кое-что из одежды.

С конца восьмидесятых начала девяностых годов начались перемены. Нашей пенсии стало катастрофически не хватать. Львиную долю пенсии съедали медикаменты, остатки уходили на питание.

Изменилась ли жизнь за последние 5 лет? Конечно. Сложно сказать - в какую сторону. Нашей пенсии едва хватает, чтобы свести концы с концами, хотя в последнее время появилась надежда, что всё же жизнь изменится к лучшему. Сейчас сложно, трудно, страшно за внуков.

У нас была вера в светлое будущее, в победу, в конце концов, в коммунизм. Вам сложнее. Веру у вашего поколения отобрали.¹⁹¹ А взамен ничего не дали. Где найти вам силы, чтобы не потеряться в этом водовороте событий? Тревожно из-за нестабильности в стране, обидно за равнодушные к нам, старикам.

Если оглянуться назад, то страшнее 37-46 годов не было, и, не дай Бог, чтобы они повторились.

---

¹⁹¹ Здесь явное преувеличение. «Вера в коммунизм» у советских людей была лишь в виде обыденной надежды на лучшую жизнь в будущем. В пришествие же коммунизма мало кто верил даже в год принятия программы коммунистического строительства (1961 г.). Уже в середине 60-х даже из официальных партийных документов, речей и пр. исчезла фразеология о скором построении коммунизма (по программе КПСС – к 1980 г.). А в 1976 г. была принята концепция «развитого социализма». Таким образом, уже для 70-х годов вряд ли можно говорить о «светлой» вере людей в коммунизм в СССР. Коммунистическая фразеология широко использовалась лишь чиновниками (без неё у них карьера бы не шла), диссертантами, да преподавателями, которые были обязаны говорить «в духе партии». Иными словами, реформаторы 90-х годов никакой веры у советских людей не отбирали. В глубоком сознании народа её не было. Дальше призывов и лозунгов вера в коммунизм не шла.

Советская власть отняла у людей естественную веру, которой живут цивилизации (западные и восточные): веру в Бога, веру в собственные силы на основе частной собственности и личного предпринимательства. Вера в коммунизм, то есть всеобщее благополучие, дарованное государством, извратила людей, приглушила их трудолюбие и творчество, сформировала «нахлебнические» настроения в получении счастья, выданного свыше. Этим и объясняется феномен любви к политикам 90-х годов, которые в своей карьере сделали ставку на подпитывание веры в хорошо распределяющего чиновника (губернатора, президента, депутата). Одним из них был А.Г.Тулеев – харизматическая личность, до 1999 г., пожалуй, самый талантливый в России защитник коммунизма. Не случайно, что люди старшего поколения – основная социальная база поддержки таких политиков.

ДОКУМЕНТ №91

Иванов Иван Иванович (псевдоним) родился в 1925 г. в поселке близ Кишинёва. Рассказ записал собственноручно в 1999 г.

Я хотел бы повествовать вам о своём отношении к нынешнему строю, политике и проблемах истории отечества. Но не хочу, чтобы в прозвучало моё имя и поэтому буду пользоваться вымышленным.

Родился я в 1925 г. в бывшей республике Советского Союза — Молдавии. Уже с четырёх лет я начал свою трудовую деятельность. Ни на производстве, конечно, а на собственном земельном участке.

Наша семья по тем временам была довольно обеспеченной. Не сказать, что богатая, но и не бедная, да и тем более не нищая. Кроме меня, в семье было ещё четыре ребёнка: Василий, Илья, Григорий, Пётр. Девочек не было. Кроме детей, матери, отчима, с нами жили двоюродный брат отца, сестра матери. Мать вышла замуж в 14 лет, а в пятнадцать - имела уже первого ребёнка. В те времена это было вполне нормально. Всего у неё родилось 8 детей, но до совершеннолетия дожили только пятеро. Остальные умерли в младенчестве. Отца я помню очень плохо. После его смерти, семью должен был кто-то кормить, и мать вышла замуж за другого мужчину.

Наша семья имела довольно большой земельный участок. Там выращивали виноград, тыкву, перец и многое другое. Работать приходилось с утра до вечера. С детства мне привили привычку работать, не покладая рук. Особенно - весной, летом и осенью. Зимой работы было меньше, но хватало всем на нашем скотном дворе. Работали каждый день. Рано утром мы с братьями садились в телегу, ехали в поле километров за семь. Возвращались только поздно вечером. Мы не знали, что такое выходные, каникулы, отпуск.

Дом у нас был небольшой. Состоял из двух комнат: большой и маленькой. Обстановка была не богата: печь, стол, лавки, шкаф с посудой. Спали дети на печи, а взрослые - на кроватях (их у нас было две).

Всей семьёй за столом собирались редко. Ели обычно в поле. У нас была обычная еда: хлеб, вино собственного производства, виноград, картофель, молочные продукты, мясо и другие яства. Одеты мы были во вполне нормальную одежду: рабочие штаны, рубаха, куртка, на ногах - обувь, на голове - соломенная шляпа.

Когда мне было 8 лет, меня отдали в школу. Если это можно было назвать школой. Четыре года с утра мы ходили в школу, а после неё (во вторую половину дня) ездили работать в поле. Но иногда оставались дома,

так как телега была одна, и все старшие уезжали на ней в поле ещё утром. Я закончил четыре класса и в свои 12 лет был “выпускником”.

Более или менее спокойная жизнь у меня была до 16 лет. В 1941 г. началась война. Мы с моим лучшим другом решили идти служить отечеству добровольно. Были пацанами и сами не понимали, куда идем. Хорошо, что попали в руки одному хорошему командиру. Мы были чистокровными молдаванами, и нас на войну взять не могли. Поэтому тот командир изменил наши фамилии на русские и увеличил нам возраст на пару лет. Эту фамилию я и сейчас ношу, а мой друг Радик, к сожалению, погиб на четвертом году войны, немного не дожив до победы. И вот мы, обмундированные, оказались на войне. А где именно - хотел бы умолчать.

Многое о войне рассказывать не буду, так как тяжело об этом вспоминать. Но скажу, что тяжесть работы на родном поле и винограднике была ничто по сравнению с войной, куда мы попали. Многое пришлось пройти. Во время войны мы с Радиком, которого я не забыл до сих пор, были во многих городах. Но ни разу не довелось оказаться близ Молдавии. Никто из братьев, кроме меня, не был на поле боя. После победы над Германией нашу часть направили в Москву дослуживать в армии три года. И только по истечении этого срока я вернулся в родной поселок. Мать не поверила, что я жив. Она четыре раза получала на меня похоронки.

Наверное, мне можно было позавидовать: дватцатитрёхлетний парень, вся грудь, как говорится, в орденах... . Всё было, вроде, хорошо. Но всему хорошему всегда свойственно заканчиваться.

Однажды на празднике мы повздорили с одним завистливым паренком. Парень я был горячий (я и сейчас не остыл, хоть мне и 75). Подрались. Тот, к счастью, выжил. Но на нас с братом, который тоже принимал участие в драке, донесли куда следует. Нас арестовали, несколько дней продержали в тюрьме, после чего сослали в Новокузнецк. А всю семью раскулачили.¹⁹²

Все мои заслуги перед Отечеством были конфискованы. Чувства мои были неопишуты. Как? За что? Почему? Меня! Того, кто прошёл всю войну, дошёл до Берлина! Сослать в Сибирь! Всю оставшуюся жизнь я и провёл здесь, в Сибири.

До этого момента товарищ Сталин был для меня и других Богом. Даже в мыслях нельзя было думать о нём плохо. Да никто, собственно говоря, и не задумывался об этом. Но из-за высылки в Сибирь моё мнение

---

¹⁹² В Молдавии коллективизация проходила в 40-е годы в связи с тем, что присоединение её к СССР состоялось в 1939 г.

о нём развернулось на 180 градусов. Но ничего нельзя было об этом говорить. Всё оставалось у нас в голове, лежало тяжестью на душе.

Я никак не мог принять, что я враг народа. Думалось, что меня репрессировали ни за что. Да и рядом с нами находились люди, которых действительно ни за что репрессировали: инженеры, учёные, профессора, научные работники. Срок мы не отбыли до конца, так как был раскрыт культ личности Сталина. Нам оставалось отбыть один год, и нас освободили.

В нашем положении после заключения мало что изменилось. Как и раньше, мы должны были работать с рассвета до заката. Ведь надо было как-то существовать. Именно существовать, а не жить. К тому времени я познакомился со своей будущей женой Еленой. Мне было 33 года, а ей 30. И мы решили соединить свои судьбы. Свадьба прошла в кругу семи человек. Жених был в костюме брата, а невеста - в платье подруги. На голове венок из белых цветов.

Питались мы в общей столовой, по карточкам. Получаемых денег хватало на самое необходимое — мыло, порошок и предметы ухода. Вскоре я выучился на водителя, кем и проработал до пенсии. До этого работал на КМК, получал мало. Работая водителем, подкопил денег, и через два года мы купили небольшой домик на Соколухе. Мебели в доме почти не было: стол, 2 стула, кровать, тумбочка, зеркало. Жене приходилось много времени стоять в очередях за продуктами. В 1955 г. родился старший сын — Сергей. Ещё три года до 1958 г. мы жили в Новокузнецке, а потом переехали в Белово. Купили маленький домик. Я работал водителем, жена - уборщицей на заводе. Заработанных денег хватало на продукты и одежду. Немного подкапливали.

Очень хотелось поехать на родину в Молдавию. В 1958 г. моя мечта осуществилась. Впервые после стольких лет разлуки, я увидел своих родных. Там же родился наш младший сын. С двумя сыновьями мы вернулись в Белово. В 1963 г. начали строить дом. В то время все друг другу помогали, и через полтора года мы заселились в новый дом. Особо много денег на строительство не шло, так как я работал на грузовой машине, и всё мог привезти.

Когда сыновья закончили школу, у нас уже был телевизор, диван, шкаф для посуды. Хорошо помню, старшему сыну в 16 лет подарили часы. В то время это был очень дорогой подарок. Примерно тогда же купили сыновьям транзистор с катушками. Все девчонки в посёлке были их. Ни у кого в поселке транзистора больше не было.

В 1971-72 г. съездили всей семьёй в Молдавию. К нам гости оттуда не приезжали. Мама была уже в возрасте, а братья почему не приезжали —

не знаю. Свободное время после работы любил играть с молодёжью в спортивные игры на площадке возле дома. Кто был в моей команде, тот обязательно выигрывал. До сих пор та молодёжь держит меня в почёте.

После школы сыновья пошли работать на железную дорогу, затем - в армию. После армии учились в машиностроительном техникуме.

На пенсию я вышел в 60 лет. Но продолжал работать и дальше. В 1979 г. купили «Жигули» первой модели, приобрели новый цветной телевизор. В 1994 г. мне дали инвалидность, по которой один раз в два года я могу летать в любом направлении бесплатно. Чем я и пользуюсь. Летал в 1995 г., 1997 г. Собираюсь и в этом году.

В 1995 г. с младшим сыном случилось несчастье, в шахте травмировался и сейчас ходит на протезе. Это была очень большая трагедия для семьи.

Что произошло за годы реформ? Конечно, многое изменилось. Это переход власти от коммунистов к демократам. Это трудно пережить. Но знаете, сейчас я больше доволен жизнью, чем во времена Сталина. Сейчас я получаю пенсию и регулярно помогаю, чем могу, детям. Но к господину Ельцину отношусь плохо.

Если бы мне предложили прожить свою жизнь заново, то я бы ни от чего бы прожитого не отказался. Было трудно, но было и весело.

Жизнь - сложная штука, каждый проживает её, как может.

Я жизнью полностью доволен, чего и вам желаю!

ДОКУМЕНТ №92

Жубин Яков Михеевич родился в 1925 г. в д. Березово Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Сосновских Светлана в 1998 г. (д. Березово)

Раскулачивание коснулось нашей семьи вплотную. Жили мы тогда небедно. Многие соседи даже завидовали. Но зависть та злою не была. Все же знали, что богатство мы нажили честным трудом. Тогда честные и работающие люди были в уважении. Мы имели большое хозяйство. Но и семья была немаленькая.

Тогда в магазинах можно было купить соль да сахар, а всё остальное мы производили сами. Мой отец был пчеловодом. Его целыми месяцами не было дома. Всё лето пропадал на песеке. А ведь летом самая работа и есть - на огороде и в поле. Вот нам, детям, и приходилось работать. Я тогда совсем маленький был, но помню, что всё время старался чем-то помочь, что-то сделать.

Мы слыли как семья с достатком. А эти, проклятые, всё захотели у нас забрать. Наши деревенские из тех, кто побогаче, сумели всё распродать и сбежали. А отец не захотел. Он заявил, что своё добро он честно заработал. Во власти, мол, тоже ведь люди, они должны поверить нам. Но не поверили. Не захотели понять. У нас всё забрали. Забрали и отдали беднякам.

Знаешь, внучка, на мой взгляд, бедняки – это просто лентяи. Ведь и отец когда-то мало что имел. Но много работал, трудился, чтобы вывести нас из нищеты. Вывел. Всё отобрали. Я, конечно, до конца многого не понимал. Но всегда испытывал злость и негодование. Почему мы должны были делиться своим кровным с кем-то? Почему мы должны работать за других? Кто придумал отдавать хлеб, овощи, скотину, которые мы вырастили своими руками. Нет..., лучше не вспоминать про то. Обидно! Обидно и страшно!

Отец не хотел сопротивляться судьбе. Когда к нему пришли раскулачивать, он пытался тем людям что-то объяснить. Но его и слушать не стали. Забрали и сослали куда-то. Мы до сих пор не знаем, где он похоронен.

Да ты, внучка, и сама знаешь об этом. Ведь в прошлом году это ты писала письма в органы. Всё хотела узнать, куда сослали твоего прадеда, где его могилка. Спасибо тебе за память! Только впустию это оказалось. Ответили, что ни в одном из списков его имя не нашли.¹⁹³

---

¹⁹³ Отсутствие в списках репрессированных могло быть в связи с одним из таких случаев, которые описала Ретунская М.Д., когда 200 крестьян, которых «гнали» мимо их деревни, походя, «спустили в прорубь».

Я тогда маленьким был. Но с того времени стал бояться за будущее. Мне всегда было страшно, что с нами теперь будет? На мой вопрос: «Где папа?», - мать лишь отвечала, чтобы я не спрашивал об этом и чтобы я вообще на эту тему меньше болтал. А иногда, вместо ответа, за уши оттянет. Мама моя грамотная была. Она ветеринаром работала в колхозе.

После ареста отца мы, конечно, хуже стали жить. Отца увели, а нам оставили 5 ведер картошки, чуточку морковки и один мешок муки. Живность всю забрали, ничего не оставили. Лишь свинка куда-то от чужих людей сбежала, а потом, когда проклятые ушли, она вернулась.

Перебивались, а не жили. Ты вот спрашиваешь про мои книжки в детстве. А зачем они мне нужны были? Всё, что надо, я узнавал от родителей, которые слышали что-то от соседей. А потом в деревне появилось радио. Как-то не особо грамота в деревне нужна была.

А потом случилось опять страшное. Война! С первого же дня мои братья ушли на фронт. А я остался один с матерью. Когда мне исполнилось 17 лет, забрали и меня. Когда вернулись с фронта, работали вместе с матерью в колхозе. Об отце так ничего и не слышно было. Мать сильно сдала. Переживала за отца, за нас, питалась впроголодь.

Мы были опьянены победой, поэтому о прошлом уже как-то не очень вспоминали. Или вспоминали, но уже без той невозможной боли.

А тут я встретил веселую и работающую девчонку. В результате появилась твоя мамка и её сестры. Ну, а тут, вроде, и жизнь получше стала.

Коммунистическая партия была для меня чем-то вроде наставника.¹⁹⁴ Хотя я с ней не во всем согласен был. Вот ведь что интересно, внученька. Сказал я тебе эти слова о несогласии с партией, а сам подумал: «Что со мной бы лет 20 назад сделали, скажи я такое?».

Сталин? Он внушал страх. Каждый на себе ощущал его силу. Когда он умер, у меня, будто, умерла какая-то частичка. Власть, она, конечно, нужна. Как вы сейчас будете жить без твердой руки? Я не в смысле диктаторской, а в смысле власти, всем сердцем болеющей за Россию.

Были ли тогда противники партии? Наверное, были. Но сам я их не знал. Говорить об этом нельзя было. Это сейчас можно всё.¹⁹⁵ А тогда – попробуй, выскажи свои мысли... Жизни тебе не будет!

Вот, внучка! Дальше жить вам. Стройте свою жизнь сами. А мы... Мы уже в прошлом!

---

¹⁹⁴ Прекрасный пример двоемыслия. Один и тот же человек дает высокую оценку партии, считая её своим наставником, но людей, которые реализовывали её идеи в деревне, называет «проклятыми».

¹⁹⁵ В 1998 г., когда записывался этот рассказ, действительно, без боязни говорить можно было всё. В 2004 г., когда редактировалась эта книга, говорить надо было уже с оглядкой на власть. Сказалась работа на сей счет губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева (с 1997 г.) и президента РФ В.В. Путина (с 1999 г.).

ДОКУМЕНТ №93

Семибратова Анна Андреевна родилась в 1925 г в с. Рохмановка Пензенской области. Рассказ записал Бугаенко Борис в 1998 г.

Жили шесть братьев со своими большими семьями в большом, добротном доме. Было у нас три коровы, три лошади. Земли было достаточно. Выращивали рожь, просо, овощи. А еще был огромный яблоневый сад. Трудились от зари до зари. С ребяташками оставался старый дед Василий, который следил за ними, приучал к труду. Старая бабушка готовила на всю семью.

За стол садилось около сорока человек. Пища была простая, крестьянская. Но семья не голодала, так как все отличались трудолюбием. Выращивали лен, сами ткали холст (в семье был ткацкий станок). Из полученной ткани женщины шили одежду. У каждой женщины в семье была праздничная одежда из шелка: кофты, которые назывались «рукава», сарафаны, а у мужчин – сатиновые косоворотки, кафтаны, которые покупались от продажи излишеств хозяйства.

Жили спокойно, сытно. Но тут в тридцатые годы начались волнения, взрослые начали перешептываться. Мне было шесть лет, и я чувствовала, что что-то должно произойти. Затем я увидела, что пропали семьи дяди Василия и дяди Кирилла. Когда я спросила у мамы, куда они девались, она сказала, что уехали в город. На вопрос «почему?», она ответила, что пришла какая-то советская власть. К нам приходили наши соседи Манушкин и Российский и сказали, что всех будут раскулачивать. Поэтому братья и поразъехались.

Мой отец Андрей ночью всех нас тайно собрал, посадил в сани и увез на станцию. Мама сказала, что мы едем в Сибирь. Маленький братик Петя убежал назад в село. Его кое-как догнали. Я спросила у мамы, куда нас везут, она ответила, что не знает. А папаня сказал, что мы едем в Топки, и там у нас родня. Впервые увидели паровозы. Ехали долго, многое испытали.

Въехали в большую деревню Топки. Дошли до небольшого домика, постучали. Сказали, кто мы такие, и нас впустили. В домике была кухня, маленькая комната и печь. Багаж наш был беден, все несли в руках. Хозяйка усадила нас за стол и поставила большую чашку горячей картошки и соль. Мы начали есть. В этой семье мы прожили неделю, а потом нашелся более близкий родственник, который жил в просторной землянке и принял нас десять человек.

Прожили в чужой землянке два года. Ели в основном картошку, которую выращивали в поле, овощи. За это время построили свою землянку, перебрались туда. Папаня стал работать на стройке. Образование у него было начальное, но трудолюбие и смекалка сделали свое дело: его поставили прорабом. Позже приобрели свой маленький дом, жить стало полегче. Старшая сестра пошла работать на почту.

Я в 1933 г. пошла учиться в первый класс. Вначале учиться было трудно, так как я говорила на диалекте. Много было насмешек со стороны местных жителей, но к концу первого класса я стала одной из лучших учениц. Папаня наставлял нас, чтобы мы хорошо учились, «вышли в люди». Мы его слушались.

Так было до 1941 г. Однажды летом пошли в лес, настроение было отличное: хорошо отдохнули, набрали красивые букеты цветов. А когда вернулись, узнали, что началась война...

И без того трудная жизнь стала еще труднее. Хлеб стали продавать по карточкам, по 300 гр. на иждивенца. Питание было до того скудным, что еле таскали ноги. Я училась в восьмом классе. И нас постоянно гоняли в поля за мерзлыми овощами. Для того, чтобы не умереть с голоду, приходилось собирать мерзлую картошку, сушить ее, толочь в ступе и выпекать лепешки. Но учились с большим старанием, верили в будущее. Постоянно слушали радиосводки с фронта. До сих пор в ушах звучит голос Левитана. Все верили в победу, верили Сталину.

В 1943 г. я окончила с отличием десять классов и сразу пошла работать учителем младших классов. Учиться дальше я не могла, так как на иждивении у меня находилась мама и две сестры. Папани не было, он на фронте простыл и умер. Я сдала экстерном в педучилище Кемерово и без экзаменов поступила в Кемеровский учительский институт на заочное отделение. После его окончания проработала учителем русского языка и литературы до пенсии.

Две сестры пошли по моим стопам, но я их учила в Кемеровском пединституте уже на дневном отделении. Профессия учителя пользовалась огромным авторитетом у населения. Каждый, даже пожилой человек, идя по улице, снимал головной убор и кланялся. И не думала, что доживу до таких времен, когда учителя будут вынуждены бастовать.¹⁹⁶

Сегодняшнее правительство не думает ни о детях, ни о стариках, ни об интеллигенции.

---

¹⁹⁶ Из-за невыплаты зарплаты (порой по нескольку месяцев) учителя бастовали.

Даже в послевоенные годы жизнь улучшалась день ото дня. Отменили карточки, цены на продукты и товары снижались, все стало доступно. Люди много смеялись, пели, танцевали.

Вера в Сталина была святой. Его смерть стала потрясением, шоком. Ни одному советскому вождю народ не верил так, как ему. И только после его смерти, после разоблачения культа личности, стало ясно о его «политике», о лагерях и ссылках.

Добровольное бегство нашей семьи в Сибирь – это та же ссылка.

Невозможно равенство, к которому вели революционеры. Если ты тунеядец и пьяница, то и живи плохо! Почему кто-то другой должен обеспечивать твое благополучие?

Но если ты всю жизнь учился, честно работал, но живешь не совсем хорошо, то это неправильно. Каждое поколение в нашей многострадальной стране после революции говорило: «Наши дети будут жить иначе, лучше».

Я прожила много лет. И пришла к выводу, что ни одно поколение у нас не жило достойно.

ДОКУМЕНТ №94

Кузьмина Зинаида Петровна родилась в 1925 г. в Алтайском крае. Рассказ записал Байгушев Станислав в 1999 г.

В нашей семье были отец, мать, три сестры и два брата. Отец работал пастухом, мать содержала большое домашнее хозяйство. Ленивых тогда не было. Отец с братьями рубили лес, ходили в поле, а мать с дочерьми следила за домашним хозяйством.

Само слово «коллективизация» я услышала от соседки - молодой девушки. Для меня она вспоминается всеобщим хаосом и беспределом.

Детские впечатления - массовый грабеж. Люди прятали овощи с огорода, резали скотину. Мать постоянно не спала по ночам. Помню ее горькие слезы по вечерам и слова о будущей гибели. Отец постоянно метался, часто не ночевал дома. Где он был, не знаю. Папка и мамка, начиная с коллективизации, не знали спокойной жизни. Часто они после того, как уложат детей спать, долго разговаривали и спорили. Иногда эти споры длились всю ночь.

Если сравнивать семьи до коллективизации, то наше хозяйство не такое уж большое. Мать всегда равнялась на соседку, у которой урожай лучше, а та, в свою очередь, на другую соседку, и так далее. Так вот и жили, следя за своим хозяйством и поглядывая на чужое. Ну а после раскулачивания совсем бедные все стали. Помню частушку все пели: «Трактор пашет, земля сохнет, скоро весь колхоз подохнет».

Самого процесса раскулачивания я не помню. Знаю о множестве каких-то бумажек у матери в шкатулке про которые та говорила, что когда-нибудь получит обратно своих коров и птиц. Нам мать объяснила исчезновение домашней живности просто: к соседке завела, у них стайка теплее.

Но даже после раскулачивания в деревне оставались зажиточные крестьяне, которые как-то откупились. А может, уже после успели нажать, не знаю. Все завидовали им и поэтому проклинали и всяко ругали их.

Деревня до коллективизации просто цвела. Как началась коллективизация, природа словно обозлилась на людей. Земля дрожала и выла. Даже воздух накалялся от этой суеты и хаоса. Начались перебои с урожаем. А уже после земля успокоилась. Люди почувствовали это.¹⁹⁷

---

¹⁹⁷ Очень любопытное объяснение неурожая 1932-33 гг. В свете последних исследований экологов о реакции природы на неосмотрительные действия людей, это

Землю у нас отобрали и выдали маленький участок с плохой землей. И опять же, глядя на других, у которых земли вообще не было, мы радовалась и этому. А если крестьянин отказывался участвовать в коллективном хозяйстве, у него забирали последний скот и землю. Поэтому люди шли в колхозы, боясь голода и позора. Тех, кто до последнего настаивал на своем, просто наказывали. Приходили вечерами в дом и уводили скотину, забирали картошку, оставляя только на семена. Существовала норма количества ведер семенной картошки на одного человека.

Но было и самое ужасное наказание – смерть. Тогда, будучи ребенком, я просто чувствовала исчезновение какого-либо человека, потом забывала его. Как впоследствии я узнала, не подчиняющегося установленному порядку крестьянина ночью будили и уводили из дома. А наутро все уже понимали, что за неподчинение и их ждет эта участь.

С самого начала смело вступали в колхоз молодые семьи. Таких людей, идущих постоянно по течению, другие обитатели деревни осуждали и ругали. А через некоторое время сами шли за ними. И уже взгляды на колхозы менялись. А, может быть, не взгляды на колхозы менялись, а страх перед наказанием.

Множество новых людей прибывало в деревню для создания колхозов. Они сами не становились председателями, а выбирали самых активных коммунистов среди населения деревни и назначали их. И даже если эти люди не хотели выделяться, желание небедной жизни и положения брало верх. Сначала никто не доверял колхозам, предпочитали личное хозяйство. Каждый старался посадить небольшой огородик где-нибудь в глуши, за лесом. И тех людей, которые как-то втянулись в эту активную жизнь, занимали какие-то посты, люди осуждали и проклинали.

«Враги народа» в разное время были разные. На протяжении коллективизации «враги народа» менялись местами. Когда-то он разоблачал «врагов», а потом сам стал таким «врагом». Когда самые настойчивые и упрямые в своей позиции все еще продолжали заниматься частным хозяйством, их стали называть врагами народа, ставили на колени.

Несмотря на такую сложную жизнь, родители не сломались. Потому что главным для крестьян во все годы была спокойная жизнь его семьи.

не такое уж «дремучее» объяснение как можно было бы квалифицировать ещё недавно, разделяя позиции убежденного материалиста и атеиста.

ДОКУМЕНТ №95

Шарапова Мария Федоровна родилась в 1925 г. в с. Чайинка нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Воронкин Михаил в 1997 г. (г. Барабинск)

Раскулачивание – это не дай Бог (перекрестилась) никому. Сами мы жили скромно и небогато. Я плохо помню то время. Имею о нем представление больше по рассказам более взрослых, чем я, людей: родителей и близких. Но эти рассказы у них часто бывали сбивчивы и противоречивы. Многое осталось непонятным.

Но для меня ясно, что вместе с теми, кто жил, ничего не делая, получив наследство от родителей, раскулачивали и честных, трудолюбивых людей. Они не обязательно были богатыми. Просто имели 2-3 коровы, 5-10 свиней и жили в добротных домах. Но ведь они сами их заработали! Много, очень много средних хозяйств было раскулачено. Среди кулаков было мало плохих, злобных и жадных людей. Часто это были образованные или наделенные природной хваткой и неутомимой энергией люди.

Те, кто был неудачлив жизнью и испытывал недовольство своей судьбой, кто ничего не умел и не имел, входили в отряды по раскулачиванию. Часто туда входили любившие выпить.

Большинство отрядчиков были горожанами. Но в деревне у них всегда были свои помощники. Это те, кто указывал на соседей как на кулаков. Так что отрядчики верили нечестным людям, часто проходимцам, врунам и пьяницам. Такие люди были заинтересованы в раскулачивании. Они получали часть добра из раскулаченных хозяйств. Это добро они отвозили к родственникам в другие деревни, прятали в лесу. Они ездили туда, где их не знали, и продавали полученные таким нечестным путем вещи.

Раскулачивали в любое время, но чаще всего ночью. Никакие мольбы и уговоры не действовали. Приходили, отбирали, высылали. А некоторых людей эти отрядчики убивали только из-за их красивых жен и дочерей. Ничего и никого отрядчики не боялись. Перед ними крестьяне были совершенно беззащитны.

Отряд по раскулачиванию обычно состоял из 10-15 человек. У них имелось 3-5 винтовок, наган, подводы. На подводы грузили отобранное у кулаков добро: муку, хлеб, крупы. Животных забивали, а мясо грузили на те же подводы. Часть кулацкого инвентаря забирали с собой, а часть

оставляли в деревне. С собой забирали и людей, которых никто, никогда больше уже не видел.

После того, как кого-то раскулачили, члены отряда пьяными ходили по деревне. В эти моменты вся деревня дрожала от страха. Не дай Бог, этот пьяный отрядчик зайдет к тебе в дом и убьёт твоего мужа, сына, или изнасилует дочь, жену.

Раскулаченных люди жалели. Кто чем мог помогал им. Но это было опасно для них самих. Тех, кого отрядчики не выселяли из деревни, люди селили к себе. Обидно было смотреть, как человек живет у чужих, а его собственный дом стоит пустым. Кулацкий инвентарь бросали под дождем. Он никем не использовался и пропадал: ржавел, гнил. Дома гнили и заваливались. Заборы падали. Земли кулаков зарастали сорняком.

В книгах по коллективизации, написанных до перестройки, была показана нереальная картина по раскулачиванию. В этих книгах кулаки описывались только плохими людьми. А вот те, кто их раскулачивал, всегда рисовались работающими и честными людьми. В книгах после перестройки все зажиточные изображались умными, хорошими и душевными людьми. И то, и другое неправда! Одна крайность сменила другую. Среди кулаков были такие, которые у бедняка выгребали последний хлеб за долги. Правда и то, что только кулак мог убить человека из-за угла. Но зато старые фильмы о колхозах правдивы.¹⁹⁸ Они мне очень нравятся.

Во время раскулачивания была одна правда. Правда была человека с оружием! К моему брату пришли и потребовали отдать всю муку, пшеницу и лошадей. Брат отказался. Его жестоко избили, а муку, пшеницу и лошадей всё равно забрали.

Если хозяин был стоек и, несмотря на избиения, не говорил, где у него и что спрятано, избивали его жену, сжигали постройки. Отряды по раскулачиванию заходили в дома в любое время и даже не просили хозяина убрать собаку. Они её просто убивали. Люди всё не могли взять в толк, почему они должны бесплатно отдавать всё то, что заработали честным трудом, «потом и кровью?».

Да и кому отдавать! Тому, кто не приложил абсолютно никакого усилия для того, чтобы это иметь, не работал, а получил. Многие не понимали, — почему с такой жестокостью и бессердечием их избивают за

---

¹⁹⁸ Трудно сопоставить сказанное респондентом с суждением о правдивости советских фильмов о колхозах. На съемках фильма «Кубанские казаки», воспевавшем счастливую и изобильную жизнь в колхозе, использовались муляжи продуктов питания: опасались, что голодные артисты и операторы тут же съедят реквизит.

своё же добро. Все, кто сопротивлялся отрядчикам, были убиты или жестоко избиты.

Однако, сопротивление было только в самом начале коллективизации. Очень скоро все поняли, что лучше отдать всё, но сохранить свою жизнь и жизнь близких. Всё равно ведь всё отберут! Мы знали, что в соседних деревнях убивали целые семьи, а трупы увозили неизвестно куда.¹⁹⁹

Страх сковал людей. Люди стали меньше говорить. Стали бояться за каждое сказанное слово. Страх – очень сильное чувство! Страх – это ощущение того, что ты можешь навсегда потерять своих близких. Страх был нам привит новой властью и жестким контролем каждого жителя деревни друг за другом. Страх – это неясность завтрашнего дня, боязнь, что ты всё время делаешь что-то не то и тебя за это накажут.

До раскулачивания в доме было масло, молоко, творог, мед, яйца, хлеб. Всё это было с небольшим избытком. После раскулачивания мы стали мясо есть только по выходным, а творог и мед – только по праздникам. Хлеба было в обрез. Стали чаще ходить по грибы и ягоды, собирать березовый сок. Мужики – охотиться, раков ловить, рыбачить. Складывалось впечатление, что один человек работал, а голодная, злая, ничего не имеющая и неумеющая толпа только и ждет, чтобы отнять у него кусок.

У нас в деревне были переселенцы из тех мест, где уже прошла коллективизация. Они рассказывали о том, как ехали к нам в ссылку аж из-под Ростова. После раскулачивания им оставили подводу, лошадь, мешок муки, немного хлеба и овощей. И было указано направление, в котором они должны были ехать. Ехали они очень долго, встречая по дороге множество людей. Люди шли от раскулачивания как навстречу, так и за ними. Многие люди умирали в дороге: пищи было мало, дороги разбитые. Часто их грабили разбойничьи банды.

Переселенцев наша деревня сначала встретила холодно. Затем, увидев, что приехали работающие и умные люди, крестьяне стали обращаться к ним за советом. Трудолюбивых людей всегда уважали. Но были и те, кто к нам попал в поисках легкой жизни. Эти люди ничего не делали, их не уважали. Жили в самых плохих домах и не спешили разводить скотину. Очень часто именно эти люди и входили в отряды по раскулачиванию. Конечно, их не любили.

---

¹⁹⁹ Свидетельство о такой практике расстрелов может быть ответом на сомнения тех оппонентов, которые, прочитав рассказ Ретунской М.Д. о 200 крестьянах спущенных под лед, засомневались в правдивости таких сведений, так как, мол, они все равно должны быть где-то задокументированы и стать известными ученым через архив.

Тех, кто хотел уехать из деревни, всегда ждала неудача. Начальство не отпускало. Да люди и не особенно стремились, так как в городе трудно найти работу и было голодно. Переход на другую работу в колхозе не был нашим правом. Складывалось ощущение, что тебя прикрепили к чему-то, и ты не в силах это изменить. Человек был свободен только по пути на работу и по пути с работы до дому.²⁰⁰ Нормально считалось, что все деревенские шли на работу с 14-15 лет.

Очень сильна была пропаганда. Люди сами себя забывали за громкими призывами и лозунгами. Органы внутренних дел были местом, которое все старались обходить стороной. Если ты туда попал за какую-то провинность, тебя могли лишиться партийного билета, выгнать с работы. Если милиционер подходил к дому, все боялись и думали, что нарушили закон или сделали что-то не так. Считалось, что милиция очень быстро находит преступников, и никто не остаётся безнаказанным.

Я слышала слово «КГБ». Знала, что это очень страшное слово. Но не знала, как оно расшифровывается. Если в деревню приезжали люди в военной форме, все знали, что приехали кого-то забирать. Людей в военной форме боялись больше, чем милиционеров. Их боялись все - начиная от скотника и кончая самым главным человеком в деревне. В органы шли работать самые сильные парни, и никто из них об этом потом не жалел.

Мой отец уже после войны, в 1947 г., построил дом из шпал: он работал на железной дороге. До этого мы жили в двухкомнатном доме, а в новом доме построили четыре комнаты. Отец сделал мебель, которая до сих пор нам служит. Вся деревня гуляла на нашем новоселье. Новый дом очень редко появлялся в деревне.

Мама моя работала учительницей. Она всё время была в школе. Приходила домой и что-то делала. Но нам казалось, что мама заботится о своих учениках больше, чем о нас, своих родных детях. Маме было сложно перестроиться с того материала, который давали в царской школе на тот, что надо было давать в советской. Из-за этого у мамы были сложности с начальством.²⁰¹

В 30-е годы был голод. Он был вызван неурожаем и нежеланием зажиточных крестьян сдавать хлеб, так как они могли заплатить

---

²⁰⁰ Уровень такого обобщения для крестьянки просто уникальный. Даже А.И.Солженицын, кажется, не дошёл до такой метафоры при характеристике степени закрепощения советского человека.

²⁰¹ Ещё бы! Она не была воспитана, как советские учителя, в двоемыслии.

государству с других доходов.²⁰² Тех, кто не отдавал хлеб, расстреливали. Цены на хлеб резко возросли. В городе ввели карточки.²⁰³ В деревнях происходил массовый забой скота. Резко увеличилось число заболеваний и смертность. Так я вспоминаю, и так говорили родители.

В те годы было много расстрелянных за то, что они пытались унести хлеб с поля. Да и уносили-то они его в колосках, а не мешках. Во время войны тоже был голод. Но этот голод был совсем другим. Здесь человек знал, почему он недоедает. Он понимал, что продукты нужны для победы. Мы очень хотели победить, много трудились. Работа во время войны в колхозе была очень трудной. Люди падали от усталости.

Люди жили и работали тяжело. Но часто собирались на праздники вместе. Ели, пили самогонку, танцевали. А утром расходились по домам. Анекдоты не любили. Мы имели мало, но и этим малым были рады.

В 50-е годы стали питаться хорошо. Каждый год происходило снижение цен. В 60-е годы питались продуктами со своего участка: овощи, молоко, мясо. В магазинах стали появляться товары народного потребления, фрукты. В 70-е годы на 24 средних зарплаты можно было легко купить автомобиль. Студент мог позволить себе через день варить суп из курицы.²⁰⁴ В 80-е годы есть деньги - нет товара, всё нужно доставать. В 90-е годы на улицах появились спекулянты, товары по карточкам.

Сталин – это отец всех народов, наш рулевой, умный и жесткий человек, сумевший вывести СССР на первое место в мире. Ведь тогда в вопросах политики все боялись Советского Союза.²⁰⁵

---

²⁰² Здесь неточность. Голод 30-х годов не мог быть по причине нежелания зажиточных крестьян сдавать хлеб. Это объяснение можно принять для 1927 г., когда крестьяне действительно из-за низких закупочных цен не продали его государству. А в 30-е годы уже были колхозы.

²⁰³ Это указывает на то, что респондент ошибался в обозначении причин голода 30-х годов. Карточки ввели в 1929 г. Значит, респондент рассказывал об экспроприациях 1928 г., когда крестьяне действительно не вывезли хлеб на продажу, рассчитывая на повышение цен на него и понижение цен на промышленные товары.

²⁰⁴ Здесь явное преувеличение. Самый простой автомобиль «Жигули» стоил более 5 тыс. руб., а средняя зарплата во второй половине 70-х годов была в пределах 130 руб. в месяц (итого 3120 руб.). Студент вряд ли мог через день варить курицу. Он получал стипендию 23-40 руб., а 1 кг. курицы стоил 1 руб. 65 коп. - 2 руб. 40 коп.

²⁰⁵ Эта боязнь основывалась не на силе СССР, а на его способности (не раз доказанной) организовать социалистическую революцию в их стране, которую они принимали за террористический акт. С 1919 г. по 1943 г. существовал международный штаб для подобных действий (Коминтерн). В 1945-49 гг. в 12 странах Европы и Азии Советскому Союзу удалось осуществить революцию. Примерно в 30 странах Африки, Латинской Америки, Азии СССР установил режимы «социалистической ориентации».

Сталин – это человек, который делал всё правильно! С ним СССР смог победить в войне и восстановить хозяйство. Он навел порядок в послевоенном государстве. Иосиф Виссарионович был всегда рад видеть свой народ, всегда говорил о новых достижениях в технике. Под его руководством СССР стал выплавлять стали и чугуна намного больше европейских стран и США.

Коммунистическая партия – это ведущий образ человека²⁰⁶ Партия была тем, что сближало людей и делало их равными. Партия давала гарантии бесплатного лечения и образования и о том, что получивший образование найдет работу. Это была гарантия того, что все предприятия будут работать, все будут получать свою зарплату и пенсию, на улице будет порядок, банки не будут обманывать людей, старики смогут достойно провести свою старость и умереть, зная, что их похоронят.

Власть это структура, способная принимать решения в форме закона, исполнять эти законы и сравнивать действия человека с этими законами. Против власти выступали враги народа, изменники, люди, преступившие закон, кулаки, противящиеся советской власти. До недавних пор я не знала о ГУЛАГе, но уверена, что все, кто там был, своё получили по заслугам.

Сама я не была в лагерях заключения. Не слышала я и рассказы тех, кто там был потому, что большая часть из них оттуда не вернулась. Если человек побывал в лагере, вернулся и рассказал о нем, то за ним приезжали на следующий день, и уже его никто, никогда не видел. Если человека забирали органы, то его оплакивали, как умершего.

Очень распространено было доноительство. Страх сковывал языки людей. Люди могли задавать вопросы, но не получать ответы. И за свои вопросы могли быть сосланными в Сибирь или куда подальше. Человек, побывавший в лагере и вернувшийся оттуда, знал, как тяжело в лагере и представлял, как легко туда попасть и стать никому ненужным существом. Поэтому эти люди старались никому и никогда не рассказывать, где они были.

А люди и не желали знать много и жили спокойно. Каждый чувствовал, что есть грань между любопытством и шпионажем, и эту грань очень легко нарушить. Например, все высшее руководство знало о лагерях,

---

В развитых странах Запада действовали коммунистические партии, которые содержались на деньги, присланные из СССР. В цивилизованном мире, разумеется, боялись советских ракет с ядерным оружием. Но зная нашу колоссальную экономическую отсталость, презрительно называли СССР «Берегом Слоновой кости с ракетами». Что такое бояться экономически слабой, но агрессивной нации, россияне поняли в 90-е годы на примере Чечни.

²⁰⁶ Так в тексте.

но упорно молчало. Никто не был защищен от всемогущего секретаря Сталина.

Ленин очень умный, образованный и скромный человек. Он всех обеспечил работой и хлебом. Он поднял Россию и освободил её от засилья буржуев. Сталин – продолжатель дела Ленина, его ученик. Всё, что сделал Сталин, всё было на благо народа. Он укрепил военную силу Советского Союза.

Хрущев – умный, близкий народу человек. Сделал жизнь крестьянина лучше. Он уменьшил налог с крестьянского двора. Во время его правления появилось много интересных журналов и книг. Люди стали знакомиться с ранее неизвестными стихотворениями. Музыка стала разнообразнее. На экране появилось много фильмов с реальными героями. Люди верили в то, что вскоре наступит социализм. Энтузиазм переполнял их. Это был человек, который был смелым в принятии решения и внесший очень много нового в нашу жизнь.

Во время правления Брежнева дисциплина была утрачена. Появилось большое количество пьяниц и прогульщиков. Никто не хотел работать. Складывалось ощущение, что вверху забыли о существовании народа, а были заняты лишь креплением звезд на костюмы.

Горбачев – это человек, который говорит много и непонятно. Он не умел отстаивать мнение СССР на международных встречах. Он не сумел обеспечить людей продуктами и всю страну порядком.

Ельцин – человек, дающий обещания всем, но не выполняющий их. Очень много пьет и по болезни не способен управлять государством, обворовывающий Россию и продающий её богатства за границу.

Черномырдин – нечестный человек, интересуется не судьбой России, а лишь зарабатывает свои деньги.

Кислюк – тот, кому нужна власть для самоутверждения и заработка грязных денег.

ДОКУМЕНТ №96

Багина Анастасия Игнатьевна родилась в 1925 г. Беседу вела внучка Шарабарина Майя в 2001 г. (г. Новокузнецк)

Семья у нас была большая, 7 детей: 5 дочерей и 2 сына. Взрослого состояния достигли пятеро. На сегодняшний день нас живет трое. Имеем 9 внуков, 2 правнука. Отец наш умер во время эпидемии тифа. Старший сын- Николай (1920 г. рождения) не вернулся с войны.

Сама не знаю, где я родилась. Совсем маленькая я тогда была еще. Знаю только, что по два года мать всем нам скинула, когда паспорта давали, так что на самом деле я с 1925 г., а не с 1927 г., как в паспорте. Жили мы в селе Каменка Алтайского края. Приехали туда потому, что искали, где лучше, где прожить можно. Бабка, верно, боялась, что мы все с голоду помрем, оттого и ехали, куда глаза глядят. В Каменке земли много было бесхозной, бери и пользуйся. Так и остались здесь, потом паспорт получили.

Когда мы приехали, колхоз уже организовали, но в него шли не все. Вот и бабка наша не захотела. Хорошо, что земли было вокруг много лишней, никому не нужной, сеять можно было, сколько захочешь и где хочешь. Дальше ехать было незачем. Итак в дороге Фенька умерла (младшая дочь)

К нам относились, как к единоличникам. Сначала вовсе как к чужим. Налогами облагали и нас.²⁰⁷ Как сейчас помню: нужно было сдать 120 яиц, 32 кг. мяса, 4 фунта шерсти. А откуда брать все это? Купи да отдай. Так и делали: складывались всем селом и покупали корову, на сколь потянет. И сдавали мясо.

Работать все равно пришлось в колхозе. Первым пошел Николай (старший сын). Работал он, как и все. Платили хлебом, а иногда и вовсе не платили.

Меня в 14 лет заставили варить еду на полевом стане. Это что-то вроде барака вдали от села, в котором целыми месяцами жили люди, пока работали вне дома. Дом - домом, а стан - станом. На посевные работы всю молодежь сгоняли. Спать нам давали летом часа по три, пока лошадей кормили. Ночью спали только весной да зимой. Осенью скирдовали. На поле жили. Убирали до 12 часов, а то и до часа, а то и до самого утра. И

---

²⁰⁷ К неуплате налога единоличниками власть относилась особенно строго. Могли конфисковать дом, имущество, скот.

все же это лучше, чем все время ехать "за едой". Мы еще плеткой часто получали за то, что были нищие.

Майя - Бабушка, Вы видели, как раскулачивают?

Анастасия Игнатьевна - Да! Еще до того, как переехать в Каменку, рядом с нами жили "кулаки". Жили, никого не трогали. Бабки с внуками сидели. Иные беднякам помогали. Одну семью раскулачивали особенно громко. Увели у них всех коров, всех лошадей, забрали все имущество, а самих сослали в Нарым.

Майя - Нарым, что это?

Анастасия Игнатьевна - Говорили, что-то вроде тюрьмы. Хотя точно никто не знал. Письма писать не давали, доходили лишь слухи. Знаю только то, что в дороге людей гибло много. Это точно! Раньше даже "шутка" такая ходила: сколь шпал лежит на 10 м. в Нарыме, столько и покойников.

Бедняки же сами шли в колхоз. Терять-то им все равно нечего. Раньше ведь как было: на богатых работали те, у кого не хватало своего хлеба. Бедняк шел занимать хлеб к богатому, а за это летом горбатился у него на поле. В колхозе тоже работу всем находили. А летом порой и ночью работали. У женщин все руки были в крови. Все пальцы, бывало, раздирали до воя. Пенсию никто не платил.

Майя - Изменилось ли что-нибудь после коллективизации?

Анастасия Игнатьевна - В быту - да. Лавки стали появляться. Одежду перестали сами шить. Стали покупать мыло, муку, материал. Стали дома на замки закрывать, а не на метлу, как до колхозов.

Майя - Разве в доколхозной деревне не воровали?

Анастасия Игнатьевна - Воровали, конечно, кто умел. Но это было опасно: каждый знает всех в округе, так что вору и добро деть некуда. Разве что лошадей уводили. А вот в колхозе воровали часто. И со мной однажды был случай. Была у меня Маша, моя помощница. Называлась помповар. Каждую неделю нужно было ездить в село за продуктами. Обычно я сама это делала. Но иногда Маша просилась вместо меня. Отпускала ее, доверяла. Мало ли что нужно. В бане помыться, к примеру. Ну, так вот, однажды не вернулась ко мне Маша с продуктами. День работники мои голодными сидели. Стали разбираться. Оказалось, что припасы все отписаны. Кроме того, помощница моя собрала в селе всё, что передавали родным на поле. С тех пор ее никто не видел. Только телегу нашли в лесу.

После коллективизации стали учить, что Бога нет, вот люди и стали творить, что хотели.

Майя - В селе действительно до коллективизации не было грамотных?

Анастасия Игнатьевна - Да и после нее толком не было. Правда, была изба- читальня, в которой по слогам читали. Школа одна была. Да только, когда в нее приходиться, никто не знал – часов ведь не было. Помню, соскочишь ночью, кажется, надо идти. Натягиваешь на дырявые валенки калоши и бежишь до школы. А на самом деле время еще только часа три. Вот и стоишь под дверью, ноги морозишь, техничку ждешь, чтобы внутрьпустила.

Майя - Говорят, не было бумаги, на чем же вы писали?

Анастасия Игнатьевна - На закопченных трубах. Но так недолго было. Нам, как лучшим ученикам, в качестве премии давали по тетрадке и карандашу. А если нет бумаги чистой, сажу в склянку насобираешь, разболтаешь ее с водой и рисуешь буквы на газете. Но учились все с большой охотой. Грамотным считался тот, кто умел читать по слогам. В колхозе даже лекции иногда проводили, как с землей лучше обращаться.

Майя - Ели досыта?

Анастасия Игнатьевна - Какое там! Было время, и за колоски судили. За руку поймают кого-нибудь на поле и к бригадиру ведут протокол составлять. А потом судили. Колосья можно было собирать на убранном поле только для сдачи в колхоз. Себе – не смей!

Майя - А общие дела вы как решали?

Анастасия Игнатьевна - На собраниях. Да только толку от них мало было. Там кто во что горазд. Бригадира выбирали по числу поднятых рук. Поднял руку кто-то, бригадиром стал. Нет, так нет. Родители говорили, что они только время теряли на этих собраниях. Просидят там часа по два, домой идут ругаются.

Я только сейчас понимаю, что в политике той никто ничего не понимал до конца. Но все принимали в ней участие, наверное, глядя друг на друга.

Майя - Почему сейчас тяжелая жизнь в деревне?

Анастасия Игнатьевна - Правители виноваты! Правды нет!

ДОКУМЕНТ №97

Бабушка N родилась в 1925 г. в д. Кеми в Башкирии. Рассказ записал Валиахмедов Азат в 2001 г.

(После трехчасового уговаривания бабушка моего друга²⁰⁸ согласилась ответить на вопросы. Однако свою фамилию и даже имя назвать под запись категорически отказалась. Просила не писать, где она сейчас проживает. Вот её рассказ.)

Я родилась в 1925 г. Когда нас раскулачивали, семья наша состояла из пяти человек: отец, мать, я старшая сестра и бабушка. Я думаю, что забирать хлеб, инвентарь, ссылая крестьян в Сибирь было несправедливо. Тем более, что раскулачивали и ссылали не только кулаков, но и такие семьи, как наша, то есть добротных и зажиточных крестьян.

Сестра мне рассказывала, что до колхозов отец с матерью и она работали от зари до зари. Хозяйство было крепким. Часто приходилось просить о помощи соседей. За эту помощь им давали или зерна, или деньги. Что тут плохого? За это нас и сослали.

С раскулачиванием уничтожили крестьянство. В результате наступил голод. Засуха тут не при чем.²⁰⁹

Раскулачиванием занимались районная комиссия, НКВД, деревенское начальство. При раскулачивании люди сопротивлялись, впадали в отчаяние, боролись. Но что они могли сделать!? Односельчане сочувствовали, часто укрывали у себя. Но за это ты сам становился врагом и тебя ожидала смерть.

С фильмами реальную жизнь не сравнить. Она страшнее, намного страшнее! Но все же у Шолохова в “Поднятой целине” есть какое-то сходство.

При раскулачивании люди испытывали чувство обреченности, озлобленности из-за того, что ничего не могли предпринять. Боялись всего и всех. Страх – главная деталь того времени. Но взрослые испытывали страх не за себя, а за нас, детей.

---

²⁰⁸ Судя по некоторым деталям текста, это, видимо, бабушка всё-таки самого интервьюера.

²⁰⁹ Пример глубокого понимания крестьянами социальной и экономической сущности социалистических преобразований в деревне, видимо, полученный от родителей. В августе 1931 г. агент ОГПУ с Кузнецкстроя доносил: «[...] Спецпереселенцы Иванов и Суворов, придя на базар, собрали вокруг себя толпу и повели агитацию о том, что политика раскулачивания неверна, что она приведет и уже привела частично к голоду и т.п.» (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 г. – начало 1933 г. С. 151).

Пищи до колхозов хватало. Ели, что выращивали. После раскулачивания, как и все, мы голодали.

Как раскулачивали? Просто. Забивали людьми товарные поезда битком. Наглухо закрывали, стоя ехали, стоя умирали. Умершие люди стояли среди живых, пока не останавливался поезд.²¹⁰

Многие умерли в пути, но большинство умерло по приезду. По приезду был лютый мороз. Нас поселили в бараках. Здесь мы потеряли бабушку. Сразу же всех распределили на работу, в основном в шахту. Работать заставляли всех, даже детей 12 – 13 лет.²¹¹ Через какое-то время нам разрешили строиться.

Вот ты спрашиваешь, почему у нас, раскулаченных, дома добротные? Да потому, что для себя строили. А плохо делать работу мы отродясь не умели. Работать – так работать. Это потом люди привыкли как бы работать, а на самом деле не работать. Люди разучились любить работу. И то! Не на себя же трудиться стали.²¹²

Среди начальства было много хороших людей. Они понимали и зря старались не обижать. Переходить на другую работу было нельзя, контролировали нас милиция и НКВД.²¹³ Есть было нечего, но Сибирь – богатый край. Ловили рыбу, птицу (голубей, воробьев), зверя, собирали грибы, ягоду, орехи.

Голод – это страшно. От работы тебя никто не освобождает, и организм находится в таком состоянии, когда каждая клеточка направлена на поиск пищи. Работали 14 – 16 часов. На рабочем же месте и спали: не было сил идти домой.

В войну продукты давали по карточкам. Магазины были пусты, покупали на рынках. Но 100 рублей стоил хлеб и 100 рублей - ведро

---

²¹⁰ Эпизод, достойный Нюрнбергского процесса.

²¹¹ Детский труд спецпереселенцев подтверждается документально. (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 г. – начало 1933 г. С. 57;. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 181).

²¹² Исключительно важный вывод для понимания сущности изменения трудовой культуры при социализме.

²¹³ Так в тексте. Хотя «милиция и НКВД» это одно и то же. В просторечье словом «НКВД» часто обозначали структуру «чекистов», которая до 1934 г. была самостоятельной (ОГПУ), а потом была включена в наркомат внутренних дел (НКВД).

картошки.²¹⁴ А шахтеры получали 600 рублей. Вот и выбирали, что купить.²¹⁵

Родители с самого раннего детства учили меня молчать, ни о чем, ни с кем не говорить. Росла в семье, где ничего не обсуждали. КПСС воспринимала хорошо. Когда умер Сталин, плакала, думала, что вожди заботятся о народе.

В тюрьмах и лагерях не была, но знаю, почему молчали люди. Они боялись. Боюсь до сих пор. Потому и прошу тебя не указывать моё имя.

Ленина всю жизнь уважала и верила в него. Сталин, действительно, вождь. Боялись его все, и все любили. Все, что было плохое, с именем Сталина не связываю. Хрущев. Самое лучшее, что он сделал – это реабилитация заключенных и домостроительство. Переезжая в новую “хрущевку”, испытывали истинную радость. Горбачев – говорун и все. Для страны ничего не сделал, но стал “лучшим” немцем года и лауреатом.²¹⁶ Все для себя. А СССР развалил. Ельцин победил коммунистов, обещал демократию, а дал только хаос и бесконтрольность. Сейчас полнейшая разруха, народ нищий, как никогда.²¹⁷ Черномырдин шесть лет топтался на месте²¹⁸, не платил зарплату и пенсию. Этим он мне и не нравился. Не нравился также и Кислюк.²¹⁹

---

²¹⁴ В высказываниях других респондентов цены на базаре указывались и другие – 200-300 руб. булка хлеба, 200-400 руб. ведро картошки.

²¹⁵ Здесь указаны цены на базаре. По карточкам же (300 гр.- на иждивенца, 700 гр – на рабочего, 900 гр.- на ударника соцсоревнования) килограмм хлеба стоил меньше двух рублей.

²¹⁶ Речь идет о номинации Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева лучшим немцем года в ФРГ за то, что он способствовал объединению Германии, расколовшейся после второй мировой войны на ГДР (социалистическую) и ФРГ (капиталистическую). Ещё раньше М.С.Горбачев получил Нобелевскую премию Мира за то, что в 1986 г. впервые с 1917 г. провозгласил генеральной линией внешней политики не борьбу с империалистическими державами (как 70 лет декларировали коммунистические партийные документы), а мирное сосуществование государств с различным социальным строем.

²¹⁷ Стереотипное выражение тех лет. Действительности оно не соответствовало. Тем более в устах человека, который только что говорил о голоде как образе жизни советских людей, о разорении хозяйства и культуры в годы советской власти. Нельзя отрицать серьезных экономических трудностей 90-х годов, но и преувеличивать до такой степени тоже нельзя. Тем более, что в 90-е годы произошли значительные положительные изменения. В частности, исчез дефицит на продовольственные товары и товары потребления, существовавший в 1918-1922, 1928-1991 годах. (Подробно об этом см. Л.Лопатин. Кузбассовцы в годы реформ. Кемерово, 1996. – 64 С).

²¹⁸ В.С.Черномырдин был в 1992-1997 гг. председателем правительства России. Будучи человеком из советской хозяйственной номенклатуры, он пришел на смену

реформатору Е.Т.Гайдару. Так и не сумел до конца понять сущность рыночной экономики. Действительно «топтался на месте» в осуществлении рыночных реформ.

²¹⁹ М.Б.Кислюк был главой администрации Кемеровской области в 1991-1997 гг. Несмотря на то, что ему удалось начать решение ряда стратегически важных задач (реструктуризация угольной промышленности, реконструкция и строительство дорог, восстановление и строительство храмов, создание современной пищевой промышленности и др.), в народе он был непопулярной личностью. Как, впрочем, бывает с любым реформатором, при котором меняется привычный уклад жизни. Даже такой противоестественный уклад, как советский, с его дефицитами, «блатом», идеологией обмана, насилием, разорением наиболее трудолюбивых крестьян, расстрелами, нищетой на грани физиологического выживания. К концу 90-х годов преобразования, затеянные при Кислюке, стали приносить ощутимые результаты, которые услужливые журналисты и идеологи легко приписали его преемнику А.Г.Тулееву.

ДОКУМЕНТ №98

Батьков Александр Андреевич родился в 1925 г. в д. Каменка на Урале. Рассказ записала Каравинская Надежда в 2001 г.

По рассказу Батькова семья у них была большая, девять человек. Четверо сыновей, среди которых он был самый младший, и три дочери. Самая старшая – Евдокия, ее он не помнит, умерла в раннем возрасте. Разница между детьми в годах была невелика. Самой старшей дочери сейчас 84 года, но жива ли она, Александр Андреевич не знает. Машенька, как называет вторую сестру рассказчик, умерла два года назад в возрасте 69 лет. Он сообщил, что она была самой младшей в их семье. Судьбу остальных братьев и сестер Александр Андреевич не знает. После раскулачивания судьба раскидала их по бывшему СССР.

Сам же Батьков на тот момент, когда я опрашивала его, был одиноким, покинутым стариком. Зайдя к нему в дом, я поняла, что здесь давно не было ни смеха, ни детей, которые ухаживали бы за ним. В доме была угнетающая обстановка. В разговоре я узнала, что так было не всегда. У Александра Андреевича была жена и трое сыновей. Старший, которым гордились все, закончил Московский политехнический институт и теперь живет в Москве с семьей. А Павел и Михаил жили: первый – в Ленинск-Кузнецке, а второй - в Белове. Они часто навещали его вместе со своими семьями. Но случилось несчастье, они разбились в автокатастрофе. Теперь он живет совершенно один.

Когда я спросила о коллективизации, рассказчик почему-то сразу замкнулся в себе и стал неразговорчивым. Я попыталась успокоить его и как-то разрядить обстановку. Коллективизация, по рассказам этого человека, не принесла ничего хорошего. У них был свой собственный плуг, три коровы, лошадь, большой просторный дом. А коммунисты все отобрали и - в колхоз. А что в колхозе? Это все общественное, никому не нужное! Родители, да и мы очень страдали от того, что видели каждый день своих неухоженных коров. В первое время они пытались втайне ухаживать за своими коровами. “По ночам мы пытались хоть как-то подкармливать своих коров, но после того, как наказали брата, мы не стали. Мать очень переживала за коров, потому что они были кормилицами семьи”

Воспоминания у него о колхозах очень яркие. “Мне было страшно то ли от неизвестности, что будет завтра со мной и со всеми нами, то ли оттого, что я понимал: нас ждет неизбежная участь наших соседей”. Из разговора я поняла, что семья моего рассказчика была трудолюбивой. Они

поднялись в период НЭПа.²²⁰ Вот и получилось, что они и их ближайшие соседи выделялись среди всех. По словам Александра Андреевича, председатель приезжал на телеге, описывал все имущество, и тут же все забиралось.

Женщины впадали в истерику, а некоторые мужчины хватались за ружья, припрятанные с гражданской войны. Более сильные духом стояли и смотрели, как все, что они нажили собственным трудом, грузят на телеги и увозят, при этом на их лицах было выражение гнева. “Было такое ощущение, что эти люди были захватчиками своей собственной нации, завоевателями”. По воспоминаниям Батькова, родители отрицательно относились к колхозам. Они говорили, что колхоз – это сборище лодырей и лентяев. Он создан для тех, кто не любит работать и не хочет работать. “Они собирают всё у нас, чтобы разделить и отдать этим пьяницам”.

На вопрос, кого же все-таки раскулачивали, мой собеседник иронично заметил, что я могла бы и сама догадаться. Раскулачивали большие семьи, где было большое имущество. По словам Александра Андреевича, у соседей, которые жили рядом с его семьей, в семье были одни мужчины. Единственной женщиной была хозяйка этого дома. Они были все очень трудолюбивыми и работоспособными, а поэтому и жили хорошо. Все в округе, естественно, им завидовали. И раскулачили их первыми. “Все называли нас кулаками, а какие же мы были кулаки, если все делали сами?” - вопрошает Батьков. “Кулак – это тот, кто на чужом труде наживается, а мы сами работали. Естественно, нам завидовали. Все думали, что нам легко все достается”. Им завидовали те самые бедняки-лодыри, обделенные судьбой.

После раскулачивания некоторых выселяли из деревни в другую местность на Дальний Восток и т. д. “Нас почему-то не выслали, но мы заплатили огромный штраф”. Сколько заплатила его семья, Александр Андреевич мне не сказал. С Урала людей высылали в Сибирь, да и не только. При высылке разрешалось взять предметы гигиены, личные вещи и деньги. Ни о каком имуществе и речи не было. Все оставалось в руках колхозников. Они все растаскивали как “свора собак”.

По рассказу Александра Андреевича я могла судить о том, что в жизни крестьян до коллективизации и после была большая разница. В деревне бездельников было мало. Все трудились. Старались ради своей семьи выложиться полностью. Дома и дворики в деревне были опрятными.

---

²²⁰ Снятие искусственных ограничений с крестьянских хозяйств (1921 г.), реализация лозунга «Обогащайтесь» (1925 г.) привело к росту «культурных» (по терминологии тех лет) хозяйств. Именно их позднее объявили кулацкими.

Вечерами ухоженные и откормленные коровы возвращались назад домой. При коллективизации наблюдается смущение людей. Они в шоке. “Что будет с нами?” – стоял вопрос над деревней. Но ведь в это время по всей России люди были озадачены. “А что же потом?” – спросила я Александра Андреевича. А он мне в ответ сказал, что коллективизация разрушила все. Коровы, лошади и т. д. - все стало общественным, а, значит, ничьим. Люди постепенно стали отвыкать от труда, и деревня была уже не так опрятна, как прежде.

«Бедные крестьяне сами шли в колхозы, а более состоятельных и трудолюбивых загоняли насильно. Были случаи в нашей деревне, когда с оружием приходили, но это было лишь однажды. А так, у крестьян отбирали все, и им приходилось идти в колхозы. Конфискации подлежало почти все имущество». Семье моего собеседника оставили только летнюю кухню и сарай, а также личные вещи, остальное все было конфисковано.

«Естественно, были протестующие. Но это было лишь поначалу, когда люди не полностью осознали серьезность ситуации. С такими расправлялись быстро, либо враг народа и тюрьма, либо расстрел без суда. Активистами в основном были работающие крестьяне, которые потеряли свою собственность. Если крестьяне сопротивлялись коллективизации, то их успокаивали языком оружия. Крестьяне, мол, не видят своего собственного «счастья». На вопрос о том, что было дальше с выселенными, он ответил, что не знает. От знакомых, которых выслали, не было известий.

Я задала Александру Андреевичу вопрос: “Почему колхозы не справлялись с обеспечением людей продовольствием?”. Он мне ответил, что причина была частично в крестьянах, так как они стали хуже работать, ведь это уже была не их собственность, а общая. Однако, большую роль сыграло то, что бригадами и председателями колхозов были люди совершенно не знающие крестьянского дела. Это были рабочие, а они, естественно, не знали о том, как нужно сеять и когда. Причем каждый председатель торопился отчитаться перед Москвой за сев или уборку.

Однако, оказалось, что в соседней деревне был председатель, который болел за урожай. Он дал разрешение сеять зерно позже всех, именно в то время, когда и надо было. Так его наказали, сослав в Сибирь. До колхозов люди сами контролировали время посадки, окучивания и т. д.

Из рассказа Батькова я узнала, что рядом с их деревней был лес. Там было несколько сот диких пчел. Всей деревней люди собирали мед в специально оговоренное время. А раньше нельзя было. Если кто-нибудь осмеливался всё-таки это сделать, этого человека находили без труда. Все

же друг друга знали. Такого выгоняли из деревни. А одному приходилось тяжело.

До коллективизации на столе семьи Александра Андреевича можно было видеть кроме хлеба и воды молочные и мясные продукты. «Наша семья никогда не считала себя богатой. Мы не жировали, но и не бедствовали. Одевались, как полагается, без излишеств. У нашей матери никогда не было проблемы, чем нас накормить» Что же случилось потом. Не стало коров и свиней, а, следовательно, не было мясных и молочных продуктов. Их можно было получить в магазине втридорога. Одеваться они стали хуже, так как было мало денег.

Однако, в семье рассказчика работали все. «Мы вставали на рассвете и шли в поле, а домой возвращались уже на закате». Условия труда были очень тяжелыми, не хватало лошадей. а оплата за труд шла не деньгами, а трудоднями. Ставили палочки в трудовой книжке. Людям не хватало на пропитание. Они начинали воровать у колхозов, однако между крестьянами это не считалось воровством. «Государство у нас забрало все, и если мы возьмем чуть-чуть, оно не обеднеет». Самое интересное, что это мнение сохранилось до сих пор.

Мне было интересно, если люди жили так хорошо до коллективизации, то было ли воровство, грабили ли дома. Александр Андреевич, покачивая головой, ответил, что дома никогда не закрывали на замки. «Люди тогда были более честными». По его словам, каждый, кто работал хорошо, имел то же, что и сосед. Да и за воровство наказывала вся деревня, ведь вора сразу можно было найти, так как все были свои. Работали до колхозов люди, не покладая рук. Редко можно было встретить пьяницу.²²¹ Их не уважали в деревне, сторонились. Позором считалось знаться с таким человеком. Батьков все говорил и говорил, и мне стало

---

²²¹ Подобные высказывания респондентов не подтвердили бытующего современного мнения о русском исконном беспробудном пьянстве. По высказываниям можно установить, что, во-первых, на первом месте у крестьян стоял труд, а уж потом выпивка. Во-вторых, почти в каждой деревне было только по одному - два пьяницы, которые воспринимались неуважительно, иронично, что подтверждается исследованиями этнографа XIX в. С.В. Максимова (см. С.В.Максимов. Собрание сочинений. Т 18. Крестная сила. Нечистая сила: Трилогия. СПб., 1908. Ротапринтное издание. Кемерово, 1991. – 349 с.). В-третьих, образ пьяницы – это всегда образ бедняка, «голытьбы», лодыря. В-четвертых, женщины вообще не пили». Такова была культура российской деревни в вопросах потребления алкоголя. «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, писал в 1874 г. А.Н.Энгельгардт, - я был удивлен тою трезвостью, которую увидал в наших деревнях». «Пьяницы, - подчеркивал он, - весьма редки» (см. А.Н.Энгельгардт. Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России во второй половине XIX в.. М., 1987. С. 69-70).

ясно: не так пили раньше русские люди, как сейчас. Если будешь пить, значит, хозяйства и почета тебе не будет.

По словам рассказчика, многие хотели выйти из колхозов. “Сколько ни работаешь, все одно, итогов работы не видно”. В колхозе не все крестьяне трудились. Лодыри и лентяи так ничего и не делали. Они спешили выбиться в начальники.

Были среди крестьян такие люди, которые открыто выступали против колхозов. Они отказывались идти сами и отговаривали других. Был такой человек и в деревне Александра Андреевича, звали его Семенов Ф.И. Он призывал не вступать в колхоз, даже писал в Москву. Но через некоторое время он пропал, пропали и люди, которые встали на его сторону. Затем всем в деревне сказали, что это враги народа, которые не дают идти к светлому будущему.

Как и по всей России, так и в Каменке в 1931-1933 гг. и 1941-1946 гг. был голод. Вводилась карточная система. На карточке указывалось определенное количество продукта. При этом продуктов не хватало. Людям давали во время войны только хлеб, около 50 граммов, что же говорить о других продуктах. Люди начали воровать хлеб, горох, “доставать” еду. Но был закон о трех колосках и горсти гороха. Суть этих законов сводилась к тому, что люди, которые украли зерно (хотя бы горсть), наказывались за это в судебном порядке. По словам Александра Андреевича, его мать, чтобы накормить своих детей, украла немного зерна, но по дороге ее поймали. Когда проводили суд, в оправдание она сказала, что ей нечем накормить детей, хотя она работает.

К этим бедам крестьян пришла еще одна - наступила война. Все мужчины, которые могли воевать, ушли на фронт. В деревне остались только дети, старики и женщины. Александр Андреевич среди первых ушел на войну. Однако, с войны вернулись не все. Те, кто остались живыми, но были калеками. Они не могли трудиться, и, следовательно, помогать своим матерям, женам, сестрам.

По словам Александра Андреевича, жизнь после войны в деревне стала ещё хуже. Не хватало хлеба, одежды. Люди ходили зимой в фуфайках и валенках, и сразу нельзя было определить, мужчина это или женщина. Но несмотря на то, что в деревне была плохая жизнь, люди не уезжали. Одной из причин было то, что людям не выдавали паспортов. Они были прикреплены к деревне. Если бы им разрешили иметь паспорт, тогда из деревни уехали бы все, так как заработки были маленькими.

Рассказчик говорил о том, что был построен клуб, избы-читальни для увеселения и образования крестьян. Однако, люди не очень

стремились постигать азы грамматики, так как само отношение к грамоте было пренебрежительным. “Мы клуб посещали чаще, чем избы-читальни”.

Но как бы плохо ни жила семья Батьковых, его родители никогда не говорили плохо о Сталине, его политике, не оценивали и не высказывали, в правильном ли направлении ведется экономика, политика и т. д., так как знали за это полагается наказание - ссылка в лагерь.

Лучше стали жить колхозники только во время хрущевской «оттепели», в 60-х годах. Тогда семья Батькова смогла купить холодильник, телевизор и дом.

Но на вопрос, как сейчас живут в деревне, Александр Андреевич, покачивая головой, сказал, что работать некому.

В основном все пьют.

ДОКУМЕНТ №99

Старков Иван Алексеевич родился в 1925 г. в д. Малая Каралда Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Дьячков Алексей в 2001 г. (с. Каларда)

Да, внук, застало меня то время тяжёлое. И вместе с тем оно счастливое. На судьбу жаловаться не могу. Всё равно кому-то надо было жить в то время и вершить историю. Я. записан по паспорту 1928 г. рождения, но на самом деле – с 1925 г. У нас многим тогда приписали года, а зачем? Выгоду искали, чтобы больше на государство работали.²²²

В семье я был не единственным ребёнком. У меня ещё есть 3 брата и 2 сестры. Слава Богу, до сих пор все живы, имеют детей. Родители наши приезжие. Мать и отец из России²²³ приехали. Отец с матерью дружно жили, редкий раз когда ругались, а бить - пальцем не трогал. В хороших семьях росли, воспитанию учили, честь и совесть сохранили. С нами шибко строгими не были, но и не баловали. Да и мы понимали, что родителям помогать по хозяйству надо, деревня же - не город. Отец на охоту ходил, петли на зайцев ставил. Речушка у нас протекала Каралдинка, метра три шириной, неглубокая. А рыбы было больше, чем сейчас в Томи. Зверья - тьма-тьмущая. Зайцы поздней осенью в огороде нередко попадались.

Отца я лишился в 17 лет: на войне погиб. Мать дома со скотиной воевала. Скотины целый двор: 2 коровы, 1 лошадь, гусей и кур - не считано, овечки (штук 6-8), свиньи. Ну и с нами повозилась изрядно. Мать недавно умерла в возрасте 83 лет.

Деревня наша, Малая Каралда, глухая, от города далеко - 65-70 км. В то время г. Белово ещё не было. Он только начинал строиться. Деревня расположена в лесу. И это дополнительная трудность её отыскать. Деревня сама небольшая - 60 дворов. Пастухи рассказывали, что если идти по тайге, недалеко расположена Монгольская граница, километров 250, не больше. В деревне мы были сами себе хозяевами, помещиков в Сибири не было, работали для себя. Редкий раз приезжал уполномоченный с города. Ходил, смотрел деревню и уезжал.

---

²²² Такое объяснение не подходит, так как от такой приписки человек становился младше, а не старше. Кстати, в то время чаще встречались приписки в сторону увеличения, а не уменьшения возраста: для более раннего устройства на работу подростка.

²²³ Выражение «приехал из России» было типичным для сибиряков. Для них Россия и Сибирь географически разделялись.

Колхоз наш утвердили с третьего раза. Первые две попытки – неудачные. В 1931 г. пытались утвердить колхоз, не получилось. И в 1933 г. – не вышло. Наконец, в 1935 г. его создали. В нашей деревне коллективизация была запоздалая. В других она прошла намного раньше.

А колхоз утверждали так. Приехал уполномоченный, поставили стол. Провели сначала собрание. Уполномоченный рассказал о планах партии, о развитии в деревнях колхозов. Народ не бунтовал, слушал внимательно. Вовлечение в колхоз крестьян у нас шло принудительно. Заставляли писать заявление о принятии в колхоз. Говорили потом, что всем было как-то дико, не по себе, люди не понимали всей этой процедуры. Но отец её одобрял. Дед Егор говорил: "Коллективное хозяйство – самый хороший хозяин. Это самое лучшее. Так я работал на барина, оброк, барщину платил, да голый и голодный ходил. За год заработаю у него 3 рубля и рад. А сейчас мы будем работать для себя. Я – за колхоз!" Отец придерживался следующего мнения: "Посмотрим, что из этого выйдет, время покажет. Но мне кажется, что на сегодняшний день это лучший вариант." Мать ничего не говорила, ей было всё равно, как решат мужики, так и будет.

Заявления сдавали на второй день. Стали сгонять лошадей, несли плуги, бороны. Всё остальное разрешали держать в своём пользовании. Помню, отец повёл лошадь сдавать, а я плакал, бежал за отцом. Мне было жалко лошадку.

Время-то, главное, внук, выбрали правильно. Весной приехали после сева. Всё рассчитали. Посеяли люди весной для себя, а осенью всё заставили в общее сдать, в колхоз. У каждого мужика, естественно, под хранение зерна был амбар. Была выделена специальная бригада, которая разбирала эти амбары. Доски, брёвна разобранные увозили в одно место строить колхозные амбары. Мужики строили день и ночь, чтобы всё готово было до осени. Как сейчас помню, построили 8 амбаров. А так, больше ничего не изымали, дома не обыскивали, не шарили.

Вскоре колхозам были присвоены названия: Малой Каралде – "Свердлово", Тёплой горе – "Красный Октябрь", Чихмарям – "Колхоз Ленина", Мальцево – "Осавиахим".

На пост председателя был предложен мой отец. Сначала его вызвали в сельсовет, спросили его разрешение, тут ещё мужики поднапёрли. Утвердили. Он считался одним из грамотных на деревне: 4-ый класс наполовину закончил. Бригадиром выбрали Егорова Александра. Мужики тоже за него были. Из колхозников никто против не был.

Наступило время уборки урожая. Все потянулись со своим добром к амбарам. С этих пор всё стало общим. Первые два года были тяжёлые для крестьян.

До коллективизации деревня была очень хорошей. Во время коллективизации многие уехали. Потом положение нормализовалось. Когда собирались собрания, крестьяне рассуждали так: “Дали бы нам прожить два-три года без налогов. Мы тогда бы стали на ноги.” На третий год хлеба дали столько, что в ограду мешки складывать стали. В общем, расчёт был такой: на одного человека - не менее 12 пудов зерна, независимо от возраста и пола.

Пшеницы, правда, меньше, больше - ржи. Уполномоченный стал приезжать редко. Приезжал, смотрел, чтобы не распался колхоз, проверял настроение народа. С ним был всегда милиционер с пистолетом.

Часть урожая оставляли на семена, часть на трудодни. Всё остальное увозили в город. Так что без работы зимой мужики не оставались. Везли наш урожай в город на конях. До города и обратно давали съездить за 48 часов. Потом лошади отдыхали день и ехали заново.

Пахали на лошадях до 1940 г. В 1941 г. получили газогенераторный гусеничный трактор. Один - на колхоз. Сеяли рожь, пшеницу, овёс, просо, гречку. Рабочий день в летний период длился с темна до темна. А зимой становилось больше времени на семью. Женщины косили, жали. Установлены были суточные нормы: распахать на конях 75 соток, заборонить 4 га, сенокос – сгрести 4 га. Гребли граблями вручную, конные грабли позже появились.

Кулаков в деревне у нас не было. Все были равны. Протестов со стороны крестьян тоже не было. Был один, Калинин Фёдор, так его до Ленинска²²⁴ увозили, разбирались. Были у него корова, лошадь, да ребяташек воз. Увезли за то, что не хотел в колхоз входить. Хотел чем-то, говорят, помешать. Выгадать время, узнать, что такое колхоз. Вскоре его привезли. Вот ещё один случай. Когда в 1931 г. создавали первый колхоз, люди испугались. В деревне жили три брата работающих. Ночью они уехали в Новокузнецк на лошадях. Дома всё побросали. Уехали на строительство КМК. Тогда у нас никого не расстреливали, только в Нарым ссылали. Разрешали брать с собой только тряпки. В тайгу высылали на строительство. Много людей погибло. Забирали вместе с детьми.²²⁵

Мы колхозы одобряли. Все работали, не покладая рук. Нужно было восстанавливать деревню, хозяйство. Колхозное добро никто не растаскивал, не воровал. Денег в колхозе не давали. Единственным способом заработать деньги была поездка в город с продажей домашних продуктов. Нищета всегда была. При колхозах нищету ликвидировали.

---

²²⁴ г. Ленинск-Кузнецкий

²²⁵ Это и объясняет причины «тихого» формирования этого колхоза в 1935 г.: его противников, оказывается, репрессировали ещё в 1931 г.

Налог душил. Налог не уплатил – приезжали, описывали, сами забирали должок. Колхозники о роспуске не говорили. В колхозе работали люди всех возрастов - от мала до велика. Старики по 70-80 лет находили работу - метёлки, веники вязали.

В доколхозной деревне пьяницей у нас был только один безбожный Васька Граблик. Самогон варил, пиво ставил, власть иногда поматёривал. Крепко поддавал, потом за бабами бегал, а остальные пили только по праздникам, да и то как исключение, например, в Христов День.

Врагов народа в деревне не было. Скотину специально никто не резал. Может, кто в душе и хотел уйти из колхоза, но их держало ещё и одно - не было паспортов. Паспорта не давали, чтобы из колхозов не уходили. Никто не принял бы без документов в городе на работу. Не давали специально, чтобы деревня существовала, не распадалась. В большую старость людям давали трудовые книжки для пометки, что был в колхозе. А стаж не ставили. Так вот и жили.

А теперь я тебе расскажу, какая обстановка в доме была. В доме были лавки и стол. Кровать была только для родителей. А мы спали на полу и палатках. Изба небольшая – пять на пять. Спали на матрасах, набитых соломой. Зимой на русской печи лежали в тепле. Одежда двойные, самотканые. Окна - без стекол, тогда стекла ещё не было. На зиму делали занавески. Они спасали от ветра и холода. Некоторые соседи затыкали окна шкурами, бычьими пузырями.

Керосинка без стекла, вся изба закопченная была. Как шахтёры жили. Мыла не было, ходили грязными. Мылись иногда в речке татарским мылом.²²⁶ Нарвём цветков, помнём в руках и моемся. Помоешься и пахнешь цветами. На речке с девчонками вместе купались. Никто ни на кого не заглядывал.

Одежда самотканная, одежду мать и бабка вязали. Мой дед Егор валенки всем катал. Зимой не мёрзли. Естественно, одежды было мало. У отца моего было 2 тулупа на выезд в город. Ходили босиком, лапти с портянками носили весной и осенью. Вся еда была со своего двора: от коровы - молоко, сметана, масло, творог; от свиней - мясо, сало; от кур - яйца. Хлеб мать сама пекла. Чай заваривали с мятой и душичкой. Вот в таких условиях проживали.

Дома в деревне не закрывали, потому что народ был честный, добросовестный. Все на одном уровне. Воровать тоже нечего. Нищие ходили с сумкой, и если видели, что нет хозяина дома, разворачивались и уходили. А так дашь ему кусок хлеба, он перекрестится и пойдёт дальше. Крючка даже не было. А чуть позже, годов с 50-х, сделали крючки. Если на

---

²²⁶ Татарское мыло – цветок.

крючок дом не закрыт, хозяин где-то рядом, на крючке - значит далеко, в город уехал.

В деревне была школа. Обучались все охотно. Школа представляла собой пятистенный деревянный дом. В школе обучали по 4 классам. До обеда учились 1-2 класс, после обеда 3-4 класс. На школу была лишь одна учительница. Да и та студентка. Кроме учебы она могла и подстричь, и побрить. Входы для 1-2 и 3-4 классов были отдельными, а между этими входами была дверь для учительницы. Школа отапливалась печкой. В школе была ещё техничка. В комнате стояли парты, выдавали чернила, ручки, перья.

До войны писали в тетрадях. В войну - на чём попало, на бересте писали. В войну 3-4 классы работали. В школе обучали географии, истории, русскому, арифметике, естествознанию, земледелию, как написать заявление. По окончании школы сдавали пять экзаменов: историю, арифметику, русский язык, естествознание, географию. По географии спрашивали, какие республики входят в состав СССР, столицы. По истории, - какие должности занимали руководители? Какая власть выше? Ответ давали: высшая власть - Верховный Совет. А по арифметике нам присылали задачу из района. По окончании школы давали бумажку с оценками. В школе вместе со мной обучалось 32 человека. В соседней деревне Тёплая гора в школе было 7 классов. Учились кто мог и кто хотел. Ребятишек силой заставляли.

Клубов не было. Собирались комсомольцы в конторе, занимались с молодежью, начиная с октябрят и заканчивая коммунистами. Два раза в месяц показывали немое кино. Четыре человека вручную крутили динамо-машину, и мы смотрели бесплатно. Раньше пропаганда была отличнейшая, начиная с октябрёнка кончая коммунистом, всех охватывала.

Читален в деревне не было. Была маленькая библиотека в школе. Но туда мало кто заглядывал. Учитель и врач – первый человек на деревне. Сажали в первый угол. Церкви у нас не было. Была в Каракане. Священников тоже почитали раньше, в отличие от сейчас. Ходил он по деревням, читал молитвы, никто не запрещал. Старообрядцев и богохульников не было. Позже церковь в Каракане закрыли, разграбили. Сделали в ней зернохранилище.

Так выглядела деревня вплоть до 1953 г. С 1953 г произошло укрупнение деревень. Малая Каралда, Теплая гора, Чихмари объединили в одну деревню Каралда. Колхоз заменился совхозом. Совхоз назывался “Красный труд”.

ДОКУМЕНТ №100

Черепанова (Кудрина) Анна Григорьевна родилась в 1925 г. в д. Ново-Романове Юргинского района нынешней Кемеровской области, **Черепанова (Корнилова) Зоя Федоровна** родилась в 1926 г. в д. Ново-Романово, **Черепанов Иван Алексеевич** родился в 1928 г. в д. Бурлаки Прокопьевского района. Беседа записана в 2001 г. (г. Юрга)

Зоя Федоровна – При воспоминани о коллективизации всё наваливается сразу. Тут и детство, и голод, и бесконечная работа. Трудно было! А когда нам легко приходилось?

Анна Григорьевна - Да ладно тебе, Зоя. Сейчас пенсия есть, небольшая, но есть. На хлеб и молоко хватит, а без остального обойтись можно. Это не то, что раньше! Работали и ни о какой пенсии вообще не думали.

А из детства помнится наш дом. Помню родителей, которых по целому дню не видишь, так как все время на поле работали. Старшие дети, как могли, помогали им. Да что там помогали! Работали почти наравне с ними. Старшая сестра Фаина нам всем за мать была. В доме постирать, приготовить, убрать, за нами всеми уследить, в огороде работать. Тогда рано выросли. Нечего сказать, дружно мы жили. Даже не помню, чтобы ссорились.

Еще помню, как отец не хотел идти в колхоз. Хотел жить в единоличниках. Нас налогами задавили. Отцу пришлось отдать наш большой новый дом в колхоз и выплатить долги за налоги. А через несколько дней пришли и забрали у нас коня, корову. Ничего у нас не осталось. Сколько отец бился, чтобы коня не забирали. В колхоз загнали.

Иван Алексеевич - А мой отец без сопротивления пошел в колхоз. Понял, что все равно все там будут. Рассказывал нам, что кто добровольно не пошел, тех старались задавить налогами, угрозами и другими несправедливостями. Нужда и голодные дети заставят куда хочешь вступить.

Зоя Федоровна - Насколько мне помнится, мой отец тоже активно не сопротивлялся вступлению в колхоз. Дома тихо сам себе повозмущался да и вступил. Хотя при этом сразу сказал, что голоду натерпимся да крепостными на всю жизнь останемся. Больше я от него никакого порицания колхозам не слышала. Может, и говорил, да без меня дело было. Молчали, все боялись. Ведь у всех - дети, да и самим жить хотелось.

Анна Григорьевна - А я от своих родителей вообще никаких слов недовольства не слышала. Никогда об этом разговора не заходило.

Иван Алексеевич - Мой - то отец поначалу сильно ругался на колхоз, на председателя. Все пытался ему на ошибки в организации указать. А как его товарища забрали, то поаккуратнее стал. Мать ему дома нагоняй устроила, сказала, чтобы молчал, пока детей не погубил. Потом, бывало, придет домой и скажет пару «ласковых» слов о колхозе, но уже потише и только матери. Доносчиков стал бояться, развелось их потом.

Зоя Федоровна - Что мне раньше в деревне нравилось, так это отсутствие бедняков. Вот до колхоза ни о ком не могу сказать, что кто-то был бедняком. Все жили ровно с достатком. Были, конечно, и те, кто жил побогаче. Но это от того, что семьи у них были дружные и большие, поэтому и работников было много. Батраков не держал никто, сами работали.

Анна Григорьевна - Бедняка я одного помню. Пьянчужку. На своей земле не работал, хозяйство свое все пропил. Тяжело было его семье. Сыновья даже к чужим людям нанимались, чтобы прокормиться. Сам виноват, что так жил. А земля богатая была, хороший урожай давала. Детей его только жалко. Своим питьем не давал им на ноги подняться. А так я даже по детству не помню, чтобы кого-то бедняком называли. До колхоза все одинаково хорошо жили, а в колхозе - одинаково плохо.

Иван Алексеевич - Я тоже не могу вспомнить ни одного бедняка. Работай - и у тебя все будет. Все как - то ровно жили, у всех всё было. Потом уже каких-то кулаков искать начали. Про других не знаю. А что в нашей деревне было, могу рассказать. Не было у нас никаких кулаков. Этим кулаком мог стать любой из деревенских. Вот дядька мой не захотел отдать в колхоз лошадь - кулак. У его семьи все отобрали. Из дома одежду, утварь всю вынесли, а самого в Нарым сослали. Вот тебе и кулак!

Семье его соседи помогли, в беде не оставили. А мой дядя Саша не простак был. Вот как дело дальше было. Он и в Нарыме о лошади своей думал. Жалко сильно было, что такого коня даром отдал. Сбежал из Нарыма, пешком обратно пришел в деревню. День отлежался за деревней, разведал - что и как. Вечером прокрался к колхозному сараю, где его конь был, и сделал подкоп. Ночью коня вывел из сарая и поехал в ближайшую деревню, где была ярмарка. Продал коня, потихоньку вернулся в деревню и встретился с женой. Отдал ей деньги и велел спрятать и без нужды не тратить. Взял буханку хлеба и обратно в Нарым ушел.

Председатель и его помощники наметят себе кого-нибудь и объявят кулаком. Забирают вещи, а иногда и дом. Если повезет, то никого не сошлют. Страшно это враз остаться без всего. А если ссылали, то ничего с собой не возьмешь, кроме каких-нибудь тряпок. У нашей семьи забрали всю скотину, зимние вещи, кое-что из посуды, сотканную ткань, даже,

кажется, косу с граблями унесли. Зато хоть все вместе в деревне остались.

Анна Григорьевна - У нас все так же было. Пришли, и все из дому вынесли. Представляете, и это после того, как перед этим у нас отобрали наш хороший новый дом и всю скотину. Мать очень расстроилась, что забрали отцов тулуп и ее новое пальто, которое недавно купил ей отец. Понятно, было из-за чего горевать. Другой зимней одежды не было. Вот и живи, как знаешь.

Зоя Федоровна - Зато моя мать смекалистой оказалась. Увидела, что у людей всё добро забирают и поняла, что и к нам заглянуть могут. А какое у нас богатство? Домишко - не из лучших, техники - никакой, животины - даже поменьше, чем у других. Ну, одежонка кое-какая. Вот ее-то мать и спрятала. Шубу свою, тулуп отца, да еще какие-то тряпки, сейчас уже не вспомню. Это сейчас сижу со смехом вспоминаю, как с матерью все это прятали. А тогда же больше не купишь, нигде не достанешь. Кажется, неделя прошла, а может чуть больше. И к нам пожаловали. Забрали все остатки, хотя удивились, что зимних вещей мало. Господи, как родители пережили это все, не знаю.

Сроду от людей не таились, не прятались. После этого все тайны и начались. Раньше обо всем говорили, а теперь молчали, чтоб последнее не отобрали. Я не хочу сказать, что враз все доносчиками стали. Но в деревне все - родня, все - знакомые. Сказал одному, а он в разговоре без какого-нибудь злого умысла другому скажет. Так и дойдет до кого надо. Были у нас такие в деревне нелюди. Но такими их не советская власть сделала. Они и до этого такими были, только, может, не так явно. Мы с Анной в одной деревне жили, и она одного такого шустрого хорошо знает.

Анна Григорьевна - Это точно! Много же этот паразит нам кровушки попортил! Многих тогда дома лишил, да могу сказать, что и жизни. Не помню, как его по фамилии. Все его звали Ванька - Бес. Все лучшее стремился себе урвать, за чужой счет пожить. Работать он никогда не хотел. Все время отставал от всех, урожаи небогатые были, хотя у добрых хозяев закрома ломились. Точно не помню, кажется, его даже в воровстве подозревали. Но, как говорится, не пойман - не вор. После коллективизации еще несколько таких же повылезло. Стали они решать, кто из деревенских кулак, у кого что забрать. Ой, сколько горя-то было. Нашу семью, наверное, что-то хранило. У деда моего в хозяйстве были машины: косилки и жатки. Так что, можно сказать, в нашей семье был механизированный труд. Такие машины еще в нескольких семьях были. И вот этот Ванька начал на отца и деда потихоньку бумажки оформлять, будто они кулаки большие. Отцу по дружбе кто-то об этом сказал, и они с дедом ночью утопили эти машины в Томи. У кого были машины, тоже в ту

ночь их в реку спустили. Но и это не помогло. Всё равно их кулаками признали.

Я хочу про нас, кулаков, рассказать. Мой дед и еще семей десять стояли на ногах крепче других. Когда моя мать выходила замуж, то ее отец не мог купить ей платье на свадьбу. Не длинное и белое, а обыкновенное платье. Старшие сестры помогли. Одна дала блузку, другая - юбку. Вот какими мы были богачами!

Этот Ванька – Бес долго к нам ходил после нашего раскулачивания. Помню, придет поздно вечером и начинает с отца водку требовать. Всю ночь у нас пил да угрожал, что если его поить не будем, то приедет к нам «черный ворон». После того как одного мужика с соседней улицы «ворон» забрал, никто не сомневался, что он может приехать еще. А этого бедолагу никто больше не видел.

Так что были у нас деятели. Плохо о нем сейчас говорить не стоит, не мы ему судьи. Господь его и так покарал. С сыном его что-то случилось (умер молодым). Как только его схоронил, так ноги у Беса и отнялись. Маялся с ними сильно, а через несколько лет ему их ампутировали. После войны Ваньку - Беса посадили за воровство, совсем открыто брать стал. Так что он уже наказан.

Иван Алексеевич – Мы, конечно, мечтали о роспуске колхоза. Толковали о прежней жизни (**Анна Григорьевна и Зоя Федоровна** согласно кивают головой). Я тогда маленький был и многого не понимал. А вот отец мой и дед как-то сразу против колхоза настроились. Не понимали они, как можно жить без собственной скотины. Общие колхозные стада дед считал бредом. За всеми не уследишь, не побегаешь, говорил он. Они, мол, хоть и животные, да ласка всем нужна. Много тогда коров подохло. Для нас маленьких это было важно, так как молока нам не стало. И это мы запомнили. А отцу с дедом сдохших лошадей жалко было. Весь этот развал был у всех на глазах. Но никто ничего не мог сказать и сделать.

Анна Григорьевна - Помню я об одном бунте, который моя мать учинила. Не знаю почему, отец куда-то уехал, а мать одна с нами осталась. В деталях сейчас не помню, но со всей деревни зерно собрали и сложили в один сарай, чтобы куда-то увезти. Мать пошла к председателю и стала спрашивать, чем ей детей кормить, когда зерно колхозное увозят. Тот ее отправил «по матушке» и сказал, чтобы не шумела. Тогда собрала она мужиков, пришли они к этому сараю, сломали замок и начали растаскивать зерно по домам. Прибежал председатель с помощниками и сарай закрыли. Сказали, что мою мать, как зачинщицу, строго накажут. Но продержали

сутки под замком и отпустили. Вот и все выражение недовольства в нашей деревне.

Зоя Федоровна – Раньше, до колхоза, мы не каждый сам у себя копались. Пойдем к родственникам или к соседям, с которыми подружнее были, договоримся и сообща все сделаем. Все без обид, по-честному.

Анна Григорьевна - Мы тоже всегда сообща работали. Техника не у каждого есть, да и не вся, какая нужна. Нам с этим помогут, а мы им - с другим. Так было быстрее и качественнее.

Иван Алексеевич – Точно. Так и делали. Видим, что одни не справимся, но вместе всегда сделаем. Помню, даже одиноким вдовам и старухам помогали.

Анна Григорьевна - До коллективизации мы точно не в голоде жили. К столу всё свое было. Овощи с огорода, хлеб свой (самый вкусный был!), мясо было. Но посты старались соблюдать. Ели вдоволь, из-за стола голодным никто не уходил. Одеждой старались сами себя обеспечить. Сеяли лен, трепали его, делали нитки и ткали. Из тонких ниток шили нижнее белье и постель, а из грубых штаны, рубахи и понитки (осеннее пальто). Зимой носили валенки-самокатки, летом босиком ходили. В доколхозной деревне дома не закрывали на замок, так как никого не боялись и зла не ждали. Ни у кого и мысли не было зайти в чужой дом в отсутствие хозяев.

Зоя Федоровна - После коллективизации наступил один "пост". Мяса не было, молоко - с выдачи, картошка - со своего участка, но уже значительно меньше. Носили то, что во время раскулачивания спрятали. Зимней одежды почти не было, а весной, когда уже мокрый снег и в валенках ходить нельзя, то ходили босиком.

Работали с раннего утра. До полевых работ нужно было успеть все по дому сделать. Труд полностью ручной, никакой механизации. Единственный перерыв - на обед. Заканчивали поздно, в 9 вечера, а то и позже. За трудодни оплата мизерная или вообще никакая. Раз в год давали мешок зерна.

Анна Григорьевна – Я вспомнила частушку – «Советская власть на куриных ножках. Всю пшеницу - за границу. Сами - на картошку».

Иван Алексеевич – Собирали весной мерзлую картошку с полей и делали тошнотики. В детстве думал, что вкуснее тошнотиков ничего нет. Года через три после войны нашел весной на поле большую картофелину и сделал эти тошнотики. Вырвало. Есть это нельзя! По сравнению с тем, как мы тогда жили, сейчас мы как короли живем.

Зоя Федоровна – Это точно. Слава Богу, пока пенсии на эту «королевскую» жизнь хватает. В колхозе пенсионеров вообще не было. Ни

о каких пенсиях даже не говорили. Паспортов тоже не было, чтобы люди были прикреплены к своему колхозу. Да и жили там потому, что бежать некуда. Без паспортов, без денег далеко не уйдешь.

Анна Григорьевна – Моя мать была грамотной. И поэтому она оказалась в роли учителя. А наш дом на вечер становился школой. Приходили в основном взрослые люди. К знаниям тяга, конечно, была. Но после тяжелого трудового дня, который еще обогащен домашними заботами, учиться тяжело. Школа до войны то работала, то не работала, так как учителей не хватало. После войны уже все стабильнее стало, пошло по порядку, как надо. Когда клуб построили, такая радость была. Бывало, приоденешься (в это время у меня было одно платье и одна юбка с кофтой) и пойдешь танцевать. Это для нас такой праздник! В жизни не помню, чтоб кто-то пил, а потом пьяные драки происходили. Всем и без этого очень хорошо и весело было.

Зоя Федоровна – Сейчас в деревне другое веселье. Да хотя это уже давно так стало. Приедешь к родственникам в гости и порой даже не верится, что раньше здесь жила. Все изменилось. Раньше грамотного человека трудно найти, а сейчас неграмотного не найдешь. Мы все закончили по 5 классов. Некоторые и того меньше, плюс какой-нибудь ускоренный курс на бухгалтера. О художественной литературе и не слышали. В каком доме есть Библия - и то уже великое благо.

Иван Алексеевич – Да и у нас всё почти так же было. Вот только взрослых нигде не обучали, как мне помнится. Грамотных очень мало было. Но из тех, кого сослали, много грамотных было.²²⁷ Не знаю где они раньше учились, а нас, малышню, кто-то из наших деревенских учил, когда учителя не было. До войны эти учителя у нас долго не задерживались. Клуб после войны появился вместе с постоянным учителем.

Когда началась война, воевать никто не рвался. Не ходил, не просился на фронт. Но если приходила повестка, то не уклонялся. Люди не хотели воевать, война была им не нужна. Мой отец погиб на войне, и никто не знает, где могила его.

Зоя Федоровна – Точно то же самое и с моим отцом.

---

²²⁷ Дети кулаков были более ориентированы на образование, чем дети бедняков. Дело в том, что для бедняка (а потом и для колхозника) не требовалась инициатива хозяйствования, которая основана не только на природном таланте и трудолюбии, но и новых теоретических знаниях, так нужных предприимчивому крестьянину. Н.К.Крупская говорила на XIII съезде РКП(б) в 1924 г.: «Бедняцкие дети не посещают школы. У них нет ни обуви, ни одежды. Кулак находит всегда возможность обучать своих детей». (XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 456 – 457).

Анна Григорьевна – Мой отец числится в списках пропавших без вести. Последнее письмо, которое он нам прислал, было с Кольского полуострова. Он писал, что танки немцев где-то совсем рядом, а на вооружении наших солдат одни палки. Через две недели пришла повестка о его пропаже. С войны вернулось мало людей. В Ново-Романово - примерно 20% от числа ушедших, а в Бурлаках и того меньше. Все вернувшиеся с войны были ранеными и покалеченными.

Зоя Федоровна – После войны жить стали лучше. Но не сразу, а года через 3-4. Продуктов стало побольше, купили кое-что из одежды.

Анна Григорьевна – Для личного хозяйства колхознику выделялось 50 соток. Можно было держать одну корову и одного теленка до года, одного поросенка и две овцы. В налог сдавали почти все: шерсть, молоко (360-400 литров в год), яйца.

Иван Алексеевич – Воровство в колхозе после войны стало делом обыденным. Напоказ это никто не выставлял, так как за это сажали. Я помню, приехала в деревню к бабушке, и пошли мы с дедом к знакомым. По дороге встретили соседку, которая на горбу тащила мешок. Она нам призналась, что на поле выгрузили мешки с каким-то зерном и их никто не охраняет, и указала нам место. Мы вернулись домой и поехали на старенькой машине в поле. Ездили - ездили, да так ничего и не нашли. Возвращаемся домой, а эта бабка с сыновьями кучу этих мешков в сарай прячет. Большим воровством это не считалось.

Анна Григорьевна – У меня сестра Фая и брат Вася остались жить в деревне. Сестра Нина живет в Кемерово. А я сама и оставшиеся братья и сестры перебрались в Юргу. Фаина стала дояркой, Василий шофером, Петр и Анатолий всю жизнь проработали на заводе, а Таисия, Анна и Нина стали бухгалтерами.

Иван Алексеевич – Я стал шофером. Лет через 15 получил высшее образование и стал учителем труда и черчения в средней школе города Юрги. Сестра Нина и брат Николай работали бухгалтерами. Мы с Аней поженились в 1957 г. и жили два года в деревне вместе с матерью. В 1960 г. получили квартиру в Юрге. Швейную машину купили в 1958 г., стиральную машину - в 1962 г., телевизор в – 1964 г. (для этого продали корову), мебель - в 1968 г. (до этого в квартире был стол, 4 стула, и 2 кровати). Купили в 1969 г. диван, стол, книжный шкаф, 2 кресла, сервант, шифоньер, холодильник. На курорте отдыхал три раза.

Зоя Федоровна – Я замуж вышла в 1952 г. Квартиру получили в 1964 г., Мебель купили в 1965 г.: диван, стол, сервант, шкаф, 6 стульев, телевизор (в 1966 г.), холодильник в (в 1969 г.), швейную машину. Отдыхала на курорте 7 раз. В какую сторону изменилась жизнь в годы реформ? – Не знаю. Сказать трудно.

ДОКУМЕНТ №101

Гладышева Мария Кузьминична родилась в 1926 г. в с. Красное Ленинск-Кузнецкого района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Гладышева Елена в 1999 г. (г. Ленинск-Кузнецкий)

Мой отец - Кузьма Иванович (1904 г.р.) и моя мать – Клавдия Федоровна (1904 г. р.) имели троих детей: меня, Василия (1929 г.р.) и Юрия (1940 г.р). Мы с мужем тоже имеем троих детей: Александра (1947 г.р.), Надежду (1951 г.р.) и Сергея (1957 г.р.).

В село Красное наша семья переехала вместе с несколькими другими семьями из-под Уфы. Мы - переселенцы.

Отец был членом партии. Как рассказывала мама, вскоре после моего рождения их послали в отдаленную деревню Тяжинского района на организацию колхоза. Там мы не прожили и года. Как говорила мама, жить было очень тяжело, а главное, страшно. Не раз ночью стреляли в окна. Спать поэтому приходилось на полу. Не было ни родных, ни друзей. Сначала мы уехали в Красное вдвоем с мамой. А потом, бросив всё, уехал из той деревни и отец. За этого у него отобрали партийный билет. Но потом, правда, его в партии восстановили и сделали председателем колхоза в селе Красном.

Так что в нашей семье отношение к коллективизации было как к чему-то неизбежному и нужному. Примерно также к ней относились и другие, считали это необходимым делом.

По воспоминаниям родителей, бедняками были те люди, которые или не хотели работать с утра до ночи, или люди с большими семьями, или люди, пострадавшие из-за болезней и эпидемий. Но в колхоз зашли не только они. Зашли все. Хотя у них забрали всю скотину и излишки зерна. Про раскулаченных сама я ничего не помню, а родители не рассказывали.

Открытого протеста колхозам со стороны людей не было. Активистами колхозов (председателями, бригадирами и др.) становились в основном грамотные или партийные люди. О роспуске колхозов никто и не думал, так как считали, что они пришли навсегда, да и люди надеялись, что будут жить всё лучше и лучше.

С началом коллективизации быт в деревне, конечно, изменился. Если раньше крестьянин делал то, что считал нужным для своего хозяйства, то теперь он должен был работать там, куда его поставили работать. В колхозе, особенно в летнее время, крестьяне работали от зари до зари. За работу им начислялись трудодни. По трудодням потом получали зерно.

Заинтересованности у людей не было. Поэтому хозяйство в колхозе строилось кое-как.

Воровать в колхозе - не воровали. Ведь в доколхозной деревне даже на замки ничего не закрывали. Никому и в голову не приходило, что их могут обворовать. Колоски на полях собирали школьники. Но не самовольно. Они организованно их сдавали в колхоз. Самовольно никому не разрешалось их подбирать: ругали, наказывали.

В 1937-1938 гг. из нашего колхоза забрали трех-четырёх человек. Это были обычные крестьяне. Толком никто не знал, за что их забрали. Просто этих людей объявили врагами народа и всё! О политике в деревне говорили мало. В основном обсуждали то, что писали в газетах. Выборы в Советы и выбираемых депутатов воспринимали как должное.

Голода у нас не было. Вдоволь была картошка. А колхоз давал хлеб и крупы. Кроме того, у всех было свое хозяйство. Справно жили те, у кого была возможность хорошо работать в своем личном хозяйстве, а также те, кто имел какое-то ремесло и мог дополнительно заработать: катал валенки, варил дёготь.

Пенсионеров в колхозе я что-то не припомню. Работали все. Паспортов нам не давали. Это потому, чтобы люди не могли уехать в город. Но мы с мужем в 1953 г. всё равно самовольно, без паспортов уехали в леспромхоз на заработки. У нас тогда уже было двое детей. Братья мои тоже уехали в г. Ленинск-Кузнецкий. Уехали потому, что в городе было легче прожить и дать детям образование. Люди оставались в деревне из-за привычки работать на земле, из-за привычки к скотине, из-за надежды на лучшую жизнь, из-за родных и близких, живущих рядом.

Когда началась война, люди охотно шли на фронт. Некоторые даже обманывали при медосмотре, скрывали свои болезни для того, чтобы лишь бы их взяли на фронт. На фронт ушло много молодых девушек. У отца был белый билет, да ещё бронь. Но он всё равно ушел на фронт. Вернулись с фронта единицы. Совсем немногие остались живы!

Учились в довоенной и послевоенной деревне все, даже взрослые. Людям хотелось быть грамотными. Учителей в деревне уважали, отношение к ним было самое хорошее. Им выделяли дрова и еду за счет колхоза.

Церковь у нас в селе была до тридцатых годов. Потом её попытались сломать: сняли купола, стали ломать стены. Но не смогли. Просто закрыли её на замок. Это я знаю по рассказам. Воспитывалась в атеистической семье, поэтому в Бога, особенно в молодые годы, не верила. Попов не помню. Но клубы и избы-читальни, конечно, помню. Они были для

колхозников, особенно для молодежи, местом отдыха в зимние вечера. Там можно было попеть, поплясать, посмотреть кино.

После войны в деревне стало жить несколько легче, чем в войну. Но были большие налоги. А в 60-е годы ввели ограничения на содержание скота в личном хозяйстве.

Деревня всегда жила в нищете и выбраться из неё не может до сих пор. Да разве только деревня? Мы, например, шифоньер смогли купить только в 1962 г., телевизор – в 1966 г., холодильник в 1972 г. На курортах не отдыхала ни разу.

А в годы реформ, однозначно, стали жить хуже. Мы никому не нужны. Во всем этом виновата война, правительство, как коммунистов, так и демократов.

Все они слишком много экспериментировали над деревней и простыми людьми.

ДОКУМЕНТ №102

Сарасова (Потапкина) Антонина Андреевна родилась в 1926 г. в д. Зарубино Топкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Спиркина Светлана в 1999 г. (с. Раздолье)

Отец мой (1891 г.р.) и мать (1890 г.р.) имели троих детей. Ещё трое у них умерли. Сама я имею тоже троих детей.

О том, как проходила коллективизация, я знаю по рассказам родителей. С ней они связывали надежду на лучшую жизнь и относились с душой и радостью. Пошли в колхоз сами, никто их не заставлял. Говорили, что наконец-то мы будем жить для себя, а не батрачить на кулаков.

Они были из бедняков и работали на зажиточных. Бедняки тогда во всем покорялись богачам, боялись их, занимали у них продукты, а потом отработывали. Богатые смеялись над бедняками.

Против колхозов протестовали только богатые. Они заставляли бедных детей петь частушки: «Сидит Ленин на березе, плетет лапти косяком, чтобы наши коммунары не ходили босиком», «Советская власть на куриных ножках, пшеницу – за границу, сами – на картошку».

Тогда раскулачивали только богатых людей. У нас в деревне была одна такая семья. Но она сбежала, как только услышала про раскулачивание. Так что раскулачивать и выселять у нас некого было.

Агитаторами колхозов были учителя и все те, кто был более-менее грамотным. Крестьяне считали учителя почти за Бога, очень уважали. Председателями и бригадирами выбирали простых работающих людей, которых в деревне уважали, тех, кто хоть немного мог писать.

До коллективизации у нас были дома однокомнатные. Их крыши были крыты соломой или камышом. После коллективизации люди стали расстраиваться, добавлять в домах горницу.

Колхозники работали с восхода до заката. Никого насильно работать не заставляли. В поле ели, в поле спали. Кроме, конечно, матерей, у которых были грудные дети.

С работы и на работу ехали с песнями. За труд получали в течение года мукой. Остальные продукты были из своего хозяйства. Колхозного добра никто не воровал. Не знаю ни одного такого случая. Всё считали своим собственным. Мы были хозяевами. Стали устраивать бесплатные праздничные обеды для рабочих. Нигде не было ни замков, ни крючков, ни света. Спали тоже, не закрываясь. Все доверяли друг другу. Все жили как одна семья.

В годы коллективизации был голод из-за неурожая. Всё уходило на восстановление хозяйства. Голод был и в войну. Весь хлеб отправляли на фронт, оставляли только на семена.

Никогда не слышала, чтобы колхозники мечтали о роспуске колхозов. Наоборот, колхозы укреплялись и объединялись.

В нашей деревне были такие, кого забрали как врагов народа. У нас, например, в соседях жил счетовод. Ночью его забрали, и больше о нем никто никогда не слышал. Забрали и председателя, который, чтобы отпраздновать новый урожай, самовольно выдал рабочим испеченный хлеб. Правда, председателя потом отпустили.

Никто не смел взять домой даже горсть зерна. По сталинскому закону за это можно было сесть в тюрьму на 10 лет. После уборки урожая школьники и старики собирали на колхозном поле колоски и сдавали их в колхоз.

Пенсионеров в колхозе не было. Все работали до старости. Паспорта нам не давали. У нас были только справки от колхоза.

Когда началась война, мужики пошли на фронт без оговорок. Считали нужным воевать за власть Советов. Их провожали с песнями, гармошкой. Многие из них погибли. Очень мало вернулось. Да и те – раненые, контуженные.

Сразу после войны жить было очень тяжело. Был большой налог на всё, даже на тех, кто не имел детей. Сдавали кожу, шерсть, мясо, яйца, картошку, молоко и т.д. Приходилось подписываться «на заём». Затем эти займы погашали в течение десятка лет.²²⁸ После смерти Сталина жить стало лучше.

Это Берия был виноват.²²⁹ При Берии разрешалось держать одну корову, одну свинью или овечку. После Берии – держи сколько хочешь!²³⁰

---

²²⁸ Эти займы стали фактически безвозмездными. Их начали погашать в 70-е годы, когда большинства «кредиторов» и в живых-то уже не было. К тому же за них платили деноминированные рубли (по реформе 1961 г.), по покупательной способности далеко неэквивалентные 50-м годам.

²²⁹ Типичное заблуждение, целенаправленно сформированное советской властью. Июльский 1953 г. пленум ЦК КПСС признал действия Л.П.Берии преступными антипартийными и антигосударственными, направленными «на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала», «врага Коммунистической партии и советского народа». (См. КПСС в резолюциях... М., 1971, Т.6. с. 384). Это была первая стратегическая попытка объяснения советскому народу причин неудовлетворительного положения в стране, сложившегося из-за политики коммунистической партии по строительству социализма. Второй такой попыткой стало решение XX съезде КПСС (1956 г.) по разоблачению культа личности Сталина. Но ни столько в Сталине, тем более ни в Берии были причины провала социального эксперимента. Дело было в

Мы оставались в деревнях потому, что были неграмотными. Учились всего 4 класса и потом работали. В город никто не уезжал. Дети учились охотно, занятий никто не пропускал. В школе детей кормили бесплатно. Были и вечерние школы для взрослых. Кто хотел учиться – учился, даже старики.

Люди радовались жизни. Сами иногда ставили спектакли. Ходили в клуб, смотрели кино.

Церкви в деревне не было. Но крестьяне ходили молиться в соседнюю деревню, где церковь оставили. А вообще-то коммунисты закрыли все церкви. Священники обслуживали людей на дому, отпевали умерших, крестили родившихся. Священников почитали как Бога. Но в школе учили, что Бога нет.

О политике люди говорили, в основном, когда собирались на гулянки.²³¹ Говорили об урожае, обсуждали председателя, рассуждали о местах, куда забирали людей. О Сталине говорить боялись. Один дед сказал, что на 7 ноября раньше портрет Бога несли, а сейчас – Сталина.²³² Его наутро забрали. Больше его никто не видел.

Нищету в деревнях люди связывали с революцией и войной. Они сильно плохо отразились на жизни.

В колхозе кроме начальства хорошо жили кустари, которые катали валенки, шили сапоги, делали сани, телеги, колеса, выделывали кожу. То есть те, кто не ленился после колхозного дня работать.

Деревня всегда жила в нищете, так как власти все в городах, о деревне и не думают, заботятся только о себе.²³³

Крестьянину до сих пор нигде ходу нет. Все его пытаются обмануть.

нежизненности самой марксистской модели формирования справедливого и изобильного общества.

²³⁰ Ослабление налоговой политики на крестьян связано не с Берией, а с Хрущевым, который после смерти Сталина стал лидером КПСС. Поскольку в период 1953-1958 гг. менялись главы правительства (Маленков, Булганин, Хрущев), постольку в воспоминаниях других респондентов смягчение налогового бремени связывалось с этими именами.

²³¹ То есть, когда под влиянием алкоголя снимался контроль за сознанием. Не случайно многие осужденные «за контрреволюционную пропаганду» попадали в лагерь за лихо спетую на гулянке острополитическую частушку.

²³² Дед, видимо, имел в виду традиционные крестные ходы с иконами и хоругвями, которые в советское время заменили на демонстрации 1 мая (день международной солидарности трудящихся) и 7 ноября (годовщина социалистической революции).

²³³ Что-то не вяжется этот пессимистический вывод с вышеизложенными пафосными суждениями о счастье работать и жить в колхозах.

Мои родители мечтали, чтобы мы уехали в город. Даже Бога об этом молили. Но мы остались в деревне, потому что были неграмотными. Мои дети тоже живут в одном поселке со мной.

На курортах я никогда не была: не было ни времени, ни денег. После свадьбы лет через 8-10 купили радио, телевизор – через 18 лет, холодильник – ещё позже. Машины никогда не было.

В годы реформ жизнь изменилась в лучшую сторону: меньше стало ручного труда, появилась техника, хорошая одежда, продукты и т.д. Много изменилось, но главное в том, что жить стало значительно легче. Можно бы теперь и забыть плохое, начать жить заново.

Но как забыть голод, разруху, унижения от политики советских вождей, которым верили, которых боготворили?! А они...²³⁴

---

²³⁴ Вывод довольно неожидан для того материала, который излагался ранее.

ДОКУМЕНТ №103

Коробецкая (Панова) Екатерина Павловна родилась в 1926 г. в с. Жуланиха Алтайского края.. Рассказ записал Качко Валерий в 2000 г. (г. Кемерово)

У отца (1886 г.р.) и матери (1896 г.р.) было шестеро детей. В моей семье детей двое. Муж работал с 1960 г. по 1978 г. директором стадиона «Химик». Один сын у нас (Игорь) – генеральный директор угольного объединения. Он доктор технических наук. Другой сын (Андрей) заведует кафедрой в государственном университете.

Коллективизация в нашей семье связывается с раскулачиванием, то есть репрессиями против крестьян. Наша семья была репрессирована в 1931 г., реабилитирована только в 1992 г. Родители, конечно, - посмертно.

Горькие, очень горькие воспоминания о тех временах. Высылка протекала очень быстро. Приехали военные, собрали обоз, погнали нас в тайгу в необжитые места. Из имущества у нас забрали всё, оставили только одежду. Даже детей не всех разрешили взять. С нами поехали только те, кому не было 12 лет.²³⁵ Двенадцатилетнюю мою сестру и двух шестнадцатилетних братьев родители были вынуждены оставить в деревне побираться, как бездомных собак.

Для вовлечения в колхозы применялись в основном насильственные меры. Силой заставляли подписываться в список колхозников. Заставляли вступать и ежедневной надоедливой агитацией. Имущество раскулаченных поступало в собственность колхоза или делилось между бедняками. У нас в деревне все знали, что бедняки - это лодыри и пьяницы. Они временно работали у богатых, а всё полученное пропивали. Они становились активистами колхозов. Они-то и загубили хозяйскую скотину в колхозах, не зная, как ухаживать за ней.

Никакого сопротивления колхозам со стороны крестьян не было. Подчинились беспрекословно.

В председатели колхозов рвались на первых порах посторонние, далекие от крестьянской жизни люди. Правда, потом догадались, что надо выбирать толковых и хозяйственных людей из самих деревенских. Таких, которые могли бы честно биться за колхозное дело.

До коллективизации наши таежные деревни были ухоженными, с многочисленными садами. В них росла малина, черемуха, рябина. Вот и у нас красивая была деревня! После коллективизации наступило полное

---

²³⁵ Такое свидетельство о детях встречается впервые. Видимо, это была местная норма.

опустение. Хорошие дома заселялись какими-то здоровыми и толстыми дядьками. Они разоряли и выселяли жильцов. Ни за какими садами они, конечно, уже не ухаживали. Красота пропала.

До коллективизации в деревне во всем соблюдался порядок. В каждой семье был режим питания и питья. Соблюдался пост. Во время коллективизации наступил хаос. Не признавали ни Бога, ни чёрта!

Повседневный крестьянский порядок порушили. В еде уже не стало такого, как раньше, разнообразия. А после коллективизации наступила карточная система. Питались мы теми продуктами, которые оставались после сдачи плана. А оставалась гнилая картошка, которую нам и выдавали на трудодни. В 1931-33 гг. и в 1941-46 гг. был страшный мор людей из-за страшного голода. В городах ещё как-то карточки спасали, а в деревне их не было. Перебивались люди как могли.

Из-за нищеты и голода были случаи воровства. В народе это вызывало сочувствие, а не осуждение. Но люди ненавидели тех, кто воровал возами. На них и доносили. Да и не только на них. Поэтому мы стали бояться друг друга.

Лучше всех в колхозе жили председатель, бригадиры и кладовщик. Это было наше начальство, которое не воровало, а «брало».²³⁶

В колхозах был настоящий рабский труд. Работали весь светой день. Иногда прихватывали и ночь. Мы и в единоличниках много работали, особенно во время страды. Но там мы знали, что работаем на свою семью. А здесь на кого?

Неправда, что раньше не закрывали дома на замки. Тогда так же грабили и страшно воровали. А насчет пьяниц, так они были испокон веков. Они были, есть и будут.

Конечно, колхозники мечтали о роспуске колхозов. Только мечтали об этом втихаря. Кто вызывал у властей подозрение, сразу же забирались как враги народа. Причем, забирали в основном порядочных, умных и невинных людей. Если и был в деревне какой учитель, то его забирали.

Колхозники были прикреплены к земле. Это было выгодно государству. Самостоятельно уехать они не могли, так как не имели паспортов. Государство боялось, что если оно даст паспорта колхозникам, то они все разбегутся. А без паспорта – никуда.

Неправда и то, что, когда началась война, мужики охотно пошли воевать. Они пошли потому, что существовал долг, было слово «надо!». Их провожали со стонами и плачем, понимая, что провожают на смерть. В

---

²³⁶ Не «своровать», а «взять» на своем предприятии (колхозе, заводе) вошло в обыденную норму советского человека, стало частью его менталитета.

классе, котором я училась, было 18 мальчишек. С войны вернулось только двое или трое.

После войны морально стало жить лучше. Сначала была радость от победы, а потом наступила хрущевская «оттепель». В «оттепель» народ стал разворачиваться, вздохнул на недолгое время, стал наращивать свое крестьянское хозяйство. А потом на него ввели ограничение. Нельзя стало держать больше одной коровы, десятка куриц. Не пойму, зачем это сделали?

До сих пор деревня не может вырваться из нищеты. И вина за это лежит на местных органах власти.²³⁷

Конечно, интерес к учебе в деревне был. Кто как мог карабкался в познании наук. Учителя уважали. С любой бумажкой шли к нему. После войны все в деревне умели читать и писать. Хотя толку от этого было мало. Мало что значило – грамотный ты или нет. Молодежь посещала клубы и избы-читальни. Несмотря на голод и нищету хотелось любить, радоваться жизни. Первое показанное кино было большим событием для деревни.

Церковь коммунисты закрыли. Веру отменили. Священников тиранили, ссылали. Крестьяне молча относились к этому. Лишь втихомолку молились. О политике у нас в семье не говорили, не понимали её. Занимались лишь своим хозяйством. Никаких рассуждений не вели. Очень боялись репрессий. Люди смирились с таким образом жизни при коммунизме.²³⁸

Всю жизнь прожила в работе. Единственный раз отдыхала по путевке. Ездил в Армению. Её мне выделили за спасение человека.

Когда мы с Андреем Николаевичем поженились, всё наше имущество состояла из двух ложек и двух вилок. Холодильник, телевизор купили в кредит лет через 15-20 после свадьбы.

В годы нынешних реформ жизнь изменилась в лучшую сторону. Моим родителям, например, не давали никакой пенсии. А мне моих пенсионных денег хватает.

Сейчас не нужно бояться за своё будущее.

---

²³⁷ Характерное заключение. Советской властью велась целенаправленная работа по воспитанию у советских людей убеждения в непогрешимости линии партии (центральных органов) и ответственности за все ошибки местных руководителей. Типичный пример – статья Сталина «Головокружение от успехов» и постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» в марте 1930 г., обвинивших руководителей райкомов партии, активистов колхозов и т.п. в «перегибах».

²³⁸ Безропотность и смирение народа – один из определяющих признаков тоталитаризма.

ДОКУМЕНТ №104

Баранова (Демидова) Клавдия Константиновна родилась в 1926 г. в д. Большие Вязовцы Ивановской области. Рассказ записала внучка Баранова Дарья в 2001 г. (г. Березовский)

Родители мои: мама – Василиса Васильевна с 1901 г., отец – Константин Полиектович с 1903 г. рождения. Они вырастили четверых детей. Я – самая старшая, сестра Нина с 1928 г., Михаил - с 1929 г. и Альберт - с 1936 г. У меня самой два сына и дочь: Александр (1955 г.), Валентина (1956 г.) и Сережа (1962 г.). Муж умер 8 лет назад.

Наша семья не очень-то стремилась вступить в колхоз. Были, как говорится, на перепутье. Так как все это было в новинку, поэтому не очень-то хотелось расставаться с нажитым добром, хозяйством. Не сказать, что до колхоза жили очень богато. Но всего было в достатке. Родители, конечно, не хотели отдавать все в колхоз на совместное пользование. Были и такие люди, которые ничего не делали (то есть, не имели своего хозяйства), а пришлось бы с ними делиться.

Бедняки в те времена – это люди, не имевшие своего хозяйства (скотины, плуга и т.д.). В большинстве случаев они работали у богатых (пахали, сеяли, ухаживали за скотом). Платили им мало.²³⁹ Поэтому всю жизнь они были вынуждены работать на хозяина. Работящие бедняки вызывали у нас сострадание. Но были и бедняки, не желавшие работать.

Много кого раскулачивали. Сначала кулаков, потом просто зажиточных крестьян. А после уже стали забирать у каждой семьи все, что у них было. Помню, как-то приехали и забрали у соседей единственную лошаденку. Когда ее уводили, то ребятишки долго бежали за телегой и плакали. Да, много слез пролил в те годы простой крестьянин.

Кулакам не дали добросовестно трудиться на своей земле. Ведь они были тружениками. Дети кулаков уже с пятилетнего возраста помогали родителям, никто не сидел без дела. Относились к кулакам по-разному: кто-то сожалел о случившемся раскулачивании, а кто-то и нет. Раскулаченных отправляли в основном в Сибирь. Ничего не разрешали взять. Уезжали в том, в чем были.

Сначала нас просто агитировали вступить в колхоз. Обещали всем безбедную жизнь. Бедняки, конечно, сразу поддались на уговоры. А вот зажиточных крестьян загоняли в колхозы с помощью угроз, конфискацией

---

²³⁹ У других респондентов, живущих в доколхозное время в Сибири, суждение о низкой плате батракам не встречалось.

имущества или ссылкой. Люди сопротивлялись. Большинство крестьян прятали имущество, зерно, хлеб и т.д. Создавались какие-то банды, убивавшие людей, приходивших с конфискацией. Власти присылали отряды для подавления этих мятежей.

Активистами колхозов были люди, не имевшие гроша за душой, доносчики. Сельчане, конечно, относились к ним с негодованием, почти как к предателям.

До коллективизации деревня, можно сказать, процветала. Кулаки и середняки хорошо вели хозяйство. Во время коллективизации сельское хозяйство оказалось на грани упадка. Ведь все рассуждали так: это все ведь не мое, зачем я буду лишней раз спину гнуть. После коллективизации, конечно, питались хуже, чем до колхозов. А в колхозах жили практически голодом. Правда, после коллективизации появилась хоть какая-то техника, стало легче работать на поле. Но что толку от этого «полегче». Ведь есть-то нечего! После коллективизации стали завозить немного ткани, на ноги надели сапоги, сняв лапти.

Работали, как говорится, от рассвета до заката. Как уйдешь в 6-00 часов, так домой придешь не раньше 22-00, а то и позднее. Работали в поте лица. Если пашем, то коня уже несколько раз сменяют, а человек все работает.

Оплата при этом почти никакая – по трудодням, да и то в конце года. Давали что-то очень мало, зерна, еще чего-то, я уже и не припомню. Жили впроголодь. Голод был. Людям и так есть нечего было, так еще нужно было платить налоги на то небольшое хозяйство, что разрешалось держать колхознику. Держишь кур – сдай яйца, коровку – молоко, мясо и т.д.

Страшное было время! Ели все, что попадется под руку. Все держали маленькое хозяйство. Очень большие были ограничения в содержании личного скота. Приходилось еще платить с «дохода» налоги. С коровы 300 л молока в год, с курей – яйца, с овец – шерсть и т.д. Семье почти ничего не оставалось. Да и времени почти не было на своё хозяйство.

Конечно, мы воровали в колхозе. Но не считали это за воровство, так как колхозное – это наше, выращенное нашим честным трудом. А вот до колхозов не воровали. Все жители деревни знали друг друга, жили как большая семья. Да и воровать было нечего. У всех до колхозов всего было в достатке.

Пенсионеров в колхозах не было. Все работали до последнего. Если кто-то не мог работать, то считалось, что его должны прокормить родные.

Был закон «о колосках». Если кто-то взял с колхозного поля несколько колосков или гороха, то ему грозила тюрьма или штраф. Как-то тетя Маша (соседка) принесла украдкой с поля в фартуке несколько

колосков. Состряпала для своих голодных детишек лепешки. Тут неожиданно зашел соседний мальчик, ну тетя Маша и его угостила лакомством. А тот пришел домой и рассказал все родителям. В результате тетя Маша просидела в тюрьме целый год.

Колхозники, конечно, мечтали о роспуске колхоза, так как за работу нам почти ничего не платили. Единственное, что хорошего появилось после коллективизации – это школы и медицинские работники.

Страшно было, когда наших деревенских забирали в лагерь без суда и следствия. У нас забрали председателя лишь за то, что колхоз не выполнил план по заготовке зерна (нереальные планы спускались «сверху»). Его посадили в тюрьму, где он и скончался. В те годы из-за чьего-либо доноса лишали людей свободы или даже жизни.

У родителей паспортов не было, а были лишь справки о рождении. Никто не мог выехать из деревни в город или даже перейти из своего колхоза в соседний, более процветающий. Только сейчас я начинаю понимать, что это специально делалось правительством для удержания людей в деревнях, колхозах. В колхозе все жили одинаково – бедно. Кое-как «справно» жили те, кто любил труд, любил землю.

Когда началась война, сначала все шли без горя. Родственники провожали мужей, братьев, сыновей на войну как на праздник с песнями и танцами. Но затем, после многочисленных потерь, люди уже не горели стремлением идти на фронт. Вернулось с фронта мало людей. Примерно половина от ушедших.²⁴⁰ Помню, забрали соседних парнишек, а вскоре пришла похоронка.

В те годы грамотных было очень мало. Все женщины были полностью безграмотными, т.к. считалось, что женщине это вообще ни к чему. После коллективизации начали искоренять безграмотность. Дети охотно обучались, все понимали, что это важно. Мама моя была полностью неграмотная, но к ней даже прикрепили школьника для ее обучения. Ликвидация неграмотности шла полным ходом.

В нашей деревушке церкви не было, а была в соседней деревне. Батюшка сам ходил по деревне от дома к дому и читал проповеди. Жители встречали его приветливо, как почетного гостя. Но церковь закрыли. Закрыли, да и все. Говорили, что Бога нет. Церковь разграбили, в ней сделали какой-то склад.

---

²⁴⁰ Данные сильно преувеличены. Скажем, из 100 чел. 1924 г. рождения, призванных на фронт, в живых осталось только 3 чел.

Почти ничего не говорили о политике. Простой крестьянин толком ничего не знал. Председателей выбирали на общем колхозном собрании. Конечно, в Сталина родители верили, очень лестно о нем отзывались.

Никого в деревне из наших не осталось. Брат и сестра после войны уехали в г. Серпухов. Другой брат уехал из деревни после учебы. Все, по возможности, стремились уехать из колхозов. Сама я оказалась здесь, в Сибири, потому что мужа сюда отправили лишь за то, что он был в немецком плену.²⁴¹

За время работы была два раза на курорте: в Евпатории, в Белокурихе. Автомашину так и не приобрели. В 67-м г., правда, купили мотоцикл, в 68-м холодильник, телевизор. Мебель делали сами.

---

²⁴¹ По советским законам люди, побывавшие в плену, считались врагами народа. Поэтому после освобождения из немецкого плена они отбывали наказание в советских лагерях. Вот почему было немало случаев, когда человек, пропавший без вести в годы войны (на пленных приходило родным именно такое извещение), возвращался домой в 50-е годы.

ДОКУМЕНТ №105

Юрьева Ефросинья Михайловна родилась в 1926 г. Рассказ записала внучка Бовейко Екатерина в 2001 г.

Ты, внучка, просишь рассказать о раскулачивании, что это было и почему. А я и сама не знаю, почему и зачем. Помню, мои родители и соседи говорили, что им было непонятно, что именно искали неплохо одетые мужики в наших дворах. Почему вдруг запасы, сделанные для семьи, ставились нам в вину, и мы превращались в каких-то врагов? Но все точно знали, что с приходом этих чужих мужиков в твой дом ничего хорошего ждать уже было нельзя.

Добрались они и до нашего дома. В комнате все перерыли, заглянули в каждую щелку. Мать в это время куда-то отлучилась. И когда в доме всё было перевернуто, дело дошло до сарая. А тот, как на грех, был заперт. Отец сидел на крыше и чинил её. Мужик с папкой в руках требовал открыть сарай, а ключей у отца не было. Мать ключи всегда припрятывала от соседа, который не прочь был заглянуть в наш сарай.

Ну, так вот, стоят они внизу, а отец - на крыше. И кричат: «Давай ключи! На тебя жалоба пришла, что у тебя зерно в сарае спрятано». А отец стал доказывать, что ключа нет, он у жены. И что зерну в сарае взяться неоткуда. Правда, стоит там один мешок, но он куплен по разрешению сельсовета.²⁴² А те не верят, орут. Всех ребятишек перепугали. Отец сидел, сидел, да и кинул топор к ногам надзирателя²⁴³ с папкой. На, мол, ломай замок, да и смотри, что тебе надо.

Это оказалось последним, что отец смог, в сердцах, сделать. Его спихнули с крыши и за шиворот потащили в кутузку. Мол, за оскорбление и нападение на вышестоящее лицо. Дверь сломали, нашли мешок с зерном и подписали приговор: «Кулак. В запасе имеет зерно». Какой кулак? Все ужаснулись! Но все было решено. Хранил зерно, значит, хотел продавать, делать деньги, как сказали, на чужих муках. Вот только в каком количестве они изъяли зерно, было не указано. А ко всему еще добавили, что применил физическую силу и сопротивление.

В тот вечер они забрали не только моего отца. Набрали они тогда 25 мужиков, не имевших за душой ни гроша. Было у них по 1-2 мешка зерна,

---

²⁴² Современному читателю трудно понять этот «изыск» советской власти, когда крестьянину на покупку мешка зерна требовалось разрешение сельсовета.

²⁴³ Так в тексте. С какого-то времени слово «надзиратель» стало в русском языке нарицательным, обозначающим исключительно плохого человека, доносчика, насильника, вмешивающегося не в своё дело.

да пару голов скота. Увели мужиков-то наших, и все тут! Увели, получилось, с концом. Больше их не видели.

Наутро собрались наши бабы в район. Пошли разузнать, как и что, за что и по какому праву. Четыре дня ходили. Да все без толку. И говорить с ними никто не стал. На пятый день пришли, а мужичок один потихонечку сказал им: «Не ходите, бабоньки, не носите передачи. Увели ваших мужиков два дня назад в лес и расстреляли».

Вот горе-то какое! Бывает ли оно сильнее! По какому праву расстреляли моего отца и соседей? Таким, как я, неизвестно, никто нам не докладывал. Вот только записали наших мужиков под очерненное слово «кулак», и кончилась их жизнь. Да разве только их жизнь. А жизнь их жен, детей! Как преступников заклеямили. Перенесли удар наши женщины. Они были тогда сильнее, чем сейчас. Вот и потащили они на себе всё хозяйство. Кто дал такое право тем чужим людям обездолить нашу жизнь?²⁴⁴

Объяснений мы не ждали. Тогда было не до этого. Мы выживали. А слово «кулак» навсегда осталось в памяти. За мешок зерна – расстрел. Ну, ладно, как говорится, ты его украл. А то за свой же мешок - и смерть. Было ли ещё где такое? И почему такое творилось?²⁴⁵

Кулак, нам всю жизнь говорили, – это богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков. Вот только кого мог эксплуатировать бедный мужик? - Было непонятно. И высказать это было некому. Вот и молчали все. Потому что думать нам было запрещено.²⁴⁶ Не то, что говорить. Если бы промолчал тогда отец-то, был бы жив (плачет).

Ты, внучка, не пиши, из какой мы деревни и где сейчас живем. Кто знает, как ещё всё повернется.²⁴⁷

---

²⁴⁴ Вопрос этот мог бы быть не риторическим, если бы после краха социализма в 1991 г. у российских демократов хватило сил, а главное, воли провести суд над коммунистической партией, над коммунизмом. Суд - по аналогии с Нюрнбергским процессом над фашизмом. Фашизм, осужденный международным судом как идеология, уже не имел шанса политически подняться. Коммунизм, совершивший преступление перед советским народом более тяжкое, чем фашизм перед немецким, уже через год после развала КПСС поднялся. На выборах в Государственную думу 1993 г. коммунисты фактически победили.

²⁴⁵ По теории марксизма при социализме частная собственность уничтожается и создается собственность общественная. Считалось, что всё в стране принадлежит народу. А тот, кто имеет частную собственность, – враг.

²⁴⁶ Исключительно точное определение положения народа в странах с тоталитарным политическим режимом.

²⁴⁷ Как и опасалась крестьянка, с 2000 г. «поворачиваться» стало к прежним порядкам. По крайней мере, относительно свободы слова в России.

ДОКУМЕНТ №106

Павленко Андрей Николаевич родился в 1926 г. в с. Новожетково Приморского края. Рассказ записал внук Лебедев Денис в 2000 г.

Наша деревня была почти вся заселена украинцами, которые в 1895 г. приехали на поселение из Полтавской губернии. Мой дед Иван Гордеевич крепкий мужик был. Его хозяйство было: два вола, три - четыре коровы, две лошади, куры, свиньи, овцы. Считали его крепким середняком. А кулаков не было. Да и кто такие кулаки? Это всё дармоеды да пьяницы выдумали! Были труженики или лодыри.

Были у деда два сына и семь дочерей. Сыновья помогали в хозяйстве. Они вместе с отцом обрабатывали 150 гектар. Дочки делали домашнюю работу, да ждали мужей. Коров-то разводили, чтобы в приданое девкам дать. Ели то, что Бог пошлёт, а точнее, что руки наработают. На столе всегда был хлеб, молоко, суп или щи, мясо нередко ели.

Коллективизация дошла до нас позже, чем до других. Ведь жили мы на самой окраине России. Не дожил до раскулачивания дед. Он умер за месяц до коллективизации. Сказал: "Тяжело что-то жить стало", - и умер.

Дед был умным. Почуввав недоброе, он продал коров и лошадей. Сказал, что их украли. И вскоре умер. Жаль его было! После этого наша семья стала рабочей. Старший сын устроился на завод и работал там. Получил инвалидность.

А тут ещё одно горе. Его мать, у которой кроме кур и свиней, ничего не было, раскулачили и сослали в Сибирь (в Новосибирскую область). А мы-то народ тёмный. Пока сыну сказали, чтобы он за счёт своей инвалидности выпросил мать назад, время прошло. Догнал он мать лишь в Иркутске. Но всё же вернул. А двух её дочерей - Марфу (12 лет) и Елизавету (17 лет) - не отпустили и всё же сослали под Новосибирск. Узнали об их судьбе лишь в конце 50-х годов.

Нашей же семье повезло. Из хозяйства у нас были: одна тёлка, две свиньи и куры. А если бы было три свиньи да ещё пара коров, то покатили бы и мы в Сибирь. Тогда это делалось быстро. Пришли, всё отобрали. В чём был, в том поехал. Разрешали брать лишь котомку с хлебом.

Руководили всем этим делом бедняки. А бедняки - это кто? Лентяи, слюнтяи, да пьяницы, вот кто они такие. Это знали все. Те, кто ничего не делал, да к тому же ещё и водку жрал, дебоширил, в самом почете и оказались. Это как понимать? Что за власть такая сделалась! А потом их поставили бригадирами, председателями в колхозах. Вот они и мстили

тем, кто им в рожу плевал, как бездельникам, да нанимал когда-то работать.²⁴⁸

У нас до коллективизации была огромная деревня - 250 дворов. В каждом третьем дворе было большое домашнее хозяйство, в котором обрабатывалось от 100 до 250 гектар пашни. После раскулачивания в деревне осталось 150 дворов, а пашня вся бурьяном поросла.

Была у нас в деревне семья Кампеновых. У них было шесть сыновей. Причем все женатые. Плюс два наёмных рабочих. Вот и получилось 16 человек рабочих. Имели они в своём хозяйстве 12 коров, 10 лошадей, овец, свиней, кур, гусей. Мать руководила всей семьёй. Скупая она была, очень экономная. Бутылку подсолнечного масла на неделю для всей семьи выделяла. Обрабатывали они 250 гектаров. Хорошее, крепкое хозяйство у нее было. На базаре молоком, сметаной, маслом торговали. А посчитать всё хозяйство, то на каждого члена семьи по одному домашнему животному и приходилось. Какие уж они кулаки?

Но раскулачили их. Раскулачили, а мать с горя - в петлю. Раз сняли. Она походила, походила - и опять в петлю. На этот раз не усмотрели, повесилась. Всё их домашнее хозяйство забрали. Всю скотину загнали на один двор, в какой-то колхозный сарай. Там она вся и подохла. За ней же ухаживать надо. А кому они нужны были? Они же колхозные! Общие, значит, - ничьи.

Никто в деревне и не знал, что такое колхоз. Все же были тёмные. А кто имел какое-то образование - учитель, поп, староста, - их забрали и расстреляли. Сказали, что они «враги народа». Убили, чтобы нам правду они не раскрыли про власть.²⁴⁹

Коллективизация ничего хорошего не принесла. Мать заставили работать в колхозе. А отец был печником, ходил по деревням, печки клал и деньги в семью приносил. Мать - то денег не получала, только - палочки. А за каждую палочку выдавали 200 г. зерна. В год получалось 60 кг. зерна. Смешно!

Мы хлеб с картошкой пекли. А в голодные годы и вовсе лебеду ели. Раньше сроду такого не было. Уж что-что, а ели мы до колхозов досыта. Даже бедняки голодными не ходили.

---

²⁴⁸ Сельскими пролетариями (то есть, не имеющими собственности) считались батраки и бедняки. По теории марксизма пролетариат является гегемоном, ведущей силой. Потому «голытьба», как их называли в деревне, и была лидером в социалистическом преобразовании деревни (коллективизации и раскулачивании).

²⁴⁹ Интересное суждение крестьянина о причинах преследования интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата.

Колхозы были ни для чего не приспособлены. Всё тят-ляп в них было.

На работе мать как-то продуло, и она долго болела грудницей. А мне было всего 7 лет. Пришлось мне следить за хозяйством самому. Я ведь был самым старшим. Ходили мы в том, что носили до коллективизации.

Рядом с нами был совхоз. Вот туда шли охотнее, там деньги платили.

Колхозники тогда были как рабы, как крепостные. Работали от солнца до солнца. Работали за просто так. А чтобы покормить свою скотину, приходилось ночью воровать. А если поймают, то посадят. Нам и паспортов не давали, как собак держали на поводке. В город на базар если едешь, то бери справку у председателя.

Вот тогда и воры появились, и дома стали запирасть, хоть и воровать уже было нечего. До колхозов такого не было. У людей совесть была. Да и пойманного вора крестьяне казнили на месте, не дожидаясь властей.

Раньше всё по-другому было. По совести. По уму. Испортили страну и народ. Правители х...!

ДОКУМЕНТ №107

Пищяева Раиса Егоровна родилась в 1927 г. в с. Зерган Башкирской ССР. Рассказ записала Исунова Полина в 2001 г. (г. Кемерово).

Когда началась коллективизация, родители вступили в колхоз. Кем работал тогда отец, я не помню, а мама, точно знаю, со многими другими женщинами пекла хлеб для колхоза. Пекли по очереди в разных домах, чтобы не спалить избу.

Был 1931 год. Как вспоминал отец, тогда очень хорошо зародился хлеб, но кушать нам его не пришлось. Нашу семью признали кулацкой и решили выслать. Почему, я не понимаю. Нельзя сказать, что мы жили зажиточно. Помню, домик наш был маленький и крыт соломой.

Отцу было тогда лет 30, а маме – 27. Детей в семье было четверо: Нина, Надя, я, Виктор. Мама была беременна пятым. Посадили нас в телегу почти голыми. Хотя у нас в доме было что одеть. Но взять с собой ничего не разрешили. Все, что осталось в доме, конечно, разворовали. Мужчин куда-то забрали, а нас увезли под конвоем. Привезли в Прокопьевск и выбросили у болота. Тогда шел октябрь месяц.

Дальше воспоминания у меня смутные. Мама куда-то пропала. Помню какой-то балаган, много людей, холод. Потом мама вернулась. Оказалось, она ходила по домам, просила, чтобы позволили родить в доме. Вернулась с новорожденным сыном (он вскоре умер). Через некоторое время появился отец.

Жили мы там очень плохо. Нас не считали за людей, били, обзывали «спецпереселенцами». Это было ужаснее всего. Тем не менее, родители никогда не осуждали действия властей, все принимали. Мама даже говорила, что если нас раскулачили и сослали, это правильно. Значит, так и должно быть. Родители не хотели настраивать нас против советской власти, а главное, против других людей.

Мужчины выкопали траншею. В ней сделали землянки. Там и разместили свои семьи. Наша землянка была крайняя. Выходить из нее мама не разрешала, так как дверь закрывалась очень плохо. Было одно единственное крохотное окошечко. Мы с братом целыми днями сидели около него, смотрели на улицу. Хорошо помню, как Виктор сидит, раскачивается из стороны в сторону и все повторяет: «Есть хочу, есть хочу»! И так целыми днями.

Спали на нарах, в землянках стояли печи. Женщины не умели топить углем. Однажды кто-то закрыл задвижку у печки, и мы угорели.²⁵⁰ Но родители подросли вовремя и вытащили нас. Меня кое-как откачали.

Отец устроился работать на железную дорогу. Мама подрабатывала где придется. Как-то даже в колхозе что-то делала. Принесла оттуда нам горсть пшеницы, которую мы ели прямо в зернах. Как-то раз мама где-то достала кусочек хлеба с соломой. Брат стал выковыривать солому, а я дала ему подзатыльник и сказала: «Ешь все!»

Когда наступило лето, землянку чуть не затопило. Я и Надя ходили рвать лебеду. Мама толкла ее, добавляла чуть-чуть муки и пекла лепешки. Еще она приносила откуда-то кишки. Наверное, на бойнях подбирали. Мы их ели.

Примерно в 1935 г. построили бараки: крыша земляная, между комнатами деревянная перегородка, везде грязь. Дождь идет, все капает. По ночам крысы бегали по полу. Я очень боялась крыс.

Мы с сестрой ходили в школу. Учились в разные смены, так как у нас была одна одежда на двоих. Все дети из нашей семьи хорошо учились. Особенно сильны были в математике и физике. Сестра Надя потом преподавала эти предметы в школе. А я и брат Витя стали инженерами.

Виктор с самых первых классов в школе учился прекрасно. Преподаватели его очень любили. В школе работала одна учительница. Она души не чаяла в Вите. Знала и других детей из нашей семьи. Она видела, что мы живем очень плохо и старалась помочь хотя бы Вите. На праздниках выбирала ему самые хорошие и большие подарки, посылала в город на праздник, где тоже давали подарки. Витя приносил их домой, а я таскала у него потихоньку конфеты и пряники.

В 1937 г. мы купили корову на четыре хозяина. С нетерпением ждали, когда придет наш день её доить. В сорок первом стали держать поросенка.

Наша семья постоянно находилась под наблюдением коменданта. Родители не имели права никуда отлучаться, паспортов у них не было, имелись только какие-то справки. В 1940 г. в Кемерово открылась шахта «Северная». Нашу семью перевели туда. Разумеется, нашего мнения никто не спрашивал. США в то время помогали СССР осваивать Сибирь.

---

²⁵⁰ При топке печей дровами задвижкой перекрывают дымоход, чтобы жар прогоревших поленьев не уходил в трубу. При топке печей углем трудно уловить момент безопасного перекрывания дымохода, тем более людьми, которые к углю были непривычны.

Американцы строили для шахт стандартные дома. Дома были добротные: 2 этажа, 16 квартир.²⁵¹ Нас разместили в таком доме.

Я не понимала тогда, почему мама все время плачет? Ведь теперь у нас такие хорошие условия, отдельная квартира, комнаты просторные и светлые. В доме также была печка, за углем ходили на террикон.²⁵² За это время у меня появились еще два братика: Володя (1937 г.) и Юра (1941 г.).

Когда началась война, многие мужчины ушли на фронт. Все забыли обиду на власть за то, что она так плохо обошлась с ними во время коллективизации и после нее. Необходимо было защищать Родину.

С началом войны вернулась карточная система. На человека полагалось 250 грамм хлеба. Я пошла учиться в горный техникум. О будущей профессии не задумывалась. Просто учащимся техникума полагалось 500 грамм хлеба а также постное масло. Масло почему-то пахло бензином.²⁵³

Носить мне было нечего. На ноги одевала бурки, на себя – фуфайку. Помню, была у меня одна-единственная черная хлопчатобумажная юбочка в складку. Все годы обучения я и носила ее. Когда техникум заканчивала, юбочка стала совсем короткой. Однажды я ее постирала, она и рассыпалась на нитки.

Во время войны наш техникум переселили в бараки, а в помещении техникума разместили госпиталь для раненых. Там на танцах я и познакомилась со своим будущим мужем Петром Васильевичем. Кстати говоря, он до войны тоже окончил наш горный техникум. Мы поженились в 1946 г.

После войны в нашей области осталось мало специалистов по шахтам. Они вернулись в Донбасс. Поэтому нас с мужем отправили учиться в Томский политехнический институт. Вместе с нами в одно время учились брат мужа и мой брат Виктор.

Виктору как самому способному студенту предложили заниматься разработками по атомной энергии. Впоследствии он стал главным

---

²⁵¹ Американцы строили в Кузбассе два типа временных жилых домов: засыпные двухэтажные бараки и каменные дома. Каменные дома стоят до сих пор. А засыпные простояли в Рудничном районе г. Кемерово до 70-х годов (строили на два-три года, только на период возведения шахт). До сих пор стоят в Кемерово на п. Пионер и в г. Ленинске-Кузнецком (на въезде со стороны Кемерово).

²⁵² Место отвала породы, вывезенной из шахты. В породе часто попадался уголь. Его-то и подбирали люди.

²⁵³ Пример обычной советской безхозяйственности и пренебрежения к людям. Одни и те же бочки (цистерны) использовались для перевозки горючесмазочных материалов и продуктов.

конструктором города Свердловск-45. После тех лишений и голода, что мы перенесли в детстве, Виктор так и не вырос. Ростом он был маленьким, но стал большим, уважаемым человеком. Я считаю, это очень важно, когда человек хорошо и плодотворно трудится.

Мы были очень счастливы, когда окончилась война. Мама тогда говорила, что теперь мы будем жить лучше, теперь начнем работать на себя, а не на войну. И, действительно, наша жизнь изменилась в лучшую сторону. Помню, что люди тогда были совсем другие, чем сейчас: лучше были, добрее.

Нет, я не жалею о теперешнюю жизнь в материальном смысле. Нам с мужем пенсии вполне хватает. Хочу сказать, что в духовном смысле люди обнищали, потеряли веру, у них цели нет.

В моей жизни всегда была цель - дети и работа. Ни за первое, ни за второе мне краснеть не приходится. Мы с мужем вырастили двух прекрасных сыновей: Олега и Игоря. Они получили высшее образование. Конечно, сейчас им тяжело приходится, но живут своим трудом, честно работают.

Что касается работы, то везде, где я работала, складывались очень дружные коллективы. Люди шли на работу с желанием. Я сомневаюсь, что сейчас все так же.

Разумеется, при социализме в материальном смысле мы тогда жили лучше. Часто с семьей ездили в Сочи, были в Китае, Корее. В Москву летали бесчисленное количество раз. Муж был в Болгарии, Румынии, объездил весь Советский Союз, совершил воздушный полет по 15 городам России общей продолжительностью 42 дня.

Конечно, у власти того времени были ошибки, порой очень большие. Например, коллективизация. Во многом из-за нее развитие деревни стоит до сих пор на месте. Но даже за то, что мы пережили в те годы, я зла не держу.

Сейчас людям приходится сложнее, чем нам. Жизнь теперь тяжелее. Думаю, что все изменится к лучшему. Это произойдет, когда у людей проснется вера, появится желание созидать, а сами они станут более духовными и гуманными.

ДОКУМЕНТ №108

Мазуров Александр Александрович родился в 1927 г. с. Селиверстово Алтайского края. Рассказ записал собственноручно в 1999 г.

Семья моего деда состояла из 9 чел.: он с женой, три сына, четыре дочери. Семья моих родителей – 6 чел. (отец, мать, двое сыновей, две дочери). Моя собственная семья – 4 чел. (сам, жена, сын, дочь).

В моем личном восприятии коллективизация ассоциируется с жестокостью, с полным бесправием людей, унижением, беспощадностью к людям независимо от возраста и пола! Детские воспоминания о коллективизации у меня самые тяжелые. Было несправедливое отношение к раскулаченным, лишение их прав на нормальную человеческую жизнь.

Отношение моих родителей к коллективизации, разумеется, самое отрицательное. У них была обида на власть, которая обошлась с ними незаслуженно. Правда, при нас, при детях, родители ничего не говорили, боялись, что мы, по-детски, можем где-то проговориться. А это значит – тюрьма. Позднее они рассказали нам правду о ней.

Для зажиточных крестьян, рассказывали они, главным методом вовлечения в колхоз было принуждение. А для бедняков... Им же всё равно – где быть и где работать. Безразлично. Они всегда работали с ленью. Таких в селе были единицы. Это лодыри, пьяницы или одинокие семейные женщины, которым село чем могло помогало.

До коллективизации деревня жила богато. У зажиточных было всё и вся. Бедняк и лодырь во все времена – злыдень и бездельник, доходившие до нищенства. В доколхозной деревне, кстати, пьяницы были редкостью. К ним относились с презрением. Пить было некогда. Надо было работать. Да и винных магазинов не было. В обычной лавке спиртного было очень мало.

Кто такие кулаки? В селе как таковых кулаков не было. Это советская власть наделила этим позорным, оскорбительным именем. Были крестьяне зажиточные и бедные. О зажиточных сибирских крестьянах можно судить по нашему роду Мазуровых.

По указу П.А.Столыпина в 1908 г. дед, как безземельный крестьянин, был переселен с семьей из Курской губернии в Алтайский край. Здесь ему для хлебопашества отвели земельный надел. А в сосновом бору выделили деляну для строительства дома и подворья.²⁵⁴ В селе

---

²⁵⁴ «Наделили», «выделили» – бесплатно. Респондент не сказал (видимо, не знал по малолетству), что переселенцы по Столыпинской реформе получали огромный безвозмездный кредит от государства, имели освобождение от налогов на 5 лет. Благодаря этому трудолюбивые крестьяне быстро поднялись. Менее трудолюбивые

образовались две улицы. Одна, Белгачи, была из выходцев Белгородской губернии. А вторая, Заозерская, из выходцев Курской губернии. Перед революцией все переселенцы жили крепко. Но и работали от зари до зари. Собирали хороший урожай зерна. Зимой зерно вывозили на лошадях за 70 км. на элеватор станции Алейск. У всех было много скота, птицы. У деда, например, до коллективизации было 6-8 рабочих лошадей, 2 – выездных, много скота. Придворные постройки состояли из двух амбаров, конюшни, стайки для свиней, коров, птицы.

Как только сыновья женились, они получали земельный надел. Им строили дом. Но коров, овец, свиней, птицу держали на дедовом дворе. Получалось, что все сыновья и зятья работали на общий результат.

Дед имел полный набор сельскохозяйственного инвентаря: бороны, плуги, жнейки, сенокосилки, веялки, молотилки. Построил пимокатню, где зимой мужчины катали валенки. Без какого-то проекта, опираясь на собственную интуицию и опыт, сам построил мельницу-ветрянку. Он был хорошим столяром и плотником. Все делал сам со своими сыновьями и зятьями. Отношение односельчан к нему было, конечно, уважительное. На селе уважали тех, кто своим трудом жил хорошо.²⁵⁵

И вот в 1931 г. приехала комиссия с постановлением о лишении деда Константина Алексеевича (ему было 58 лет) и двух его сыновей с семьями избирательных прав и принудительном выселении из села. Это была разнарядка районных властей. Забрали всё: и дом, и инвентарь, и зерно, и инструменты. Разрешили взять с собой то, что можно погрузить на телегу.

крестьяне промотали переселенческие деньги, не сумели закрепиться на новых землях, возвращались в родную деревню, где их никто не ждал: самим земли мало было. О таких неудачниках и писал Ленин, считая, что Столыпская реформа потерпела крах.

²⁵⁵ Важный вывод для понимания сущности трудовой культуры российского крестьянина. Многочисленные русские пословицы свидетельствуют о культивировании трудолюбия как главной добродетели крестьянина: «Бог труды любит», «Одна забота – не стала бы работа», «Без дела жить – только небо коптить», «Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Человек рожден для труда», «Без труда нет добра», «Труд человека кормит, а лень портит», «Праздность-мать пороков», «Кто не работает, тот не ест», «Без труда не вытащишь рыбку из пруда», «Зажиточно жить – надо труд любить», «Работай смелее, будешь жить веселее». К лодырю и лентяю у русского крестьянина было больше неприязни и даже ненависти, чем к представителям эксплуататорских классов. Дело в том, что в общинном российском хозяйстве был необходим слаженный труд, которому мешали лодыри. В сознании русского человека добросовестный труд – нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и система жизненных ценностей, в которой труд занимает первое место, а богатство – второе. Раскулачиванием и коллективизацией эта нравственная норма ломалась. К концу социализма (1991 г.) страна получила людей «вродетруда».

Мне тогда было 4 года. Довезли до Славгорода, посадили в теплушки, довели до Сталинска. Затем по воде отправили по Мрас-Су и поселок Мзасс (в 40 км. от Мысков). Там были приготовлены бараки, куда нас и поселили. По периметру барака были сделаны нары, где каждой семье указали место. По центру барака стояли 2-3 железные печки из бочек и 2-3 длинных стола.

Все высланные находились на учете в комендатуре как спецпереселенцы. Права свободного перемещения ни у кого не было. Только с разрешения коменданта люди могли куда-то съездить. Но такого разрешения, насколько я знаю по рассказам, никогда никому не давали. На этом спецучете мои родители находились до 1951 г. Меня же с него сняли в 1944 г. в связи с постановкой на воинский учет.

Мужчин отправили на лесозаготовки. А женщины оставались с детьми, считались иждивенцами и получали минимум продовольственного пайка. К весне 1932 г. дети начали болеть от истощения. Пришла дизентерия и др. болезни. В некоторых семьях все дети поумирали. Я тоже болел, но чудом выжил.²⁵⁶

Из нашей деревни, как потом говорили родители, выслали настоящих тружеников. Многие из них погибли в лесах Томской области и шахтах Кемеровской области. Но сведения о выселенных в деревню не приходили. Мои родители, например, первые два года никуда ничего не писали. Запрет был строгий.

Из оставшихся жителей села не получился, да и не мог получиться добрый колхоз. Да к тому же в 1937-38 гг. повсеместно репрессировали молодых (30-40-летних) мужчин. А вскоре началась Отечественная война. Деревня и вовсе захирела.

Был ли протест со стороны крестьян? Думаю, вряд ли. Все находились под жесточайшим надзором. Но знаю, что активистов колхозной жизни в деревне было мало. По словам родителей, это были те, кто на селе не пользовался авторитетом.

---

²⁵⁶ По хронологии этот эпизод совпадает со сведениями ОГПУ о санитарно-бытовых условиях спецпереселенцев в Западно-Сибирском крае в ноябре 1931 г. В документе говорилось: «Санитарно-бытовые условия, в которых находятся спецпереселенцы, всё ещё продолжают оставаться крайне тяжелыми. Недостаток жилой площади вызывает чрезмерную скученность, в одной избе размещаются по несколько семей, что при некультурности населения, малом количестве бань и почти полном отсутствии прачечных и вошебоек сопровождается развитием вшивости и является угрозой усиления сыпно-тифозных заболеваний, уже появившихся в некоторых комендатурах. Водоснабжение, главным образом из естественных водоемов, недостаточно охраняемых, служит причиной распространения брюшно-тифозных заболеваний» (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 174-175).

Председателем колхоза назначали из района и привозили его в деревню. А бригадирами становились местные жители. Против них, да и вообще против советской власти люди сказать что-либо боялись. Находились под страхом. Страх заставлял людей не только не говорить на тему о необходимости роспуска колхозов, но даже боялись подумать об этом. Сразу – тюрьма! Все знали, что в деревне есть осведомители, которые всё о каждом докладывали в комендатуру или НКВД. Односельчане вроде бы не знали, кто именно осведомитель. Но каким-то чутьем догадывались и старались держаться подальше от такого человека.²⁵⁷

О том, как проходила колхозная жизнь в моей родной деревне, не знаю. Но я наблюдал её в нашем колхозе поселка Берензасс Мысковского района. Рабочий день колхозника... - каждый день с утра до вечера. Без выходных и отпускных. Оплата по трудодням в конце года натурой и деньгами. Но так как большую долю произведенного колхоз отдавал государству, то колхозникам доставался минимум. А то и вовсе они ничего не получали. Подрастающее поколение под любыми предлогами уходило в город. Но советская власть колхозников держала на одном месте. Боялась, что если им дать паспорта, то они разъедутся. Паспорта колхозникам стали давать только в конце 50-х начале 60-х годов. Это я точно знаю по своим родителям. Они паспорта получили только в 1963 г.

Деревня и после войны не стала лучше жить. Молодых мужчин угробили в 1937-38 годах. В те годы в нашу деревню ночью приезжали работники НКВД, обходили нужные дома и забирали молодых мужчин (человек 40) в контору. Потом их везли в комендатуру. Затем этапом (пешком) под конным конвоем отправляли в Сталинск, в тюрьму. А там шло распределение, кого куда: в Таштагол – на строительство рудника и на

---

²⁵⁷ Эти осведомители в 20-40-е годы официально именовались «секретными сотрудниками» или, сокращенно, «сексотами», в 50-80-е годы – «активистами». Люди действительно научились их распознавать. В вузовском коллективе, например, осведомителя можно было узнать по нескольким признакам: безнаказанно и часто проделывал «мелкие» делишки (устраивал «блат» абитуриентам и студентам, ему прощались, скажем, пьянки, совращение студенток, аспиранток); был вполне обычным преподавателем, но регулярно отмечался орденами и медалями; не будучи профессором, покупал автомобиль «Волга» (они продавались только по спискам обкома КПСС); время от времени совершал турпоездки за границу в качестве руководителя группы или выезжал туда в составе официальных делегаций; в публикациях приводил данные, которые могли быть известны только спецорганам (скажем, подробности о работе в Германии и на Урале знаменитого биолога Тимофеева-Рисовского); когда-то служил в пограничных войсках и др. Наличие двух-трех таких признаков у одного человека почти безошибочно указывало на его связь с КГБ.

лесопопал, в шахты Кузбасса, в Норильск, на Колыму и проч. Им обычно давали срок 8-10 лет. Но возвращались лишь единицы. А многих из таких потом снова забирали. Там они и погибали.

А ведь это были простые труженики, молодые семейные мужчины. А что такое нет в семье мужчины? Даже в нашей деревне Берензасс, как не стало отца, считай, вся семья и погибла. Зимой от голода люди пухли. Дети плакали и кричали: «Хотим есть, дай кушать!» А мать ничего не имела. Летом ещё как-то огородом, травой питались. А зимой, если кончались запасы, шли по деревням побираться. Умиряли люди.

Погробили их и в войне. Неправда, что, когда началась война, все мужики охотно пошли воевать. Это ерунда! Ложь! Я в 1943-44 гг. учился в школе в Сталинске. В то время работники КМК находились на броне, то есть их не брали в армию. Но частенько НКВД вместе с военной комендатурой устраивали в городе облаву (на базаре, например). Мужчин, у которых не было с собой удостоверения «О броне», сразу же забирали, тут же отправляли на вокзал. А на следующий день они оказывались уже под Омском в воинском эшелоне, идущем на фронт. С войны вернулись лишь единицы. Да и то искалеченные и израненные. В деревне остались лишь старые люди и одинокие женщины. За эти годы они поизносились от тяжелого труда и хронического недоедания. Деревни стали гибнуть.

У колхозников были свои личные хозяйства. Но на эти хозяйства все время были ограничения. А тут ещё налоги. Сдавали продукты своего хозяйства. Скажем, молока надо было сдать на приемный пункт 220 литров. Это при нормальной жирности. А если молоко у коровы было жидким, то ещё больше. Сдай яйцо, сдай шкуры, сдай мясо. Сдай денежный налог.

С 1944 г. по 1952 г. (8 лет) я служил в армии. Из них 6 лет деньгами помогал родителям сдавать налог. А то – уводи корову на базар.

Нищету в деревне мои родители прямо связывали с колхозами. Государство у колхозов все забирало, а попросту – грабило.

Жил ли в колхозе кто-то справно? Нет! Никто! Мой отец был трезвым человеком. Мастер был. Он и плотник, он и пимокат, он и столяр, он и пчеловод. Но и он не мог нормально прокормить семью, обути и одеть нас. Налоги были непомерными. Особенно денежные. У многих, чаще всего у безмужних женщин, в счет уплаты налога уводили коров со двора.

Деревня до сих пор не может выбраться из нищеты из-за губительной, грабительской политики государства по отношению к селу.

Взрослые в колхозе были малограмотными или совсем безграмотными. Дети охотно учились, старались поступить в вуз и жить хоть где, только не в родной деревне. Вот и получалось, что у людей притуплялась любовь к родине.

Были у нас и клубы, и избы-читальни. В них дети приходили вечерами посмотреть кинопередвижку. А взрослым ходить туда некогда было. Надо было работать. Не до увеселений. А после войны раз в неделю в эти избы-читальни обязали приходить и взрослых с тем, чтобы они изучали историю партии.

Церквей в деревне не было. Старые церкви разрушили, а новых не строили. Такая была идеология. Церковь была несовместима с идеологией советской власти.

Мои родители вообще не имели понятия о том, что такое курорт, санаторий. Мы, дети, уже в зрелом возрасте, экономя на всем, иногда ездили в местные дома отдыха и санатории. Только через 20 лет после свадьбы мы смогли купить добрую мебель, машину, через 12 лет холодильник, через 15 – телевизор.

За годы реформ жизнь изменилась только в худшую сторону: а) для молодежи нет перспектив, нет надежной и любимой работы; б) нет социальной защищенности для каждого гражданина; идет постоянное снижение жизненного уровня людей, жизнь дорожает и не видно впереди просвета; в) идет спаивание населения страны, пьянство стало нормой поведения людей: застолья, кутежи, презентации, оргии;²⁵⁸ г) налицо нравственная деградация населения.²⁵⁹

Правительство не принимает решительных и действенных мер в борьбе с этим злом. Столица живет лучше всей страны, жирует, кутит.²⁶⁰ В ней сосредоточены огромные финансовые ресурсы. Правительство, Думу, Совет Федерации и другие властные структуры следует перевести из Москвы в другой город. Пока Москва будет столицей, россияне, Россия не могут рассчитывать на улучшение жизни.

С Москвой нужно поступить так, как поступил Назарбаев с Алма-Атой.²⁶¹

---

²⁵⁸ Пьянство вошло в обычаи советского человека отнюдь не в 90-е годы. Для распространения пьянства в годы советской власти были как социальные причины (нищета населения, падение морали), так и экономические (при хроническом дефиците продовольственных и потребительских товаров деньги, полученные трудящимися на зарплату, можно было вернуть в банк за счет спиртного. Местные бюджеты поэтому процентов на 70 формировались из «пьяных» денег).

²⁵⁹ Описывая падение трудолюбия, доноительство и пр., респондент как раз и говорил о деградации культуры нации.

²⁶⁰ К концу 90-х годов до 80% финансовых потоков России были сосредоточены в Москве со всеми благоприятными для неё последствиями. В ущерб, разумеется, провинции.

²⁶¹ Казахстанская столица была перенесена из Алма-Аты в заштатный городишко Астану (бывший Целиноград).

ДОКУМЕНТ №109

Гришина (Гусева) Ульяна Григорьевна родилась в 1927 г. в д. Шестаково Курганской области.. Рассказ записала Венедиктова Екатерина в 1999 г. (г. Кемерово)

Родители мои умерли около 20 лет назад, дети разъехались. Сейчас живу одна. Детские годы запомнились на всю жизнь. И поэтому 20-30-е годы, думаю, что знаю.

Отец был лучшим кузнецом, работал не покладая рук. В деревне его уважали. Многим он помогал в хозяйстве, в строительстве. Братья были еще маленькими, так что хозяйство все держалось на отце и старших сестрах. Мама больше заботилась о младших. В то время в семьях детей было много. Но немногие доживали хотя бы до десяти лет.

В деревне бедными были только лодыри, которые не хотели работать. А кто работал, - держал корову, лошадь и всякую мелкую живность - уже не считался бедняком. На это можно было прокормить даже такую семью, как наша (9 человек).

Когда пришла коллективизация, начался настоящий грабёж. Приходили чужие люди. Всё, что можно было забрать, уносили и уводили. Отбирали дом, скотину, одежду, хлеб, амбары – все до последней горстки муки. Не смотрели на то, что в доме полно детей, и их надо было чем-то кормить.

Люди, конечно, пытались протестовать, поднимали восстания. Но что толку?

Раскулачивали тех, кто трудился от зари до зари. А кто был побогаче и умнее, те доставали справки и уезжали из деревни. Остальных выселяли на Урал, в тайгу, на лесоповал. Брать с собой было нечего. Всё уже до этого отобрали. На телегу посадят детей и отправят. Всей деревней одевали тех ребятишек. У кого что было.

Деревня наша стояла на берегу озера, кругом - березняк. Народу в деревне было много. А потом деревня стала потихоньку вымирать: кто уехал сам, кого сослали. Слава Богу, нашей семье это не коснулось. В колхоз загоняли насильно, запугивали, отбирали землю, покосы. А без земли что делать крестьянину? И что приходилось нам делать?

Активистами колхозов становились те, кто громче всех кричал на сходках. В семье родители всегда говорили об этом. И мы, дети, до сих пор помним это время.

До коллективизации покушать у крестьянина было все. А как иначе? Ведь держали скотину, птицу, овец. Хлеба хватало, даже лишний

продавали. А вот одежды было мало. Все, что носили, было шито мамой. Была простая легкая одежда, праздничное платье. Но носили мы его по очереди. Младшие дети всегда донашивали за нами. Теплой зимней одежды, например, шуб вообще не было. Были пальто да фуфайки. И то носили их по очереди. Много детей, одетых плохо, болели и умирали. Но это, впрочем, было уже в колхозах.

Вот сестра наша самая старшая организовала в нашей деревне как бы школу. Она там учила детей. Потом решила поехать в город, чтобы подучиться и стать настоящей учительницей. Была зима. Сколько родители ее ни отговаривали, она все равно поехала. Оделась в легкое пальто, оставила все теплые вещи младшим сестрам и братьям. И по дороге сильно простыла. Заболела пневмонией и за два дня умерла. Это я запомнила на всю жизнь. И теперь детям своим и внукам всегда говорю: какая бы погода ни была, одевайтесь тепло. А главное, чтобы берегли ноги. Даже в сапоги им пух от собаки подкладываю.

Трудились колхозники весь трудовой день, а за трудодни получали гроши. Воровать колхозное добро люди боялись, потому что за горсть пшеницы судили. В доколхозной деревне воровать считалось большим грехом (ведь люди верили в Бога). Все друг друга хорошо знали и никогда бы даже не подумали воровать у соседей. В деревне в старое время пьяниц не было, как сейчас. Были престольные праздники, собирались гости, выпивали по одной-две рюмочки и выходили на улицу: катались на лошадях, водили хороводы, пели песни.

Людей забирали всегда. Не то сказал - и всё! Ты уже враг!

Были годы, когда голод в деревне был страшный. Люди пухли от голода и тифа. Я помню случай, когда есть в доме было уже совершенно нечего, я решила поискать в погребе, где мы раньше хранили припасы. Я надеялась найти хоть что-нибудь. Полезла в погреб одна. Там было очень темно и страшно. Конечно, то, что там раньше было, мы уже давно съели. Но я разгребала в нем землю пальцами, перерыла весь пол, все стены. Нашла две морковки. И не разобрав, какие они, не помыв, съела с великим удовольствием. Мы как-то продержались эти годы.

Закон о колосках лучше не вспоминать. Лучше пусть всё сгниёт, чем достанется людям, считала власть. А если попался – 10 лет тюрьмы. А куда бедному крестьянину податься? Вот они и продолжали жить и работать в деревне.

Никаких пенсионеров в деревне не было. Колхозникам не давали паспортов – боялись, что все разбегутся.

Когда началась война, мужиков забрали, остались одни женщины да старики, а вернулись лишь немногие. Те, кто учился со мной, не вернулись

с войны. Но в нашей школе до сих пор есть их портреты в музее. Прошло очень много лет после войны, когда колхозники немного вздохнули свободней. Личное хозяйство у колхозников было небольшое, много не разрешали, да налоги были такие, что обдирали колхозников до нитки.

До советской власти в каждой деревне была церковь. Люди охотно ходили молиться. Но с приходом советской власти все это разрушили.

Кто в колхозе жил «справно»? Да никто! Это уже потом кто-то стал выделяться.

После школы я уехала в город учиться. В Кемерове окончила техникум и стала строителем.

Всю жизнь работала! Но так и не удалось купить машину, отдохнуть за границей. Дом после свадьбы мы строили своими руками, дети выросли и разъехались по квартирам. А я не могу без своего дома, хозяйства, огорода. Даже после того, как воду провели в дом, и её можно набрать из крана, все равно, по привычке, я с утра беру ведро и иду к колодцу.

Я считаю, что наша жизнь в годы реформ переменялась в худшую сторону, потому что были в моей жизни и лучшие годы...

Кого винить, что деревня живет плохо? Только власть! И только власть! Она хороших людей в деревне загубила. С этого все и началось.

Остались одни лодыри, лентяи, предатели да ловкачи, которые никогда деревню поднять из нищеты не смогут.

После такого гонения и издевательства над людьми мы так и не смогли восстановить сельское хозяйство.

ДОКУМЕНТ №110

Королева Мария Федоровна родилась в 1927 г. в Тамбовской обл. Рассказ записал Лунегов Евгений в 1998 г.

Семья была большая – 10 чел. Отец наш умер рано, в 42 года. Старший мой брат стал нам за отца. У него было своих трое детей, да нас пятеро. Тогда все семьи такими были. Пять детей считалось нормой. Вместе с родителями и стариками семья насчитывала 10, а то и 11 чел. Главным всегда был отец или дед. Старших очень уважали и слушались. Они детям по два раза не говорили. Их слушались с первого раза.

Питались скромно: каша, картошка, борщ. Хлеб выпекала мама. В магазинах ничего не покупали. Всё было своё. Одежда переходила от старшего к младшему, а от него к следующему. Младший за всеми донашивал обноски.

Мы узнали, что такое голод. Это было в 1932 г. Это я хорошо помню, хоть и маленькая, вроде, была. Нас мама посылала за травой и делала потом из неё разные кушанья, даже оладьи. Кормила нас три раза в день. Но разве трава - это еда?!

Нам всё время хотелось есть. Хорошо, что у нас была корова. Это нас и спасло. Голод был чувствительный. Не хотелось ни играть, ни веселиться. Всё время хотелось спать. Мать нам всё время говорила: «Да вы поиграйте, поиграйте». А мы на солнышко выйдем и лежим. Нам ничего не хотелось делать – ни ходить, ни играть. Это было так мучительно!

У нас говорили, что тот голод возник из-за колхозов. У людей всё отобрали: скот, инвентарь, семена. Вот голод и пришёл.

Перед войной как-то всё наладилось.

В деревне люди дружно жили. Праздник настанет, все несут кушанья беднякам. Ведь и они должны празднику радоваться. Они и радовались вместе со всеми. Не чувствовали свою бедность. Все тогда были какими-то желанными друг другу. Жалели друг друга. Сейчас-то не пожалеют...

Когда мы пошли в школу (нам было по восемь лет), формы у нас, конечно, никакой не было. Платья были сшиты из ситца. Но всегда они были чистенькими и аккуратными. Нам учиться очень хотелось. Помню и свою первую учительницу – Софью Михайловну. Она одна вела все уроки. Привила нам честность и любовь к людям.

Я доучилась только до 6 класса. А за 7 класс уже нужно было платить деньги. Поскольку нас училось в семье сразу трое, то решено было платить только за брата. А вы, девчонки, мол, и без 7 класса обойдётесь.

Мы пошли работать в колхоз. Хотя мы и подростками были, но работали наравне с взрослыми. Денег нам не платили. За работу ставили только трудодни. Осенью на них мы получали продукты. Так и жили. Было, конечно, и веселье. Ведь это молодость!

Сказать лишнего тогда ничего нельзя было. У нас одна женщина пришла на выборы, написала на бюллетене: «Я - за православных». На второй же день её забрали и посадили. Как узнали, что это именно она написала, – не знаю. Но она стала врагом народа. Ну какой же она враг? Как только сказал что-нибудь не так – сразу же ты враг народа.

Забрали... и с концами! Никто тебя больше не увидит. До сих пор не знаем, куда они подевались – то ли в ссылку, то ли расстреляли. Только нет их. Поэтому люди старались не говорить ничего. Политические книги читать не разрешали. Хотя много мы понимали? Политические они или какие ещё. Мы – темные головы. Нас дурили, а мы не понимали. Обманывали. Затуманивали всем глаза. Сейчас хорошо. Не боишься. Жизнь изменилась. Все всё понимают.²⁶² А жизнь хуже стала!

Нами руководили власти. Мы их считали своими хозяевами. Они о нас заботились. Никакой враждебности ни к главной власти, ни к местным властям мы не испытывали, не чувствовали. Считали своим долгом подчиняться им. За мою жизнь много сменилось правительств. Мы жили и работали, а нам платили зарплату два раза в месяц. Может быть, правительство и воровало для себя, но оно беспокоилось и о людях.²⁶³ Жили мы себе потихоньку.

Ленин и Сталин – наши вожди. В детстве нас учили стихотворению: «И пять ночей в Москве не спали из-за того, что он уснул. И был торжественно печальным в Москве почетный караул».

Сталинские времена были очень жесткими. Много погубил он невинных людей в войну и после войны. Но мы всё терпели. Думали, что он вождь и ему всё позволено. А мы, глупый народ, всё терпели и выживали.

---

²⁶² Это очень сильное преувеличение. Без специального политического просвещения понять сущность происходящего большая часть нации не может. А этим просвещением в 90-е годы ни одна из либеральных партий (ДВР, Яблоко, СПС) не озадачивалась. Потому большая часть россиян и осталась в плену коммунистических иллюзий. Особенно ярко это проявлялось на выборах.

²⁶³ Главной заботой советского правительства была мировая социалистическая революция и военно-промышленный комплекс. О людях заботились лишь по остаточному принципу. Потому советские люди и жили в нищете. Нередко это была борьба за физическое выживание.

А Брежнев очень любил награды. Он хоть и воровал, но не забывал о рабочих. Давал вовремя зарплату. Нынешнему правительству сейчас не до нас. Что-то всё делят-делят. Не поймёшь. Себе нахватывают, а мы ...

Настал 41-й год. Наши братья и отцы пошли на войну. Остались женщины, старики да дети. Вот тут нам досталось! Всё гнали на войну. Еды нам не хватало. А работали с утра до ночи, без выходных. В магазинах продуктов не было. Цены на них были небольшие.

Мы должны были работать не только на полях. Нас посылали на лесозаготовку.

В сталинские годы было строго! За украденный килограмм пшеницы давали 5 лет. Наверное, поэтому и не было воровства.

Жили дружно, помогали друг другу. Были вместе и в беде, и в радости. Не закрывались на замки, не делали решетки на окна. Жили бедно, но на душе было спокойно. А сейчас посмотришь на любую квартиру: стоят железные двери, на окнах решетки. Никто ни к кому не ходит. Живут на одной площадке, а друг друга не знают. На улицу вечером боишься выйти. Детей невозможно выпустить – то избьют, то изнасилуют. И это жизнь?!

Может быть, люди сейчас материально живут лучше, но на душе у них никакой радости, никакого счастья нет!

Мы с мужем уехали из деревни. 20 лет жили в Киргизии. Я работала в лаборатории, получала 110 руб. и воспитывала сына. Потом мы переехали в Кемерово. Я горжусь своим сыном. Он в 1972 г. с отличием закончил Томский институт, встал на ноги. Мне за него краснеть не приходится.

Во время отпуска каждый год ездила на курорт. Давали и бесплатные путевки. Начальство беспокоилось. Очень хорошо было. О людях заботились. Лекарства стоили копейки. Уколы делали бесплатно.

Но за границей не была. Денег на книжке у нас нет и никогда не было. С мужем мы проработали по 30 лет. Получаем пенсию по 330 руб. Разве на неё проживешь? Спасибо, дети помогают. А у кого их нет?

В 60-е годы все стали богатеть. Правда, машин у людей было мало. Мы же о ней даже и не думали. А сейчас машины у каждого. Боишься даже на дорогу выйти, чтобы не сбили.

Тогда и богатые были, и бедные. Люди по-разному жили. Но душевно они были богаче. Со всей душой относились друг к другу. Все друг друга знали.

Муж с 1983 г. парализован. Ему надо много лекарств. Поэтому и жизнь наша беспокойная. И реформы мы воспринимаем с волнением. В магазинах сейчас всё есть.

Но посмотришь на людей, все они какие-то злые. Разве это жизнь? Никому нет ни до кого дела. Нет никакого родства. Некоторые не знают со своими родителями. А родители ненавидят своих детей.²⁶⁴ Куда делась доброта к людям? Куда делась честность и справедливость?

Советую молодому поколению с уважением относиться к людям, особенно к пожилым.

---

²⁶⁴ Вряд ли такая практика могла сложиться за годы реформ. Противоестественное дистанцирование детей от родителей стало следствием порочной практики воспитания подрастающего поколения в духе Павлика Морозова, который предал отца, а его воспели в песнях и призывали советских пионеров подражать ему.

ДОКУМЕНТ №111

Чумакова (Торгунакова) Елизавета Михайловна родилась в 1927 г. С 1949 г. живет в Кемерово. Рассказ записала внучка Князева Наталья в 1996 г.

Моего отца, Торгунакова Михаила Лавреньевича, арестовали в 1937 г. как кулака и врага народа. У нас забрали дом, 3 коровы, лошадь, овец, кур, свиней, весь инвентарь. Наш дом был самый просторный в селе. Поэтому в нем сделали школу. А больная мама (Дарья Григорьевна) и мы, её малолетние дочери, были выкинуты на улицу. Нам разрешили жить в собственной стайке. Нас не спасло и то, что отец служил в Красной Армии, имел орден и был народным депутатом.²⁶⁵ Его осудили по 58 статье, навесив много пунктов. Из 50 дворов, имеющихся в селе, тогда раскулачили три.

Арестовали отца банально. Зашли к нему ночью местные сельские активисты и сказали, что его вызывают в контору. Сразу же, по темноте, посадили в телегу и увезли. Он абсолютно ничего не успел с собой захватить. Как был в фуфайке и галошах, так и увезли. Сначала привезли в Силино, а оттуда – в Кемерово. В 1942 г. пришло официальное известие, что он умер от менингита. А в 1959 г. КГБ нам сообщило, что 15 августа 1942 г. его расстреляли. Стреляли тогда кулаков в Ягуновке. Тела сбрасывали в ямы и овраги, которых там было полно. Их также жгли на кострах.²⁶⁶ Так что даже могилки от отца не осталось.

Что было делать? Мама поплакала - поплакала, да и успокоилась. Тогда это воспринималось как норма!²⁶⁷

Жаловаться было некому, да и некуда. Она несколько раз ездила в Силино, подписывала какие-то бумажки, дала подписку о невыезде. Соседи от нас шарахались, как от чумных. Боялись дать даже огня.²⁶⁸ Девочек не приняли в пионеры, а потом в комсомол.

---

²⁶⁵ В годы массовой коллективизации (1929-1933 гг.) даже одно из положений данного «набора» гарантировало от раскулачивания. В годы массовых репрессий (1937-1938 гг.) это уже не имело значение. Любого человека – наркома, крестьянина, красноармейца, орденосца, депутата, русского, поляка, эстонца и др. легко превращали во врага народа.

²⁶⁶ Это было действительно так. В Ягуновке был один из первых в мире (если не первый) лагерь уничтожения, куда заключенных доставляли только с одной целью.

²⁶⁷ Чудовищное по смыслу, но верное в действительности заключение крестьянки.

²⁶⁸ Знаки предрасположения к семье врага народа могли быть квалифицированы как «связь с врагом народа». За это можно было жестоко поплатиться. Об этом дает представление документ в конце рассказа.

На всю нашу большую семью я работала с 7 лет, толклась по хозяйству, следила за сестренками. А после ареста отца пришлось идти работать, как взрослой, в колхоз. Закон о запрете детского труда здесь не действовал. Дети вместе с взрослыми пололи колхозную картошку, капусту, ворошили, сгребали, скирдовали сено. Делали всю работу. Домой приходили еле живые от усталости. Немного отдохнешь, бывало, и на колхозный огород. У каждого был свой участок, но он принадлежал не нам, а колхозу. На нём росли картошка, лук, у некоторых - табак (но его обычно выдирали). За эти участки очень сильно гоняли, требовали хорошего урожая. Но урожай часто пропадал без полива. Кто ж его польет, если целый день колхозник на поле или на покосе?

До ареста отца мы питались хорошо: картошка, свинина, яйца, молоко, рыбы. Много солили грибов. Пшеницу сеяли сами, сами же её молотили. Хлеба было вдосталь. Сено косили неподалеку на лугах. После ареста отца у нас начался голод. Есть стали всего два раза: только утром и вечером. Ели гнилую картошку, очистки, пустые крапивные щи, лебеду, морковку, саранки (клубни лесных лилий), отруби. Маленькие дети умирали.

В войну ели ещё хуже: тошнотики из мерзлой картошки или очисток, черный горький хлеб (его пекли из чего попало). Нам в нашей стайке было холодно. Из щелей дуло. Мы их затыкали чем попало. Но не помогало. Дрова (сухостой) надо было на себе привезти из лесу. Лошадь колхоз нам не давал.

В таких условиях на учебу смотрели, конечно, сквозь пальцы. Но мы всё равно были одни из лучших учениц. Однако, несмотря на это, всех Торгунаковых вычеркнули из списка, когда пришла из города разнарядка на курсы комбайнеров. В нашей деревне была только четырехлетка, а в настоящую школу ездили в Елыкаево.

Для учебы условий не было. Писали на полях газет сажей, разведенной в воде. Мы и жили так же. Мылись и стирали щелоком, так как мыла не было. Керосина, спичек тоже не было. Носили тряпичные пимы (раньше их катали из овечьей шерсти).

В 1949 г. мы переехали в Кемерово. Долгое время у нас были проблемы с паспортами. Тогда паспорта выдавались только по справкам из колхоза, а в Силино что-то нам напутали. За нами была организована слежка «органов». Мама должна была ходить и регулярно отмечаться. Я работала уборщицей и одновременно училась в училище на швею. Сестра Валентина пошла на курсы бухгалтеров. Нина тоже училась в училище. До 1958 г. мы всегда заполняли анкеты, в которых указывали про судимость

отца. К нам везде относились как к людям второго сорта. Только после реабилитации отца к нам стали относиться лучше.

В 1960 г. вышла замуж, родила сына. Хотя мы живем отдельно, но он помогает, чем может. Держу свой огород, поросят.

Я считаю, что сейчас стало лучше жить. Плохо живет сейчас тот, кто жить не умеет. Это как с кулаками. Кулаки были не вредителями. Они были настоящими хозяевами. А советская власть приучила людей не заботиться о своем будущем.

К коммунистам отношусь плохо. Считаю, что как прежние коммунистические лидеры, так и нынешние политики - это не те люди, которые должны стоять у власти. Президента Ельцина – терпеть не могу. Стране нужен новый президент.

Но в числе нынешних политиков его я не вижу.

Приложение (архивные документы):

Дело

Овчинникова А.Ф. о скрывании от партии своего социального происхождения.

Слушалось на заседании бюро Эйхевского Райкома ВКП(б) г. Кемерово, Новосибирской области.

13 ноября 1937 года.

г. Кемерово.

[...] 10. Слушали : Дело Овчинникова А.Ф. (докладчик Т. Столбченко, зам. секретаря РК).

Очинников Алексей Федорович, первичной парторганизации Эйхевского Райсовета. Член ВКП(б) с 1932 г., п/билет №0119920, рождения 1905 г., образование сельская школа, по социальному положению рабочий, занимая должность зав. райфо Эйхевского Райсовета. Партийных взысканий не имеет.

Суть дела: Овчинников имел тесную связь со своим зятем (муж его сестры) Звячиным Василием, крупным кулаком, брат которого раскулачен и выслан в Нарым. По приезду на Кемеровский рудник Овчинников, как пом. заведующего лесным складом, Звячина устроил на лесной склад и парторганизацию не поставил в известность об этом.

Кроме этого, Овчинников скрыл от партии свое социальное происхождение, как во время его приема в партию, а также во время проверки хода партдокументов, и при разборе его настоящего дела.

По полученным данным из Ижморского райкома ВКП(б) от 12/XI 37 г., что Овчинников А.Ф. происходит из села Красный Яр Ижморского

района, имел крупное кулацкое хозяйство; имели молотилку, жнейку, шерстобитку, держал батраков, хозяйство налогом облагалось как кулацкое. Все родственники Овчинникова крупные кулаки. Некоторые из них сосланы в Нарым и другие расстреляны, как активные враги Советской власти. Брат Овчинникова Захар Федорович был церковным старостой до 1932 г.

Выступали: Белобородов; С Звячиным, своим зятем Овчинников имел связь до самого ареста. В своей практической работе как зав. Райфо Овчинников имеет жалость к частному сектору, не до обложения частных, а порой явная защита и запутывание дела.

Овчинников присутствовал и дал своё объяснение.

Постановили: Как чуждо-классового элемента и покровительство врагов народа, обманным путем пробравшимся в ряды ВКП(б) Овчинникова А.Ф. из рядов ВКП(б) исключить. Партбилет №0119920 изъят, и дело об нем направить в соответствующие следственные органы, [...]

Подписи.

ГАКО. Ф. П-14. Оп. 3. Д. 3. Л. 211

Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ №112

Кочетова (Романова) Пелагея Ануфреевна родилась в 1927 г. в д. Боровая нынешнего Кемеровского района. Рассказ записала Почуева Ксения в 2001 г. (г. Кемерово)

Семья наша состояла из шести человек: отец, мать, я, два брата и сестра. Я была в семье самая младшая. Сначала жили с бабушкой и дедушкой, а потом отец построил новый дом, и мы туда переехали. Сейчас у меня самой двое детей, муж, четверо внуков, одна правнучка. Одна дочь живет со мной, а также ее муж и две мои внучки.

Коллективизация у меня связывается с нищетой, голодом. Во время коллективизации я была совсем маленькая. Но помню, да и родители много раз вспоминали, что до колхозов у нас было свое хозяйство, и мы жили хорошо. До коллективизации дома были хорошие, большие огороды и еще были пашни за деревней. На лошадях ездили туда работать. Все было! Жили хорошо, сами на себя работали. До коллективизации все было. Кололи овец, делали шубы, ткали. Еда была своя, держали хозяйство, излишки продавали. На столе всегда было молоко, хлеб, мясо ели по праздникам и в выходные. Инструменты покупали. Какие могли - делали сами. Сани, телеги делали сами. У дедушки по материнской линии была даже мельница.

Мой дедушка ездил в г. Томск, покупал там товары, а здесь продавал. Был купцом. Он умер ещё до раскулачивания. А его сына во время раскулачивания забрали как сына купца. Куда его забрали, никто не знает. Те, кого забирали, уже никогда не возвращался. Прошло много времени. После войны прислали документ, что он погиб под Ленинградом невинный. Его жене дали пенсию.

Отец отказался вступить в колхоз, и нас раскулачили. Выселили из собственного дома. Забрали все: дом, скотину, хлеб, яйца, молоко, мясо. Мы стали жить у дедушки с бабушкой.

Отец был против коллективизации, потому что хотел работать на себя, а не на государство. Так потом говорили моя мама и дедушка с бабушкой. Поэтому отец, взяв нас, уехал на станцию Татарка. Там начал пить и через три года, в 1937 г., умер.

После смерти отца мать вернулась к дедушке и бабушке. Была вынуждена вступить в колхоз. В колхозе мы работали с утра до ночи. Сеяли, пололи. Дадут рядок полоть, а у него не видно конца. Так и полешь до вечера, пока норму не сделаешь. Если сделаешь, то поставят один трудодень.

В колхозе все получали мало. Кто не имел огородов, те жили бедно. Ходили побирались, и я тоже ходила побиралась.²⁶⁹ К нам (беднякам) относились сочувственно, с пониманием.

Кто вступал в колхоз, у них забирали скотину, провиант, а дом оставляли. Я видела в окно, как гнали табун коней, которых забрали у людей. А коров каждый сам отводил в колхоз. Все сдавали. А в колхозе говорили, что будем делиться со всеми.. Мол, объединим «беднячьи» силы, так будет легче прожить.

У нас в деревне забирали мужчин как врагов народа. Приходили ночью, говорили: «Собирайся!» Собирали их в сельсовет и оттуда уже никто не возвращался. В 1937 г. забрали полдеревни мужиков. Говорили, что они были дети богачей. Все они были люди хорошие, которые все свое богатство заработали своим трудом.

Протестов не было, все боялись. Вступать в колхоз отказывались, но против колхозов не протестовали.

В 30-е годы открыли шахту «Октябренок», затем шахту «Бутовка». Мужчины работали в шахте, женщины в колхозе. Работали световой день. Нам ставили трудодни. Пока норму не выполнишь, сам не уйдешь. Все делали по указанию районного управления. Потом нам за эти трудодни давали поесть. Давали всегда по-разному. Сначала колхоз рассчитывался с городом (то есть даром отдавал урожай по плану), а потом, что оставалось, делил между колхозниками. Иногда совсем ничего нам не доставалось. Каждый выживал, как умел.

До 1932 г. или до 1931 г. мы жили хорошо. Потом несколько лет были неурожай, и мы жили полуголодной жизнью.²⁷⁰ Голод повторился в войну.

Ели тошнотики. Хлеб в городе был по карточкам - 800 грамм на человека в день, на неработающего - 200 грамм. В деревне и этого не было. Моя сестра работала в столовой. За счет нее и выжили, поскольку она приносила домой суп. Особенно голодали летом, до нового урожая. Хоть и жили голодно, бедно, но дружно. Все между собой делились.

---

²⁶⁹ Психологи считают, что переход к попрошайничанию (если это не направление деятельности) чреват глубокими психическими изменениями личности, соматическими расстройствами. Тем более для людей некогда самодостаточных, каковыми были зажиточные крестьяне.

²⁷⁰ Типичное объяснение голода 30-х годов для советских людей, на себе не знавших доколхозной жизни. Респонденты, в сознательном возрасте встретившие коллективизацию, голод связывали с безхозяйственностью в колхозах (см. ДОКУМЕНТ №1 – 75).

Было воровство, за воровство судили. Сосед увез воз соломы, чтобы кормить корову, а ему дали 2 года. На колхозных полях не разрешалось собирать даже колоски. Если кто подбирал или срывал колоски, а объездчик это видел, то он забирал колоски, а тебя бил плетью, несмотря на то, был ли это ребенок или взрослый.²⁷¹

Мы были закрепощенными. Паспорта нам не давали потому, чтобы мы не уехали в город. В городе без паспорта не давали прописку, а без прописки не брали на работу. А без прописки и без работы тебя могли засудить и отправить в заключение.

После войны мы лучше жить не стали. Особенно были тяжелыми 1946 и 1947 годы. Многие тогда погибли с голоду. Хотя войны уже не было. И куда всё девалось?²⁷² Затем постепенно жизнь стала налаживаться. Цены снижались. Где-то после 1950 г. жизнь стала лучше.

Какие точно ограничения на личное хозяйство колхозников, я не помню. Помню, что были непосильные налоги на молоко (220 л. с коровы в год), шерсть, яйцо (100 яиц в год с семьи). Некоторые хозяйство не держали, но сдавать налоги должны были все. На личное хозяйство времени уходило много. Бывало, придешь с колхозного поля или фермы уставшая, а нужно корову доить, скотину кормить и т.д.

Все дети в деревне учились до четырех классов. А потом надо было ехать в город. В деревне было мало грамотных людей. Грамотным в деревне считался тот, кто окончил 4 класса. Желающих учиться было много, но возможности у крестьян не было. Так как было много домашней работы. Когда я родилась, моя сестра бросила школу, так как со мной некому было водиться.

У нас в деревне церкви не было. Церковь была за 20 км. от деревни, та, что сейчас называется Никольским приходом²⁷³. В церковь мы ходили по праздникам. У нас почти все веровали. В церковь шли охотно. В каждом доме были иконы, украшенные полотенцами. В то время многие церкви закрывали, поскольку правительство было против Бога. А почему так, я не знаю. К священнику мы относились хорошо, все его уважали.

---

²⁷¹ Одному из составителей этого сборника документальных рассказов самому пришлось отведать плетки объездчика в 1958 г., когда он двенадцатилетним подростком лакомился малиной в деревне Октябринка (под г. Киселевском).

²⁷² Советское правительство было озабочено развитием мировой социалистической революции как своей главной стратегической линией во внешней политике с 1917 г. по 1987 г. Рассчитывали, что, получив от СССР еду, народы стран Восточной Европы и Азии, где находилась Советская армия, станут строить социализм.

²⁷³ Находится в Кировской районе г. Кемерово. В 60-80 - годы она была единственной церковью в г. Кемерово.

Родители при нас никогда не говорили о политике, да, наверное, вообще не говорили, так как боялись.

В деревне остались брат и сестра. Сестра работала в совхозе, а брат в шахте «Бутовская». Я окончила ремесленное училище и стала жить в Кировском районе г. Кемерово, работала на заводе «Прогресс». Вышла замуж. Мои дети родились в Кемерово, где и сейчас живут.

За границей не была ни разу. А на курорте была очень часто. В Крыму, на Кавказе, в местных домах отдыха была, ездили за счет путевок, а иногда дикарями.

Как изменилась жизнь в годы реформ? Да кто его знает! Тогда жили, ничего не имели, потому что в магазинах ничего не было. А теперь - есть, да пенсия маленькая, на нее много не купишь.

ДОКУМЕНТ №113

Бабикова Ксения Даниловна родилась в 1928 г. в д. Барановка Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка)²⁷⁴

Я родилась и всю жизнь прожила в Барановке. Родители работали в колхозе, поэтому хозяйство у нас было небольшое. Отца раскулачили в 1937 г. и отправили на Север. Из нашей деревни тогда многих мужиков угнали. За несколько приемов не менее 40 семей репрессировали.

Мы по привычке это раскулачиванием называли.²⁷⁵ А деревня в то время у нас не шибко большая была. Мне тогда девять лет было. Помню, собрали их в конторе, а нас туда даже не пустили с отцом проститься. Его увели, и больше мы его не видели. Гнали отца вместе с другими мужиками до конца деревни. Мужики пешком идут, а охранники - на конях их гонят, Так и погнали по тайге в глушинку (плачет).²⁷⁶

Потом от отца письма приходили из Приморского края. Писал, что работает на известковом заводе. Подробностей, конечно, не сообщал. Оно

---

²⁷⁴ Въезжаем в деревню. В первом, наугад выбранном дворе, спрашиваем про старых жителей деревни. Вышедшая к нам опрятная женщина в рабочей одежде с охотой объяснила, куда нам можно съездить, и сама согласилась побеседовать. Прохожу через уютный двор в добротный дом. Чувствуется в доме хозяйка: цветы на подоконниках ухожены, в доме нет пыли, чисто, воздух свежий. Сама хозяйка выглядит гораздо моложе своих лет, и её никак нельзя назвать семидесятилетней. Прожив, как выяснилось, непростую жизнь, она не озлобилась. Прощаясь, с улыбкой всё спрашивала, скоро ли, мол, за ней придут из карательных органов в связи с её рассказом. Она, конечно, понимала, что в стране теперь многое переменялось, но страх перед властью, накопленный за долгую жизнь, не ушел. «Мало ли как бывает, - говорила она, - власть - она и есть власть». Летом 2003 г. составители сборника вновь посетили Ксению Даниловну и вручили ей свою книгу «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе (М., 2003. – 103 с.), написанную с использованием в том числе и её высказываний.

²⁷⁵ 1937-1938 гг. были временем массовых репрессий, которые «подтверждали» высказывание Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) о том, что с завершением построения социализма (о чем декларировалось в Конституции 1936 г.) классовая борьба обостряется. Это «теоретическое» обоснование репрессий Сталин выводил из главного марксистского постулата о том, что классовая борьба является движущей силой истории. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», - с этого утверждения начинается «Манифест коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса (1848 г.).

²⁷⁶ Об этом же эпизоде см. в рассказе Климовых (матери и дочери).

и понятно: цензура же была. В 1942 г. от него пришло письмо, в котором отец писал, что ослеп и что его, наверное, скоропустят домой. Мы его всей семьей ждали. Как мы его ждали! Как ждали! Но отец так и не приехал... И писем больше от него уже не приходило. Что с ним случилось, мы так и не узнали. Нас мама одна растила. А было у неё нас девять ребятишек.

Из репрессированных мужиков никто домой так и не вернулся. Нет, подождите, один только дядя мой и пришел. Его вместе с моим отцом забирали. Он рассказывал, что тогда гнали несколько тысяч мужиков. Угнали всех на Восток строить железную дорогу.²⁷⁷ Почти все они погибли от голода и невыносимых условий труда и жизни. Из тех тысяч, по его словам, выжили только несколько сотен. А больше он ничего не рассказывал. Несловоохотлив он стал после той ссылки. В то время за лишнее слово могли снова забрать.

Когда людей раскулачивали, то имущество отбирали. У нас забрали дом, амбар, косилку, коня. Нам еще повезло, так как мы получили маленький домик вместо нашего. Хоть на улице не остались. В школе нас учителя попрекали, что мы кулацкие дети. А соседи относились к нам нормально. Все оказались в одинаковом положении. У нас не оказалось ни одного человека, у которого бы не раскулачили родственника: в деревне же все друг другу - родня.

Судьба по-разному распорядилась моими сестрами и братьями. Одного брата, с 1914 г. рождения, органы²⁷⁸ забрали в 1940 г. Он колхозных жеребят пас. На него написали, что кобыла отелилась, а жеребенок пропал по его вине. Брата сначала послали «гнать кубатуру» в Барзас. А потом, рассказывали, приехал «черный ворон» и его увез куда-то. Никакого следствия и суда не было. Никто его больше никогда не видел. Он пропал навсегда. А жеребенок тот потом нашелся. Он в чьем-то доме был заперт. Но властей это уже не интересовало.

Другой брат в 1943 г. погиб в Сталинграде. Еще один брат ТЭЦы и ГРЭСы поднимал во время войны. Один брат сейчас на Урале живет. Старшую сестру мобилизовали на шахту «Бутовскую». Ей тогда, кажется, еще и 18 лет не было. Она вагонетки катала. Задавило ее там. Другая

---

²⁷⁷ Это и объясняет причину того, что арестовывали самых работающих мужиков. Стройкам социализма была нужна бесплатная рабочая силы.

²⁷⁸ Словом «органы» народ обозначал все «правоохранительные» структуры: милицию, «чекистов», суд, прокуратуру.

сестра в колхозе работала. Обуть ей нечего было, она босиком и работала. Простыла и умерла.²⁷⁹

Мама работала в колхозе, и мы ей помогали. Я травку на поле дергала, еще совсем маленькая была, отец тогда с нами ещё жил. Тогда дети работали в колхозе как взрослые. Соберут ребятешек 1928-29-30 годов рождения (то есть, семи-девяtilетних) и отправят на прополку поля. Нас, ребятешек, не отпускали на ночь домой. В кустах, около поля, стояла будка, мы в ней и ночевали. Рано утром вставали и шли в поле работать. Хотя и маленькая была, а тяжело было, уставала. Да и питались плохо. Наварят нам на поле картошку, кисель овсяной и хлеба 200 грамм на день дадут. Никакой войны тогда ещё не было. А когда я чуть подросла, уже поля корчевала, снопы вязала.

В колхозе мы работали по многу часов. За работу нам записывали трудодни, на которые в конце года выдавали муку или зерно. Денег нам не полагалось. Жили впроголодь и до войны, и во время, и после войны. Женщины собирали после уборки урожая с полей картошку, зерно и еще что-нибудь для своих детей. За это их сажали в тюрьму как расхитителей социалистической собственности. Мама рассказывала, что одна бабка взяла из колхоза охапку сена для своей коровы. Отобрали сено у бабуся, чуть не побили. Не сослали ее, слишком старая была. Еще разные такие случаи были.

Мясо мы не ели. Да откуда у нас, у колхозников, мясо, масло? Даже тот, кто корову держал, этого не ел вдоволь. Налоги нас душили? Ох, как душили! Все нужно было сдать государству. Себе оставались крохи. Мы сдавали добротные продукты, а сами ели всякую траву-лебеду. А в войну детям, как иждивенцам, не полагалось хлеб выдавать. Мама в 1944 г. чуть не умерла с голоду. Свои рабочие 200 грамм делила с моей младшей сестрой и с детьми родственников, которые у нас тогда жили.

Но в колхозе не все бедствовали. Конторские и начальство жили хорошо. Они и питались, и одевались лучше, чем колхозники. Работали не так, как мы в поле - от зари до зари.

Мы сами пряли, ткали. В магазинах купить нечего было, да и денег не было у колхозника. Если ситчик какой раздобудешь, так это на праздник. Тогда не то, что сейчас, довольствовались самым малым. И мебель была самая простая. Когда отца забрали, из мебели в нашем доме была одна самодельная деревянная кровать с самоткаными подстилками, стол и круговые деревянные скамейки.

---

²⁷⁹ Видимо, история этой семьи может претендовать на типичность для того поколения советских людей.

У нас даже паспортов не было. Горожанам паспорта выдавали, а колхозникам нет. А без документа никуда не уедешь. Когда их дали, люди быстро из колхозов разбежались - кто куда. Пенсий колхозникам не платили. Мама уже старенькая была, она ничего не получала. А когда брат на фронте погиб, ей за него платили сначала 16 руб., потом 24 руб., 40 руб.

Моя пенсия сегодня 291 рубль. Этой пенсии ни на что не хватает. А я ведь с детства работаю. Неужели так всю жизнь будет? Работать без отпусков и ничего не получать. Достатка не видеть. Никуда за свою жизнь я не ездила. Отпуска в 15 дней появились только после войны. А до этого даже понятия такого не было. Вместо отпуска я брала денежную компенсацию и в отпуск не ходила. У меня было пятеро ребятишек. Денег на проживание не хватало. А на эти 40-60 рублей можно было купить поесть что-нибудь и одежду кому-нибудь справить. Это очень небольшие деньги. Я только в последние года перед пенсией брала отпуска. А так всю жизнь работала.

Знаете, что интересно, в колхозе хоть голодно жили, тяжело было работать, но с песнями на работу и с работы ходили. Народ веселый, добрый был, не то что сейчас. Пели, наверное, потому, что это родители в нас вложили. Старые традиции соблюдали. Мама говорила, что раньше, в старину, люди часто пели.²⁸⁰

Истребили в нас традиции предков!

Нам даже в Бога запрещали верить. Я вот сегодня не знаю, верующая я или нет. В церкви в войну зерно держали. После войны клуб там сделали, а потом ее подожгли, и она сгорела. Старушки всегда церковные праздники отмечали – Пасху, Крещение, Рождество, Масленицу.

Я не помню, что говорили родители о колхозах. Многие не приветствовали создание колхозов. Но всё равно все работали и молчали. Кто недоволен, того быстро по этапу отправят. После войны ходили слухи, что колхозы распустят. Но этого не произошло.

Во время войны думали, быстрее бы война закончилась. Думали, Гитлер в наших бедах виноват. Война закончилась, Гитлера уничтожили. И что? Как жили плохо, так и жили! Конечно, не в таком уже голоде. Ситчик в магазине можно стало купить. И то...

---

²⁸⁰ Такое объяснение массового распространения песенной культуры – типичное для людей старшего возраста. Советские же пропагандисты (к ним относится и значительная часть даже современных историков и философов) феномен песен (на работе, по пути на работу и с работы) объясняют счастливой жизнью советских людей.

Когда мне исполнилось 14 лет, меня мобилизовали в ФЗУ (фабрично-заводское училище).²⁸¹ Я стала штукатуром-маляром. До мобилизации я успела закончить 6 классов, а там уже не до учебы было. Нужно было работать. В нашей деревне все ребятишки учились. Хотя бы один класс, да закончили.

В школе нас заставляли вступать в пионерию. Но мы с подругами туда не пошли. Почему-то не захотели. И в комсомол, и в партию я не стала вступать. Боже, упаси! Бог спас от такой чертовщины!

В 1947 г. я вышла замуж. Мужик мой в колхозе работал. Дадут на человека 8 кг. муки и растягиваешь её, чтобы на месяц хватило. Но мы как-то жили. Привыкли ко всему. Сейчас сама удивляюсь, как мы выжили!

Как-то так получилось, что мы с подругами со своими будущими мужьями не дружили, просто сходились и всё. Некогда было дружить. Как-то не до свадеб было. Мой - с армии пришел, мы с ним и сошлись. И прожили вместе 50 лет. Когда замуж вышла, долго жили с мамой. У нас уже родилось пятеро ребят, мы только тогда смогли купить себе ма-а-аленький домик. Потом нам дали дом, да такой холодный, что вода замерзала. Дом, в котором сейчас живу, мы купили в конце 70-х, и тогда же более-менее стали обзаводиться мебелью, более приличной одеждой.

Я - человек немолодой. И вижу, что неправильно люди живут. Воруют много. Все разворовали. А может, и воруют потому, что смысла в работе не видят. Это мы работали. А они на нас смотрят и говорят, что хоть работай, хоть не работай, все равно добра не наживешь.

---

²⁸¹ С 1940 г. действовал закон «О государственных трудовых резервах СССР», обязывающий городские и сельские советы депутатов ежегодно (от 800 тыс. до 1 млн. чел.) мобилизовать юношей и девушек 14-17 лет в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) в расчете: 2 «рекрута» на каждые 100 членов колхоза. Окончившие школы ФЗО считались мобилизованными и были обязаны работать 4 года на тех предприятиях, куда они посылались. (См. Указ президиума Верховного совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929-1940 годы. М., 1967. С.774-775). За уклонение от этой четырехлетней отработки (мобилизации) предусматривалось уголовное наказание. Были и другие узаконенные мероприятия по «комплектованию рабочей силы»: трудовые армии; принудительная работа колхозников на лесозаготовках, строительстве дорог, расчистке железнодорожных путей от снега; принудительное переселение специалистов в деревню, отдаленные районы страны; обязательная норма трудодней, за невыполнение которой следовало уголовное наказание колхознику; уголовное наказание за невыход на работу горожанина в течение трех месяцев и т.п. Такой порядок существовал в СССР в соответствии с марксистской теорией о трудовой повинности при социализме. Фактически это была жесткая система внеэкономического принуждения человека труда.

Многое, конечно от главы страны зависит, от народных избранников, от начальства. В мою молодость голосовали только за одного кандидата в депутаты. Только он один и значился в бюллетене, никакой другой фамилии, чтобы нам выбрать, там не было. Чтобы явку избирателей обеспечить, на избирательном участке столы с едой накрывали. Буфеты привозили, чтобы люди купили какой-нибудь дефицит. Пойдешь, проголосуешь, пообщаешься. Я и сейчас на выборы хожу.

За Ельцина голосовала. Поверила ему, думала, нашу жизнь исправит. Разуверилась в нем так, что даже за Жириновского как-то голосовала (смеется). А больше я на выборы не пойду. Теперь кому верить-то? Кому верить!? Верить – то уже некому! Посмотрите, депутаты дерутся. Ведь это чудо! Стыдно мне за них.

Знаешь, милая, разговорила я с тобой... Старое вспомнила. И вижу, что ни одного яркого воспоминания мне из своей жизни что-то не приходит. Пожелаю ли я детям такой судьбы? Господи, помилуй! Наши дети уже не увидят нормальной жизни. Внукам бы она хоть досталась! Я им желаю, чтоб они жили не так, как мы. И войны чтоб не было. Пусть лучше нас живут!

Наговорила я тут тебе на свою шею. Вот придут и уведут. Скажут, наболтала бабка лишнего. Деда же увезли! Боюсь ли я? А ты как думаешь? Конечно. Ой, заберут меня, заберут (смеется).

ДОКУМЕНТ №114

Васильева Валентина Петровна родилась в деревне под Омском в 1928 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково)

Я, конечно, могу рассказать про то, что ты, девушка, спрашиваешь. Но не заберут ли? Ведь не шутка в деле, я стану говорить не так, как про то в книгах написано. Про правду жизни мы только промеж собой могли говорить. Да и то... Это сейчас всё можно говорить. Мы привыкли к другому. С начальством или с кем приедем мы всегда знали, как говорить. Как нужно им, так мы и говорили.

Родилась я под Омском в 1928 г. Родители переехали в Сибирь, когда в нашей деревне начали раскулачивать. Сначала отец устроился на бурразведку в г. Щегловске (сейчас Кемерово), потом подался на прииски. А нас, маму и четверых детей, отвез в Щегловский совхоз. До этого мы жили в бараке.

На приисках он ничего не заработал. Приехал к нам в Щегловский совхоз, и мы остались там жить. У отца был свой движок, и его с этим движком попросили поработать по найму в соседней деревне Подъяково. Тогда там не было ни одного трактора. Так в 1936 г. мы переехали сюда, в Подъяково. Отец сначала получал за свой труд деньгами и хлебом, а потом ему пришлось записаться в колхоз. То есть, из свободного работника, нанятого за деньги, он превратился в колхозника.

А в колхозе что...? Денег не платили! Колхозникам за трудодни выдавали зерно или мед. В нашем колхозе им. Сталина была своя пасека. В конце посевной или уборочной для колхозников делали праздник: всех бесплатно кормили и поили медовухой.

Пока мы были совсем маленькими, наша мама в колхозе, кажется, не работала. Не помню, врать не буду. А когда мы чуть подросли, сами стали работать в колхозе. Мне было меньше одиннадцати, а я ходила полоть траву, вязать снопы.

Знаешь, как работали? От зари до зари! Рано утром все были уже в поле - и ребяташки, и взрослые. Кто пашет, кто силос закладывает - у всех работа была. Хорошо работали, не то что сейчас (тяжело вздыхает). Уставали, правда, сильно! Из-за работы нам даже некогда было дружить с парнями. У нас не принято было делать подарки друг другу при ухаживании. Да и что колхозник мог подарить? Нищие мы были! Нищие.

Работали почему-то с песнями. Солнце на закат, а мы домой идем с работы и песни поем. Весело как-то было. Хотя материально беднее, но

дружнее и веселее. На праздники все собирались: и взрослые, и ребяташки, и молодежь. Это еще со старых обычаев осталось, чтоб вместе и чтоб без пьянки. Сейчас как вспомню, так душа замирает. От отцов нашим отцам такое досталось. Но куда-то оно делось при нас постепенно...

Материального достатка у нас в семье не было. Но нищими мы себя не считали. У нас дом большой был, две комнаты. Во дворе - стайка, баня. Баня по-черному топилась. Это когда печка без трубы. Получается, что баня натапливалась не только огнем, но и дымом. Копоти на стенах, конечно, было полно. Но запах в такой бане был непередаваем – здоровый, свежий, родной. В деревне почти у всех бани были.

Мебель в доме вся самодельная: буфет, стол, скамейки, диван, 2 кровати с матрацами из соломы. Белья постельного тогда не было, спали одетыми. Кому места на кровати не хватало, тот спал на полу. Одевались в холщевую одежду. Это такая ткань, похожая на мешки. Мама из такого холста нам одежду шила. То, что сошьет, мы долго носили.

Постарше мы стали, мама шила нам платьишки из ситцевых мешочков, которые были тарой на заводах в Кемерове. Эти мешочки работники заводов воровали и на базаре продавали, а люди из них одежду шили. Я уже девушкой была, когда мама сшила мне платье из газового материала и выкрасила химическими чернилами. Я в этом платье приду на танцы, а наши ребята говорят: «Москвичка пришла». По тем временам это было такой роскошью! А в общем-то мы носили что попало. Купить негде было, да и какие у колхозника деньги?! За свою жизнь я так красивых вещей и не поносила. То купить негде, то денег нет. Обувь брезентовая, из шахтовых конвейерных лент её шили.²⁸² Галоши в продаже появились позже. Носили их

на босу ногу.²⁸³

Зимой носили фуфайки да пальтишки. Это в Сибири-то! Шубы были у тех, кто побогаче жил, кто с ранешних времен их сумел сохранить. Родители говорили, что до колхозов у всех сибиряков зимой основной

---

²⁸² Конвейерная брезентовая лента (списанная с угледобычи) распаривалась в банном котле и раздиралась на слои. Резиновый слой шёл на подошвы, а прорезинованные слои (грубая ткань, пропитанная резиной) – на верх тапочек. Подошва пришивалась дратвой так мастерски, что тапочки не промокали. По верху тапочка вдоль носка каждый мастер делал свой простенький разноцветный орнамент, что придавало обуви известный «шик» и «моду». В таких тапочках в 50-е годы летом ходили почти все взрослые и особенно дети шахтовых поселков и городов. Цена такой пары обуви (её хватало как минимум на сезон) была эквивалентна 4-7 булкам ржаного хлеба.

²⁸³ Для женщин были даже галоши на каблуках.

одеждой были шубы из овчины. Почти в каждом доме тулупы были, в которые можно было завернуться в саних с ног до головы.²⁸⁴

Мне кажется, что всю жизнь мы только и работали. И вспомнить нечего! А питались плохо: травой да всяким подножным кормом. Во время войны я поварихой работала, картошкой, кашей и киселем овсяными питались. Тошнотики ели. Такая гадость!²⁸⁵

Голодно было всегда - и до войны, и во время неё, и после победы. Когда шли на работу в поле, то еду брали со своего огорода: картошку, огурцы, капусту. На поле для колхозников варили, но этим наесться было нельзя: каши да кисели. За них потом высчитывали из трудодней.

Мы всегда полуголодные были. Люди выживали, кто как мог. Собирали отходы, то, что на поле оставалось после урожая. Но тогда закон был, в народе его прозвали «Закон о колосках», который запрещал такой сбор. У нас две женщины взяли отходы в колхозе. Их поймали и дали по три года. За что?! У одной из них было много детей, ее судили и увезли. А другую оставили отрабатывать в колхозе. Их односельчане жалели. Все же так делали. Но попались они. И наша мама ходила по полям, собирала колоски.

А как нас налоги давили? Просто ужас! Шерсть отдай, мясо, яйца, молоко - всё отдай. И ничего нам за это не платили. Держали живность в хозяйстве, потому что где какой носок свяжешь, где валенки скатаешь... Выкручивались. Своё имеешь, а пользоваться не смей!

От налогов и от колхозов убежать было нельзя. Не было у колхозников паспортов. Наверное, потому нам их не выдавали, чтобы мы все не разъехались, не разбежались. Кто бы тогда работал в колхозе? Только после войны молодежь стали отпускать учиться на трактористов, комбайнеров. Да и то не всех желающих, а только того, кого председатель пожелает отправить.

Председатель был из приезжих. Малограмотного к нам прислали. Грамотным хорошо было: они могли в конторе работать. О! Это куда лучше, чем на поле работать от зари до зари! Я сегодня внучке говорю,

---

²⁸⁴ В 60-80-е годы шуба из стриженной овчины (дубленка) была официально обозначена в качестве роскоши.

²⁸⁵ На презентацию одной из своих книг (Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М. 2003. – 103 с.), в которой тошнотики упоминались, составители данного сборника воспоминаний испекли их из картофеля, провалявшихся зиму в гараже. Хотелось приблизить читателей к атмосфере тех лет. Получилась такая откровенная гадость с устойчивым туалетным запахом, что продемонстрировать эту советскую «еду», описанную почти всеми респондентами, авторы не рискнули.

чтобы она училась и закончила, самое малое, 11 классов. Ученой легче прожить.

Мы вот, сколько себя помню, всё впроголодь жили, хоть и работали честно. Жить легче стало только при Брежневe. Даже не при Хрущеве. Почему так жили, не знаю. Мы властей старались не касаться. Чем дальше от власти, тем лучше. Целее будешь.

С такими словами, какими я сейчас про колхоз рассказываю, тогда никто бы не уцелел.

Мы на выборы знаете как ходили? Чтобы мы пришли, нам в клубе еду продавали, а после выборов танцы устраивали. Голосовали за того, за кого начальство скажет. Это сейчас понапишут и не знаешь, кого выбрать. Кто лучше, не разберешь.

Про Сталина не знаю, что сказать. Когда он умер в 1953 г., люди даже сплакивали. Я когда по радио про его смерть услышала, так прямо жалко стало. Почему, не знаю. Может потому, что работал долго. Может, потому, что наш правитель. А может - сила привычки. Сейчас можно слышать, что со смертью Сталина было ощущение конца света. У меня этого даже в уме не было. Жалко человека - и все тут. Такие мы, русские.

Вот ты спрашиваешь про самые яркие воспоминания в жизни, а я не знаю, что на это сказать. Да какие там воспоминания!... Здоровье мое сегодня отвратительное. Потому что весь организм изношен. Работали на износ.

У нас на курорты никто сроду не ездил. Работать нужно было. В отпуска ходили редко, не то что сейчас. Да и когда они, эти отпуска появились. Уже в совхозе. За отпуск мы предпочитали брать компенсацию и продолжали работать. Да и хозяйство свое, без него не выживешь. Куда от него уедешь? И денег не было на поездки. Обнову бы какую-нибудь справить на отпускные, да и ладно!

Эх! Жизнь! Растревожила ты, моя милая, своими расспросами... Живешь, не задумываешься, всё как будто так и надо. А как вспомнишь!...

Все время работа, работа, работа, и вспомнить нечего! Когда больше трудились, до войны или во время, - не знаю. Уйдешь в пять утра и возвращаешься в двенадцатом. Вот и все воспоминания. Не дай, Бог, такой жизни никому!

Я внучке своей родной такой жизни не пожелаю!

ДОКУМЕНТ №115

Никиточкин Анатолий Иванович и Никиточкина (Сысоренко) Мария Владимировна родились в 1928 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский)

Мария Владимировна - В Щегловском совхозе я живу с 1946 г. А до того жила с родителями в д. Подъяково. Там был колхоз «Новая деревня». Худенький такой был колхоз. Работать в нем начала лет с 14. Пока мать на работе, мы с братьевыми (их у меня трое) по хозяйству управляемся. В Подъяково была семилетка, ее я не закончила. Училась всего 4 года. Летом работали, зимой учились. Да какая там учеба? Нужно было работать. Летом мы, как говорится, на ходу спали. Днем за сенокосилкой бегали, снопы вязали, а ночью скирдовали или молотили. За это нам, палочки писали, на поле бурдой кормили или картошкой! И люди не возмущались.

Анатолий Иванович - А чему было возмущаться? А главное, - кому? Что это даст?! Те, кто роптал, тех быстро органы оприходовали. Это сейчас можно возмущаться. Да и то сказать, чем возмущаться? Вечно - то война, то - разруха. Помогать стране нужно было. На то, видно, и колхозы сделали.

Мария Владимировна - Я хорошо запомнила, что, когда колхозы делали, моих родителей раскулачили. У нас тогда было 2 лошади, 2 коровы, поросята, курицы. Родителей раскулачили, и всё забрали. Забрали даже гармошку у брата. Так её жалко было, наверное, потому и запомнила, хотя мне тогда годика четыре было. Хорошо запомнила. Да и родители об этом не раз потом говорили. Имущество наше описали, а куда дели, не знаю. Отца не забрали, и мы начали всё с нуля: дом поставили, хозяйство завели. К нам односельчане относились нормально. Ведь у нас все так жили - у всех хлеб выгребали, скот уводили. Помню, мальчик на воротах частушку пел: «Ешь-ка, Ваня, молока-то нет, где наша корова, повели в сельсовет».

Вот как плохо было жить. Но нам было весело. В горе не бросались, песни пели. Не то, что сейчас.

После войны нам полегче стало жить, когда Маленков адские налоги отменил. В магазинах в 50-х годах и мануфактура появилась. Можно было купить что-нибудь. А то за три метра ситцу в очередях руки друг другу выбивали. У меня до сих пор рука-то не поднимается, в очереди повредили.

Анатолий Иванович - Раньше люди уважали друг друга. Человек последнюю рубашку делил пополам. Не то что сейчас. На работе обедать сядем, каждый свой тормозок раскладывает, и вместе все едим. И не пили. А с чего пить? Какие в колхозе деньги? А налоги какие!

Мария Владимировна – Мы работали и работали. Ни выходных не было в колхозе, ни отпусков. А в совхозе были и выходные, и отпуска. Но отпуска появились не то в 1948 г., не то 1947 г. Они были по 15 дней. Мы чаще всего брали за отпуск денежную компенсацию.

Не было у колхозников и пенсии. Совсем старых стариков дети кормили, а государство ничего не давало. Но ничего – выжили, детей вырастили.

У нас с мужем трое детей, все они ученые: по десять классов закончили. Внукам мы желаем хорошей жизни. Чтобы они в достатке жили, весело и свободно.

Не так, как мы!

ДОКУМЕНТ №116

Яковлева (Нефедова) Антонина Петровна родилась в 1928 г. в д. Пермяки Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Болотов Константин в 2000 г. (г. Белово)

Мой отец Петр Федорович (1884 г. р.) рано остался вдовцом с тремя детьми: Ириной, Марфой, Марией. Женился на моей маме Анне Николаевне (1911 г.р.), и они родили ещё троих детей: Тоню, Александра и Виктора.

О коллективизации я помню по рассказам родителей. Но у меня сохранились и собственные детские впечатления. Своё детство я отлично помню. Оно было очень бедным. На всю семью у нас были только одни валенки, которые мы надевали по очереди, чтобы пробежаться по улице. Сколько себя помню, всегда видела мать в работе. Она была очень трудолюбивым человеком: управлялась по дому, работала на кулаков, косила им сено, жала. Сильно уставала. А вот отец всю жизнь лежал на печи. Не знаю почему, но лежал.

В колхоз родители вступили добровольно. Они всегда говорили, что иначе нельзя было прокормить семью.

Кулаков у нас в деревне было семей 5-6. Я помню, что мы им завидовали. И помню, что они нас ненавидели. Не знаю за что! Но, наверное, за нашу нищету.²⁸⁶ Не дай Бог, если мы подойдем к их двору! Они травили нас собаками. Бедных в деревне было больше. Я думаю, они были либо ленивые, либо за что ни возьмутся – всё наперекосяк!

Помню я и картины раскулачивания. Моя мать была активисткой колхозов. В активистах в основном ходили бедняки. Они становились бригадирами. А председатель у нас был, вроде, из приезжих. Мама сама раскулачивала: ходила по дворам, подгоняла подводы. На них погружали хлеб, мясо, зерно, шерсть – у кого что было. Все это вывозили в общие амбары, где оно и хранилось. Потом из этих амбаров выделяли помощь колхозникам или отправляли куда-то соседям.

Мать не раз рассказывала, что, когда она раскулачивала, ей не было жалко кулаков. Она считала, что они жадные и злые. Но мать жалела тех, кто создавал запасы трудами своей семьи. Вот к ним она прибегала ночью и предупреждала, что утром их придут раскулачивать.

Кулаков выселяли куда-то в Томскую область. Выселяли всю семью. С собой разрешали брать только самые необходимые вещи. Но у нас говорили, что их вовсе даже не выселяли, а где-то расстреливали. Не знаю,

---

²⁸⁶ Видимо, это было последствие вышеописанной респондентом привычки отца лежать на печи. Деревня не любила лежебок. Да к тому же мать была активисткой колхозов.

правда это или нет, но только никаких вестей о выселенных к нам в деревню никогда не приходило.

Да что там кулаки! Многие и бедняки не хотели заходить в колхоз. Особенно те, кто имел какую-нибудь коровенку или ещё что-то из скота. Очень не хотелось отдавать своё. Не вступившим в колхоз урезали землю и покосы. Их облагали огромным налогом. Мы были в колхозе, и то нам приходилось сдавать по 300 литров молока в год. А у единоличников налог был куда больше нашего. Помню, мы с сестренкой все лето ходили на молоканку и сдавали по ведру в день. Себе оставляли только утренний надой. Но его семье не хватало. А если ты не сдашь налог, то приходили и забирали всё что можно: скотину, зерно.

В колхозе родители работали за трудодни. Помню, что им отводили какой-то участок, который надо было прополоть за день. Работали они всегда допоздна. Я им стала помогать с 6 лет. Работали в любую погоду. Я не помню, чтобы садились надолго отдыхать. Работали, работали и работали. Набирали трудодни. А в конце года нам на них давали либо пшеницу, либо деньги.

В детстве мне всегда хотелось есть. Сколько бы я ни ела, мне всегда ещё хотелось. В голодные годы мы собирали чечевицу и варили кашу. Мы её называли веселой кашей. После неё мы все ходили как пьяные.²⁸⁷ Весной собирали с полей картошку и пекли лепешки. За особый вкус мы их называли тошнотиками. Ели лебеду, крапиву.

Хотя мы и жили в нищете, но родители всегда говорили о Сталине, партии, правительстве только хорошие слова. Они им верили. Верили, что жизнь будет лучше.

Пенсионеры в деревне были. Им, вроде, не платили деньгами, но давали пшеницу, дрова, помогали ремонтировать дома. Паспортов у родителей не было. Мама не имела даже свидетельства о рождении. Им их не выдавали, чтобы они не уехали из колхоза. Мы смогли уехать оттуда только в 1945 г. по здоровью. Никого из родственников в деревне у нас не осталось.

В деревне все были безграмотными. Помню, что родителей заставляли ходить на какие-то курсы и учиться грамоте. А вот дети обучались охотно. В деревне была изба-читальня. Там были газеты, журналы и книги. Это было что-то вроде библиотеки.

Ни разу не отдыхала на курорте. Только через 10 лет после свадьбы смогли купить телевизор. А холодильник – через 20 лет.

Про нынешнюю деревню я бы не сказала, что там нищета. Кто работает, тот и хорошо живет. И до колхозов так было.

Другое дело, что деревня сейчас запилась.

---

²⁸⁷ В чечевице есть слабые наркотические вещества.

ДОКУМЕНТ №117

Федорова Мария Григорьевна родилась в 1928 г. в д. Второй Новониколаевке Новосибирской области. Рассказ записала Монгуш Саяна в 1997 г. (г. Кемерово)

Мы, слава Богу, в раскулаченные не попали. Эта беда стороной обошла нашу семью. Хотя, конечно, видела и слышала о раскулаченных семьях. Соседи наши попали в их число. А наша семья в те времена жила скромно. У нас было много детей. Аж восемь ребятишек! Хозяйство считалось небольшим – лошаденка, две коровы.

Работали в своем хозяйстве с утра до вечера. Потом зарабатывали свой хлеб. Дети, кто постарше, помогали родителям. Все так жили. И те соседи, которых раскулачили, тоже так же жили и работали. Хозяйство, правда, у них было чуть побольше нашего, изба получше, да детей поменьше – всего пятеро. Они трудолюбивыми были. Вот и нажили скотину, огород и всё такое. Про них все так говорили.

Справедливо ли было всё отбирать у них и высылать?! Конечно, нет! Какое справедливо? До сих пор думаю, как можно было забирать у людей всё?! И скотину, которую они вырастили, годами ухаживая и заботясь о ней. И весь инвентарь, который они сами смастерили или купили, годами откладывая деньги. Всё наживали своим трудом, нелегким трудом. Да какие же они кулаки-эксплуататоры? Работали! Вот и имели. В жизни всегда так: не поработаешь - не полопаешь!

Картину раскулачивания никогда не забудешь! Кулачили их на глазах у всей деревни. Помню, приехали несколько человек (пять или шесть) из города. И сразу же забрали три семьи. Родители потом рассказывали, что нашим соседям дали всего полчаса на сборы. Им разрешили взять кое-что из детской одежды, лопатку, топор, чугунок и ещё из посуды. Сложили всё в одну телегу, туда же детей посадили и куда-то отвезли. Больше их никто не видел.

Я хорошо помню, как их дети сильно плакали, ревмя ревели. Мы смотрели на них и тоже плакали, хотя не понимали происходящего. За что их так? Почему у них всё забрали? Зачем их увозили? Тогда, да и потом, никто не знал. По-моему, никто и не спрашивал. Молчали и плакали! Боялись что ли?

В деревне к этим семьям относились хорошо. Уважали их за трудолюбие. Поэтому и до боли было обидно смотреть на эту несправедливость. А поделать люди ничего не могли. Все понимали, что если ты за них заступишься, чего доброго, сам окажешься на их месте. И у

тебя всё заберут, раскулачат. У всех же маленькие дети были. Вот и молчали односельчане. Я тогда маленькая была, но весь ужас до сих пор стоит перед глазами. Видно, родители и односельчане друг другу не раз об этом рассказывали. Помню, боялись, а рассказывали.

В лагерях заключения я не была. И вообще мало знаю об этом. Те, кто там побывали, особо не распространялись об этом. Старались скрыть своё лагерное прошлое. К тем, кто «сидел», в народе было недоброе отношение. К таким и сейчас окружающие плохо относятся. Им и работу не найти, и в жизни устроиться труднее. Ошибся человек ..., клеймо на всю жизнь. Раз был в заключении, значит, для нормальных людей ты уже как бы и не человек.

О том, как работал наш колхоз в первые свои годы, я, конечно, в подробностях не помню. Помню, что родителей никогда не было дома. Сама же я стала работать в колхозе уже в войну, хоть и девчонкой была. Работали весь световой день. И в мирное-то время в колхозе работать нелегко, а в войну и подавно. Работали как лошади, без отдыха. Деньги получали в каком-то очень маленьком количестве. Очень часто по дороге в школу с детьми случались голодные обмороки. Чего только не было... А ведь всё пережили!

Сталин для нас был великим вождем и большим авторитетом. Почти все люди старались вступить в ряды коммунистической партии. То, что показывают в фильмах о солдатах, идущих в бой с криками «За родину!», «За Сталина!» - считаю, ничуть не преувеличено. Люди тогда чтили и верили во власть Советов, в своих вождей. А Сталин – вождь всего народа. Когда он умер, наступило всеобщее горе. Везде и всюду был траур. Люди плакали и прощались с ним, поминали его как своего дорогого и близкого человека.

Тогда была настоящая власть!

Лично для меня, Ленин и Сталин всегда останутся великими вождями. Сейчас много чего про них говорят несправедливого. Таким судьям я не верю. Ведь такие огромные завоевания социализма были! Обучались бесплатно! Лечились бесплатно. Безработицы такой не было. Почти каждый работал и имел право на лечение и отдых в санатории, на курорте, профилактории.²⁸⁸

---

²⁸⁸ В 90-е годы данные суждения были наиболее распространенными среди апологетов социализма. Однако респонденты данного сборника своими бесхитростными рассказами в целом не подтверждают таких выводов: не видно, чтобы они широко пользовались правом такого отдыха; не видно, чтобы они или их дети получили декларируемое образование. Сведения о доступности курортов и образования в сборнике были представлены в таком небольшом количестве, что их можно принять за

Народ своим трудом платил за всё за это. Так что, чтобы там про вождей ни говорили, они всегда для нас останутся вождями всего народа. Хрущев тоже много сделал для нашей страны, для народа. Особое ему спасибо за закон о пенсиях для колхозников. Народ не забудет этого!

А Брежнев дал нам немного отдохнуть. Хотя и не ввел особых изменений. Да и зачем они?

Про нынешних?.. Не хочу и говорить!

исключения, которые, как известно, лишь подтверждают правило. А правило в том, что к цивилизованному отдыху (курорты, загранпоездки и пр.), получению добротного образования и др. подавляющая часть населения страны не имела доступа.

ДОКУМЕНТ №118

Суслова (Цесаренко) Людмила Андреевна родилась в 1928 г. в п. Чуртан Тюменской области. Рассказ записала внучка Суслова Дарья в 2001 г., (п. Новый Ленинск-Кузнецкого района)

Мои родители ходили в работниках. Жили бедно. Отец на себе из лесу натаскал коротеньких бревешек и построил маленькую избушку.

Мне мать рассказывала, как колхозы сочинялись. Сначала образовали коммуны. В коммуну угнали коров. А потом что-то случилось, и коммуну распустили. Мы же дети были. Но помню точно, что папа был председателем той коммуны. За то, что отец коров распустил, его из председателей выгнали. А потом, когда колхоз сделался, то соседи по доброй воле коров в него уводили.

Отца из председателей коммуны выгнали, но когда раскулачивали соседей, его вызвали и спрашивали насчет их хозяйства. Спрашивают про Митю Кимина - богач он или нищий. Сказать, что богач, сразу - за шкуру и в ссылку. Папа был очень умный, он сказал: "Митрий Тимофеич от нищих ушел, но до богатых не дошел, ходит в середняках". Средняков не ссылали. Тех, кого высылали, очень работающие были. Помню, как забирали Федора Архипова. Он в это время лед долбил на молоканку. За ним пришли милиционеры, а он им говорит, подождите, мол, товарищи, надо мне эту льдину доколоть. Ему уезжать в неизвестность, а он все еще старался что-то для хозяйства сделать.²⁸⁹ Вестей никогда не приходило от сосланных.

Со всей России при царе ссылали к нам в Сибирь. Бабушка пришла в Сибирь на каторгу. Гнали тогда в кандалах. Потом к нам раскулаченных пригнали. С собой им там ничего не давали взять. Детей маленьких гнали. Они держались за материнские подолы. Да это издевательство! Ссылных не любили. Даже на моем брате Мише это отразилось, когда он хотел взять в жены ссылную. Родители ему не давали это сделать.

В колхозе арестовывали тех, кто что-нибудь украл в голод. Миша Старостин украл полтора пуда ржи, когда сеял. Узнал председатель Решавский. И дали нашему Мише полтора года. Траву ели, лебеду, лист боярышника. Я маленькой тогда была, но помню, как сушили траву да толкли как муку. Щавель конский ели, много другой травы. Если была корова, эти опилки из травы заливали горячим молоком.

---

²⁸⁹ Пример этот может быть хрестоматийным в понимании высокой трудовой культуры, которой обладали российские крестьяне до колхозов.

В норах крысыных хлеб выкапывали. Ходили в чужую деревню колоски собирать. В нашей деревне с этим было очень строго. У нас мы собирали колоски только для колхоза. А в чужой деревне воровали их для себя. За нами гнались с плетьюми на конях. Сколько успеешь, спрячешь в кошель и убегаешь.

Знаешь, как много мы работали! Получали колхозники три выходных за год. Вот как! О роспуске колхозов не думали. Свыклись. А потом стали как одна семья. А сначала вроде было дурно. Успевали работать и на колхоз, и на себя.

Когда началась война, мужики пошли воевать охотно. И песню пели: "За Родину, за Сталина!". Брат отказался от брони, ушел на фронт. Мало вернулись с войны, все там погибли. Из соседей ни один не пришел.

После войны стали лучше жить, годов через пять. Ожили. Тогда и хлеб стал, и одежда. Даже лапти сняли. Еще бы так пожить. Была коровенка, куриц с десятков. Но молока надаивали мало, а план был большой – государству сдать 400 литров при жирности 2,2 %. Так что приходилось выносить 500-600 литров.²⁹⁰ Носили все лето. Мы молока и не видели. Только обрат да сыворотка.

Люди были природные²⁹¹ к деревне. Да и паспортов не было. Поэтому и не уезжали.

Ну какие там грамотные в деревне?! Одни только разговоры об учебе. У нас, да и в соседнем колхозе грамотными были только в правлении и в сельсовете, учителя, да ещё сельская медичка.

Мать ходила к соседям учиться. Выучила три буквы, смогла расписываться. Больше учиться не пошла, некогда было. Научилась деньги считать - и ладно.

Потом образовались клубы, избы-читальни. Книги брали, читали после работы. Молодые читали, пожилые слушали. Всем хотелось знать новое.

Церковь была, но попы были нехорошие, негодные. Они вольничали много. Монаха откуда-то прислали. А он - молодой да красивый. Вот бабы собрание церковное соберут и лаются там – монаха делят.

Сталина очень любили. Любили Ворошилова, Калинина, Молотова.²⁹²

---

²⁹⁰ Такая высокая цифра в рассказах респондентов встречается впервые. Обычно шла речь о 300 л. молока.

²⁹¹ Так в фонограмме.

²⁹² К.Е.Ворошилов в довоенные годы считался легендарным военным начальником. В годы Великой Отечественной войны таковым себя не проявил. Всегда входил в число самых приближенных Сталину людей. Единственный из сталинского окружения, кто не

На выборы ходили все. Это был большой праздник. За старухами на лошадях приезжали. Все жили, мне кажется, одинаково. Лучше только кладовщик и председатель.

На курорте никогда не была. Мы работали. Долго жили без ничего: ни мебели, ни холодильника.

В какую сторону изменилась жизнь за годы реформ, спрашиваешь? Да я бы похоронила эти реформы вместе с Ельциным и Горбачевым.

Но, увы! Руки коротки.

позволил «чекистам» отправить свою жену в лагерь заключения. В 50-е годы был председателем Президиума Верховного Совета СССР. В 1957 г. снят Хрущевым за «антипартийную» деятельность. М.И.Калинин – председатель Президиума Верховного Совета СССР («всесоюзный староста»). Был марионеткой в руках Сталина. Безропотно снес репрессирование своей жены (срок отбывала в Кузбассе, работала в вошебойке). В.М.Молотов входил в высшее руководство большевистской партии ещё при Ленине. Занимал пост министра иностранных дел СССР (пакт Молотова - Рибентропа) председателя Совета Министров СССР. Его жена была репрессирована. После этого Молотов развелся с нею. От государственных дел удален в 1957 г. в связи с «антипартийной» деятельностью (не согласился с критикой культа личности Сталина и другими действиями Хрущева).

Тарасова (Непрокина) Клавдия Максимовна родилась в 1928 г. в д. Шодрово на юге Кузбасса. Рассказ записала Богоудинова Ольга в 2001 г. (г. Мыски)

Коллективизация ассоциируется, прежде всего, с арестами. В 1932 г. арестовали отца, увезли в неизвестном направлении. И больше его никто не видел. Таких в деревне было много.

Раскулачивание происходило в 1932 г. Ездили ночью, арестовывали мужчин, вскрывали амбары, кладовые. Забирали всё: картошку, зерно, даже жмых от подсолнухов. За одну ночь в деревне арестовывали 40 человек. Большого богатства у людей не было. Например, Дорохова арестовали за 7 овчин и гармошку.²⁹³ Забрали и его "богатство", и самого хозяина. Среди арестованных были Кузнецовы, Торгунаковы, Баженовы, Дороховы, Аникаевы. Других просто не помню.

²⁹³ Гармошка, патефон и швейная машинка считались предметами, по которым квалифицировалось «богатство», их владельцы подлежали раскулачиванию.

даже компенсацию дали. Например, Аникаевы в 1999 г. получили 15 000 рублей.²⁹⁴

В колхозы шли добровольно, но не оттого, что сознание возрастало. Просто до этого у всех отобрали половину огорода, а при вступлении в колхоз её вернули обратно. Этого было достаточно, чтобы народ шел в колхоз.

Председателя колхоза выбирали собранием. Бывало, в год 3-4 раза переизбирали. Работали в колхозе от темна до темна. Родители не видели своих детей. По дому работали в основном ребяташки. В колхозе работали за трудодни, а на них прожить было невозможно. В колхозе даже дети работали. Кто помоложе - на прополке или пасли скот. Кто постарше - косили, молотили наравне со взрослыми.

От собственного хозяйства колхозники платили налог. Если имели кур, то платили яйцами,²⁹⁵ если имели корову или овец, то - молоком, мясом, шкурами. Много картофеля забирали. Всё куда-то увозили. Налог платили даже с каждой яблони. Поэтому у кого были сады - их повырубили. Налоги были такими большими, что у колхозников почти ничего не оставалось.²⁹⁶

Колхозное добро воровать боялись, но иногда голод заставлял. За это наказывали очень строго. За 2 кармана зерна - 2 года лишения свободы. За сбор колосков после жатвы - год за мешок.

Дома на замки не закрывались никогда. Люди доверяли друг другу.

---

²⁹⁴ По ценам 1999 г. сумма 15 тыс. руб. была далеко неэквивалентна стоимости конфискованного имущества крестьянина в годы раскулачивания. На них можно было купить две свиньи. Средний дом в деревне Красной, например, стоил 200 тыс. руб.

²⁹⁵ Налог на яйца платили все, даже те, кто кур не имел.

²⁹⁶ Самообеспечение колхозников и рабочих продуктами питания следует квалифицировать как проявление чудовищного экономического принуждения советского человека. По теории прибавочной стоимости К.Маркса, человек за необходимое время (выражаемое зарплатой) производит стоимость для поддержания жизни своей семьи. Другая часть его рабочего времени (прибавочное) присваивалась, по Марксу, капиталистом за вычетом средств на расширенное производство. Развитие личных подсобных хозяйств у советских людей свидетельствовало о том, что на зарплату нельзя содержать семью. Приходилось работать за пределами основного рабочего времени (3-4 часа ежедневно). Стоимость, произведенная за это время, облагалась налогами, изымавшими её основную часть. Такой сверхэксплуатации не знал ни один строй. Даже в рабовладельческом обществе поддержание физического состояния раба брал на себя его хозяин. Не было такой эксплуатации и при феодализме. «Жизнь при советской власти хуже, чем при крепостном праве, - говорил кузнец совхоза «Анжерский» в 1943 г. (на него донесли). - Тогда работали два дня на барина, а третий на себя.» (См. Неизвестный Кузбасс. Тоталитарная система. Палачи и жертвы. Сборник архивных документов. Вып. 2. Кемерово, 1995. С. 81).

Если хозяев дома не было, то закрывали только на палочку, просунув её в щеколду.

Работали до пота. Холщевые рубахи за неделю превращались в сплошную дыру. Выпивали только в праздники. На всю компанию из 8-10 человек одну "чекушку"²⁹⁷ за целый день выпивали. Пьяниц в деревне не было. Они потом появились в колхозе.

После войны жить стали гораздо лучше. Налоги стали значительно меньше, к каждому празднику были уценки на товары.²⁹⁸ Непьющие работающие колхозники жили справно. Таких было больше половины. Их уважали, называли по имени-отчеству, с ними советовались. Это было до 60-х годов, когда Хрущев запретил колхозникам в личном хозяйстве держать скотину. Можно было держать только одну корову, одну свинью. В 1960-65 годах стали жить бедно.

В деревне люди жили из-за неграмотности, у нас не было рабочей профессии, поэтому в города уезжали единицы.

Раньше во всех деревнях были свои церкви. На самом видном месте стояли, на возвышенности. Народ в церкви ходил постоянно - с малолетства и до глубокой старости. Священников уважали, относились к ним как к необыкновенным людям. Во время советской власти Крупская приказала все церкви по деревням ликвидировать.²⁹⁹ Сначала сняли все колокола, потом в церкви засыпали зерно, превратили их в зернохранилища.

О политике говорить было некогда. Люди работали. Однако Сталина все любили, партию и советы уважали. Правда, о праве людей слышали мало. Когда 5 марта 1953 г. умер Сталин, народ весь плакал. Это действительно было огромное горе, потому что все считали этого человека сильным, волевым, справедливым. Благодаря его умению держать порядок в стране мы и выжили.³⁰⁰

---

²⁹⁷ «Чекушка» – маленькая бутылочка емкостью 250 гр.

²⁹⁸ О понижении цен объявлялось не к каждому празднику, а 1 апреля. Последний раз это было в 1954 г. Цены понижались исключительно незначительно. В дальнейшем цены незначительно понижались на копеечные товары (носки, скажем), но довольно быстро увеличивались на основные потребительские и продовольственные товары (одежду, обувь, мясо, масло и пр.). На предметы роскоши цены всегда росли. Таковыми официально признавались импортная мебель, автомобили, ковры, золотые украшения, меховые и кожаные изделия, хрусталь и др.

²⁹⁹ Приписывать Н.К.Крупской приказ о закрытии церквей – сильное преувеличение. Она была лишь зам. наркома просвещения, председатель Главполитпросвета.

³⁰⁰ Пожалуй, самое распространенное обиденное мнение современников Сталина. В начале XXI века его разделяли, в основном, наименее образованные или наиболее

До коллективизации жили хорошо. И после неё – тоже хорошо. Но это те, кто работал. Надо было выжить и снова встать на ноги в колхозах.

За границей не отдыхали. Правда, на санаторно-курортном лечении были много раз. Но это после 1965 г. и до перестройки.

Ты думаешь, деревня погибает? Не погибает она. И сейчас кто хочет работать, тот там живёт прекрасно. Создают свои фермерские хозяйства. Дальний родственник в Алтае имеет землю, свой минимолзавод и миниколбасную фабрику. Работает, правда, как проклятый. Опять же налоги давят сильно. Может, поэтому и не может выбраться.

Как и раньше, с тех, кто старается работать, государство старается содрать три шкуры.

идеологически закомплексованные люди. (Их было немало и среди людей, получивших дипломы вузов).

ДОКУМЕНТ №120

Мещерякова Мария Ивановна родилась в 1929 г. в с. Хмелевка Алтайского края. Рассказ записала внучка Завозина Елена в 2001 г. (г. Салаир)

Родители матери жили в деревне. Отец служил офицером сначала в царской армии, потом, кажется, в Красной армии. В деревне был дом, как сейчас помню, расписной. Комнаты резным деревом обшиты. Мебели тогда не было, а были самодельные лавки (стояли вдоль стен), печь русская, полати. На печи бабушка спала, на полатях – мы, дети.

Хозяйство вела мать, отец служил, высылал деньги. На них нанимали рабочих. Хозяйство было большое: лошади, коровы, гуси, овцы. Поэтому рабочих нанимали постоянно. Работать шли охотно, потому что их не обижали, всегда расплачивались с кем деньгами, с кем продуктами. Смотря как договорятся.

Отец матери вернулся из армии, когда стали раскулачивать. Попал в списки кулаков. Хозяйство забрали в колхоз, а может, растащили. Тогда ведь ничего не докажешь. Дом забрали под сельский совет.

Отца с матерью, то есть моих дедеушку и бабушку, сослали как зажиточных. Мол, люди на них работали. Гнали их этапом пешком в Нарым. С собой самые необходимые вещи брали, что можно было унести в руках. Да и брать-то нечего было. Всё ведь разорили. Дорогой очень много людей поумирало. Тут же у дороги их и хоронили. В Нарыме состоялась комиссия. Отца с матерью освободили.³⁰¹ Но дед к тому времени уже умер. Бабушку отправили обратно на лошадях. Но она тоже не доехала. Умерла под Новосибирском.

За что сослали? А ведь отец был награжден Георгиевским крестом. Воевал на Карпатах. Вывел армию из окружения. Служил, мол, в царской армии, поэтому - враг. А в какой армии ему было служить, если тогда царь был? Россия-то царская была. Отец же за Россию воевал.

Собирали людей и агитировали, чтобы вступали в колхоз. Обещаний много было: вместе сеять, убирать и осенью делить поровну. Кому-то это нравилось. А кто не хотел вступать, у них сжигали дома.³⁰² Деваться некуда. Работали с утра до ночи в поле. Пахали, сеяли, жали ручную. Была установлена норма работы за одну «палочку». Выполнить её было

---

³⁰¹ Семьи красноармейцев и красных партизан раскулачиванию не подлежали.

³⁰² В Подъяково, например, кулацкие дома разбирали и вывозили в известковый карьер, где использовали как дрова для выжигания извести. (см. рассказ М.Н. Ленцевой).

очень трудно, а иногда и невозможно. Ставили полпалочки, смотря сколько наработал от нормы. На одну палочку давали сколько-то граммов зерна, не помню. Но мама говорила, что очень мало. Поэтому мама всегда по 1,5 нормы вырабатывала.

Но все равно держались за счет огорода и своей скотины. Иначе чем жить? Не потопаешь, не полопаешь. Кто работал, тот как-то и жил. Не работали ленивые и больные. Они ходили и просили милостыню. Воровать боялись, лучше попросят. Если держишь скотину, например, корову, то должен сдать государству: молоко, мясо, яйца, кожу, даже телят от этой коровы. Был план. Если овец держишь - шерсть сдавай. В 30-х годах был неурожай, люди умирали с голоду.³⁰³ Денег колхозникам не давали, хлеб не давали. Да еще налоги большие. Работай, знай, за палочки. Паспортов тоже не было, в город не ездили. Да и зачем? Денег все равно нет. В магазине - мыло, спички, соль. Продукты все - с собственного огорода.

Воровали в колхозе мало. Боялись тюрьмы. Тогда с этим строго было. Хорошо жили бригадиры и другое начальство. У них же всё в руках.

Хоть жить тяжело было, а песни пели. Про Ленина пели частушки, что всех курочек забрал, яйца в курах подсчитал. В церкви клуб сделали, кресты сожгли. Но клуб недолго был в церкви: сгорела она. Люди говорили, что не случайно.

Переехали родители с нами (7 детей) в город Салаир. Тут вскоре война началась. Отца несколько раз забирали, но возвращали. На фронт забирали всех, не спрашивали, хочешь ли нет? Детей забирали в ФЗО, учиться, мол. Но на самом деле - работать на заводах.³⁰⁴ В 10 классе, помню, пришли из горсовета. Назвали фамилии, построили в шеренгу и увели нас в какой-то подвал. Мы там два дня сидели. Потом пришел папа и меня забрал, а ту группу отправили в Ленинград на военные заводы. В школу мы шли и боялись, что заберут в ФЗО. Не спрашивали ни ученика, ни родителей.

Осенью учеников уводили пешком на 1-2 месяца на уборку урожая. Молотили хлеб вручную. Спали мы на нарах в бараках на соломе. Кормили плохо. Даже помыться негде было. Поэтому все мы завшивленные были.³⁰⁵ Однажды мы сбежали. Нас в лесу на лошадях

---

³⁰³ Советская пропаганда убедила народ, что причиной продовольственных дефицитов 30-х годов был неурожай, а вовсе не коллективизация.

³⁰⁴ О ФЗО см. пояснения к рассказу Бабиковой Ксении Даниловны

³⁰⁵ Привлечение на уборку урожая (покос, сортировку овощей и проч.) учащихся школ, студентов вузов, трудящихся предприятий и др. практиковалось до 1991 г. В народе это называлось «гоняли в колхоз». Те, кого вывозили на несколько дней или недель в деревню, обычно жили в описанных условиях.

догнали и вернули. Хлеб давали по 300 грамм в день. Он был пополам с овсом и недопеченный.

Хоть и тяжело было во время войны, но мы не голодали. Сажали овощи, коноплю сеяли. Из конопли масло жали. Работы нам (детям) хватало. Бегать некогда было. У каждого своя работа была. Ходили по наймам, люди платили продуктами. В магазинах не было ничего.

С весны до осени собирали травы в лесу, ягоды, грибы, колбу. Мама из картошки баранок напечет, я на базар иду: 1 баранка - 1 рубль. На 100 рублей продам, булку хлеба возьму. Тяжело было, но как-то выжили. У кого хозяйства не было, тем тяжело. Осенью ходили на поле и собирали колоски (это после уборочной). Подбирали мороженую картошку и ели. Если поймают - 3 года тюрьмы. К чему такое делать было? Люди с голоду мрут, а колосье пусть пропадает! Мы ведь не воровали.

В 1949 г. вышла замуж. Муж пришел с войны на костылях. Выучился на счетовода, потом заочно закончил институт. Стал главным бухгалтером в совхозе. Я работала учительницей начальных классов. Помаленьку обзавелись хозяйством: коровы, свиньи, овцы, гуси, куры, огород 50 соток.

Как вспомню, тяжело было! С работы придешь, приготовить кушать нужно, скотину убирать. А по ночам хлеб пекла, стирала и тетради проверяла. Откуда только силы у нас были, я не знаю! всю жизнь жили за счет своего хозяйства. Если бы не скот, не огород - как жить?

Надо любить землю! Кто не любил, ходили за подаяниями.

Кто любит землю, голодным никогда не будет.

ДОКУМЕНТ №121

Кухта Алексей Дмитриевич родился в 1929 г. в д. Кайлыцк Яшкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Кухта Алексей (г.Тайга).

Мать – Анастасия Дмитриевна (1906 г.), отец - Дмитрий Филиппович (1904 г.) имели 6 детей: три сына и три дочери: Мария – 1922 г. р., Валентина 1923 г.р., Анна – 1925 г. р., Иван – 1927 г.р., Алексей 1929 г. р., Василий – 1931 г.р., Антон – 1933 г.р. В собственной семье имею сына Сергея - 1957 г.р.

Мой отец организовывал колхоз «Новый быт». Своих собственных детских впечатлений о том времени у меня не осталось. Но родители говорили, что в колхоз идти они не хотели, так как были зажиточными. Просто отец был грамотным и его уполномочили заниматься колхозом. Бедные шли в колхоз охотно, но большинство в деревне были середняками. Эти и были против.

Бедняками в деревне считали тех, кто работать не хотел, кто должным образом не занимался своим хозяйством. Это были пьяницы. К беднякам относились как к тунеядцам.

До колхоза у нас было 12 единоличных дворов. Еды кому хватало, кому - нет. Питались овощами, мясом, молоком, медом. Одежда была домотканая. После коллективизации стали завозить промышленные товары, продукты. Благополучие особенно улучшилось с 1938 г.

Кулаков в деревне не было, хотя зажиточными считались 4 семьи. Но они труд батраков не использовали. Нанимали людей только на покос и жатву. Поэтому кулаками их не посчитали.

Сначала в колхоз агитировали идти добровольно. Затем стали запугивать раскулачиванием и ссылкой. В нашей деревне в колхоз вступили все. При вступлении сдавали в общее хозяйство прежде всего лошадей. Корову оставляли всего одну. Поросят не сдавали, курей – тоже. А вот инвентарь: молотилки, сеялки, веялки, плуги, бороны - забирали полностью. Сдавали и зерно для первого сева. Каждая семья обязана была привезти в колхоз определенное количество сена.

Конечно, люди выражали недовольство. Но только на словах. Никаких митингов и выступлений не было. В основном все думали, что колхозы - это временное явление, и они скоро сами распадутся.

Чтобы колхозники никуда не уезжали, им не давали паспортов. Как только паспорта выдали в 50-е годы, так оно, действительно, и получилось. Все мои братья и сестры разъехались по всей стране. Многие остались в

Анжерке, так как этот город ближе всех к нашей деревне. Ни на курорте, ни за границей я ни разу не был.

В колхозе председатель решал, что и сколько сдавать. Активистами становились те, кто хорошо вел своё хозяйство. Их ставили на руководящие должности. Организовывать колхозы к нам в деревню со стороны никто не приезжал. Всё руководство колхозной агитацией находилось в соседней Таловке, где до колхозов находился наш староста.

К отцу, как председателю колхоза, в первые годы отношение было плохое. Его считали выскочкой, хотя и выбрали председателем. Счетоводами, кладовщиками, бригадирами ставили грамотных людей, тех, кто имел 4 класса образования или больше. Они и председатель жили «справно», лучше всех в деревне. Всех их избирали на общем колхозном собрании. Но на нем открыто их не критиковали. Их боялись. Обсуждали за углом.

Рабочий день длился с утра до вечера. Выходных не было ни зимой, ни летом. Пенсионеров в колхозе не было. Старики были, но пенсию не получали. Вручную сеяли и жали. Косили тоже вручную. Зимой на молотилке молотили зерно, сдавали госпоставку. Женщины трепали лен. Так что работы было много круглый год. Работали в колхозе с 12 лет. В зависимости от собранного урожая в конце года за работу платили определенным количеством зерна или меда.

В 30-е годы в нашей деревне голода не было. А вот в войну и в 1946 г. – был. Так было потому, что государство забирало всё для фронта.³⁰⁶ Сами же мы ели обрат, картошку, крапиву, овощи, рыбу (в войну её было много в реках), ставили петли на зайцев. Много сдавали налогов. В год надо было сдать 200 литров молока, 100 яиц, 40 кг. мяса, шкуры убитого скота, сколько-то масла, шерсти.

Воровали, конечно, зерно при севе или уборке. То же и с молоком. Но воровали так, чтобы никто не знал, по сговору или поодиночке. Законы за воровство были суровыми. На правлении разбирали случаи воровства. Одну женщину разбирали за то, что она пришила под платьем мешочки и уносила зерно домой. Говорили, что за это можно было получить 8 лет. Но это было нечасто. Друг у друга не воровали. Это делали только приезжие люди.

Как врагов народа из нашей деревни забрали двоих: моего отца и пьяницу Малаша Петра. Люди говорили, что обоих забрали «для

---

³⁰⁶ Весьма многозначительная оговорка. Ведь в 1946 г. фронта уже не было. Но людям по-прежнему объясняли продовольственные дефициты военными нуждами. На самом деле причин голода 1946 г. было в основном две: копили запасы для отмены карточек в 1947.; продовольствие шло в оккупированные Советской армией страны.

процента».³⁰⁷ Про политику люди, конечно, говорили. Но нас, детей, в это не посвящали. Боялись. Но помню, что колхозную жизнь сравнивали с тем, что было в гражданскую войну, то есть, разор для крестьянина и большая беда.

Когда началась война, молодежь охотно пошла воевать. Семейные же мужчины шли неохотно. Радовались те, кто имел бронь или инвалидность. С войны вернулось 5 чел. из 11. После войны можно стало иметь 1 корову, 40 соток пашни, свиноматку и кабана, 5 овец. Налог платили – 1000 руб. с хозяйства.

В годы реформ жизнь изменилась в худшую сторону. Все деньги идут на питание. Ничего нового из мебели и одежды не покупаем и не мечтаем об этом.

Деревня до сих пор не может вырваться из нищеты, потому что государство так и не заинтересовало людей заниматься землей. Государство в экономике не ставит на первое место аграрный вопрос. Оно ничем не помогает фермерам.

Людей разучили работать на земле.

---

³⁰⁷ То есть, для выполнения разнарядки («лимитов») репрессий 1937-1938 гг. См. об этом в пояснении к рассказу М. Марии Касперовны.

ДОКУМЕНТ №122

Зениткина (Криво) Галина Александровна родилась в 1929 г. в д. Тарасово Промышленного района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лобанова Анна (п. Промышленная)

Семья моих родителей состояла из пятнадцати человек: отец - Криво Александр Ефимович 1880 г. рождения, мать - Бобровникова Анастасия Васильевна 1889 г. рождения и тринадцать детей, из которых выжило шесть дочерей (Лиза, Шура, Катя, Вера, Валя, Галя) и один сын (Василий).

Мой дед, папин отец, приехал в Сибирь из Донецкой области с одной тысячей рублей, которую копил сорок девять лет. Купил надел земли, который, состарившись, разделил между своими сыновьями. Будучи человеком трудолюбивым и обстоятельным, мой отец работал с мамой и детьми день и ночь. Поэтому в момент коллективизации жил довольно крепко. Имел лошадь, две коровы, десяток овец, гусей, кур, все орудия для обработки земли. Неплохой доход приносила кузница. Моя мама была первой портнихой на селе. Умела шить всё – от тонких платьев до тулупов. Весёлая и общительная, она сразу же поверила в колхоз, в общественный труд. И вопреки воле своего мужа одной из первых вступила в него.

Основным средством вовлечения людей в колхозы была агитация. Но встречались и меры принуждения. Тех, кто не желал расставаться с единоличным хозяйством, раскулачивали. К кулакам в деревне относились с презрением, конфискуя все - от земляных наделов до последней курицы. Я сейчас заведую местным краеведческим музеем. Ты сама можешь убедиться по музейным документам, что раскулачивали обычно многодетные трудолюбивые семьи, имеющие всё, чтобы нормально жить, нормально есть.

Раскулачивали и тетку Анюту - сестру отца. Подъехали к дому на санях, погрузили на них всё семейство (двух взрослых и трех детей). Позволили взять с собой лишь узелки с одеждой, да провизией на несколько дней. Повезли сначала в Новосибирск, затем переправили в Нарым. Там пришлось строить для себя шалаш, выкладывать печь из камней. На работу они ходили под конвоем. За непослушание их били плетью.

Нашей семье удалось избежать раскулачивания, так как мама, вступив в колхоз, стала «красной свахой», активно агитируя односельчан вступать в него. Самым несговорчивым оказался её собственный муж - Александр Ефимович. Человек серьезный и живущий по законам совести,

он к повальной коллективизации отнесся очень осторожно, видя, с каким восторгом её принимает беднота. А он считал, что бедность чаще всего соседствует с нерадивостью и ленью. Больше года потребовалось маме, чтобы убедить его. Она считала, что, может быть, подчиняясь общему колхозному распорядку, жесткой дисциплине, бедняк все-таки научится работать.

Только спустя год после образования в Тарасово колхоза «Знамя труда» отец вместе со своей кузней вошел в его состав. Учítывая, что он был человеком грамотным, трудолюбивым, требовательным, его сразу же назначили бригадиром свиноводства. Колхозники его уважали и побаивались, так как спуску разгильдяям он не давал.

Мама сначала работала в колхозе звеньевой на общественном огороде, выращивая картофель и овощи, добиваясь высоких урожаев. За что и была награждена в 1940 г. поездкой в Москву на ВДНХ.³⁰⁸ А во время войны стала председателем сельского совета. После войны передала свои обязанности Киселёву И.М. и вернулась в звеньевые.

Работали в колхозе от темна до темна, выходных не было. В своих личных огородах работали после того, как заканчивались сезонные работы в колхозе. Колхозникам разрешалось иметь личное хозяйство, но оно облагалось налогом. Надо было сдать большое количество молока, масла, мяса, яиц и шкур скота. Размеры личного хозяйства ограничивались. За превышение ограничений человек исключался из колхоза, лишался избирательных прав.

Денег в обиходе колхозников практически не было, работали за трудодни. В конце года, выполнив твёрдые государственные поставки, на колхозном собрании (они, как правило, проходили по ночам) рассчитывали, сколько останется на трудодни. Иногда, в зависимости от года, на трудодень приходилось по двадцать, а то и тридцать копеек.³⁰⁹ Но, как правило, все эти деньги оказывались выбранными колхозниками либо сеном, либо зерном. За хорошую работу выдавались премии тоже в виде натуроплаты (свинья, кабанчик, телёнок).

Колхозники не воровали, так как сильно боялись. За такие дела штрафовали и даже сажали в тюрьму. Дома в деревнях действительно не закрывались на замки или закрывались чисто символически - на «клямочку». Не принято было воровать. А пьяницы в деревне были, хоть и не так много. Помню, как в 30-е годы в колхозе был сход, на котором

---

³⁰⁸ ВДНХ – выставка достижения народного хозяйства.

³⁰⁹ Это была ничтожная сумма. В 50-е годы, например, булка белого хлеба стоила 2 руб. 75 коп., сапоги - 300 руб., зимнее пальто – около 1 тыс. руб.

обсуждался вопрос о том, продавать или не продавать водку в магазине. Решили продавать, чтобы не оказывать услугу самогонщикам.

До коллективизации каждая более-менее самостоятельная семья жила натуральным хозяйством. Сами выращивали пшеницу, мололи её, пекли хлеб. Сами ткали, пряли, шили. Сами ухаживали за скотиной, получая молоко, творог, мясо. Сами готовили сладости, с удовольствием ели пряники из брюквы, моркови, тыквы. Соблюдали все церковные праздники, в церковь одевали лучшее.

В нашей семье сначала глубоко верили в Бога, с почтением относились к церкви. Эту веру отец сохранил до конца жизни. А вот мать с годами разуверилась в Боге, вернее, в священнослужителях. Однажды, после Пасхи, она, связав две пары носков, понесла их попу. Парадная дверь церкви была закрыта, и она зашла со двора. Там она увидела кучу куличей и пасок³¹⁰, небрежно прикрытую соломой, и поповскую свинью, которая рылась в этой куче. Как и везде, церковь в Тарасове закрыли. Многие люди из собственных убеждений отказались от Бога. Некоторые затаили веру глубоко в себе, подальше спрятали иконы. Я очень удивилась, когда при организации районного музея было принесено очень много старинных икон, долгое время хранившихся на чердаках и в чуланах.

Колхозники были без паспорта. Это чтобы удерживать людей в деревне. Ведь без документов человек - ноль. Могу припомнить много случаев о том, как ребятам и девчатам, мечтающим учиться в городе, трудно было получить справку, удостоверяющую личность. Колхозники практически не получали денег. Без денег да без паспорта – куда денешься!

С организацией колхозов в селах появились клубы, избы-читания. В Тарасове был создан ансамбль народных инструментов, выступающий не только в родной деревне, но и за её пределами. В нашей семье читать любили все, особенно отец. Он выписывал столько корреспонденции, что с ним не могла сравниться ни одна изба-читальня: украинскую газету «Висти», «Правда», «Наука и жизнь», «Наука и религия» и др. Однажды к ним в гости на обед пришел первый секретарь обкома партии Задонченко³¹¹. Увидев стопки всевозможной литературы, он очень удивился, поинтересовавшись, у кого же такой разносторонний вкус. На это Александр Васильевич ответил: «Я все подряд читаю и поравнюю, кто

---

³¹⁰ Обычно пасху – кулич из творога или сдобного теста в народе называют «паской»

³¹¹ При образовании Кемеровской области (26 января 1943 г.) С.Б.Задонченко был утвержден первым секретарем Кемеровского обкома КПСС, то есть полномочным главой области.

з них бильше бреше!». Мама, услышав это, ухват чуть не выронила. Она понимала, что за такие слова по тем временам можно было поплатиться жизнью, будучи причисленным к врагам народа, как это было с односельчанами Федором Наумовичем Козловым и Тимофеем Яковлевичем Грищенко.

Федор Наумович, бывший офицер царской армии, приехав в деревню, женился на самой бедной девушке. Много лет был директором начальной школы. Это был красавец, умница, разносторонний человек. Умел великолепно играть на гармошке. Он не пугался никакой работы, держал хозяйство, пчел. Одним словом, был видным человеком в селе. Полной противоположностью ему был Тимофей Яковлевич – хмурый, молчаливый, безграмотный, работающий водовозом на ферме. Их, таких разных, обвинили в контрреволюционной деятельности как врагов народа, арестовали и вскоре расстреляли.

Когда началась война, кроме общего призыва на фронт пошло очень много добровольцев, в том числе и женщины. Наблюдался небывалый всплеск патриотизма. В нашей семье добровольцами ушли на фронт две сестры, Валя и Катя, а вернулась только одна Валя. Вся жизнь в тылу подчинялась лозунгу: «Всё для фронта, всё для победы».

В деревне был жуткий голод: ели дохлую скотину, гнилую картошку. Выручал лес: грибы, ягоды. В селе остались одни женщины, старики да дети. Работали до изнеможения, подбирая с полей всё до последнего колоска. За воровство, даже самое незначительное, сажали в тюрьму. За один пуд отходов из – под комбайна, унесённый с поля, родственница получила два года тюрьмы. И никого не волновало, что на произвол судьбы было брошено её четверо маленьких детей. Как директор музея, я могу сказать, что в нашем Промышленновском районе более половины ушедших на фронт не вернулись (ушло 11550 человек, вернулись 4500 чел.).

Судьба моих братьев и сестёр сложилась следующим образом.

Я сама закончила сначала педучилище, работала учителем начальных классов в Тарасово. Затем заочно - Кемеровский педагогический институт. Была активисткой, периодически избиралась депутатом районного совета. В 1964 г. решением бюро райкома партии была направлена на учебу в Новосибирскую высшую партийную школу. По её окончании была назначена заведующей орготделом Промышленновского райкома партии, а через несколько лет - секретарем райкома по идеологии.³¹² В 1985 г. вышла на пенсию и сразу же возглавила

---

³¹² По практике тех лет это был третий-четвертый человек во властных органах района.

районный краеведческий музей. Таким образом, вся моя жизнь прошла в Промышленновском районе.

Сестра Шура в 1927 г. после окончания ФЗО уехала в Ленинград, закончила кораблестроительный институт. Этот же институт, чуть позже, закончила и другая сестра Вера. Обе они остались в Ленинграде и прожили там всю жизнь

Судьба другой сестры Лиды сложилась драматично. Она окончила курсы бухгалтеров, вышла замуж, работала в банке в деревне Титово. Её мужа обвинили в контрреволюционной деятельности, арестовали, а затем расстреляли. Её, как жену врага народа, выгнали с работы, и она вынуждена была приехать с двумя детьми к родителям в Тарасово. С большим трудом ей удалось устроиться на работу. Из этого села она больше никуда не уезжала.

Сестру Катю исключили из техникума за то, что она была сестрой жены «врага народа». После исключения она добровольно ушла на фронт и погибла.

Другая сестра Валя до войны окончила техникум связи, добровольно ушла на фронт. Вернувшись, работала учителем в Тарасово, позже переехала в Новокузнецк.

Брат Василий окончил военное училище, воевал. После войны был комиссован из армии по состоянию здоровья. Вернулся в Тарасово, где проработал долгие годы председателем сельского совета.

Все мои дети (сын Александр и дочери Вера и Надежда) получили высшее образование. Но профессии, полученные в институтах, сейчас забросили. Стали коммерсантами.

Я дважды была за границей, первый раз руководителем группы в Югославии и Румынии, а второй раз в составе правительственной делегации в Венгрии. Дважды лечилась в Ессентуках.

ДОКУМЕНТ №123

Овчиникова (Гранат) Диана Ивановна родилась в Киеве в 1929 г. Рассказ записала внучка Овчиникова Надежда 2001 г (г. Кемерово)

Мои родители жили в деревне. Держали хозяйство: корову, лошадь, свиней. Имели полтора гектара земли. Во время коллективизации они не вступали в колхоз. Их обложили такими налогами, что в конце концов они были вынуждены вступить в него. В 1937 г. сдали корову, лошадь, землю и инвентарь.

До коллективизации деревня в целом выглядела зажиточной. Были и богатые, и бедные. Жили плохо те, кто пьянствовал и не хотел работать. А кто работал, тот и жил хорошо. У него были и свой хлеб, и мясо. Кулаки - это крестьяне, у которых было много земли, скота, инвентаря. Они много работали, за счет этого у них было всё. Середняки – это те, у которых было необходимое количество земли и скота. У бедняков не было ничего, они и не хотели работать.

А когда всю скотину согнали в колхоз, пошел большой падёж скота. Лошади и коровы стали падать массами. Зерно всё забрали в колхоз. А люди остались без ничего. Но ведь семьи были большие, по 7 – 10 человек. Народ стал жить - хуже некуда.

Раскулачивание проходило ужасно. Приходили и забирали всё. Некоторые крестьяне хлеб закапывали в землю. Но его все равно находили и отбирали. Конфискации подлежало всё: от хлеба до скотины. А если были добротные дома, то забирали и дома, а хозяев выселяли. А если они много говорили, то расстреливали. Выселяли людей в Сибирь. С собой разрешали взять только необходимое. Протеста со стороны крестьян не было, все молчали потому, что боялись.

Активистами на селе становились комсомольцы, звали их “комса”. Отношение к ним было презрительное. Председателями и бригадирами становились бедные, лентяи, которые не умели и ничего не хотели делать. Их колхозники презирали, потому что от них никакой пользы.

До коллективизации одежда у крестьян в основном была холщовая. Богатые ходили в суконных одеждах. Да и то надевали их только на праздники. После коллективизации, можно сказать, все ходили в заплатках. До колхозов в деревне были пьяницы, но мало. Потом их стало много.

Рабочий день колхозника - от восхода до заката. Всё делали вручную: лопата, тяпка, грабли, коса. На трудодни давали зерно, пшеницу, рожь. Воровали в колхозе те, кому это было доступно. Их наказывали и

даже сажали за это. Голодный человек как же не украдёт? Это воровством не считалось. Кто-нибудь пойдёт на поле и сорвёт колоски или горсть гороха, за это на него открывали уголовное дело. Но голод все равно толкал на новое воровство. Голод в деревне был сильный в 1931 – 1933 годах. Ели желуди. Были люди, которые даже ели опилки.

Колхозники мечтали о роспуске колхозов только первое время. Потом люди привыкли. В деревне были люди, которых забрали как врагов народа. Это были всякие неугодные кому-то люди.

Во время войны забирали здоровых мужиков. Уходило 50, приходило 10. После войны стали жить как бы получше. Пошло снижение цен. В магазинах появились продукты, но покупать было не на что. У колхозников денег не было. Да и рабочие получали крохи. Зато налоги были большие. За то, что держишь корову, ты должен сдать государству бесплатно молоко. За свинью - мясо и шкуру. За кур - яйца.

С образованием в деревне было плохо. Дети учились всего по 5 – 6 классов. Потому что им нужно было работать. Грамотных было мало, и они становились председателями сельсовета, секретарями комсомольской организации. Дети и взрослые учились неохотно, так как никому не хотелось идти на учёбу за 2 – 3 км. по морозу.

Клубы были. Привозили кино раз в месяц, были пляски. Отношение ко всему этому было хорошее. Церкви не было, она была разобрана после революции. На её месте был построен клуб.

Родители говорили о политике, но шепотом, потому что боялись. А о Сталине - тем более.

Нищету в колхозе ни с чем не сравнить, разве только с адом.

Из деревни мы уехали в 1948 г. На курортах никогда не отдыхала.

После женитьбы мы через 7 лет купили комод. Потом мотоцикл с люлькой, диван, телевизор.

Последнее время жизнь изменилось очень болезненно. Особенно для пенсионеров, которым по 4 месяца не платили пенсию.

Самое яркое воспоминание из жизни, когда муж не пил 5 лет.

Пожелание внукам такое: чтобы выучились, чтобы жили лучше нас и были достойными гражданами своей страны.

ДОКУМЕНТ №124

Шмоткова (Найдина) Зоя Петровна родилась в 1929 г. в с. Поповичи Алтайского края. Рассказ записала внучка Шмоткова Елена в 2001 (г. Мыски)³¹³

Родилась я в семье полукрестьянина, полуслужащего. Мой отец, Найдин Петр Степанович, слыл в селе очень грамотным, интеллигентным человеком, скромным, отзывчивым и очень обязательным. Он окончил всего 4 класса церковноприходской школы. Но это позволило ему стать советчиком и консультантом всем, кто к нему обращался за помощью.

Семнадцатилетним парнем вместе со сверстниками он был мобилизован в колчаковскую армию. Но не прошло и двух месяцев, как он с друзьями убежал из этой армии. После окончания гражданской войны он принимал участие в восстановлении советской власти на селе. Был членом сельского совета, потом его секретарем, руководил ликбезом. Многие из обученных им стали колхозными руководителями, бригадирами, звеньевыми, учетчиками, стали обучаться на механизаторов. Он организовывал потребкооперацию, впоследствии работал в сфере потребкооперации. Последние пятнадцать лет, до самой своей кончины, работал начальником отделения связи, которое обслуживало четырнадцать сел и деревень.

Особое место в его жизни и работе можно отвести военным годам. В начале войны он не был призван в действующую армию по брони, а затем по состоянию здоровья. Отделение связи стало своеобразным информационным штабом. Здесь в войну были собраны все радиоприемники. Разрешено было пользоваться только одним, установленным на почте.³¹⁴ Ответственность за распространение информации лежала на отце.³¹⁵

От взрослых я ничего не слышала о том, был ли отец участником организации колхозов. Наверное, был.

---

³¹³ На эти воспоминания следует обратить внимание, так как они несколько иначе представляют коллективизацию, чем большинство других респондентов. Не исключено, что здесь не обошлось без «двоемыслия».

³¹⁴ Специальным указом правительства все радиоприемники были изъяты у населения. В домах работали только трансляционные репродукторы («тарелки»), выключать которые строго запрещалось. Сделано это было по идеологическим причинам.

³¹⁵ Эта ответственность в то время возлагалась только на особо доверенных людей, как правило, сотрудничавших со спецотделами НКВД.

Из рассказов мамы знаю, как проходила коллективизация у нас на селе. Еще в начале 20-х годов в нашем селе была попытка организовать коммуну. По осени согнали скот в один малопригодный для содержания скота загон: отдельно дойных коров, отдельно молодняк постарше, отдельно телят, овец. Даже кур и кухонную утварь обобществили.

Наша коммуна, рассказывали, просуществовала пять суток. В деревне стоял невероятный рев голодных, недоенных коров, блеяние овец, мычание телят. Отважные женщины-коммунарки на свой страх ночью разобрали загон. Коровы, почуяв свободу, бросились к своим родным сараям. А коммунарки, тем временем, с фонарями в руках разбирали своих телят, овец, кур, чугуны, сковородки, ухваты. Так закончилась идея создания коммуны. Для вида мужчины пожурили своих жен, и на том всё закончилось.

Конечно, по прошествии почти 80-ти лет, этот эпизод кажется комичным. Под такой эпизод и тогда подводили, и сейчас подводят политическую основу, порочащую саму идею коллективного хозяйствования. А мне думается, что людям хотелось лучшей доли, лучшей жизни. А как сделать это, никто не знал. Таким образом, идея жить и работать в коллективе была у нас на селе похоронена почти на десять лет.

По решению сверху коллективизация началась у нас на селе в начале 30-х годов. Сама я процесс прохождения коллективизации, понятно, не знаю. Но сейчас думаю, что коллективизация проводилась не по принципу - всех поголовно. Знаю, что даже в 34-36 годах были и единоличные хозяйства. Но рамки возможностей единоличников постепенно сужались. Некоторые из единоличников уезжали в город. Благо, Кузбасс был нашим близким соседом. Рабочих рук там требовалось великое множество. Знаю потому, что несколько семей наших родственников уехали строить Город-Сад³¹⁶ и на другие стройки первых пятилеток.

Были ли у них паспорта, я не знаю.³¹⁷ Но знаю, что все они устроились на работу. Позже, приезжая в отпуск в деревню, часами рассказывали, как здорово они трудятся и живут. Так что, думаю, не очень сильно крестьяне были привязаны к земле, свободно могли уехать.³¹⁸

---

³¹⁶ Так тогда называли строящийся г. Сталинск (Новокузнецк)

³¹⁷ Скорее всего, они уезжали по вербовке. Завербованному на стройки никакой председатель колхоза не мог помешать выехать.

³¹⁸ В числе других публикуемых воспоминаний такое утверждение встречается впервые. У колхозников были следующие легальные возможности уехать в города: на учебу (при разрешении председателя); уйти в армию и не вернуться; завербоваться на

Моя мама была человеком очень консервативным. Она вела единоличное хозяйство до 1936 г.³¹⁹ Был у нее земельный надел, кое-какой сельхозинвентарь. А самое главное, была красавица-лошадь Воронуха-Белоснежка. С ней мама никак не могла расстаться. А в 1936 г. в весенний набор лошадей в армию мама с гордостью отправила в "солдаты" свою любимицу. Судя по этим фактам, коллективизация проходила у нас в селе не поголовно и не в раз.

Помню рассказы бабушки и других взрослых о жизни крестьян в колхозах. Были первые годы невероятно трудными. Все было впервые. А грамотных было очень мало или не было совсем. Вот люди и искали выходы. А эти выходы могли быть неправильными, поэтому и перегибы были.

В селе создали четыре колхоза: "Алтайский партизан"; "Сеятель"; "Им. Сталина"; "Ударник" и еще два - в поселках, входящих в наш сельский совет – "Стахановец" и "Двенадцать лет Октября". Я думаю, что коллективизация у нас в селе проходила более спокойно, чем в других местах, где были убийства, поджоги и т.д. Объяснить это можно тем, что в более поздние годы она проходила. Поэтому не только беднейшие крестьяне вступали в колхозы, но и вполне благополучные середняки. Раскулачивание тоже прошло несколько раньше. И к моменту сплошной коллективизации "кровососов-кулаков" на селе почти не было. Одни из них успели разделить свои крепкие хозяйства между взрослыми сыновьями, другие - вовремя уехали в города.

Так поступил мой дед по материнской линии. У них было весьма крепкое хозяйство – мельница, много скота (только дойных коров - больше десятка), овец, лошадей штук десять. Был разный сельхозинвентарь. Но дед отделил 3-х сыновей. Отделил и 4-х дочерей. Отдал кому корову с приплодом, кому добрую лошадку. А до этого они трудились все вместе, единым хозяйством. Так деду удалось избежать раскулачивания. В селе оказалось всего несколько семей, которых раскулачили с высылкой. Высылали наших кулаков в основном в Томскую область, при этом у них забиралось все имущество.

Уже в конце 30-х годов некоторые вернулись в село, но прижиться не смогли, уехали в город. Было ли в те годы воровство, не знаю. Наверное, нет, так как никто из жителей села, уходя из дома, не запира

стройки; выйти замуж за горожанина. О свободе передвижения колхозника не могло быть и речи.

³¹⁹ До 1936 г. в единоличниках могли оставаться, как правило, только бывшие красные партизаны, семьи красноармейцев, семьи сотрудников спецорганов и некоторые другие. Но и они вынуждены были платить очень высокие налоги.

дверь. Колхозное имущество до войны тоже не крали. Можно судить по такому факту. 1937-38 гг. были особенно урожайны. Колхозники отказывались от зерна, причитающегося им на трудодни.³²⁰ Возчики ссыпали зерно хозяевам прямо во дворы. Получали колхозники на трудодни мед, шерсть, картофель и т.д. Это я уже сама хорошо помню.

Были ли пьяницы? Конечно, а как же без них у нас в матушке России. Но надо сказать, их были единицы. Массовых пьянок, как сейчас, не было. Люди были более ответственными - и за дела, и за разговоры.

Антипропаганда колхозного строя была вплоть до Великой Отечественной войны. Помню, появилась у нас в селе бывшая раскулаченная Акулина. Когда-то, говорят, она была красивая, статная, высокая. А потом превратилась в черное привидение, помешалась умом. Ее и использовали враги в качестве антипропагандиста. Ею стали пугать детей. Женщины тоже боялись встречи с ней один на один. Ходила она во всем черном и с серпом в руке. Не раз было такое, что, бывало, накормит ее хозяйка, пойдет провожать хозяин в сени, а она с силой вонзит свой серп над головой хозяина и скажет: "Серп и молот – смерть и голод!". С такими визитами она приходила в основном к активистам колхозов. Действовали эти слова необычайно сильно.

Появился у нас в деревне и еще один "пропагандист" - юродивый и горбатенький Вася Первомайский. Он ходил по селам Алтая, Новосибирской, Кемеровской областям, пел частушки, порочащие жизнь в колхозах. Вот некоторые из них: «Колхознички – канареечки. Проработали год без копеечки»; «Говорят, что Ленин помер, я вчера его видал. Без штанов, в одной рубашке пятилетку догонял»; «Я на печке сижу, нитки сматываю. Каждый день я трудодень зарабатываю»; «Я сегодня заработала четыре трудодня. Бригадиру посулила, председателю дала»; «Шла корова из колхоза, слезы капали на нос. Отрубите хвост по ж..., не пойду больше в колхоз». Но комсомольцы вели работу по ликвидации таких агитаторов. Как только появлялись комсомольцы, Вася начинал выполнять разные акробатические штучки, обращался в "лягушку", начинал отчаянно прыгать, веселя собравшихся девок. Но частушки уже не пел. Но все их запомнили.

К концу 30-х годов колхозы значительно окрепли. В нашем селе построили МТС, которая обслуживала не только наши колхозы, но и колхозы еще четырех сел. При МТС работали курсы механизаторов-трактористов, комбайнеров, машинистов зерноочистительных машин.

---

³²⁰ Случай, если он действительно имел место, исключительно уникальный.

Появилась техника: небольшие трактора, молотилки "1100 – МК", зерноочистительные машины, навесной инвентарь для обработки зерна.

В селе была школа-семилетка. Надо сказать, укомплектована она была отличными учителями. Желающие продолжать учебу после семилетки ехали в город Бийск в различные техникумы. Там был медтехникум, техникум лесного хозяйства, сельхозтехникум, различные курсы бухгалтеров и т.д. Желающие закончить среднюю школу шли в соседнее село. Жизнь постепенно налаживалась, бурлила, била ключом. Молодежь, комсомольцы были заводилами во всем – принимали участие в работе "народного дома", где работали различные кружки: хоровой, народных инструментов, акробатический, художественного слова и еще какие-то. Выпускались стенные газеты, боевые листки, бичующие нерадивых и восхваляющие достойных. Руководили кружками молодые учителя и комсомольцы-активисты.

Уже в 1936-1938 гг. лучшие хлеборобы и животноводы села ездили на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Работа ладилась. Особенно хорошо было видно летом: женщины ехали на полевые работы нарядно одетыми с песнями. С раннего дня над селом разливались раздолжные песни.

Не знаю, может, для счастья человеку нужно совсем немного. Может, люди на самом деле стали довольны своей судьбой? Но из всего нашего не очень богатого довоенного детства я вспоминаю о нем, как о чем-то очень светлом, родном, близком и очень радостном.

А жили мы в доме-пятистенке (две большие комнаты) и прирубленные сени с кладовой. Семья состояла из семи человек: отец, мать, бабушка и нас четверо детей. По твоей, внучка, просьбе опишу обстановку нашего дома. В первой комнате (какходишь) слева - большая русская печь, занимавшая почти 1/3 всей комнаты. Печь отстояла от левой стены примерно на 80 см. Эта часть избы называлась запечь. В торце были полки, на которых располагалась разная кухонная утварь: глиняные горшки разных размеров, чашки тоже глиняные и особая гордость нашей бабушки - глиняные корчаги для приготовления разных разностей: варки сусли, парянок из брюквы, репы, моркови. Отдельные горшки - для щей и каши, кулешей и киселей. Так что еды у нас было предостаточно, и все экологически чистое и очень, очень вкусное. Запечь шла на спуск. Ступеньки вели в подполье, где хранилась зимой картошка и другие корнеплоды. Под запечью был деревянный настил, возвышающийся над печкой примерно на 20-30 см. Впереди от печи, на столбике-стойке, держалась полка, завешанная занавеской. По левой стене к углу прибит шкаф с 3-4 полками, на которых была фарфоровая посуда: чайные чашки,

чайники, блюда и еще какие-то разные разности, которые мы видели только по праздникам и на встрече гостей. Ложки деревянные, вилки красивые. Ну а ели мы из глиняных чашек. У каждого была своя, чтобы не тянуться. Праздничный стол был богат калорийной пищей. А в обычное время преобладала растительная пища. Бабушка наша не скупилась на различные пирожки и шанежки.

На самом переднем месте вдоль всей длины избы была широкая лавка, намертво приделанная к стене. Перед ней – стол, разумеется, тоже самодельный. В правом переднем углу - треугольный столик под красивой самодельной скатертью. На столике - несколько книг и деревянная шкатулка. В ней хранились документы и какие-то, наверное, небольшие деньги. Выше, в этом же углу, была божничка. На ней - икона (не помню какая), бабушкин молитвенник в металлическом переплете и поминальник, тоже в металлическом переплете, и мамины украшения – какие-то сережки и брошь. Это место избы называлось передний угол. Справа, как войдешь в избу - деревянная (самодельная) кровать высотой примерно 70-80 см. От печи до правой стены был положен брус. На него настилались доски. Это полати. На кровати спали отец с матерью, на печке бабушка с внучками, челбец был резервом для детей гостей. На полатях спали старшие братья. У нас в семье всегда жили какие-то племянники, то мамины, то отцовы. А летом еще открывали вторую комнату-горницу, обставленную немного попроще, чем изба. Всем хватало места и за столом, и в доме. Мы, дети, учились, любили школу, учителей, которые вкладывали в нас все, чем были богаты сами. Домашняя обстановка и общение с такими же, как мы, воспитывала нас настоящими патриотами.

Когда мы приобрели мебель, машины и другие дорогие вещи? Отвечаю. Уже в зрелом возрасте, а иногда и кое-что для нас осталось закрытым. Люди нашего поколения не считали материальные блага главными в жизни. А вот духовное богатство было основой, нормой всей нашей жизни. Очень жаль, что наши внуки думают иначе.

Еще хочется сказать, что молодость довоенных и послевоенных лет не страдала эгоизмом, делали все вначале для всех, для Родины, и в последнюю очередь для себя.

Я сожалею, что мы, дети войны, не сумели передать своим детям и внукам самые лучшие человеческие качества: чувство патриотизма, беззаветной любви к Родине. Не смогли противопоставить все то хорошее, чем богат был наш народ, надвигающейся беде – эгоизму, индивидуализму, злу и жадности.

А что касается колхозного строя или какого другого, я думаю, что все формы хозяйствования на земле хороши, которые не противоречили бы совести и чести людей, живущих на нашей Земле!³²¹

---

³²¹ Пожалуй, наиболее яркое тому подтверждение – израильские киббуцы (коллективные хозяйства), существующие с начала XX в. до сих пор. К началу сплошной коллективизации (осень 1929 г.) 46,1% крестьян Сибири состояли в маслоартелях - кооперациях, созданных самими крестьянами для более эффективной хозяйственной деятельности своих хозяйств и составляющих всего 19,7% всех кооперативов Сибири (полеводческие, животноводческие, птицеводческие, молочно-скотоводческие и др.). Единоличник часто состоял в нескольких кооперациях, скажем, в животноводческой и маслоартели; полеводческой и сбытовой. (Подсчитано по данным: Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). Документы и материалы. Томск. 1972. С. 150, 151, 161). Насильственная коллективизация уничтожила эту кооперативную сеть, создала неэффективные образования, привела к фактической деградации сельского хозяйства страны, о чем, собственно, и говорили почти все респонденты, описывая бесхозяйственность в колхозах.

ДОКУМЕНТ №125

Лучук Петр Иванович родился в 1929 г. в селе Стадница Винницкой области. Рассказ записала внука Лучук Екатерина в 2003 г.

Родители: отец – Лучук Иван Иванович 1893 г. рождения, мать – Лучук (Дичук) Прасковья Гавриловна 1902 г. рождения. Оба уроженцы села Стадница, из крестьянских семей. В 1914 г. отца призвали в армию, и до 1921 г. он был в рядах Российской, а затем Красной Армии на фронтах Первой мировой и гражданской войн. После демобилизации вернулся в свое село. В 1921 г. родители создали семью. В 1922 г. родилась старшая сестра Анна.

Семья занималась крестьянским трудом. Наемных работников (батраков) у нас никогда не было. После образования колхоза семья вступила в колхоз. Отец моего отца, будучи грамотным, работал счетоводом, потом секретарем в сельском совете. Мать была малограмотной, работала в колхозе.

В возрасте трех лет я заболел дифтерией, находился в тяжелом состоянии, и фельдшер направил меня в районный центр, объяснив, что если не ввести сыворотку, ребенок умрет. Было время посевной, основным транспортным средством служили лошади, которые были заняты на сельхозработах. Мой отец, не получив разрешения председателя сельсовета, самовольно взял лошадь и повез сына в больницу. Председатель сельсовета обвинил его в том, что он сорвал график посевной и поставил свои личные интересы выше общественных.

Продолжение этот конфликт получил, когда началась кампания по раскулачиванию. По спискам сельсовета арестовали мужчин и увезли в районный центр. Через несколько дней из села в райцентр вывезли и семьи раскулаченных, в том числе и нашу, погрузили в товарные вагоны вместе с главами семей и отправили на спецпоселение в Сибирь.

Наша семья попала в город Анжеро-Судженск. В городе было несколько спецпоселений: в районе Новой колонии, Судженских копей (возле ныне существующего стекольного завода) и других местах города. Мы жили в районе Судженских копей. Спецпоселение представляло собой двадцать дощатых оштукатуренных бараков. В народе их называли «стандарухами». Бараки были очень холодные, насквозь промерзали и их невозможно было натопить.³²²

---

³²² Вот как описывает краевая контрольно-ревизионная комиссия жилье спецпоселенцев в 1933 г.: «Средняя кубатура жилплощади в Прокопьевске и Анжерке

Документов не было, имелись только карточки учета в спецкомендатурах, где нужно было постоянно отмечаться.

Национальный состав поселенцев был пестрым: русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары и другие народности. Позже, во время Великой Отечественной войны, появилось много немцев из Поволжья. В тридцатые годы двадцатого века в обществе нагнетались неприязнь и ненависть к «врагам народа», к числу которых относили и нас, жителей спецпоселений. Между местными подростками и подростками спецпоселений часто возникали ссоры, драки. Они нас унижали, оскорбляли недостойными словами.

Родители работали на шахте №5-7 (позже шахта «Судженская»). Отец – бригадиром на лесоспуске, мать – в шахтовой мойке. Несмотря на суровое время люди не унывали, надеялись на лучшее будущее. Отец активно участвовал в художественной самодеятельности – ансамбле украинской песни и пляски. Сохранились фотографии участников художественной самодеятельности того времени. Быт постепенно налаживался.

Но тут наступил 1937 г. Отца арестовали в начале августа. Забрали глубокой ночью, и больше никаких известий о нем семья не получала. Мать пошла узнать в ОГПУ³²³ сведения о муже, но там над ней только посмеялись и сказали: «Что, тоже туда захотелось?». В то время арестовали очень многих мужчин из спецпоселений. Я помню некоторые фамилии: Титарчук, Онищук (тоже из села Стадница), Сухоруков, Вишнев, Лишевский. Вернулся из лагерей только Вишнев. Но это было уже после войны.

С 1937 г. по 1944 г. я закончил семилетку в школе №29 по улице Шмидта, а потом поступил в Анжерское медицинское училище, которое закончил в 1947 г., получив специальность фельдшера. В 1949 г. был призван в ряды Советской Армии и направлен в Дальневосточный

не превышает 2,0-2,5 кв. м. на человека (при 6 кв. м. санминимума). Значительная часть бараков и стандартных домов к проживанию в них в зимних условиях не подготовлена, исключая барак в Судженке: не оштукатурены, наполовину не застеклены окна, отсутствуют зимние рамы, полуразвалились печи. В деревянных и фанерных бараках пос. Тырган (Прокопьевск) печей нет. В ряде поселков бараки находятся в таком состоянии, что исключается возможность пользования ими как жильем; в 38 бараках пос. Березовая роща (Прокопьевск) из-за осадки стен, сложенных из дерновых пластов, образовались аршинные щели; в пос. Манеиха (Прокопьевск) в 55 бараках постройки 1931 г. провалились и прогнили потолки....» (См. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. (Сост. С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пашенко, Р.К.Суханова). Новосибирск, 1994. С.155)

³²³ Правильно – НКВД.

военный округ. В 1950 г. вместе с другими фельдшерами меня направили в Омское военно-медицинское училище на курсы военных фельдшеров, после окончания которых, получив звание лейтенанта, был откомандирован в Приморский край, где прослужил до осени 1956 г. В своей автобиографии я не указывал, что отец был репрессирован, а писал просто - умер.

В 1954 г. вместе со своей матерью, которая в то время жила уже с дочерью в селе Усть-Серта Чебулинского района, решили съездить на свою Родину, на Украину. Повидавшись с родными, мы с матерью узнали, что в 1933 г. после того, как из села Стадница вывезли большую часть хлеба, имевшегося у селян, начался страшный голод. Многие родственники умерли от голода, в том числе мои дед и бабушка. А в годы Великой Отечественной войны в их хату попал артиллерийский снаряд, и все люди, находившиеся внутри неё, погибли. Наши селяне на Украине жили очень бедно. По сравнению с ними сибирская деревня Усть – Серта жила зажиточно.

В сельском совете села Стадница мне, как военному служащему, нужно было отмечать отпускное удостоверение. Работники сельского совета написали в воинскую часть Приморского края, где я проходил службу, что сын раскулаченного «врага народа» является офицером Советской Армии.

После моего приезда из отпуска в часть командир полка кричал перед строем: «У тебя отец враг народа, таким не место среди офицеров!». Меня вызвали в политотдел, побеседовали корректно и посоветовали все указать в автобиографии.

Во время службы я закончил вечернюю школу, думал поступать в Военную академию. Но когда получил отказ в приеме документов, стал добиваться демобилизации. В качестве причины выдвигал тот факт, что мой отец репрессирован, поэтому перспектив продвижения по службе не имею.

Из армии я был демобилизован в 1956 г. и обосновался в городе Мариинске неподалеку от матери и сестры.

В 1958 г. я услышал, что часть соседей, репрессированных вместе с нами, были реабилитированы. Тогда я написал в прокуратуру Кемеровской области. Вскоре пришла справка о реабилитации и свидетельство о смерти моего отца, в котором было указано, что Лучук Иван Иванович умер в 1943 г. Диагноз – кардиосклероз. Место смерти не указано.

По прошествии многих лет, в начале девяностых годов, в областной газете «Кузнецкий Край» я прочитал статью «Кому нужна такая липа?» . В ней говорилось о выдаче родственникам недостоверных данных о репрессированных, когда неверно указывались даты смерти и ее причины.

Я снова обратился в прокуратуру Кемеровской области с просьбой рассказать о судьбе своего отца. В пришедших из прокуратуры документах подтверждались данные о реабилитации, а сведения о смерти были совершенно иные. Указывалось, что отец был репрессирован в начале августа 1937 г., а в конце августа - расстрелян. О месте расстрела и месте погребения вновь никаких данных не было. Судя по тому, как скоро приговор был приведен в исполнение, это произошло где –нибудь в районе поселка Ягуновский, либо города Ленинска-Кузнецкого где, по имеющимся теперь сведениям, находились расстрельные пункты.

Наша семья была полностью реабилитирована. Мать умерла в 1992 г. в возрасте 89 лет, а мы с сестрой получили свидетельства о реабилитации.

Сейчас я на пенсии, общий трудовой стаж 55 лет. Последние 35 лет проработал фельдшером в уголовно – исполнительных учреждениях города Мариинска.

ДОКУМЕНТ №126

Дьякова (Хахалина) Анна Александровна родилась в 1930 г. в с. Поморцево Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Дьякова Анастасия в 2000 г. (п. Промышленная)

Родители имели 6 детей (4 сына и 2 дочери), родившихся в 1920 г., 1923 г., 1930 г., 1932 г., 1935 г. и 1940 г.

О коллективизации рассказывали родители и старшие братья. У них она ассоциировалась с митингами, собраниями, транспарантами и, конечно, с конфискацией имущества, ссылкой людей.

В нашей семье было несколько трудоспособных мужиков, которые умели работать. Поэтому мы и жили зажиточно. Использовали мы также наёмный труд односельчан. Питались разнообразно: мясные, молочные блюда. Стол был добротным, но без всяких излишеств. Одевались тоже добротно. Много матерей шила сама. Наиболее красивые и дорогие одежды надевались по праздникам, служили несколько лет. Иногда они передавались по наследству (платья, кофты, сапоги).

И ни в какой колхоз мы не собирались вступать. Зачем он нам нужен? Были в деревне и бедняки. Это те, кто не хотел работать, был пьяницей. К зажиточным людям такие относились с завистью и, конечно, приветствовали колхозы. Они и становились активистами колхозов. С большим удовольствием людей раскулачивали. Бедняки в этом были материально заинтересованы.

Нашу семью тоже раскулачили и сослали в Нарым Томской области. Отобрали всё: постройки, лошадей, коров, птицу, сельхозорудия, зерно, семена, муку. Всё! Значительная часть конфискованного богатства в акты не вносилась и была нагло разворована односельчанами. С собой нам разрешили взять только немного из одежды и некоторых предметов обихода. Во время пересылки мы эту одежду меняли на продукты. Иногда за хорошую вещь выменивали лишь капустные листья. Но что поделать? Детей надо было чем-то кормить. Ох, и тяжела же была та дорога в ссылку. Многие её не выдерживали, умирали. Особенно много умерло детей.

В Нарыме наша семья обзавелась крепким хозяйством. И нас опять раскулачили. После двукратного раскулачивания нам разрешили вернуться в свою деревню и вступить в колхоз. В нем отец и мать проработали до самой смерти. Братья тоже работали в колхозе, один стал главным инженером, другой – бригадиром.

Рабочий день у колхозника был неограничен. В дни страды работали весь световой день. А часто и на ночь оставались. Причем, так работали не только взрослые, но и дети. Работали вручную. Оплата производилась по трудодням.

Воровства практически не было ни в самом колхозе, ни друг у друга. Видимо, боялись. Уж слишком жестокие меры пресечения были: за полпуда зерна давали десять лет. Замок ни у кого не было. Не запирались ни днем, ни ночью.

Сначала люди надеялись на роспуск колхозов. Но потом, когда они прочно обосновались, об этом уж никто не думал.

Были случаи, когда забирали людей как врагов народа. Это были не враги, а обыкновенные люди, которых брали, как правило, «за язык» по чьему-то доносу.

Голод в деревне был. Особенно тяжело было в войну. Но все знали, что продукты нужны фронту. На войну, кстати, сам никто не рвался, но по призыву шли все. Понимали, что Родину надо защищать. С войны многие не вернулись. Отец наш вернулся, вернулся и один из братьев, но инвалидом. А старший брат погиб. Мама умерла во время войны: у нас была эпидемия. Так что в свои 13 лет осталась я за хозяйку в доме с младшими братьями и сестрой на руках. Школу, конечно, бросила.

Пенсионеров в колхозе не было. Пока могли работать – работали. Паспорта колхозникам не выдавали. Это для того, чтобы мы не разбежались. Из колхозов не выпускали, поэтому люди и не уезжали. Хорошо в колхозе жили председатель, бригадиры и бухгалтер. Затем шли специалисты и трактористы. Хуже всех жили простые колхозники, которые не имели специальности. А таких было большинство.

Мы с сестрой сумели уехать из колхоза, так как вышли замуж. Дети моих братьев в разное время тоже покинули деревню: кто уехал на учебу, кто замуж вышел, кто в армию пошел и назад в деревню не вернулся.

Замуж я вышла в 1947 г. Мебель смогли покупать только тогда, когда муж стал работать на железной дороге. Это уже в 50-е годы было. Телевизор мы купили в 1961 г, мотоцикл – в 1975 г, а машины никогда не было. В собственной семье у меня двое детей: дочери с 1948 г. рождения и с 1955 г. Пять раз ездили всей семьей на юг. Последний раз – в 1975 г.

О 1955 – 60-х годах вспоминаю как о лучших годах жизни.

О политике в семье говорили мало. Зачем нам нужны были лишние проблемы? Чаще всего наши разговоры о политике не шли дальше обсуждения действий председателя колхоза или председателя сельсовета. Сталина мы любили, уважали и боялись. В партию верили.

Всю жизнь мы жили с верой в светлое будущее. А теперь... Что же дальше с нами будет?

Считаю, что деревня не может выбраться из нищеты потому, что ни одно правительство серьезно деревней не занималось. Из деревни привыкли только брать, но ничего взамен не давали. Либо давали не то, что нужно.

ДОКУМЕНТ №127

Баранова Клавдия Васильевна родилась в 1930 г. в д. Нагорная Татарской ССР. Рассказ записала Липовая Юлия в 2001 г. (г. Кемерово)

Семья наша состояла из шести человек: мать - Разумовская Арина Гентовна, отец - Разумовский Василий Викторович, четыре ребёнка (три сестры и брат). В моей собственной семье только двое детей: сын и дочь.

В то время, про которое ты спрашиваешь, я была ещё маленькой. Но мать рассказывала, что это было время самого сильного голода.. А из своих воспоминаний знаю, что в возрасте 11-и лет отца моего забрали на фронт, старшую сестру на торфоразработку,³²⁴ а сама я ходила в поле с матерью, полола. Деревня наша была бедная, дома соломой крытые. Мы самые и есть бедняки. В деревне все друг друга знали, относились хорошо.

Богатые в деревне были. Но их было мало. Раскулачивали тех, у кого было много хлеба, полный двор скотины. Забирали всё. У этих людей было что взять. Приходили люди из власти, забирали всё хозяйство, оставляли крестьян без ничего. Конфисковывали всё, что находилось во дворе и в доме: коровы, овцы, куры, картошка, хлеб, посуда.

Крестьяне никак не протестовали против такой жизни, боялись. И нам мать запрещала что-нибудь говорить. Говорила, что иначе нас вышлют из деревни. Да и жаловаться надо было идти далеко, в район, а он за 20 км.

В нашей деревне было человека четыре активных для колхозов. Это были приезжие. Но и местные им помогали. Активистами становились те, кто умел жить в колхозе. А мы не умели. Поэтому и жили бедно. Активисты "воровали", как говорили в деревне. Откуда-то ведь у них были деньги, еда, одежда. Мы ели что придётся. А они ели и мясо, и пироги, и много всего, чего мы и в глаза не видели на своих столах. Это был совсем другой мир.

Ели мы в основном траву и картошку. На лесозаготовках нам давали муку, которую, бывало, посыпешь корове в сено, а она есть не хочет. Такая эта мука горькая была. А мы ничего, ели. Иначе с голоду поумирали бы. Когда дохли коровы от чумы, их увозили на свалку. А мы шли и рубили это мясо, несли домой, варили с травой и ели. Мать нам запрещали тащить домой это мясо, но я говорила: "Лучше сдохнуть от чумы, чем от голода". С 31 года самая страшная голодовка была. Своих запасов ведь в колхозе не было. Те, кто не хотел есть мясо мёртвой скотины, умирали. А скотина умирала от того, что даже сено накопить было негде. Колхозы всё сено

---

³²⁴ Видимо, - в трудовую армию.

уберут, а мы - уже где придётся. В 41-м война началась. И в это время питались так же.

Как в председатели выбирали - не помню. В нашей деревне председателем был друг моего отца. Они с ним вместе пошли на фронт. Отец мой миномётчиком был и погиб в первую же ночь на фронте. А ещё мать говорила, что председателями были люди, умеющие вертеться.

Обуви у нас не было, только деревянные бутсы. А в основном наматывали портянки на ноги и ходили. Работали очень много. Но нам ничего не платили. А если не выходишь на работу, к тебе приедут и лишат всего, что у тебя до того было. То немногое и то заберут.

Никто старался не воровать. Ведь если идёшь вдоль дороги, нарвёшь в карман колосков, а объездчик заметит, то плетью исхлещет и тебя, и тех, кто с тобой рядом. Да и пытками мучали в сельсовете. А потом - и в тюрьму. Есть всегда хотелось. Дома кушать ничего не было. Вдоль дороги трактор примнёт немного колосков к земле, мы их с краю поднимем, от земли отшелушим и едим. А если заметит объездчик, то исхлещет плетью.

Богатые в колхозе были. Они работали на себя и могли не ходить на поле. А мы работали и у себя на огороде, и на поле колхозном. Брали лошадей в колхозе. И не дай Бог, если лошадь падёт на ноги на твоём огороде. А ещё хуже - умрёт. Не расплатишься потом с колхозом. Поэтому прежде кормили лошадь, а потом уж ели сами. Лошадь нужно вернуть живой.

Пожилые люди пенсии не получали. Если могли - шли в поле. Не могли - за них работали родственники. Да и мало людей в пожилом возрасте было: не доживали. Никто не мечтал о роспуске колхозов. Люди уж сильно привыкли к земле. Ведь на ней работали их родные и близкие. А если бы их даже распустили, они никуда бы не пошли.

Но если кто попадал в город, старался не вернуться в колхоз. Один дурак у нас вернулся с фронта - дядя Павел (друг отца). Хотя в деревне нашей было 120 дворов и почти в каждом были мужчины, ушедшие на фронт. Потом люди просили, чтобы дядю Павла поставили председателем.

Только в 50-ом году за хорошую работу он отпустил меня из колхоза (в память об отце). Я и уехала в Кемерово. А работала я с 14 лет на лесорубке, сучки от деревьев стёсывала. А в конце года хлеб давали, который даже корова есть не хотела. Когда я уехала, через некоторое время перетянула к себе и своих сестёр. В деревне у меня никого не осталось.

Ограничений на своё хозяйство, кажется, не было. Но овчинка выделки не стоила, когда непомерные налоги на всё хозяйство: с 1 курицы - 100 яиц, с овцы - шерсть, с коровы - молоко (не помню сколько). Правда,

мы коз держали, на них налога не было. Налоги и колхоз душили нас. Да и тяжело было «скрябать» сено по холмам где придётся. Много времени уходило заботиться о скотине. Мы бы кормили скотину. Но сена не было. Весь хлеб уходил в Германию.³²⁵ Несправедливо жили богатые. А все остальные были серенькими. Работали, мучились, да и только.

Охотно ли мы учились? Охотно ли ты будешь ходитб 20 км каждый день в район, где была школа? Только две девчонки ходили туда учиться. Одна из них выучилась на начальника паспортного стола. А вторая, возвращаясь домой, попала осенью в лужу (а обувались в портянки), простыла и умерла от туберкулёза. Так её и не спасли. Мама моя даже первого класса не закончила. Клубов у нас в деревне не было. Да если и были бы, не до них нам было.

Молодёжь воспитывалась жалостливо. Её старались не обижать. Церковь и Бог – единственное, во что верили. Вот и ходили туда. И зачем было коммунистам кресты с церкви снимать? Это же свинство! Никем не доказано, что Бога нет. И утверждать мы этого не можем. Священников мы уважали.

Ни о какой политике и ни о ком родители не говорили. Они в этом деле тёмные были. Для нас Сталин был Бог. Мы даже плакали, когда по радио передали, что он умер.

Жизнь была тяжёлая. Никаких прав у советского человека не было. Какая речь может идти о том, как жил народ? Это была не жизнь, а пытка. Каждый день работа в колхозе, никакого отдыха. Все люди были пешками в руках власти. Не подчинишься – ссылка или тюрьма. Власть не интересовали личные проблемы людей. Никаких условий не было для нормального существования.

Кругом налоги непомерные. А ещё забрали последнюю веру людей - разгромили церковь, растоптали веру в Бога. Люди молчали. Ведь у них не было никаких прав что-то сказать, обратиться в суд. Всё это не существовало для них. Ну, а какой смысл всех этих "тюремных" законов?

Наша страна не являлась передовой. В то время как Запад живёт размеренной, цивилизованной, всех удовлетворяющей жизнью. А ведь они дошли до этого совсем не таким путём, как хотели сделать это мы.

---

³²⁵ Речь, видимо, шла о поставках хлеба в Германию по договору 1939 г. А, возможно, и послевоенных поставках в страны Восточной Европы, в которых СССР насаждал социализм.

ДОКУМЕНТ №128

Кочерга Валентина Ивановна родилась в 1930 г. в станице Новометровская Краснодарского края. Рассказ записала Баль Анна в 2001 г. (г. Новокузнецк)

В семье было шесть человек.

Дед вёл хозяйство. Хозяйство было большое. Выращивали овощи: перец, помидоры, огурцы. По найму в сезон у него работали греки, турки. Он также занимался выделкой кожи. Бабушка и мама вели домашнее хозяйство, ухаживали за скотом.

Отец работал корреспондентом в газете, умер в 1933 г. До 1935 г. жили в достатке. Родители работали от зари до зари. В 1935 г. деда арестовали и выслали в Сибирь, оттуда он уже не вернулся. Дом у нас забрали. Впоследствии в нашем доме расположилось правление колхоза. Может быть, оно и поныне там.

Обстановка в доме была хорошей: были и стулья и столы, даже был граммофон с пластинками, было много одежды. Все у нас забрали в колхоз. Из станицы нам пришлось уехать. В школу пошла в 1938 г., проучилась до Нового года и больше меня в школу не пустили, так как к этому времени мама вышла замуж и родила брата и сестру. За ними нужно было смотреть.

Мама работала в колхозе за еду. Денег не получали вовсе. Деньги ездили зарабатывать в Грузию, там люди жили зажиточно. Нанимались к ним на работу. Они платили деньгами, на эти деньги мы и одевались. За месяц работы я могла купить отрез на платье ситцевое или туфли. Развлечений не было никаких. Иногда привозили кино.

В 1955 г. я вышла замуж. Муж работал на металлургическом комбинате прокатчиком. Зарабатывал хорошо. Через год мы купили обстановку: радиолу, кровать, стулья, стол, диван, посуду. Телевизоров, холодильников в то время не было, а ковры стоили дорого.

Муж погиб в 1960 г. Больше замуж не выходила, сына воспитывала одна. Сад купила в 1970 г. Сын закончил школу в 1971 году. В отпуск старалась ездить в дом отдыха. Ну, а после работы отдыхала дома, так как работала физически. Выйдя на пенсию, отработала 10 лет. За свою жизнь сменила 2 телевизора, 2 холодильника. На курорте была 3 раза.

За последние четыре года жизнь изменилась. Люди стали одеваться лучше, красивее. Но это кто работает, тот и живёт хорошо. А для пенсионеров жизнь становится хуже. Цены на продукты растут быстрее,

чем пенсия. На одежду денег вообще не хватает. Носим то, что купили давно.

Для того, чтобы жить хорошо, надо больше и лучше работать на себя и для своей семьи, а не на государство. Как всю жизнь заставляли нас не помнить себя, но заботиться о государственном.

В нашей плохой жизни виноваты мы сами, потому что слишком много доверяли власти, то есть коммунистам. Они все стали сейчас капиталистами.

ДОКУМЕНТ №129

Поснова Валентина Ивановна родилась в 1930 г. в с. Моршанка Новосибирской области. Рассказ записала Рыбакова Юлия в 2000 г. (г. Кемерово)

Сама я не знаю, как выглядела деревня до коллективизации. Но матушка говорила, что хорошо было - сам себе работаешь, никому ничего от тебя не надо. А потом стали забирать все. Увидят две лошади - одну заберут. Все работают. Даже дети. Мне шесть лет, а я с утра до ночи работаю. И все равно, дите же! А пожаловаться некому. А куда деваться, будешь вопить - избыют.

Голод был невыносимый.

Раскулачивали богатых, конечно. У бедных-то ничего нет. А наглые – то какие были эти кулачники! Говоришь им, что ничего нет. А они лезут, и, если найдут, все заберут подчистую. Они даже не смотрели, что детей много. Матушка рассказывала, что когда к нам пришли и все забрали, она на колени упала и давай просить, чтобы немножко оставили детям. Ну один и говорит: “А черт с ними, с твоими детьми. Сдохнут, еще и лучше. Нам лишние рты не нужны, самим мало”.

А раньше в семьях много детей было, попробуй, прокорми их при такой-то власти.

В колхозе работали с шести утра до двенадцати ночи. Не было ни выходных ни проходных. Деньги не давали. Трудодни у нас были. А когда и муки дадут, и пшеницу давали, и крупу тоже давали. Но очень мало. На них не проживешь.

Люди, конечно, воровали. Да и как не воровать? Да все и воровали. Вон, Надя – чувашка колос взяла, а ей четыре года дали. А матушка наша пять колосьев взяла, но ей условно дали, потому что дети маленькие были. Куда их, на кого?

Ой, как люди мечтали о роспуске колхозов. Да, конечно, мечтали, милая моя! Все хотели жить хорошо (смеется), как не хотели, конечно, хотели, чтобы колхозов не было.

Началась война. Мужиков на фронт стали забирать. Как забирали? Дали повестку, и все! Шуруй, не возникай. Много не вернулось, что там говорить. А кто вернулся – калеки.

Каждый колхозник жил за счет своего хозяйства. Какое хозяйство? Лошадь да корова, вот и все хозяйство. Это не то, что раньше. И налоги сильные были. Мясо отдай, молоко отдай, а если что останется - себе. Раньше коли на колхозное поле работать не пойдешь - хана тебе. Это

сейчас отпуска есть. А у нас ничего не было. Работали и работали, отдыха не знали.

Ну, какие клубы? Не было их у нас. “Сабантуи” – то у тебя, то у меня соберемся. Посидим, попоем и все. Что нам еще надо? А библиотеки может и были, где богатые колхозы, а у нас - то не было.

О политике, конечно, говорили. Говорили, что Ленин хороший был. Сталин хороший. Он цены снижал, как март – цены снижал. Мы его все ждали.

Нашу жизнь мы с адом сравнивали. Вот матушка говорила: “Душат со всех сторон, дыхнуть не дают, ироды проклятые”. С адом, конечно, а с чем же еще сравнивать.

Ну, кто виноват в нашей жизни такой? Правительство и виновато. Да и мы, бабки. Память ведь! Вот когда умрем, тогда и пускай переделывают, как хотят, а сейчас не дадим.

Я сроду и не отдыхала. 52 года отработала – нигде и не была, даже в доме отдыха не была.

Спрашиваешь, какое самое яркое воспоминание в жизни. Как тебе сказать? Хорошего не видела, но и плохого тоже не было. Да и то сказать, мне 70 лет всего лишь. Всё ещё впереди.

Дай Бог внукам здоровиться. Успехов им в работе, учебе.

От души желаю им, чтобы жили хорошо, а не так, как мы, горемычные.

ДОКУМЕНТ №130

Трубникова Любовь Ефимовна родилась в 1930 г. в с. Покровка Оренбургской области. Рассказ записал Монгуш Кудер в 2001 г. (г. Кемерово)

В жизни были, конечно, светлые, незабываемые мгновенья. Всё, что связано с юностью, кажется прекрасным. Когда пора была влюбляться.

В семье нас было 8 человек. Это те, кто выжил. Но многие умирили в младенчестве от болезней. Семья была среднего достатка, как и все в те времена жили. Помню, была у нас одна корова, а больше держать было нельзя. Считалось, если есть две коровы, то хозяева - кулаки. Лошадь считалась частной собственностью и её категорически запрещали держать.³²⁶ Мама говорила, что доходило до смешного: если чугунок, в котором варили кашу, был изнутри эмалирован – кулак, а если нет, тогда не кулак.

Родители мои работали в колхозе от зари до зари. Но все равно, как ни странно покажется, жили мы в нищете. На завтрак, обед и ужин всегда было одно и то же – постные щи. Зимой, правда, рацион получше был: молочко было, да еще картошка. А вот масло мы ели очень редко. В наших хозяйствах, конечно, были продукты питания: яйца, молоко, мясо, но мы их не ели. Нам их надо было в налог сдать. А те, что оставались, мы их накапливали и везли в город, чтобы обменять на керосин, спички, мыло. Денег-то у нас не было. На трудодни мы ничего, считай, не получали. Да, да! Не удивляйся. Мыло и спички были для нас большим дефицитом.

В свободное время мы собирались в каком-либо доме: дети играли, а взрослые обсуждали текущие дела, иногда пели песни. В школу я пошла в восемь лет. Писали на специальных дощечках. Учились грамоте от мала до велика. Тяга к грамоте была большая. Конечно, всегда найдутся люди, которые не входят в общие правила. И у нас такие люди были. Они считали грамоту необязательным делом. Но таких были единицы. Все учились, кто получше, кто похуже. Но все равно уровень знаний, я думаю, был низким. Например, наш председатель колхоза, поступая в институт, при написании диктанта допустил 36 ошибок, а его все равно приняли. Была, кажется, программа обучения руководителей.

Конечно, мы обсуждали поведение нашего начальства. В лицо говорили одно, а за спиной - другое. Недолюбливали люди начальство, так как к власти приходили люди нахальные, пробивные, не обремененные

---

³²⁶ Лошадь разрешали держать только инвалидам Великой Отечественной войны.

принципами. Я, конечно, не говорю про всех начальников. Были и такие начальники – личности, которые пользовались уважением в народе. Они за такими шли, верили в них. Я говорю о непосредственных начальниках, которые контактировали с людьми. Люди в основном знали руководителей только до председателя сельсовета и председателя колхоза. А какие выше были начальники, мы не знали. Про политику мы вообще не говорили, например, про Сталина или про кого другого. Вдруг не то ляпнешь!

Да, мы чувствовали, что живем не так. Мы не знали, что именно нас не удовлетворяло. Подсознательно мы знали, что у нас в стране не все в порядке. Особенно это стало заметно во времена Хрущева, когда хоть помаленьку, но просачивалась информация о жизни людей «там». Мы вдруг узнали, что при капиталистах народ живет не хуже нас. А раньше нам про них другое внушали. Узнали, что в некоторых случаях у них даже получше.

А у нас были сплошь и рядом парадоксы. Скажем, ты гвоздь нигде не можешь купить. Гвоздей просто не было в магазинах. А те несчастные гвозди на работе можно было пачками воровать. Хочешь - не хочешь, а вором все равно будешь. Рабочего, который годами стоял в очереди на автомобиль, копил деньги, за незначительный пустяк в работе исключали из очереди или записывали в конец очереди.

Мне не жаль, что разрушили социализм, разрушили бедную, но спокойную жизнь. Даже наоборот. Наверное, недовольство народа своей жизнью рано или поздно должно было бы привести к подобному исходу. Я думаю, что тем, кто его разрушал, главным было не то, что мы будем жить в демократии, а то, что так жить, как тогда жили, стало просто нельзя. Так что я рада, что мы живем так, как сейчас. Хотя трудно, конечно. Но все равно лучше. Я желаю, чтобы подрастающее поколение строило свою жизнь, не оглядываясь на наше темное прошлое и на тех, кому не по нутру изменения.

Я хотела сказать, что не надо жить по указке взрослых, а надо самим творить, дерзать, благо, сегодня это можно. Так что дерзайте, коль уж родились в такое время.

ДОКУМЕНТ №131

Быкова Анна Гавриловна родилась в 1931 г. в д. Симоново Топкинского района нынешней Кемеровской области. Записала внучка Быкова Светлана в 1999 г.

О коллективизации я знаю по рассказам своих родителей (Шумило Ефросиньи 1898-1988 гг., Шумило Гавриилы) и особенно свекрови, которая очень любила рассказывать о своей жизни.

Наш колхоз назывался «Герой пионер». В деревне было более трехсот дворов, сейчас осталось не больше ста.

О справедливости коллективизации нельзя говорить, так как кулаками считали людей, которые имели хороший дом, стайки, коров, лошадей и какие-то машины: сеялку, косилку. Всё это отбирали. А как жить без скотины или крова? Да ещё в Сибири! Отобрали и у свекрови. Её отец тогда только что хороший дом построил. Приехали, разобрали тот дом и увезли в колхоз «Рассвет». Там его собрали, он и до сих пор стоит. Как едем мимо него, всегда всплакнем...

А ещё раньше у них забрали не только скот, но и всю птицу. А ведь кто раскулачивал? Свои же деревенские и раскулачивали. Был у нас один такой. Всё ходил с приезжими по нашим дворам. Ох, и ругали того мужика люди. Бабы, те прямо проклинали его. Но он никого не жалел. Никого не щадил. Забирал всё: дома, зерно, продукты, косилки, плуги. Люди что могли в лесах закапывали, в глубокие колодцы бросали, чтобы потом достать.

Односельчане относились к раскулаченным с жалостью. Бывало, всей деревней плакали как по покойнику. Никто злорадно не говорил, мол, у нас нет, так и у них пусть не будет. Что в книгах, что в фильмах - всё про коллективизацию рассказывают неправду. Надо было послушать тех, кто её пережил.

Для людей это было несчастье! Руки опускались! Как жить дальше? Вот и дядька Гавриил, Царство ему небесное, после этого несчастья уехал. Сказал, что на заработки, жизни лучшей искать. А жена с четырьмя детьми осталась. Спасло их то, что она заговоры всякие знала, дело врачебное ведала. Никому в просьбе не отказывала. За это её уважили, хлеб, молоко давали. А дядька так ничего и не нашел на заработках. И от этого помер. Больно сильно грустил по семье.

Бунтовать из наших никто не бунтовал. И не думал даже об этом. Ведь власть-то не их была. Власть была тех, кто нас раскулачивал.

Подумать только! Могли приехать и любого забрать. Даже не сказать, за что забирают.

Был у нас в деревне Лукошкино (я в ней родилась) мужик один. Приехали из города, забрали его. За что? Про что? Никому ни слова! Прошло много лет. Жена его уже и забывать стала. Вернулся через 10 лет. Борода - до колен, и весь больной. Но в первый день к своим не зашел, ночевал у соседей. Мол, жену боялся напугать. Она же мертвым его считала.

Прожил он года два и помер. Всем говорил, что очень рад помирать на родной земле, что, мол, хорошо помирать, повидав своих. Так никто до сих пор не знает, где он был, за что сидел, за что били, за что здоровье забрали. О людях, побывавших тогда в лагерях, всегда рассказывали как-то страшно. Те, кто там побывал, никогда о лагерях не рассказывал. У нас говорили, что они боялись из-за этих рассказов опять попасть в НКВД.

В жизни у нас только страх и был. Лишь только страх! Всего боялись. Боялись слово лишнее сказать. Боялись частушку спеть. Боялись власти нашей, то есть «органов». Соседи между собой не говорили, а шептались. Боялись, вдруг кто третий услышит. О власти и словом не заикались. А сейчас вон какие анекдоты да байки рассказывают. И не боятся!

Сталина все уважали. Говорили, что Сталин и есть сама власть, что власть лишь у него. К компартии относились уважительно, старались вступить в неё.³²⁷ А ещё нам жалко было свои продукты колхозу сдавать. Мне было 10—12 лет, я сама их носила. Так самой съесть их хотелось! Но нельзя было. Надо было сдать молоко, яйца, масло. И если их у тебя не было, то покупай в магазине и сдавай. Покупали и сдавали.³²⁸ Ладно бы во

---

³²⁷ Вступление в члены КПСС обеспечивало карьерный рост. Человеку, не состоявшему в КПСС, трудно было надеяться на назначение руководителем даже среднего звена, скажем, начальника смены на заводе. Не говоря уж о назначении первым руководителем – председателем колхоза, директором совхоза, даже – главным бухгалтером или заведующим кафедрой в вузе. Чтобы компартия не превратилась только в партию чиновников и начальников, существовали лимиты приема. На каждые 9 чел. (8 или 7 чел.) рабочих принимали только одного служащего. Была разнарядка на число принимаемых женщин, молодежи, с высшим образованием и проч.

³²⁸ На презентации одной из книг составителей данного сборника воспоминаний (Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М., 2003. – 103 с.) известный в России археолог, академик Мартынов А.И. рассказал собравшимся, как его мать возила в Москву молоко на продажу, покупала на эти деньги масло и сдавала его в качестве налога. Академика поддержал его коллега профессор Кулемзин А.М., рассказавший, как его отец (директор сельской школы) купил в городе ящик масла затем, чтобы его учителя, раскупив его, смогли сдать налог на масло. Это масло тут же поступило в

время войны. На фронт отправляли. Хотя, кто его знает, доходили ли они до фронта.

Хорошего было мало, что тут говорить! Много работали. И не могли добровольно перейти на другую работу. Не отпускали. Никаких больничных мы не знали. С папкой твоим ходила уже седьмой мясц, а меня отправили лес садить. Осень, дождь...

Помню, я работала осеменителем. Бык так сильно ударил меня по колену, что стоять не могла. А начальница наша, Галина Ивановна, не отпустила меня даже на денечек отдохнуть, говорила, что за тебя работать некому.

Я на производстве в городе не работала. Не знаю, как доставалось рабочим. Но думаю, что они много лучше нас жили. Ведь рабочие работали по графику, получали деньги и карточки. Кусок хлеба всегда был. А я в колхозе стала работать с 12 лет. Разбудят тебя ещё до свету, идёшь на свёклу и работаешь допоздна. И корку хлеба тебе никто не принесет.

Плохо мы жили до 50-х годов. А потом всё лучше и лучше. Хорошо было в 80-е годы. Всего было вдоволь!

О вождях наших скажу одно: лучше всего нам жилось при Брежнев.

А про сегодняшних скажу, что, боюсь, они опять доведут Россию до тех же голодных и злых времен.

сельский магазин, его раскупили крестьяне, сдали его в качестве налога, масло опять поступило в магазин... И так оно сделало пять оборотов. Все были удовлетворены: крестьяне отделались от налога, налоговики отчитались за собранные налоги на масло, потребкооперация выполнила план товарооборота, статистики зафиксировали рост покупательной способности крестьян и производства масла. И все это – в пять раз. Так формировались «лукавые цифры» советских отчетов: на бумаге - много, на деле – чуть-чуть.

ДОКУМЕНТ №132

Н Дед родился в 1931 г. на Западной Украине в небольшой деревне (свое имя и деревню отказался указывать). Рассказ записала Рябова Наталья в 2001 г. (г. Полысаево)

Тогда мы жили под Польшей.³²⁹ Семья у нас была по тем временам небольшая: дед, отец, мать, я и братишка. А раскулачили нас, когда Красная армия в 1939 г. захватила Польшу. Матери было 38 лет, отцу- 40 лет, деду - 60 лет, а братишка – новорожденный.

Со словом коллективизация у меня неприятная ассоциация. Но если сказать коротко, то это страшная несправедливость, нищета, а главное – разлука с любимыми, родными, с родным местом проживания.

Я запомнил, как приходили чужие люди и звали нас в колхоз. Многие из жителей деревни туда вступили, а мы не хотели этого делать. И моего деда обвинили в антисоветской агитации.

Деревня наша бедной не считалась, и бедняков у нас было немного. В основном это были семьи, оставшиеся без кормильца. Но им все старались помочь. Были и такие, кто просто не желал работать. У них не было земли, и некоторые зарабатывали тем, что работали на других . И отношение к ним было, конечно, негативное.

И началось раскулачивание. Приехали чужие люди. Моего отца тогда не было, он был на войне³³⁰. Мы с дедом были в поле. Дома были лишь мать и братик. Их увезли первыми, а нас только через два месяца. Те два месяца мы жили без ведения о судьбе моей матери и брата. Они оказались в Томске, а мы с дедом в Кемеровской области. Дальнейшую судьбу своей матери я не знаю. Я больше ее так никогда и не увидел. Отец не пришел с войны . А слухи донесли , что брат умер в Сибири.

Многие односельчане нас жалели. Но были и такие, которым наше горе было в радость. Куда нас выселяли, нам не говорили. Дали на сборы полчаса. Что успели, то и взяли. В реальной жизни это происходило иначе, чем описывают в книжках. Намного страшнее.

Путь от деревни до ссылки был тяжел. Сначала мы ехали на телеге, потом в товарном вагоне. До Сибири мы ехали две недели. Только один

---

³²⁹ До начала Второй мировой войны Западная Украина была польской территорией. Германия напала на Польшу с запада 1 сентября 1939 г., а СССР – с востока 17 сентября. Это была совместная операция Красной армии и германского вермахта. В знак победы над Польшей союзники (СССР и Германия) провели во Львове парад своих войск.

³³⁰ Видимо, речь идет о польской армии

раз нас сводили в баню. Кормили хлебом и пустыми щами. Медицинского обслуживания, конечно, не было. На Украине у нас осталось два дома. В одном из них расположился сельсовет.

Я не считаю, что до коллективизации наша деревня чем-то отличалась от других. Мы работали, жили, не голодали и не нищенствовали. Можно прямо сказать, что у нас была хорошая жизнь. Мебели мы не знали. Кроме столов, скамеек другого имущества не было. Была корова, два теленка, гуси, утки. Но так было у всех.

Коллективизация и война всё разгромили. Мы, конечно, протестовали, но про себя. Понимали, что нет смысла сопротивляться, так как против нас были вооруженные люди.

После ссылки я долгое время не имел возможности приехать в родную деревню. И лишь в конце 60-х годов я там побывал. Ну и где та хорошая жизнь, о которой трещали, когда в колхоз людей сбивали?! Где высокий уровень благосостояния, льготы для крестьян, различные блага? Не было даже того, что мы имели до коллективизации. А тридцать лет прошло.

Колхозными активистами в деревне становились люди, которые смогли приспособиться к новой власти. Отношение к ним было различное. Дружественным его не назовешь.

Председателем в нашей деревне стал самый бедный, не имеющий, как говорят, ни кола, ни двора. Ну и как ты думаешь, такой хозяин мог хозяйствовать? Он, как говорят, своей бабой не мог руководить, а здесь — целым колхозом.

Рабочий день у колхозника был обычный. Вставали рано и работали в мороз и под проливным дождем. Оплата была по трудодням, настоящих денег не видели. На трудодни не проживешь. Приходилось воровать колхозное добро, хотя многие это воровством не считали, так как забирали своё, заработанное, но колхозом не оплаченное.

Были случаи, когда арестовывали женщин и даже расстреливали их за несколько колосков, украденных с колхозного поля. чтобы прокормить своих детей. Но друг у друга люди не воровали. Это чистая правда, что замки на дома не вешали.

В 30-х годах у нас голода не было, так как тогда мы не входили в СССР, а жили под Польшей. Мы знали, какие страсти с голодом были на Украине, входившей в СССР. Земля одна, природа одна, народ один. У них голод, а у нас, через речку, сытая жизнь. Потому мы колхозов и боялись, когда в 1939 г. и к нам пришла советская власть. Наступившую в колхозе нищету сравнивать было не с чем, так как с таким положением мы ни разу не встречались. Но наша семья эту нищету не испытывала, так как в колхоз

не вступила. Таких, как мы, было немало. Но они почти все попали в Сибирь или вовсе сгинули.

«Враги народа», конечно же, были в нашей деревне. Иногда забирали совсем невиновного. Основным обвинением была антисоветская пропаганда.

Началась война. И не все охотно шли на нее. Многие из жителей нашей деревни перешли на сторону немцев. По слухам, среди них был и мой отец, хотя точно не знаю, спросить не у кого. А мы с дедом и матерью были в Сибири.

Почти каждый дом в нашей деревне после войны остался без хозяина. После неё жить лучше не стали. В колхозе были одни женщины и маленькие дети. А работать им приходилось много.

Обучались деревенские дети неохотно, так как учеба - это время, а время - это работа, а работа – это хлеб. Моя двоюродная сестра пряталась с учебником под кроватью от родителей. Грамотных было мало. Да и я сам четыре года, как и все мои ровесники, учился в первом классе.

Были в деревне клубы. Они создавались для того, чтобы просвещать народ. Но большинство туда не ходило. Была еще и церковь. Вот ее все посещали регулярно. Ведь только там можно было успокоиться и отдохнуть.

Жизнь моя на новом месте потихоньку налаживалась. Сначала работали на лесоповале. Первое время милиция и военные за нами наблюдали, как наблюдают за заключенными. Потом мы просто у них отмечались. Когда мы стали свободны, я предпочел людей в форме не замечать. Не замечаю их и сегодня.

В 55-м году построил свой дом в «кулацком поселке».³³¹ Наш поселок выглядел лучше всех. Это, наверное, потому, что эти люди любят работу и не боятся ее.

Мебель не могли купить в течение долгого времени. Холодильник и телевизор купили, когда уже детям было по 10-15 лет. Машину купил уже, когда родилась вторая внучка.

Трудно сейчас найти - кто виноват, кто прав.

(Разговаривая с дедушкой, я обратила внимание на его глаза. Они меняли свой цвет. Казалось, воспоминания пугают его. Я думаю, крестьяне чувствовали себя в колхозе и в ссылке, как в «чужих лазаретах», откуда нет выхода живым.)

---

³³¹ Так называемые «кулацкие поселки» есть во всех городах Кузбасса. И везде их отличает добротность строений и ухоженность дворов и огородов.

ДОКУМЕНТ №133

Зайцева Екатерина Афанасьевна родилась в 1934 г. в г. Мариинске нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Оорджак Аида в 1998 г. (г. Кемерово)

Нашу семью не раскулачивали. А вот дядя, брат моего отца, попал под эту беду. У него в семье было 7 детей. Дом у них был средней величины. Они имели всего лишь одну корову, одну лошадь и небольшой участок земли. Всё, что они нажили своим трудом: и хлеб, и инвентарь, и скотину, и дом – всё у них отобрали. Разве это справедливо? Какие же они были кулаки, когда работали с утра до ночи? Жили они не богато, но и не бедно. Как все.

Их кулачили на глазах у всей деревни. И стар, и млад смотрели на эту картину. Отец рассказывал, что он тоже стоял в толпе. От злости и беспомощности сжимал кулаки, по щекам катились слезы. Но ничем не мог помочь брату. Ему даже не разрешили войти в дом, собрать для братовой семьи какие-то вещи, попрощаться с братом. Им позволили взять несколько теплых вещей, немного хлеба, котел, чугунок, немного чашек и ложек. Топор они взяли украдкой.³³² Те, кто их кулачил, стояли и строго смотрели, чтобы эти «кулаки» чего лишнего не взяли.

А ведь что обидно? Кулачили их свои же, деревенские. Никто не знал, никто не говорил – за что их так. Посадили на телегу и увезли в тайгу навсегда. Ох, и рёву было! Дети плакали, не понимали, что происходит. Взрослые плакали и причитали. Толпа смотрела на них беспомощно и печально. Все понимали, что бесполезно для них что-то делать. Об этой беспомощности отец нам часто рассказывал с горечью. Потом наша семья о тех людях никогда ничего не слышала. Погибли они, видно, в той тайге.

У нас в семье всегда говорили, что до колхозов люди лучше жили. У них всё было в достатке: мясо, хлеб, морковь, капуста. Ели досыта. А потом... От голода в обморок падали. Правда, это было во время войны. Но и до войны поесть было мало.

В колхозе работали весь световой день. Деньги получали в таком малом количестве, что на них прожить было нельзя. Что там говорить! Раньше, пока не было колхозов, крестьяне жили безбедно.

Во времена Сталина мы тоже лучше жили, чем сейчас. Он был вождь, большой авторитет в народе. Он нам всё дал. И мы всю жизнь

---

³³² Количество инструмента, взятого ссыльными, строго регламентировалось в расчете на несколько семей.

должны его за это благодарить. Недаром, когда он умер, у людей было всеобщее горе, всеобщий траур. Иначе и не могло быть!

Ведь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции была установлена наша власть, власть трудящихся. В нашей стране было покончено с безработицей. Образование и медицина стали бесплатными. Люди получили право на отдых.³³³

Сталин и Ленин – наши великие народные вожди! И мы должны им поклоняться всю жизнь!

---

³³³ Данная тирада о величии заслуг социализма и его вождей резко контрастирует со словами респондента, сказанными ранее при описании конкретных деяний советской власти. Видимо, это можно рассматривать в качестве примера двойственности сознания советского человека, примера некоего зомбирования, когда при словах о коммунизме происходит как бы переключение на «правильность» социальных оценок, внедренных в сознание советского человека, начиная с пионерской дружины.

ДОКУМЕНТ №134

М. Александра Георгиевна родилась в 1935 г. в с. Казинка Ставропольского края. Рассказ записала внучка Манухина Александра в 2002 г.(г. Кемерово)

Мой дед по отцу имел земельный надел, пару лошадей, волов, две коровы. Видимо, в семье был достаток, так как в семейном архиве сохранилось свидетельство о награждении деда серебряным жетоном за пожертвования средств на строительство больниц. Подписано оно в 1902 г. сестрой императрицы Александры Федоровны – Елисаветой Федоровной.

В семье у деда было 2 сына и 2 дочери, которые помогали ему вести хозяйство. Один из его сыновей, Георгий, 1898 года рождения, мой отец. В 1921 г. он женился и стал жить отдельно. С помощью своего отца он построил саманный дом с глинобитным полом. Дети рождались очень регулярно, и уже в 1940 г. нас было семеро.

Но в 1933 г. на Кубани был страшный голод, и мои родители тогда потеряли двух детей. Одному было три годика, другому – пять. Но об этом я узнала гораздо позже, так как об этом голоде нельзя было говорить. Нельзя было говорить, что он был.³³⁴

А произошло, как мне рассказала мама, вот что. Началась коллективизация. Крестьяне шли туда неохотно, так как это было им непонятно и страшно. Тогда «красные» отобрали у крестьян скот, выгребли до последней горсточки зерно. Честных тружеников обозвали «саботажниками». Мама рассказала, как пришла ватага «красных» и стала искать спрятанное зерно и продукты. Самый маленький ребенок лежал в колыбельке, прикрепленной к потолку. В его колыбельке и нашли узелок с кукурузой. Кукурузу берегли на весенний сев. Обругали родителей укрывателями.

Вот в эту зиму и вымерло 2/3 жителей деревни, в том числе и мои младшие братья. Умерших крестьян свозили на лошадях в одну большую яму на кладбище, хоронили, завернув в дерюги, кое-как присыпав землей. Ранняя весна позволила выжить моим родителям и двум старшим братьям (они ели крапиву и лебеду). И тогда мать предложила отцу идти в колхоз, иначе бы все вымерли. Вот так мои отец и мать стали колхозниками после 1933 г.

---

³³⁴ Даже в архивных документах тех лет (отчеты, справки, постановления и т.п.) слово «голод» не встречается. Не говоря уж о периодических изданиях.

Деревня наша располагалась в предгорье Кавказа на очень плодородных землях. Она вся утопала в садах. К 1940 г. в ней было организовано 2 колхоза. Причем мама попала в один колхоз, а отец - в другой. В колхозе за работу платили осенью пшеницей, которую распределяли на трудодни. Мама привозила ее на ручной тележке. Это было всего 3-4 мешка. На них не проживешь целый год.

Семья жила за счет продуктов, выращенных на своем огороде. Он был по величине 40 соток. Только к началу войны, со слов мамы, мы зажили хорошо. Был хлеб, была одежда. Старшие братья ходили в школу. В семье уже была корова, несколько овец, куры. Большим подспорьем были несколько ульев пчел, был мед, который мама могла продать и купить нам одежду. Дети не знали уже голода, они ели свои замороженные продукты, фрукты из своего сада, мед и росли здоровыми и смышленными.

Во всем помогали родителям вести домашнее хозяйство. Мне нужно было пасти корову, заботиться о топливе для печки, полоть сорняки в огороде. Младшая сестренка следила за порядком в избе. В свободное время играли в подвижные игры – догонялки, лапту, прыгали в высоту, соревнуясь, кто выше. Из игрушек у нас был резиновый мячик, который нам привез дедушка по маминой линии.

Этот дед жил в г. Армавире, портняжил, пел в церковном хоре, был набожный и интеллигентный. Он умел читать, писать. Родители мои также были грамотные. Они закончили в свое время церковно-приходскую школу в селе, оба были набожны, соблюдали библейские заповеди и приучали нас этому. Но это делалось ненасильно.

По исполнению 14 лет я вступила в комсомол и с мамой пошла в церковь. Об этом стало известно в комсомольской организации. Срочно было созвано комсомольское собрание. Было 3 девочки, как и я, которые были в церкви. Собрание решило нас исключить из комсомола. Я и еще одна девочка заявили, что мы не верим в Бога, а ходим в церковь по воле родителей. А одна упорно твердила, что верит в Бога. Ее исключили из комсомола, а нам дали по выговору.

Когда я рассказала об этом маме, то она сказала, что больше в церковь не ходи, а заповеди исполняй, молись Богу дома утром и вечером перед сном, до еды и после еды благодари Бога. Что я и исполняла до той поры, пока не поступила в ВУЗ. По глупости своей посчитала себя уж очень образованной. Приезжая домой, пыталась перевоспитать маму в атеистку. За что мне до сих пор стыдно.

Семья наша ела простые крестьянские кушанья – каша кукурузная, щи, молочные продукты во всех видах, мед, много фруктов свежих и

сухофруктов. Не было только хлеба. Вместо хлеба была густая кукурузная каша. Её-то и ели вприкуску с другими блюдами. Не было и мяса, конфет и прочих сладостей. Это я увидела уже после поступления в вуз. В магазинах было все, а купить было не на что, так как я училась на свою стипендию.

Училась я хорошо, получала стипендию повышенную и мне хватало на все, в том числе на оплату квартиры и подарки младшим сестричкам, когда я приезжала домой на каникулы. Правда, это было 2-3 раза за весь год учебы, так как было много препятствий для поездки домой. В праздники были демонстрации, не ходить на которые было нельзя – лишат стипендии. А, следовательно, и учиться будет не на что.

В 1941 г. отца забрали на фронт. Ему было уже 43 года. Отец погиб под Ленинградом в 1943 г. Письма он писал регулярно, фронтовые треугольники, все было просмотрено военной цензурой. Стоял такой штамп на письмах. Но письма он писал ободряющие, что враг будет разбит, победа будет за нами.

Почти в каждом письме наказывал моей маме, чтобы она выучила нас, дала нам образование. А мы чтобы старались учиться. Два старших брата воевали на фронте, так он просил и им в письмах передать, чтобы они не падали духом, старались лучше служить, беречь себя и надеялся, что после войны он их поженил, вся семья соберется дома. Братья-то вернулись с орденами и медалями, а отца не стало.

Конечно, было очень трудно жить без отца. Мама от зари до зари была на колхозной работе, а на мне было все домашнее хозяйство, воспитание младших сестреночек. В июле 1942 года наше село оккупировали фашисты, которые были в селе до Нового года. Они расположились в школьных зданиях, топили печи школьными партами, столами, досками, и когда наши войска на новый 1943 год выбили из села, от школы остались одни кирпичные стены. Но очень скоро колхоз отремонтировал здание школы, сколотили длинные скамейки, столы, учебные доски, и я в январе 1943 г. пошла в первый класс.

Сумка у меня была от противогаза, книг не хватало, выдавали в школе по экземпляру на несколько человек, живущих поблизости. Писали на газетах, старых книгах, а тетрадки были только для контрольных работ. Никакого питания в школе не было, брали с собою в основном яблоки. Кушать, однако, хотелось всегда, особенно хлеба. В нашем селе не было радио и электричества до 1952 г., т.е. я училась при керосинке. Однако я перечитала все книги школьной библиотеки, еще приносили учителя свои книги. Школу я закончила в 1952 г. и поступила в мединститут. Училась в школе и в институте легко, мне все было понятно и интересно.

В доме сохранились еще учебники, по которым училась наша мама. Они были очень интересные. Длинными зимними вечерами трое девочек и мама собирались на русской печи, там было тепло от нагретых кирпичей, и мама нам читала свои книги. Радио я слушала у дедушки в Армавире, где я бывала на летних каникулах по 2-3 дня. А в селе был аккумуляторный приемник у сельского попа. Он жил рядом с нами и иногда приглашал послушать музыку. Один раз в месяц в село приезжала кинопередвижка и тогда сельский клуб был забит зрителями до отказа. А смотрели кинофильмы тех лет по частям. Кинофильмы всем в деревне очень нравились

Одежда у нас была очень скромная, в основном школьное платье на весь год одно, сшитое из материи сельской портнихой, чулки были вязанные из овечьей шерсти. Пряла и вязала нам мама в зимние вечера. Обувались в галоши. А большинство времени ходили босиком, только в школу в галошах, да зимою, когда было очень холодно. Одевались так в основном все сельские дети. Лучше одевались те, у кого вернулись с войны отцы, они привозили одежду при возвращении, особенно у кого были командирские звания.

Для поступления в вуз сельсовет выдавал абитуриенту паспорт. А так крестьяне были без паспортов и выехать жить в город из колхоза не имели права. Только потом, много лет спустя, мне стало понятно, почему отец настаивал на нашей учебе, наказывал об этом и маме. Он не хотел такой тяжелой доли своим детям, по сути, рабский труд, без отпуска, без выходных, без оплаты.

Чтобы помыть, обстирать детей мама вымаливала выходной день. Для детей это был праздник - дома мама. В доме у нас не было ничего лишнего: большой обеденный стол в переднем углу под образами, под лампадкой, вдоль двух стен шли длинные деревянные диваны со спинками с резными украшениями, большая резная деревянная кровать, на которой спала мама и по жребию - одна из девочек. А две остальные спали на печи. Был еще красивый деревянный с резьбой шкаф, сундук, в котором была одежда и прочее, кухонный стол с посудой и полка у стены, где хранились кухонные принадлежности.

Уходя на работу, мама оставляла нам горкой 3 порции меда, сливочного масла, каждой девочке свое. А остальное ели без меры. В 1951 г. нам пришлось продать корову, т.к. ее нечем было кормить, и мама купила мне пальто и сапоги, готовила меня к жизни в городе. А в семье стало совсем худо без коровы, и только благодаря наличию меда нам удавалось жить, одеваться. Были большие налоги на хозяйство, и только пчелы не облагались налогом. Приходилось сдавать на налоги масло, яйца,

мясо. Один год придумали налоги на садовые деревья, и тогда деревня вырубил сады, т.к. не было средств на налоги. Но на следующий год этот налог отменили.

Обучаясь в вузе, регулярно ходила с группой студентов в кинотеатр, драмтеатр, а также на сольные концерты приезжих певцов и музыкантов-Шульженко, Когана и др.

В вузе я работала в институтской газете корреспондентом, занималась легкой атлетикой – бег на короткие дистанции - с хорошими результатами.

Конечно, мы гордились своей страной. Родина – это было святое. Герои строек, войны были для нас примером. Многие преподаватели в вузе были фронтовиками, особенно хирурги, и были они для нас кумирами. Со студентами были спокойные, доброжелательные отношения. Никакого унижения, дележки на бедных и богатых не было. Все были равны. Конечно, все знали своих активистов-артистов, отличников учебы и уважали их.

После окончания вуза в 1958 г., согласно распределения, я была направлена «на отработку» на 3 года в Сибирь. Через год ко мне приехали и мои две младшие сестрички, которые закончили образование в техникумах. У меня уже была квартира с подселением, но большая. Я ее получила через месяц после начала работы и смогла принять жить сестер. Оклад мой был 72 руб.50 коп., и приходилось работать почти на две ставки, чтобы как-то компенсировать недостаток одежды, необходимой мебели и утвари для жизни. Хлеб стоил дешево, а мясо для меня дорого, покупала изредка. Водку не покупала никогда, т.к. алкоголь я не признавала и не признаю. Из зарплаты я могла купить одну вещь: туфли или сапоги или пальто. Но первая покупка была – это радиолы с проигрывателем, затем диван, затем стулья. Хорошие вещи приходилось покупать по знакомству – как ковер, костюм, холодильник, стиральную машину.

Замуж я вышла в 25 летнем возрасте, такого же возраста был и мой муж. После 4-х лет совместной жизни у нас уже был мотоцикл тяжелой марки, холодильник, стиральная машина, а потом и телевизор. Через 6 лет совместной жизни мы смогли купить комплект «жилая комната» производства Германии. Это тоже по знакомству.

Продукты в магазинах в 60-годах можно было купить. Затем все куда-то исчезало и покупалось по знакомству, а был период, когда только

по списку лиц, в определенном месте.³³⁵ Причем, одним лицам было одно выдано, как бы набором, а другим в большем ассортименте. Зависило от должности покупателя. Это делалось к советским праздникам и только должностным лицам. Цены были магазинные, без скидок.³³⁶

Огород, сад пришлось приобрести сразу после образования семьи, это было подспорье для семейного бюджета, тем более, что земли отводили бесплатно, а в последующем были мизерные платежи за услуги.

30-летней я была в 1965 г., в это время получала зарплату простого служащего, довольно скудную. Хватало только на необходимое. Муж зарабатывал в 2 раза больше меня. Конкретные суммы не помню. Но денег хватало лишь от получки до получки. Мы не занимали. Окружающие считали нас состоятельными и приходили одалживать денег. Было неловко, когда дать было нечего. Все было рассчитано.

За последние годы жизнь изменилась. Однозначно не скажешь, стало лучше или хуже. Но при нынешней жизни я бы не смогла дать высшее образование двум детям, отпраздновать им свадьбы. В общем, стало хуже. Стали не те ценности, мораль стала низкая. Чтобы воспитать внуков достойными людьми, приходится очень трудно, так как кругом много несправедливости, цинизма, разврата. Извращают прошедшие события в стране. В школьных учебниках нет последовательного, четкого понимания истории.³³⁷ Молодежь не воспитывается в чувстве любви к родине.³³⁸

---

³³⁵ В 30-80-е годы «по списку», «в определенном месте» товары приобретали партийные и советские чиновники, руководители предприятий, персональные пенсионеры, Герои, профессора и др. Это была, конечно, не торговля в полном её смысле, а распределение. Что вполне соответствовало марксистскому положению об отмирании товарно-денежных отношений при социализме.

³³⁶ Некоторые товары в 70-80-е годы практически не попадали в свободную торговлю: копченая колбаса, сгущенное молоко, печень трески, шпрорты, красная рыба, кофеты в коробках, кофе, чай (кроме грузинского), гречка, коньяки, марочные вина и др. Поэтому цена на них была исключительно не высокая. Стоимость продовольственной корзины для включенных в «особый список», таким образом, была значительно ниже, чем для рядового советского покупателя.

³³⁷ Строго говоря, в 90-е годы преподавание истории в школе (да и в большинстве вузов) мало чем отличалось от предыдущих лет. Сказывалась идеологическая зашоренность многих учителей, не способных отказаться от большевистских стереотипов трактования событий и явлений. Как показывало ежегодное анкетирование первокурсников на первом занятии в Кемеровской медицинской академии, не менее 35% вчерашних школьников были убеждены в том, что расцвет России связан с Октябрьской социалистической революцией 1917 г., что благодаря преимуществам социализма в СССР обеспечивалось стабильное материальное благосостояние граждан, что советское руководство с 1917 г. неустанно боролось за мир во всем мире, что «демократы развалили великую державу» и пр.

Телевизионные передачи в основном развращающие молодое поколение. Им трудно отличить добрые начала от низменных.³³⁹ Люди оцениваются по количеству денег, по машинам, на каких они ездят, а не за их личные человеческие качества.³⁴⁰ Большой вред наносится планете, нарушается экологическое равновесие, и это уже ведет к катастрофам.

Причина происходящего? Праздность, воровство, предательство, разврат в верхах, воровство на местах, обездоленность, унижение, беспомощность простых людей, отчаявшихся в жизни. Отсюда и алкоголизм, наркомания, преступность. Страной управляют уже 10 лет не коммунисты,³⁴¹ а лучшего не видно.

---

³³⁸ Значительная часть советских людей (даже образованных) понимала любовь к родине как любовь к государству (правительству, армии и т.п.), как готовность граждан к самопожертвованию в реализации планов руководства страны.

³³⁹ В постсоциалистическое время россияне поняли свободу как безответственность. Не были исключением и «телевизионщики».

³⁴⁰ Оценка людей не в соответствии с их личными человеческими качествами вполне в традициях советской социалистической действительности. Тогда «большими людьми» становились не самые умные и трудолюбивые, а, часто, самые ловкие, изворотливые, нередко и подлые. О чем краноречиво говорили очевидцы коллективизации, описывая продвижение бедняков, «голытьбы», лентяев и пьяниц в активистов социалистического строительства. Эти «активисты» дали популяцию таких же, как они, руководителей, для которых безнравственное было нравственным (скажем, отказ от родителей по карьерным соображениям). Для них было естественным состоянием не считаться с человеком ради достижения поставленной государством цели. Вот почему социалистические руководители (как советские, так и зарубежные), проповедовавшие «социализм с человеческим лицом», сразу же становились популярными в народе (Дубчек, Ярузельский, Горбачев). На этом сделал себя популярным и Б.Н.Ельцин в 1987-1991 гг.

³⁴¹ В 90-е годы коммунисты продолжали управлять страной. В их руках оставалась законодательная власть, как в центре, так и на местах. Из них в основном было сформировано правительство (кроме гайдаровского) и региональные администрации. В Кузбассе, например, в органах власти в начале 90-х годов было всего 7 чел. из демократической среды. И это при демократе-губернаторе Кислюке! У власти остались те же люди с их прокоммунистическими представлениями о всемогуществе административного ресурса в управлении экономикой.

ДОКУМЕНТ №135

Кузлик Зинаида родилась в 1937 г. в г. Прокопьевске. Рассказ записал Кельмаков Владимир в 2001 г. (Новокузнецк)

Меня ещё не было во время коллективизации. Но про неё я знаю очень много. Мои родители попали под раскулачивание. Вместе с бабушкой и дедушкой их сослали в Прокопьевск строить шахты. В нашей семье часто говорили про деревню, про коллективизацию, про ту несправедливость, которую устроила нам советская власть.

Несправедливо было забирать хлеб, инвентарь, дома, выселять хороших хозяев в Сибирь. Как преступников каких! Это были зажиточные, добротные крестьяне, которые работали от зари до зари. Власть им поставила в вину, мол, эксплуатировали чужой труд. А того не понимали, что зажиточные крестьяне, которых обозвали какими-то кулаками, составляли 20% всех крестьян, а давали 50% товарного хлеба. Они же страну кормили! А бедняк производил столь мало, что сам же все и съедал, не вывозил на рынок продукцию.

Уничтожали кулачество, уничтожали цвет крестьянства. Потому-то крестьянство и не возродилось до настоящего времени. Это привело к жесточайшему голоду 30-ых годов. Родители об этом все время говорили, но предупреждали, чтобы мы не болтали об этих разговорах.

Свое добро люди нажили ценой тяжелого труда многих поколений своих семей. И когда все это пришлось отдавать голытьбе, впадали в отчаяние. Они, конечно, сопротивлялись. Но что они могли сделать против милиции и НКВД?³⁴² Раскулачивала районная комиссия, в которую входили представители районного начальства, НКВД, милиция и деревенский представитель начальства.

Родители рассказывали, что часто деревенское начальство было против раскулачивания семей, особенно середняков. Да кто их слушал! Не согласен, значит, враг! Забирали все, что было. Оставляли голым дом. Людей переселяли в хлев или амбар. Это если не выселяли. А при выселении разрешали взять только что-то из одежды, да поесть. Односельчане сочувствовали раскулаченным, укрывали их у себя. Да разве спрячешься от власти? Тем более в деревне, где каждый человек на виду.

Картина раскулачивания совпадает с картиной, описанной в книге Иванова «Вечный зов». Но в реальной жизни было страшнее. Об этом страшном часто говорили родители. Мгновенно рушился многогодовой

---

³⁴² Милиция входила в состав НКВД (наркомата внутренних дел).

уклад жизни. Уничтожалось всё, что было нажито поколениями. Испытывали чувство неприятия глупого решения, обиды, озлобленности. Или, наоборот, обреченности, смирения. Помогала вера в Бога. Говорили о раскулачивании как божьем наказании и необходимости в связи с этим смирения. Страх был. Но не за себя, а за детей, стариков. Ведь они умирали при выселении.

После раскулачивания мы, как и все, голодали. Перебивались тем, что Бог пошлет: лебеда, крапива, коренья. Кого не выселили, пошли на заработки в город. Да там и помирали. Ведь голод настал.

Я родилась уже на выселке. Как раскулачивали родителей, они не рассказывали. Только лица каменели при этих воспоминаниях. Но рассказывали, что, когда вели всех колонной, люди смотрели молча, угрюмо. Тайком приносили пищу, одежду, но ничего не говорили. Наверное, из-за страха.

Всех высланных с родителями привезли в Прокопьевск и определили на работу в шахтах. Даже 12-13 летних подростков поставили на самые трудные и тяжелые работы. Как каторжников. Потом разрешили строить свои дома.

Работать эти люди привыкла с детства. Строили для себя. Поэтому и дома добротные получились. А не так-сяк, как для всех строили. Свободными родители не были. Перейти на другую работу им было нельзя. Милиция и НКВД – контролирующие органы. Где что ни случись – обязательно к нам идут. Будто мы закоренелые преступники, и хорошего ждать от нас нечего.

Питались очень плохо. Да разве это можно назвать питанием?³⁴³ Выручали грибы, орехи, ягоды. Выручал огород. Жили не на зарплату, а за счет того, что вырастили. Вырастили и съели. Вот и все наше советское благополучие. В войну картошку выдавали. И в обед, и в ужин, и в завтрак – картофель.

Ну, а после войны уже хорошо питались: и молоко, и мясо, и птица, и яйца, не вдоволь, но ели, особенно по праздникам. Сама я, конечно, не помню, но родители рассказывали, что многие родственники и односельчане, высланные вместе с ними, померли. Ели траву, коренья, голубей, воробьев. Собирали ягоды, грибы, даже научились ядовитые грибы есть. Бездомных кошек и собак тоже не было. Все поприели. Голод -

---

³⁴³ О питании ссыльных, используемых на шахтах Кузбасса в 1933 г., в официальном документе краевой контрольной комиссии говорилось: «Основную пищу трудпоселенцев составляет вода с травой и лепешки из размолотых трав с примесью небольшого количества муки и льняного масла» (см. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. С. 153).

это страшно! Когда он затягивается, тогда даже прием пищи не возвращает человека к жизни. . Родители работали в шахте. Лозунг – все для фронта, для победы. Работали по 14-16 часов, там же и спали.

Правда, по карточкам давали крупу, хлеб, мясо или колбасу (шахтерская). Шахтер получал 600 рублей, а другие - по 200-300 рублей. Булка хлеба стоила 100 рублей. Вот и судите, что можно было купить. Магазины пустые. На рынках только можно было покупать.

Смерть Сталина считалась большим горем. Думала, что наши вожди заботятся о нас. А сейчас думаю, что власть - это что-то очень далекое от народа. Они решают свои проблемы, а народ живет своей жизнью. Конечно, было хорошо, когда существовало бесплатное образование и медицина. Кто платил? Государство!³⁴⁴ И сейчас нужно бы оставить бесплатное образование и медицину.

В сталинских лагерях, о которых ты спрашиваешь, я не была. Но знаю от знакомых, что кому удалось выжить и их освободили, то у них взяли подписку о неразглашении всего, что было с ними в лагерях, тюрьме. Так что, мил человек, ничего ты не узнаешь о тех лагерях. Люди боялись опять в них попасть за рассказы о жизни в них. Из отсидевших сейчас никого, я думаю, уже и в живых-то не осталось.

Ленина – всю жизнь уважала. Многие, как и я, считали, что пожил бы Ленин еще, то не было бы многих ошибок.³⁴⁵ Сталин – действительно вождь. Безграничная власть! Боялись его и, как Бога, любили. Даже из тюрьмы и лагерей люди писали именно ему. Все, что было в стране плохого, с именем Сталина никто не связывал.

Самое лучшее, что сделал Хрущев – это реабилитировал невиновных и построил дома в городах. Это сейчас смеются над «хрущевками». А тогда переехать из бараков, подвалов, коммуналок в отдельную, пусть

---

³⁴⁴ Советскому человеку очень хорошо внушили, что все блага жизни ему обеспечивает государство. Только в 90-е годы реформ люди стали осознавать (далеко не все), что не государство их кормит, а они кормят государство, содержат армию, чиновников, медицину, образование и пр.

³⁴⁵ В действительности, Сталин был верным последователем Ленина. Даже массовый террор – это не сталинское изобретение. Институт заложничества (1918-1921 гг.), массовые расстрелы, первый в мире концлагерь (на Соловках), преследование интеллигенции, применение оружие массового уничтожения против гражданского населения (газовые атаки против крестьян Тамбовской губернии) и др. были при Ленине. Правда, в 1921 г. Ленин как бы одумался и отказался от политики быстрого внедрения социализма, частично вернул страну к рыночным отношениям. Но задача мировой социалистической революции осталась, как и остался главный стержень тоталитаризма – диктатура пролетариата с классовой борьбой для построения социализма.

даже маленькую, квартиру – неопишное счастье! Но мне Хрущев не нравился своим хамством.³⁴⁶

Брежнев! Чтобы там ни говорили про него политики, а именно в его время люди жили хорошо.³⁴⁷ Затем стала стареть сама система и требовать обновления.

Горбачев – говорун и больше ничего. Это он сейчас стал демократом, НТВ защищает³⁴⁸. А сам что делал? Только за объединение Германии какую пользу для своей страны мог бы поиметь!³⁴⁹ Уж Путин бы это использовал! А Горбачев получил звание «лучший немец года». И лауреатом стал – все для себя! Не знал сам, каким путем идти. А Россия большая. В ней трудно стоять у власти и не знать, что делать. Развалил СССР.

---

³⁴⁶ Для малокультурных и малообразованных людей, находившихся в структурах советской власти на любом уровне (от кремлевского – до районного), типичным были высказывания собственной точки зрения как истины в последней инстанции. Для специалиста такая «истина» выглядела, разумеется, хамской. Именно так рассматривалось образованными людьми выступление Хрущева в ООН с угрозами показать «кузькину мать», его известные суждения на выставке абстракционистов и др. Сталин считал себя вправе сказать последнее слово по истории (собственноручно отредактировал в 1937 г. «Краткий курс истории ВКП(б)»), по экономике, философии, языкознанию (в 40-е годы по ним были дискуссии), кибернетике, генетике, драматургии, кинематографии, музыке, литературе (в 40-е годы вышли постановления ЦК партии). Высказывания вождей воспринимались в качестве доказательства не только в пропагандистских, но и научных материалах. Сформировалась смехотворная практика, когда без цитирования вождей докторская диссертация, скажем, по онкологии или гинекологии считалась ушербной.

³⁴⁷ Только по советским меркам. После голода 30-40-х годов, послевоенной разрухи, исключительно низкой покупательной способности людей 50-х начала 60-х годов даже незначительная стабилизация на потребительском рынке (вторая половина 60-х – первая половина 70-х годов) воспринималась за громадное достижение. А весь цивилизованный мир уже тогда жил в качественно других категориях потребительского рынка, знакомство с которыми советских туристов приводило в шок.

³⁴⁸ С приходом Путина В.В. к президентской власти в 2000 г. в стране стал реставрироваться советский строй (возвращение всеилия силовых органов, приоритета военно-промышленного комплекса, сталинского гимна, красного знамени и пр.). Одним из основных направлений этой реставрации была ликвидация свободы слова. В 2001 г., используя экономический повод, была реорганизована редакции НТВ – единственного негосударственного телеканала. Горбачев был в числе тех, кто выступил против разгона команды журналистов, работавших под руководством Евгения Киселева.

³⁴⁹ В 1990 г. Горбачев не препятствовал объединению Германии (ФРГ и ГДР), что привело к положительным изменениям в Европе.

Ельцин – победил коммунистов. Демократия – единственная дорога в будущее. Да, демократия! Но не хаос и бесконтрольность. Умные люди разворовали Россию. Теперь они у власти. Это великие люди. Но не их трудом это нажито. Зато весь народ обнищал как никогда.³⁵⁰ Путину досталась полнейшая разруха.³⁵¹ Мне нравится наш президент, помоги ему Бог.

---

³⁵⁰ Одна из самых стереотипных оценочных фраз того времени. (Заметно, что её не использовали в своих оценках респонденты, родившиеся в 10-е и 20-е годы.) Нельзя отрицать значительных изменений в материальном обеспечении россиян в 90-е годы реформ. Но оценивать их однозначно отрицательно нельзя. Во-первых, полностью исчез дефицит на продовольствие и товары потребления, который перманентно существовал в СССР с постнэповских времен. Во-вторых, уже к середине 90-х годов даже официально признанные в СССР «предметы роскоши»: автомобили, меха, кожа, ковры, хрусталь, золото, импортная мебель, цветные телевизоры, видеомэгафоны и др., стали предметами обычного обихода, доступными отнюдь не только «избранным» из советской номенклатуры и приближенным к ним лицам. Статистика о 30% нищих 90-х годов в известной мере может быть отнесена к «лукавой цифре». Имея горький опыт взаимоотношения с государством, бывший советский человек умел скрывать от учетных органов свои доходы. Научившийся выживать при социализме не на зарплату, а за счет собственных огородов, дополнительных заработков, «блата» и т.п. россиянин не входил в рамки общепринятых количественных показателей жизненного уровня. Скажем, шахтер закрытой шахты «Черкасская» попадал в «нулевые» показатели безработного. В то время как он выращивал на своем подворье свиней, держал корову, сажал картофель, выращивал помидоры, огурцы, капусту, лук и пр.; осуществлял «челночные» вояжи за товарами в Турцию; ремонтировал соседям автомобили; нанимался на лето строить дачи в Александровке. А его жена вязала носки и джемпера, торговала на рынке. Укрыть от фискальных органов свои истинные доходы в бывшем советском обществе не считалось предосудительным делом (в отличие от других стран), так как советское государство всегда отбирало у гражданина всё, до чего могло дотянуться. «Воровством это не считалось», - говорили респонденты, рассказывая о повальном воровстве колхозного имущества.

³⁵¹ Путину в 1999 г. досталась страна, в которой рыночные реформы (проведенные в трудной борьбе с коммунистами) стали давать свои первые результаты. Правда, эти результаты были использованы им не для развития культуры, образования, здравоохранения, а для военно-промышленного комплекса, укрепления армии, спецслужб и других стержневых структур советской социалистической системы.

ДОКУМЕНТ №136

Агибалов Виктор Константинович родился в в 1937 г. в Суйфынхе (в Китае). Рассказ записан собственноручно в 2004 г. (г. Кемерово)

Мой дед, Агибалов Антон Андреевич, был полковником колчаковской армии. В 1920 г. с женой, Евдокией Евдокимовной, и годовалой дочерью Александрой в составе белой армии отступал в Приморье.

Эшелон, начальником которого он был, шел по КВЖД³⁵², через Маньчжурию в Приморье. На последней китайской станции (она называлась Пограничная) дед с семьей оставил эшелон. Эшелон пошел дальше, а дед с бабушкой и дочерью остались жить в Пограничной (теперь она называется Суйфынхе). Там они начали обустраиваться. Построили небольшой дом, купили корову, обзавелись хозяйством. В 1925 г. у них родился сын Константин.

Жили безбедно до 1931 г. Однажды дед поехал за дровами к границе и не вернулся. Бабушка с детьми осталась одна. Дочери было 12 лет, а сыну - 6 лет. Через год пришло письмо от деда из Магадана. Оказывается, на границе он был похищен сотрудниками ОГПУ, осужден и отправлен в лагерь на Колыму на 5 лет. Позднее мы узнали, что в 1942 г. он умер в барабинском лагере якобы от сердечной недостаточности. Посмертно реабилитирован.

В 1935 г. СССР продал КВЖД Японии. Маньчжурию стали наводнять японцы. У бабушки поселился молодой офицер из японской контрразведки, который и стал моим отцом. В 1937 г. 3 ноября родился я, а в 1938 г., когда мне исполнился год, отца перевели служить в другой город. И там его следы затерялись. В 1939 г. бабушка, продав дом и хозяйство, вместе с семьей переехала в город Харбин, в котором было очень много русских эмигрантов.³⁵³ В Харбине бабушка купила квартиру. Бабушка занималась шитьем на заказ, а мама пошла работать в ресторан «Яхт-клуб»

---

³⁵² КВЖД – Китайская Восточная железная дорога была построена Россией в 1897-1903 гг. через территорию Китая как кратчайший путь в Приморье. Дорога принадлежала России. Но с 1924 г. находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 г. СССР продал КВЖД Японии. С августа 1945 г. КВЖД опять оказалась в совместном управлении СССР и Китая. В 1952 г. советское правительство безвозмездно передало Китаю эту дорогу.

³⁵³ Город Харбин был построен Россией в связи со строительством КВЖД. Значительную часть его населения составили выходцы из России (2 млн. чел.). Центр города был построен по образцу Петербурга. В 1932-1945 гг. Харбин находился под японской оккупацией.

официанткой. Её брата, то есть моего дядю Константина, определили в японский железнодорожный техникум. А я стал ходить в детский сад.

В 1944 г. я пошел в школу. В школах в то время была программа дореволюционной России. Преподавали Закон Божий. А так как в Манчжурии была власть японцев, то еще ввели и японский язык с первого класса. Так что японский я знаю и сейчас. Когда в 1977 г. был в турпоездке по Японии, то с японцами общался без проблем. Каждое утро перед занятиями в актовом зале все школьники становились на молитву, потом пели гимн, а затем шли на занятия.

В конце августа 1945 г. в Харбин вошли советские войска. Я хорошо запомнил этот день. Это было во второй половине дня. Мы играли на улице. Смотрю, по Китайской улице, главной улице центрального района, со стороны реки Сунгари, идут солдаты строем. Но не японские, которых я привык видеть, а в незнакомой форме.

В городе начался переполох. Японцы за 10 лет оккупации успели заселить всю Маньчжурию и теперь начали спешно покидать город. А русское население Харбина ликовало. Мы были очень рады тому, что наконец-то избавились от японцев.

1 сентября 1945 г. в школах начались занятия. Старую программу заменили новой, советской. Но учебников еще не было. Магазины все позакрывались. Тетради почему-то исчезли, писать стало не на чем. Писали на конторских бланках. Кто на чем мог.

В городе началось безвластие. Коммунальные службы и электростанция перестали работать. Наступила зима, в школах и домах трубы и батареи центрального отопления поразморозили. В школах стало невозможно заниматься. Сидели в пальто, шапках и варежках. Чернила в чернильницах замерзали. А вечерами дома занимались при коптилках. Нас распустили по домам, занятия отменили. В общем, в первом классе мне пришлось учиться 2 года. Да и у всех школьников этот год пропал.

Моя мама к этому времени окончила курсы медицинских сестер при Мариинской Общине и стала работать в железнодорожной поликлинике при Харбинском паравозо-вагоноремонтном заводе (ХПВРЗ). В 1949 г. она вышла замуж за русского, и в 1950 г. родила дочку Надю, а в 1952 г. еще одну дочку – Иру. Дядя окончил железнодорожный техникум и стал паровозным машинистом. В то время многие русские эмигранты подавали заявления в советское консульство с просьбой о выдаче разрешения на въезд в СССР. Но разрешения почему-то не давали никому. Хотя все русские эмигранты в Харбине автоматически стали гражданами СССР.

В 1946 г. мама перевела меня в школу при обществе граждан СССР. Было создано такое общество, и все граждане СССР стали членами этого

общества. При этом обществе был ремонтно-механический завод, автомастерские, мастерские по ремонту и пошиву одежды. В общем, все было создано для того, чтобы дать эмигрантам возможность работать и зарабатывать себе на жизнь.

Моя семья, да и многие эмигранты жили очень бедно, жили впроголодь, порой нечего было одеть. Летом я все время ходил босиком. Постоянно хотелось есть.

Русские эмигранты, живя в Китае, сохранили русскую культуру, строго соблюдали все русские традиции, ходили в церковь. В Харбине было 5 больших церквей и много маленьких. Мы соблюдали все православные праздники. Дедовы сослуживцы, офицеры его полка, часто собирались у нас. Вспоминали Россию, пели русские песни. Судьба бывших офицеров – колчаковцев сложилась по-разному. Но они сохранили главное – офицерское достоинство и честь.

Я никогда не слышал, чтобы мужчины матерились при детях и женщинах, Так поступали не только интеллигенты (инженеры, врачи, офицеры), но и рабочие. Этот контраст я особенно почувствовал, попав в Советский Союз. Здесь матерились все. Без мата любой разговор не обходился. Это так меня угнетало! Угнетает до сих пор. Никогда никого я не одергивал за мат. Но замечал и замечая, что в моем присутствии завзятые матерщинники говорят обычным языком, без мата. Видимо, чувствуют, что меня коробит от этого.³⁵⁴

Доучившись до восьмого класса, я бросил школу. У нас тогда многие мои сверстники бросили школу и пошли работать. Бросили школу потому, что дальше учиться не было никакой перспективы. В 1952 г. все культурные заведения, кинотеатры, харбинский политехнический институт, институт иностранных языков и др., как и КВЖД, советские власти передали китайцам. В вузах стали преподавать на китайском языке. Для того, чтобы учиться в вузе, нужно было 3 года изучать китайский язык.

Мы пошли работать. Хотелось прилично одеться, ходить на танцы, дружить с девушками. Мне было 15 лет, а одеть было нечего. Я видел ребят, которые работали. Они ходили в приличных костюмах, пальто. И мне было очень завидно.

Итак, я бросил школу и пошел работать в штамповочную мастерскую. Мастерская изготавливала оконные шпингалеты. Работа была несложная,

---

³⁵⁴ Прочитав эту фразу, мы, составители данного сборника, поняли, что допустили большую ошибку, не включив в опросник вопрос о культуре разговорной речи. В российской доколхозной культуре мат был недопустимой вольностью в присутствии детей и женщин. Мат в присутствии чужой жены воспринимался как оскорбление её мужу, как показатель пренебрежительного отношения к её чести и достоинству.

никакой квалификации не требовала, но довольно тяжелая, особенно для пятнадцатилетнего мальчишки. Работали на ручных прессах, где требовалась изрядная физическая сила. Работали в 3 смены по 8 часов без обеденного перерыва, сдельно. По окончании смены каждый сдавал мастеру свою продукцию. На стене висели расценки, и каждый знал, сколько он заработал за смену. Зарплату выдавали еженедельно по субботам. Особенно тяжело приходилось в ночную смену с 22 часов до 6 часов утра. Я приходил домой и, позавтракав, падал на кровать и спал до 9 часов вечера, не вставая на обед.

Работали добросовестно, надзирателей не требовалось, потому что каждый прекрасно сознавал: если будешь лентяйничать, хозяин выгонит с работы, так как на твоё место за воротами десятки желающих. С работой в Харбине было очень плохо, люди соглашались на любую работу. Вот почему я удивился тому, как работали в Советском Союзе. Получив задание, здесь не спешили его выполнять, волюнили, бездельничали или делали всё как попало. Я поражаюсь тому, что здесь вообще можно было не сделать работу, «тянуть резину», а потом ещё и деньги получить за такую, как говорят, халаву. Когда я по харбинской привычке старательно выполнял полученное задание, меня всегда кто-нибудь одергивал и говорил: «Тебе что, больше всех надо?».³⁵⁵

Мастерская наша называлась «Победа». Проработал я там почти год, пока не кончил заказ. Заказ кончился – мастерская закрылась. И все рабочие оказались на улице до следующего заказа. Нужно было каждый день приходить и узнавать, нет ли нового заказа. Если проворонишь, на твоё место могут взять другого.

Контингент в мастерской был разношерстный как по возрасту (от 15 до 76 лет), так и по сословию. Был 76-летний бывший кирасир его величества – высокий статный старик по фамилии Котик. Был сын владельца амурского пароходства Буянов Петр, который к этому времени спился. Работал поп-расстрига, тоже спившийся. Здесь были бывшие офицеры и даже одна женщина лет 35-40. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь при ней хоть один раз заматерился. Это было неприлично.

За время работы я смог приодеться, сшил на заказ костюм, купил туфли, пальто, плащ. В общем, выглядеть стал прилично.

В 1954 г. в СССР началась целинная эпопея. Наши харбинцы обратились через консульство к правительству СССР с просьбой разрешить поехать на освоение целинных и залежных земель. Разрешение не заставило

---

³⁵⁵ Видимо, эти размышления следует принимать за хрестоматийный образец падения трудовой культуры российского народа при социализме.

себя долго ждать. И многие, особенно те, у кого за душой не было ни гроша, стали записываться на целину. Но многие, в том числе и моя мать с отчимом, ехать в Союз очень опасались, помня о репрессиях. Я же, насмотревшись советских фильмов, был категорически настроен и твердо решил ехать. Чтобы не оставлять меня одного, бабушка тоже решила ехать вместе со мной.

Из всех моих ровесников только я, да ещё один парень уехали в СССР. Я – из чувства патриотизма. Он – по необходимости, так как для выезда в другие страны ему надо было заплатить алименты за 18 лет китайке, с которой он прижил младенца. Остальные наши уехали в Австралию, Германию, Канаду. Живут там припеваючи, как сыр в масле катаются. Не пережили того разочарования, которое пережили мы, попав на свою историческую Родину. Родина, как мы только потом поняли, не баловала своих собственных граждан, не то что нас, бывших эмигрантов.

Вывозить желающих начали с 1 апреля 1954 г. Каждый день до 1 октября отправлялся эшелон с целинниками. В том году очередь до меня не дошла, и мне пришлось снова устраиваться на работу. Я устроился в автомастерские общества граждан СССР учеником и поступил на автокурсы, так как знал, что это мне пригодится на целине. В конце марта 1955 г. мне пришло долгожданное извещение. Мои родители тоже записались ехать, они не хотели разрывать семью. Мы с бабушкой выехали 24 апреля 1955 г., а родители в июне. Пока стояли на границе, нас так здорово кормили: и тушенка, и конфеты! Мы писали в Харбин об этом изобилии, дешевизне. Только потом поняли, что это изобилие на границе было лишь агиткой для нас и особенно для тех, кто ещё не выехал в СССР.

Ехали мы по Союзу 14 дней. Привезли наш эшелон в Казахстан в Кустанайскую область, Джетыгаринский район. Попали мы в Шевченковский мясосовхоз на ферму №1. Пока ехали по железной дороге, на каждой станции наш товарняк подолгу стоял. Я наблюдал за местным населением. Народ преимущественно одет был очень бедно. По сравнению с ними мы были одеты превосходно. На мне, например, был габардиновый костюм, пальто, шляпа, приличная обувь. Но здесь народ в основном ходил в телогрейках и ватных штанах, что очень напоминало Китай. Китайцы все зимой ходили в ватных штанах и куртках. По дороге я впервые услышал, как матерятся женщины. Я был неприятно поражен и постепенно понял, что в культурном отношении между нами – «китайцами», как нас называли, и советскими людьми лежит пропасть: в культуре общения, в обхождении, в еде, в одежде, в работе, - во всем.

Приехали на станцию Бреды Челябинской области – это была наша конечная остановка. Здесь нас ждали грузовики, и мы 75 км. тряслись по

проселочным дорогам. Приехали на место назначения вечером. Нас с бабушкой разместили в конторе фермы. Пока размещали вещи, совсем стемнело, я очень устал и лег спать. А в 4 часа утра сквозь сон слышу громкий стук в окно и грубый крик: «Агибалов – на работу!» Кое-как, с большим трудом, поднялся, оделся, выхожу на улицу, а там уже сидят наши в телеге, запряженной быками. Нас отвезли на полевой стан работать на прицепах – шла посевная кампания. Всю посевную я там проработал безвыездно. По окончании посевной нас повезли, в качестве поощрения, в райцентр – Джетыгару. В Джетыгаре я встретился с нашими харбинцами. Многих из них до этого я и не знал, но отличил наших по одежде. А когда заговоришь с ними, то и - по разговору. Мы встречались с ними как с родными.

Как я выяснил, наш совхоз и райцентр были заселены ссыльными и бывшими заключенными. Наш управляющий фермой, бухгалтер, бригадиры, учетчики и завхоз – все были бывшими заключенными и ссыльными. Отсюда шло и такое обращение с нами, как с зэками. Зарплата была небольшая. На эти деньги я мог купить в местном сельпо только консервы и крупы. Хотя совхоз был мясомолочный, но мяса мы не видели.

В июне я получил письмо от мамы, в котором она писала, что их распределили в Акмолинскую область, тоже в совхоз. Но их почему-то сразу из совхоза отпустили, и они уехали в Абакан. Мать звала нас к себе. Я, выбрав момент, поехал на центральную усадьбу совхоза, пришел к директору с заявлением об увольнении. А он порвал заявление и сказал: «Иди работай!» Я заявил, что работать не буду. А он говорит: «Мы тебя посадим!» Оказывается, тогда был такой закон – за 3 дня прогула давали 6 месяцев принудительных работ. Собственно, там, где я работал, была та же принудилровка.

Слава Богу, что хоть бабушку не трогали. Бабушка была дома, шила на заказ для местных. Вместо платы брала продуктами. Бабушку директор не задерживал, разрешил ехать куда угодно.

По окончании полевых работ меня послали работать на скотную базу в телятник. Работать приходилось от темна до темна без выходных. В январе 1956 г. меня повезли с остальными сверстниками на военную приписку в райцентр. Ставя на приписку, военком сказал, что если кто хочет уехать, то до 1 мая должен сняться с военного учета. С паспортного учета в то время, если нет штампа в паспорте об увольнении с работы, не снимали.

Наступила весна 1956 г., началась посевная. Меня посадили работать на трактор, так как мой тракторист ушел служить в армию. Шестого мая исполнился ровно год, как мы приехали в совхоз. И мы с бабушкой, договорившись с нашим харбинским шофером, который работал на

грузовике, тайно погрузили свои пожитки на его грузовик и поехали на станцию Бреды. Ночь переночевали на вокзале, утром купили билеты до Абакана.

В Абакане встал на военный учет (это было самое главное), а через месяц меня забрали в армию. С того времени в деревне я больше не жил. Три года отслужил на Сахалине. Из армии вернулся к родителям. Отчим строил ТЭЦ в Ангарске. Я стал работать слесарем-монтажником, сварщиком. Учился в вечерней школе рабочей молодежи. Я держал своё слово, данное матери ещё в Харбине о том, что всё равно получу образование. Школу окончил почти с золотой медалью, в аттестате было всего три четверки, остальные – пятёрки.

Решил попробовать поступить в Томский политехнический институт. Легко набрал вступительные баллы. Там женился на преподавательнице истории, которая выделялась своей несхожестью на сверстниц. В ней было что-то от нашей культуры. После окончания института мы переехали в Кемерово. У нас сын (священник) и дочь (врач-стоматолог). Иногда встречаемся с харбинцами.³⁵⁶ Их в Сибири много. Рзымышляем о превратностях судьбы, которая так насмешлива над нами, романтиками и патриотами СССР.

---

³⁵⁶ В Новосибирске действует ассоциация «Харбин», которая издает журнал «На сопках Маньчжурии»

ДОКУМЕНТ №137

Ондар Марат-оол Идамович родился в с. Бора-Тайга Сют-Хольского района Тувинской АССР в 1944 г.³⁵⁷ Рассказ записал сын Ондар Марат (г.Кызыл)

Пусть не покажется странным, что о коллективизации рассказывает очевидец, родившийся в 1944 г. Я действительно очевидец. Дело в том, что в Тыве коллективизация проходила в 50-е годы. Ведь Тыва присоединилась к СССР только в 1944 г. В Урянхайском крае, как тогда называлась Тыва, народная революция победила в 1921 г. В 1929 г. создана Тувинская народная республика (ТНР), которая в 1944 г. добровольно вошла в состав РСФСР на правах автономной области.

Мой отец, Ондар Идам Чалбаевич 1894 г. рождения, был потомственным животноводом, аратом. Умер в 1974 г. Моя мать, Ондар Хамаа Чаш-ооловна 1913 г. рождения, тоже аратка. Они имели 9 детей. Я – восьмой. В моей собственной семье у меня только трое сыновей: Буян – радиоинженер, Артур – оперуполномоченный МВД, Марат – студент медакадемии.

В хошуунах, то есть в районах, в 50-е годы стали создаваться животноводческо-земледельческие товарищества (МЧАЭ). Я тогда был уже довольно большим мальчиком дошкольного возраста. До сих пор хорошо помню, как «добровольное» вступление в колхоз коснулось наших аалов и нашей семьи. Аал - это группа семей, состоявшая из 3-4-х юрт и кошар.

Основой жизни тувинца всегда было животноводство. Поэтому скот имели все. Редко кто не имел его. Разве что большой лентяй и бездельник

---

³⁵⁷ Получив материал респондента, родившегося в 1944 г., но претендующего на рассказ очевидца коллективизации, составители сборника сначала очень удивились. Но, ознакомившись с ним, поняли его уникальность. Во-первых, речь шла об опыте коллективизации хозяйств кочевого скотоводства, не нашедшего отражения в сборнике. Во-вторых, материал замечательно оттеняет главную черту советской политической системы, в которой экономические интересы были принесены в угоду политическим. За 15 лет колхозного строя советские вожди не могли не убедиться в его экономической несостоятельности. Но зато колхозы решили центральный вопрос борьбы с капитализмом – вопрос ликвидации частной собственности на средства производства и отмирания товарно-денежных отношений при социализме. Потому их и внедряли после войны в Прибалтике, Молдавии, Западной Украине и Западной Белоруссии, присоединенных к СССР в годы второй мировой войны.

был без скота.³⁵⁸ Арата скот кормил, одевал и обувал. Из шерсти скота делали войлок на юрту и т. д. Скот и его продукцию продавали или меняли на чай, соль, табак и др. В то время во многих хошуунах жили русские переселенцы. Многие из них занимались торговлей.

У моих родителей было около 200 голов мелкого, 20 с лишним крупного рогатого скота, то есть сарлыков. Это самое оптимальное поголовье в условиях высокогорья. В то время араты, имевшие такое поголовье скота, считались не богатыми. У богатых скот считался на сотни. А у некоторых был за несколько тысяч.

Тогда время было тревожное: то кого-то арестовали, то кого-то посадили, то кого-то расстреляли. Позже, уже став взрослым, узнал, что в то время были подвергнуты репрессиям ни в чем не повинные люди, в том числе работники хошуунного руководства. Некоторых из них расстреляли. Помню, как-то поздней осенью в нашем аале стало очень тревожно. Старшие суетились, нервничали. Кто-то куда-то отгонял скот. Кто-то куда-то исчезал. На наши вопросы старшие не отвечали.

Однажды ранним утром в наш аал на лошадях и на телегах приехали много незнакомых людей. Мужчины аала залезли на холмик, который находился за кошарами, угрюмо молчали и курили свои длинные трубки. Женщины тихо плакали, утирая слезы, не реагировали на плач детей. Скот в кошаре, будто почувствовав недоброе, громка блеял.

Старшим в аале, видимо, был отец. Приезжие пересчитали весь скот и о чем-то стали очень громко говорить отцу. Кажется, приезжие спрашивали: «Весь ли скот здесь, не укрывает ли где его?». Закончив считать, оставили нам 10 голов овец и коз, 2 сарлыка и погнали наш скот в сторону хошууна.

На всю жизнь запомнился случай с годовалым ягненком Ховээ. Когда он родился, его мать разодрали волки. Я его вскормил через соску. Он бегал за мной как собачонка, всегда крутился возле меня. В суматохе я забыл про него. Но когда погнали скот, Ховээ с громким блеянием прибежал ко мне и плотно прижался к моей ноге. Один из погонщиков кричал на меня, чтобы я отогнал ягненка. Но я стоял, как вкопанный. Тогда погонщик схватил ягненка за хребет и бросил в стадо. Тот - опять обратно. Тогда другой погонщик ударил его хлыстом. Так мне было жалко своего Ховээ.

От родителей я позднее слышал, что кого-то из соседского аала посадили за то, что он укрывал часть своего скота. В другом аале старшим

---

³⁵⁸ Закономерное совпадение мнения землепашцев России и кочевников-скотоводов Тувы на бедняка как бездельника и лентяя.

был мой дядя Ондар Керттик-оол. Когда к нему пришли забирать скот, он сказал: «Хоойлу дээрге хоюн алыр дээн план дээрге бызаа алыр дээн чуветир». В переводе это означает: «Ваш закон только отбирает скот». За эти слова его приговорили к 7 годам лишения свободы.

Стол, быт, одежда простого арата до и после коллективизации особым изменениям не подверглись. Но с середины 50-х годов свои национальные одежды араты сменили на другую «национальную» одежду: фуфайки, кирзовые или резиновые сапоги. Говорили, что в них удобнее лазить по тайге и горам.

Потомственные животноводы перешли пасти общественный скот. Работа чабана, скотовода - это работа не из легких. Но их привязывала вековая традиция. Любовь к животноводству у арата впитана с молоком матери.

Новый образ жизни: переход на оседлость, появление благоустроенных домов, газа, уход детей с раннего возраста в школы - интернаты, все это отрицательно сказалось на дальнейшем развитии животноводства.

По этой причине снижается поголовье скота в Тыве. По данным депутата Верховного Хурала Республики Тыва Василия Хомушку («Лицо родной земли», Кызыл, 2000) в 1941 г. поголовье скота в республике (ТНР) составляло 2.002.721 головы, а в 1999 г. все поголовье скота составила 867.785 голов.

Кому нужна такая революция?

**ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОЧЕВИДЦЕВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(ПО ПОРЯДКУ НОМЕРОВ ДОКУМЕНТОВ)**

1. Рейник Елена Малофеевна
2. Скопенко Варвара Петровна
3. Михайлова Анастасия Захаровна
4. Ярокалова Евдокия Никифоровна
5. Панкратов Алексей Федорович
6. Баландина Любовь Васильевна
7. Изотова Дарья Максимовна
8. Абросимова Матрена Спиридоновна
9. Романова О.И.
10. Бондаренко Георгий Иванович
11. Осипов Георгий Фомич
12. Рубцов Дмитрий Ермолаевич
13. Федоськина (Петрова) Мария Филипповна
14. Ретунская (Зубкова) Мария Дмитриевна
15. Благовещенская (Позднякова) Мария Гавриловна
16. Варнакова Василиса Ивановна
17. Марьина Настасья Федосеевна
18. N Варвара Ивановна
19. N Дарья Михайловна
20. Гракович Прасковья Васильевна
21. Шубин Александр Павлович
22. Соломатова Мария Кирилловна,
Жиганова Наталья Федоровна
23. Князева (Тюпина) Вера Михайловна
24. Мальцева Федосия Сергеевна
25. Климова Таисья Антоновна,
Климова Валентина Дорофеевна
26. Дмитриева Нина Дмитриевна
27. Мария Михайловна N
28. Киселева (в девичестве) Мария Ивановна
29. Правада (Пестерева) Анна Константиновна
30. Кирсанова Прасковья Савельевна
31. Марковская Вера Григорьевна
32. Ленцева Мария Наумовна,
Жук Ольга Григорьевна
33. Кузьмина Анна Васильевна
34. N Мария Александровна

35. Дубская Елизавета Михайловна
36. Чечевский Николай Остапович,
Чечевская (Боброва) Ефросинья Федоровна
37. Петрова Татьяна Петровна
38. Сердюк Федор Иванович
39. Валова Елизавета Васильевна
40. Мазурина Матрена Тимофеевна
41. Захарова Любовь Григорьевна
42. Иванова Евдокия Гавриловна
43. Дряхлова Клавдия Дмитриевна
44. Бырбина (Салютина) Акси́нья Фоминична
45. Ляшенко Полина Степановна
46. Дубровская Анна Александровна
47. Федорина Александра Константиновна
48. Бабушка Аня N
49. Лапина (Маслова) Федосия Кузьминична
50. Быкова Матрена Степановна
51. Федотова (Шишкова) Наталья Антоновна
52. Шишков Иван Алексеевич
53. Урошникова Александра Карповна
54. Щербинин Иван Андреевич,
Щербинина Екатерина Павловна
55. Носков Николай Пантелеймонович,
Носкова Татьяна Алексеевна
56. Колокольцова Анна Вячеславовна
57. Трофимова Екатерина Федотовна
58. Ларюшкина Евдокия Фоминична
59. М. Александра Касперовна
60. Герсинева (Степанова) Мария Петровна
61. Кожевникова Татьяна Константиновна
62. Ушакова Татьяна Игнатьевна
63. Свинцов Максим Петрови,
Синцова Нина Александровна
64. Бычкова Евдокия Яковлевна
65. Дед N
66. Лютов Виктор Васильевич
67. Машковский Николай Федосеевич
68. Шипицин Илья Николаевич,
Шипицина Анна Степановна
69. N Мария Ивановна

70. Киш (Петренко) Зоя Максимовна
71. Беккер Лидия Давыдовна
72. Савина (Шакюрова) Махаруза Сафариуловна
73. Щербинин Егор Андреевич,
Щербинина Анна Фатеевна
74. Распопова (Аксенова) Евдокия Павловна
75. Лушина Прасковья Алексеевна
76. Баянова Евдокия Владимировна
77. Голубева Анна Антоновна
78. Масякин Николай Данилович
79. Мищенко Татьяна Дмитриевна
80. Мартыненко (Леонтьева) Мария Георгиевна
81. Горцевская (Рябцева) Пелагея Михеевна
82. Бодрова (Голева) Зоя Андреевна
83. Стрельникова (Минаева) Мария Ефимовна
84. Чернышева Анна Спиридоновна
85. Атучина Анастасия Тимофеевна
86. Сметанникова Мария Порфирьевна
87. Бабушка Поля N
88. N Валентина Алексеевна
89. Ширукова (Баторшина) Зинаида Павловна
90. Касьянова Екатерина Алексеевна
91. Иванов Иван Иванович (псевдоним)
92. Жубин Яков Михеевич
93. Семибратова Анна Андреевна
94. Кузьмина Зинаида Петровна
95. Шарапова Мария Федоровна
96. Багина Анастасия Игнатьевна
97. Бабушка N
98. Батьков Александр Андреевич
99. Старков Иван Алексеевич
100. Черепанова (Кудрина) Анна Григорьевна,
Черепанова (Корнилова) Зоя Федоровна,
Черепанов Иван Алексеевич
101. Гладышева Мария Кузьминична
102. Сарасова (Потапкина) Антонина Андреевна
103. Коробецкая (Панова) Екатерина Павловна
104. Баранова (Демидова) Клавдия Константиновна
105. Юрьева Ефросинья Михайловна
106. Павленко Андрей Николаевич

107. Пищяева Раиса Егоровна
108. Мазуров Александр Александрович
109. Гришина (Гусева) Ульяна Григорьевна
110. Королева Мария Федоровна
111. Чумакова (Торгунакова) Елизавета Михайловна
112. Кочетова (Романова) Пелагея Ануфреевна
113. Бабикова Ксения Даниловна
114. Васильева Валентина Петровна
115. Никиточкин Анатолий Иванович,
Никиточкина (Сысоренко) Мария Владимировна
116. Яковлева (Нефедова) Антонина Петровна
117. Федорова Мария Григорьевна
118. Сулова (Цесаренко) Людмила Андреевна
119. Тарасова (Непрокина) Клавдия Максимовна
120. Мещерякова Мария Ивановна
121. Кухта Алексей Дмитриевич
122. Зениткина (Криво) Галина Александровна
123. Овчиникова (Гранат) Диана Ивановна
124. Шмоткова (Найдина) Зоя Петровна
125. Лучук Петр Иванович
126. Дьякова (Хахалина) Анна Александровна
127. Баранова Клавдия Васильевна
128. Кочерга Валентина Ивановна
129. Поснова Валентина Ивановна
130. Трубникова Любовь Ефимовна
131. Быкова Анна Гавриловна
132. Дед N
133. Зайцева Екатерина Афанасьевна
134. М. Александра Георгиевна
135. Кузлик Зинаида
136. Агибалов Виктор Константинович
137. Ондар Марат-оол Идамович

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОЧЕВИДЦЕВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (ПО АЛФАВИТУ)

1. **Абросимова Матрена Спиридоновна** родилась в 1909 в д. Усть-Кум нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Павлова Светлана в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №8
2. **Агибалов Виктор Константинович** родился в в 1937 г. в Суйфынчане (в Китае). Рассказ записан собственноручно в 2004 г.(г.Кемерово). Док. №136
3. **Атучина Анастасия Тимофеевна** родилась в 1924 г. в д. Верхний Калтан Кузедеевского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала её внучка Колбина Светлана в 1996 г. (п. Кузедеево Кемеровской области). Док. №85
4. **Бабикова Ксения Даниловна** родилась в 1928 г. в д. Барановка Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка). Док. №113
5. **Бабушка Аня N** (фамилию и деревню просила не называть) родилась в 1918 г. в Тисульском районе нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Касьянова Екатерина в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №48
6. **Бабушка Поля N** родилась в 1924 г. на Украине. Рассказ записал Бакиров Роман в 1998 г. (г. Междуреченск). Док. №87
7. **Багина Анастасия Игнатьевна** родилась в 1925 г. Беседу вела внучка Шарабарина Майя в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №96
8. **Бабушка N** родилась в 1925 г. в деревне Кеми в Башкирии. Рассказ записал Валиахмедов Азат в 2001 г. Док. №96
9. **Баранова Клавдия Васильевна** родилась в 1930 г. в д. Нагорная Татарской ССР. Рассказ записала Липовая Юлия в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №124
10. **Баранова (Демидова) Клавдия Константиновна** родилась в 1926 г. в д. Большие Вязовцы Ивановской области. Рассказ записала внучка Баранова Дарья в 2001 г. (г. Березовский). Док. №103
11. **Батъков Александр Андреевич** родился в 1925 г. в д. Каменка на Урале. Рассказ записала Каравинская Надежда в 2001 г. Док. №97
12. **Баландина Любовь Васильевна** родилась в 1908 г. в с. Николаевка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала её правнучка Машукова Ольга в 1997 г. (с. Николаевка). Док. №6

13. **Баянова Евдокия Владимировна** родилась в 1923 г. в д. Подъяково Щегловского района Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №76
14. **Беккер Лидия Давыдовна** родилась в 1921 г. в Волгоградской области. Рассказ записала Сохорева Татьяна в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №71
15. **Благовещенская (Позднякова) Мария Гавриловна** родилась в 1910 г. в с. Грязное Курской области. Рассказ записала правнучка Благовещенская Ольга в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №15
16. **Бодрова (Голева) Зоя Андреевна** родилась в 1923 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Черемушки Кемеровского района). Док. №81
17. **Бондаренко Георгий Иванович** родился в 1909 г. в д. Камысла нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Соломыкина Александра в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №10
18. **Быкова Анна Гавриловна** родилась в 1931 г. в д. Симоново Топкинского района нынешней Кемеровской области. Записала внучка Быкова Светлана в 1999 г. Док. №128
19. **Быкова Матрена Степановна** родилась в 1918 г. в д. Топки нынешней Кемеровской области. Рассказ записали Огородникова Анна и Рыбалко Алена в 2001 г. (г. Топки). Док. №50
20. **Бырбина (Салютина) Аксинья Фоминична** родилась в Курской области в 1917 г. Рассказ записала Станкус Наталья в 2001 г. (Кемерово). Док. №45
21. **Бычкова Евдокия Яковлевна** родилась в 1920 г. в д. Лебеди Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Садова Анна в 1999 г. (с. Березово). Док. №65
22. **Валова Елизавета Васильевна** родилась в 1917 г. в д. Андреевка Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Пикунова Наталья в 1999 г. (г. Березовский). Док. №40
23. **Варнакова Василиса Ивановна** родилась в 1911 г. в д. Барково нынешней Новосибирской области. Рассказ записан в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №16
24. **Васильева Валентина Петровна** родилась в деревне под Омском в 1928 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №113
25. **Герсинева (Степанова) Мария Петровна** родилась в 1919 г. в д. Владимировке Тисульского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записан в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №61

26. **Гладышева Мария Кузьминична** родилась в 1926 г. в с. Красное Ленинск-Кузнецкого района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Гладышева Елена в 1999 г. (г. Ленинск-Кузнецкий). Док. №100
27. **Голубева Анна Антоновна** родилась в 1922 г. в д. Карабинке на Алтае. В 1927 г. переехали в д. Чешник Таштагольского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Клокова Наталья в 1999 г. (п. Кузедеево). Док. №78
28. **Горцевская (Рябцева) Пелагея Михеевна** родилась в 1923 г. с. Большие сети Курской области. Рассказ записала внучка Горцевская Светлана в 2001 г. (г. Осинники). Док. №81
29. **Гракович Прасковья Васильевна** родилась в 1912 г. в с. Белогородка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Макарова Наталья (с. Белогородка). Док. №20
30. **Гришина (Гусева) Ульяна Григорьевна** родилась в 1927 г. в д. Шестаково Курганской области. Рассказ записала Венедиктова Екатерина в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №109
31. **Дед Н** родился в 1920 г. в деревне Щегловка нынешнего Кемеровского района. Рассказ записала на видеокамеру Бобкова Анастасия в 2001 г. Док. №65
32. **Дед Н** родился в 1931 г. на Западной Украине в небольшой деревне (свое имя и деревню отказался указывать). Рассказ записала Рябова Наталья в 2001 г. (г. Полысаево). Док. №132
33. **Дмитриева Нина Дмитриевна** родилась в 1914 г. в д. Синяево нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Минор Дмитрий в 2000 г. (г. Прокопьевск). Док. №26
34. **Дряхлова Клавдия Дмитриевна** родилась в 1917 г. в с. Бондари Тамбовской области. Рассказ записал Юрлов Василий в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №43
35. **Дубровская Анна Александровна** родилась в 1918 г. в д. Барановке Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка). Док. №46
36. **Дубская Елизавета Михайловна** родилась в 1916 г. в д. Журавли (нынешнего Кемеровского района). Рассказ записала Устинова Александра в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №35
37. **Дьякова (Хахалина) Анна Александровна** родилась в 1930 г. в с. Поморцево Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Дьякова Анастасия в 2000, (п. Промышленная). Док. №126

38. **Жиганова Наталья Федоровна** родилась в 1917 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №22
39. **Жубин Яков Михеевич** родился в 1925 г. в д. Березово Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Сосновских Светлана в 1998 г. (д. Березово). Док. №91
40. **Жук Ольга Григорьевна** родилась в 1916 г. в Белоруссии. Беседу записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №32
41. **Зайцева Екатерина Афанасьевна** родилась в 1934 г. в г. Мариинске нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Оорджак Аида в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №130
42. **Захарова Любовь Григорьевна** родилась в 1917 г. в с. Луговом Алтайского края. Рассказ записала Силина Наталья в 1999 г. (г. Прокопьевск). Док. №41
43. **Зениткина (Криво) Галина Александровна** родилась в 1929 г. в д. Тарасово Промышленного района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лобанова Анна (п. Промышленная). Док. №122
44. **Иванов Иван Иванович** (псевдоним) родился в 1915 г. поселке близ Кишинёва. Рассказ записал собственноручно в 1999 г. Док. №91
45. **Иванова Евдокия Гавриловна** родилась в д. Игратовка на Украине в 1917. Рассказ записала Соломыкина Александра в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №42
46. **Изотова Дарья Максимовна** родилась в 1909 г. в Минске. Рассказ записала Павлова Наталья в 1997 г. (с. Елыкаево Кемеровской области). Док. №7
47. **Касьянова Екатерина Алексеевна** родилась в 1924 г. в г. Татарске Новосибирской области. Рассказ записала внучка Карпович Анна в 2002 г. Док. №90
48. **Киселева** (в девичестве) **Мария Ивановна** родилась в 1914 г. в с. Морозово, Кольчугинского уезда Нынешней Кемеровской области). Рассказ записал Тюменев А. в 2001 г. Док. №28
49. **Киш (Петренко) Зоя Максимовна** родилась в 1921 г. в д. Новопокровке Ижморского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Фролов Андрей в 1999 г. (п. Итат). Док. №70
50. **Кирсанова Прасковья Савельевна** родилась в 1915 г. в д. Покровка Чулымского района нынешней Новосибирской области. Рассказ записал внук Цицкунов Александр в 2002 г. Док. №30

51. **Климова Таисья Антоновна** (мать) родилась в 1914 г. в д. Барановке нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка). Док. №25
52. **Климова Валентина Дорофеевна** (дочь) родилась в 1936 г. в д. Барановке нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Барановка). Док. №25
53. **Князева (Тюпина) Вера Михайловна** родилась в 1914 г. В 20-е годы семья переехала в д. Итыкус нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Тюпина Ольга в 1999 г. (п. Абашево). Док. №23
54. **Кожевникова Татьяна Константиновна** родилась в 1919 г. в д. Лужково нынешней Новосибирской области. Рассказ записала внучка Шмелева Наталья в 2002 г. Док. №61
55. **Колокольцова Анна Вячеславовна** родилась в 1919 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №56
56. **Коробецкая (Панова) Екатерина Павловна** родилась в 1926 г. в с. Жуланиха Алтайского края.. Рассказ записал Качко Валерий в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №103
57. **Королева Мария Федоровна** родилась в 1927 г. в Тамбовской обл. Рассказ записал Лунегов Евгений в 1998 г. Док. №110
58. **Кочетова (Романова) Пелагея Ануфреевна** родилась в 1927 г. в д. Боровая нынешнего Кемеровского района. Рассказ записала Почуева Ксения в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №112
59. **Кочерга Валентина Ивановна** родилась в 1930 г. в станице Новометровская Краснодарского края. Рассказ записала Баль Анна в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №128
60. **Кузлик Зинаида** родилась в 1937 г. в г. Прокопьевске. Рассказ записал Кельмаков Владимир в 2001 г. (Новокузнецк). Док. №135
61. **Кузьмина Анна Васильевна** родилась в 1916 г. д. Свидировка Тяжинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Кулемина Наталья в 1999 г. (с. Сандайское Тяжинского района Кемеровской области) Док. №33
62. **Кузьмина Зинаида Петровна** родилась в 1925 г. в Алтайском крае. Рассказ записал Байгушев Станислав в 1999 г. Док. №94
63. **Кухта Алексей Дмитриевич** родился в 1929 г. в д. Кайлыцк Тайгинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Кухта Алексей (г.Тайга). Док. №121

64. **Лапина (Маслова) Федосия Кузьминична** родилась в 1918 г. в с. Яя-Борик Яйского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Бойко Наталья в 1999 г. (п. Яя) Док. №49
65. **Ларюшкина Евдокия Фоминична** родилась в 1919 г. в д. Какуй Топкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Свалова Анна в 1999 г. (г Кемерово). Док. №58
66. **Ленцева Мария Наумовна** родилась в 1915 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. Беседу записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №32
67. **Лучук Петр Иванович** родился в 1929 г. в селе Стадница Винницкой области. Рассказ записала внучка Лучук Екатерина в 2003 г. Док. №125
68. **Лушина Прасковья Алексеевна** родилась в 1922 г. в д. Пашково Яшкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Петренко Надежда в 2001 г. Док. №75
69. **Лютков Виктор Васильевич** родился в 1920 г. в с. Яя нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Ивайкина А. в 2001 г. (п. Яя). Док. №66
70. **Ляшенко Полина Степановна** родилась в 1918 г. в с. Васильки на Украине. Рассказ записала внучка Курбатова Евгения в 1999 г. Док. №45
71. **М. Александра Касперовна** родилась в 1919 г. в д. Старо-Белово Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала в 2001 г. жена её внука Екатерина. Док. №59
72. **М. Александра Георгиевна** родилась в 1935 г. в с. Казинка Ставропольского края. Рассказ записала внучка Манухина Александра в 2002 г. (г. Кемерово). Док. №134
73. **Мазурина Матрена Тимофеевна** родилась в 1917 г. в д. Демидово-Карповка Мариинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Луконина Светлана в 1999 г. (д. Сокольники). Док. №40
74. **Мазуров Александр Александрович** родился в 1927 г. с. Селиверстово Алтайского края. Рассказ записал собственноручно в 1999 г. Док. №108
75. **Мальцева Федосия Сергеевна** родилась в 1914 г. в д. Ярхи нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Московский Евгений в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №24

76. **Мартыненко (Леонтьева) Мария Георгиевна** родилась в 1923 г. в д. Кармановка нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Огурецкая Ольга в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №80
77. **Марьина Настасья Федосеевна** родилась в 1912 г. в д. Балахоновка нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахонка). Док. №17
78. **Марковская Вера Григорьевна** родилась в 1915 г. в д. Карбелкино Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал правнук Марковский Александр в 1999 г. (г. Белово). Док. №31
79. **Масякин Николай Данилович** родился в 1922 г. в с. Ступишино Тяжинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Масякина Юлия в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №78
80. **Машковский Николай Федосеевич** родился в 1921 г. в д. Балахоновке Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахоновка). Док. №67
81. **Мещерякова Мария Ивановна** родилась в 1929 г. в с. Хмелевка Алтайского края. Рассказ записала внучка Завозина Елена в 2001 г. (г. Салаир) Док. №120
82. **Михайлова Анастасия Захаровна** родилась в 1906 г. в Алтайском крае.. Беседу вела Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования» (д. Балахоновка Кемеровской области). Док. №3
83. **Мищенкова Татьяна Дмитриевна** родилась в 1922 г. в д. Ивановке нынешней Новосибирской области. Рассказ записала Дроздовская Елизавета в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №79
84. **Носков Николай Пантелеймонович** родился в 1919 г в д. Носково Вятской губеории. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахоновка Кемеровской области). Док. №55
85. **Носкова Татьяна Алексеевна** родилась в 1924 г. в Подонино Промышленновского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Балахонка Кемеровской области). Док. №55
86. **Никиточкин Анатолий Иванович** родился в 1928 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №115

87. **Никиточкина (Сысоренко) Мария Владимировна** родилась в 1928 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №115
88. **Н Валентина Алексеевна** (фамилию просила не указывать) родилась в 1924 г. в д. Осиновая грива Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала внучка Дубровская Юлия в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №87
89. **Н Варвара Ивановна** (фамилию просила не называть) родилась в Алтайском крае ещё до первой мировой войны. Точную дату не помнит, а в паспорте проставлена, по её словам, неправильная дата – 1914 г. Рассказ записала Филонова Светлана в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №18
90. **Н Дарья Михайловна** (фамилию просила не называть) родилась в 1912 г. в д. Верхотомка нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Васильев Максим в 1999 г. (д. Верхотомка). Док. №19
91. **Н Мария Александровна** (фамилию просила не называть) родилась в 1916 г. в с. Красный бор Ижморского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Циммерман Оксана в 2000 г. Док. №34
92. **Н Мария Михайловна** (фамилию просила не называть) родилась в 1914 г. в селе Курс-Смоленка Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Тарасун Максим в 1999 г. Док. №27
93. **Н Мария Ивановна** родилась в 1921 г. в г. Щегловске (нынешний г. Кемерово). Рассказ записала Розенберг Ирина в 1996 г. (г. Кемерово) Док. №69
94. **Овчиникова (Гранат) Диана Ивановна** родилась в Киеве в 1929 г. Рассказ записала внучка Овчиникова Надежда 2001 г (г. Кемерово). Док. №123
95. **Ондар Марат-оол Идамович** родился в с. Бора-Тайга Сют-Хольского района Тувинской АССР в 1944 г. Рассказ записал сын Ондар Марат (г.Кызыл). Док. №137
96. **Осипов Георгий Фомич** родился в 1909 г. в с. Воскресенском нынешней Кемеровской области. Рассказ записала в 2002 г. внучка Осипова Татьяна со слов своего отца Осипова Андрея Геннадьевича. Док. №11
97. **Павленко Андрей Николаевич** родился в 1926 г. в с. Новожетково Приморского края. Рассказ записал внук Лебедев Дмитрий в 2001 г. Док. №106

98. **Панкратов Алексей Федорович** родился в 1907 г. в Тамбовской губернии, переехал в д. Покровку Кемеровской области. Рассказ записала Берестовая Наталья в декабре 1999 г. Док. №5
99. **Петрова Татьяна Петровна** родилась в 1916 г. в Калининской области. Рассказ записала внучка Долгих Татьяна в 1998 г. (г. Прокопьевск). Док. №37
100. **Пищяева Раиса Егоровна** родилась в 1927 г. в с. Зерган Башкирской ССР. Рассказ записала Исунова Полина в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №107
101. **Поснова Валентина Ивановна** родилась в 1930 г. в с. Моршанка Новосибирской области. Рассказ записала Рыбакова Юлия в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №129
102. **Правада (Пестерева) Анна Константиновна** родилась в 1914 г. в с. Новосёлово Томской губернии. Рассказ записала Коцкова Марина в 2000 г. Док. №29
103. **Распопова (Аксенова) Евдокия Павловна** родилась в 1922 г. в с. Ариничево нынешнего Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Рассказ записала Тюпина Наталья в 1999 г. (п. Абашево). Док. №74
104. **Рейник Елена Малофеевна** родилась в 1904 г. в д. Мояны Яшкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал правнук Тризна Евгений в 1999 г. (п. Яшкино). Док. №1
105. **Ретунская (Зубкова) Мария Дмитриевна** родилась в 1910 г. в с. Усть-Волчиха Алтайского края. Рассказ записала Полузятько Яна в 1999 г. (д. Тутуяс Кемеровской области). Док. №14
106. **Романова О.И.** родилась в 1909 г. Рассказ записала Чуднова Анна в 1999 г. Док. №9
107. **Рубцов Дмитрий Ермолаевич** родился в 1910 г. в д. Лебеди нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Костюкова Марина в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №12
108. **Савина (Шакюрова) Махаруза Сафариуловна** родилась в 1921 г. в д. Казановка в Татарии. Рассказ записала Черева Ольга в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №72
109. **Сарасова (Потапкина) Антонина Андреевна** родилась в 1926 г. в д. Зарубино Топкинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Спиркина Светлана в 1999 г. (с. Раздолье). Док. №102
110. **Свинцов Максим Петрович** родился в 1920 г. в деревне под Киевом. Рассказ записал Нартов Андрей в 1999 г. (д. Подъяково). Док. №63

111. **Синцова Нина Александровна** родилась в 1923 г. в д. Ачичат Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Нартов Андрей в 1999 г. (д. Подъяково). Док. №63
112. **Семибратова Анна Андреевна** родилась в 1925 г в с. Рохмановка Пензенской области. Рассказ записал Бугаенко Борис в 1998 г. Док. №92
113. **Сердюк Федор Иванович** родился на Волге в 1917 г. Рассказ записала правнучка Бауэр Татьяна в 1999 г. Док. №38
114. **Скопенко Варвара Петровна** родилась в 1905 г. на украинском хуторе в Черниговской области. Рассказ записала правнучка Шайдирова Надежда в 1999 г. Док. №2
115. **Сметанникова Мария Порфирьевна** родилась в 1924 г. в д. Улус Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Кривоносов Петр в 1999 г. (г. Белово). Док. №86
116. **Соломатова Мария Кирилловна** родилась в 1914 г. в д. Подъяково нынешней Кемеровской области. Живёт там же. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №22
117. **Старков Иван Алексеевич** родился в 1925 г. в д. Малая Каралда Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал внук Дьячков Алексей в 2001 г. (с. Каларда). Док. №99
118. **Стрельникова (Минаева) Мария Ефимовна** родилась в 1923 г. в д. Елань Саратовской области. Рассказ записала Тamarлакова Юлия в 2001 г. (г. Красноярск). Док. №83
119. **Суслова (Цесаренко) Людмила Андреевна** родилась в 1928 г. в п. Чуртан Тюменской области. Рассказ записала внучка Суслова Дарья в 2001 г., (п. Новый Ленинск-Кузнецкого района). Док. №118
120. **Тарасова (Непрокина) Клавдия Максимовна** родилась в 1928 г. в д. Шодрово на юге Кузбасса. Рассказ записала Богаудинова Ольга в 2001 г. (г. Мыски). Док. №119
121. **Трофимова Екатерина Федотовна** родилась в 1919 г. в д. Новопестери Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Корнева Ксения в 2000 г. (г. Белово). Док. №57
122. **Трубникова Любовь Ефимовна** родилась в 1930 г. в с. Покровка Оренбургской области. Рассказ записал Монгуш Кудер в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №130
123. **Урошникова Александра Карповна** родилась в 1918 г. в д. Старая Тамбовка (под Москвой). Рассказ записала внучка Сумина Елена в 2000 г. Док. №53

124. **Ушакова Татьяна Игнатьевна** родилась в 1919 г. в деревне Курск - Смоленка Чебулинского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Акулова Наталья в 2002 г. (п. Ясногорский). Док. №62
125. **Федотова (Шишкова) Наталья Антоновна** родилась в 1918 г. в д. Новосёлки на границе между Украиной и Белоруссией. Рассказ записала Ларченко Наталья в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №51
126. **Федорина Александра Константиновна** родилась в 1918 г. в д. Абашево нынешней Кемеровской области. Рассказ записан Тюпиной Ольгой в 1999 г. (п. Абашево) Док. №47
127. **Федорова Мария Григорьевна** родилась в 1928 г. в д. Второй Новониколаевке Новосибирской области. Рассказ записала Монгуш Саяна в 1997 г. (г. Кемерово). Док. №117
128. **Федоськина (Петрова) Мария Филипповна** родилась в 1910 г. в с. Чебула нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Бессонова Виктория в 1999 г. (п. Чебула). Док. №13
129. **Черепанов Иван Алексеевич** родился в 1928 г. в д. Бурлаки Прокопьевского района нынешней Кемеровской области. Беседа записана в 2001 г. (г. Юрга). Док. №100
130. **Черепанова (Кудрина) Анна Григорьевна** родилась в 1925 г. в д. Ново-Романове Юргинского района нынешней Кемеровской области. Беседа записана в 2001 г. (г. Юрга). Док. №100
131. **Черепанова (Корнилова) Зоя Федоровна** родилась в 1926 г. в д. Ново-Романово Юргинского района нынешней Кемеровской области. Беседа записана в 2001 г. (г. Юрга). Док. №100
132. **Чернышева Анна Спиридоновна** родилась в 1924 г. на Урале. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»). (д. Балахонка) Док. №84
133. **Чечевский Николай Остапович** родился в 1917 г. в в деревне Иверка Ижморского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский Кемеровской области). Док. №36
134. **Чечевская (Боброва) Ефрасинья Федоровна** родилась в 1917 г. Рассказ записала Лопатина Наталия в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский Кемеровской области). Док. №36
135. **Чумакова (Торгунакова) Елизавета Михайловна** родилась в 1927 г. Рассказ записала внучка Князева Наталья в 1996 г. (г. Кемерово). Док. №111

136. **Шарапова Мария Федоровна** родилась в 1925 г. в с. Чайинка нынешней Новосибирской области. Рассказ записал Воронкин Михаил в 1997 г. (г. Барабинск). Док. №95
137. **Щербинин Иван Андреевич** родился в 1919 г. в д. Сутуновка Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записала в 1999 г. Лопатина Наталия (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»). (д. Подъяково). Док. №54
138. **Щербинина Екатерина Павловна** родилась в 1928 г. Рассказ записала в 1999 г. Лопатина Наталия (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»). (д. Подъяково). Док. №54
139. **Щербинин Егор Андреевич** родился в 1922 г. в д. Сутункин лог Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №73
140. **Щербинина Анна Фатеевна** родилась в 1922 г. в Павлодаре. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (п. Щегловский). Док. №73
141. **Шипицин Илья Николаевич** родился в 1921 г. в д. Барановке, Щегловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №68
142. **Шипицина Анна Степановна** родилась в 1921 г. в Белоруссии. Рассказ записал Лопатин Леонид в 1999 г. (спецэкспедиция фонда «Исторические исследования»), (д. Подъяково). Док. №68
143. **Ширукова (Баторшина) Зинаида Павловна** родилась в 1924 г. в г. Томске. Рассказ записала внучка Цикунова Юлия в 2001 г. (с. Троицкое). Док. №88
144. **Шишков Иван Алексеевич** родился в 1918 г. в деревне, которая, по его словам, стала называться колхозом «Красное знамя» (название кузбасской деревни не стал уточнять). Рассказ записал внук Шишков Дмитрий в 1999 г. Док. №52
145. **Овчиникова (Гранат) Диана Ивановна** родилась в Киеве в 1929 г. Рассказ записала внучка Овчиникова Надежда 2001 г (г. Кемерово) Док. №123
146. **Шубин Александр Павлович** родился в 1913 г. в с. Глубокое нынешней Кемеровской области. Рассказ записала Ухтина Наталья в 2001 г. (п. Тисуль). Док. №21
147. **Юрьева Ефросинья Михайловна** родилась в 1926 г. Рассказ записала внучка Бовейко Екатерина в 2001 г. Док. №105

148. **Яковлева (Нефедова) Антонина Петровна** родилась в 1928 г. в д. Пермяки Беловского района нынешней Кемеровской области. Рассказ записал Болотов Константин в 2000 г. (г. Белово). Док. №116
149. **Ярокалова Евдокия Никифоровна** родилась в 1906 г. в д. Холуи нынешней Кировской области. Рассказ записал Ковалев Максим в 1999 г. (г. Мыски). Док. №4

СПИСОК АРХИВНЫХ И ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПРИЛАГАЕМЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

1. **Справка** Информационного отдела ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации в Московской области по материалам на 19 марта 1930 г и приложения к ней. Не ранее 19 мая 1930. (к Док. №1)
2. **Постановление** президиума Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета от 5 мая 1931 г. «О ликвидации кулачества как класса» (к Док. №2)
3. **Информация** секретарю Мариинского РК ВКП(б) о проработке речи тов. Сталина в колхозе «Завет Ленина» Константиновского сельсовета. 3 декабря 1935 г. (к Док. №5)
4. **Сообщение** Тисульского райисполкома председателю Колбинского сельсовета о продаже с торгов имущества, раскулаченных граждан. 8 апреля 1929 г. (к Док. №6)
5. **Докладная записка** Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике Классовой борьбы в деревне 1930. 15 мая 1931 (к Док. №7)
6. **Постановление** президиума Мариинского райисполкома и бюро райкома ВКП(б) «О состоянии колхозов Укольского сельсовета». 15 апреля 1936 г. (к Док. №9)
7. **Обращение** ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю в крайздрав с просьбой принять меры по уменьшению детской смертности в южных комендатурах. 23 мая 1934 г. (к Док. №10)
8. **Инструкция** Кузнецкого окружкома ВКП(б) «Всем секретарям райпарткомов» О порядке определения кулацких хозяйств, подлежащих выселению». 18 февраля 1930 г. (к Док. №12) ....с. 41
9. **Информсводка** политуправления Московского военного округа об участии воинских частей в операциях по ликвидации кулачества. 26 февраля 1930 г. (к Док. №15)
10. **Письмо** инструктора Нарымского окружкома ВКП(б) Величко в партийные органы о положении на острове Назино. 3-22 августа 1933 г. (к Док. №16)
11. **Докладная записка** комиссии ЦК ВКП(б) по проверке заявлений крестьян, неправильно высланных в Северный край, в Политбюро с приложением протокола комиссии №2 от 23 апреля 1930. 8 мая 1930 г. (к Док. №21)

12. **Выписка** из протокола выездного заседания партколлегии Щегловской городской контрольной комиссии ВКП(б) по персональному делу Фроловой А.И., не порвавшей связей с родителями, высланными в Нарым. 26 декабря 1931 г. (к Док. №24)
13. **Выводы** Западно-Сибирской краевой КК-РКИ по проверке трудового использования и хозяйственно-бытового устройства трудпоселенцев, занятых в системе Кузбассугля. Не ранее 15 сентября 1933 г. (к Док. №25)
14. **Выписка** из протокола Заседание президиума Беловского районного исполнительского Комитета Западно-Сибирского края. 7 июня 1937 г. (к Док. №26)
15. **Из политинформации** Рудничного РК ВКП(б) г. Кемерова об агитационно-массовой работе среди населения района. 4-7 июля 1941 г. (к Док. №31)
16. **Выписка из постановления** объединенного заседания Киселёвского РК ВКП(б) и Райсполкома «Об обязательной поставке яиц государству колхозами, колхозниками и единоличниками». 29 марта 1941 г. (к Док. №44)
17. **Приговор** по уголовному делу председателя колхоза «Гроза Капиталу» Семенова Прокопия Евсеевича. Дело №3139. 23 августа 1935 г. (к Док. №46)
18. **Записка** по прямому проводу из Новосибирска о занесении на «Черную доску» районов, сел и колхозов, не выполняющих план хлебозаготовок. 22 ноября 1932 г. (к Док. №71)
19. **Выписка** из протокола заседания Титовского райкома ВКП(б) об «явном саботаже» в хлебосдаче среди единоличников по Вагановскому сельсовету. 8 сентября 1935 года. (к Док. №73)
20. **«Тревога»** - специальный выпуск Тисульской районной газеты «Сталинская трибуна» о суде над саботажниками хлебосдачи в районе. 3 октября 1936 г. (к Док. №77)
21. **Из докладной записки** бригады Запсибкрайкома ВКП(б) по обследованию колхозов Тисульского района и состоянии в них стахановского движения. Не позднее 29 июля 1937 г. (к Док. №77)
22. **Дело** Овчинникова А.Ф. о скрывании от партии своего социального происхождения. 13 ноября 1937 г. (к Док. №111)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ БЕСЕД

1. Акулова Наталья в 2002 г. (п. Ясногорский). Док. №62
2. Бакиров Роман в 1998 г. (г. Междуреченск). Док. №87
3. Баль Анна в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №128
4. Байгушев Станислав в 1999 г. Док. №94
5. Баранова Дарья в 2001 г. (г. Березовский). Док. №104
6. Бауэр Татьяна в 1999 г. Док. №38
7. Бессонова Виктория в 1999 г. (п. Чебула). Док. №13
8. Благовещенская Ольга в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №15
9. Быкова Светлана в 1999 г. Док. №131
10. Бобкова Анастасия в 2001 г. Док. №65
11. Бовейко Екатерина в 2001 г. Док. №105
12. Богаудинова Ольга в 2001 г. (г. Мыски). Док. №119
13. Бойко Наталья в 1999 г. (п. Яя) Док. №49
14. Болотов Константин в 2000 г. (г. Белово). Док. №116
15. Берестовая Наталья в декабре 1999 г. Док. №5
16. Бугаенко Борис в 1998 г. Док. №93
17. Валиахмедов Азат в 2001 г. Док. №97
18. Васильев Максим в 1999 г. (д. Верхотомка). Док. №19
19. Венедиктова Екатерина в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №109
20. Воронкин Михаил в 1997 г. (г. Барабинск). Док. №95
21. Герсинева (Степанова) Мария Петровна родилась в 1919 г в д. Владимировке рассказ записан в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №60
22. Гладышева Елена в 1999 г. (г. Ленинск-Кузнецкий). Док. №101
23. Горцевская Светлана в 2001 г. (г. Осинники). Док. №81
24. Дроздовская Елизавета в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №79
25. Дьякова Анастасия в 2000, (п. Промышленный). Док. №126
26. Дьячков Алексей в 2001 г. (с. Каларда). Док. №99
27. Дубровская Юлия в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №88
28. Долгих Татьяна в 1998 г. (г. Прокопьевск). Док. №37
29. Завозина Елена в 2001 г. (г. Салаир) Док. №120
30. Ивайкина Анна в 2001 г. (п. Яя). Док. №66
31. Исунова Полина в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №107
32. Каравинская Надежда в 2001 г. Док. №98
33. Карпович Анна в 2002 г. Док. №90
34. Касьянова Екатерина в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №48
35. Кельмаков Владимир в 2001 г. (Новокузнецк). Док. №135
36. Князева Наталья в 1996 г. Док. №111
37. Клокова Наталья в 1999 г. (п. Кузедеево). Док. №77

38. Качко Валерий в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №103
39. Ковалев Максим в 1999 г. (г. Мыски). Док. №4
40. Костюкова Марина в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №12
41. Корнева Ксения в 2000 г. (г. Белово). Док. №57
42. Коцкова Марина в 2000 г. Док. №29
43. Колбина Светлана в 1996 г. (п. Кузедеево Кемеровской области). Док. №85
44. Кривоносов Петр в 1999 г. (г. Белово). Док. №86
45. Кулемина Наталья в 1999 г. (с. Сандайское Тяжинского района Кемеровской области) Док. №33
46. Курбатова Евгения в 1999 г. Док. №45
47. Кухта Алексей (г. Тайга). Док. №121
48. Ларченко Наталья в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №51
49. Лебедев Дмитрий в 2001 г. Док. №106
50. Липовая Юлия в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №127
51. Лобанова Анна (п. Промышленный). Док. №122
52. Лопатин Леонид в 1999 г. Док. №22, 55, 67, 68, 73, 76, 84.
53. Лопатина Наталия в 1999 г. Док. №3, 17, 25, 32, 36, 54, 56, 82, 113-115.
54. Лучук Екатерина в 2003 г. Док. №125
55. Луконина Светлана в 1999 г. (д. Сокольники). Док. №40
56. Машукова Ольга в 1997 г. (с. Николаевка). Док. №6
57. Манухина Александра в 2002 г. (г. Кемерово). Док. №134
58. Марковский Александр в 1999 г. (г. Белово). Док. №31
59. Масякина Юлия в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №78
60. Макарова Наталья (с. Белогородка). Док. №20
61. Минор Дмитрий в 2000 г. (г. Прокопьевск). Док. №26
62. Монгуш Кудер в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №130
63. Монгуш Саяна в 1997 г. (г. Кемерово). Док. №117
64. Московский Евгений в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №24
65. Нартов Андрей в 1999 г. (д. Подъяково). Док. №64
66. Огородникова Анна и Рыбалко Алена в 2001 г. (г. Топки). Док. №51
67. Овчиникова Надежда 2001 г (г. Кемерово). Док. №123
68. Ондар Марат (г. Кызыл). Док. №136
69. Оорджак Аида в 1998 г. (г. Кемерово). Док. №133
70. Огурецкая Ольга в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №80
71. Осипова Татьяна в 2002 г. Док. №11
72. Павлова Светлана в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №8
73. Павлова Наталья в 1997 г. (с. Елыкаево Кемеровской области). Док. №7
74. Полузятко Яна в 1999 г. (д. Тутуяс Кемеровской области). Док. №14
75. Почуева Ксения в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №112
76. Пикунова Наталья в 1999 г. (г. Березовский). Док. №39

77. Петренко Надежда в 2001 г. Док. №75
78. Розенберг Ирина в 1996 г. (г. Кемерово) Док. №69
79. Рыбакова Юлия в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №129
80. Рябова Наталья в 2001 г. (г. Полысаево). Док. №132
81. Садова Анна в 1999 г. (с. Березово). Док. №64
82. Свалова Анна в 1999 г. (г. Кемерово). Док. №58
83. Соломыкина Александра в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №10, 42
84. Сосновских Светлана в 1998 г. (д. Березово). Док. №92
85. Спиркина Светлана в 1999 г. (с. Раздолье). Док. №102
86. Силина Наталья в 1999 г. (г. Прокопьевск). Док. №41
87. Сохорева Татьяна в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №71
88. Станкус Наталья в 2001 г. (Кемерово). Док. №44
89. Сулова Дарья в 2001 г., (п. Новый Ленинск-Кузнецкого р-на). Док. №118
90. Сумина Елена в 2000 г. Док. №53
91. Тамарлакова Юлия в 2001 г. (г.Красноярск). Док. №83
92. Тарасун Максим в 1999 г. Док. №27
93. Тризна Евгений в 1999 г. (п. Яшкино). Док. №1
94. Тюменев Александр в 2001 г. Док. №28
95. Тюпина Ольга в 1999 г. (п. Абашево). Док. №23
96. Тюпиной Ольгой в 1999 г. (п. Абашево) Док. №47
97. Тюпина Наталья в 1999 г. (п. Абашево). Док. №74
98. Устинова Александра в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №35.
99. Шарабарина Майя в 2001 г. (г. Новокузнецк). Док. №96
100. Шайдирова Надежда в 1999 г. Док. №2
101. Шишков Дмитрий в 1999 г. Док. №52
102. Шмелева Наталья в 2002 г. Док. №61
103. Черева Ольга в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №72
104. Чуднова Анна в 1999 г. Док. №9
105. Цицкунов Александр в 2002 г. Док. №30
106. Цикунова Юлия в 2001 г. (с. Троицкое). Док. №89
107. Циммерман Оксана в 2000 г. Док. №34
108. Ухтина Наталья в 2001 г. (п. Тисуль). Док. №21
109. Фролов Андрей в 1999 г. (п. Итат). Док. №70
110. Филонова Светлана в 2000 г. (г. Кемерово). Док. №18
111. Юрлов Василий в 2001 г. (г. Кемерово). Док. №43

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читатель убедился, что почти каждый публикуемый рассказ – трагедия. Трагедия не только семьи или деревни. Это трагедия нации, её культурная катастрофа, последствия которой, видимо, невосполнимы. Многие из респондентов задавались вопросами: зачем раскулачивание, зачем ставка на бедняков, почему нищета колхозников, зачем насилие над ними, зачем..., почему...?

Действительно, зачем? Отдельные авторы рассказов считали коллективизацию и её методы лишь следствием политики местных властей. Принципиально недалеко от них ушли те историки, экономисты, философы, кто объясняет коллективизацию лишь накоплением капитала для форсированной индустриализации.

В действительности же коллективизация была частью социального эксперимента, проводимого в соответствии с марксистскими теоретическими представлениями о социализме. В России с 1917 г. установилась диктатура пролетариата, было проведено обобщение собственности, фактически ликвидированы товарно-денежные отношения, введена всеобщая трудовая повинность и др. Это почти сразу же привело к гражданской войне и экономической разрухе. Поэтому от наиболее утопичных черт эксперимента в 1921 г. пришлось временно отказаться: восстановили товарно-денежные отношения, частично реабилитировали частную собственность, отменили трудовую повинность.

Но с завершением восстановления разрушенного марксистским экспериментом хозяйства, тяга коммунистов к дальнейшему экспериментированию восстановилась. Почти два года, с января 1928 г. по ноябрь 1929 г., советская власть проводила подготовительную работу по переводу деревни на марксистскую модель общественного устройства. За это время власть убедилась, что произвольные реквизиции «излишков» сельхозпродуктов показали внутреннюю готовность крестьян принять навязываемое им насилие, частью которого было коллективное хозяйствование. Сами крестьяне об этих годах говорили - «мы не сопротивлялись...», «продотрядчикам доносили о хлебных запасах свои же, лебединские» и пр.

Потому власть безбоязненно и начала массовую коллективизацию, идеально отразившую тоталитарную сущность социализма. В деревне, как и в годы военного коммунизма, опять ликвидировали частную собственность на средства производства («отбирали всё: скот, инвентарь, постройки, даже одежду»). Фактически отменили товарно-денежные отношения («работали за палочки»). Провели жесткую регламентацию и

централизацию экономики. Ввели экономическое и внеэкономическое принуждение крестьян. Развязали против них государственный террор. В деревне и над деревней установили авторитарную форму правления. Осуществили идеологизацию всей социальной жизни при полном отсутствии общественно-политического движения. Такая же политика (с небольшими особенностями) проводилась и в городе.

Созданием колхозов путем обобществления скота, инвентаря, находившихся в частной собственности крестьян, преследовалась не столько экономическая задача (формирование крупных хозяйств и изъятие средств для индустриализации), сколько социально-политическая и культурная. Лишив крестьянина частной собственности, коммунисты сделали его полностью экономически зависимым от государства. Посредством введения паспортной системы у крестьян до конца 50-х годов отняли право на свободное передвижение. Ввели суровое уголовное наказание за невыполнение нормы трудодней и даже за незначительные хищения. Широко практиковали детский труд и труд стариков. Всё это можно квалифицировать как оформление системы трудовой повинности, прямое закрепощение человека в интересах государства.

Рассказы очевидцев коллективизации показали, что колхозники воспринимали за естественный порядок свою принудительную работу «от зари до зари» не только в поле или на ферме, но и на лесоповале, строительстве дорог и шахт. Работали без выходных и отпусков (в том числе и по беременности). Ни о каком сопротивлении, по их словам, они и не помышляли. Видели, что не только за действия, но даже за неосторожное слово против власти следовало тюремное наказание. Колхозники знали о существовании в каждой деревне доносителей и поэтому «с соседями говорили только шёпотом». Политикой старались не интересоваться. Консолидация для протеста в этих условиях, конечно, исключалась.

Во время раскулачивания одна часть деревенской общины натравливалась на другую: голосовали против соседа на собраниях, присутствовали при изъятии его собственности, приобретали за бесценок его имущество и пр. Перспектива оказаться раскулаченным останавливала не только протест, но и мысль о нем. Всё это вынуждало крестьянина быть общественно пассивным гражданином. Поэтому они, по их словам, и безропотно голосовали за председателей колхозов, назначаемых партийными органами из приезжих рабочих. Воспринимали как должное самодурство и насильственные действия председателей и бригадиров в обращении с собой, старались не замечать воровства ими колхозного

имущества. Председатели, бригадиры, кладовщик и счетовод стали самыми материально обеспеченными людьми в колхозной деревне.

В колхозах была восстановлена утопичная модель безтоварных отношений периода военного коммунизма. Вознаграждение за труд шло в виде одноразовой оплаты по трудодням. Чаще всего бывшие колхозники указывали на 200-500 гр. зерна, выдаваемых на трудодень. Поскольку такой объем оплаты не был эквивалентен стоимости по воспроизводству рабочей силы, постольку эту практику следует признать как изъятие у крестьянина не только прибавочного, но и необходимого продукта.

Поэтому последовало резкое обнищание крестьянства (до голода), продолжавшееся до второй половины 50-х годов. Чтобы выжить, колхозники почти тайно восстановили частную собственность в виде примитивных хозяйств, облагаемых исключительно большим налогом.

Стал изменяться психотип крестьянина: воровать (в колхозе) уже не считалось позором; из-за потери стимулов утрачивалось трудолюбие; распространялось пьянство; исчезала общинная консолидация в быту; падало уважение к старшим и почитание родителей; страх перед карательным государством приучал к лицемерию, ханжеству и доносительству; безбожие порождало безнравственность и т.п. Внедряемые советской властью новые культурные и образовательные учреждения (избы-читальни, клубы, ликбезы) не могли сколько-нибудь заметно компенсировать разрушение традиционных институтов деревенской культуры. Собственно, и создавались они как раз для того, чтобы разрушить старую и сформировать новую систему культурно-ценностных ориентаций. «Реформы нам не помогут. Людям надо меняться, - прозорливо заметила 79-летняя крестьянка Е.А.Бычкова по поводу реформ 90-х годов.- Тогда и жизнь наладится».

Колхозы стали витриной марксистского социализма с его высокой эксплуатацией и циничными формами несвободы человека. Они способствовали формированию маргиналов - самой покорной массы в условиях режима сильной власти. Была сформирована фактически новая культура, которая отрицала общечеловеческие ценности и историческое прошлое.

История строительства социализма – это, по сути, история того, как, по словам 93-летней крестьянки А.З. Михайловой, «испортили такую страну!».

Серия
ЛЮДИ КУЗБАССА
Основана в 1998 году

Лопатин Леонид Николаевич
Лопатина Наталия леонидовна

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ**

Документально-историческое издание

Научный редактор Заслуженный деятель науки Данилов А.А.
Литературные редакторы Куделин А.А., Николаева Л.К.

